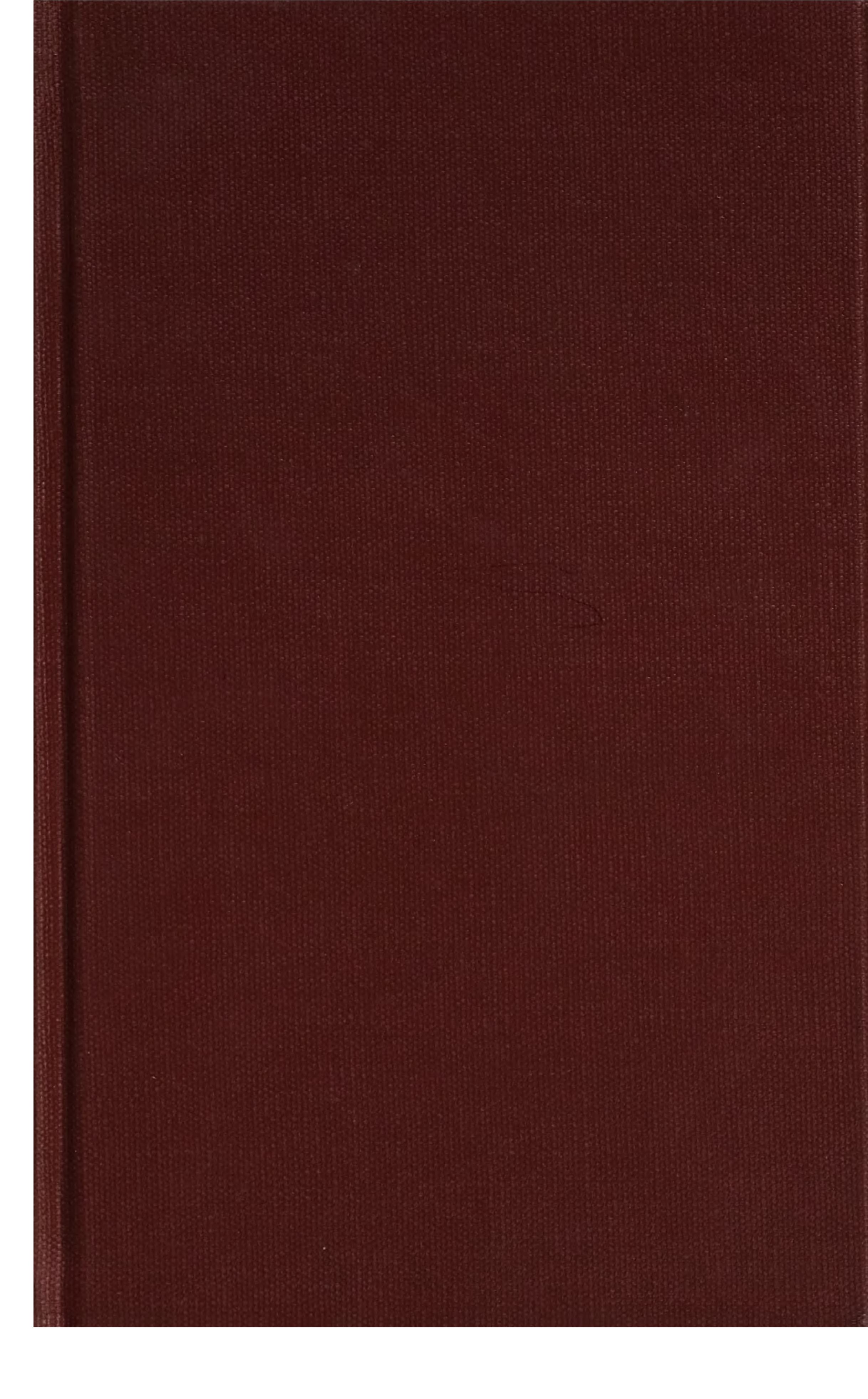
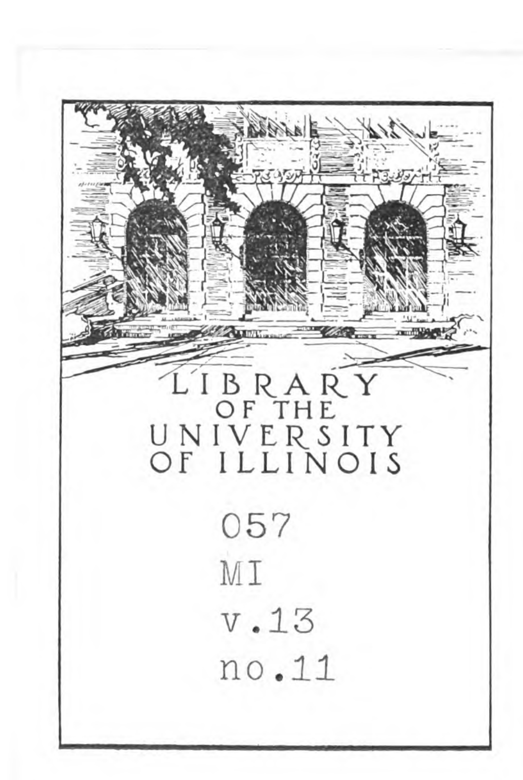

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
057
MI
v.13
no.11

Годъ XIII-й. № 11-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

НОЯБРЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30-го октября 1904 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

РУДИМЕНТЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПСИХИКИ.

Проф. **И. Мечникова.**

Публичная лекція, прочитанная въ парижскомъ психологическомъ институтѣ 29-го марта 1904 г.

I.

Получивъ отъ психологическаго института приглашеніе прочесть лекцію, я испыталъ большое затрудненіе въ выборѣ для нея темы. Я, вѣдь, не психологъ, и мои біологическія работы не входятъ въ рамки психологіи. Не желая, однако, слишкомъ удаляться отъ науки, которая интересуетъ васъ болѣе, чѣмъ всякая иная, я рѣшилъ остановиться на одномъ очень близко ея касающемся вопросѣ. Я предполагаю подойти сегодня къ проблеммѣ психическихъ, или психо-физіологическихъ рудиментовъ въ человѣкѣ, т.-е., иначе говоря, къ тѣмъ слѣдамъ эволюціи человѣческой души, которые обнаруживаются въ нѣкоторыхъ физіологическихъ и психологическихъ фактахъ.

Всякое развитіе, въ особенности продолжительное, оставляетъ послѣ себя болѣе или менѣе замѣтные знаки. Мы живемъ среди слѣдовъ нашей исторіи, остатки которой бываютъ тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ она была продолжительнѣе. Здѣсь, въ Парижѣ, мы ежедневно проходимъ по мѣстамъ, названія которыхъ сплошь да рядомъ имѣютъ только историческое значеніе. Не имѣя, съ точки зрѣнія современности, никакого смысла, названія улицъ, напримѣръ, на каждомъ шагу свидѣтельствуютъ о переживаніи различныхъ болѣе или менѣе древнихъ фактовъ. Такъ, въ центрѣ города мы находимъ улицу Rue de l'Echelle, называющуюся такъ потому, что нѣкогда парижскій епископъ имѣлъ въ этомъ мѣстѣ висѣлицу, къ которой прикрѣплялись сѣкомые «богохульники». Здѣсь уже давно никого не прикрѣпляютъ и не сѣкутъ, и сама служившая для этой цѣли висѣлица исчезла, но названіе улицы, переживъ фактъ, играетъ роль одного изъ тѣхъ путеводныхъ столбовъ, по которымъ можно возстановить исторію Парижа.

Въ былыя времена различные парижскіе перекрестки украшались крестами, вслѣдствіе чего теперь существуютъ улицы, носящіе названіе креста: улица Croix-des-Petits-Champs, de la Croix-Jarry, de la Croix-Nivert, перекрестокъ de la Croix-Rouge и т. д. Крестовъ этихъ уже нѣтъ, но имя сохранилось въ качествѣ символа.

Чѣмъ исторія города длиннѣе, тѣмъ больше въ немъ такихъ рудиментарныхъ памятниковъ. Въ то время какъ Парижъ изобилуетъ ими, новые города Америки, гдѣ улицы обозначаются цифрами, будутъ заключать ихъ въ себѣ либо очень мало, либо вовсе не будутъ имѣть ихъ.

Въ обычаяхъ и правахъ различныхъ народовъ точно также встрѣчается масса подобныхъ символическихъ пережитковъ. Среди многихъ европейскихъ націй очень распространенъ тотъ предразсудокъ, что браки, заключенные въ маѣ, должны быть несчастливы,—утвержденіе, которое повторяютъ, не будучи въ состояніи объяснить. Происхожденіе этого повѣрія очень древнее. Уже Овидій упоминаетъ о немъ, причемъ объясняетъ его тѣмъ, что въ маѣ совершались тѣ поминальные, посвященные лемурамъ обряды, которые Римляне устраивали въ память умершихъ, дѣлавшихъ въ жизни зло. Первоначальный мотивъ повѣрія исчезъ уже давно, но плохая репутація майскихъ браковъ дожила до нашихъ дней.

Китайцы воздаютъ честь своимъ покойникамъ, сожигая дома, ткани, съѣстные припасы и куклы, изображающія рабовъ,—все это бумажное или соломенное. Этотъ обрядъ представляетъ собою пережитокъ очень древняго обычая, состоявшаго въ жертвоприношеніяхъ, но не бумажными изображеніями, а реальными предметами и, между прочимъ, людьми.

Письмо также сохранило много слѣдовъ своей исторической эволюціи. Подобными переживаніями въ особенности изобилуетъ французскій языкъ. Склонность упрощать рѣчь влечетъ за собою опущеніе тѣхъ буквъ, безъ которыхъ легко можно обойтись, но эти буквы сохраняются либо сами, либо въ видѣ символизующихъ знаковъ. Долго послѣ того, какъ буква *s* перестала произноситься въ словѣ *feste*, она все-таки тщательно сохранялась въ ороографіи. Въ XVIII вѣкѣ ее замѣнили значкомъ accent circonflexe, который есть не что иное, какъ рудиментъ вышедшей изъ употребленія согласной.

Всѣ эти переживанія утратившихъ свой первоначальный смыслъ названій, обычаевъ и буквъ представляютъ собою элементы, очень цѣнные для возстановленія хода историческаго развитія. Но всѣ приведенные мною примѣры относятся къ эволюціи человѣческихъ *обществъ*, т.-е. къ сравнительно позднему періоду исторіи человѣчества. Насъ же интересуютъ теперь главнымъ образомъ такіе слѣды нашего развитія, которые могли бы служить указателями относительно гораздо болѣе древняго періода той же исторіи,—дочеловѣческаго.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на организацію человѣка, чтобы убѣдиться въ томъ, что это столь сложное существо изобилуетъ слѣдами своего дочеловѣческаго прошлаго. Не входя по этому поводу въ подробности, интересующія насъ только, такъ сказать, мимоходомъ, мы остановимся лишь на нѣсколькихъ примѣрахъ нашихъ рудиментарныхъ органовъ. Одаренный высшимъ разумомъ, человѣкъ

получилъ возможность обходиться безъ множества органовъ, бывшихъ необходимыми его животнымъ предкамъ, такъ какъ параллельно съ развитіемъ мозга и умственныхъ способностей въ его организмѣ произошло сокращеніе значительнаго числа какъ функцій, такъ и завѣдующихъ ими органовъ.

Уже высшія, или антропоидныя обезьяны утратили нѣкоторую часть своихъ органовъ чувствъ. Такъ, органъ обонянія развитъ у нихъ гораздо меньше, чѣмъ у многихъ другихъ млекопитающихъ. Человѣкъ унаслѣдовалъ эту несовершенную организацію, а потому его обоняніе развито много слабѣе, чѣмъ обоняніе тѣхъ млекопитающихъ, которые на лѣстницѣ существъ занимаютъ значительно низшее мѣсто. Однако, благодаря разуму, человѣкъ съумѣлъ приручить себѣ домашнихъ животныхъ, каковы: собаки, хорьки и свиньи, очень тонкое обоняніе которыхъ служитъ ему для добыванія дичи и съѣдобныхъ растеній. Въ другихъ случаяхъ несовершенство его обонянія можетъ выгодно замѣняться интеллектуальными способностями. У него, напримѣръ, нѣтъ нужды обонять издали приближеніе врага, такъ какъ онъ вооруженъ иными сильными средствами защиты. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что человѣческій обонятельный аппаратъ является значительно уменьшеннымъ сравнительно съ тѣмъ же органомъ низшихъ млекопитающихъ. Уже наружный носъ гораздо меньше у обезьянъ и у человѣка, чѣмъ у этихъ ихъ предковъ, низшихъ млекопитающихъ. Во внутреннихъ частяхъ также существуютъ соотвѣтственныя различія. Такъ, тогда какъ большинство животныхъ, въ особенности собаки, обладаютъ четырьмя раковинами, служащими для увеличенія слизистой поверхности,—человѣкъ имѣетъ ихъ всего три, изъ коихъ одна находится къ тому же въ рудиментарномъ состояніи.

Органъ обонянія у большинства млекопитающихъ заключаетъ въ себѣ одну очень развитую часть, которая извѣстна подъ названіемъ органа Якобсона, и роль которой, по всей вѣроятности, состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлять запахъ пищи въ полости рта. У человѣка этотъ органъ находится только въ состояніи рудимента, неспособнаго функціонировать, такъ какъ онъ не снабженъ соотвѣтственнымъ нервомъ. Однако, этотъ ставшій безполезнымъ остатокъ такъ же разъясняетъ намъ эволюцію человѣческаго обонятельнаго органа, какъ accent circonflexe указываетъ на исчезновеніе согласной буквы. Въ человѣческомъ зародышѣ органъ Якобсона не только гораздо развитѣе, чѣмъ у взрослаго человѣка, но онъ кромѣ того снабженъ крупнымъ нервнымъ стволомъ, исчезающимъ въ концѣ эмбріональной жизни. Съ другой стороны, человѣческій зародышъ имѣетъ пять раковинъ, позднѣе уменьшающихся до трехъ, изъ которыхъ достаточнаго развитія достигаютъ только двѣ.

Исторія эволюціи органа обонянія, какъ она вытекаетъ изъ срав-

*

нительной анатоміи и эмбріологіи, связываетъ этотъ человѣческій аппаратъ съ соотвѣтственнымъ органомъ млекопитающихъ,—и дѣлаетъ она это благодаря безполезнымъ рудиментамъ, служащимъ путеводителями въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Слухъ, какъ и нѣкоторыя части служащаго для этой функціи органа, точно также подвергся атрофіи у человѣка. Въ борьбѣ за существованіе животныя должны были въ гораздо большей мѣрѣ пользоваться очень развитымъ слухомъ, чѣмъ человѣкъ или самыя разумныя изъ млекопитающихъ. Всякій видѣлъ, какъ при малѣйшемъ извнѣ идущемъ впечатлѣніи лошади выпрямляютъ уши съ цѣлью лучше слышать. Обезьяны и человѣкъ утратили эту способность, и послѣдній иногда замѣняетъ ее искусственными средствами: если, напримѣръ, какой-нибудь лекторъ не обладаетъ достаточно сильнымъ голосомъ, многіе его слушатели прикладываютъ къ ушамъ руку, какъ раковину, облегчающую слушаніе. Человѣкъ обладаетъ многими мышцами, идущими къ ушамъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти мышцы слишкомъ слабы, чтобы двигать хрящевою частью. Только въ видѣ исключенія иные люди обладаютъ этою способностью, такъ какъ мышцы, кончающіяся на ушной раковинѣ, представляютъ собою лишь рудиментъ гораздо болѣе развитыхъ мышцъ нашихъ низшихъ предковъ.

Въ человѣческомъ органѣ зрѣнія особенный интересъ представляетъ та маленькая перепонка у внутренняго угла глаза, которая извѣстна подъ названіемъ полулунной складки. Эта перепонка является лишь безполезнымъ рудиментомъ гораздо болѣе развитого органа низшихъ млекопитающихъ. У собаки она представляется въ видѣ небольшого вѣка, третьяго, поддерживаемаго хрящомъ и снабженнаго выдѣлительною железою, называемою железою Гардера. У птицъ, пресмыкающихся и лягушекъ эти органы развиты гораздо больше. Каждый изъ насъ видѣлъ ту тонкую перепонку, исходящую изъ внутренняго угла глаза, которая покрываетъ все глазное яблоко курицы или любой иной птицы. У этихъ животныхъ глазъ защищается именно этимъ третьимъ, имѣющимъ собственныя мышцы, вѣкомъ, роль котораго у человѣка исполняютъ два хорошо развитыхъ вѣка. Какъ и у собаки, третье вѣко птицъ и вообще низшихъ позвоночныхъ находится въ связи съ крупною железою Гардера, выдѣляющею жидкость, похожую на слезы.

Весь этотъ аппаратъ является очень уменьшеннымъ уже у обезьянъ, многія изъ которыхъ имѣютъ все-таки маленькую железу Гардера и небольшихъ размѣровъ третье вѣко. Человѣкъ, какъ мы уже сказали, обладаетъ только рудиментами этихъ органовъ. Железа Гардера у него болѣе или менѣе атрофирована, а третье вѣко представляется лишь въ видѣ полулунной складки, которая у представителей низшихъ расъ заключаетъ еще въ себѣ небольшой хрящъ. Giacomini, напримѣръ, нашелъ ее 12 разъ у 16 негровъ, тогда какъ изъ 548

индивидуумовъ бѣлой расы онъ могъ обнаружить ее только въ трехъ случаяхъ.

Толкованіе всѣхъ этихъ фактовъ не допускаетъ сомнѣній: наша полулунная складка есть послѣдній остатокъ органа, бывшаго полезнымъ только нашимъ очень отдаленнымъ предкамъ.

Органы воспроизведенія обнаруживаютъ въ человѣческомъ родѣ множество подобныхъ же рудиментовъ. Въ нихъ существуютъ даже остатки состоянія гермафродитизма, т.-е. слѣды очень низкой и чрезвычайно древней организаціи. Всматриваясь въ столь частыя въ этихъ органахъ аномаліи, мы находимъ здѣсь слѣды цѣлаго ряда измѣненій, происходившихъ въ теченіе долгаго періода эвлюціи человѣческаго рода. Такъ, у иныхъ женщинъ встрѣчаются формы матки, соотвѣтствующія формамъ низшихъ млекопитающихъ—до двойной матки сумчатыхъ включительно.

Такъ какъ эволюція человѣка зависѣла отъ сильнаго развитія мозга и разума, то онъ утратилъ массу органовъ и функцій, служившихъ его болѣе или менѣе отдаленнымъ предкамъ. Въ его организмѣ насчитывается свыше ста рудиментарныхъ органовъ, неспособныхъ къ какимъ бы то ни было функціямъ, но очень цѣнныхъ въ качествѣ точныхъ документовъ исторіи человѣческаго рода.

II.

Всѣ эти сейчасъ изложенные факты должны убѣдить васъ въ томъ, что всякая эволюція оставляетъ точные слѣды въ видѣ рудиментовъ, указывающихъ на пройденные въ теченіе развитія послѣдовательные этапы. Очень, слѣдовательно, вѣроятно, что болѣе или менѣе замѣтные остатки должны были точно также оставить въ насъ и психическія или психофизіологическія дочеловѣческія функціи, за которыми имѣется столь длинная исторія. Но только найти ихъ, должно быть, гораздо труднѣе, чѣмъ въ органахъ, которые можно разсѣчь и сдѣлать видимыми! Мы постараемся исполнить эту задачу въ томъ сознаніи, что эта попытка наша будетъ не болѣе, какъ едва намѣченнымъ, быть можетъ, предварительнымъ эскизомъ.

Бросимъ сперва бѣглый взглядъ на самыхъ близкихъ къ человѣку животныхъ. Не подлежитъ спору, что современныя антропоидныя обезьяны обличаютъ очень близкое родство съ человѣческимъ родомъ, и что ихъ родство съ нашими животными предками должно быть еще ближе.

Антропоиды нашего времени—это животныя, живущія въ особенности въ дѣвственныхъ лѣсахъ и питающіяся, главнымъ образомъ, плодами и побѣгами, но не брезгающія притомъ яйцами и даже небольшими птицами. Для удовлетворенія этихъ своихъ нуждъ, они карабкаются на деревья, легко достигая вершинъ. Орангутанги и шимпанзе взби-

раются медленно и съ большими предосторожностями, но гиббоны дѣлаютъ это очень проворно и чрезвычайно искусно: случалось наблюдать, что они съ замѣчательною точностью бросаются съ одной вѣтки на другую, находящуюся на разстояніи 40 футовъ! Гарцуя на вершинахъ очень высокихъ деревъ, они едва задѣваютъ вѣтви, среди которыхъ совершаютъ свои восхожденія, и съ величайшею легкостью часами перепрыгиваютъ пространство въ 12—18 футовъ.

Чтобы дать понятіе о ловкости и проворствѣ гиббоновъ, Martin приводитъ примѣръ наблюдавшейся имъ въ неволѣ самки. Однажды она «бросилась со своей жерди къ окну, отстоявшему, по крайней мѣрѣ на 12 футовъ, причемъ всѣ зрители думали, что оно непремѣнно будетъ разбито; къ великому ихъ изумленію, однако, окно осталось цѣло, такъ какъ обезьяна, обхвативъ руками находившуюся между стеклами узкую деревянную планку, черезъ моментъ сдѣлала ловкое движеніе и снова перепрыгнула въ оставленную было клѣтку,—актъ, требующій не только большой силы, но и чудеснѣйшей точности».

Большая мышечная сила, о которой упоминается въ этомъ разсказѣ, свойственна всѣмъ антропоидамъ. Англійскій матросъ Battel, первый описавшій въ началѣ XVII вѣка гориллу, утверждаетъ, что сила этого животнаго такъ велика, что для укрощенія взрослаго гориллы оказалось мало десяти человѣкъ. Другіе антропоиды, уступая въ этомъ отношеніи гориллѣ, все-таки обнаруживаютъ изумительную силу. Эдуардъ, молодой самецъ шимпанзе, котораго мы получили въ даръ отъ дирекціи музея и г-на Gasengel'я отбивался при малѣйшемъ прикосновеніи такъ, что для его обузданія нужны были усилія четверыхъ человѣкъ; мы должны были отказаться отъ мысли позволить ему выходить изъ клѣтки, такъ какъ у насъ не было никакихъ средствъ, чтобы заставить его снова войти туда. Даже съ совсѣмъ молодыми шимпанзе,—самками, едва достигшими двухлѣтняго возраста,—намъ не легко было справляться: несмотря на очень мягкій характеръ, онѣ каждый разъ, когда ихъ хотѣли заставить войти на ночь въ клѣтку, сопротивлялись изо всѣхъ силъ, такъ что для достиженія этой цѣли едва хватало двухъ человѣкъ.

А между тѣмъ, несмотря на такую чудесную мышечную силу, антропоиды обладаютъ трусливымъ характеромъ! Не отдавая себѣ отчета въ своемъ превосходствѣ, они убѣгаютъ при приближеніи малѣйшей, даже воображаемой опасности. Наши молодые шимпанзе, зубы и мышцы которыхъ уже представляли собою грозное орудіе, обнаруживали немалый страхъ, когда имъ приходилось бывать въ присутствіи такихъ безобидныхъ и слабыхъ животныхъ, какъ морскія свинки, голуби и кролики. Вначалѣ даже мыши внушали имъ страхъ, и имъ понадобилась настоящая выучка, чтобы не убѣгать передъ такимъ ничтожнымъ врагомъ.

Въ виду этой своей черты, антропоиды въ нормальныхъ условіяхъ

жизни никогда не переходятъ въ наступательныя дѣйствія. «Хотя и одаренный огромною силою,—говоритъ Гёксли,—орангутангъ рѣдко пытается защищаться, въ особенности если на него нападаютъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ такихъ случаяхъ онъ старается скрыться и ищетъ убѣжища на вершинахъ деревъ, причемъ, убѣгая, ломаетъ и бросаетъ на землю вѣтви» (стр. 217). По словамъ Savag'a, шимпанзе «повидимому никогда не переходятъ въ наступленіе и рѣдко, пожалуй, никогда не защищаются» (стр. 224). Когда одна самка была застигнута однажды съ дѣтенышемъ на деревѣ,—«ея первымъ движеніемъ было быстро спуститься и убѣжать въ чащу» (стр. 226).

Самый сильный и свирѣпый изъ антропоидовъ, горилла, наблюдался иногда нападающимъ. Только что цитированный нами авторъ отмѣчаетъ относительно него слѣдующіе факты. Гориллы «чрезвычайно свирѣпы и всегда переходятъ въ наступленіе, не убѣгая подобно шимпанзе передъ человѣкомъ». При первой же тревогѣ ихъ «самки и дѣтеныши быстро исчезаютъ, тогда какъ самецъ съ яростью приближается къ врагу, испуская цѣлый рядъ быстрыхъ, ужасныхъ криковъ» (стр. 222). Нападеніе производится такимъ образомъ только самцами, да и то этотъ фактъ долженъ быть рѣдокъ, такъ какъ одинъ изъ позднѣйшихъ наблюдателей, Koppenfels, утверждаетъ, что «никогда горилла не нападаетъ на человѣка первымъ; онъ скорѣе избѣгаетъ съ нимъ встрѣчи и обыкновенно убѣгаетъ, едва замѣтивъ, причемъ испускаетъ особые гортанные крики» (Ménégaux, стр. 24).

Какія же изъ этихъ чертъ сохранились въ человѣческомъ родѣ? Человѣкъ по природѣ не такъ силенъ и не такой хорошій гимнастъ, какъ антропоиды, но его природный характеръ такъ же труслнвъ. Однимъ изъ первыхъ проявленій психики грудного младенца является страхъ, обнаруживающійся во множествѣ случаевъ: при малѣйшемъ нарушеніи равновѣсія, при погруженіи въ ванну младенецъ проявляетъ несомнѣнные признаки испуга. Позднѣе ребенокъ такъ же пугается при приближеніи всякаго животнаго, какъ тѣ молодые шимпанзе, о которыхъ мы говорили выше, и такой инстинктивный страхъ можетъ быть вызванъ самымъ безобиднымъ паукомъ.

Умственная культура побѣждаетъ страхъ, насколько можетъ, но, несмотря на то, онъ все-таки часто обнаруживается съ большею или меньшею интенсивностью, и въ этихъ именно проявленіяхъ его и слѣдуетъ искать въ человѣкѣ слѣдовъ психологіи его предковъ. Пріостановимся поэтому на нѣкоторое время на анализѣ этого чувства.

Первое его проявленіе есть бѣгство. Приближеніе опасности приводитъ наши ноги въ движеніе, и человѣкъ испытываетъ инстинктивную потребность бѣжать даже тогда, когда этотъ актъ представляетъ бо́льшую опасность, чѣмъ та, которой онъ хочетъ избѣжать. Такъ, напримѣръ, при малѣйшемъ страхѣ пожара въ какомъ-либо публичномъ мѣстѣ люди бросаются къ дверямъ, причемъ, желая убѣ-

причемъ у птицъ и млекопитающихъ такое умѣніе представляетъ общее правило. Существуютъ, однако, нѣкоторые виды, питающіе отвращеніе къ водѣ, и все-таки прекрасно справляющіеся, когда ихъ въ нее бросаютъ. Кошки избѣгаютъ воды, какъ только могутъ: но это не мѣшаетъ имъ безъ труда плавать. Историки разсказываютъ, что Ганнибалу было очень трудно заставить своихъ слоновъ переплыть Рону; чтобы добиться этого, на другой берегъ было сперва перевезено нѣсколько самокъ, послѣ чего остальные слоны бросились за ними въ воду и перешли рѣку вплавь, не испытавъ ничего дурного (Lenthérie «Le Rhône», 1892, стр. 81).

Обезьяны также плаваютъ, не учась. Я не имѣлъ возможности провѣрить, сохранили ли эту инстинктивную функцію и антропоидныя обезьяны, но человѣкъ, во всякомъ случаѣ, лишенъ ея. Полагаютъ, что низшія расы одарены въ этомъ отношеніи лучше насъ. Про негровъ, напримѣръ, разсказываютъ, что у нихъ «дѣти бѣгутъ въ море или въ рѣку, едва выйдя изъ пеленокъ, причемъ они научаются плавать почти одновременно съ тѣмъ, какъ научаются ходить» *). Среди бѣлыхъ встрѣчаются многіе, для которыхъ ученіе плаванію представляетъ большія затрудненія, и, вообще, плаваніе у людей этой расы не инстиктивно, какъ у ихъ животныхъ предковъ. По этому поводу Christmann **), авторъ трактата о плаваніи, высказываетъ ту мысль, что человѣческій умъ—«худшій руководитель, чѣмъ непогрѣшимый инстинктъ звѣря». Страхъ, однако, способенъ заглушить разумъ и вызвать къ жизни этотъ рудиментарный инстинктъ. Извѣстно, что хорошимъ средствомъ для того, чтобы научить плавать ребенка или взрослаго, служитъ бросаніе ихъ въ воду: подъ вліяніемъ испуга унаслѣдованный отъ животныхъ инстинктивный механизмъ возстановляется, и субъектъ сейчасъ же становится пловцомъ. Существуютъ учителя, примѣняющіе этотъ методъ съ большимъ успѣхомъ. Я зналъ одну особу, которая выучилась плаванію благодаря этому средству, а г. Troulat, библіотекарь національной библіотеки, приводилъ мнѣ примѣръ одного изъ своихъ друзей, «нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершаго въ Нойонѣ журналиста, который, не умѣя плавать, въ бытность свою въ Нельи, попалъ однажды вечеромъ въ Сену. Сразу же почувствовавъ, что его ноги не достаютъ до дна, онъ спасся только благодаря одному движенію страха. Съ той поры,—говаривалъ онъ,—я умѣю плавать».

Такъ какъ въ однихъ случаяхъ страхъ вызываетъ бѣгство, а въ другихъ, наоборотъ, — остановку движенія, то онъ, конечно, можетъ оказывать пловцу и плохую услугу, но тутъ, въ случаяхъ дѣйствительной опасности, пользующіеся имъ учителя прекрасно умѣютъ при-

*) J. de-Fontenelle. „Nouveau manuel des nageurs". Paris, 1837, стр. 2.

**) „La natation et les bains". Paris, 1837.

ходить на помощь. Какъ бы то ни было, остается все-таки вѣрнымъ то, что до извѣстной степени это чувство способно оживлять функціи, атрофія которыхъ произошла въ очень отдаленныя времена, и что такимъ образомъ оно можетъ выяснять намъ кое-какія стороны человѣческой эволюціи.

III.

Но интересъ изученія страха не ограничивается только что приведенными фактами. Эта эмоція представляетъ собою, кромѣ того, крупную пружину въ темныхъ и сложныхъ явленіяхъ исторіи. Такъ какъ предметъ этотъ требуетъ гораздо болѣе обширныхъ и спеціальныхъ познаній, чѣмъ наши, то мы лишь съ большою осторожностью рѣшаемся коснуться его, ограничиваясь только нѣкоторыми чертами этого болѣзненнаго состоянія, могущаго пролить свѣтъ на психофизіологическіе рудименты въ человѣкѣ.

Въ числѣ причинъ истеріи страхъ занимаетъ первѣйшее мѣсто. Такъ, изъ 22 истеричныхъ женщинъ, наблюдавшихся Georget *), обусловившими обстоятельствами были: испугъ—у 13-ти, сильное огорченіе—у 7-ми, острая досада—у одной. Одна больная въ клиникѣ Pitres'a **) въ Бордо «начала свою истерію вслѣдствіе жестокаго испуга»: «Въ деревню зашелъ однажды вожакъ медвѣдя, и она, отправившись посмотрѣть его представленіе, пробралась въ передніе ряды толпы. Танцуя, медвѣдь прошелъ такъ близко, что задѣлъ холодною мордою щеку молодой дѣвушки. Мари—имя больной—испугалась, быстро убѣжала и, едва придя домой, упала безъ сознанія на кровать, гдѣ стала бредить и биться въ сильнѣйшихъ судорогахъ. Съ тѣхъ поръ эти припадки возобновлялись множество разъ, причемъ сопровождающій ихъ бредъ всегда касается *испуга*, причиненнаго прикосновеніемъ медвѣдя». Одну истеричку изъ Сальпетріера мучатъ страшные сны. «Ее преслѣдуютъ, обманываютъ, пытаются зарѣзать, она падаетъ въ воду, зоветъ на помощь» ***).

Изъ разнообразнѣйшихъ проявленій истеріи мы остановимся только на старинныхъ, парадоксальныхъ случаяхъ такъ называемаго естественнаго сомнамбулизма, во время котораго больные исполняютъ во снѣ всевозможныя дѣйствія, о которыхъ послѣ пробужденія не сохраняютъ никакого воспоминанія. Извѣстны примѣры настоящаго раздвоенія личности, когда такіе больные живутъ въ двухъ различныхъ состояніяхъ, причемъ въ одномъ совершенно не помнятъ о томъ, что съ ними происходитъ въ другомъ. Одно изъ любопытнѣйшихъ наблюденій подоб-

---

*) Dictionnaire.

**) „Leçon cliniques sur l'hysterie", 1891, J. I, ст. 26.

***) Bourneville et Regnard. „Iconographie photographique de la Salpetriére". 1879—1880, J. III, стр. 50.

наго рода относится къ сомнамбулѣ, забеременѣвшей въ періодѣ второго состоянія; «въ другомъ состояніи, нормальномъ, она не знала причины увеличенія своего живота, хотя, впадая опять во второе, прекрасно ее знала и свободно о ней говорила» (Pitres, II, стр. 215).

Въ состояніи естественнаго сомнамбулизма больные чаще всего воспроизводятъ тѣ акты своей профессіи, которыми бываетъ занята ихъ повседневная жизнь, и къ которымъ у нихъ выработалась безсознательная привычка. Ремесленники предаются при этомъ ручнымъ работамъ,—швеи принимаются шить, слуги чистятъ платье и обувь или накрываютъ столъ и т. д. Люди высшей культуры занимаются очень привычными для нихъ умственными работами. Наблюдались, напримѣръ, духовныя лица, въ состояніи сомнамбулизма составлявшія и перечитывавшія свои проповѣди, въ которыхъ они исправляли стилистическія и орѳографическія ошибки.

Но наряду съ сомнамбулами, только повторяющими во снѣ обычные акты своей жизни, существуютъ такіе, которые исполняютъ совсѣмъ особыя и вовсе непривычныя имъ вещи. Эти именно и представляетъ съ нашей точки зрѣнія наибольшій интересъ. Вотъ одинъ изъ наилучше наблюденныхъ примѣровъ. Одна истеричная дѣвушка 24 лѣтъ была принята въ качествѣ сидѣлки въ больницу Лаэнекъ. Въ одно воскресенье, послѣ многочисленныхъ посѣщеній, причинившихъ ей нѣкоторое утомленіе, она встаетъ въ часъ пополуночи. Испуганный этимъ, ночной надзиратель идетъ за дежурнымъ врачомъ, который является и видитъ такую сцену: «Больная направляется къ лѣстницѣ, ведущей въ помѣщеніе надзирательницъ, а затѣмъ вдругъ рѣзко поворачивается и идетъ къ прачешной. Но такъ какъ дверь въ эту послѣднюю заперта, то она нѣсколько колеблется и, перемѣнивъ направленіе, идетъ въ тотъ дортуаръ сидѣлокъ, гдѣ передъ этимъ спала. Поднявшись на самый верхъ, гдѣ этотъ дортуаръ расположенъ, и дойдя до площадки, она открываетъ выходящее на крышу окно, выходитъ черезъ него и на глазахъ испуганной, слѣдящей за нею, сидѣлки, которая не рѣшается заговорить съ нею, начинаетъ прогуливаться по водосточной трубѣ, послѣ чего возвращается черезъ другое окно и снова спускается по лѣстницѣ внизъ. Въ этотъ именно моментъ,—говоритъ дежурный врачъ,—мы и замѣчаемъ ее. Она идетъ безшумно, ея жесты автоматичны, руки висятъ вдоль немного склоненнаго тѣла, голова держится прямо и неподвижно, глаза широко раскрыты; она совсѣмъ похожа на фантастическое привидѣніе» *). Здѣсь, какъ видите, дѣло касается истерички, которая въ нормальномъ состояніи вовсе не имѣла привычки взбираться на крыши и гулять по желобамъ.

Другое наблюденіе, сообщенное Шарко, относится къ семнадцатилѣтнему молодому человѣку, «сыну одного крупнаго промышленника,

*) Stephanie Feinkind. „Du somnambulisme dit naturel". Paris, 1893, стр. 55.

обладающему изысканными манерами. Будучи однажды утомленъ предъ экзаменаціонною работою, онъ рано ложится и засыпаетъ. Нѣсколько времени спустя онъ вдругъ встаетъ и, выйдя черезъ окно школьнаго дортуара, поднимается на крышу и безъ всякихъ приключеній совершаетъ опасную прогулку вдоль жолоба. Его пробудили безъ какихъ бы то ни было серьезныхъ послѣдствій» (Feinkind, стр. 70).

Случай, который д-ръ Mesnet наблюдалъ съ Mollet, представляетъ еще большій интересъ. «Одна тридцати-лѣтняя дама, истеричка въ сильнѣйшей степени, по ночамъ встаетъ и одѣвается, причемъ дѣлаетъ свой туалетъ безъ чужой помощи и переставляетъ стоящую на ея пути мебель, никогда ее не задѣвая. Насколько она безпечна и малодѣятельна днемъ, настолько живо исполняются ею ночью самыя разнообразныя дѣйствія. Мы видимъ ее прогуливающеюся по комнатамъ, отворяющею двери, сходящею въ садъ, ловко вскакивающею на скамьи, бѣгающею,—все это гораздо лучше, чѣмъ во время бодрствованія, когда ей нужна поддерживающая рука» (Feinkind, стр. 84).

Horst сообщаетъ объ одномъ необычайномъ фактѣ, происходившемъ въ XVI вѣкѣ. «Одинъ спящій военный подходитъ къ окну, взбирается при помощи веревки на вершину башни и, доставъ оттуда сорочье гнѣздо, возвращается въ постель, гдѣ и продолжаетъ спать до слѣдующаго утра» *). Къ сожалѣнію, относительно этого интереснаго случая не имѣется достаточныхъ данныхъ, такъ что, чтобы получить болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о такого рода фактахъ, мы должны обратиться къ новѣйшимъ наблюденіямъ. Вотъ одно изъ нихъ, очень полное, сдѣланное д-ромъ Guinon. Одинъ субъектъ, 34-хъ лѣтъ, по профессіи «courrier-interprête», поступаетъ въ больницу вслѣдствіе истерическихъ припадковъ. «Вскорѣ послѣ его поступленія въ клинику, онъ однажды ночью (въ часъ пополуночи) вдругъ всталъ съ постели, быстро открылъ окно и, переступивъ черезъ него, выскочилъ въ больничный дворъ. Побѣжавшіе за нимъ въ погоню дежурные служителя увидѣли, что онъ безъ одежды убѣгаетъ изо всѣхъ ногъ, причемъ держитъ подъ рукою свою подушку. Пустившись черезъ рядъ садовъ и аллей, которыхъ онъ никогда не посѣщалъ и топографія которыхъ была ему совершенно незнакома, онъ перескочилъ черезъ всѣ препятствія и по лѣстницѣ бросился на крышу водолечебнаго заведенія, по которой съ изумительною ловкостью сталъ бѣгать по всѣмъ направленіямъ. По временамъ онъ останавливался и принимался баюкать подушку, расточая ей ласки, какъ ребенку, и въ концѣ концовъ вернулся обратно тѣмъ же путемъ, по которому пробѣжалъ уходя». На другой день его допрашивали, но онъ не сохранилъ никакого воспоминанія о своей ночной прогулкѣ. «Такой припадокъ повторился съ нимъ пять или шесть разъ» (Feinkind, стр. 108).

*) Dictionnaire des sciences médicales въ 60 томахъ, 1831, J. LII, стр. 119.

Два или три раза этотъ же больной, возвратясь въ кровать, схватывалъ свою подушку въ охапку и начиналъ прижимать ее къ груди. «Затѣмъ онъ встаетъ и въ одной рубашкѣ перебѣгаетъ черезъ палату, въ глубинѣ которой находится дверь, ведущая въ буфетную и въ отхожія мѣста. Безъ труда, но съ силою отворивъ эту дверь и слѣдующую, онъ входитъ въ клозетъ и, продолжая прижимать къ себѣ подушку, путемъ довольно опасной и трудной гимнастики, чрезвычайно ловко взбирается—при помощи ногъ и единственной свободной руки—на верхнюю открытую часть окна, черезъ которую и пролѣзаетъ, все время тщательно оберегая подушку отъ толчковъ и ударовъ. Оттуда онъ обѣими ногами сразу спрыгиваетъ на оконный выступъ, а съ него перескакиваетъ въ отдѣленіе призрѣваемыхъ (ихъ палата въ нижнемъ этажѣ). Едва достигнувъ земли, онъ быстро пускается бѣжать по направленію къ противоположному углу двора, причемъ галопомъ, такъ что служителя съ трудомъ могутъ поспѣть за нимъ, перебѣгаетъ, все-таки держа свою подушку у груди, на другую сторону огромнаго больничнаго зданія. Затѣмъ онъ выбѣгаетъ на дорожку, окружающую ванное зданіе, и достигаетъ того мѣста, гдѣ находится родъ большой башни, имѣющей наверху огромный резервуаръ съ водою для ваннъ. Эта башня снабжена металлическою, прикрѣпленною почти вертикально лѣстницею, очень узкою, съ круглыми поперечными и однимъ боковымъ периломъ, которая наверху кончается площадкою, играющею роль обсерваторіи, и одною стороною примыкаетъ къ краю крыши ваннаго зданія». Больной «безъ всякаго колебанія лѣзетъ на эту лѣстницу, причемъ свободною рукой едва держится за перила и ловко, съ необычайною увѣренностью ступаетъ босыми ногами на тонкія желѣзныя поперечины. Дойдя до того пункта, гдѣ лѣстница почти прикасается къ крышѣ, онъ быстро перепрыгиваетъ туда и, озираясь съ цѣлью видѣть, не бѣгутъ ли за нимъ его воображаемые преслѣдователи, бѣгомъ устремляется по покатой цинковой плоскости къ гребню крыши. Здѣсь, продолжая бѣжать вдоль гребня, онъ, вслѣдствіе его узости, принужденъ ставить ноги по обѣимъ его сторонамъ, на покатые склоны крыши, но это опасное упражненіе, въ которомъ никто не осмѣлился даже попытаться послѣдовать за нимъ, онъ, однако, выполняетъ съ замѣчательною увѣренностью, ни разу не оступившись.

«Добѣжавъ такимъ образомъ до середины гребня, онъ усаживается на немъ, прислоняется спиною къ вытяжной трубѣ и, уложивъ ни на мигъ не выпущенную изъ рукъ подушку на колѣни—угломъ къ своему плечу, напѣвая, поглаживая и нѣжно прижимаясь къ ней щекою, принимается баюкать ее, какъ ребенка. По временамъ, однако, брови его сдвигаются, взглядъ становится суровымъ,—онъ осматривается по сторонамъ, какъ бы желая видѣть, не идетъ ли или не подглядываетъ за нимъ кто, послѣ чего, издавая звуки въ родѣ ярост-

наго рычанія, убѣгаетъ со своею подушкою далѣе. На бѣгу онъ все время что-то говоритъ, но его слова не достигаютъ нашихъ ушей. Онъ, очевидно, видитъ только свой сонъ и не понимаетъ, когда его громко называютъ по имени, хотя несомнѣнно слышитъ, такъ какъ если неподалеку отъ него производятъ шумъ, то онъ оборачивается и убѣгаетъ, какъ если бы преслѣдователи настигали его. Эта сцена длилась около двухъ часовъ, въ теченіе которыхъ онъ, опасаясь нашей погони, обѣжалъ всѣ сосѣднія крыши» (Feinkind, стр. 106—112).

Мы могли бы привести еще другіе аналогичные примѣры, но намъ кажется, что и этихъ достаточно для доказательства того, что въ естественномъ сомнамбулизмѣ человѣкъ пріобрѣтаетъ способности, которыхъ у него нѣтъ въ нормальномъ состояніи, и что при этомъ онъ становится сильнымъ и ловкимъ гимнастомъ, совершенно такимъ же, какъ и его антропоидные предки. Большое сходство между маневрами описаннаго выше гиббона Martin'а и опасными прогулками иныхъ сомнамбулъ должно было броситься вамъ въ глаза.

Развѣ эта склонность лазить на крыши и мачты, бѣгать по жолобомъ и взбираться на башни, чтобы доставать птичьи гнѣзда, не представляетъ характернѣйшихъ чертъ инстинкта такихъ животныхъ лазуновъ, какъ антропоидныя обезьяны?

Докторъ Barth *) опредѣляетъ сомнамбулизмъ, какъ «сонъ съ усиленіемъ—въ отсутствіи спонтанной и сознательной воли — памяти и автоматической дѣятельности». «Необычайное усиленіе памяти — таковъ его первый и преобладающій надъ всѣми прочими фактъ». «Это крайнее усовершенствованіе памяти относительно фактовъ и мѣстъ позволяетъ намъ понять,—заключаетъ Barth,—чѣмъ сомнамбулъ руководствуется въ своихъ ночныхъ странствованіяхъ, когда почти безъ помощи внѣшнихъ чувствъ онъ исполняетъ такіе подвиги, на которые едва ли былъ бы способенъ въ бодрственномъ состояніи» (стр. 21). Однако, въ виду того, что человѣкъ исполняетъ новые для него и никогда раньше не исполнявшіеся акты въ теченіе всей своей индивидуальной жизни,—слѣдуетъ предполагать, что эта усиленная память относится къ очень древнимъ фактамъ, происходившимъ, быть можетъ, въ дочеловѣческомъ даже періодѣ. Человѣкъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ массу мозговыхъ механизмовъ, дѣятельности которыхъ воспрепятствовали кое-какія узды, развившіяся позже. Подобно тому, какъ мужчина обладаетъ грудными железами, въ обычныхъ условіяхъ неспособными къ выдѣленію молока, точно такъ же въ человѣческихъ нервныхъ центрахъ должны существовать клѣточныя группы, остающіяся въ нормальномъ состояніи бездѣятельными. Но какъ въ иныхъ исключительныхъ случаяхъ мужчины и самцы нѣко-

*) „Du sommeil non naturel". Paris, 1886.

торыхъ млекопитающихъ могутъ давать молоко, такъ въ анормальныхъ условіяхъ атрофированные механизмы нервныхъ центровъ начинаютъ дѣйствовать.

Отдѣленіе молока самцами есть возвратъ къ очень древнему состоянію, когда кормить грудью могли оба пола. Можно поэтому допустить, что гимнастическіе подвиги и необыкновенная сила сомнамбулъ представляетъ собою возвратъ къ тому животному состоянію, которое менѣе отдалено отъ насъ, чѣмъ кормленіе самцовъ.

Интересно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ естественный сомнамбулизмъ совпадаетъ съ подвижностью ушной раковины. Мы знаемъ двухъ братьевъ, которые въ молодости продѣлывали типичнѣйшія сомнамбулическія ночныя экскурсіи. Одинъ изъ нихъ, химикъ, прогуливался только въ комнатѣ—по шкафу. Братъ его, морякъ, поднимался въ припадкѣ на марсъ нижней мачты паруснаго судна. Вмѣстѣ съ сомнамбулизмомъ оба брата обладаютъ очень развитыми кожными мышцами, способными двигать ушами по желанію. Случай этотъ относится къ семейной и притомъ наслѣдственной аномаліи, такъ какъ обѣ дочери одного изъ братьевъ тоже сомнамбулы и тоже обладаютъ очень подвижными кожными мышцами; въ немъ мы видимъ одновременное оживленіе двухъ чертъ нашихъ предковъ,—подвижности ушной раковины и способности къ ловкимъ гимнастическимъ штукамъ.

Barth характеризуетъ сомнамбула, какъ «живого автомата, сознательная воля котораго на время устранена» (стр. 23). По его мнѣнію, «сомнамбулъ дѣйствуетъ подъ давленіемъ фактовъ, и его самыя необычайныя съ виду дѣйствія представляютъ собою ни что иное, какъ инстинктивную реакцію» (стр. 21). Эта характеристика прекрасно согласуется съ предположеніемъ, что въ естественномъ сомнамбулизмѣ просыпаются инстинкты нашихъ дочеловѣческихъ предковъ,—инстинкты, въ нормальныхъ условіяхъ пребывающіе въ скрытомъ рудиментарномъ состояніи.

Подъ вліяніемъ страха въ человѣкѣ иногда пробуждается, какъ мы видѣли, инстинктивный механизмъ плаванія. Было бы очень интересно узнать, происходитъ ли также подобный возвратъ у сомнамбулъ. Къ сожалѣнію, мы не могли найти въ литературѣ достаточныхъ на этотъ счетъ указаній и, не ручаясь за достовѣрность, можемъ привести только одинъ фактъ, опубликованный въ статьѣ «Somnambulisme» изъ *Dictionaire des sciences medicales*. «Разсказываютъ, что когда одного плававшаго въ припадкѣ сомнамбула позвали нѣсколько разъ по имени, то онъ такъ испугался, проснувшись, что утонулъ» (стр. 27). Было бы очень интересно собрать побольше данныхъ относительно проявленія инстинктовъ у сомнамбулъ.

Мы остановились только на естественномъ сомнамбулизмѣ, такъ какъ предполагали найти въ немъ черты, напоминающія черты изъ жизни антропоидовъ. Но намъ кажется, что разнообразнѣйшія явленія

истеріи могутъ дать много другихъ данныхъ для психофизіологической исторіи человѣка. Не оказалось ли бы при ихъ помощи возможнымъ свести, напримѣръ, нѣкоторые наилучше установленные факты «ясновидѣнія» къ пробужденію какихъ-либо особыхъ ощущеній, атрофированныхъ въ человѣческомъ родѣ, но существующихъ у животныхъ. Извѣстно вѣдь, что анатомія позвоночныхъ находитъ у нихъ органы, устроенные какъ органы чувствъ и не имѣющіе соотвѣтственныхъ въ человѣческомъ организмѣ. Съ другой стороны извѣстно также, что животныя способны опредѣлять нѣкоторыя такія явленія внѣшняго міра, по отношенію къ которымъ у человѣка нѣтъ никакихъ средствъ воспріятія: такъ, рыбы чувствуютъ степень глубины воды, птицы и млекопитающія обладаютъ чувствомъ оріентаціи и предвидятъ атмосферическія измѣненія точнѣе, чѣмъ наша метеорологія. Можетъ быть, подъ вліяніемъ истеріи человѣкъ можетъ снова пріобрѣтать эти чувства своихъ предковъ и знать вещи, которыхъ въ нормальномъ состояніи мы не знаемъ?

Изучить въ этомъ отношеніи проявленія истеріи и способности животныхъ было бы очень важно, такъ какъ наши настоящія познанія далеко еще недостаточны. Сколько теперь интересныхъ свѣдѣній можно было бы собрать относительно половой жизни и любви у антропоидовъ съ точки зрѣнія ихъ близости къ страстнымъ проявленіямъ и столь характернымъ позамъ истериковъ!

Я думаю, что какъ палеонтологи производятъ раскопки съ цѣлью найти погребенныя въ землѣ останки существъ, среднихъ между антропоидными обезьянами и человѣкомъ, такъ психологи, врачи и зоологи должны отыскивать рудименты психофизіологическихъ функцій, чтобы по нимъ возстановить исторію эволюціи человѣчества. Мнѣ кажется, что здѣсь имѣется цѣлый рудникъ для изслѣдованій, и если я заговорилъ сегодня передъ вами, такъ именно съ тою цѣлью, чтобы обратить на него вниманіе.

Пер. съ франц. **Н. Кюнъ.**

На берегу океана.

I.

Въ пустой маякъ, въ лазурь оконныхъ впадинъ,
Осенній вѣтеръ дуетъ — и звеня
Гудитъ вверху; онъ влаженъ и прохладенъ,
Онъ опьяняетъ свѣжестью меня.
Остановясь на лѣстницѣ отвѣсной,
Гляжу въ окно. Внизу шумитъ прибой
И зыбь рябитъ; а дальше — сводъ небесный
И океанъ туманно-голубой.
Внизу — шумъ волнъ, а наверху, какъ струны,
Гудитъ, звенитъ рѣшетка маяка...
И все плыветъ: маякъ, заливъ, буруны,
И я, и небеса, и облака.

II.

На бѣлыхъ пескахъ отъ прилива
Не мало осталось къ зарѣ
Сверкающихъ лужъ и затоновъ —
Зеркальныхъ полосъ въ серебрѣ.
Не мало камней самоцвѣтныхъ
Осталось на дюнахъ нагихъ,
И свѣтитъ, какъ ангелъ лазурный,
Весеннее утро на нихъ
А къ западу сумракъ тѣснится,
И съ сумракомъ, въ сизый туманъ,
Свивается сонный, угрюмый,
Тяжелый удавъ — океанъ.

Иванъ Бунинъ.

АНТОНЪ МАТВѢЕВИЧЪ.

(Очерки современной *) деревни).

I.

Крестьянинъ Ѳедоръ Антиповъ считалъ меня своимъ «сродственникомъ», потому что я крестилъ у него дочь. Жилъ Ѳедоръ вмѣстѣ со своимъ братомъ Антономъ въ селѣ Ломовка, расположенномъ верстахъ въ 25-ти отъ большого губернскаго города. Изба ихъ отличалась отъ обыкновенныхъ крестьянскихъ тѣмъ, что отцомъ—Антиповымъ была пристроена къ ней, неизвѣстно съ какой цѣлью, «задняя половина», отдѣлявшаяся отъ передней небольшими сѣнцами съ землянымъ поломъ. Можетъ быть, именно это новшество, стоившее неизвѣстно откуда добытыхъ денегъ, и послужило причиной того, что старикъ Антиповъ, теперь давно умершій, въ свое время пользовался дурной славой. Подозрѣвали, что онъ на сторонѣ промышлялъ конокрадствомъ, хотя уликъ на это не имѣлось никакихъ.

Эту «заднюю половину» я и снялъ на лѣто.

Въ передней жили оба брата Антиповы съ женами. У Ѳедора были дѣти, да перемерли, кромѣ годовалой дѣвочки, моей крестницы, а у Антона былъ девятилѣтній мальчикъ Ваня.

Ѳедоръ былъ старшій — ему было лѣтъ подъ 50, а Антону — за 30. Эти два родныхъ брата представляли совершенную противоположность во всѣхъ отношеніяхъ. Ѳедоръ былъ небольшого роста, слабосильный, худой, богобоязненный, руководившійся въ жизни вѣковыми мірскими воззрѣніями, свычаями и обычаями и, при всемъ этомъ, выдѣлявшійся изъ своихъ односельчанъ готовностью потерпѣть за міръ, видя въ этомъ даже нѣчто угодное Богу. Антонъ же былъ высокаго роста, угрюмый и суровый, обладалъ богатырской силой и землей почти не занимался. Соб-

---

*) Разсказъ написанъ нѣсколько времени тому назадъ. Но изложенныя въ немъ происшествія оттѣняютъ все значеніе въ сельскомъ быту Высочайшаго Манифеста отъ 11-го августа объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

ственно говоря, ему и дѣлать было нечего въ хозяйствѣ. Село было малоземельное и на двухъ «душахъ», отведенныхъ братьямъ Антиповымъ, могъ свободно управляться одинъ Θедоръ съ бабами. Антонъ иногда отлучался изъ дома на нѣсколько дней—куда и зачѣмъ—неизвѣстно. На вопросы же брата сурово отвѣчалъ, что былъ въ городѣ на поденщинѣ, а ночевалъ въ городской ночлежкѣ. Къ односельчанамъ онъ относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, не долюбливая и брата за его образъ мыслей.

На селѣ Антона побаивались, величали Антономъ Матвѣичемъ, а такъ какъ у него всегда водились деньги, появлявшіяся обыкновенно послѣ отлучекъ изъ дома, то втихомолку поговаривали, что смотрѣвшій отщепенцемъ Антонъ Антиповъ добываетъ ихъ темными дѣлами, но, какъ и относительно отца его, достовѣрнаго никто ничего не зналъ.

II.

Было воскресенье и время послѣобѣденное. Я сидѣлъ въ избѣ у своихъ хозяевъ. Антонъ, несмотря на то, что было лѣто, лежалъ на топившейся для варева печи, закинувъ руки за косматую голову. По своему огромному росту онъ на печи не умѣщался и ноги, обутые въ хорошіе сапоги, вскинулъ на стѣну. Θедоръ сидѣлъ на лавкѣ, сложивъ руки на груди.

Былъ въ избѣ еще молодой, здоровый парень Василій, зять Антона. Лицо у него было круглое, со вздутыми щеками и длиннымъ ртомъ, въ родѣ того, какъ разрисовываютъ его себѣ паяцы. Волосы, на затылкѣ словно обрубленные топоромъ, кружаломъ спускались на лобъ. Въ происходившемъ между нами разговорѣ онъ не принималъ участія, но все, что отрывочно и густымъ басомъ, будто изъ бочки, произносилъ Антонъ, вызывало у него веселый смѣхъ. Стоило Антону издать первый звукъ, какъ Василій быстро поворачивалъ къ печкѣ голову и уже заранѣе раскрывалъ ротъ для смѣха, отчего лицо его становилось еще глупѣе и смѣшнѣе. Когда же начиналъ говорить Θедоръ, смѣшливый парень лѣниво, будто по обязанности, повертывалъ лицо и къ нему, но ротъ закрывалъ и между бровями у него ложилась морщинка, словно онъ мучительно старался постигнуть смыслъ рѣчей старшаго брата.

Рѣчь у насъ шла о томъ, что въ нынѣшнемъ году плохо уродились хлѣба и подати платить будетъ трудно.

— Найдутъ пустобрюхіе,—презрительно отозвался Антонъ, повернувшись на печи:—въ волостномъ вспрыснутъ свѣжимъ вѣникомъ того-другого, вотъ и подати объявятся.

— Хо-хо-хо...—залился Василій.

— То-то вотъ, братушка, сказываю, трудно, — отвѣтилъ Ѳедоръ, — вѣники-то эфти, чать, не больно въ охотку.

— Ну, кому другому, а тебѣ въ полное свое удовольствіе...

— Хо-хо-хо...

Ѳедоръ съ жалостной миной пощелкалъ языкомъ.

— Це-це-це... Какія слова говоритъ! Скажи на милость — родной братъ и эдакія слова...

— А что «родной братъ»? Неправду, что ли, говорю?

Антонъ сердито привскочилъ на локтѣ и обратился ко мнѣ:

— Ты слышь, Ефимычъ: видывалъ ты дураковъ?

— Ну, положимъ, — отвѣтилъ я.

— Да ты какихъ видалъ? Може, такъ, зряшныхъ? Нѣтъ, ты скажи—доводилось ли тебѣ на вѣку хоша не видывать, такъ ненарокомъ слыхивать про самыхъ коренныхъ остолоповъ? Которые вотъ на манеръ дубья лѣсного, колоды поповской, чучела соломеннаго, что все одно—хоша палкой бей, хоша пыль изъ него тряси— этакого вотъ полоротаго болвана ты видывалъ ли?

Парень покатился со смѣха.

— Это, стало быть, меня, что ли?—спросилъ Ѳедоръ.

— Призналъ патретъ-то свой, — злорадно отвѣтилъ Антонъ, опять закидывая руки за голову, — ты вотъ теперича похвались куманьку-то, какъ тебѣ баринъ зимой полторы сотни горячихъ всыпалъ. Чать, не сказывалъ? Не конфузься, братецъ единоутробный, кому-кому, а тебѣ, добру молодцу, быль не укоръ, — ехидствовалъ Антонъ.

— Какъ это полторы сотни? — заинтересовался я. — Да по какому же праву? Разскажи, кумъ — неужели правда?

— Правовъ захотѣлъ съ эдакой дури простоволосой спрашивать!—не унимался Антонъ:—загнулъ ему, болвану, подрясникъ-то, да и отжарилъ, сколь душѣ желательно. Только и всего. Онъ вонъ становаго... Да что становаго, писаря отъ становаго, али приказчика господскаго, какъ завидѣлъ, такъ и шапку ломаетъ. А зачѣмъ башку гнетъ, да волосьми мотаетъ — спроси его! Бараны, такъ бараны и есть. Такъ, челядь низкопоклонная!

— Раскажи, Ѳедоръ, что такое? — попросилъ я.

— Да что, куманекъ, сказывать-то? Знамо неловко... А прямо тебѣ сказать — за міръ сподобился муки принять. Мужичковъ, значитъ, нашихъ отстоялъ, за мужичковъ старался...

— Кто чѣмъ гораздъ, вишь ты, а онъ сидѣлицей своей разстарался,—вставилъ Антонъ.

— Дѣло то вотъ, какъ было,—продолжалъ Ѳедоръ, не смущаясь ехидствомъ брата и зычнымъ хохотомъ парня:—пошло насъ зимой человѣкъ, сталъ быть, съ пятнадцать мужиковъ у барина лѣсъ воровать. Правду тебѣ сказать—грѣха мы тутъ

большого не видимъ, потому хоша и ловятъ насъ за это самое, а, по стариковскому-то, все же лѣсъ-отъ Божій... А у насъ въ надѣлѣ лѣса не осталось: кой и былъ—на надобности свои извели. Ну, а безъ лѣсу въ хозяйствѣ невозможно: ни кола, ни плетня, ни печи истопить—ничего этого безъ лѣсу, другъ ты милой, не сдѣлаешь. Бьется народъ до ужасти. Вотъ такимъ манеромъ бились-бились, напослѣдокъ того топоры за поясъ засунули и пошли. Только, было, Господи благослови, за дѣло взялись и трехъ деревъ не повалили—ровно изъ земли выросли трое объѣздчиковъ съ ружьями. Ну, народъ бѣжать...

— Ты слушай, Ефимычъ,—проговорилъ Антонъ:—пятнадцать-то человѣкъ отъ троихъ!..

— Милой! Да, вѣдь, ружья у нихъ.. Ружья наставили!.. Ну, народъ побёгъ, а я отъ разу не спохватился...

— Черезъ эту причину объѣздчики меня облапили и, само собой, по мордѣ. Топоръ отобрали. «Пойдемъ, говорятъ, подлецъ ты безсовѣстный, къ барину». Приволокли къ барину. Въ горницу вводятъ. Ну, баринъ, какъ услыхалъ, ровно кипяткомъ ошпаренный, выскочилъ, ногами затопалъ, заоралъ, кулаками замахалъ, а бить не билъ. Объѣздчики докладаютъ ему—человѣкъ ихъ съ двадцать, сказываютъ, было, а кто былъ и разсмотрѣть не поспѣли, потому убѣгли оченно прытко.

Баринъ еще пуще осерчалъ: «вы, кричитъ на меня, скопомъ, сталъ-быть! Днемъ съ топорами! За это, слышь, по закону, Сибирь отдаленная, въ острогъ на долгіе сроки! Сказывай, кто были?..» Теперича, куманекъ, какъ же ихъ, мужиковъ-то, выдать, ежели взаправду въ Сибирь или въ острогъ? Семьи, вѣдь, у нихъ: у кого трое, у кого четверо. Кто кормить станетъ, ежели отцовъ запрутъ? Ничего и не останется, какъ въ кусочки идти. Стою, думаю этакъ и, Господи помоги, барину и отвѣчаю: «не за што, молъ, не скажу, кто былъ. А со мной, сказываю ему, дѣствуйте, сталъ-быть, по всѣмъ законамъ—я вотъ онъ!» Ну, ужь тутъ баринъ не снесъ: довелъ я его, сталъ-быть, до послѣдняго. Схватилъ со стѣны нагайку и по рожѣ меня. И какъ только онъ меня нагайкой вдарилъ, такъ мнѣ въ мысли и вступило, что велитъ мнѣ Господь за міръ муки принять. Еще пуще насмѣлился и говорю: «что хотите, то и дѣлайте надо мной, а мужиковъ не выдамъ». Сказываю барину этакъ, да за щеку схватился—гляжу, рука въ крови. Поглядѣлъ-поглядѣлъ на меня баринъ, видитъ мою отчаянность и говоритъ: «что съ ними, разбойниками, дѣлать? Ежели въ острогъ запереть, чтобы ихъ, мерзавцевъ, хорошимъ хлѣбомъ тамъ кормили, такъ имъ, подлецамъ, того только и желательно». Подумалъ и опять ко мнѣ: «Желаешь, говоритъ, мы съ тобой въ полюбовную сдѣлку войдемъ?»

«Что хотите, отвѣчаю, теперь ваша воля». «Такъ вотъ, говоритъ, милой другъ, въ острогъ я тебя не посажу и прочихъ злодѣевъ, которые съ тобой лѣсъ воровали, сыскивать не стану, а для острастки вашему брату—желательно, говоритъ, тебѣ за все за это, по вольной волѣ, одному полторы сотни горячихъ получить?» Ну, я ему въ отвѣтъ: «Гдѣ же, молъ, баринъ, мнѣ вытерпѣть полторы сотни! Ежели бы я былъ мужикъ настоящій, а то,—чать, самъ видишь, вовсе я лядащій хресьянинишко». «Ну, баитъ, твое дѣло. А только что, ежели тебѣ прочихъ негодяевъ отъ меня укрыть охота, такъ, по совѣсти, долженъ ты одинъ за всѣхъ и наказаніе принять. И неволить тебя не могу: желаешь одинъ за всѣхъ—терпи, а не желаешь, такъ становому дамъ знать, сыщетъ и прочихъ». Вижу, и баринъ уперся не хуже меня... Ну, Господу помолясь, и того, сталъ-быть... Пошелъ съ объѣздчиками на конюшню... Ежели бы не за опчесво, само собой, ни въ жисть бы я не дозволилъ надъ собой этого... А я такъ полагаю, что за опчесво и стыда большого нѣтъ...

— Вотъ видѣлъ ты теперича, Ефимычъ, болвана-то настоящаго?—опять поднялся Антонъ на локтѣ:—а на селѣ-то надъ нимъ же дуракомъ смѣются... Да чтобы я не то что за чужую вину, а за свою кровную далъ себя выпороть!.. Да я бы скорѣй всю конюшню ихнюю по бревну разнесъ, нечѣмъ попуститься имъ, анаѳемамъ!..

— Господь батюшка терпѣлъ и намъ велѣлъ,—со вздохомъ произнесъ Ѳедоръ.

— Да, Господь-то терпѣлъ... Ахъ, ты собачій сынъ!.. Господь терпѣлъ, такъ онъ, сказываютъ, свой законъ супротивъ жидовъ устанавливалъ. А ты, дырявая голова, какой такой законъ установилъ, послѣ баринова дранья двѣ недѣли на печи провалямши?.. Вотъ толкуй съ ними, умный человѣкъ! Заладили «Господь терпѣлъ»—да и на поди! И молчи ты лучше! Разговаривать съ тобой, такъ и то съ нутра воротитъ!..

— Злобы-то што въ емъ, злобы-то, — проговорилъ Ѳедоръ, качая головой.

Антонъ, несмотря на свой ростъ, ловко спрыгнулъ съ печи, одернулъ рубаху и обратился къ парню:

— Васька!

Васька вскочилъ съ лавки, какъ деньщикъ передъ офицеромъ, съ очевидной готовностью исполнить для Антона все возможное и невозможное.

— Чаво?

Антонъ вынулъ изъ кармана серебряный рубль и подалъ его парню.

— Бѣги, Васька, въ винополію, возьми полштофъ. Мотри, тутъ сдачи тебѣ сдадутъ.

— Цицясъ!

Ѳедоръ, самъ не пившій водки, укоризненно пощелкалъ языкомъ.

Васька проворно шмыгнулъ за двери и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, запыхавшись, съ бутылкой водки. Антонъ ударомъ руки вышибъ изъ нея пробку, досталъ съ полки стаканчикъ, ларецъ съ солью, отрѣзалъ ломоть хлѣба и молча поставилъ все это на столъ. Въ молчаніи же выпилъ, густо посолилъ кусокъ хлѣба и началъ ѣсть. Брови у Антона, до сихъ поръ сердито сведенныя, теперь раздвинулись, и онъ обратился ко мнѣ:

— Може, для праздника выпьешь, Ефимычъ?

— Нѣтъ, спасибо.

— Ну, мнѣ бѣжать надо. Прощавайте!—схватился съ лавки Василій и, все улыбаясь, спросилъ Антона:—бабъ-то кликать, что ли?

— Пущай ихъ сидятъ, коли охота.

Василій вышелъ.

Антонъ выпилъ еще стаканчикъ, опять закусилъ и, начавъ вертѣть цыгарку, заговорилъ въ болѣе мягкомъ тонѣ:

— За міръ стоитъ, за опчесво!.. А спросить его—многаго ли теперича стоитъ ихнее опчесво?

— Эхъ, Антонъ!—со вздохомъ сказалъ Ѳедоръ:—то-то вотъ ты все по своему, все по своему гнешь, супротивъ всѣхъ норовишь. А старики то сказывали—міръ великъ человѣкъ! Міръ золотая гора! Такъ отцы-дѣды вѣровали, вѣкъ свой съ тѣмъ изжили, съ тѣмъ померли и намъ грѣшнымъ наказъ тотъ оставили. Ты бы вотъ что къ сердцу принялъ, нечѣмъ злобиться.

— И опять ты не то!.. Може, при старикахъ-то міръ и былъ великъ человѣкъ. Такъ они про свой міръ и присказку эту сложили. А тебя спрашиваю, что у васъ-то настоящаго отъ міра-то осталось?.. Такъ, видимость одна... Спервоначалу-то я, дѣла путемъ не разобрамши, хаживалъ на сходы ваши... Вѣришь ли, Ефимычъ,—обратился Антонъ ко мнѣ:—и смѣхъ, и горе съ ними! Ты, сталъ быть, стараешься, какъ получше, глотки не жалѣючи и сусѣдей подмываешь, а тебѣ одинъ: мнѣ-ста, баитъ, все одно, какъ хотите: я не седни-завтра въ губернію промышлять пойду, потому съ вами, пустобрюхими, подыхать не охота. Ты къ другому: поддаржи, молъ! А онъ: галди, баитъ, пожалуй выше земскаго не вскочишь... А третій вовсе шапку на ухо сдвинулъ, да на нихъ же, дураковъ, смѣется: мотрю я, слышь, кабы нашему теляти волка не поймати!.. А къ старостѣ али къ старшинѣ окончательно и соваться нечего: тѣ ужъ свою линію гонятъ, они, братъ, ужъ во всемъ до схода, какъ надобѣть, наставлены. Допрежже, бывало, старшина все въ нашего брата вникалъ: потому,

когда срокъ придетъ, не выберемъ вдругорядь. А теперича, ежели онъ земскому потрафилъ—больше ничего ему и не требуется и начхать ему на все опчесво. И до той точки годъ отъ году дошло, Ефимычъ, что на сходъ-то ихъ, дураковъ, для видимости, сгонятъ, а у писаря ино время и приговоръ за пазухой припасенъ готовый. Которы поумнѣе—сами кричатъ писарю-то: собирай, молъ, руки-то скорѣича, нечѣмъ камедь ломать...

— Что-жъ, это есть пересмѣшники эти самые,—возразилъ Ѳедоръ,—только, гляжу я, смѣхъ-то ихній невеселый...

— А коли смѣхъ твой невеселый, такъ ты и не ломай дурака съ прочими, а должонъ ты, ежели умъ у тебя не вовсе робячій, сурьезно поступать. А вы, анафемы, только и поступковъ отъ васъ, чтобы шапки за версту ломать... Такъ чтобы я съ эдакими дуроломами въ согласъ вошелъ!.. На селѣ-то, я знаю—ненависть ко мнѣ: совѣсть-то, видно, не вовсе продали, такъ вотъ я имъ и сталъ, какъ бѣльмо на глазу... Только враждѣ этой нашей конца не будетъ до тѣхъ самыхъ поръ, чей разумъ верхъ возьметъ: я въ справедливость ихнюю повѣрю, али они, міряне называемые, мово совѣта послушаютъ...

— Тятька! А, тятинька!—раздалось въ это время.

Мальчуганъ съ бойкими глазенками вспрыгнулъ съ улицы въ окно.

— Что, милой?—быстро повернулся къ нему Антонъ.

— А я копѣйку-то, тятинька, въ бабки проигралъ.

— Подь-ка ко мнѣ,—сказалъ Антонъ.

Ваня живо соскочилъ съ подоконника и подбѣжалъ къ отцу. Антонъ усадилъ его къ себѣ на колѣни и началъ ласкать.

— А я, вотъ, мотри, и осерчаю,—сказалъ онъ.

— Нѣ... Ты на меня не серчаешь. Ты только мамушкѣ не сказывай.

— Что-жъ теперича дѣлать,—произнесъ Антонъ, улыбаясь,—какъ же это ты, братецъ мой, такъ опростоволосился, что проигралъ?

— Кабы у меня битка настоящая,—оживленно заговорилъ мальчикъ—у старостина-то Сережки чугунка, а у меня свинцомъ валита. Онъ какъ вдаритъ, такъ полкона и сшибъ, а моя—пару да двѣ...

— Такъ и ты бы чугункой закатывалъ...

— Эва! За чугунку-то двѣ копейки просятъ, а у меня нѣтути.

— Вишь ты, горе какое!—любовно улыбался Антонъ:—а хотца тебѣ чугунку?

— А какъ не хотца! Кабы у меня чугунка, я бы имъ задалъ...

— Ну, что съ тобой дѣлать! Бери пятакъ. Три на бабки, а на сдачу гостинцевъ себѣ для праздника купи. Гуляй, милой!..

Онъ поцѣловалъ сына и ссадилъ съ колѣнъ. Ваня стрѣлой вылетѣлъ въ двери.

— Вотъ теперича и на сына глядишь, — немного помолчавъ, сказалъ Антонъ,—неужто и его эдакая доля ждетъ, чтобы, какъ всякими прочими, помыкали, да въ волостномъ драли!.. Въ господа производить, въ городъ въ емназію отдать,—усмѣхнулся онъ,—деньги большія надобно. А ежели на надѣлѣ сидѣть, такъ на емназію-то не заробишь... Надѣлъ-то у насъ какой: поперекъ полосы легъ, а сусѣдъ кричитъ—ноги убери, не то запашу...

Онъ вздохнулъ и нахмурился.

— Нѣтъ ужъ, видно, какъ башкой ни раскидывай, а своѣмъ путемъ надо идти...

Антонъ всталъ, налилъ стаканчикъ и залпомъ опорожнилъ его.

— Съѣзжу я тутъ недалечко,—прежнимъ суровымъ тономъ проговорилъ онъ:—тутъ одинъ человѣкъ должонъ ко мнѣ побывать. Такъ, ежели придетъ, скажи, Ѳедоръ, чтобы обождалъ...

Ѳедоръ ничего не отвѣтилъ, но когда Антонъ, надѣвъ поддевку и картузъ, вышелъ, съ сердцемъ произнесъ:

— И куда опять закатился, куда рыщетъ Господь его знаетъ! А допытывать не моги. Такого форсу на себя напустилъ, такого форсу, что никто и слова не говори: одинъ онъ уменъ.

— А по твоему какъ,—спросилъ я:—о мірѣ онъ правду говорилъ?

— Да пущай хоша и правда. Такъ, вѣдь, что-жъ дѣлать теперича? Говорится — плетью обуха не перешибешь. А ежели, какъ онъ тебѣ сказывалъ, совѣту его послушать, такъ онъ такое совѣтуетъ, что оторопь беретъ... Охъ, не сносить ему своей головушки, чуетъ мое сердце!..

Въ окно я увидѣлъ, какъ Антонъ вывелъ изъ хлѣва лошадь, вскочилъ на нее и погналъ съ мѣста.

— Вишь, лошадь зря гоняетъ,—недовольно замѣтилъ кумъ.

III.

Ѳедоръ, очевидно, сталъ не въ духѣ. Разговоръ нашъ оборвался и мы только время отъ времени перекидывались незначительными словами. Такъ прошло съ полчаса. Я уже собирался удалиться, какъ вдругъ къ воротамъ подъѣхала туго кованая бричка. Лошадь была сытая, очевидно, городская.

Черезъ минуту дверь широко распахнулась и въ избу вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ хорошей поддевкѣ, блестящихъ сапогахъ бутылками; по черному шелковому, съ мелкими красными цвѣточками, жилету вилась золотая цѣпочка.

— Добраго здоровья! Ѳедору Матвѣичу почтеніе!—воскликнулъ вошедшій.

И въ тонѣ, какимъ онъ произнесъ это, и въ манерахъ видна была какая-то особая, будто умышленно усиливаемая, развязность.

— А, это ты, Михайла Чекушинъ!—отвѣтилъ Ѳедоръ, здороваясь съ гостемъ:—вотъ оно какъ...

— Наше почтеніе—протянулъ Чекушинъ руку и мнѣ,—кажись имѣлъ удовольствіе видать гдѣ-то... Личность ваша знакомая... Въ городѣ, должно быть... У купца первой гильдіи Вахрушина не изволите бывать?

Я отвѣтилъ отрицательно.

Ѳедоръ насмѣшливо слѣдилъ за гостемъ глазами.

— Необыкновенно пріятная погода,—продолжалъ Чекушинъ, взглянувъ на меня, и сейчасъ же прибавилъ:—что же, Антона Матвѣича развѣ дома нѣту?

— Съ полчаса уѣхалъ,—отвѣтилъ Ѳедоръ: — это, сталъ-быть, онъ тебя поджидалъ?

— Былъ уговоръ, чтобы повидаться сегодня... Куда же онъ уѣхалъ-то?

— Ну, ужъ объ этомъ ты его самого спроси,—недовольно произнесъ Ѳедоръ,—дѣла у васъ, что ли, съ нимъ?

— Такъ кое-о-чемъ покалякать, — уклончиво отвѣтилъ Чекушинъ, плотнѣе усаживаясь на лавку и запахивая поддевку.

— Тайности, сталъ-быть?

— Тайностевъ тутъ никакихъ нѣту, а и болтать зря не годится, ежели рѣшеннаго ничего промежъ насъ не оказывается...

— Тэ-экъ!—процѣдилъ Ѳедоръ:—ну, ежели эдакіе два ясные сокола стакнулись, да слетѣлись—надо полагать, не спроста.

— Обождать, видно, маненько придется, — отвѣтилъ Чекушинъ, высунувшись въ окно и будто не слыхавъ послѣднихъ словъ.

Въ это время со стороны околицы раздались звуки гармоники и еще неясныя слова дико выкрикиваемой пѣсни.

— Фабричные изъ вашего села къ вамъ въ гости жалуютъ,— все тѣмъ же преувеличенно развязнымъ тономъ сказалъ Чекушинъ:—обогналъ я ихъ—разсчетъ, сказываютъ, взяли...

— Ну, теперича, стало быть, на всю недѣлю пьянство пошло, пока все до послѣднева не пропьютъ. И сколько это разврата пошло! Вѣришь, кумъ, какъ кто побывалъ на фабрикѣ—ни парня, ни дѣвки послѣ не признаешь. Ровно ихъ тамъ на особый манеръ перековываютъ.

Гармоника и пѣсня, между тѣмъ, приближались. Пьяный голосъ на мотивъ плясовой пѣлъ:

Не послѣдній я красавчикъ—
Я на фабрикахъ бывалъ,
Получалъ денегъ не мало—
Сотъ по восемь рублей въ годъ...

— Охъ, Господи!—неожиданно вздохнулъ Чекушинъ, опуская руки на колѣна и свѣшиваясь корпусомъ съ лавки.

Пѣсня умолкла, но другой голосъ и на другой мотивъ началъ:

Я сегодня у хозяина,
У извѣстнѣйшаго Каина,
По причинѣ воскресенія
Получилъ сверхъ положенія...

Но и эта пѣсня оборвалась. Я выглянулъ въ окно. Толпа рабочихъ, съ шумнымъ говоромъ, окруженная любопытствующими деревенскими парнями и дѣвками, подходила къ нашему дому. Молодой рабочій заигралъ на гармоникѣ комаринскаго и шедшая рядомъ съ нимъ баба или дѣвка—очевидно, пьяная—сейчасъ же вынула платочекъ и завертѣлась передъ игравшимъ, притопывая ногами и взвизгивая подъ лихой мотивъ:

Полюбила я любовничка—
Канцелярскаго чиновничка,
Да не долго съ нимъ я зналася,
Въ эфтой жисти наслаждалася...

— Тьфу, ты скверность какая! — воскликнулъ Ѳедоръ и, вставъ, захлопнулъ окно. — Похваляется, что у чиновничка въ полюбовницахъ состояла.. Ахъ, ты волчья сыть!.. Ту ись какъ это народъ перемѣняется, такъ даже удивленію подобно! Пѣсни и тѣ вотъ ужъ годовъ пятнадцать слышу—самыя фабричныя пошли!.. И годъ отъ году хуже...

— Охъ, Господи!—опять громко вздохнулъ Чекушинъ.

— Ты-то что кудахтаешь, погибшая твоя душа! — воскликнулъ совсѣмъ разсерженный Ѳедоръ: — самъ-отъ ты изъ какѣхъ какой сталъ?

— Ась?—поднявъ голову, спросилъ Чекушинъ.

— Тоже Господа поминаетъ! Не каяться ли захотѣлъ?.. Вотъ, кумъ, глядя на этого человѣка и въ домекъ никому не придетъ, что нашъ же братъ лапотникъ-мужикъ изъ нашего же села и всего - то годовъ пять, какъ въ городъ сбѣжалъ. Наѣзжаетъ сюда разъ отъ разу форсистѣй. Признай-ка его теперича: вишь, купецъ какой! Цапочка у него и сапоги со скрыпомъ... А вывернуть его на изнанку—какъ онъ въ купцы-то произошелъ! Вѣдь, кабы не добрые люди, онъ бы должонъ въ петлѣ оставаться на переметѣ! Хошь прислушать про чудеса, про наши?

При этихъ словахъ Чекушинъ крякнулъ, почесалъ затылокъ и, ни слова не говоря, подошелъ къ столу, налилъ стаканчикъ водки изъ оставленнаго Антономъ полштофа и, выпивъ залпомъ, сѣлъ на прежнее мѣсто, запахнувъ поддевку, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Сказывать, что ли, Михайла?

Чекушинъ махнулъ рукой.

— Сказывай, что хошь, ничего я не опасаюсь.

Онъ вынулъ покупную папиросу и нервно началъ раскуривать.

— Такъ вотъ какъ дѣло вышло, — началъ Ѳедоръ: — былъ нашъ Чекушинъ мужикъ работяга, надо правду говорить, и гра-

мотный—школу въ отличку кончилъ. Ну, одинъ работникъ остался: мать при немъ, Божья старушка, да дѣтокъ, Господи помилуй, четверо. А баба, на его бѣду, лядащая. Земли мало—на одну душу ему полагается, потому у него дѣвчонки. А тутъ урожаю Господь не даетъ. Начала его нужда одолѣвать... Ужъ она, милой, какъ коготки-то въ кого запустила—ровно клещъ вопьется: хошь помирать просись — не выпуститъ. Д-да! Ужъ это всѣмъ вѣдомо. Такимъ-то вотъ манеромъ дѣвчонки у него въ кусочки пошли. А недоимка за нимъ растетъ,—она, братъ, тоже своего не упускаетъ, на свой пай требуетъ. И накопили мы ее въ тѣ поры всѣ вопче—эво, сколько! Благословясь, надо такъ сказать, надъ собой на аршинъ, да вокругъ себя по двѣ четверти, да въ землю, скажемъ, три сажени. Вотъ она, матушка наша, какъ раскустилась.. Грозили намъ, грозили—и земскій ругалъ, и податной подругивалъ,—ѣздили-ѣздили, колоколами звонили-звонили,—на конецъ того присылаютъ станового. Ну, тутъ разговоръ вышелъ короткій. Судей скликали, въ бумагахъ написали, прутьевъ хорошихъ живой рукой нарѣзали, по списку человѣкъ съ сорокъ согнали и ложись по череду! Въ числѣ прочихъ особовъ и Чекушина сюды же. И такая, значитъ, возля поповской риги молотьба пошла, что небу жарко — со зла другъ надъ другомъ усердствуютъ!.. Доходитъ чередъ и до него, — Ѳедоръ кивнулъ головой на «погибшую душу»:—хвать, нѣтъ Михайлы Чекушина! Чудеса! Стоялъ, какъ быть, съ ноги на ногу переминался, на прочихъ глядѣлъ, а тутъ сгинулъ!.. Туды-сюды, побѣжали къ нему во дворъ, а онъ, не говоря худова слова, на переметѣ и удавная петля на немъ... Живой рукой сняли, откачали—видимъ—въ чувствѣ человѣкъ. «Что ты, говоримъ, разбойникъ ты эдакій, затѣялъ надъ собой! Гдѣ у тебя совѣсть-то у подлеца!..» Читаемъ ему эдакую рацею—ну, а какъ-никакъ, не тащить же его къ ригѣ изъ-подъ петли то. Сжалились, значитъ. Стакнулись промежъ себя и сошелъ у насъ Чекушинъ какъ бы за поротаго. А спустя время, палъ намъ слухъ, что нѣтъ Чекушина... Гдѣ Чекушинъ, гдѣ Чекушинъ, а онъ—эво, гдѣ объявился: ужъ онъ, братъ, на своихъ на двоихъ къ столицѣ Питербурху безъ лаптей босикомъ подкатываетъ... А теперича, вишь, какой купецъ при цапочкѣ!.. Сидитъ и Господа поминаетъ праведный человѣкъ! А допросить бы его—откуда взялъ убранство-то свое? Неужь горбомъ своимъ добылъ? Не на совѣсть ли, мотри, вымѣнялъ?

Чекушинъ вскочилъ съ мѣста.

— Сказываютъ, что ты человѣкъ умственный!—проговорилъ онъ.—А вижу я, многое тебѣ не вдомекъ!.. Во всякомъ разѣ, ежели Антона нѣтъ, мнѣ тутъ дѣлать нечего... Скажи ему, Ѳедоръ, какъ вернется, что я, молъ, у свояка заночевалъ... Прощенья просимъ!

Послѣ ухода Чекушина удалился въ свою горенку и я.

Солнце зашло въ тучи. Постепенно стемнѣло. На половинѣ моихъ хозяевъ продолжала стоять тишина. Только на дворѣ началъ протяжно и жалобно выть вѣтеръ и гдѣ-то вдали подвывала ему собака. Жутко становилось отъ этой тишины, прерываемой воемъ стихіи и избитой или голодной собаки.

IV.

На другой день, вернувшись часа въ три послѣ продолжительной прогулки, я засталъ у Антиповыхъ пиръ горой. Столъ, застланный скатертью, былъ уставленъ бутылками съ водкой и пивомъ и разными деревенскими закусками.

За столомъ, кромѣ хозяевъ съ ихъ женами, въ красномъ углу сидѣлъ Чекушинъ, рядомъ съ нимъ его своякъ съ женой, молодой и красивой, судя по бойкимъ взглядамъ, лихой бабенкой. Звали ее Настасьей. Въ концѣ стола сидѣлъ и Василій и въ рукахъ у него была балалайка, на которой онъ время отъ времени тренькалъ. Судя по раскраснѣвшимся лицамъ и оживленному говору, пиръ начался не сейчасъ.

— А, Ефимычъ!—воскликнулъ Антонъ, какъ только я перешагнулъ порогъ:—во-время зашелъ! Прощай, Ефимычъ! Ѣду! Далеко ѣду!.. Вотъ съ Михайла Петровымъ дѣло порѣшили и теперича гайда, братецъ мой, за долей, за счастьемъ!..

Поздоровавшись со всѣми, я присѣлъ и хозяйки принялись угощать меня съ чисто деревенской настойчивостью. Видимо, и онѣ были довольны и веселы. Перемѣна судьбы родственника всѣхъ настраивала радостно.

— Какое же дѣло у васъ? Можно узнать?

Чекушинъ, также сіяющій и теперь широко распахнувшій поддевку, вслѣдствіе чего золотая цѣпочка такъ и горѣла, поспѣшилъ отвѣтить:

— Дѣло наше чистое, дозвольте вамъ сказать. Не безпокойтесь. Вотъ спросите Ѳедора Матвѣича—онъ не дастъ соврать. Чистое дѣло! Но, само собой, отвага да сила нужна.

— Вотъ мы,—радостно говорилъ Антонъ,—и вошли въ согласъ: моя отвага да сила, а его деньги. А барыши пополамъ!

— Большія деньги на этомъ дѣлѣ можно залучить, ежели Богъ поможетъ! Вотъ спросите Ѳедора Матвѣича,—опять сказалъ Чекушинъ.

— Дѣла эфтого я не знаю: откуда мнѣ знать дѣла такія!—отвѣтилъ мой кумъ:—а какъ вы сказывали, что-жъ, давай вамъ Богъ...

— Ежели удача,—воскликнулъ Антонъ,—слышь, Ефимычъ: сына въ емназію отдамъ—во какъ! Не бось, братанъ, и тебѣ помогу, и ты не изъ послѣднихъ на селѣ станешь!..

— Это, какъ Господь устроитъ, то и будетъ,—наставительно произнесъ Өедоръ.

Въ это время, оборвавъ разговоръ, раздался громкій дѣтскій плачъ, и Ваня съ лицомъ, мокрымъ отъ слезъ, вбѣжалъ въ избу.

Антонъ, какъ ужаленный, вскочилъ.

— Кто это тебя?—спросилъ онъ сына.

— Староста отду-улъ,—заливаясь слезами, протянулъ Ваня.

Антонъ выглянулъ въ окно и, увидѣвъ проходившаго вдали старосту, кинулся изъ избы.

— Эхъ! удержали бы его: человѣкъ-то горячій!—произнесъ Чекушинъ.

Бабы бросились, было, за Антономъ, но онъ уже бѣгомъ бѣжалъ за старостой, догналъ его и между ними началось жаркое объясненіе, не совсѣмъ слышное для насъ. Затѣмъ мы видѣли, какъ Антонъ, схвативъ старосту за армякъ, потрясъ его и, оттолкнувъ, направился къ дому. Взбѣшенный староста шелъ нѣкоторое время за нимъ, но потомъ остановился и закричалъ:

— Вотъ тебѣ въ волостномъ покажутъ, какъ старосту за шиворотъ колошматить... Судъ-отъ разберетъ, разбойникъ ты этакій!

— Чужихъ робятъ не тронь и тебя не тронутъ!—остановившись, прокричалъ ему Антонъ:—ты, видно, только съ робятами и храберъ! Моли Бога, что седни мнѣ связываться съ тобой неохота, я бы тебя выучилъ!.. Староста прикалошный!..

— За что это онъ его?—спросила Антона жена, когда онъ вошелъ въ избу.

— Да что бы тамъ ни было!—сердито отвѣтилъ Антонъ, все еще волнуясь.—А ты чужого робенка трогать не смѣй! Ты отцу скажи, коли робенокъ виноватъ... А онъ палкой! Да я самъ его съ роду пальцемъ не трогалъ...

Онъ посадилъ сына на колѣна и началъ ласкать.

— Плюнь на нихъ, Антонъ Матвѣичъ!—примирительно заговорилъ Чекушинъ:—стоитъ съ ними, оглашенными, связываться... Уѣзжаемъ, чего тутъ! Вотъ паспортъ выправишь и прощайте хоть навѣки вѣчные!..

— Наливай круговую, веселѣй дѣло пойдетъ!—воскликнулъ своякъ Чекушина.

Подъ вліяніемъ вина и веселыхъ разговоровъ къ Антону вернулось прежнее настроеніе и непріятный случай былъ забытъ.

Свояъ Чекушина пробовалъ даже затягивать пѣсню. Василій, совершенно неожиданно для меня, лихо заигралъ на балалайкѣ плясовую.

Чекушинъ началъ подергивать плечами и, прищелкивая пальцами, подпѣвать:

Эхъ, барыня-барыня,
Сударыня-барыня...

Василій заработалъ рукой еще сильнѣе, то ударяя по струнамъ, то пуская пальцами дробь по декѣ.

— Какъ словами говорятъ струны-ти!—воскликнула жена свояка и также начала поводить плечами.

Ходи изба, ходи печь!

воскликнулъ Антонъ и вдругъ сорвался съ мѣста и пустился въ присядку.

— Выручи, Настасьюшка, на прощанье!..

Настасья тотчасъ вышла изъ-за стола и, помахивая платочкомъ, бокомъ-бокомъ и притопывая каблуками, павой поплыла навстрѣчу Антону.

— Жарь, Васька, во всю!—закричалъ Антонъ.

Онъ пускалъ ногами дробь, словно на барабанѣ и, оторвавъ ее ударомъ каблука, падалъ внизъ и работалъ въ присядку, приближаясь къ Настасьи. Съ легкимъ перебоемъ каблуковъ она переметывалась на противоположную сторону и съ вызывающей улыбкой подманивала его платочкомъ. Тогда Антонъ—руки въ боки будто шопоткомъ, выдѣлывалъ на носкахъ самыя замысловатыя штуки, думая прельстить коварную. Совсѣмъ подплывала къ нему Настасья и только Антонъ протягивалъ къ ней руку, какъ она снова перекидывалась въ сторону и плавала вокругъ него съ легкимъ шопоткомъ. Снова летѣлъ Антонъ въ присядку, выкидывая ногами то впередъ, то въ стороны, то вскакивая выше стола и разсыпаясь могучей дробью каблуковъ...

Живы будемъ, попируемъ,
А помремъ—все нипочемъ!..

вскрикивалъ онъ подъ надрывающееся дребезжанье балалайки.

Стѣны избы тряслись отъ этой залихватской дроби, посуда на столѣ звенѣла, будто также намѣреваясь пуститься въ присядку. Что-то захватывающее, безудержное было въ бѣшеной пляскѣ разгулявшагося богатыря...

— Ну и пляшешь ты, Антонъ Матвѣичъ!—въ восторгѣ воскликнулъ Чекушинъ, когда плясавшіе, наконецъ, усѣлись на прежнихъ мѣстахъ.

— Разойтись негдѣ,—промолвилъ Антонъ:—вотъ на волю выйдемъ, тогда попляшемъ...

Я взглянулъ на его богатырскія плечи, высокую грудь, мужественное лицо и подумалъ, что, дѣйствительно, этой натурѣ тѣсно въ убогихъ условіяхъ деревенской жизни съ ея нищетой и безправной приниженностью.

— Пѣсню бы теперь!—произнесъ Антонъ, выпивъ вмѣстѣ съ другими и тотчасъ затянулъ:

Ахъ, ты-ы но-оче-енька,
Ночка те-емна-а-я...

Чекушинъ и бабы подхватили:

Но-очь осе-енняя...

Грустный, тягучій мотивъ щемилъ сердце, звалъ въ неясную даль къ чему-то туманному, но обаятельно-прекрасному... И въ окно уже смотрѣла ночь и, приложившись къ стеклу, можно было видѣть далекія-далекія звѣздочки, при звукахъ этой пѣсни будившія мечты о таинственныхъ мірахъ, полныхъ нездѣшняго счастья и очарованія...

V.

На другой день я уѣхалъ въ городъ и вернулся недѣли черезъ полторы поздно вечеромъ, когда всѣ уснули. Усталый, я тотчасъ же раздѣлся и легъ.

Подъ утро мнѣ снился «страшный» сонъ.

Въ верстѣ отъ села Ломовки стояла мельница съ плотиной. По ту сторону плотины была полноводная рѣчка, а за запрудой отъ нея оставался только небольшой ручеекъ.

Снилось мнѣ, что эта плотина неожиданно рухнула, вода стремительно наполнила ручеекъ, который съ сказочной быстротой, какъ это бываетъ только во снѣ, вздулся до огромной рѣки и хлынулъ на поля и село. Кипучей стѣной неслась вода, ниспровергая все на пути, вырывая съ корнемъ деревья и вертя ихъ, какъ щепки, въ образовавшихся повсюду водоворотахъ... Вотъ водяная стѣна съ дикимъ ревомъ налетѣла на дома, моментально смыла ихъ и понеслась дальше, неся гибель и смерть всему, что встрѣтится на пути...

Я въ ужасѣ проснулся и съ радостью убѣдился, что это только сонъ. Но на дворѣ, дѣйствительно, раздавался необычный шумъ, хотя было раннее утро.

Я наскоро одѣлся и вышелъ. Въ сѣнцахъ стояли хозяйки, почему-то всхлипывавшія. Ваня съ испуганными глазами держался за сарафанъ матери. Тутъ же присутствовавшій Өедоръ, слезливо мигая глазами, взволнованно и отрывочно передалъ мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, что за время моего отсутствія староста подалъ въ волостной судъ жалобу на Антона, который за оскорбленіе старосты и былъ приговоренъ къ двадцати ударамъ розогъ. Антона уже вызывали въ волостное для исполненія надъ нимъ приговора, но онъ не явился и вотъ теперь начальствомъ присланы мужики для доставки Антона въ волостное правленіе силою.

Я вышелъ на крылечко и увидѣлъ слѣдующую картину.

Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза, что ворота и калитка были заложены засовомъ, возлѣ котораго стоялъ мужикъ. Антонъ, одѣтый въ поддевку, съ картузомъ на головѣ (не бѣжать ли хо-

тѣлъ?—подумалъ я) стоялъ въ глубинѣ двора, у навѣса. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, полукругомъ, волновалась толпа, загораживая ворота. Впереди всѣхъ былъ староста.

— Сдайся, Антонъ Антиповъ!—кричалъ онъ:—вѣдь, не уйдешь. Мало насъ будетъ, все село приведу, а не выпустимъ.

Антонъ, какъ затравленный волкъ, озирался во всѣ стороны, очевидно, опасаясь, чтобы его не обошли сзади. Глаза его горѣли негодованіемъ и злобой и лицо было страшно блѣдно.

— Слушай вы, баранье пустоголовое! — воскликнулъ онъ: — Богомъ вамъ клянусь, что живымъ не дамся я вамъ пороть меня! Лучше пропусти! Худо будетъ! Клянусь Богомъ — худо будетъ! Не доводи до послѣднева!

Толпа въ нерѣшительности замялась.

— Что тутъ слушать его!—крикнулъ староста:—гляди—дворянинъ какой выискался! Прочихъ порютъ, а онъ — не дамся! Коли начальство приказало—бери его, говорю я вамъ, али сами того же захотѣли!—кричалъ староста на мужиковъ.

— Бери и въ самъ-дѣлѣ! Ишь раскуражился! Отвѣчай потомъ за него!—закричали и въ толпѣ.

На Антона кинулись. Но онъ ударами кулаковъ свалилъ съ ногъ загородившихъ ему дорогу и, перепрыгивая черезъ нихъ, бросился къ воротамъ.

Со свистомъ брошенный изъ толпы колъ запутался у него между ногъ и онъ плашмя упалъ.

Толпа стремительно ринулась на него уже съ яростнымъ крикомъ:—«Такъ ты вотъ какъ! Стой же!»

Антонъ, мгновенно стряхнувъ съ себя насѣвшую на него кучу, вскочилъ на ноги. Уже безъ картуза, въ разорванной поддевкѣ, съ блѣднымъ окровавленнымъ лицомъ, онъ бѣшено схватилъ тотъ же колъ, о который запнулся и, расчищая дорогу, съ размаха ударилъ имъ по первымъ подвернувшимся направо и налѣво.

Два мужика упали, какъ подкошенные.

— Убилъ! Держи убивца!—кричали въ толпѣ.

Антонъ судорожно выбрасывалъ изъ воротъ засовъ. На него бросились сзади, ухватываясь за ноги, повиснувъ на рукахъ. Ворота стояли уже настежъ и Антонъ съ нечеловѣческими усиліями продолжалъ бороться. Тогда одинъ маленькій тщедушный мужичишко, вертѣвшійся позади, схватилъ лежавшій на землѣ все тотъ же колъ и ударилъ имъ Антона по головѣ, на который тотчасъ показалась кровь. Антонъ пошатнулся и его мгновенно бросили на-земь. Одни разъяренно били его, по чемъ попало, другіе лихорадочно хватали заготовленныя возжи и вязали ему руки и ноги.

Бабы, стоявшія на крыльцѣ, голосили навзрыдъ. Ваня, обли-

ваясь слезами и дрожа, какъ листъ, дергалъ мать за сарафанъ и надрывающимъ душу голосомъ кричалъ:

— Тятинька! Родимой тятинька!..

VI.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Антона судили и за убійство двухъ человѣкъ осудили на каторгу.

Я присутствовалъ при выступленіи изъ города той партіи, въ которой его отправляли.

Былъ тотъ моментъ, когда уже простившихся съ родными арестантовъ выводили за ворота тюрьмы, чтобы въ послѣдній разъ пересчитать и выстроить для пути.

Антонъ въ арестантскомъ армякѣ стоялъ въ первой линіи, крайнимъ справа. Онъ сильно измѣнился: лицо сдѣлалось желто-блѣднымъ, щеки ввалились и весь онъ замѣтно осунулся. Только глаза горѣли зловѣщимъ блескомъ.

Въ толпѣ приходившихъ проститься молча стояли Ѳедоръ съ женой Антона и сыномъ и Василій.

Арестантовъ пересчитывали.

Антонъ взглянулъ въ нашу сторону и пальцемъ поманилъ сына. Ваня безстрашно кинулся къ отцу, который поднялъ его и поцѣловалъ. Мнѣ показалось, что на глазахъ несчастнаго убійцы блеснули слезы.

— Кто тамъ прощается!—закричалъ унтеръ:—сказано—нельзя теперича! Не напрощались!

Антонъ, смѣривъ убійственно-презрительнымъ взглядомъ подскочившаго унтера, молча отпустилъ ребенка и медленно поправилъ увязанный на спинѣ мѣшокъ съ вещами.

— Ну, смотри, въ ногу идти!—скомандовалъ выступившій передъ партіей унтеръ:—съ лѣвой ноги начинать! Ну, трогай! Лѣвой! Лѣвой!..

Партія, мѣрно звякая кандалами, проходила. Я провожалъ ее глазами. Выше всѣхъ ростомъ—Антонъ гордо несъ свою голову. За партіей загромыхали по мостовой повозки съ арестантскимъ скарбомъ.

Была весна. Воробьи весело чирикали, порхая по деревьямъ съ недавно распустившимися, еще клейкими листочками, ярко зеленѣвшими. Но день стоялъ хмурый. Солнца изъ-за тучъ не было видно и порывами налеталъ вѣтеръ. Онъ подхватывалъ кучи пыли, сметенной къ тротуарамъ, съ жалобнымъ свистомъ крутилъ ихъ столбами и мчалъ ихъ далеко, далеко...

Н. Никифоровъ.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Къ десятилѣтію со дня его смерти.

(1829 — 1894 гг.).

„Dieu ne puis, Roi ne daigne, Artiste je suis“.

„Ich habe gelebt, geliebt uud gespielt“.

„Ich komme mir recht unlogisch vor. Im leben Republikaner und radikal, bin ich in der Kunst konservativ und Despot“.

A. Rubinstein.

I.

Въ 1893 году 31-го октября нашъ маститый писатель Д. В. Григоровичъ получилъ въ свой юбилей въ числѣ многихъ другихъ одну телеграмму такого содержанія: «Примите поздравленіе отъ музыкальнаго Антона Горемыки».

Эта телеграмма была отъ Антона Рубинштейна, одного изъ самыхъ знаменитыхъ и популярныхъ артистовъ XIX-го вѣка. Я хорошо помню насмѣшливую улыбку и слова, которыя эта телеграмма вызвала у многихъ прочитавшихъ ее артистовъ: «Великій Антонъ позируетъ своей горемычностью—вѣдь онъ счастливѣйшій изъ людей».

И дѣйствительно, трудно представить себѣ болѣе счастливую жизнь, чѣмъ жизнь этого человѣка.

Одаренный геніальнымъ исполнительскимъ талантомъ, Антонъ Рубинштейнъ еще юношей занялъ среди піанистовъ первое мѣсто, оставшееся вакантнымъ послѣ того, какъ Листъ добровольно удалился съ концертной эстрады. Предоставленный самому себѣ съ шестнадцатилѣтняго возраста, А. Р. всю свою жизнь могъ дѣлать и дѣлалъ только то, что хотѣлъ. А хотѣлъ онъ безконечно многаго: одаренный изумительной работоспособностью и безпредѣльной жаждой дѣятельности, онъ не хотѣлъ удовлетвориться славой перваго піаниста своего времени. Его не удовлетворяла та власть надъ людьми, которой онъ чувствовалъ себя обладателемъ, когда, потрясая своей львиной гривой, наклонивъ геніальное лицо надъ клавіатурой, онъ ударялъ пальцами по клавишамъ и изъ инструмента лилось живое воспроизведеніе людскихъ страданій и радостей, воспроизведеніе, вызывавшее сочувственный трепетъ въ тысячахъ сердецъ. Онъ хорошо зналъ, что эта власть

длится только то время, когда онъ играетъ; а онъ жаждалъ власти вѣчной, той власти, которая дана духу творящему, дана художнику, создающему созданія «по образу и подобію своему», и этимъ актомъ творчества наглядно показывающему, что онъ есть живая часть той силы, которая создала вселенную. Съ свойственной ему энергіей и безпредѣльнымъ трудолюбіемъ А. Р. всю жизнь боролся за безсмертіе, за право быть такимъ же великимъ композиторомъ, какимъ онъ былъ піанистомъ, и въ этой борьбѣ великій человѣкъ въ концѣ своей жизни почувствовалъ себя побѣжденнымъ: та власть надъ сердцами людей, которой онъ пользовался полвѣка, ускользала изъ его рукъ еще при его жизни, и мысль о загробной власти надъ людьми, мечта о безсмертіи въ своихъ сочиненіяхъ начинала казаться великому артисту все болѣе и болѣе несбывшеюся.

Вотъ это разочарованіе въ мечтахъ своей юности и давало такой грустный фонъ послѣднимъ годамъ жизни Рубинштейна, и послужило ему поводомъ публично говорить о своей «горемычности», хотя бы для насъ, обыкновенныхъ людей, судьба его казалась завидной во многихъ отношеніяхъ.

Какъ композиторъ, Рубинштейнъ поражаетъ прежде всего своею плодовитостью. Въ этомъ отношеніи онъ далеко превзошелъ Бетховена, и можетъ быть сопоставляемъ развѣ съ Шубертомъ или Моцартомъ.

Но въ то время, какъ у этихъ двухъ геніевъ плодовитость была результатомъ неизсякающаго источника вдохновенія, у Рубинштейна она являлась слѣдствіемъ какой-то неутомимой жажды труда и не знающей усталости работоспособности, которая въ особенности поражаетъ при сложности его занятій.

Онъ писалъ во всѣхъ родахъ музыкальнаго сочиненія: въ серьезномъ и легкомъ, въ большихъ формахъ и въ мелкихъ, вокальную музыку и инструментальную, и во всѣхъ областяхъ оставилъ сочиненія болѣе или менѣе значительныя. Но настоящимъ успѣхомъ они никогда не пользовались, и автора, привыкшаго покорять залъ въ качествѣ геніальнаго виртуоза, не могло удовлетворять выраженіе «почтительнаго уваженія», которымъ его встрѣчали, какъ композитора. И чѣмъ болѣе значенія придавалъ авторъ своему сочиненію (симфоніи, ораторіи), тѣмъ яснѣе выступало «почтительное уваженіе» публики, и исчезалъ тотъ энтузіазмъ, который очень часто вызывали мелкія сочиненія Рубинштейна, сочиненія, которымъ онъ самъ придавалъ неизмѣримо меньшее значеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Рубинштейнъ всегда былъ далекъ отъ иллюзій «непонятаго генія», котораго оцѣнятъ лишь въ будущемъ, и ничуть не позировалъ авторской скромностью. Онъ отводилъ себѣ мѣсто въ первыхъ рядахъ композиторовъ. «Въ Брамсѣ я вижу продолженіе Шумана, въ себѣ продолженіе Шуберта и Шопена», читаемъ мы въ по-

смертной книгѣ Рубинштейна «Gedankenkorb» *), заключающей въ себѣ наиболѣе интимныя и задушевныя его мысли, которыхъ онъ не хотѣлъ обнародовать при своей жизни. Если при этомъ вспомнить, что Рубинштейнъ совершенно серьезно былъ убѣжденъ, что смертью Шопена «собственно музыкальное творчество кончилось», что «оно умерло или обмерло» на неопредѣленный срокъ, то мы должны бы видѣть въ творчествѣ Рубинштейна продолженіе творчества Шопена не въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія его, а скорѣе какъ бы заключительныя пѣсни періода истиннаго творчества.

Для Рубинштейна дѣйствительно Шопенъ былъ идеаломъ музыкальнаго творчества, и дальнѣйшая исторія музыки есть исторія ея паденія. Рубинштейнъ не считалъ себя призваннымъ возродить музыкальное творчество, создать новыя формы его. Въ самой сущности своей натура Рубинштейна была глубоко консервативная, и въ ней мы не найдемъ и слѣда того движущаго безконечно впередъ стремленія, которое сдѣлало изъ русскаго барина Глинки *создателя національной оперы* или заставляло неукротимаго Вагнера въ поискахъ новыхъ путей разрушать всѣ старыя оперныя формы.

Консерваторомъ я называю Рубинштейна потому, что онъ видѣлъ идеалъ музыкальнаго творчества не впереди, не въ безконечности, а считалъ его уже достигнутымъ (а идеалъ достигнутый ужели идеалъ?), и относился къ попыткамъ идти дальше этого идеала если не непріязненно (для этого онъ былъ слишкомъ высокого благородства человѣкъ), то искренно съ глубочайшимъ недовѣріемъ. Весьма любопытно его признаніе въ упомянутой книгѣ «Gedankenkorb», которое характеризуетъ двойственность его настроеній: «Я живу въ постоянномъ противорѣчіи съ самимъ собою, т.-е. я думаю иначе, чѣмъ я чувствую — писалъ Рубинштейнъ.—Въ церковно-религіозномъ отношеніи я атеистъ, но я убѣжденъ, что было бы несчастіемъ, если бы люди не имѣли религіи, церкви, Бога. Я республиканецъ, однако я убѣжденъ, что единственная форма правленія, соотвѣтствующая истинной сущности людей, есть строго монархическая. Я люблю ближняго, какъ самого себя, однако убѣжденъ, что люди заслуживаютъ немного болѣе, чѣмъ умѣренной оцѣнки, какъ необразованные, такъ и образованные, и даже выдающіеся люди. Это противорѣчіе въ моей сущности составляетъ горечь моей жизни, потому что единственно логичнымъ можетъ быть, когда человѣкъ думаетъ, какъ чувствуетъ, и чувствуетъ, какъ думаетъ. Развѣ я дѣйствительно уродъ?».

Причина малаго успѣха главнѣйшихъ сочиненій Рубинштейна лежала не въ публикѣ, не въ какихъ-либо внѣшнихъ условіяхъ **), а въ

*) Издана по-нѣмецки въ Лейпцигѣ въ 1897 году согласно волѣ покойнаго артиста. По-русски переведена въ 1904 году подъ заглавіемъ: А. Рубинштейнъ. „Мысли и афоризмы“.

**) Въ этомъ отношеніи Р. былъ, наоборотъ, настоящимъ баловнемъ счастья: первое его сочиненіе было напечатано за границей, когда автору было всего

нихъ самихъ. Причина была та, что Рубинштейнъ слишкомъ часто пытался создавать произведенія такой формы, для которой не хватало ни силы, ни глубины его таланта. Что Рубинштейнъ обладалъ настоящимъ, оригинальнымъ, сильнымъ творческимъ даромъ, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія для того, кто слышалъ его романсы, его фортепіанныя сочиненія, темы его большихъ камерныхъ или симфоническихъ сочиненій, его оперы.

Но что этотъ творческій даръ изсякалъ очень часто въ самомъ началѣ созданія большого произведенія, и замѣнялся формальной работой, композиторской техникой,—это не менѣе ясно для каждаго, кто знаетъ его симфоніи и квартеты. Именно этотъ высшій родъ музыкальнаго творчества, котораго недосягаемые образцы далъ намъ Бетховенъ, является камнемъ преткновенія для всѣхъ послѣдующихъ композиторовъ, не исключая такихъ геніевъ, какъ Шубертъ или Шуманъ. Самый характерный признакъ сонатной формы, составляющей основу симфонической и камерной музыки, есть развитіе двухъ основныхъ темъ (рѣдко болѣе) въ органически цѣльное произведеніе, подобно тому, какъ въ романѣ мы имѣемъ развитіе основной идеи или характеровъ. Мелкія музыкальныя произведенія подобны разсказу или повѣсти, въ которыхъ дается только одинъ моментъ изъ душевной жизни человѣка. Вотъ именно музыкальное развитіе душевной жизни или характера, которое даетъ намъ произведеніе Бетховена, и является почти непреодолимымъ препятствіемъ при созданіи сонатной формы у послѣ-Бетховенскихъ композиторовъ. Эта форма не получила дальнѣйшаго развитія, но композиторы, чувствуя свою слабѣйшую сторону, пытались найти новыя средства, съ помощью которыхъ можно было бы создавать большую форму изъ двухъ или болѣе основныхъ темъ. Такими средствами были: программа, т.-е. словесное изображеніе нѣкотораго ряда явленій, которое возбуждало бы творческую фантазію композитора и давало бы ему руководящую нить въ развитіи большой композицій. Создателемъ программой музыки считается Берліозъ, огненная фантазія котораго, къ сожалѣнію, значительно превосходила его музыкальное творческое дарованіе. Затѣмъ, въ связи съ романтическимъ движеніемъ въ литературѣ явилось стремленіе композиторовъ придавать особый интересъ своимъ сочиненіямъ, сообщая имъ національный колоритъ. Это была

---

12 лѣтъ. И со временемъ всѣ его произведенія начатались на расхватъ и если ему мало платили, такъ потому лишь, что онъ не требовалъ большаго. Точно также оперы и ораторіи Р. ставились много разъ на лучшихъ сценахъ за границей и у насъ. Нѣтъ никакого сравненія въ положеніи Р. съ тѣмъ, что пришлось у насъ испытать Глинкѣ, съ котораго дирекція театровъ взяла подписку не требовать вознагражденія за постановку „Жизни за царя“. Если же на родинѣ сочиненія Рубинштейна встрѣчали порой рѣзкія нападенія (Сѣровъ, Кюи, Стасовъ), то нужно помнить, что у насъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, музыкальная критика способна создать или уничтожить успѣхъ композитора, и въ особенности по отношенію къ такому музыкальному божеству, какимъ былъ Р. для русской публики.

дѣйствительно свѣжая и плодотворная струя, наиболѣе отразившаяся въ творчествѣ русскихъ (Глинка, Римскій - Корсаковъ, Бородинъ) и скандинавскихъ композиторовъ (Гаде, Григъ, Свендіенъ).

Далѣе, у нѣкоторыхъ композиторовъ, особенно одаренныхъ лирическимъ талантомъ и большимъ темпераментомъ, сонатная форма должна была стать средствомъ ихъ личныхъ душевныхъ изліяній (Чайковскій). Наконецъ, весьма многіе, начиная съ Мендельсона, умѣли удачно прикрывать отсутствіе глубины содержанія ловкостью въ построеніи формы и блескомъ инструментовки.

Всѣмъ этимъ направленіямъ Рубинштейнъ отдалъ достаточную дань, и всегда съ слабымъ успѣхомъ.

Оладая хорошей композиторской техникой (онъ учился у знаменитаго Дена), Рубинштейнъ не затруднялся гладко сочинять даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у него явно отсутствовало вдохновеніе. Но въ его работѣ отсутствовала одна черта, которй теперь нерѣдко покупается успѣхъ въ публикѣ, эта черта — умѣнье инструментировать свои сочиненія. У Рубинштейна еще болѣе чѣмъ, у Шумана и Брамса, почти отсутствовала способность, которую такъ удачно называютъ «красочнымъ слухомъ». Онъ не умѣлъ смѣшеніемъ тембровъ инструментовъ, находить то безконечное разнообразіе звуковыхъ красокъ, которое такъ восхищаетъ насъ у Берліоза, Вагнера, Римскаго-Корсакова; оркестръ Рубинштейна всегда звучитъ сѣро, тускло, безцвѣтно.

Что касается програмной музыки, то Рубинштейнъ, будучи въ теоріи противъ всякаго посягательства слова на чистоту и самостоятельность музыки (онъ ставилъ инструментальную музыку несравненно выше вокальной), на практикѣ охотно прибѣгалъ къ услугамъ программы, какъ въ симфоніи «Океанъ», такъ и въ симфоническихъ картинахъ: «Фаустъ», «Иванъ Грозный», «Донъ-Кихотъ». Эти произведенія, считающіяся лучшими изъ оркестровыхъ сочиненій Рубинштейна, имѣютъ обыкновенно хорошій успѣхъ въ публикѣ, но сильно теряютъ, если сопоставить ихъ съ програмными сочиненіями его современниковъ, съ увертюрой «Фаустъ» Вагнера, даже съ изящными, хотя и не глубокими, симфоническими поэмами Сенъ-Санса.

Національный колоритъ, который составилъ славу Глинки и «русской школы», совершенно не давался Рубинштейну. Его попытки сочинять по русски («Иванъ Грозный», «Русская Симфонія» № 5) нужно считать совершенно неудачными. Русскаго духа въ сочиненіяхъ Рубинштейна, даже написанныхъ на народныя темы, нѣтъ и слѣда. Это признаетъ даже одинъ изъ самыхъ преданныхъ поклонниковъ композитора, нашъ лучшій критикъ Ларошъ *). Я отнюдь не хочу ставить въ упрекъ великому артисту отсутствіе національнаго русскаго элемента въ его

*) Забавно отмѣтить, что наиболѣе настойчиво провозглашаетъ Рубинштейна русскимъ композиторомъ, „съ складомъ русскаго ума и чувства“, критикъ „Новаго Времени“ М. И. Ивановъ.

сочиненіяхъ, какъ это часто дѣлали Стасовъ и Кюи. Рубинштейнъ, еврей по рожденію, нѣмецъ по воспитанію, столько сдѣлалъ для развитія европейской музыки въ Россіи и какъ артистъ, и какъ основатель Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, что было бы съ нашей стороны черной неблагодарностью предъявлять претензіи на то, что композиторъ пишетъ не такъ, какъ диктуетъ ему его творческій духъ. Я указываю здѣсь только на отсутствіе русскаго духа въ творчествѣ Рубинштейна, какъ на одну изъ причинъ, уменьшавшихъ его успѣхъ въ русской публикѣ, и обезпечившихъ ему, съ другой стороны, благосклонность нѣмецкой критики.

Меня лично въ большихъ сочиненіяхъ Рубинштейна непріятно поражаетъ почти всегда отсутствіе темперамента, того огня искренняго одушевленія, который вопреки недостаткамъ формы всегда передается публикѣ, и зажигаетъ въ ней сочувственный энтузіазмъ, какъ это дѣлалъ Чайковскій. Та способность напречь всѣ свои душевныя силы въ данный моментъ, чтобы побѣдить публику и заставить ее пережить тѣ чувства, какихъ отъ нея требуетъ артистъ, этотъ божественный огонь одушевленія, который съ такой силой проявлялся въ Рубинштейнѣ, когда онъ игралъ, и который мы нерѣдко чувствуемъ въ его романсахъ и фортепіанныхъ сочиненіяхъ съ яркостью и блескомъ истиннаго таланта,—въ большихъ его сочиненіяхъ почти всегда превращается въ блѣдное пламя, кое-гдѣ только вспыхивающее яркой искрой, въ пламя, заглушаемое золой формальной работы и заимствованной учености. Такое же чувство испытываетъ и публика, и въ этомъ причина того поразительнаго неуспѣха, которымъ сопровождается каждый концертъ, устраиваемый изъ однихъ сочиненій Рубинштейна, неуспѣха, ставшаго послѣ смерти великаго артиста еще яснѣе.

Гораздо большій успѣхъ имѣли оперы Рубинштейна. У насъ особой популярностью пользуется «Демонъ», за границей «Маккавеи»; но и другія оперы (всего ихъ десять) имѣли большій или меньшій успѣхъ, главнымъ образомъ, въ Германіи. Успѣхъ рубинштейновскихъ оперъ обусловливается преимущественно непосредственнымъ мелодическимъ дарованіемъ композитора. Въ области оперы Рубинштейнъ былъ не менѣе консервативенъ, чѣмъ въ другихъ, и всякія попытки исканія новыхъ путей, какъ речитативное направленіе русской школы, такъ и вагнеризмъ, не вызывали въ немъ никакого сочувствія. Въ оперѣ Рубинштейнъ былъ эклектикъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и здѣсь можно прослѣдить вліяніе всѣхъ стилей сочиненія, больше всего, однако, французско-итальянскаго, какъ онъ развился въ парижской большой и комической операхъ. Нельзя не отмѣтить склонности Рубинштейна къ восточному колориту, который ему иногда очень удавался («Фераморсъ», «Демонъ», «Маккавеи») *).

---

* Указывая здѣсь на значительный успѣхъ нѣкоторыхъ оперъ Рубин-

Единственная область, гдѣ Рубинштейнъ хотѣлъ былъ новаторомъ, это духовная опера. Такихъ сочиненій (ораторіи, духовныя оперы) онъ написалъ нѣсколько («Потерянный рай», «Вавилонское столпотвореніе», «Моисей», «Христосъ»), и мечталъ объ исполненіи ихъ на сценѣ, для чего онъ хотѣлъ бы видѣть построенными особые театры въ главныхъ городахъ, театры, въ которыхъ исполнялись бы только сочиненія, иллюстрирующія Ветхій и Новый Завѣтъ. Странная это была идея! Она была бы понятна, если бы Рубинштейнъ дѣйствовалъ въ интересахъ какой-нибудь церкви. Но онъ прямо заявлялъ и въ своей статьѣ о духовной оперѣ, помѣщенной въ особомъ изданіи Joc. Lewinsky «Vor den Coulissen», Берлинъ, и въ своей книгѣ «Gedankenkorb», что движетъ имъ отнюдь не религіозное чувство, такъ какъ онъ индиферентистъ въ религіи, а исключительно любовь къ искусству. Въ такомъ случаѣ совершенно непонятно, для чего нужны особые театры, и почему вся священная исторія должна быть положена на музыку. Ораторіи Рубинштейна заключаютъ въ себѣ много прекрасной музыки, но едва ли имѣютъ будущность, какъ по трудности ихъ постановки, такъ и вслѣдствіе своего страннаго положенія между церковью, сценой и эстрадой.

Итакъ, Рубинштейнъ, положившій большую часть своихъ душевныхъ силъ на созданіе музыкальныхъ произведеній, могъ бы быть доволенъ своимъ сравнительнымъ успѣхомъ, если бы онъ не былъ Рубинштейномъ. Но все дѣло въ томъ, что его успѣхъ, какъ исполнителя, былъ неизмѣримо выше, и Рубинштейнъ страдалъ отъ боязни быть забытымъ, какъ только замолкнутъ волшебные звуки его фортепіано.

Невозможно словами дать даже отдаленнаго представленія о дѣйствіи игры Рубинштейна на публику. Кто слышалъ его хоть разъ въ жизни, долженъ сказать, что испытанное имъ впечатлѣніе единственное и никогда не повторится. Главное, что васъ поражало въ этомъ исполненіи, это громадная, яркая индивидуальность артиста: въ этомъ человѣкѣ, наклонившемся надъ клавіатурой своимъ характернымъ лицомъ, такъ напоминавшимъ Бетховена, сосредоточивался цѣлый міръ людскихъ страстей, желаній и страданій, и этотъ міръ въ творчествѣ великаго артиста получалъ особый, рубинштейновскій, болѣе не повторяющійся отпечатокъ.

Такой же яркой, цѣльной, характерной индивидуальностью являлся Рубинштейнъ и въ жизни, какъ частный человѣкъ и какъ общественный дѣятель. Когда я учился въ консерваторіи въ 1887—1890 годахъ, я часто видалъ его за работой и въ оркестровомъ классѣ учениковъ, и на репетиціяхъ концертовъ, и на экзаменахъ, и всегда, глядя на

штейна, я долженъ все же оговориться, что съ точки зрѣнія высшихъ требованій отъ оперы, о которыхъ я говорилъ въ статьяхъ о Глинкѣ и Чайковскомъ, съ точки зрѣнія созданія характеровъ или музыкальнаго воспроизведенія дѣйствія, оперы Рубинштейна не идутъ выше средняго уровня.

него, я думалъ: «какой великолѣпный экземпляръ человѣческой породы, какое дивно прекрасное твореніе такой человѣкъ!» Личное вліяніе Рубинштейна на окружающихъ было импонирующее въ высшей степени: каждый чувствовалъ, что видитъ предъ собою великаго человѣка, свободнаго отъ тѣхъ мелкихъ, эгоистическихъ желаній, которыя опутываютъ всю нашу жизнь, человѣка, призваннаго будить въ насъ высшія, лучшія чувства, и отдающаго этому дѣлу всѣ свои силы и помышленія. Ларошъ, вспоминая годы своего ученія въ только что основанной Рубинштейномъ с.-петербургской консерваторіи въ 1862 г., говоритъ *): «Нельзя представить себѣ ничего подобнаго обожанію, которое мы, молодежь, питали къ Антону Григорьевичу». Тамъ же этотъ писатель, занимающій выдающееся положеніе въ нашей музыкальной литературѣ, признается, что, когда ему приходилось писать объ Антонѣ Григорьевичѣ гораздо позже консерваторскихъ годовъ, онъ всегда «чувствовалъ его невидимое присутствіе, его продолжающееся давленіе». Это подавляющее вліяніе личности Рубинштейна на окружающихъ объясняетъ и тотъ крайне интересный фактъ, что во всю жизнь свою этотъ человѣкъ не имѣлъ друга, не имѣлъ потребности въ дружескихъ изліяніяхъ, которымъ отдаетъ каждый изъ насъ часть своего душевнаго тепла. По крайней мѣрѣ, я не встрѣтилъ въ литературѣ о Рубинштейнѣ указаній такого рода: несчетному числу лицъ оказывалъ Рубинштейнъ покровительство, благожелательность, дружеское участіе, не говоря уже о матеріальной помощи; еще большее число лицъ обожали его, посвящали свои силы на служеніе ему и освобожденіе его отъ мелочей жизни **); но друга, который стоялъ бы съ нимъ на равныхъ дружескихъ правахъ, онъ не имѣлъ.

Еще болѣе интересно было бы имѣть свѣдѣнія о томъ, какую роль играла любовь въ жизни этого человѣка, котораго обожали и которому были преданы всей душой столько женщинъ. Но объ этой сторонѣ жизни Рубинштейна мы имѣемъ только косвенные намеки. Свидѣтели любовной жизни—письма Рубинштейна почти не существуютъ. Всѣ получаемыя имъ письма онъ уничтожалъ, а самъ писать письма ненавидѣлъ, и подвергалъ себя этой непріятности только въ крайности, когда иначе нельзя было. Прослѣдить, какую роль играла любовь въ творчествѣ Рубинштейна, какъ это мы могли сдѣлать въ біографіяхъ

*) Въ книгѣ „Воспоминанія А. Г. Рубинштейна" изданіе „Русской Старины" 1889 г.

**) Въ мелочахъ жизни Рубинштейнъ былъ безпомощенъ, какъ ребенокъ. Эта безпомощность проявлялась не только въ его денежныхъ дѣлахъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. М. А. Давыдова, въ семьѣ которой Рубинштейнъ часто бывалъ, описываетъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1899 г., какъ, напр., укладывалъ артистъ свои вещи въ чемоданъ, когда уѣзжалъ, или какой трудной операціей казалось для него заказываніе новаго платья или покупка какой-нибудь вещи въ магазинѣ.

Глинки и Чайковскаго, невозможно, хотя понятіе о силѣ его страсти можно получить, услышавъ его романсъ «Ночь». О своей семейной жизни Рубинштейнъ говоритъ въ «Воспоминаніяхъ» болѣе чѣмъ кратко: «Съ 1865 года я женатъ, но дѣлалъ свои путешествія всегда одинъ». Женатъ былъ Рубинштейнъ на Вѣрѣ Александровнѣ Чикуановой, дочери русскаго помѣщика-дворянина, бывшаго гвардейскаго офицера, и имѣлъ одну дочь и двухъ сыновей. Изъ этихъ лицъ уже нѣтъ въ живыхъ старшаго сына, Якова Антоновича.

Нѣкоторое понятіе объ отношеніи Рубинштейна къ женщинамъ дадутъ намъ нѣсколько выписокъ изъ его посмертной книги «Gedankenkorb». «Das ewig Weibliche zieht uns *hinab*»,—понятіе о женщинѣ нѣсколько отличное отъ того, которымъ заканчивается «Фаустъ» Гёте: тамъ Chorus Mysticus поетъ: «Das Ewigweibliche zieht uns *hinan*». «Физическая сила и ловкость тѣла мужчины вліяютъ на женщину въ несравненно бо́льшей степени, чѣмъ художественное исполненіе» (изъ сравненія своей игры въ Испаніи и успѣха тореадора). «Когда-то я хотѣлъ написать композицію: «Любовь, тема съ варіаціями», но не исполнилъ этого намѣренія, потому что прежде я умѣлъ найти тему, но для варіацій у меня не хватало нужныхъ свѣдѣній; теперь я могъ бы написать варіаціи, но я не въ силахъ изобрѣсти тему». «Ко всему можетъ человѣкъ привыкнуть, исключая возбуждающаго дѣйствія пола и низости ближняго». «Выдающійся артистъ не долженъ жениться — его исключительное положеніе въ обществѣ подвергаетъ его такъ часто и такимъ своеобразнымъ искушеніямъ, что онъ долженъ бы быть святымъ, чтобы имъ противустать. Если же онъ все же хочетъ жениться, то пусть найдетъ себѣ жену, которая бы обладала настолько жизненной мудростью, чтобы отличить невѣрность отъ случайнаго чувственнаго заблужденія—потому что онъ измѣнилъ бы женѣ только тогда, когда забылъ бы для другой ее, себя самого, дѣтей, и отдалъ бы той другой себя и все свое (all sein Hab und Gut). Но пока онъ привязанъ къ другой только чувственно, и не отдаетъ ей своего сердца, его жена не должна отчаяваться—его «лучшее я» принадлежитъ вѣдь ей, онъ былъ только слабъ и не могъ въ то мгновеніе побѣдить въ себѣ звѣря. Конечно, трудно найти жену, столь одаренную жизненной мудростью, и потому лучше вовсе не жениться;—вѣдь нужно еще принять во вниманіе, не потребуетъ ли и жена той же мудрости отъ него самого».

«Мужчина относится къ женщинѣ, какъ къ цвѣтку: восхищается имъ, нюхаетъ, срываетъ, носитъ его, и когда онъ завянетъ, беретъ другой цвѣтокъ. Но для мужа жена никогда не увядающій Эдельвейсъ» (альпійскій бѣлый цвѣтокъ). «Въ обществѣ женщина змѣя—скользитъ и жалитъ; для возлюбленнаго она кошка—граціозна, ласкается и царапаетъ; для мужа она корова—полезна и преданна—женщина, кромѣ того, драматическій элементъ творенія—и при всемъ томъ все же поэзія жизни».

Приведенныя выписки, нужно думать, являются плодомъ не размышленій, а жизненнаго личнаго опыта артиста, и могутъ служить для его характеристики. Личная жизнь Рубинштейна чрезвычайно богата событіями; но для насъ имѣютъ интересъ, главнымъ образомъ, тѣ изъ нихъ, которыя находятся въ связи съ его музыкальной или общественной дѣятельностью.

II.

Антонъ Григорьевичъ родился 16-го ноября 1829 года въ деревнѣ Вихватинецъ, на границѣ Подольской губерніи и Бессарабіи. Родители его были евреи, принявшіе православіе, вѣроятно, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія Антона, когда вся семья переселилась въ Москву. Это было въ 1834 году. Въ деревнѣ отецъ Р. занимался арендой земли, въ Москвѣ онъ устроилъ довольно большую карандашную фабрику, обезпечившую семьѣ безбѣдное существованіе. Въ воспитаніи дѣтей*) отецъ Р. принималъ, повидимому, мало участія. Тѣмъ болѣе обязаны были дѣти въ этомъ отношеніи своей матери. Калерія Христофоровна, урожденная Левенштейнъ, родомъ изъ Силезіи, была женщина замѣчательная, какъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, такъ и по образованію общему и музыкальному. Ей обязанъ Антонъ той любовью къ труду, тѣмъ уваженіемъ къ своему долгу, той прямотой характера и отвращеніемъ къ притворству, которыя составляли столь яркія черты его личности. Въ воспитаніи Антона большую роль играла строгость, не останавливавшаяся передъ тѣлесными наказаніями, и эта строгость очень характерно отличаетъ годы ранняго дѣтства Рубинштейна отъ распущенной балованности, въ которой росъ Глинка, и отъ чрезмѣрной чувствительности, окружавшей маленькаго Чайковскаго. Первоначальное обученіе Антона на фортепіано началось съ шести лѣтъ. Занималась съ нимъ мать сама, но, вѣроятно, исключительныя способности мальчика заставили ее искать болѣе авторитетнаго учителя, и выборъ ея остановился на А. И. Виллуанѣ, совершенно обрусѣвшемъ французѣ, пользовавшемся тогда въ Москвѣ репутаціей лучшаго учителя. Виллуанъ, прослушавъ мальчика, тотчасъ же согласился быть его учителемъ, причемъ отказался отъ платы, такъ какъ высокій гонораръ, который онъ получалъ, былъ бы обременителенъ для Рубинштейновъ. Съ Виллуаномъ Р. занимался съ восьми до тринадцати лѣтъ и болѣе ни у кого никогда не бралъ уроковъ на фортепіано. Р. отзывается о своемъ учителѣ съ чувствомъ живѣйшей

*) Ихъ было шестеро: четверо сыновей, и двѣ дочери. Изъ нихъ Антонъ былъ третьимъ, а четвертый сынъ Николай сдѣлался также первокласснымъ піанистомъ. Онъ посвятилъ свою жизнь Москвѣ, гдѣ основалъ консерваторію, директоромъ которой онъ былъ до своей смерти. Сестра Софья, не вышедшая замужъ и нынѣ еще здравствующая, была замѣчательной пѣвицей, хотя не выступала публично.

благодарности и считаетъ его «лучшимъ руководителемъ, котораго онъ когда-либо встрѣчалъ въ своей жизни» («Воспоминанія»). «По обыкновенію того времени—дѣло учебное шло сурово, съ большою строгостью—въ ходу были линейки, толчки и даже пощечины... Я не скажу, чтобы лично былъ за строгость, но я врагъ и распущенности,—дисциплина воли должна быть непремѣнно» («Воспоминанія А. Г. Р.»). Результатомъ этихъ занятій было то, что уже въ 1839 году Р. далъ публичный концертъ *) въ Москвѣ въ Петровскомъ паркѣ (11-го іюля), а въ слѣдующемъ году онъ предпринялъ со своимъ учителемъ концертное путешествіе по Европѣ, превратившееся въ тріумфальное шествіе геніальнаго мальчика. Р. игралъ и въ публичныхъ концертахъ въ главныхъ столицахъ Европы, и при высочайшихъ дворахъ, но «всюду и всегда являлся на эстрадахъ безъ малѣйшей робости; я просто смотрѣлъ на мои концерты, какъ на игрушку, какъ на забаву, т.-е. относился къ нимъ, какъ ребенокъ, которымъ и былъ... Несмотря на то, что мой наставникъ былъ человѣкъ строгій, я былъ ужасный шалунъ, сорви голова» («Воспоминанія»). Изъ множества замѣчательныхъ людей, которыхъ перевидалъ Р. въ эту свою поѣздку, упомянемъ о Шопенѣ, оставившемъ неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ ребенка какъ своей игрой, такъ и всей личностью и обстановкой. «Я все это, какъ теперь помню», сказалъ Рубинштейнъ на своихъ историческихъ лекціяхъ въ консерваторіи въ 1889 году, вспоминая свое посѣщеніе Шопена въ 1841 году. Тамъ же въ Парижѣ въ одномъ изъ концертовъ къ эстрадѣ подошелъ Листъ, бывшій тогда музыкальнымъ кумиромъ Европы, и поднявъ на руки геніальнаго ребенка, поцѣловалъ его и сказалъ: «вотъ наслѣдникъ моей игры». Эти слова оказались истинными, такъ какъ Листъ и А. Рубинштейнъ—два имени, рядомъ съ которыми въ области фортепіанной игры нельзя поставить никого другого.

Въ Россію маленькій Рубинштейнъ вернулся въ 1843 г. знаменитостью; онъ былъ немедленно призванъ въ Зимній дворецъ и представленъ августѣйшей фамиліи. «Императоръ Николай Павловичъ съ первой же встрѣчи отнесся ко мнѣ съ той привѣтливостью, которая въ немъ, когда онъ того желалъ, была такъ невыразимо очаровательна. Онъ обнялъ меня и шутливо сказалъ: «А, здравствуйте, ваше превосходительство» («Воспоминанія»). Въ царской семьѣ мальчика Рубинштейна осыпали ласками и драгоцѣнными подарками. Публичные концерты его въ Петербургѣ также имѣли громадный успѣхъ.

---

*) Этотъ первый концертъ, также какъ и послѣдній въ жизни Рубинштейна концертъ (въ пользу слѣпыхъ въ 1893 году), былъ данъ имъ съ благотворительной цѣлью. Это необычайно характерно для нашего великаго артиста, въ жизни котораго матеріальныя соображенія о своемъ благосостояніи всегда стояли на заднемъ планѣ.

Но какъ деньги съ концертовъ, такъ и подарки, заложенные въ ломбардѣ, немедленно ушли на нужды семьи Рубинштейна, такъ какъ дѣла его отца въ это время уже начали приходить въ упадокъ.

Какъ умная женщина, мать Рубинштейна, однако, понимала, что для полнаго развитія геніальныхъ способностей ея сына полученнаго имъ музыкальнаго образованія недостаточно: онъ долженъ былъ заняться еще теоріей музыки, и, кромѣ того, нужно было позаботиться также о его общемъ образованіи. Въ описываемое время Р., повидимому, былъ обученъ только грамотѣ, вѣроятно по-русски и по-нѣмецки. «Весь поглощенный музыкой, я не помню, когда и какъ обучился грамотѣ», говоритъ Р. въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Съ цѣлью дальнѣйшаго развитія своего сына мать Р. переселяется въ 1844 г. въ Берлинъ, взявъ съ собою сыновей Антона и Николая и дочь Любовь. Здѣсь мать Р. имѣла авторитетныхъ совѣтниковъ въ музыкальномъ отношеніи, такъ какъ была знакома съ Мендельсономъ и Мейерберомъ. По совѣту послѣдняго, Р. сталъ заниматься теоріей музыки у знаменитаго Дена, учителя Глинки. Въ то же время Р. занимался изученіемъ языковъ и другихъ предметовъ общаго образованія, для чего были приглашены нѣсколько учителей.

Публичныхъ концертовъ въ это время Р. не давалъ, но много игралъ въ обществѣ. Пребываніе Р. въ Берлинѣ продолжалось всего два года, и было прервано отъѣздомъ матери его въ Москву по случаю смерти отца, оставившаго дѣла свои въ крайне запутанномъ состояніи. Антонъ остался еще не надолго въ Берлинѣ, братъ и сестра уѣхали съ матерью.

По пріѣздѣ въ Москву семьѣ Рубинштейна пришлось круто измѣнить весь образъ жизни.

Не желая оставить нареканій на имени своего покойнаго мужа, энергичная Калерія Христофоровна приняла на себя уплату его долговъ. Для этого пришлось продать все, что было можно изъ оставшагося имущества, а сама К. Х. поступила учительницей музыки въ частный пансіонъ въ Москвѣ, гдѣ и воспитала свою дочь Софью. Съ помощью своего заработка и при поддержкѣ одного друга своей семьи, К. Х. выплатила всѣ долги своего мужа. Эта женщина всю свою продолжительную жизнь (она умерла въ Одессѣ въ 1891 году) пользовалась почтительной любовью своего сына Антона, который считалъ своимъ долгомъ каждый годъ пріѣзжать къ матери, чтобы встрѣтить съ нею день Свѣтлаго Христова Воскресенья.

Антонъ Р. остался въ Берлинѣ безъ матеріальной поддержки шестнадцатилѣтнимъ юношей, преисполненнымъ самыми высокими мечтами о своемъ будущемъ призваніи. По совѣту Дена, Р. въ 1846 г. отправился въ Вѣну, гдѣ надѣялся на поддержку Листа. Р. имѣлъ въ карманѣ также нѣсколько рекомендательныхъ писемъ отъ русскаго посланника въ Берлинѣ и его жены. Въ Вѣнѣ Рубинштейна постигло

первое серьезное разочарованіе, имѣвшее, однако, благодѣтельное вліяніе на характеръ и міросозерцаніе горячаго юноши. Листъ принялъ его привѣтливо, но на счетъ поддержки сказалъ, что способный человѣкъ долженъ всего достигать самъ, безъ поддержки *). Можно себѣ представить, что слова эти были ударомъ хлыста для самолюбія Рубинштейна, и что вторично онъ не пошелъ за поддержкой къ Листу.

Еще хуже вышло съ рекомендательными письмами, въ которыхъ, какъ оказалось по вскрытіи Рубинштейномъ одного изъ нихъ, содержались жалобы на печальную необходимость оказывать протекцію своимъ соотечественникамъ. Письма полетѣли въ огонь.

Въ добавленіе непріятностей концертъ, данный Рубинштейномъ въ Вѣнѣ въ маѣ 1847 года, вызвалъ упреки критики въ небрежномъ отношеніи артиста къ своей игрѣ.

Все это вмѣстѣ могло бы обезкуражить обыкновеннаго человѣка, но не такого, какъ Рубинштейнъ; онъ былъ въ это время охваченъ жаромъ творчества, онъ мнилъ себя Бетховеномъ, и сочинялъ музыку, забывая иногда даже о ѣдѣ. А питался онъ въ то время впроголодь, такъ какъ средствомъ къ существованію у него въ это время были только уроки. Рубинштейнъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ свое голодное время въ Вѣнѣ (въ «Воспоминаніяхъ»), но нельзя не замѣтить, что голодъ этотъ былъ очень относительный: Рубинштейнъ голодалъ, потому что ему некогда было изъ-за композиторскаго жара похлопотать о хлѣбѣ насущномъ; геніальный піанистъ, осыпанный уже тогда милостями монарховъ, могъ голодать только по собственному невниманію къ требованіямъ желудка. Да и голоданіе это продолжалось не очень долго—годъ—полтора. Конецъ ему положилъ тотъ же Листъ, который вдругъ вспомнилъ о своемъ юномъ товарищѣ, отыскалъ его и, увидѣвъ его убогую обстановку, немедленно принялъ мѣры для обезпеченія болѣе правильнаго существованія беззаботнаго артиста. Все это сдѣлалъ Листъ «съ такимъ добродушіемъ и тактомъ», что съ этого времени до самой смерти Листа не прекращались дружескія отношенія съ нимъ Рубинштейна.

Въ 1847 году Рубинштейнъ появляется опять въ Берлинѣ: концертируетъ, даетъ уроки, сочиняетъ. Здѣсь застаетъ артиста переворотъ 1848 года.

«Ну, конечно, когда загорѣлась революція, тутъ уже было не до музыки!» говоритъ Рубинштейнъ въ «Воспоминаніяхъ»: «Уроки прекратились, концертовъ никто не давалъ, вообще музыкѣ и музыкантамъ довелось положить зубы на полку, и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ поскорѣе убираться во свояси... Я и отправился въ Петербургъ».

---

*) Рубинштейнъ указываетъ на то, что Листъ, видѣвшій въ Москвѣ достаточную обстановку его семьи, не подозрѣвалъ истиннаго матеріальнаго положенія Рубинштейна.

На родинѣ великаго артиста, объѣздившаго всю Европу, встрѣтили неожиданныя приключенія, о которыхъ онъ за границей не могъ себѣ составить понятія. Воспитанный на «гниломъ западѣ», Рубинштейнъ совершенно не зналъ, что русскій человѣкъ состоитъ изъ трехъ элементовъ: «души, тѣла и паспорта». Когда мать оставила его за границей, она не позаботилась выхлопотать ему отдѣльный видъ на жительство; еще менѣе могло придти въ голову позаботиться объ этомъ самому Рубинштейну. И вотъ на границѣ у него отбираютъ сундукъ съ его рукописями—нотами, какъ вещь подозрительную въ политическомъ отношеніи, а съ него самого требуютъ паспортъ. «Какъ ужъ меня пропустили—не помню», пишетъ Рубинштейнъ въ «Воспоминаніяхъ», но настоящія мытарства начались въ Петербургѣ. Двадцатилѣтній Рубинштейнъ, лично знакомый всей царской фамиліи, долженъ былъ выслушивать брань и крики оберъ-полицеймейстера генерала Галахова и генералъ-губернатора Шульгина, который кричалъ на него: «Въ кандалы тебя закую! Въ Сибирь по этапу сошлю». Конечно, заступничество такихъ лицъ, какъ Вьельгорскій, и другихъ высокопоставленныхъ особъ избавило Рубинштейна отъ удовольствія путешествовать въ кандалахъ въ Сибирь, но все же для полученія временнаго вида на жительство (до полученія паспорта изъ Бердичева) ему пришлось у начальника канцеляріи оберъ-полицеймейстера доказывать, что онъ дѣйствительно тотъ самый Рубинштейнъ, который играетъ на фортепіано. «Привели меня къ нему,—говоритъ Рубинштейнъ въ «Воспоминаніяхъ».—Нашлось у него какое-то мизерное фортепіано. Сѣлъ онъ, сѣлъ и я, и все, что было у меня на сердцѣ горькаго, вся злоба и негодованіе на все, что со мной происходитъ, я излилъ въ томъ, что̀ сталъ отбивать на клавишахъ этого инструмента! Я до того гремѣлъ, что фортепіано чуть не плясало подъ моими ударами, и казалось, что оно вотъ-вотъ развалится на двадцать четыре куска; инструментъ былъ, впрочемъ, самый подлый и бѣшенству моему не было предѣловъ». Результатомъ этого испытанія все же была отсрочка на три недѣли, до полученія паспорта изъ Бердичева.

Съ сундукомъ дѣло вышло еще хуже. По тогдашнему времени пришедшія изъ-за границы бумаги съ какими-то нотными значками показались въ таможнѣ подозритательными. Пока ихъ разбирали въ цензурѣ, прошло полгода. Рубинштейну надоѣло справляться о сундукѣ, онъ забылъ о немъ, наконецъ, и сундукъ былъ проданъ съ аукціона. Черезъ нѣсколько лѣтъ нотный торговецъ Бернардъ показывалъ Рубинштейну его автографы, купленные на этомъ аукціонѣ.

Къ этому же времени относится знакомство Рубинштейна съ Михаиломъ Вас. Буташевичъ-Петрашевскимъ и его кружкомъ. Повидимому, этимъ лицамъ хотѣлось завербовать его сочувствіе своимъ идеямъ, но Рубинштейнъ былъ и въ политикѣ такъ же мало склоненъ

къ революціонному направленію, какъ и въ музыкѣ. Тѣмъ не менѣе близкое знакомство съ людьми, которые вскорѣ такъ жестоко пострадали, могло бы отозваться и на судьбѣ Рубинштейна: его спасли, какъ онъ самъ думаетъ («Воспоминанія»), открыто высказанныя имъ на большомъ собраніи кружка слова о томъ, что «у насъ въ Россіи всѣмъ этимъ принципамъ не можетъ быть мѣста».

Въ Петербургѣ жизнь Рубинштейна вначалѣ мало отличалась отъ Берлинской: уроки («были и въ рубль, были и въ 25 рублей»), концерты и композиторство, которому онъ предавался все съ тѣмъ же жаромъ. Но въ Петербургѣ такой человѣкъ не могъ оставаться въ тѣни. Онъ принялъ близкое участіе въ знаменитыхъ въ то время симфоническихъ концертахъ въ университетѣ, исполнявшихся оркестромъ студентовъ и любителей и привлекавшихъ полный актовый залъ слушателей. Но роль Рубинштейна въ музыкальной жизни Петербурга получила огромное значеніе съ того времени, какъ онъ былъ близко принятъ во дворцѣ великой княгини Елены Павловны; эта замѣчательная женщина, сыгравшая большую роль во внутренней и внѣшней жизни Россіи, имѣла большое вліяніе и на жизнь Рубинштейна. Вечера во дворцѣ Елены Павловны были «средоточіемъ всего интеллигентнаго общества». Здѣсь часто появлялся самъ императоръ Николай Павловичъ, неоднократно выказывавшій здѣсь свое расположеніе къ Рубинштейну. Это на одномъ изъ раутовъ у Елены Павловны произошелъ знаменитый разговоръ императора съ англійскимъ посланникомъ Гамильтономъ, разговоръ «о больномъ человѣкѣ»—Турціи, приведшій къ крымской войнѣ.

Позднѣе здѣсь же обсуждались проекты великихъ реформъ эпохи Александра II; свидѣтелемъ этихъ разговоровъ о новыхъ вѣяніяхъ и осуществленіи прогрессивныхъ идей также пришлось быть Рубинштейну.

Покровительство Елены Павловны дало возможность Рубинштейну увидѣть на императорской сценѣ свою оперу «Дмитрій Донской» въ 1852 году, а въ слѣдующемъ году одноактную оперу изъ малороссійской жизни «Ѳомка дурачокъ». Нельзя сказать, чтобы постановка его оперъ дала Рубинштейну какое-нибудь артистическое или нравственное удовлетвореніе. Исполненіе было самое ужасное (это было время полнаго упадка русской оперы, пользовавшейся со стороны тогдашняго директора А. М. Гедеонова глубокимъ презрѣніемъ), успѣха оперы Рубинштейна не имѣли, и насмотрѣлся Рубинштейнъ во время репетицій (онъ самъ дирижировалъ) такихъ грубыхъ сценъ, отъ которыхъ его должно было сильнѣйшимъ образомъ коробить: достаточно сказать, что директоръ А. М. Гедеоновъ всѣмъ артистамъ, въ томъ числѣ и Рубинштейну, говорилъ «ты».

Несмотря на его исключительное положеніе, артистическая атмосфера въ Петербургѣ показалась Рубинштейну тяжелой: онъ уѣхалъ за границу въ 1854 году съ цѣлью совершить артистическое путеше-

ствіе и показать себя европейской публикѣ въ качествѣ композитора. На этотъ разъ передъ публикой выступалъ уже зрѣлый художникъ, который присоединилъ къ своимъ лаврамъ геніальнаго піаниста лавры выдающагося композитора. Въ это время уже были изданы произведенія Рубинштейна во всѣхъ родахъ музыки. Оркестровыми своими сочиненіями онъ нерѣдко дирижировалъ самъ. Капельмейстеромъ Рубинштейнъ былъ такимъ же геніальнымъ, какъ піанистомъ, если смотрѣть на его исполненіе съ точки зрѣнія передачи художественнаго содержанія исполняемой музыки. Съ технической стороны дирижированіе Рубинштейна страдало двумя крупными недостатками. Во-первыхъ, ему вредилъ его огненный темпераментъ, увлекавшій его даже за фортепіано иногда за предѣлы возможности, отчего страдала техническая сторона исполненія—отчетливость, чистота игры; тѣмъ болѣе должно было страдать исполненіе оркестра въ рукахъ такого человѣка, который во время концерта совершенно забывалъ, что онъ управляетъ стоглавымъ инструментомъ, каждый членъ котораго въ отдѣльности не всегда обладаетъ техническимъ совершенствомъ. Рубинштейнъ рѣдко хотѣлъ, а въ концертѣ, увлекшись, и не могъ принимать во вниманіе тѣ или другія слабости исполнительскихъ силъ, отчего нерѣдко происходили значительныя замѣшательства, вывести изъ которыхъ оркестръ увлекшійся дирижеръ иногда уже не былъ въ состояніи. Я игралъ подъ управленіемъ Рубинштейна въ консерваторіи въ 1887—1890 годахъ, и долженъ сказать, что нѣкоторыя вещи (какъ 4 симфонію Шумана) мы играли съ нимъ такъ, какъ я уже больше никогда въ своей жизни не слышалъ—этотъ человѣкъ умѣлъ вдохновить свой оркестръ. Другой недостатокъ въ дирижерствѣ Рубинштейна зависѣлъ отъ упомянутаго уже выше свойства его слуха: онъ былъ мало впечатлителенъ къ «звуковымъ краскамъ» и не умѣлъ смѣшеніемъ звуковъ разныхъ инструментовъ получить красочный эффектъ, чѣмъ такъ поражаютъ насъ теперь Никишъ или Малеръ. Поэтому въ исполненіи Рубинштейна сильно должны были страдать произведенія такихъ композиторовъ, въ которыхъ красочные эффекты имѣютъ особенное значеніе (Берліозъ, Вагнеръ, Чайковскій).

Концертное путешествіе Р. продолжалось четыре года. Въ Россію онъ пріѣхалъ только на нѣсколько недѣль въ 1856 году, когда былъ вызванъ въ Москву сочувственно слѣдившей за его тріумфами В. К. Еленой Павловной для участія въ концертахъ, устроенныхъ у нея во время коронаціи Александра II-го. Закончилось путешествіе Рубинштейна очень для него лестнымъ и пріятнымъ приглашеніемъ В. К. Елены Павловны пробыть при ея дворѣ въ Ниццѣ сезонъ 1856—57 г. Въ это время въ Ниццѣ находилась вдовствующая Императрица Александра Θеодоровна, къ которой пріѣзжали В. К. Константинъ Николаевичъ и другіе великіе князья; здѣсь же находились многія лица придворнаго круга.

*

Эта зима была одной изъ пріятнѣйшихъ въ жизни Рубинштейна. Но среди пышныхъ удовольствій, въ которыхъ онъ принималъ участіе, онъ не забывалъ работать для одной идеи, занимавшей его уже нѣсколько лѣтъ. Идея эта была насадить въ Россіи систематическое правильное музкальное образованіе, дать ей сословіе образованныхъ музыкантовъ, изъ среды котораго выдѣлялись бы таланты, поддерживаемые сочувственнымъ отношеніемъ подготовленныхъ слушателей, а не подавляемые равнодушіемъ невѣжественной толпы. До Рубинштейна въ Россіи можно было быть любителемъ музыки; но сдѣлаться профессіональнымъ музыкантомъ было зазорно: таковыми были преимущественно иностранцы, или же крѣпостные крестьяне, обученные музыкѣ для увеселенія помѣщиковъ. Рубинштейнъ былъ твердо убѣжденъ, что для процвѣтанія музыки въ его отечествѣ мало природной одаренности русскихъ и горсточки любителей этого искусства; онъ самъ отдалъ всю свою жизнь музыкѣ, и былъ увѣренъ, что только при такомъ отношеніи къ искусству занятіе имъ дастъ плоды. Но какъ же можно было создать сословіе людей, посвящающихъ свои силы исключительно музыкѣ? Для этого необходимо было создать музыкальныя школы, гдѣ давалось бы правильное музыкальное образованіе, и гдѣ обученіе музыкѣ было бы доступно не однимъ только богатымъ людямъ.

Эта идея Рубинштейна обсуждалась въ кружкѣ В. К. Елены Павловны еще въ Ниццѣ, и по возвращеніи въ Россію была осуществлена въ 1859 году, когда возникло «Русское музыкальное общество», впослѣдствіи получившее титулъ «Императорское». Весьма важное содѣйствіе оказала Рубинштейну В. К. Елена Павловна своимъ могущественнымъ покровительствомъ. Съ особенной душевной теплотой вспоминаетъ Рубинштейнъ о В. А. Кологривовѣ, который всѣ силы свои положилъ на привлеченіе людей и средствъ къ новому дѣлу. Въ Михайловскомъ дворцѣ В. К. Елены Павловны открыты были «музыкальные классы», зародышъ консерваторіи, основанной 1862 году. Въ этихъ классахъ преподавали музыку такія лица, какъ Лешетицкій. Ниссенъ-Соломонъ, Венявскій, которые брали изъ сочувствія новому учрежденію по рублю за урокъ. «Я назначилъ себя директоромъ возникавшей консерваторіи», пишетъ Рубинштейнъ въ «Воспоминаніяхъ». Новое учрежденіе вызвало къ себѣ большое сочуствіе общества, но были у него и враги.

Враждебное отношеніе къ консерваторіи обусловливалось нѣсколькими причинами. У однихъ говорило оскорбленное самолюбіе: Сѣровъ, считавшій себя болѣе въ правѣ быть директоромъ консерваторіи, чѣмъ Рубинштейнъ, громилъ и Рубинштейна, и его консерваторію во всѣхъ своихъ статьяхъ, и доходилъ даже до нападокъ на Рубинштейна, какъ піаниста. Въ другомъ случаѣ враждебное отношеніе къ консерваторіи обусловливалось своеобразными мотивами, теперь намъ даже непонятными.

Послѣ смерти Глинки (въ 1857 году) наслѣдникомъ его, какъ національнаго композитора, считался въ небольшомъ кружкѣ музыкантовъ и любителей М. А. Балакиревъ; его же прочили въ русскіе капельмейстеры, которыхъ до того времени не было, такъ какъ Берліозъ, когда пріѣхалъ въ Россію, подарилъ ему свою палочку.

Около Балакирева собрался кружокъ молодыхъ композиторовъ (Даргомыжскій, Бородинъ, Кюи, Римскій-Корсаковъ, Мусоргскій), проникнутыхъ стремленіемъ вести впередъ національную русскую музыку, созданную Глинкой. Стремленіе это, совпадавшее съ общимъ подъемомъ національныхъ и прогрессивныхъ идей, совершенно удивительнымъ образомъ соединилось съ необыкновенной теоріей, которая могла зародиться, кажется, только въ нашемъ отечествѣ. Теорія эта состояла въ томъ, что для самостоятельнаго развитія русской музыки систематическое изученіе теоріи музыки, созданной нѣмцами, можетъ быть только вредно. Предполагали ли защитники этой идеи создать русскую теорію музыки, или же, вѣрнѣе, думали, что можно и вовсе безъ теоріи музыки обойтись, замѣнивъ ее русскимъ «нутромъ» и «самобытностью», но фактъ тотъ, что пророки будущей русской музыки, Кюи и Влад. Стасовъ разносили консерваторію и Рубинштейна, именно, за приверженность его къ систематическому изученію теоріи музыки, какъ необходимой технической основы всякаго сочиненія музыки *). Вѣроятно, Рубинштейнъ прибавилъ масла въ огонь и своей грубоватой прямотой, съ которой онъ отзывался о русскомъ диллетантизмѣ; къ тому же для нападокъ на него хорошій матеріалъ дали его двѣ статьи о русской музыкѣ **), въ которыхъ онъ, дѣйствительно, не про-

*) О томъ вредѣ, какой принесъ русскій диллетантизмъ русскимъ композиторамъ, громко свидѣтельствуетъ П. И. Чайковскій въ одномъ изъ своихъ писемъ („Жизнь П. И. Чайковскаго", т. II, стр. 74). „Несмотря на свою громадную даровитость, онъ (Балакиревъ) сдѣлалъ много зла. Напримѣръ, онъ погубилъ молодые годы Корсакова, внушивъ ему, что учиться не надо. Вообще онъ изобрѣтатель теорій этого страннаго кружка, соединяющаго въ себѣ столько нетронутыхъ, не туда направленныхъ, или преждевременно разрушившихся силъ". „Корсаковъ, единственный изъ нихъ, которому лѣтъ 5 тому назадъ (писано въ 1877 году) пришла въ голову мысль, что проповѣдуемыя кружкомъ идеи въ сущности ни на чемъ не основаны, что ихъ презрѣніе къ школѣ, къ классической музыкѣ, ненависть авторитетовъ и образцовъ—есть ничто иное, какъ невѣжество. У меня хранится одно письмо его этой эпохи, оно меня глубоко тронуло и потрясло. Онъ пришелъ въ великое отчаяніе, когда увидѣлъ, что столько лѣтъ прошло безъ всякой пользы, и что онъ шелъ по тропинкѣ, которая никуда не ведетъ. Онъ спрашивалъ тогда, что ему дѣлать? Само собой, нужно было учиться. И онъ сталъ учиться, но съ такимъ рвеніемъ, что вскорѣ школьная техника сдѣлалась для него необходимой атмосферой".

**) Первая статья была напечатана въ 1855 году, въ Вѣнѣ, въ журналѣ: „Blätter für Musik, Theater und Kunst". Вторая появилась въ газетѣ „Вѣкъ" въ С.-Петербургѣ въ 1861 году. Остальныя литературныя произведенія Рубинштейна: Статья „о духовной оперѣ" въ сборникѣ Левинскаго „Vor den Coulis-

явилъ достаточнаго пониманія значенія Глинки, какъ создателя національной музыки. Рубинштейнъ всегда относился къ Глинкѣ съ величайшемъ уваженіемъ, но къ національной сторонѣ его творчества онъ былъ холоденъ по самому существу своей природы. Къ тому же статьи Рубинштейна написаны были длинно и слабо. О первой своей статьѣ (1856 года), вызвавшей неудовольствіе самого Глинки, который очень сухо обошелся съ Рубинштейномъ при встрѣчѣ въ Берлинѣ въ 1855 году, Рубинштейнъ говоритъ въ «Воспоминаніяхъ»: «Написаніе статьи этой, впрочемъ, съ моеѝ стороны была порядочная глупость, хотя я въ этомъ не раскаиваюсь, какъ вообще не имѣю привычки раскаиваться въ тѣхъ глупостяхъ, которыя, случалось, дѣлалъ».

Въ настоящее время, рѣшительница всѣхъ споровъ, исторія, уже показала, насколько были неправы нападавшіе на консерваторію и Рубинштейна. Что нѣмецкій контрапунктъ отнюдь не вреденъ для русскаго композиторства, доказываетъ тотъ фактъ, что нынѣ преподавателями именно нѣмецкой теоріи музыки (вѣдь другой и не можетъ существовать, такъ какъ она же есть общечеловѣческая теорія, и ничего національнаго въ ней нѣтъ) въ консерваторіи состоитъ Римскій-Корсаковъ съ цѣлой плеядой учениковъ (Глазуновъ, Лядовъ и др.), общепризнанный глава «русской школы» въ музыкѣ. Еще болѣе характернымъ является тотъ фактъ, что Кюи, нѣкогда громившій «нѣмецкія» программы концертовъ Императорскаго музыкальнаго общества, взявъ въ свои руки эти концерты (1899—1904 гг.), остался при совершенно такихъ же «нѣмецкихъ» программахъ.

Итакъ, если консерваторія не повредила русской музыкѣ, то еще яснѣе осязательная польза, принесенная ей музыкальнымъ обществомъ. Въ настоящее время оно имѣетъ двѣ консерваторіи и болѣе двадцати отдѣленій въ провинціи, дающихъ среднее музыкальное образованіе. Эти учрежденія уже выполнили мечту Рубинштейна—создать сословіе русскихъ музыкантовъ, которые, посвятивъ свои силы музыкѣ, пользовались бы такимъ же признаніемъ своей полезной дѣятельности со стороны общества, какимъ пользуются лица другихъ художественныхъ профессій. Въ настоящее время уже значительная часть оркестровъ состоитъ изъ русскихъ музыкантовъ; множество учителей музыки воспитанники консерваторій; значительное число славныхъ именъ (Чайковскій, Есипова, Лавровская и мн. др.) связаны съ учрежденіями, основателемъ которыхъ былъ Антонъ Рубинштейнъ.

---

sen" въ Берлинѣ; книга „Музыка и ея представители" (Москва, у Юргенсона. 1891 г.), первоначально изданная за границей на нѣмецкомъ языкѣ; посмертная книга „Gedankenkorb" и „Воспоминанія", записанныя редакторомъ „Русской Старины" со словъ Рубинштейна и изданныя въ 1889 году. Начатыя въ 1892 году „Записки" были уничтожены самимъ Рубинштейномъ. Литературнымъ талантомъ Рубинштейнъ не обладалъ, и названныя сочиненія имѣютъ интересъ, главнымъ образомъ, какъ матеріалъ для характеристики ихъ автора.

Должно быть, приключеніе Рубинштейна съ паспортомъ въ 1849 году сильно врѣзалось ему въ памяти, потому что, потрудившись надъ созданіемъ музыкальныхъ художниковъ, онъ въ то же время озаботился дать имъ званіе, которое было бы прописано у нихъ въ паспортѣ; званіе онъ придумалъ для окончившихъ консерваторію довольно странное: «свободный художникъ», но съ нимъ были связаны льготы по воинской повинности, одинаковыя какъ и для окончившихъ высшее учебное заведеніе, и это уже имѣло большее практическое значеніе.

Сдѣлавъ себя директоромъ консерваторіи, Рубинштейнъ взялъ еще на себя преподаваніе фортепіано, инструментовки, оркестровый классъ и дирижированіе симфоническими концертами. Какъ и впослѣдствіи, Рубинштейнъ несъ этотъ трудъ безвозмездно, и нерѣдко приходилъ на помощь дѣлу своими деньгами, основывая на свой счетъ стипендіи для обученія безплатно на духовыхъ инструментахъ, или помогая нуждающимся ученикамъ.

Преподавателемъ человѣкъ съ такимъ темпераментомъ, притомъ не получавшій систематическаго образованія, былъ плохимъ: плохимъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы считаемъ хорошимъ преподавателемъ того, кто умѣетъ терпѣливо и систематически учить среднихъ способностей человѣка. Но Рубинштейнъ выполнялъ гораздо болѣе важное назначеніе, чѣмъ быть учителемъ; онъ былъ воспитателемъ, и воспитателемъ въ лучшемъ и сильнѣйшемъ значеніи этого слова—своимъ примѣромъ онъ показывалъ, какъ счастлива и полна жизнь человѣка, видящаго предъ собою идеальную цѣль и кладущаго на достиженіе ея всѣ свои силы.

Цѣлью жизни Рубинштейна было—учить людей чувствовать, учить ихъ тому, что въ нашей душѣ есть мѣсто болѣе высокимъ чувствамъ, чѣмъ забота о хлѣбѣ насущномъ; и онъ умѣлъ, какъ никто, пробуждать въ людяхъ высокое чувство своей близости къ Безконечному. Каждый, кто учился подъ управленіемъ Рубинштейна, зналъ, что и его (учащагося) слабыя усилія направляются къ тому великому дѣлу, которому служитъ знаменитый директоръ, и похвала изъ устъ этого директора, произнесенная его характернымъ, глухимъ, немного картавящимъ голосомъ, была для учащихся наградой гораздо высшею, чѣмъ апплодисменты публики.

О преподаваніи Рубинштейна интересныя воспоминанія даетъ Ларошъ въ книгѣ «Жизнь П. И. Чайковскаго». «Какъ преподаватель теоретическій, Рубинштейнъ составлялъ разительную противуположность съ Зарембой (профессоръ теоріи музыки). Насколько тотъ былъ краснорѣчивъ, настолько этотъ оказался косноязыченъ. Рубинштейнъ зналъ довольно много языковъ, но ни на одномъ не говорилъ вполнѣ правильно... Дара изложенія у него не было ни малѣйшаго. Замѣчательнѣе всего, что это обстоятельство какъ-то не вредило его лекціямъ и не отнимало у нихъ интереса. Насколько у Зарембы все было приведено въ

систему и каждое, такъ сказать, слово стояло на своемъ мѣстѣ, настолько у Рубинштейна царствовалъ милый безпорядокъ: я думаю, что онъ за пять минутъ до лекціи не зналъ, что будетъ говорить, и всецѣло зависѣлъ отъ вдохновенія минуты. Хотя такимъ образомъ литературная форма его лекцій была ниже критики, онѣ все-таки импонировали намъ и посѣщались съ большимъ интересомъ. Огромныя практическія знанія, огромный кругозоръ, невѣроятная для тридцатилѣтняго человѣка композиторская опытность давали словамъ его авторитетъ, котораго мы не могли не чувствовать. Самые парадоксы, которыми онъ сыпалъ, и которые то злили, то смѣшили насъ, носили отпечатокъ геніальной натуры и мыслящаго художника».

Рубинштейну скоро стала тѣсна консерваторская дѣятельность. Онъ воспользовался размолвкою съ другими преподавателями, слишкомъ легко, по его мнѣнію, выдававшими дипломы, отказался отъ директорства и вновь сдѣлался странствующимъ артистомъ, не имѣющимъ постоянной осѣдлости, живущимъ то здѣсь, то тамъ, но вездѣ вносящимъ своей игрой тотъ священный огонь, зажигать который дано въ удѣлъ только творческому генію. На этотъ разъ странствующая жизнь Рубинштейна продолжалась гораздо дольше: отъ 1867 года до 1887 г., когда онъ сдѣлался вновь директоромъ петербургской консерваторіи. За эти двадцать лѣтъ Рубинштейнъ побывалъ во всѣхъ главныхъ городахъ Европы и Россіи, исключая Румынію, Турцію и Грецію.

Онъ часто выступалъ не только какъ піанистъ, но и какъ дирижеръ, и какъ композиторъ, сочиненія котораго считало долгомъ исполнять каждое музыкальное учрежденіе Европы.

Изъ концертныхъ путешествій Рубинштейна наибольшее значеніе для него имѣла поѣздка въ Америку въ 1872 году со скрипачомъ Генр. Венявскимъ, за которую онъ получилъ 200.000 тысячъ франковъ. Эти деньги составили основу благосостоянія Рубинштейна: онъ купилъ дачу въ Петергофѣ, гдѣ послѣ этого оставался жить иногда на долгій срокъ. О своемъ благосостояніи, впрочемъ, Рубинштейнъ никогда не умѣлъ заботиться. Его состояніе и подъ конецъ жизни не превышало двухсотъ тысячъ рублей, что составляетъ цифру, гораздо меньшую, чѣмъ та, которою исчисляются пожертвованныя имъ на благотворительность суммы.

Въ артистическомъ отношеніи поѣздка эта оставила очень непріятныя воспоминанія въ душѣ артиста. «Ну ужъ и не дай Богъ никогда поступать въ такую кабалу! Здѣсь ужъ нѣтъ мѣста искусству,—это чисто фабричная работа, обращаешься въ какой-то автоматическій инструментъ; артистъ теряетъ свое достоинство, онъ пропадаетъ» («Воспоминанія А. Г. Рубинштейна»).

Въ теченіе восьми мѣсяцевъ Рубинштейнъ 215 разъ выходилъ на эстраду. Чувство зависимости отъ антрепренера, съ которымъ Рубинштейнъ былъ связанъ контрактомъ, до такой степени было противно

артисту, что «онъ просто сталъ презирать и себя, и искусство»; «все время я былъ недоволенъ собою, такъ что, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ было сдѣлано предложеніе повторить мой объѣздъ Америки, причемъ предлагали гонораръ въ полмилліона марокъ, я на отрѣзъ отказался» («Воспоминанія»). Къ описаннымъ страданіямъ Рубинштейна присоединились еще раздраженіе, которое онъ испытывалъ отъ немузыкальности янки и ихъ грубой фамиліарности, и отвратительное чувство морской болѣзни, которую перенесъ Рубинштейнъ, переѣзжая океанъ.

Другимъ, гораздо болѣе важнымъ въ исторіи музыки, событіемъ были историческіе концерты, данные Рубинштейномъ въ 1885—1886 годахъ. Это былъ подвигъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ нашего искусства. Великій піанистъ далъ по семи концертовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ, причемъ каждый изъ этихъ концертовъ онъ исполнялъ дважды: вечеромъ для публики за плату, и на другой день днемъ безплатно для приглашенныхъ лицъ изъ музыкальнаго и артистическаго міра. Программа этихъ семи концертовъ была расположена въ историческомъ порядкѣ и давала наглядное понятіе о развитіи фортепіанной литературы. Исполненіе этой программы Рубинштейномъ вызывало вездѣ величайшій энтузіазмъ публики. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ по случаю этихъ концертовъ были устроены торжественныя засѣданія въ честь исполнителя, привлекшія цвѣтъ артистическихъ силъ этихъ столицъ. Въ Вѣнѣ при этомъ было произнесено шуточное стихотвореніе, на мотивъ «Азры» Гейне-Рубинштейна, которое кончалось въ назиданіе дамамъ, падавшимъ въ обморокъ отъ восторга, слѣдующимъ четверостишіемъ:

„Und der Meister sprach: ich heisse
Rubinstein und bin aus Russland.
Sehr zuwider sind mir Damen,
Welche sterben, wenn ich spiele".

Въ описываемый промежутокъ времени Рубинштейнъ неоднократно бывалъ на родинѣ, но близкаго участія въ дѣлахъ Императорскаго музыкальнаго общества не принималъ. Сношенія его съ этимъ дорогимъ ему учрежденіемъ стали болѣе близкими въ 1882—1883 году, когда онъ согласился взять на себя вновь управленіе симфоническими концертами общества въ Петербургѣ. Одушевленіе публики, увидѣвшей вновь на эстрадѣ Музыкальнаго общества столь любимую фигуру геніальнаго артиста, было чрезвычайное, и наглядно выразилось въ благодарственномъ адресѣ, поднесенномъ Рубинштейну и покрытомъ 6.500 подписей.

Вновь установившаяся связь Рубинштейна съ его дѣтищемъ привела къ тому, что въ 1887 году, когда директоръ консерваторіи, знаменитый віолончелистъ К. Ю. Давыдовъ, внезапно оставилъ свой постъ, Рубинштейнъ согласился вновь стать ея директоромъ.

По своему обыкновенію онъ круто взялся за дѣло; прежде всего пригласилъ уйти лицъ, которыхъ считалъ вредными или безполезными для дѣла, и далъ ходъ новымъ дѣятелямъ, казавшимся въ его глазахъ лучшими. Затѣмъ сталъ лично слѣдить за ходомъ преподаванія въ классахъ, для чего съ девяти часовъ утра былъ уже на мѣстѣ и отдавалъ всѣ свои силы улучшенію положенія дѣлъ въ консерваторіи. По мнѣнію Рубинштейна, консерваторію угнеталъ избытокъ учащихся, среди которыхъ было слишкомъ много бездарностей: консерваторія должна была служить только избраннымъ; люди съ средними способностями должны были удовольствоваться средней музыкальной школой; затѣмъ составъ преподавателей во многихъ отношеніяхъ былъ ниже, чѣмъ при основаніи консерваторіи, а о быломъ этузіазмѣ къ просвѣщенію юношества уже не было рѣчи: каждый заботился о своемъ интересѣ матеріальномъ или артистическомъ, удовлетвореніе личнаго самолюбія стояло на первомъ планѣ.

Помочь дѣлу крутыми мѣрами, за которыя брался Рубинштейнъ, было невозможно: одни уходили; приходили другіе, обманывавшіе наивнаго идеалиста своимъ притворнымъ энтузіазмомъ. Борьба съ пошлостью, борьба съ среднимъ человѣкомъ, истинный идеалъ котораго быть сытымъ, не тревожиться слишкомъ и пользоваться уваженіемъ себѣ подобныхъ—борьба эта оказалась также не подъ силу наивному мечтателю, всю жизнь служившему человѣчеству съ величайшимъ безкорыстіемъ, какъ и попытка его искоренить въ консерваторіи тотъ духъ ухаживанія профессоровъ и учениковъ за ученицами, который неизбѣжно царитъ во всѣхъ консерваторіяхъ. Рубинштейнъ сдѣлалъ во всѣхъ дверяхъ стекляныя окна, сквозь которыя можно было, приподнявъ занавѣску, видѣть, не цѣлуются ли въ классѣ барышни съ кавалерами.

Къ сказаннымъ непріятностямъ присоединилась еще болѣе крупная въ видѣ неудачи давно задуманной Рубинштейномъ мысли: создать въ Петербургѣ, а позже и въ другихъ городахъ, общедоступную (по цѣнѣ) оперу и симфоническіе концерты. Для этого необходимо было прежде всего музыкальному обществу имѣть свой собственный оркестръ. Попытка имѣть таковой привела къ такому дефициту, что пришлось черезъ два года собственный оркестръ распустить, и вновь обратиться къ оркестру Императорской оперы, съ которымъ немыслимо были привести въ исполненіе мечту Рубинштейну, такъ какъ оркестръ этотъ имѣетъ свое назначеніе и могъ предоставить въ распоряженіе общества только незначительное число вечеровъ въ сезонъ. Крушеніе такихъ предпріятій Рубинштейна было неизбѣжно: онъ слишкомъ наивно вѣрилъ людямъ, вѣрилъ, что его окружаютъ такіе же, какъ и онъ самъ, безкорыстно преданные искусству артисты.

Кромѣ того, въ немъ была какая-то наивная, я сказалъ бы

чисто петербургская, вѣра въ силу циркуляровъ, распоряженій и приказаній начальства. Какъ странно звучитъ, напримѣръ, въ устахъ Рубинштейна, назвавшаго артиста «свободнымъ» художникомъ, надежда на то, что когда правительство возьметъ на себя заботу о музыкальномъ образованіи народа, когда губернаторамъ будетъ вмѣнено въ обязанность заботиться объ устройствѣ мѣстной оперы, когда музыкальныя школы безъ изъятія (и частныя!) будутъ поставлены въ зависимость отъ консерваторіи, когда безъ диплома никто не будетъ имѣть права преподавать музыку—тогда настанетъ золотой вѣкъ музыки («Воспоминанія А. Г. Р.», стр. 64—68). Какой удивительный, чисто бюрократическій, взглядъ на самое свободное изъ искусствъ! Неужели великому артисту не было совершенно ясно, что одинъ его концертъ, на который слушатели вѣдь идутъ по своей охотѣ, даетъ музыкальному искусству больше, чѣмъ сколько угодно приказаній губернаторовъ или чиновниковъ отъ музыки, поставленныхъ во главѣ консерваторій!

Какъ бы то ни было, разочарованіе было неизбѣжнымъ спутникомъ дѣятельности Рубинштейна, какъ директора консерваторіи, и онъ оставилъ ее въ 1891 г.

Большимъ утѣшеніемъ для великаго артиста былъ тотъ искренній горячій энтузіазмъ, который онъ видѣлъ въ своихъ ученикахъ, когда занимался съ ними на фортепіано, въ классѣ совмѣстной игры и въ оркестровомъ классѣ—три класса, которые онъ взялъ на себя вмѣстѣ съ директорствомъ, и какъ всегда безплатно.

Еще большее удовлетвореніе, какъ артистъ и общественный дѣятель, долженъ былъ испытать Рубинштейнъ 18-го ноября 1889 года, когда состоялось необычайно торжественное чествованіе его по случаю исполнившагося 11-го іюля того же года пятидесятилѣтія его артистической дѣятельности. Чествованіе продолжалось шесть дней. Изъ устроенныхъ въ честь юбиляра торжествъ наиболѣе внушительнымъ вышелъ актъ въ 1 часъ дня 18-го ноября въ дворянскомъ собраніи. На этомъ актѣ были прочитаны безчисленные адресы и привѣтствія: телеграммы отъ государя и государыни и другихъ членовъ Императорской фамиліи; адресы отъ русскихъ и заграничныхъ музыкальныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ выдающихся музыкальныхъ и общественныхъ дѣятелей и другіе. Въ этотъ день юбиляру была пожалована ежегодная аренда въ 3.000 руб. изъ кабинета Его Величества (потомственнаго дворянства и чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рубинштейнъ удостоился въ 1877 и въ 1878 гг.).

И въ этотъ разъ Рубинштейнъ могъ убѣдиться, что его композиторская дѣятельность вызываетъ, сравнительно съ его игрою, только холодное уваженіе: опера его «Горюша», данная въ первый разъ въ Маріинскомъ театрѣ 21-го ноября, не имѣла успѣха и болѣе повторена не была. Точно также холодный пріемъ имѣли его симфоническія со-

чиненія въ концертѣ 19-го ноября подъ управленіемъ П. И. Чайковскаго. Несравненно бо́льшій успѣхъ имѣлъ концертъ 20-го ноября подъ управленіемъ автора, въ которомъ были исполнены вокальныя его сочиненія (Лавровская и Панаева-Карцева) и ораторія «Вавилонское столпотвореніе».

Не знаю, насколько горечь сравнительнаго авторскаго неуспѣха отравила Рубинштейну радостныя чувства, испытанныя имъ вслѣдствіе безчисленныхъ и яркихъ выраженій благодарности, уваженія и преданности со стороны русскаго общества и печати *), во всякомъ случаѣ нужно признать, что чествованіе это имѣло грандіозные размѣры и являлось неслыханнымъ по отношенію къ человѣку свободной профессіи.

Оставивъ консерваторію въ маѣ 1891 года, Рубинштейнъ уѣхалъ на лѣто на Кавказъ, а затѣмъ поселился за границей. Въ Россію онъ пріѣзжалъ не надолго и жилъ въ этихъ случаяхъ у себя въ Петергофѣ. Въ эти послѣдніе годы своей жизни Рубинштейнъ очень рѣдко выступалъ публично, какъ піанистъ, и то только съ благотворительной цѣлью. Свою книгу «Gedankenkorb», написанную въ это время, онъ оканчиваетъ словами: «Я выступалъ публично, пока я замѣчалъ, что играю передъ публикой лучше, чѣмъ дома для себя самого; я сошелъ съ эстрады съ тѣхъ поръ, какъ замѣтилъ, что дома для самого себя я играю лучше, чѣмъ передъ публикой».

Всесокрушающая сила времени только хотѣла еще наложить свою печать и на этого желѣзнаго и тѣломъ, и духомъ человѣка, но судьба, эта союзница счастливыхъ, не допустила своего любимца познать старость съ ея унизительными спутниками: болѣзнями, слабостью и безпомощностью. Артистъ, всю жизнь горѣвшій яркимъ огнемъ энтузіазма и восторгами творчества, не дожилъ до того времени, когда о немъ, какъ объ артистѣ, стали бы также, какъ и о композиторѣ, говорить съ «почтительнымъ уваженіемъ». Еще въ 1893 году Рубинштейнъ далъ въ Петербургѣ концертъ въ пользу слѣпыхъ; концертъ, вызвавшій такой же живой энтузіазмъ публики, какъ и былые концерты великаго артиста; а черезъ годъ великаго артиста уже не было среди насъ: онъ умеръ внезапно, отъ разрыва сердца, ночью 8-го ноября 1894 года.

Викторъ Вальтеръ.

---

*) Крикливымъ диссонансомъ въ общемъ хорѣ привѣтствій прозвучалъ въ „Гражданинѣ“ (1889 г., № 285) „Дневникъ“ кн. Мещерскаго, встрѣтившаго въ печати, впрочемъ, еще одного, хотя и очень осторожнаго единомышленника— А. С. Суворина.

РОЛЬ ДЕРЕВНИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНІИ.

Традиціонный антагонизмъ между деревней и городомъ, господствовавшій въ продолженіи многихъ вѣковъ надъ соціальной и политической жизнью Западной Европы, въ девятнадцатомъ вѣкѣ какъ будто потерялъ свое значеніе. Первое мѣсто на политической аренѣ заняла борьба болѣе глубокаго и болѣе остраго характера — борьба классовъ: на этой борьбѣ и связанныхъ съ нею великихъ историческихъ проблемахъ сосредоточилось вниманіе политической мысли, сосредоточилась политическая жизнь. Но къ концу вѣка положеніе снова измѣнилось. Эта перемѣна пока еще слабо отражается въ политической мысли, но въ политической жизни, въ политической дѣйствительности она выступаетъ вполнѣ рельефно. Особенно ярко—во Франціи, гдѣ политическая жизнь вообще отличается особой яркостью. Эта странная на первый взглядъ политическая коалиція, которая уже пять лѣтъ господствуетъ надъ Франціей, коалиція либеральной, радикальной и соціалистической партіи, коалиція фабрикантовъ, коммерсантовъ, ремесленниковъ и рабочихъ, соединившихся въ одинъ «блокъ», есть по существу, не что иное, какъ союзъ всѣхъ элементовъ городского населенія для защиты общихъ интересовъ противъ поползновеній представителей стараго режима, — помѣстной аристократіи, реакціоннаго крестьянства и всѣхъ другихъ, тяготѣющихъ къ деревнѣ и застою, элементовъ. Это въ сущности борьба прогрессивныхъ элементовъ города съ реакціонными элементами деревни; этотъ исконный антагонизмъ города съ деревней снова выплылъ на поверхность политической жизни.

То же самое происходитъ или подготовляется въ Германіи.

Послѣдняя легислатура имперскаго парламента и послѣдніе выборы въ рейхстагъ находились подъ знакомъ крайняго антагонизма между интересами сельскаго хозяйства и интересами городской промышленности, интересами деревни и интересами города. Торжество пока на сторонѣ деревни. Принятый въ послѣдней легислатурѣ рейхстага новый таможенный тарифъ, устанавливающій чрезвычайно высокія пошлины на продукты сельскаго хозяйства, дѣлаетъ городское населеніе *данникомъ* деревни, заставляя его платить чрезмѣрно высокія цѣны за продукты, которые можно было бы имѣть за очень дешевую цѣну.

Послѣдніе выборы въ рейхстагъ, 1903 года, опять доставили большинство представителямъ и друзьямъ деревни,—аграріямъ. Но въ то же время городское населеніе обнаружило твердую рѣшимость вступить въ энергичную борьбу съ аграріями; оно рѣшилось примкнуть къ самой рѣшительной, самой энергичной изъ городскихъ партій, къ соціалъ-демократической партіи, чувствуя необходимость сплотиться въ плотный «блокъ» для борьбы съ общимъ противникомъ. Этимъ, главнымъ образомъ, и вызванъ чрезвычайный успѣхъ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи на послѣднихъ выборахъ: къ рабочимъ присоединилась значительная часть остального городского населенія для общей борьбы противъ господства реакціонной деревни. Благодаря этому, старый вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между городомъ и деревней имѣетъ теперь особый интересъ.

I.

Экономическое значеніе сельскаго хозяйства въ общенародномъ хозяйствѣ Германіи сильно понизилось въ теченіе девятнадцатаго вѣка.

Уже при послѣдней профессіональной переписи, въ 1895 году, только третья часть всего населенія имперіи (35,74%) находила средства къ жизни въ сельскомъ хозяйствѣ, т.-е. земледѣліи, скотоводствѣ, лѣсоводствѣ, садоводствѣ и т. под.; но и этотъ результатъ достигался только при крайнемъ напряженіи всѣхъ силъ: женщины, дѣти, старики,—всѣ должны были напречь свои силы въ значительно большей степени, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ народнаго хозяйства,—въ промышленности или торговлѣ. Сельское хозяйство стало чуть ли не наименѣе выгоднымъ изъ всѣхъ промысловъ и сельское населеніе неудержимо стремится въ городъ, такъ что землевладѣльцы вынуждены выписывать рабочихъ изъ другихъ странъ съ очень низкими потребностями, напр., изъ Галиціи или Польши. Въ теченіе послѣдней четверти девятнадцатаго вѣка заработная плата значительно поднялась также въ деревнѣ *), но въ городѣ несравненно больше, такъ что контрастъ все болѣе увеличивается и бѣгство рабочихъ изъ деревни въ городъ все усиливается. «Leutenoth!», «людская нужда!»—нужда въ рабочихъ рукахъ, стало постоянной жалобой сельскихъ хозяевъ. Совѣтъ привлечь рабочихъ посредствомъ повышенія заработной платы не принимается сельскими хозяевами, по той простой причинѣ, вѣроятно, что они болѣе высокой платы платить *не могутъ*, такъ какъ они и такъ не знаютъ какъ свести концы съ концами. Въ анкетѣ, произведенной въ 1898 году по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ германскимъ сельскохозяйственнымъ совѣтомъ, было установлено

*) Для поденныхъ рабочихъ на 40%, для годовыхъ на 80—100% („Das Land. Tahr 1901", p. 260).

относительно 1.525 сельскихъ хозяйствъ, подвергнутыхъ изслѣдованiю, что среднiй доходъ составляетъ только 2,1°/₀ всего капитала, мертваго и оборотнаго, помѣщеннаго въ это хозяйство. Если при этомъ на оборотный капиталъ отчислить 5°/₀ и на строенiя 3°/₀, то на долю основного капитала или земельной ренты *остается только 0,7°/₀*; въ хозяйствахъ меньшаго размѣра (цѣною, въ среднемъ, въ 50.000 марокъ) на земельную ренту при такомъ же разсчетѣ остается— нуль *).

При такихъ обстоятельствахъ сельское хозяйство не можетъ оказывать большой поддержки государственнымъ финансомъ, его налогоспособность очень незначительна. По даннымъ прусской подоходной статистики за 1897—1898 годъ изъ каждой тысячи душъ сельскаго населенiя не болѣе 117,4 обладали годовымъ доходомъ превышающимъ 900 марокъ, тогда какъ городское населенiе насчитывало 255,4 таковыхъ на каждую тысячу душъ. По бюджету прусскаго королевства за 1901—1902 годъ ожидалось подоходнаго налога:

въ городахъ	126.520.000	марокъ
въ деревняхъ	41.610.000	»

«Деревнями» нѣмецкая статистика обозначаетъ общины, имѣющiя менѣе 2.000 душъ населенiя, но эти деревни далеко не всецѣло поглощены сельскимъ хозяйствомъ; промышленность и торговля занимаютъ значительную часть деревенскаго населенiя, такъ что порядочная доля упомянутаго налога уплачивается ими, а не сельскимъ хозяйствомъ, къ которому статистика причисляетъ только 61,8°/₀ всего деревенскаго населенiя **).

Еще менѣе значительно участiе сельскаго хозяйства въ косвенныхъ налогахъ; послѣднiе почти всей своею тяжестью ложатся на городское населенiе.

Такимъ образомъ государственное управленiе Германiи въ финансовомъ отношенiи поддерживается главнымъ образомъ городомъ; однако жъ *его вниманiе* посвящено главнымъ образомъ сельскому хозяйству. Мало того, посредствомъ таможенныхъ тарифовъ, торговыхъ договоровъ и т. под. государство возлагаетъ на городское населенiе еще другiя, еще болѣе тяжелыя жертвы въ пользу нацiональнаго сельскаго хозяйства; оно *заставляетъ* городское населенiе покупать почти исключительно продукты нѣмецкаго сельскаго хозяйства, *заставляетъ* платить за нихъ высокiя цѣны, затрудняя или совершенно закрывая болѣе дешевымъ и часто также болѣе доброкачественнымъ продуктамъ другихъ странъ доступъ въ Германiю. Экономическiе интересы города такимъ образомъ подчинены интересамъ деревни.

---

*) Wilhelm Roscher. „Natianalökonomie des Akerbaues“ XIII, Auflage, Berlin. 1903, p. 773.

**) Die berufliche und soziale Gliederung des Deutschen Reiches nach der Berufszählung vom 14 Iuni 1895. Statistik des Deutscnen Reiches, N. F., Band 111.

II.

Еще сильнѣе антагонизмъ между городомъ и деревней въ культурномъ отношеніи.

Участіе деревни въ духовной жизни и духовномъ развитіи Германіи, вообще въ ея культурномъ прогрессѣ, равно почти нулю, если не представляетъ отрицательной величины. Излишне объяснять здѣсь, чтó это значитъ въ наше время, когда духовная культура составляетъ не только главное содержаніе частной и общественной жизни, но также и главный двигатель экономическаго развитія. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ не было возможности измѣнить это ненормальное положеніе и приходилось ограничивать стремленія духовнымъ *сближеніемъ* деревни съ городомъ, дабы пропасть, раздѣляющая ихъ, не слишкомъ ужъ углублялась.

Однимъ изъ главныхъ средствъ къ этой цѣли служитъ распространеніе просвѣщенія и въ этомъ отношеніи многое сдѣлано въ Германіи. Всеобщее обученіе уже давно проведено и безграмотные представляютъ въ деревнѣ столь же рѣдкое исключеніе, какъ въ городѣ; главныя заботы направляются теперь, одновременно съ расширеніемъ школьной программы, улучшеніемъ школьной обстановки и педагогическаго персонала, къ распространенію послѣшкольнаго и техническаго образованія. Но въ то время, какъ деревня дѣлаетъ одинъ шагъ въ этомъ направленіи, городъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ...

По вычисленіямъ, относящимся къ 1891 году, средній годичный расходъ на каждаго учащагося въ народной школѣ составлялъ въ прусскомъ королевствѣ:

въ деревняхъ . . . 24,73 марки (11 р. 50 к.)
въ городахъ . . . 39,99 марокъ (19 р.).

Деревня не имѣетъ такихъ финансовыхъ средствъ, какъ городъ, но она также не имѣетъ того интереса къ просвѣщенію, какъ послѣдній. Это пришлось констатировать самому прусскому министерству земледѣлія въ оффиціальномъ докладѣ о причинахъ слабаго развитія профессіональнаго образованія въ деревняхъ (докладъ относится къ 1897 году). Эти причины сводятся къ слѣдующимъ тремъ характернымъ пунктамъ:

Мелкое крестьянство не понимаетъ всего значенія профессіональнаго образованія.

Крупное крестьянство не интересуется имъ.

Крупные землевладѣльцы сопротивляются распространенію образованія, опасаясь, что оно увеличитъ недовольство сельскихъ рабочихъ ихъ положеніемъ и усилитъ ихъ стремленіе въ города.

Прусскому правительству, всегда считавшему распространеніе образованія одною изъ главныхъ задачъ государства, приходится поэтому *принуждать* деревню къ образованію. Но хотя разница между про-

свѣтительнымъ уровнемъ города и деревни не уменьшается, а увеличивается, деревня, проникаясь интересомъ къ духовной жизни и уваженіемъ къ просвѣщенію и культурѣ, не можетъ не проникнуться въ то же время чувствомъ почтенія къ городу, какъ центру и источнику духовнаго прогресса; благодаря этому, деревня все-таки сближается *морально* съ городомъ.

Но въ то же самое время просвѣщеніе деревни увеличиваетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ея независимость отъ города, а повышеніе пульса ея духовной жизни вызываетъ притокъ новой энергіи въ элементахъ, стремящихся къ обособленію деревни отъ города. Это особенно ярко выражается въ торговыхъ сношеніяхъ деревени съ городомъ. При низкомъ уровнѣ сельской культуры деревня въ торговомъ отношеніи находится въ полной зависимости отъ города, безъ городскихъ торговцевъ она не можетъ ни продавать, ни покупать. Съ распространеніемъ же образованія, расширяющаго ея кругозоръ, деревня постепенно освобождается отъ этой зависимости; съ помощью коопераціи она *сама* находитъ потребителя ея продуктовъ и производителя нужныхъ ей предметовъ, минуя дорогихъ посредниковъ; точно также деревня съ помощью коопераціи освобождается отъ столь тяжкой зависимости отъ города въ отношеніи кредита. Сельскохозяйственныя коопераціи быстро распространились по Германіи; къ 1-му іюля 1901 года такихъ кооперацій числилось *15.034*. Наиболѣе многочисленны кредитныя коопераціи: 10.487; кооперацій для купли и продажи числилось 1.294; остальныя коопераціи большею частью производительнаго характера, главнымъ образомъ для выработки молочныхъ продуктовъ *).

Сельскохозяйственная кооперація въ высшей степени полезна для сельскаго населенія, она имѣетъ также крупное культурное значеніе, но въ то же время она ослабляетъ связи деревни съ городомъ, еще болѣе обособляетъ первую и притомъ часто служитъ политическимъ орудіемъ для консервативныхъ партій. Во главѣ этихъ кооперацій стоятъ большею частью крупные землевладѣльцы, пользующіеся своимъ вліяніемъ на членовъ кооперацій для своихъ политическихъ цѣлей.

Вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ вообще очень велико въ нѣмецкой деревнѣ. Изъ ихъ среды выходятъ мѣстные представители правительственной власти, они играютъ руководящую роль въ сельскомъ самоуправленіи, въ которомъ вся организація приспособлена къ интересамъ крупныхъ землевладѣльцевъ и крупныхъ крестьянъ; въ особенности въ Пруссіи, гдѣ при выборахъ представителей сельскаго самоуправленія примѣняется *классовая система*, похожая на систему

*) Roscher. „Nationalökonomie des Akerbaues", XIII-te Auflage von Dade. Berlin, 1903.

выборовъ въ ландтагъ *). Сельское самоуправленіе Германіи не находится на высокомъ уровнѣ и ограничиваетъ свою дѣятельность почти исключительно тѣми задачами, къ выполненію которыхъ оно обязано законодательствомъ. Но законодательство также находится въ Германіи подъ преобладающимъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ,— помѣстнаго дворянства, его требованія къ сельской общинѣ поэтому по возможности смягчаются и въ ихъ выполненіи соблюдается крайняя снисходительность.

III.

Но сильнѣе всего антагонизмъ между городомъ и деревней выражается въ ихъ политическихъ отношеніяхъ: они настолько обострились, что мирное соглашеніе посредствомъ взаимныхъ уступокъ представляется въ настоящее время совершенно невозможнымъ. Это два прямо-противоположныхъ политическихъ полюса: городъ тяготѣетъ къ крайнему лѣвому крылу, деревня къ крайнему правому крылу политическихъ партій; политическое представительство города концентрируется въ рукахъ четвертаго сословія—рабочаго класса, представительство деревни находится въ рукахъ высшаго сословія—помѣстнаго дворянства. Противоположность настолько рѣзкая, что не только взаимное соглашеніе, но даже простое взаимное пониманіе кажется невозможнымъ. Поэтому и на той, и на другой сторонѣ многіе склонны думать, что борьба въ концѣ концовъ будетъ разрѣшена физической силой, что гордіевъ узелъ будетъ разрубленъ мечомъ. Мы не можемъ входить здѣсь въ разборъ вопроса, насколько этотъ взглядъ справедливъ; немного ниже мы увидимъ, что узелъ уже начинаетъ распутываться; здѣсь этотъ вглядъ интересенъ для насъ только въ качествѣ характернаго признака крайняго обостренія въ отношеніяхъ сторонъ.

Пока политическая власть находится почти всецѣло въ рукахъ помѣстнаго дворянства,—юнкерства. *Оно* занимаетъ всѣ высшія должности въ государствѣ (самъ монархъ считаетъ себя принадлежащимъ къ помѣстному дворянству), *оно* управляетъ всѣмъ правительственнымъ механизмомъ, — бюрократіей, арміей, полиціей, — *оно* играетъ главную роль въ парламентахъ, рейхстагѣ и ландтагѣ. Своею властью нѣмецкое юнкерство пользуется со свойственною членамъ этого класса непринужденностью; юнкеры не любятъ и не привыкли стѣснять себя. Налоговая система выработана такимъ образомъ, что почти всей своею тяжестью падаетъ на городское населеніе; городское самоуправленіе сильно стѣснено и находится въ зависимости отъ бюро-

*) Всѣ члены общины, платящіе извѣстный минимумъ налоговъ, раздѣлены на три класса соотвѣтственно высотѣ налога, съ такимъ разсчетомъ, чтобы сумма налоговъ всѣхъ классовъ была равна между собою. Каждый классъ выбираетъ третью часть всѣхъ представителей. *Выборы открытые.*

кратіи; интересы городовъ и городского населенія всегда отодвигаются на второй планъ, городскіе жители поставлены въ положеніе гражданъ второго класса,—не только рабочіе, но также и буржуа. Такъ, буржуазіи очень затрудненъ доступъ къ почетнымъ должностямъ, къ офицерскому званію, къ титуламъ,—все это какъ будто всецѣло принадлежитъ юнкерамъ, обладателямъ магической частицы «фонъ». Приниженное положеніе нѣмецкой буржуазіи особенно ярко выражается именно въ ея отношеніи къ этой частицѣ «фонъ»: дарованіе это частицы считается самой высокой почестью для бюргера, которой удостаиваются только самые выдающіеся представители буржуазіи, самые великіе ученые, самые замѣчательные дѣятели, бюргеры, заслуги которыхъ не забудутся и черезъ сотни лѣтъ.

Еще пренебрежительнѣе, понятно, отношеніе нѣмецкаго юнкерства къ низшему сословію современнаго общества, къ рабочему классу. Рабочее движеніе, рабочая мысль, стремленіе слабѣйшихъ и бѣднѣйшихъ хоть сколько-нибудь повысить матеріальный и духовный уровень своего существованія подавляется самымъ брутальнымъ образомъ, чуть ли не вооруженной силой, подъ предлогомъ всевозможныхъ опасностей для общества и государства

Наконецъ,—самое характерное и самое важное обстоятельство, городское населеніе и въ политическихъ правахъ ограничено въ пользу деревни. Это не бросается въ глаза и поэтому обыкновенно остается безъ вниманія, но это одна изъ главныхъ, если не главнѣйшая причина, политическаго преобладанія юнкерства въ Германіи. Формально всѣ граждане Германской имперіи равны въ своихъ политическихъ правахъ: каждый гражданинъ, достигавшій 25-ти-лѣтняго возраста и не лишенный правъ по какой-нибудь особой причинѣ, имѣетъ право на одинъ избирательный голосъ при выборѣ членовъ рейхстага, безразлично отъ того, состоитъ ли онъ поденщикомъ на фабрикѣ или владѣльцемъ огромнѣйшаго помѣстья, живетъ ли онъ въ городѣ или въ деревнѣ; *но ихъ голоса не имѣютъ одинаковаго вѣса*, число выборныхъ сельскихъ избирателей несоразмѣрно выше числа выборныхъ городскихъ избирателей. Сельскіе избиратели составляютъ въ настоящее время только на $^1/_3$ всѣхъ избирателей Германской имперіи (35,$^0/_0$), но число депутатовъ, выбирааемыхъ ими почти *вдвое* больше! Причина этой несоразмѣрности лежитъ формально въ устарѣлости распредѣленія избирательныхъ округовъ, основаннаго на переписи 1866 года, когда сельское населеніе составляло около $^2/_3$ общаго населенія; теперь господствующія партіи сопротивляются измѣненію этого устарѣлаго распредѣленія округовъ, отъ котораго зависитъ все ихъ положеніе. Германская конституція *требуетъ* перераспредѣленія, но... сила солому ломитъ, а конституція написана на соломенной бумагѣ... На всѣ требованія нѣмецкіе юнкера отвѣчаютъ безцеремоннымъ; «J'y suis et j'y reste!»—«здѣсь я сижу, здѣсь я остаюсь!»

До какой степени существующее распредѣленіе избирательныхъ округовъ несоразмѣрно, ясно будетъ изъ двухъ примѣровъ.

Берлинъ выбираетъ теперь только шесть членовъ рейхстага, по количеству своего населенія онъ имѣетъ право на *двадцать* депутатовъ.

Избирательный округъ «Тельтовъ», включающій въ себѣ между прочимъ большой городъ Шарлоттенбергъ, насчитываетъ по избирательнымъ спискамъ 1903 года 183076 избирателей, но имѣетъ право только на *одного* депутата, столько же, сколько избирательный округъ Шаумбургъ-Липпе, насчитывающій всего 9551 избиратслей; каждый избирательный голосъ послѣдняго округа имѣетъ такимъ образомъ столько же вѣсу, какъ *девятнадцать* избирательныхъ голосовъ Шарлоттенбурга! Этотъ случай, конечно, исключительный; въ среднемъ, какъ уже было отмѣчено, избирательный голосъ сельскаго избирателя имѣетъ при существующей систетѣ *вдвое* больше политическаго значенія, чѣмъ избирательный голосъ городского жителя.

IV.

Трудно понять, какъ города Германіи, стоящіе на столь высокомъ уровнѣ экономическаго и умственнаго развитія, служащіе сосредоточіемъ всей соціальной, моральной и политической жизни страны могли такъ долго мириться со своимъ приниженнымъ положеніемъ и переносить господство деревни несравненно болѣе слабой во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Французскіе города, которые и теперь еще не обнимаютъ половины всего населенія Франціи, вступили въ борьбу за политическое преобладаніе уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, когда имъ принадлежала едва $^1/_5$ часть населенія. Нѣмецкіе города за все это время только одинъ разъ сдѣлали энергичную попытку занять достойное положеніе въ государствѣ; это было въ 1848 году, когда революціонная энергія горячей лавой разлилась по всему Западу. Но потерпѣвъ тогда неудачу, нѣмецкая буржуазія какъ будто навсегда потеряла охоту возобновить борьбу съ юнкерствомъ и предпочитаетъ *приспособляться* къ нему. Ея девизомъ какъ будто сдѣлалась народная поговорка:

„Gebükt, gebükt, mit dem Hut in der Hand,
Kommt man bequem durch's ganze Land“.

Благодаря этому великая историческая задача освобожденія страны отъ феодализма до сихъ поръ еще не вполнѣ выполнена въ Германіи, и эта великая страна, идущая во многихъ отношеніяхъ впереди вѣка, представляетъ собою въ политическомъ отношеніи странную смѣсь стараго съ новымъ, феодализма и капитализма, абсолютизма и демократіи, произвола и законности, гнета и свободы. Такое ненормальное положеніе, конечно, не можетъ долго продолжаться, но буржуазія, не съумѣвшая раньше измѣнить его, теперь еще менѣе способна къ этому; теперь ужъ четвертое сословіе, рабочій классъ долженъ взять на себя

эту миссію. *Сама буржуазія сознаетъ это и передовая часть ея все болѣе и болѣе сближается съ рабочей партіей* Этимъ въ значительной степени объясняются поразительные успѣхи соціалъ-демократической партіи въ городскомъ населеніи, въ особенности въ населеніи крупныхъ городовъ, наиболѣе сознательномъ въ политическомъ отношеніи.

На послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ, въ 1903 году, 48,3% всѣхъ избирателей городовъ съ населеніемъ не менѣе 10.000 душъ отдали свои голоса кандидатамъ соціалъ-демократической партіи; это *среднее* для всѣхъ этихъ городовъ, но въ наиболѣе крупныхъ городахъ процентъ соціалъ-демократическихъ голосовъ значительно выше. Самый крупный городъ германской имперіи, Берлинъ, отдалъ соціалъ-демократической партіи 66,9% всѣхъ своихъ избирательныхъ голосовъ, второй по величинѣ городъ имперіи отдалъ ей 63,3% своихъ избирательныхъ голосовъ, Мюнхенъ далъ 56,5%, Дрезденъ—62,4%, Лейпцигъ—60,6%, Альтона даже 70,1% *). Эти высокія цифры ясно обнаруживаютъ знаменательный фактъ присоединенія части третьяго сословія къ рабочей партіи, такъ какъ они значительно превышаютъ долю рабочихъ въ общемъ числѣ избирателей упомянутыхъ городовъ **).

Въ маленькихъ городахъ съ населеніемъ отъ 2.000 до 10.000 душъ доля соціалъ-демократической партіи составляетъ въ среднемъ 35% всѣхъ избирательныхъ голосовъ. Но нѣмецкая соціалъ-демократія не ограничивается организаціей городской оппозиціи противъ господствующаго режима, она проникаетъ также въ деревню и подкапываетъ самое основаніе этого режима. На выборахъ 1903 года соціалъ-демократическая партія получила во всѣхъ деревняхъ имперіи, т.-е. въ общинахъ съ населеніемъ менѣе 2.000 душъ, 735.093 избирательныхъ голосовъ, 17,1% всѣхъ избирательныхъ голосовъ этихъ общинъ. Этотъ процентъ, достаточно высокій самъ по себѣ, значительно повышается въ нѣкоторыхъ областяхъ. Напримѣръ, въ провинціи Шлезвигъ-Гольштейнъ доля соціалъ-демократическихъ голосовъ составляетъ 26,9% всѣхъ избирательныхъ голосовъ, въ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-Стрелитцъ—30,4%, въ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-Шверинъ—33,3%, въ герцогствѣ Саксенъ-Кобургъ-Гота—40,4%, въ герцогствѣ Саксенъ-Альтенбургъ—43%, наконецъ, въ Саксонскомъ королевствѣ доля соціалъ-демократическихъ голосовъ составляетъ 50,8%, *болѣе половины всѣхъ избирательныхъ голосовъ сельскаго населенія!*

---

*) „Allgemeine Statistik der Reichstagswahlen von 1903“. Bearbeitet im Kaiserlichen Statistischen Amt, II Theil, p. 110 ff.

Всюду проценты вычислены съ числа избирателей, дѣйствительно принявшихъ участіе въ выборахъ.

**) Точныя вычисленія по этому вопросу находятся въ изслѣдованіи автора о соціальномъ составѣ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи, предназначенномъ къ печати въ журналѣ „Archiw für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“.

V.

Эти поразительные успѣхи нѣмецкой соціалъ-демократіи среди сельскаго населенія вызваны коренными измѣненіями въ экономическомъ характерѣ нѣмецкой деревни. Современная саксонская деревня уже совсѣмъ не похожа на то, что мы обыкновенно представляемъ себѣ подъ деревней: *большая часть ея населенія занята не сельскимъ хозяйствомъ, а промышленностью.* По даннымъ профессіональной переписи 1895 года въ сельскомъ населеніи саксонскаго королевства, т.-е. населеніи общинъ, насчитывающихъ менѣе 2.000 душъ, къ группѣ сельскаго хозяйства во всѣхъ его видахъ (земледѣліе, скотоводство, лѣсоводство, садоводство и проч.) принадлежатъ 459.010 душъ, а къ группѣ промышленности 621.441 душа *); саксонская деревня больше чѣмъ наполовину индустріализована.

Въ остальной Германіи процессъ индустріализаціи деревни идетъ медленнѣе, чѣмъ въ Саксоніи, но также достигъ уже довольно высокаго уровня. Во всей имперіи только 61,8% сельскаго населенія принадлежатъ къ группѣ сельскаго хозяйства, 25,34% принадлежатъ къ промышленной групѣ и 5% къ группѣ торговли и средствъ сообщенія **); если же мы примемъ во вниманіе только *дѣятельное мужское* населеніе деревни, которое одно только можетъ принять участіе въ политической жизни, то доля сельскаго хозяйства понизится до 60%, тогда какъ доля промышленности повысится до 27,3%. Индустрія, слѣдовательно, уже довольно глубоко проникла въ нѣмецкую деревню и соціалъ-демократія послѣдовала за нею по пятамъ. Во многихъ мѣстахъ успѣхи соціалъ-демократической партіи въ деревнѣ превышаютъ степень ея индустріализаціи, что указываетъ на то, что рабочая партія проникла также и въ чисто сельскохозяйственное населеніе; промышленное населеніе деревни начинаетъ увлекать за собою болѣе инертную земледѣльческую массу. Прежде всего, вѣроятно, наиболѣе подвижную и наименѣе довольную своимъ положеніемъ часть земледѣльческаго населенія—земледѣльческихъ рабочихъ; но послѣдніе составляютъ почти 9/10 всего земледѣльческаго населенія деревни: 87%. Въ эту цифру включены, впрочемъ, также рабочіе, работающіе въ родной семьѣ и составляющіе около 1/3 всѣхъ земледѣльческихъ рабочихъ обоихъ половъ; политическій характеръ *этихъ* рабочихъ врядъ ли отличается отъ политическаго характера крестьянъ-собственниковъ. Но и среди крестьянъ не мало есть элементовъ, которые политически тяготѣютъ къ демократіи. Въ Баваріи, напримѣръ, существуютъ большіе крестьянскіе союзы съ чисто демократической программой; назовемъ «Bauerischer Bauernbund», «Bauerischer Bauern-und Bürgerbund»; послѣдній

*) „Statistick des Deutschen Reichs“, Bd. 110, p. 130.
**) „Statistik des Deutschen Reichs“, Bd. 111, p. 47.

союзъ уже прямо представляетъ собою коалицію земледѣльческой и промышленной демократіи.

Правда, самый большой политическій союзъ нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ, «Bund der Landwirte» не имѣетъ въ себѣ ничего демократическаго: но это не есть собственно *крестьянскій* союзъ, это союзъ крупныхъ землевладѣльцевъ, *юнкерскій* союзъ; крестьяне, хотя и фигурируютъ въ большомъ числѣ въ членскихъ спискахъ этого союза, не играютъ въ немъ никакой роли и врядъ ли чувствуютъ себя хорошо въ этомъ обществѣ, — въ особенности мелкіе крестьяне. Этотъ союзъ впрочемъ врядъ ли вообще долго просуществуетъ; онъ былъ созданъ съ спеціальной цѣлью добиться повышенія пошлины на сельскохозяйственные продукты, цѣль уже достигнута, онъ поэтому не имѣетъ болѣе raison d'être и уже при послѣднихъ выборахъ обнаружилъ признаки упадка.

Во всякомъ случаѣ факты показываютъ, что соціалъ-демократическая партія находитъ и въ деревнѣ благопріятную почву для своего развитія,—значительно болѣе благопріятную, чѣмъ можно было бы à priori предполагать при данномъ состояніи сельскаго хозяйства, когда тенденція къ концентраціи предпріятій и пролетаризаціи крестьянства еще такъ слабо обнаруживаются, что сами теоретики еще спорятъ о томъ, *существуетъ* ли дѣйствительно такая тенденція въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи. Можно было бы поэтому поставить вопросъ, умѣстенъ ли вообще этотъ споръ въ Германіи въ настоящій моментъ? Онъ несомнѣнно въ теоретическомъ отношеніи очень интересенъ, но его теоретическое разрѣшеніе со временемъ будетъ легче, чѣмъ теперь, когда относящіяся сюда явленія еще такъ слабо обнаруживаются, что ихъ приходится наблюдать чуть ли не черезъ увеличительное стекло... *Практическаго* политическаго значенія для нѣмецкой соціалъ-демократіи этотъ споръ въ настоящій моментъ *не имѣетъ*; теперь главную роль играютъ совсѣмъ другіе факторы, чѣмъ тѣ, которые занимаютъ вниманіе теоретиковъ аграрнаго соціализма.

Но какъ бы тамъ ни было, нѣмецкая соціалъ-демократія имѣетъ всѣ шансы занять въ скоромъ времени въ деревнѣ такое же положеніе, какое она заняла въ городѣ, т. - е. стать центромъ коалиціи всѣхъ демократическихъ элементовъ. Уже при послѣднихъ выборахъ соціалъ-демократическая партія заняла *вторую* по численности позицію среди политическихъ партій современной деревни, гдѣ теперь только клерикальная партія превосходитъ ее по числу избирательныхъ голосовъ. При выборахъ 1903 года избирательные голоса сельскихъ округовъ распредѣлились между различными партіями слѣдующимъ образомъ *):

*) „Allgem. Stat. der Reichstagswahlen von 1903“, II Theil, p. 94.

Клерикальная партія (центръ) получила		1.033.051	голос.	=	24,1%
Соціалъ-демократическая партія	»	735.093	»	=	17,1%
Нѣмецкая консервативная »	»	666.678	»	=	15,5%
Націоналъ-либеральная »	»	546.216	»	=	12,7%
Польская »	»	248.974	»	=	5,8%
Свободомыслящая народная » Свободомыслящій союзъ » Нѣмецкая народная »	»	306.278	»	=	7,2%
Имперская (своб. консерв.) »	»	206.248	»	=	4,8%
Антисемитическая »	»	140.495	»	=	3,3%
Разныя маленькія группы »	»	402.897	»	=	9,4%

Изъ этой таблицы видно, что деревня служитъ яблокомъ раздора около дюжины политическихъ партій, изъ которыхъ ни одна, за исключеніемъ клерикальной партіи въ католическихъ областяхъ не съумѣла настолько обосноваться въ деревнѣ, чтобы ее можно было считать типичной для послѣдней. Деревня политически разбрасывается, теряется, можно сказать—*распадается*. И это въ такой моментъ, когда городское населеніе дружно сплачивается вокругъ самой энергичной, самой предпріимчивой и самой рѣшительной изъ политическихъ партій! При такихъ обстоятельствахъ не трудно предвидѣть исходъ борьбы между городомъ и деревней въ Германіи: гегемонія деревни доживаетъ свои послѣдніе дни. Но безъ политической власти деревня, сельскохозяйственная деревня, не сможетъ удержаться экономически, такъ какъ безъ особаго покровительства германскому сельскому хозяйству, повидимому, невозможно устоять противъ иностранной конкуренціи. Германскую деревню ожидаетъ, вѣроятно, такая же судьба, какая постигла англійскую деревню болѣе полувѣка тому назадъ, она распадется экономически и политически и, превратившись въ предмѣстье городскихъ центровъ, почти исчезнетъ съ политической арены. Такъ, вѣроятно, закончится въ Германіи многовѣковая борьба города съ деревней.

Р. М. Бланкъ.

ЯПОНСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемые вниманію читателей разсказы принадлежатъ къ категоріи беллетристическихъ произведеній, называемыхъ японцами *моногатари*. Этотъ терминъ прилагается, главнымъ образомъ, къ вымышленнымъ исторіямъ, которыя имѣютъ цѣлью произвести эффектъ—или драматическій, какъ, напримѣръ, моноготари «Примиреніе» и «Ингвабанаши», или поэтическій, какъ, напримѣръ «Благосклонность богини Бентенъ». Оригиналы названныхъ сейчасъ произведеній напечатаны: перваго — въ сборникѣ «*Консеки-моногатари*» (т.-е. старые и новые разсказы), второго—въ «*Хіяку-моногатари*» (т.-е. сто разсказовъ), и третьяго—въ сборникѣ «*Отоджи-хіяку-моноготари*» (т.-е. сто вечернихъ разсказовъ). Время напечатанія сборниковъ относится къ концу первой половины XIX столѣтія, т.-е. къ эпохѣ, непосредственно предшествующей открытію Японіи для иностранцевъ.

Для полнаго пониманія разсматриваемыхъ моногатари, необходимо усвоить себѣ, что душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ,—подобныя тѣмъ, какія составляютъ основную тему разсказовъ «Примиреніе» (угрызенія совѣсти, испытываемыя самураемъ, разведшимся съ кроткою и умною женою своею въ погонѣ за честолюбивыми цѣлями) и «Ингва-банаши» (муки ревности законной жены къ наложницѣ мужа и жажда злого отмщенія ей) не могли въ ту эпоху изображаться въ повѣстяхъ или романахъ, лишенныхъ фантастическаго элемента, такъ какъ, по господствовавшимъ тогда въ японскомъ обществѣ понятіямъ, такія чувства, по крайней мѣрѣ, не слѣдовало обнаруживать. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что, согласно тогдашнему положенію женщины въ Японіи *), мужчина «не имѣлъ причины стѣсняться» разводомъ съ женою своею даже хотя бы и по личной прихоти, а жена «не должна была допускать въ душѣ своей возникновенія чувства ревности къ наложницамъ мужа». Поэтому моралистамъ, желающимъ воззвать къ чувству справедливости мужчинъ и вызвать со стороны ихъ состраданіе

---

*) См. нашу статью „Женскій вопросъ въ Японіи“, №№ 6 и 7 „Міра Божьяго“.

къ женщинѣ, приходилось поневолѣ избирать орудіемъ для достиженія своей цѣли аллегоріи, притчи или вымышленные, «волшебные» разсказы.

Моногатари «Благосклонность богини Бентенъ», въ которомъ описывается любовь и сватовство молодого человѣка къ дѣвушкѣ, построенъ также на фантастической канвѣ; и надо думать, что реальный разсказъ и на эту тему не достигъ бы поэтическаго эффекта, потому что обстоятельства, обыкновенно сопровождавшія сватовство молодыхъ людей въ дореформенной Японіи, какъ мы видѣли это въ статьѣ «Женскій вопросъ» въ этой странѣ*), не имѣли и тѣни поэтическаго элемента.

Разсматриваемый моногатари представляетъ, однако, для насъ интересъ не только по поэтичности содержанія своего, но и потому, что иллюстрируетъ обычное и нынѣ среди японцевъ смѣшеніе исповѣданій синтоистической и буддійской религій: дѣйствующія лица моногатари обращаются то къ синтоистическимъ, то къ буддійскимъ божествамъ.

Печатаемый здѣсь переводъ всѣхъ трехъ моногатари сдѣланъ нами, къ сожалѣнію, не съ подлинниковъ, а съ англійскихъ переводовъ американскаго писателя Лафкадіо Гирна (Lafcadio Hearn)*). Тѣмъ не менѣе, мы надѣемся, что нашъ текстъ близокъ къ оригиналамъ, и что́ еще важнѣе, сохраняетъ духъ ихъ, такъ какъ переводы Лафкадіо Гирна, которыхъ мы держались съ возможной тщательностью, признаны знатоками японской литературы образцовыми въ упомянутомъ отношеніи.

Напомнимъ здѣсь кстати, что редакція «Міра Божьяго» уже познакомила читателей этого журнала съ характеристикой Лафкадіо Гирна, какъ бытописателя Японіи, еще въ 1895 году, напечатавъ тогда (въ октябрьской книжкѣ) переводъ статьи французскаго автора де-Вариньи: «Неизвѣстная Японія.—Лафкадіо Гирнъ». Въ этой статьѣ, между прочимъ, читаемъ:

«Трудно найти иностранца, который умѣлъ бы до такой степени проникнуть въ самую душу даннаго народа (т.-е. японцевъ), слиться съ нимъ, воспринять его идеи, его образъ жизни, его языкъ, обычаи и стремленія и отыскать подъ сложными и безконечно-разнообразными

---

*) Ibidem.

**) Иногда возбуждается вопросъ о національности Лафкадіо Гирна. Мы можемъ напомнить здѣсь, что онъ родился въ Корфу отъ отца англичанина и матери гречанки; началъ свою литературную дѣятельность въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ сначала съ трудомъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе въ качествѣ корректора въ типографіи, и гдѣ нынѣ печатаются и раскупаются нарасхватъ всѣ его произведенія. Съ 1890 года онъ поселился въ Японіи, выучился японскому языку и дѣятельно изучалъ бытъ населенія этой страны. Нынѣ онъ женатъ на японкѣ и состоитъ лекторомъ англійской литературы въ императорскомъ университетѣ въ Токіо. Изъ беллетристическихъ сборниковъ его, содержащихъ оригинальныя и переводныя статьи, рисующія психологію жителей Японіи, наиболѣе извѣстны: 1) „Glimpses of unfamiliat Japan“; 2) „Out of the East; 3) „Kokoro“; 4) „Kotto“; 5) „On Ghostly Japan“ и 6) „Shadowings“.

формами тайныя пружины его дѣйствій, факторы, подготовившіе и упрочившіе его успѣхъ».

Въ дополненіе къ этому прибавимъ еще, что Чамберленъ, въ статьѣ своей «Книги о Японіи» *), такъ отзывается о трудахъ Лафкадіо Гирна: «Быть можетъ никогда, до сихъ поръ не было достигнуто такого сочетанія научной точности деталей съ изяществомъ и необычайною яркостью стиля. Читая эти глубоко оригинальные труды, мы понимаемъ истинность изреченія Рихарда Вагнера: *«Alles Verständniss kommt uns nur durch die Liebe»*. Лафкадіо Гирнъ понимаетъ и заставляетъ *насъ* понимать современную Японію лучше, чѣмъ какой-либо другой писатель, потому что онъ любитъ ее больше» *).

Н. П. А.

Примиреніе **).

Нѣкогда жилъ въ Кіото молодой самурай, который дошелъ до нищеты вслѣдствіе разоренія своего господина и былъ вынужденъ поэтому оставить его домъ и принять должность губернатора въ отдаленной провинціи. Прежде оставленія столицы, этотъ самурай развелся со своей женой—доброй и красивой женщиной и женился на дочери одного высокопоставленнаго лица, полагая, что будетъ имѣть лучшій успѣхъ по службѣ, вступивъ въ этотъ союзъ. Неблагоразуміе молодости и острая нужда обманули сердце самурая, и онъ не могъ понять истинной цѣны той преданности первой жены его, которую онъ такъ легко отвергнулъ. Второй бракъ его не оказался счастливымъ: новая жена его была жестка сердцемъ и себялюбива, и онъ скоро нашелъ много причинъ сожалѣть о невозвратныхъ дняхъ, прожитыхъ въ Кіото. Онъ ясно увидѣлъ, что все еще любитъ свою первую жену, любитъ болѣе, чѣмъ могъ когда-либо полюбить вторую, и началъ чувствовать, какъ несправедливъ и какъ неблагодаренъ былъ онъ. Мало-по-малу его раскаяніе перешло въ угрызенія совѣсти, которыя не давали покоя душѣ его. Воспоминанія о женщинѣ, которую онъ обидѣлъ, объ ея ласковыхъ рѣчахъ, ея милой улыбкѣ, ея изяществѣ, очаровательныхъ манерахъ, безупречномъ терпѣніи постоянно стояли передъ нимъ. Иногда во снѣ онъ видѣлъ ее за ткацкимъ станкомъ, работавшей день и ночь, какъ бывало въ годы его нужды, когда она старалась помочь ему, чѣмъ могла. Еще чаще видѣлъ онъ ее стоящей на колѣняхъ за молитвой, въ одинокой маленькой комнаткѣ, гдѣ

---

*) „Things Japanese“, by B. H. Chamberlain, London. 1902 г. Статья „Books on Japan“, стр. 65.

**) „The Reconciliation“; изъ сборника „Shadowings“, by Lafcadio Hearn.— Boston. 1901“.

оставилъ ее утиравшей слезы изношеннымъ рукавомъ бѣднаго кимоно. Даже въ часы офиціальной службы его думы обращались къ ней: онъ постоянно старался представить себѣ, какъ она живетъ, что дѣлаетъ? Что-то въ его сердцѣ говорило ему, что она не могла вступить во второй бракъ и что никогда не отказалась бы простить его... И въ глубинѣ души своей онъ рѣшился найти ее, какъ только обстоятельства позволятъ ему возвратиться въ Кіото, съ тѣмъ, чтобы выпросить у нея прощеніе, опять взять ее къ себѣ, дѣлать все, что только можетъ дѣлать человѣкъ для того, чтобы загладить свою вину... Но годы проходили.

Наконецъ офиціальный срокъ губернаторства истекъ, и самурай былъ свободенъ. «Теперь я вернусь къ ней, дорогой моей,—тысячу разъ повторялъ онъ себѣ.—О, какъ глупо и какъ жестоко было съ моей стороны рѣшиться развестись съ нею»... Онъ отправилъ свою вторую жену къ ея роднымъ (она не дала ему дѣтей) и поспѣшилъ въ Кіото. Прибывъ туда, онъ сейчасъ же началъ отыскивать своего стараго друга, не позволивъ себѣ даже потерять время на перемѣну своего дорожнаго костюма.

Когда онъ достигъ улицы, гдѣ жила она обыкновенно, была уже поздняя ночь, ночь десятаго дня девятаго мѣсяца, и городъ былъ молчаливъ, какъ кладбище. Но луна свѣтила ярко, и самурай нашелъ желанный домъ безъ затрудненій. Печальный видъ представлялъ онъ, съ его заросшей высокою травой крышей. Самурай постучалъ въ дверь, но никто не отвѣчалъ ему. Тогда, найдя, что дверь не заперта изнутри, онъ открылъ ее и вошелъ въ домъ. Первая комната была безъ циновокъ и пустая; холодный вѣтеръ гулялъ въ ней, прорываясь черезъ щели ставенъ, и луна сіяла черезъ отверстіе въ стѣнѣ алькова. Другія комнаты представляли такой же нежилой видъ... Домъ, повидимому, былъ необитаемъ. Самурай все-таки рѣшился пройти въ дальній конецъ его, въ ту маленькую комнатку, которая въ былое время была любимымъ мѣстомъ отдыха жены его. Приблизившись къ отдѣлявшимъ ее ширмамъ, онъ съ волненіемъ увидѣлъ за ними свѣтъ и, отодвинувъ ихъ, испустилъ крикъ радости: здѣсь сидѣла она за шитьемъ, при тускломъ свѣтѣ андона... Ея глаза встрѣтились съ его пылающимъ взглядомъ, и она привѣтствовала его съ счастливою улыбкой, спросивъ только:

— Когда вернулся ты въ Кіото? Какъ нашелъ ты дорогу ко мнѣ черезъ всѣ эти темныя комнаты?

Годы не измѣнили ея: она казалась такой же прекрасной и молодой, какою онъ представлялъ себѣ ее въ своемъ воображеніи. Но слаще всякаго воспоминанія звучалъ для него ея голосъ, съ дрожащими нотами радостнаго удивленія.

Въ невыразимомъ блаженствѣ занялъ онъ мѣсто противъ нея и разсказалъ ей все: какъ глубоко раскаивался онъ въ своемъ себялю-

біи, какъ одинокъ былъ безъ нея, какъ постоянно жалѣлъ ее, какъ долго надѣялся на то, что ему удастся загладить вину свою, и лелѣялъ планы о томъ, какъ это сдѣлать... И, говоря все это, онъ прерывалъ свои слова ласками и повтореніями просьбъ о прощеніи. Она отвѣчала ему съ любящей нѣжностью, которою преисполнено было ея сердце, умоляя его перестать упрекать себя. Это несправедливо, говорила она, что онъ позволилъ себѣ страдать изъ-за нея; она всегда сама чувствовала, что была недостойна быть женой его. Она знала, что онъ разстался съ нею только подъ гнетомъ бѣдности; она всегда помнила, что когда онъ жилъ съ нею, то всегда былъ добръ къ ней, и потому никогда не переставала молить боговъ объ его счастьи... Но даже если бы и была за нимъ какая-нибудь вина передъ нею, то развѣ это посѣщеніе имъ ея не заглаживаетъ послѣдней?.. О, какое же можно представить себѣ счастье выше того, какое она испытываетъ теперь, видя его снова, хотя бы лишь на моментъ?

— Только на моментъ?—отвѣчалъ онъ съ радостнымъ смѣхомъ.— Скажи лучше, что на время семи жизней, моя возлюбленная! Если только ты не отвергнешь меня, то я пришелъ жить съ тобой всегда— всегда—всегда... Ничто не можетъ разлучить насъ опять. Теперь я имѣю средства и друзей: намъ не придется страдать отъ бѣдности. Завтра мои вещи будутъ привезены сюда и мои слуги придутъ прислуживать тебѣ... О, мы сдѣлаемъ этотъ домъ счастливымъ и украсимъ его... А сегодня,—прибавилъ онъ, какъ бы оправдываясь,—я пришелъ такъ поздно и не перемѣнивъ своей дорожной одежды только потому, что страстно хотѣлъ видѣть тебя скорѣе и сказать тебѣ все, что̀ сказалъ.

Она глубоко обрадовалась этимъ словамъ и, въ свою очередь, разсказала ему обо всемъ, что случилось въ Кіото со времени его отъѣзда оттуда,—обо всемъ, за исключеніемъ своихъ собственныхъ печалей, о которыхъ она отказалась говорить, не желая разстраивать его.

Они болтали до поздней, поздней ночи; затѣмъ она отвела его въ болѣе теплую, выходящую на югъ, комнату, которая была ихъ спальной въ былое время.

— У тебя нѣтъ никого въ домѣ, кто помогъ бы тебѣ?—спросилъ онъ, когда она начала приготовлять для него постель.

— Нѣтъ, — отвѣтила она, весело смѣясь. — Я не могла нанять служанку и справлялась всегда одна.

— О, завтра у тебя будетъ много слугъ,—сказалъ онъ,—хорошихъ слугъ; будетъ все, что ты потребуешь.

Они легли отдохнуть,—не спать: имъ такъ много надо было сказать другъ другу... И они болтали о прошломъ, и о настоящемъ, и о будущемъ, пока не занялась утренняя заря. Тогда самурай неохотно закрылъ глаза и уснулъ...

Когда онъ проснулся, дневной свѣтъ прорывался сквозь щели

ставней, и, къ неописанному своему изумленію, онъ увидѣлъ, что лежитъ на голыхъ доскахъ гніющаго пола.

Неужели это былъ только сонъ? Нѣтъ, она здѣсь, она спитъ... Онъ склонился надъ нею, внимательно посмотрѣлъ на нее и дико вскрикнулъ; у спящей не было лица... Передъ нимъ лежало только тѣло женщины, завернутое въ могильный саванъ,—тѣло, столь исхудалое, что ничего не осталось почти отъ него, кромѣ костей и длинной черной косы волосъ.

. . . .

Самурай стоялъ, весь дрожа, въ лучахъ утренняго солнца, равнодушно прорывавшихся въ комнату, и леденящій ужасъ его медленно смѣнялся отчаяніемъ, столь невыносимымъ, такъ больно сжавшимъ его сердце, что онъ уцѣпился за тѣнь сомнѣнія... Выбѣжавъ на улицу и притворившись, что не знаетъ этихъ мѣстъ, онъ рѣшился спросить дорогу къ дому, въ которомъ жила его жена.

— Въ томъ домѣ нѣтъ никого,—отвѣчалъ человѣкъ, къ которому онъ обратился съ вопросомъ.—Онъ принадлежалъ женѣ самурая, который оставилъ городъ нѣсколько лѣтъ назадъ, разведясь предварительно съ нею для того, чтобы жениться на другой женщинѣ... Покинутая жена тосковала такъ сильно, что сдѣлалась больна... У нея не было родственниковъ въ Кіото, и вообще никого, кто могъ бы позаботиться о ней... И она умерла осенью того же самаго года, на десятый день девятаго мѣсяца.

Ингва-банаши *).

Жена даимія умирала и она знала сама, что часы ея сочтены. Она не была въ состояніи вставать съ постели еще съ ранней весны десятаго Бэнсей **); а теперь былъ уже четвертый мѣсяцъ двѣнадцатаго Бэнсей, и вишневыя деревья были въ полномъ цвѣту. Она думала о цвѣтѣ этихъ деревьевъ въ своемъ саду и о радостяхъ весны; она думала о своихъ дѣтяхъ и о различныхъ наложницахъ своего мужа,—особенно объ очаровательной девятнадцатилѣтней красавицѣ Юкико.

---

*) „Ingwa-Banaschi"; изъ сборника „In Ghostly Japon", by Lafcadio Hearn. Boston 1903.—Въ буквальномъ переводѣ „разсказъ объ *ингва*". Ингва—терминъ японскихъ буддистовъ, которымъ они называютъ злую карму, т.-е. тяжелыя послѣдствія для человѣка грѣховъ, совершенныхъ имъ въ періодъ какого-либо изъ предшествующихъ существованій его. Можетъ быть, заглавіе этого разсказа лучше всего объясняется ученіемъ буддистовъ о томъ, что мертвый можетъ вредить живому лишь въ возмездіе за дурные поступки, совершенные послѣднимъ въ его предшествующей жизни.

**) По европейскому счисленію 1826 годъ.

— Дорогая жена моя,—сказалъ даимій,—ты много страдала въ теченіе долгихъ трехъ лѣтъ. Мы сдѣлали все, что только могли сдѣлать, для облегченія тебя; ухаживали за тобой неустанно и днемъ и ночью, молились за тебя Богу и часто подкрѣпляли молитву постами. Но, несмотря на наши любящія попеченія и несмотря на искусство нашихъ лучшихъ врачей, кажется, надо сознаться, что конецъ твоей жизни уже недалеко. Вѣроятно, мы всѣ будемъ печалиться болѣе тебя, когда ты оставишь то, что́ Будда такъ вѣрно назвалъ *тлѣннымъ жилищемъ* въ этомъ мірѣ. Я сдѣлаю распоряженіе, чтобы,—какихъ бы то расходовъ ни потребовало,—былъ исполненъ каждый религіозный обрядъ, который можетъ помочь тебѣ въ слѣдующемъ твоемъ возрожденіи; и каждый изъ насъ будетъ молиться за тебя для того, чтобы ты не блуждала долго въ областяхъ мрака, но чтобы скорѣе вошла въ рай и достигла *нехана* *).

Онъ говорилъ съ чрезвычайной нѣжностью, все время лаская при этомъ больную. Выслушавъ его, она, съ закрытыми отъ слабости вѣками, отвѣчала ему голосомъ столь же тонкимъ, какъ голосъ насѣкомаго **):

— «Я благодарна, въ высшей степени благодарна, за твои ласковыя слова... Да, это правда, какъ ты говоришь, я была больна въ теченіе долгихъ трехъ лѣтъ, и со мною здѣсь обращались со всевозможной заботливостью и преданностью. Если бы я не признала этого, то уклонилась бы отъ пути правды, а это было бы очень нехорошо передъ самымъ приходомъ ожидающей меня смерти... Можетъ быть, думать о мірскихъ дѣлахъ въ такой моментъ нехорошо; но у меня есть одно послѣднее желаніе, только одно, и я прошу тебя исполнить его... Позови сюда ко мнѣ Юкико; ты знаешь, я люблю ее, какъ сестру. Мнѣ надо поговорить съ нею о дѣлахъ по хозяйству.

Юкико пришла на зовъ своего господина и, послушная сдѣланному имъ знаку, опустилась на колѣни возлѣ постели умирающей. Жена даимія открыла глаза, посмотрѣла на Юкико и, радостно узнавъ ее, сказала:

— А, вотъ и Юкико... Я такъ рада видѣть тебя, Юкико... Придвинься ко мнѣ поближе, такъ чтобы ты могла хорошо слышать меня; я вѣдь не могу говорить громко... Юкико, я умираю, я надѣюсь, что ты во всемъ будешь вѣрна своему господину, нашему дорогому господину, потому что я хочу, чтобы ты заняла мое мѣсто, когда я уйду отсюда... Я надѣюсь, что ты всегда будешь любима имъ; да, даже во сто разъ болѣе, чѣмъ была любима я, и что ты будешь очень скоро подвинута въ своемъ положеніи и сдѣлаешься его законной и почетной женой... И я прошу тебя всегда заботливо и нѣжно ухаживать

---

*) *Неханъ*—т.-е. нирванна.

**) См. замѣчаніе наше о вокальной музыкѣ въ Японіи въ статьѣ „Женскій вопросъ въ Японіи“. „Міръ Божій“, № 6, стран. 27.

за нимъ, никогда не позволяя, чтобы другая женщина отняла у тебя его привязанность... Я это, вотъ, и хотѣла сказать тебѣ, дорогая Юкико... Поняла ли ты меня хорошо?..

— О, моя дорогая госпожа,—протестовала Юкико,—не говорите мнѣ, умоляю васъ, такихъ страшныхъ вещей. Вы хорошо знаете, что я бѣдна и изъ невысокаго сословія; какъ же могу я осмѣлиться даже и мечтать только когда-либо сдѣлаться женою нашего господина?

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила умирающая сухо,—не время теперь заниматься словесными церемоніями; будемъ говорить другъ другу правду, одну только правду. Послѣ моей смерти положеніе твое, конечно, измѣнится; и я теперь опять увѣряю тебя, что я хочу, чтобы ты сдѣлалась женою нашего господина; да, я хочу этого Юкико, даже болѣе, чѣмъ хочу сдѣлаться Буддой *)... Ахъ, я чуть не забыла попросить тебя сдѣлать кое-что для меня, Юкико. Ты знаешь, что въ саду есть *іяё-цакура* **), которая была привезена сюда позапрошлый годъ съ горы Іошимо въ Ямато. Мнѣ сказали, что это дерево теперь въ полномъ цвѣту, а мнѣ такъ хотѣлось бы посмотрѣть его въ такой красотѣ. Еще немного, и я перестану жить; я должна видѣть дерево, прежде чѣмъ умру... Вотъ поэтому я и хочу, чтобы ты снесла меня въ садъ—сейчасъ же, Юкико, такъ чтобы я могла видѣть его... Да, на своей спинѣ Юкико; возьми меня на свою спину...

По мѣрѣ того, какъ она просила это, ея голосъ постепенно дѣлался яснымъ и сильнымъ, какъ будто бы напряженіе желанія дало ей новыя силы; затѣмъ она внезапно разразилась рыданіями. Юкико стояла на колѣняхъ неподвижно, не зная, что дѣлать; но господинъ заставилъ ее повиноваться волѣ умирающей.

— Это ея послѣднее желаніе въ этомъ мірѣ,—сказалъ онъ.—Она всегда любила цвѣтъ вишни, и я знаю, что она всегда очень хотѣла посмотрѣть, какъ цвѣтетъ дерево изъ Ямато. Сдѣлай же, дорогая Юкико, какъ она хочетъ, исполни ея волю.

Какъ няня подставляетъ свою спину ребенку, чтобы онъ могъ вскарабкаться на нее, Юкико подставила свои плечи женѣ даимія со словами:

— Госпожа, я готова; пожалуйста скажи мнѣ, какъ я могу лучше помочь тебѣ?

— Какъ, такимъ образомъ? — воскликнула умирающая женщина, приподнимаясь почти съ сверхъестественнымъ усиліемъ и цѣпляясь за плечи Юкико. Но когда та выпрямилась, она быстро засунула свои

---

*) Здѣсь слово Будда употреблено въ смыслѣ эпитета „совершенно просвѣтленный“, т.-е. человѣкъ, который полнымъ познаніемъ истины „освобожденъ“ отъ матеріальнаго бытія.

**) Іяё-цакура, іяё-но-сакура—разновидности японскаго вишневаго дерева, дающаго махровый цвѣтъ.

руки черезъ плечи подъ ея кимоно и, схвативъ своими тонкими пальцами груди дѣвушки, разразилась злымъ смѣхомъ.

— Я исполнила свое желаніе,—вскричала она,—вижу вишневое деревцо *), только не то, которое растетъ въ саду... Я не могла умереть, прежде чѣмъ не исполнила это свое желаніе. Теперь оно достигнуто. О, что это за наслажденіе!

И съ этими словами она упала на согнувшуюся подъ ея тяжестью дѣвушку и умерла.

Присутствующіе сейчасъ же попытались поднять тѣло съ плечъ Юкико и положить его на постель. Но—странно сказать—эта, повидимому, простая вещь не удавалась имъ. Холодныя руки какъ бы приросли какимъ-то необъяснимымъ образомъ къ грудямъ дѣвушки, какъ будто бы вросли въ ея нѣжное тѣло... Юкико лишилась чувствъ отъ страха и боли.

Были призваны врачи; но они не могли понять того, что случилось. Никакими обычными пріемами нельзя было отдѣлить рукъ покойной женщины отъ тѣла своей жертвы: онѣ такъ вцѣпились въ него, что при каждомъ усиліи разнять ихъ на тѣлѣ дѣвушки выступали капли крови. Это не потому, что пальцы держали груди, а потому, что ладони умершей необъяснимымъ образомъ срослись съ грудями Юкико.

Въ то время самымъ искуснымъ врачомъ въ Іедо былъ иностранецъ,—голландскій докторъ. Рѣшили позвать его. Послѣ тщательнаго изслѣдованія онъ сказалъ, что не можетъ понять этого случая, и что для немедленнаго облегченія Юкико ничего не остается сдѣлать, какъ только отрѣзать кисти покойной отъ тѣла. Онъ категорически объявилъ, что всякая попытка отдѣлить ихъ отъ грудей дѣвушки угрожала бы ея жизни. Совѣтъ его былъ принятъ, и руки покойной были ампутированы въ кистяхъ. Но онѣ остались вцѣпившимися въ груди и скоро потемнѣли и высохли, — какъ руки трупа давно умершаго человѣка... Это было, однако, еще только началомъ тѣхъ ужасовъ, которые отнынѣ сопровождали жизнь страдалицы Юкико. Высохшія и безкровныя съ виду, эти руки не были мертвы: по временамъ онѣ медленно расправлялись, какъ ноги паука, и затѣмъ ночью, всегда начиная съ часа быка **), онѣ какъ будто сжимались и впивались въ тѣло своей жертвы. Только въ часъ тигра страданія ея прекращались.

Юкико обрѣзала свои волосы и сдѣлалась нищенствующей монахиней, принявъ религіозное имя Дассетсу. Она сдѣлала себѣ *ихаи* (поминальную дощечку) съ именемъ своей покойной госпожи—«Міо-

*) Въ японской поэзіи и въ пословицахъ физическая красота женщины сравнивается съ вишневымъ цвѣтомъ, моральная—со сливовымъ цвѣтомъ.

**) Въ дореформенной Японіи „часъ быка“ былъ спеціальнымъ часомъ привидѣній. Онъ начинался въ 2 ч. утра, по нашему времясчисленію, и продолжался до 4 ч. утра,—потому что продолжительность прежняго часа въ Японіи вдвое болѣе нашего часа. „Часъ тигра“ начинался въ 4 часа утра.

Ко-Ин-Дэн-Чизан-Ріо-Фу Даиси», и носила ее съ собою во всѣхъ своихъ странствованіяхъ; и каждый день она усердно просила прощенія передъ нею у покойной и совершала буддійскіе обряды, какіе необходимы для того, чтобы ревнивый духъ покойной могъ успокоиться. Но требованіямъ злой кармы, возбудившей такія страданія, не легко можно удовлетворить. Каждую ночь въ часъ быка «мертвыя руки» начинали мучить свою жертву,—и такъ продолжалось въ теченіе семнадцати лѣтъ, по свидѣтельству тѣхъ лицъ, которымъ она послѣдній разъ разсказала свою печальную исторію, когда остановилась однажды вечеромъ въ домѣ Ногуси Дэнгозаемонъ, въ деревнѣ Танака, въ округѣ Каваси провинціи Симоцуке... Это было въ третій годъ Коквы (1846); послѣ того никто ничего не слышалъ о ней.

Благосклонность богини Бентенъ *).

Въ Кіото есть знаменитый храмъ, называемый Амадера. Садацуми Шинно, пятый сынъ императора Сеива, провелъ большую часть своей жизни тамъ, въ качествѣ священника; и на территорріи храма можно видѣть могилы многихъ знаменитыхъ людей.

Но настоящее зданіе не есть древняя Амадера; первоначальный храмъ, послѣ истеченія десяти столѣтій, впалъ въ такое разрушеніе, что его пришлось совершенно перестроить въ четырнадцатый годъ Генроку (1701 годъ нашей эры).

По окончаніи перестройки Амадеры, въ ознаменованіе ея, состоялось большое празднество, и среди тысячъ лицъ, которыя присутствовали на немъ, былъ молодой ученый и поэтъ, по имени Ганаки Баишу. Бродя по только что разбитымъ лужайкамъ и садамъ и наслаждаясь всѣмъ, что видѣлъ, онъ пришелъ къ источнику ключевой воды, изъ котораго часто пилъ въ прежнія времена. Съ удивленіемъ увидѣлъ онъ, что почва около ключа была вырыта, такъ что здѣсь образовался квадратный прудокъ, на одномъ углу котораго была поставлена деревянная доска съ надписью «Танжо-Суи» (вода рожденія) **), и что рядомъ съ этимъ прудкомъ былъ воздвигнутъ небольшой, но красивый храмъ богини Бентенъ. Пока Баишу любовался на послѣдній, внезапный порывъ вѣтра сдулъ къ его ногамъ танцаку ***), на которомъ была написана слѣдующая поэма:

---

*) „The Sympaty of Benten", изъ сборника „Shadowings", by Lafcadio Haern.—Boston. 1901.

**) Слово танжо (рожденіе) должно понимать здѣсь въ его мистическомъ буддійскомъ значеніи: новая жизнь или перерожденіе.

***). Танцаку—названіе длинныхъ полосокъ ленты или бумаги, обыкновенно цвѣтныхъ, на которыхъ поперечными строчками написаны поэмы. Танцаку подвѣшиваются къ цвѣтущимъ деревьямъ, къ колоколамъ, звучащимъ отъ вѣтра, и къ разнымъ другимъ красивымъ предметамъ, подъ впечатлѣніемъ которыхъ поэтъ могъ почувствовать вдохновеніе.

„Какъ вѣтка сливоваго дерева
Жаждетъ въ ея первомъ цвѣту
Ласки нѣжнаго утренняго вѣтерка,
Такъ я трепетно жду зова того,
Кто стоитъ предо мной
Въ грезахъ моихъ въ эти лунныя ночи".

Эта поэма—поэма первой любви (батсу-кои), сочиненная знаменитымъ Шунреи-Кіо—не была незнакома ему, но она была написана на танцаку женской рукой, и такъ изящно, что онъ едва могъ повѣрить своимъ глазамъ. Что-то въ формѣ идеографовъ,—какая-то неопредѣленная грація,—показывало, что писавшая эти строки находится въ періодѣ ранней юности, на рубежѣ между возрастомъ ребенка и дѣвушки, а чистый, полный цвѣтъ чернилъ, казалось, говорилъ о чистотѣ и добротѣ сердца ея *).

Баишу тщательно свернулъ танцаку и принесъ его домой. Когда онъ снова разсмотрѣлъ тамъ его, то рукопись показалась ему еще болѣе удивительной, чѣмъ сначала. Знаніе каллиграфіи убѣдило его только, что поэма написана какой-нибудь дѣвушкой—очень молодой, очень интеллигентной и, вѣроятно, обладающей очень нѣжнымъ сердцемъ. Но этого убѣжденія было достаточно для того, чтобы онъ могъ представить себѣ образъ очаровательной особы, и онъ скоро почувствовалъ себя влюбленнымъ въ незнакомку. Тогда онъ рѣшился искать автора рукописи и, если возможно, сдѣлать ее своею женой... Но какъ найти ее? Кто она такая? Гдѣ живетъ она? Конечно, онъ могъ надѣяться найти ее только при благосклонной помощи боговъ.

Размышляя объ этомъ, онъ пришелъ къ заключенію, что боги, повидимому, склонны помочь ему. Въ самомъ дѣлѣ, танцаку упала къ его ногамъ, когда онъ стоялъ передъ храмомъ Бентенъ-Сама; а именно къ этому божеству дожны обращаться влюбленные съ молитвой о ниспосланіи имъ счастливаго союза. Это заключеніе побудило его обратиться къ названной богинѣ. Не медля болѣе, пошелъ онъ въ храмъ Бентенъ—воды рожденія (Танжо суи-но-Бентенъ) въ саду Амадера и тамъ со всей пылкостью своего сердца обратился къ ней съ мольбой: —

— О, богиня, сжалься надо мной! Помоги мнѣ узнать, гдѣ живетъ молодая дѣвушка, которая написала танцаку; ниспошли мнѣ случай встрѣтиться съ нею, хотя бы только на моментъ.

*) Для неопытнаго глаза европейца трудно различить по китайской рукописи то, что обозначаетъ нашъ терминъ „рука"—въ смыслѣ индивидуальности письма. Но японскій ученый никогда не забываетъ разъ видѣнныхъ имъ особенностей рукописи и можетъ даже догадаться о приблизительномъ возрастѣ писавшаго. Китайскіе и японскіе авторы утверждаютъ, что цвѣтъ (качество) чернилъ говоритъ кое-что о характерѣ писавшаго. Такъ какъ каждый приготовляетъ себѣ самъ чернила, т.-е. самъ разводитъ тушь для себя, то цвѣтъ и густота ихъ свидѣтельствуютъ до нѣкоторой степени объ обстоятельности писавшаго и о степени развитія въ немъ чувства красоты.

*

И, послѣ принесенія такой молитвы, онъ началъ совершать семидневное богослуженіе (Нанука маири) *) въ честь богини, давъ при этомъ обѣтъ провести седьмую ночь въ неустанномъ бдѣніи передъ ея алтаремъ.

На седьмую ночь—ночь бодрствованія, Баишу—въ часъ, когда молчаніе и тишина ночи достигаютъ своего апогея, онъ услышалъ у главныхъ воротъ ограды храма голосъ кого-то, просящаго разрѣшеніе войти въ храмъ. Другой голосъ изнутри отвѣчалъ согласіемъ; ворота открылись, и Баишу увидѣлъ старца величественнаго вида, приближающагося медленными шагами, и на головѣ его, бѣлой, какъ снѣгъ, была надѣта черная шапочка (эбоши)—формы, указывающей на его высокое положеніе. Достигнувъ маленькаго храма Бентенъ, старецъ опустился передъ нимъ на колѣни, какъ бы почтительно ожидая чьего-либо приказанія... Тогда внѣшняя дверь храма открылась; висящая позади ея бамбуковая занавѣсъ, скрывающая внутренней святилище, отдернулась, и оттуда появился *чиго* **)—красивый мальчикъ съ длинными волосами, завязанными сзади по древнему обычаю. Онъ всталъ у входа и сказалъ старцу яснымъ и громкимъ голосомъ:

— Стоящій здѣсь молодой человѣкъ молится о дарованіи ему союза любви, не подходящаго для его настоящаго состоянія и поэтому трудно осуществимаго. Но такъ какъ онъ достоенъ нашего благоволенія, то ты призванъ сюда посмотрѣть, нельзя ли что-нибудь сдѣлать для него. Если бы оказалось, что было какое-нибудь соотношеніе въ предшествующей жизни между родомъ его и той, которую онъ жаждетъ видѣть, то ты ихъ другъ другу представишь.

Получивъ такое приказаніе, старецъ низко поклонился чиго; затѣмъ, поднявшись, онъ вынулъ изъ кармана своего длиннаго лѣваго рукава пурпуровый шнурокъ, одинъ конецъ котораго обвязалъ кругомъ тѣла Баишу, какъ будто связавъ имъ его, а другой положилъ въ пламя одной изъ лампъ храма... И пока шнурокъ горѣлъ тамъ, онъ трижды сдѣлалъ рукой такой жестъ, какъ будто бы вызывалъ кого-то изъ терявшейся въ полумракѣ глубины храма.

Немедленно въ направленіи Амадеры послышался звукъ приближающихся шаговъ, и въ слѣдующій моментъ появилась дѣвушка—очаровательная дѣвушка, пятнадцати или шестнадцати лѣтъ. Она приблизилась граціозно, но весьма робко, пряча нижнюю часть лица подъ вѣеромъ, и опустилась на колѣни возлѣ Баишу. Тогда чиго сказалъ послѣднему:

---

*) Есть много родовъ религіозныхъ обрядовъ, называемыхъ маири. Вѣрующій, обязавшійся совершить нанука-маири, даетъ обѣтъ молиться въ извѣстномъ храмѣ въ теченіи семи дней подрядъ.

**) Терминъ *чиго* обыкновенно обозначаетъ пажа въ знатномъ домѣ, и чаще всего императорскаго пажа. Чиго, фигурирующій въ этомъ разсказѣ, есть конечно, сверхъ-естественное существо—вѣстникъ богини, посредникъ между нею и молящимся ей.

— Съ недавнихъ поръ сердце твое такъ болитъ отъ безнадежной любви, что даже здоровье твое пошатнулось. Мы не могли позволить тебѣ оставаться въ такомъ несчастномъ состояніи; и мы, поэтому, поручили Геккавѣ (подлунному старцу) *) познакомить тебя съ той, которая писала на упавшей къ твоимъ ногамъ танцаку. Она теперь возлѣ тебя.

Съ этими словами чиго удалился за бамбуковую занавѣску. Тогда вышелъ изъ храма и старецъ, и молоденькая дѣвушка послѣдовала за нимъ. Въ то же время Баишу услышалъ большой колоколъ Амадеры, извѣщавшій о началѣ разсвѣта. Онъ простерся на цыновку съ чувствомъ горячей благодарности передъ алтаремъ «Бентенъ—воды рожденія» и направился домой, испытывая такое чувство, какъ будто проснулся отъ чарующаго сна, счастливый, что увидѣлъ обаятельную дѣвушку, которую такъ страстно хотѣлъ найти, но также и мучимый опасеніемъ, что, можетъ быть, никогда не увидитъ ея болѣе.

Но едва вышелъ онъ за ограду храма, какъ увидѣлъ молоденькую дѣвушку, идущую въ томъ же направленіе, какъ и онъ... И даже въ слабомъ полусвѣтѣ утренней зари онъ узналъ сейчасъ же, что это та самая, которая стояла возлѣ него въ храмѣ Бентенъ. Какъ только онъ ускорилъ шаги для того, чтобы догнать ее, она обернулась и привѣтствовала его граціознымъ поклономъ и такой ласковой улыбкой, что онъ осмѣлился заговорить съ ней. Она отвѣчала ему голосомъ, очаровательный звукъ котораго наполнилъ его сердце радостью. Они шли по молчаливымъ еще улицамъ, весело болтая, пока не очутились передъ домомъ, гдѣ жилъ Баишу. Тамъ онъ остановился и робко сказалъ дѣвушкѣ о своихъ надеждахъ и опасеніяхъ. Выслушавъ его, она, улыбаясь, спросила:

— Развѣ вы не знаете, что я послана сдѣлаться вашей женой?..

И она вошла въ его домъ вмѣстѣ съ нимъ...

Сдѣлавшись его женой, она обнаружила такія сокровища своего ума и сердца, о которыхъ Баишу даже и не мечталъ, и притомъ оказалась гораздо болѣе образованной, чѣмъ бываютъ обыкновенно женщины ея лѣтъ. Кромѣ того, что она умѣла писать такъ удивительно, какъ свидѣтельствовала о томъ счастливая для него *танцаку*, она еще была искусна въ живописи и рисованіи; владѣла искусствомъ подбирать цвѣты, умѣла вышивать и знала музыку... Вмѣстѣ съ тѣмъ она могла ткать и шить и отлично умѣла справляться съ хозяйствомъ.

Когда молодые люди встрѣтились въ первый разъ въ храмѣ, была ранняя осень... Незамѣтно для нихъ наступила зима... Ничто въ теченіе протекшихъ мѣсяцевъ не нарушило ихъ тихаго мира и счастли-

*) Геккава — поэтическое имя синтоистическаго бога свадьбы, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Мусуби-но-ками.

ваго согласія. Любовь Баишу къ его изящной женѣ только усиливалась съ теченіемъ времени; но, странно сказать, онъ попрежнему ничего не зналъ о ея прошломъ; не зналъ ничего объ ея родныхъ. Она сама никогда не говорила объ этихъ предметахъ, а онъ, такъ какъ ему дали ее боги, думалъ, что было бы неудобно разспрашивать ее... Но ни подлунный старецъ, ни кто-либо другой не приходилъ отнять ее у него, какъ онъ сначала того боялся. Никто даже и не спрашивалъ его о ней. И сосѣди, по какой-то непонятной для него причинѣ, вели себя такъ по отношенію къ его дому, какъ будто не знали о томъ, что у него есть жена.

Баишу удивлялся всему этому... Но его ожидали еще болѣе странныя событія.

Однажды въ зимнее утро, когда ему случилось проходить черезъ довольно отдаленную часть города, онъ услышалъ, что его кто-то громко зоветъ по имени, и увидѣлъ у воротъ одного частнаго дома слугу, дѣлающаго ему знаки. Такъ какъ Баишу не зналъ этого человѣка и не имѣлъ никого знакомыхъ въ этой части Кіото, то былъ крайне удивленъ такимъ неожиданнымъ фактомъ. Но онъ остановился, и слуга, подойдя къ нему и отвѣсивъ ему чрезвычайно почтительный поклонъ, сказалъ: «Мой господинъ очень желалъ бы имѣть честь говорить съ вами: благоволите же войти въ его домъ, хоть на одну минуту». Послѣ секунды колебанія Баишу послѣдовалъ за слугой. У входа въ домъ его привѣтствовалъ почтенный съ виду и богато одѣтый пожилой господинъ, повидимому, хозяинъ дома, и проводилъ его въ гостиную. Когда хозяинъ и гость обмѣнялись въ должной мѣрѣ надлежащими при первой встрѣчѣ привѣтствіями, то первый просилъ извинить его за такой необычный способъ приглашенія къ себѣ незнакомаго гостя и сказалъ:

— Вамъ должно показаться весьма грубымъ съ моей стороны, что я зазвалъ васъ къ себѣ такимъ образомъ. Но можетъ быть вы извините нашу невѣжливость, когда я скажу вамъ, что мы дѣйствовали такимъ образомъ подъ вліяніемъ того, что случилось съ нами, какъ я твердо вѣрю, по внушенію богини Бентенъ... Позвольте мнѣ объяснить вамъ это.

«У меня есть дочь, около шестнадцати лѣтъ отъ роду, которая можетъ писать довольно хорошо *), и вообще обладаетъ сноснымъ образованіемъ; при этомъ и по природѣ своей она такая дѣвушка, какою и должна быть. Такъ какъ мы очень заботились о томъ, чтобы сдѣлать ее счастливой и найти для нея хорошого мужа, то мы и просили богиню Бентенъ помочь намъ; мы послали во всѣ посвящен-

---

*) Такъ какъ, согласно старому японскому правилу, родители должны въ разговорѣ съ кѣмъ-либо умалять достоинства своихъ дѣтей, то фраза „довольно хорошо" должна была пониматься Баишу, какъ „удивительно хорошо"; по той же причинѣ выраженіе „такая дѣвушка, какъ должна быть" должно было означать для него „необыкновенно одаренная дѣвушка".

ные ей въ этомъ городѣ храмы *танцаку*, написанныя дочерью. Черезъ нѣсколько ночей послѣ того богиня явилась ко мнѣ во снѣ и сказала: «Мы услышали твою молитву и уже представили твою дочь человѣку, который долженъ сдѣлаться ея мужемъ. Въ теченіе наступающей зимы онъ посѣтитъ твой домъ». Такъ какъ я не понималъ, что значитъ, что представленіе уже сдѣлано, то я чувствовалъ нѣкоторое сомнѣніе и думалъ, что сонъ могъ быть только обыкновеннымъ, ничего не означающимъ, сномъ. Но прошлую ночь опять я увидѣлъ во снѣ Бентенъ-Сама, и она сказала мнѣ: «Завтра молодой человѣкъ, о которомъ я разъ уже говорила тебѣ, придетъ на эту улицу; тогда ты можешь позвать его въ свой домъ и просить его сдѣлаться мужемъ твоей дочери. Онъ хорошій молодой человѣкъ и впослѣдствіи добьется болѣе почетнаго положенія, чѣмъ то, которое занимаетъ теперь». Затѣмъ Бентенъ-Сама сказала мнѣ ваше имя, возрастъ, происхожденіе и описала мнѣ вашу наружность и одежду такъ точно, что мой слуга узналъ васъ безъ всякихъ затрудненій, по тѣмъ указаніямъ, которыя я далъ ему».

Все сказанное поразило Баишу, вмѣсто того, чтобы объяснить ему что-либо; и онъ могъ только отвѣтить выраженіемъ формальныхъ благодарностей за честь, которую хозяинъ дома оказалъ ему своимъ сообщеніемъ. Но когда послѣдній пригласилъ его въ другую комнату для представленія его молодой дѣвушкѣ, то его смущеніе дошло до крайнихъ предѣловъ. Онъ не могъ найти основаній для отказа отъ этой чести, не обидѣвъ хозяина, а отъ смущенія не умѣлъ рѣшиться сказать, что имѣетъ уже жену,—жену, посланную ему самой богиней Бентенъ; жену, о разлукѣ съ которой онъ не можетъ даже и подумать... Молча и дрожа отъ волненія, послѣдовалъ Баишу за своимъ хозяиномъ въ сосѣднюю комнату.

Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что тамъ ждала его та же самая, которая уже была его женой...

Та же, но не та: та, которой онъ былъ представленъ подлуннымъ старцемъ, была только духомъ его возлюбленной; та, съ которой онъ теперь долженъ былъ обвѣнчаться, была существомъ плотскимъ.

Бентенъ сдѣлала это чудо для вѣрующихъ въ нее, захотѣвъ сначала подвергнуть испытанію, дѣйствительно ли сердца ихъ будутъ биться другъ для друга.

«По всей вѣроятности,—говоритъ японскій авторъ,—невѣста-духъ была сдѣлана изъ *танцаку*, такъ что возможно, что настоящая дѣвушка не знала ничего о встрѣчѣ въ храмѣ въ Бентенъ. Когда она писала пѣснь первой любви на *танцаку*, то очевидно, что въ ея строки перешла часть души ея... Вотъ почему и было возможно вызвать изъ этихъ строкъ двойника написавшей ихъ».

ПОЩЕЧИНА.

Разсказъ.

Съ польскаго переводъ автора.

По вечерамъ между 6-ю и 8-ю часами мы собирались обыкновенно въ кондитерской на углу побесѣдовать о происшествіяхъ дня да объ искусствѣ, съ которымъ мы всѣ находились въ болѣе или менѣе законной связи.

Болѣе всего сомнѣній въ этомъ отношеніи возбуждалъ Станиславъ Петровичъ, пожилой мужчина, который нѣкогда помѣщалъ что-то въ несуществующемъ уже журналѣ. Теперь онъ не только не писалъ, но, въ нашемъ по крайней мѣрѣ обществѣ, почти не разговаривалъ, а главнымъ образомъ курилъ трубку или молчаливо и безуспѣшно игралъ въ шахматы. Сегодня онъ не могъ найти партнера, такъ какъ всѣ были встревожены недавно бывшей дуэлью, которая завершилась ужасной попойкой.

Мы спорили о раціональности такого рода расправы и въ общемъ соглашались, что существуютъ, однако, исключительные случаи, когда нѣтъ другого исхода для защиты чести, какъ выстрѣлъ, хотя-бы изъ не особенно хорошо заряженнаго пистолета.

Одинъ лишь всегда протестующій художникъ вполнѣ отрицалъ дуэль.

— Ну, а если бы кто-нибудь далъ вамъ оплеуху?—привелъ примѣръ его товарищъ.

— Я-бъ ему далъ сдачи съ лихвой, и шабашъ!

— Да, вѣдь, противникъ можетъ быть сильнѣе васъ!

— Или слабѣе!—вымолвилъ Станиславъ Петровичъ, который по обыкновенію не принималъ до сихъ поръ участія въ разговорѣ.

Его замѣчанія составляли вообще событіе, а въ данномъ случаѣ въ голосѣ его дрогнулъ какой-то особенный тонъ, звукъ воспоминанія, который обратилъ общее вниманіе.

Водворилось молчаніе, среди котораго ищущій повсюду *темы* новелистъ придвинулся со стуломъ и спросилъ мягко:

— Это интересно!.. Я увѣренъ, Станиславъ Петровичъ, ваше оригинальное мнѣніе сложилось подъ вліяніемъ дѣйствительнаго факта.

— Да!.. и собственно говоря, мнѣ не слѣдовало бы высказываться по этому вопросу, такъ какъ меня обидѣли дѣйствіемъ, а я совершенно не отвѣчалъ на обиду... Впрочемъ, случилось это давно... двадцать лѣтъ минуло...

— Въ дѣлахъ чести нѣтъ давности,—прошепталъ вспыльчивый поэтъ.

Но Станиславъ Петровичъ, занятый своей трубкой, не слышалъ замѣчанія, закурилъ и сталъ разсказывать:

— Въ юности и я былъ мечтателемъ!.. Да, господа! замечтался и пришлось оставить университетъ, скитаться и, наконецъ, принять должность въ водолечебномъ заведеніи. Должность эта оказалось прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ: я получалъ 30 руб. жалованія въ мѣсяцъ, полное отличное содержаніе, имѣлъ отдѣльную комнату, да еще довольно громкій чинъ инспектора... купальни. Моей обязанностью было слѣдить за баньщиками и больными, точно ли они исполняютъ предписанія врачей, соотвѣтствуетъ ли указанной нормѣ процентъ соли, количество лиманной грязи и температура воды въ ваннѣ.

Хотя въ служебномъ отношеніи должность моя была одной изъ послѣднихъ, тѣмъ не менѣе, какъ бывшій студентъ, притомъ «пострадавшій», и будущій литераторъ, я пользовался снисхожденіемъ начальства, полной симпатіей посѣтителей и благосклонностью посѣтительницъ курорта. Въ свободное время, котораго оставалось много, я принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ пикникахъ, поѣздкахъ, танцовальныхъ вечерахъ и гуляніяхъ—и чувствовалъ себя отлично.

Первый въ странѣ курортъ, расположенный въ живописной мѣстности, устроенный прекрасно и извѣстный, какъ учрежденіе, гдѣ, кромѣ воды, господствуютъ веселье, наше заведеніе привлекало на лѣтній сезонъ тьму богатой, праздной публики, для которой брать ванны было лишь пріятнымъ прибавленіемъ къ инымъ развлеченіямъ.

Такимъ образомъ лѣтомъ большой паркъ преображался въ роскошный, украшенный зеленью могучихъ деревьевъ, шумный залъ, гдѣ вмѣсто зеркала былъ прудъ, вмѣсто паркета—гладко подстриженная трава, роль потолка игралъ небесный сводъ съ блуждающими легкими, какъ кисея, облаками и сіяющимъ дискомъ солнца—днемъ, съ багровымъ заревомъ заката въ тихое время вечерней зари, съ бриллiантовою люстрою изъ безчисленныхъ звѣздъ и золотой лампадой луны—ночью.

Въ такой чарующей обстановкѣ таяла всякая принужденность, сладкое дуновеніе полей и луговъ вносило въ общество какое-то возбуждающее настроеніе,—и «флиртъ» процвѣталъ.

Этотъ шалунъ любви встрѣчался вездѣ: сопровождалъ гуляющихъ, катался на лодкахъ, порхалъ въ лошадиныхъ гривахъ, запутывался въ шлейфахъ наѣздницъ, плясалъ на танцовальныхъ вечерахъ, заглядывалъ даже въ купальни.

Веселый плутъ—игривый днемъ, подъ вечеръ становился мечтательнымъ и нѣжно вздыхалъ въ сумрачныхъ аллеяхъ на скамейкахъ и въ бесѣдкахъ, а ночью, случалось, съ трогательнымъ плачемъ прижимался къ чудной груди страстной и грустной богини истиннаго чувства и признавался ей съ раскаяніемъ въ своихъ обыденныхъ грѣшкахъ.

Но не исправлялся.

Утромъ, лишь только начиналъ играть оркестръ, «флиртъ» просыпался съ улыбкой и опять проказничалъ.

Подъ шаловливый напѣвъ этого шута любви три лѣтнихъ мѣсяца промчались сладко и быстро, точно изящная пляска рука объ руку со стройной красавицей. Лишь только покраснѣли листья винограда, вьющагося вокругъ балконовъ, посыпались первые золотые листочки съ нависшихъ вѣтокъ березы, потянулись серебрянныя паутины по полянѣ и потускнѣлъ небесный сводъ — богатыя, пестрыя птицы отлетѣли въ болѣе теплыя края, оставляя лишь дѣйствительно больныхъ, тяжелое оханье которыхъ тонуло прежде въ общемъ веселомъ щебетѣ.

Опустѣлъ лѣтній залъ и, какъ нежилое зданіе, началъ клониться къ упадку.

По ночамъ увядали и подергивались какъ-бы золой цвѣтники. Заржавѣли верхушки деревьевъ, полиняли травы; повсюду показались рыжія, багровыя, мѣдныя пятна. Вдоль длинныхъ аллей съ унылымъ воемъ носился вѣтеръ и метались и прыгали покоробленные листья, точно окровавленныя крылья, безсильно пытающіяся взлетѣть.

Одновременно съ пониженіемъ куртаксы въ заведеніи, съ туманомъ и осенней слякотью начали съѣзжаться изъ различныхъ уголковъ посѣтители совершенно иного покроя. Они привозили съ собой потертые саквояжи, легкіе бумажники, но тяжелыя страданія, мало веселья и много хлопотъ.

Въ началѣ ноября паркъ почти весь почернѣлъ и сдѣлался похожимъ на кладбище, гдѣ обнаженные стволы деревьевъ, съ страдальчески изогнутыми сучьямъ и вѣтвями, поднимались надъ кучами истлѣвшихъ листьевъ и производили трагическое впечатлѣніе существъ, остолбенѣвшихъ въ отчаяніи надъ могилами своихъ юныхъ мечтаній и былой славы.

Какъ разъ въ то время появился у насъ Янъ Лопато, который сразу получилъ мѣткое прозвище «верблюда».

Дѣйствительно, его длинное съ обвисшими щеками лицо, рѣдкіе рыжеватые съ просѣдью бакенбарды, неровная походка, сильно сутуловатая спина, долгополый желтоватый сюртукъ и, главнымъ образомъ, какое-то особенное выраженіе грустной кротости и самоотреченія въ чертахъ лица, въ выпуклыхъ выцвѣвшихъ глазахъ и всей осанкѣ—сильно напоминали это смирное, трудолюбивое, вьючное животное. «Верблюдъ», кромѣ обвязаннаго веревкой сундука, привезъ съ собой и невральгію желудка, и судороги правой руки, которыя мѣшали ему писать. Застѣнчивый, не умѣющій вращаться въ обществѣ, смѣшной и неуклюжій, этотъ субъектъ во время леченія понемногу сошелся со мной. Повидимому, онъ считалъ меня весьма важной въ заведеніи персоной, такъ какъ относился ко мнѣ съ необыкновеннымъ почтеніемъ и одарялъ полнымъ довѣріемъ.

Такъ, я узналъ, что онъ съ давнихъ поръ состоитъ заштатнымъ писцомъ при какомъ-то губернскомъ правленіи, гдѣ занимается составленіемъ копій важнѣйшихъ бумагъ; «копіистъ онъ отличный», въ доказательство чего онъ показалъ нѣсколько актовъ, дѣйствительно заслуживающихъ удивленія.

Почеркъ его производилъ впечатлѣніе прекрасной литографіи; каждая буква и черточка были отдѣланы прямо-таки артистически, зато содержаніе бумагъ показалось мнѣ чѣмъ-то до такой степени скучнымъ и однообразнымъ, что я невольно подумалъ:

«Если рука его сознаетъ хоть что-нибудь, она содрагается отъ отвращенія къ такому неосмысленному, лишенному всякой привлекательности труду; если-же она предавалась своему занятію съ увлеченіемъ, то справедливо наказана за противуестественное удовольствіе».

Оказалось однако, что это была лишенная всякихъ затѣй, обыкновенная, трудолюбивая рука, ищущая заработка для себя и своихъ.

«Верблюдъ» ничуть не гордился своимъ искусствомъ, наоборотъ, уважалъ его лишь постольку, поскольку оно доставляло средства къ жизни, и откровенно сознавался, что гораздо удобнѣе писать хуже, но скорѣе, но онъ иначе, какъ медленно и красиво, писать не можетъ.

На первыхъ порахъ «Верблюдъ» былъ въ постоянномъ восторгѣ. Номеръ, меблировка комнаты, ванны, пища, на которую многіе жаловались, все казалось ему послѣднимъ словомъ комфорта, и та крошечная доля заботливости, которую самый рав-

нодушный врачъ или баньщикъ безсознательно удѣляетъ больному, трогала его, какъ самая нѣжная ласка.

— Дороговато у васъ, но прямо рай! помирать не надо!— повторялъ онъ ежедневно.

Какъ паціентъ, онъ былъ воплощеніемъ систематичности и аккуратности, исполняя съ необыкновенной тщательностью и усердіемъ самыя мелкія предписанія врача; онъ не опаздывалъ никогда, прилежно наблюдая за температурой воды и продолжительностью пребыванія въ ваннѣ.

Когда онъ слышалъ «пора!» — онъ быстро выскакивалъ изъ ванны, словно опасаясь, что лишней минутой можетъ испортить весь результатъ леченія.

Принимая полуванны, гдѣ больной можетъ самъ слѣдить за часами, онъ бралъ у меня хронометръ и не спускалъ глазъ со стрѣлокъ, вскакивая въ назначенное время, какъ ужаленный.

— Точность! Точность необходима!—повторялъ онъ съ сіяющей улыбкой, когда я подтрунивалъ надъ нимъ.

— Платишь большія деньги, зато, вѣдь, не напрасно!.. еще бы напрасно!..—прибавлялъ онъ увѣреннымъ тономъ, добиваясь съ моей стороны подтвержденія.

Современемъ, однако, его начали мучить сомнѣнія, и онъ сталъ видимо грустить, сдѣлался молчаливымъ и задумчивымъ и съ еще большею точностью и какимъ-то отчаяннымъ рвеніемъ предавался леченію.

Мы жили въ одномъ коридорѣ—сосѣдями. Занимаясь по ночамъ литературными опытами, я замѣтилъ, что моему сосѣду, который точно по заказу спалъ предписанное количество часовъ отъ десяти до семи, уже не спится. Я слышалъ по звуку пружинъ, что онъ ворочается на кровати и сильно вздыхаетъ.

Однажды, увидѣвъ, какъ онъ съ поникшей головой ожидаетъ въ купальнѣ своей очереди, я набросился на него:

— Что это вы, господинъ Лопато, капризничаете? Вѣдь, слава Богу, все идетъ отлично, докторъ говорилъ, что невралгіи желудка и слѣда не осталось...

— Мнѣ не желудокъ, рука нужна! — послѣдовалъ мрачный отвѣтъ.

— Дайте срокъ.. и съ рукой сладимъ, вѣдь нельзя же все сразу!..

— Срокъ!—повторилъ «Верблюдъ», окинувъ меня безпокойнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарнымъ взоромъ,—но, понимаете... я здѣсь не могу засиживаться... жена и четверо дѣтей — не шутки!.. я теперь не только ничего не получаю, а отдаю послѣднее ..

Но «срокъ» не наступалъ.

«Верблюдъ» каждый день все болѣе и болѣе падалъ духомъ, горбъ на спинѣ какъ будто увеличился, онъ похудѣлъ, потерялъ свой прежній отличный аппетитъ; лечился, хотя и прилежно, но безъ прежняго рвенія: въ ванну погружался медленно, выскакивалъ не столь бодро; избѣгалъ людей, не разговаривалъ даже со мной.

Зато сквозь тонкую перегородку мнѣ случалось слышать по вечерамъ, какъ онъ про себя бормочетъ.

Обыкновенно начиналось съ разсчетовъ:

— Восемнадцать дней по три рубля равняется 54... Воля, Соня, Мариня, да и еще взносъ за ученіе Саши пятьдесятъ... Квартира семнадцать... Нѣтъ, дальше невозможно... Ничего не подѣлаешь—нужно собираться домой...

Потомъ тяжелый вздохъ и подавленный голосъ.

— Боже мой!.. что это будетъ?.. Богъ мой!..

Минута молчанія.

И вдругъ: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... хлѣбъ нашъ»...— страстныя, пламенныя слова молитвы.

Наконецъ, въ одну ночь разбудилъ меня грубый, горькій, сдерживаемый плачъ.

На слѣдующій день «Верблюдъ» имѣлъ видъ разбитый, и вечеромъ, встрѣтившись со мной въ коридорѣ, онъ съ испуганными глазами прижалъ меня въ уголкѣ и началъ повторять задыхающимся голосомъ:

— Смотрите, что происходитъ... смотрите, читайте!..

На листѣ бумаги я увидѣлъ какія-то вычурныя черточки, помарки, пятна чернилъ.

— Я пробовалъ писать!..

— Напрасно пробуете; вы сами раздражаете свои нервы, не кушаете, бормочете по ночамъ... Главное не безпокоиться, сохранять хладнокровіе!..—говорилъ я, чтобы не молчать.

«Верблюдъ» жалобно посмотрѣлъ на меня.

— Можетъ быть, вы и правы, докторъ утверждаетъ то же самое,—сказалъ онъ задумчиво и смиренно ушелъ.

Ему оставалось еще полмѣсяца леченія.

Первую недѣлю «Верблюдъ» ходилъ осторожно, почти на цыпочкахъ, жевалъ добросовѣстно всѣ блюда, пытался даже улыбаться, въ кровати не двигался, и лишь сдержанное кряхтѣніе свидѣтельствовало, что онъ не спитъ.

Въ воскресенье, въ полночь, когда я писалъ стихи, и какъ разъ почувствовалъ приливъ вдохновенія, вдругъ раздалось истерическое рыданіе.

Спустя секунду въ мою комнату ворвался, какъ сумасшедшій, «Верблюдъ».

Онъ былъ въ одной рубашкѣ, изъ-подъ которой смѣшно торчали исхудалыя, покрытыя какъ бы желтоватой шерстью ноги.

— Скажите,—заливался онъ слезливымъ голосомъ,—что творится, я не могу уже зажечь спички, не попадаю въ коробку...

— Такъ позвоните или позовите служителя, — отвѣтилъ я рѣзко, возмущенный его безумнымъ поступкомъ, благодаря котораго я потерялъ прекрасное сравненіе.

«Верблюдъ» всхлипнулъ, круто повернулся и унесъ свой горбъ.

Меня что-то покоробило, я хотѣлъ было зайти къ нему, но въ комнатѣ его господствовала полная тишина.

Я принялся опять за стихи и какъ разъ подбиралъ подходящую риѳму, какъ раздался тихій стукъ у дверей и робко вошелъ «Верблюдъ», въ желтоватомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ грустнымъ, умоляющимъ видомъ.

— Виноватъ, — дѣлая глубокій поклонъ, началъ онъ лепетать обвисшими губами.

— Пожалуйста, — поспѣшилъ я отвѣтить, — мнѣ, право, совѣстно, что я такъ рѣзко... но видите, вы мнѣ помѣшали писать.

— Вы пишите? — вымолвилъ «Верблюдъ», какъ бы удивленный.—Вотъ видите, вы пишите, а я?..

Онъ жадно вонзилъ большіе глаза въ прямыя строчки и, казалось, поглощалъ мой не особенно разборчивый почеркъ.

— Плоховато... но хоть бы такъ, сошло бы,—сказалъ онъ наконецъ.

— Никогда не слѣдуетъ терять надежды,—попытался я утѣшить его.

— Именно, я то же самое думаю,—началъ возбужденнымъ тономъ «Верблюдъ»,—и если только вы, господинъ инспекторъ, согласитесь, все можетъ еще уладиться. Ибо обратите вниманіе,—придвигаясь ко мнѣ началъ онъ таинственно,—что это за леченіе? Каждый день одно и то же! да притомъ послѣ обѣда ничего, а мы вѣдь за весь день платимъ, а главное—время даромъ пропадаетъ... Еслибъ вы, господинъ инспекторъ, прошу покорнѣйше, разрѣшили... Пусть они утромъ дѣлаютъ свое, а послѣ обѣда мы будемъ по своему!..

— Да что это вы?—перебилъ я, сообразивъ въ чемъ дѣло.— Вѣдь моя роль именно въ томъ и состоитъ, чтобы никакихъ злоупотребленій не было. Поймите, что бы вы сказали, еслибъ я подговаривалъ васъ сдѣлать подлогъ копіи?

— О, извините!—отвѣтилъ обиженнымъ тономъ «Верблюдъ».— Подлога копіи абсолютно быть не можетъ, ибо всегда она сли-

чается съ оригиналомъ... это во-первыхъ! А во-вторыхъ, копія—документъ, бумага! А тутъ что—просто вода! воды вамъ жалко, не хватитъ, что ли?

— Господинъ инспекторъ, ради Христа,—заговорилъ онъ порывисто, взволнованнымъ голосомъ,—я, моя жена, дѣти, маленькія дѣти, которыхъ Богъ слышитъ, будемъ ежедневно молиться за васъ! Сжальтесь, не губите,—и онъ нагнулся поцѣловать мнѣ руку...

Я быстро отодвинулся.

— Оставьте, будетъ!.. увидимъ... хорошо, хорошо... ступайте!—согласился я, желая отдѣлаться.

«Верблюдъ», кланяясь съ какимъ-то потѣшными и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкими ужимками, удалился.

На слѣдующій день я дипломатически допросилъ доктора.

— Насчетъ руки сильно сомнѣваюсь! Относительно желудка громадное улучшеніе...—увѣрялъ меня докторъ.

Въ виду такого заявленія, мои сомнѣнія разсѣялись, и я рѣшился исполнить обѣщаніе.

Опасаясь доноса со стороны прислуги, я притворялся, что самъ беру ванны, а «Верблюдъ» меня лишь сопровождаетъ; и мы начали дѣлать различные опыты.

— Я думаю,—доказывалъ «Верблюдъ»,—нужно понижать температуру. Вѣдь извѣстно, въ теплѣ все дѣлается мягкимъ, вялымъ, а на холоду, наоборотъ, твердѣетъ, дѣлается плотнѣе, а именно въ томъ и штука, чтобы руки окрѣпли... Ну теперь, душенька, обмажемъ тебя хорошенько—небось, не шевельнешься,—болталъ онъ, съ удовольствіемъ намазывая руку лиманной грязью.

Я, понятно, относился ко всѣмъ этимъ средствамъ скептически, но разсчитывалъ на вліяніе *внушенія*.

И дѣйствительно, послѣ трехъ дней такого самолеченія «Верблюдъ», увидѣвъ меня въ паркѣ, пустился бѣжать рысью и кричалъ издалека:

— Наша взяла, ура! я правой рукой застегнулъ себѣ брюки, ей Богу, застегнулъ! смотрите: такая маленькая пуговка, а я ее разъ, два!.. и сидитъ въ петлицѣ! Застегнулъ бы навѣрняка и вторую, да нѣтъ, испортилась!..—Онъ мнѣ показалъ жалкій остатокъ жести.

— Вотъ тебѣ на!—продолжалъ онъ, сіяя и подпрыгивая.—Докторамъ-то выкинемъ штуку: я сейчасъ во всѣ газеты собственноручно начертаю объявленія, какъ должно лѣчить *tremens*.

Я тоже обрадовался.

«Чертъ его знаетъ, авось!..» думалъ я и былъ сильно взволно-

ванъ, когда наканунѣ отъѣзда, послѣ послѣдней ванны мы перешли въ маленькую канцелярію произвести рѣшительный опытъ.

Я вынулъ листъ бумаги, открылъ чернильницу, перемѣнилъ перо въ ручкѣ и посмотрѣлъ на «Верблюда».

Поблѣднѣвшее лицо его имѣло видъ торжественный и сосредоточенный.

— Только спокойно!—ободрялъ я его и себя.

«Верблюдъ» сѣлъ, положилъ наискось бумагу, придвинулся къ столу, прижалъ лѣвой рукой листъ и откашлялся.

Наблюдая общее выраженіе лица и всей осанки, я былъ почти увѣренъ, что такъ налаженный, такъ сказать, приспособленный всѣмъ тѣломъ къ переписыванію механизмъ не можетъ обмануть.

Онъ взялъ перо, сразу попалъ въ чернильницу, нагнулся... И началось царапаніе вкривь и вкось, тамъ и сямъ.. бумага покрылась черточками, дырками и пятнами... Наконецъ, пальцы дрогнули такъ сильно, что ручка полетѣла кверху.

«Верблюдъ» на мгновеніе прислонился къ спинкѣ стула, схватился руками за голову и повторялъ въ отчаяніи:

— Какъ я вернусь къ нимъ! какъ вернусь?!.

Вдругъ онъ поднялся и сталъ ужасенъ.

Глаза выкатились и налились кровью, раздвинутыя челюсти съ оскаленными желтыми зубами придали его кроткому лицу какое-то звѣрское выраженіе остервенѣнія.

— Мошенники! воры, обманщики, шарлатаны!—заревѣлъ онъ въ крайнемъ изступленіи.

А когда я попробовалъ заступиться за честь заведенія, онъ больной рукой нанесъ мнѣ... здоровенную пощечину.

Ноги мои окоченѣли, кровь хлынула въ сердце, я остолбенѣлъ и стоялъ безъ чувствъ и мыслей, какъ чурбанъ.

Будто сквозь туманъ я замѣтилъ его искаженное страданіемъ лицо и слышалъ удаляющееся судорожное рыданіе.

Спустя нѣкоторое время, опомнившись немного, я бросился вслѣдъ за нимъ, но на дворѣ никого уже не было. Опустившись на какую-то скамью, я сидѣлъ долго, точно придавленный. Лицо горѣло жгучимъ огнемъ. Не помню, какъ я пробрался въ свою комнату и очутился на кровати.

Уже темнѣло, когда въ душѣ моей вспыхнуло сознаніе позорной обиды, ярость и страстное желаніе мести. Вихрь кровожадныхъ намѣреній поднялся въ головѣ: «Изорвать въ клочки, дуэль на разстояніи трехъ шаговъ... черный и бѣлый шаръ... О примиреніи не можетъ быть и рѣчи, развѣ, еслибъ въ присутствіи всѣхъ онъ сталъ предо мной на колѣни, позволилъ плевать себѣ въ лицо и бить каблуками по зубамъ»...

Я дрожалъ отъ раздраженія и ненависти.

Наконецъ, выбившись окончательно изъ силъ, я почувствовалъ ужасное утомленіе, унылую одинокую грусть и какую-то разсѣянность. Тогда-то я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ его шаги.

Въ первый моментъ сознаніе его присутствія вызвало новый приступъ бѣшенства.

А онъ въ это время шатался изъ угла въ уголъ. Должно быть, онъ былъ въ туфляхъ или босикомъ, такъ какъ шаги его не издавали стука, слышно было лишь тяжелое равномѣрное шлепаніе ногъ.

Эти мягкіе, ползучіе шаги, точно сукно, тушили вспышки свирѣпыхъ чувствъ. Волны гнѣва и ожесточенія улеглись постепенно. Его терпѣливыя, однообразныя, безплодныя движенія какъ бы одолѣли меня и до того истощили, что я уснулъ.

Проснулся я поздно, съ язвительнымъ сознаніемъ позорной обиды, которое, видно, не покидало меня даже во время сна.

Одѣваясь, я смотрѣлъ чрезъ окно, по которому струйкой стекала вода, на гнилой, отвратительный день, помутнѣвшій отъ какого-то кашевиднаго снѣга, который таялъ прежде, чѣмъ касался земли.

По лоснящейся, какъ клей, дорожной грязи тащились наши коляски.

«Онъ уѣзжаетъ!» подумалъ я, содрогаясь, и, быстро завершивъ свой туалетъ, побѣжалъ внизъ.

«Скажу ему въ присутствіи всей прислуги, что онъ, безобразный «Верблюдъ», прямо скотина!» думалъ я, сжимая зубы, и вышелъ на крыльцо.

Какъ разъ швейцаръ бросилъ на козлы ветхій чемоданчикъ презрительнымъ, высокомѣрнымъ движеніемъ лакея, который знаетъ, что не получитъ на чай. Кучеръ возился возлѣ лошадей.

«Верблюдъ» уже сидѣлъ въ коляскѣ.

Когда я посмотрѣлъ на него, мнѣ вдругъ вспомнилась умирающая лошадь, которую везли за городъ въ телѣгѣ.

У нея также, какъ у него, отвалилась нижняя губа, и безсильно раздвинулись переднія ноги, какъ его безпомощно лежащія на перилахъ руки.

Изъ-подъ дрянного пальто торчалъ горбъ, глаза были полузакрыты. Снѣгъ прилипалъ къ его бакенбардамъ. Съ полей по[illegible]той шляпы стекала вода, а онъ сидѣлъ неподвижно, равнодушно, какъ будто въ прекрасную погоду.

«Скажу ему: невѣжа!» перемѣнилъ я намѣреніе.

«Довольно будетъ: неблагодарный!» рѣшилъ я, приближаясь.

Но когда я коснулся его холодной руки, готовое слово упрека

растаяло въ горлѣ въ какую-то влагу, которая горячей каплей капнула въ сердце.

Я робко, съ волненіемъ пожалъ обидѣвшую меня руку, точно виновникъ, просящій прощенія.

«Верблюдъ» открылъ вѣки. Тупо поглядѣли на меня большіе, полные невыразимаго горя глаза, послѣ какъ бы испугались; зрачки подернулись стекловидной мутью, и большія крупныя слезы потекли по морщинистымъ щекамъ.

Его челюсти дрогнули, задвигались большія растопыренныя губы, издавая какіе-то невнятные звуки.

Кучеръ хлестнулъ кнутомъ; тронулись рысью выхоленныя, заводскія лошади.

Помятая шляпа и сутуловатая спина быстро исчезли въ туманѣ и слякоти унылаго ненастнаго дня....

Станиславъ Петровичъ сильно затянулся и сквозь тучу синеватаго дыма, окружившаго его лицо, прибавилъ измѣнившимся голосомъ:

— Что съ нимъ и его семействомъ случилось, не знаю; мы больше не встрѣчались...

Онъ поднялся, схватилъ картузъ и палку и быстро удалился.

— Вотъ такъ разошелся старикъ, наговорился на весь вѣкъ... Нельзя сказать просто дуракъ, а набитый... вѣдь его же били!— съострилъ поэтъ, притворяющійся, что его интересуетъ лишь безконечность и такъ называемое *абсолютное,* и посмотрѣлъ кругомъ, желая вызвать улыбку.

Но всѣ молчали...

Густавъ Даниловскій.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ.

I. Южная осень.

(Изъ Ф. Грега).

Безуміемъ тайнымъ, тоской прихотливой
Дни осени поздней полны;
Въ нихъ арфы незримой звучатъ переливы
Дыханьемъ волшебной струны.

И медленно тянется этотъ печальный,
Воздушный и сладостный звонъ!
Дни осени, въ дымкѣ тумана вѣнчальной,
Скользятъ передъ нами, какъ сонъ.

Все какъ-то не вѣришь имъ: дни—точно грёзы!
Блѣдна и легка ихъ печаль;
Но голы деревья, осыпались розы,
Заплакана робкая даль.

Все тонетъ, сливается. Смерти дыханье
Ложится надъ грустной землей;
И кажется музыкой солнца сіянье,
И вѣетъ на насъ тишиной.

Ив. Тхоржевскій.

II. Въ осенніе часы.

(Em. Verhaeren. „Les débacles").

Поздняя осень! въ тебѣ—мое наболѣвшее горе!
Хрипъ этихъ сосенъ и вѣтеръ; отчаянье въ грустномъ ихъ хорѣ;
Ржавчина, кровь на листахъ; позолота на листьяхъ березы;
Мутныя лужи въ лѣсу; и—отвѣтомъ на злыя угрозы—
Слезы деревьевъ,—мои! мои, кровавыя слезы!

Поздняя осень! въ тебѣ—мое наболѣвшее горе!
Въ бѣшенствѣ гнѣвно-тревожномъ; въ мучительно-буйномъ раздорѣ,
Гнутся кусты у дороги,—мелькаютъ въ нихъ странные звуки,—
Бьются они, обезумѣвъ, въ порывѣ неслыханной муки,
Руки ломаютъ,—мои! мои, простертыя руки!

Поздняя осень! въ тебѣ—мое наболѣвшее горе!
Тамъ, далеко, кто-то стонетъ; и въ жалобно-страстномъ укорѣ
Жизни раздавленной скрежетъ, отчаянья крикъ изступленный,
Полузадушенный вопль... Замирая, звучатъ монотонно
Дальніе стоны,—мои! мои, безплодные стоны!

Ив. Тхоржевскій.

ВЪ СРЕДНЕ-АЗІАТСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

*(Окончаніе *).*

VII.

Въ предгорьяхъ Алатау.

Вечерѣетъ. Необыкновенно тряскій тарантасъ прославленной въ краѣ «ивановской» почты, запряженный тройкою изумительно-скверныхъ лошадей, вздымаетъ густые клубы тончайшей лёссовой пыли, которая временами совершенно застилаетъ отъ путника даже везущихъ его лошадей. До самой станціи Черняевской, верстъ, значитъ, двадцать отъ Ташкента, дорога тянется между двухъ безконечныхъ рядовъ сѣро-желтыхъ «дувальныхъ» стѣнъ, иногда высокихъ и крѣпко сложенныхъ, аккуратно обмазанныхъ лёссовою штукатуркой, иногда вросшихъ отъ старости въ землю или полуразвалившихся. Изъ-за этихъ стѣнъ то высится темная, но до послѣдней степени запыленная зелень высокихъ тополей, то виднѣется обвившійся по высокимъ шпалерамъ виноградникъ, то выглядываетъ, сквозь пріоткрытую калитку или отверстіе обвалившейся стѣны, темно-зеленый бархатистый коверъ люцерны или правильно разсаженные невысокіе кустики американскаго хлопка. Все это—сплошной оазисъ, орошаемый водами одного изъ крупнѣйшихъ оросительныхъ каналовъ края—Захъ-арыка; его главныя вѣтви проходятъ по гребнямъ невысокихъ холмовъ, заполняющихъ мѣстность, а выведенные изъ нихъ третьестепенные каналы разносятъ воду, а съ нею и жизнь, по склонамъ этихъ холмовъ.

Уже поздно вечеромъ минуемъ Черняевскую станцію. Сейчасъ же за нею крестьянскій поселокъ: сплошная, густая роща изъ пирамидальныхъ тополей и кудрявыхъ ивъ, изъ-за которыхъ едва виднѣются обмазанные лёссомъ крестьянскіе дома. Кое-гдѣ мелькаютъ огоньки, но большею частью уже совсѣмъ темно: деревня рано ложится спать.

За поселкомъ дорога выходитъ на открытую, некультурную степь. Сразу чувствуется совершенно другой воздухъ: въ предѣлахъ орошен-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 10, октябрь 1904 г.

наго оазиса сырой, а ночью—прямо-таки пронизывающій, онъ становится сухимъ и теплымъ, какъ только вы выѣхали на неорошенную степь.

Нѣсколько верстъ—опять густая роща, и среди нея—нѣмецкій поселокъ Константиновскій, гдѣ мы должны заночевать. Насъ везутъ сначала къ старостѣ, который здѣсь, впрочемъ, болѣе извѣстенъ подъ названіемъ шульца, потомъ на Absteigequartier. Черезъ сѣни, съ наполненнымъ пшеницею глинобитнымъ закромомъ, проходимъ въ большую, длинную комнату, чрезвычайно аккуратную и чистую. Обстановка—европейская: дѣтскія люльки, кровати съ пологами, столы, стулья, въ буфетѣ запасъ столовой посуды, на особомъ крючкѣ виситъ платяная щетка. Хозяинъ, начисто бритый пожилой нѣмецъ въ жилеткѣ и кожаныхъ туфляхъ, встрѣчаетъ насъ привѣтствіемъ и нѣсколькими вопросами на ломаномъ русскомъ языкѣ. Его сынъ, молодой парень, говоритъ по-русски уже совершенно свободно и съ едва только замѣтнымъ акцентомъ. Но женщины, съ которыми мы вступаемъ въ переговоры насчетъ самовара и ужина, по-русски почти не понимаютъ—переговоры приходится вести на нѣмецкомъ языкѣ.

Пока грѣется самоваръ, я выхожу на дворъ, гдѣ вокругъ нашего тарантаса успѣло собраться десятка полтора нѣмцевъ разнаго возраста, старые въ пиджакахъ и жилеткахъ, молодые по-русски—въ рубахахъ на выпускъ. Начинаются разговоры о томъ, о семъ, о быломъ и о настоящемъ житьѣ.

— Изъ двадцати трехъ колоній здѣсь собрались,—разсказываютъ мнѣ нѣмцы:—все совсѣмъ бѣдные были, у однихъ вовсе не было земли, у другихъ—совсѣмъ мало. Собрались на Амуръ идти; дошли до Оренбурга, а тутъ переселенческій начальникъ намъ и говоритъ: вы, говоритъ, народъ бѣдный, куда вамъ такъ далеко! Идите лучше въ Ташкентъ. Дошли до Казалинска—у многихъ не то что дальше идти—ѣсть нечего стало. Прожили зиму въ Казалинскѣ—начальство помогало всю зиму, а потомъ до Ташкента провезли на казенный счетъ. Пришли сюда, дали намъ землю; сначала тоже трудно было: денегъ нѣтъ, съ водой обращаться не умѣемъ, что можно сѣять безъ полива—не знали. Бѣда... А теперь хорошо живемъ, слава Богу.

— Что же, хлопокъ сѣете?

— Нѣтъ, не сѣемъ, у насъ все пшеница.

— Почему такъ? не родится развѣ хлопокъ?

— Родится... киргизы кругомъ много сѣютъ, да намъ неудобно: работы съ хлопкомъ очень много; а намъ, нѣмцамъ, все равно, что русскимъ мужикамъ: надо хлѣба побольше засѣять; есть вѣдь которые по пятьдесятъ да по шестьдесятъ десятинъ засѣваютъ. А потомъ, подъ хлопокъ сильный поливъ надо, а у насъ воды мало. Мы вѣдь и подъ хлѣба почти не поливаемъ; сначала тоже думали, что безъ полива нельзя, а какъ стали пробовать,—видимъ пшеница и ячмень

безъ полива лучше родятся, чѣмъ съ поливомъ; здѣсь вѣдь мѣсто высокое, горы—дождя довольно выпадаетъ. Только подъ клеверъ (мѣстное обиходное названіе люцерны) и поливаемъ—тутъ ужъ безъ полива никакъ нельзя.

— А съ киргизами дружно живете?

— У насъ не можетъ быть дружбы съ киргизами—sie sind ja Muhammedaner (разговоръ незамѣтно перешелъ на нѣмецкій языкъ): споровъ и обидъ съ ними нѣтъ, но и дружбы тоже нѣтъ. Съ крестьянами дружнѣе живемъ: die sind doch Christen, wie wir.

Рано утромъ трогаемся въ дальнѣйшій путь—трогаемся не безъ затрудненій, потому что нѣмецкія лошади, привыкшія къ дышловой запряжкѣ, съ большою неохотою даютъ себя запречь въ троечный тарантасъ.

Сверхъестественно-пыльная, попрежнему, дорога тянется по высокимъ «сыртамъ»—послѣднимъ отрогамъ Таласскаго Алатау. Внизу, по неширокой долинѣ, вьется небольшая рѣчка—Келесъ, а вдоль рѣчки разбросаны аулы зачисленныхъ въ осѣдлое состояніе (какъ объяснилъ мнѣ мой спутникъ) киргизъ. Зимовки крайне жалкія: маленькія глинобитныя «курганчѝ», съ крохотными огороженными двориками; на плоскихъ крышахъ небольшія скирды люцерны или соломы. Около зимовокъ—квадратики пашенъ, преимущественно подъ люцерной, орошаемые небольшими канавками, выведенными изъ Келеса; по склонамъ холмовъ болѣе широкіе квадраты и прямоугольники богары—посѣвовъ безъ искусственнаго орошенія. Около зимовокъ разставлены куполообразныя киргизскія юрты.

— Прикочевали уже,—говоритъ мой спутникъ.

— Какъ прикочевали?—изумляюсь я.—Вѣдь вы же говорили—они осѣдлые?

— Я говорилъ—*зачислены въ осѣдлые*, но они преспокойно откочевываютъ на лѣтовку: вѣдь горы подъ рукою, они и продолжаютъ кочевать. А что ихъ зачислили въ осѣдлые—такъ это, вѣдь, болѣе или менѣе зря: здѣсь вотъ, около Ташкента, всѣхъ позачисляли, а подальше оставили на кочевомъ положеніи, а разницы никакой. А между тѣмъ это зачисленіе—не шутка: осѣдлымъ полагаются одни культурныя угодья, а культурныхъ угодій у нихъ всего-ничего; хорошо еще, что за казенными пастбищами пока настоящаго присмотра нѣтъ—они себѣ и кочуютъ, хоть и не имѣютъ права. А запереть ихъ на своей землѣ—хоть пропадай! А потомъ—земля вѣдь имъ, какъ осѣдлымъ, отдана въ полную собственность—значитъ, съ правомъ продажи. Ну, а развѣ киргизъ можетъ землю удержать въ рукахъ?.. Вотъ мы отъ Ташкента, за городскою чертой, ѣхали садами,—вы, можетъ быть, думали—киргизскіе? Какой тамъ! все распродали: въ ачѝнскомъ обществѣ, напримѣръ, около двухсотъ посторонннихъ владѣльцевъ, все больше крупные; а въ карабаш-

скомъ обществѣ—тамъ за четыре тысячи, въ кенсайскомъ тоже: порядочно русскихъ сидитъ, а больше сарты.

Не доѣзжая почтовой станціи Шорапхана, цѣпь зимовокъ и культурныхъ земель прерывается на нѣсколько верстъ—очевидно, киргизы не съумѣли вывести воды. Въ одномъ мѣстѣ, по широкой лужайкѣ, чуть не на версту, вытянулся сплошной рядъ юртъ; вокругъ юртъ большое оживленіе: гдѣ группа киргизъ верхами, гдѣ такіе-же киргизы сидятъ небольшими группами, въ кружокъ; женщинъ не видно вовсе, не видно и скота.

— Байга?—спрашиваетъ мой товарищъ ямщика—киргиза.

— Байга,—отвѣчаетъ тотъ.—Сандыбай байга дѣлалъ, отецъ поминалъ. Цѣлый мѣсяцъ живутъ, купцовъ много собралось!.. Первая лошадь семьсотъ рублей взяла, вторая шетьсотъ, третья пятьсотъ.

— Здо̀рово!—восклицаю я.

— Хорошая байга,—соглашается киргизъ.—А Касембека поминали—еще больше байга была: сыновья больше трехъ тысячъ истратили, родственники помогали—давали кто пятьсотъ, кто тысячу рублей; со всего рода собирали по приговору—съ кибитки по одиннадцать рублей, а въ роду тысяча восемсотъ кибитокъ! Однихъ барановъ пятьсотъ штукъ рѣзали, сорокъ лошадей. Первый призъ былъ—тысяча рублей денегъ, да пятьдесятъ верблюдовъ, да десять барановъ, да китайская ямба серебряная. Аульеатинскіе киргизы съѣхались, акмолинскіе, атбасарскіе—тоже больше мѣсяца жили.

— Да это сущее разореніе!—восклицаю я.

— Бываютъ, что и разоряются,—соглашается мой спутникъ:—нельзя—обычай; умеръ родовитый киргизъ—сыновья не могутъ отказаться устроить байгу. Сплошь и рядомъ бо̀льшая часть наслѣдства уходитъ. Ну, да въ убыткѣ они рѣдко остаются; соберутъ народъ на байгу, угостятъ, дадутъ призы, а потомъ все съ лихвою выберутъ: гдѣ подарками, гдѣ скотъ безплатно пустятъ пасти, гдѣ часть скота возьмутъ на выкормъ.

— Курьезный обычай!..

— А вотъ возьмите тоже ихъ обычаи насчетъ гостепріимства: гость пріѣдетъ, кто бы онъ ни былъ — изволь барана рѣзать; ну, у кого много скота — тому конечно это ничего, онъ и самъ радъ лишнему случаю зарѣзать барана. А бѣдному каково!.. А обычай твердый: хоть два барана, хоть одинъ — все равно, для гостя надо зарѣзать; а не зарѣжетъ—обычнымъ судомъ штрафъ возьмутъ, лошадь да халатъ; еще хуже, значитъ. Да пожалуй въ степи безъ этого обязательнаго гостепріимства и нельзя: вѣдь киргизъ ѣдетъ въ путь на цѣлую недѣлю—ничего съ собою не беретъ: знаетъ, что вездѣ накормятъ, гдѣ только киргизы есть.

Длинный спускъ съ горы, и за нимъ станція Беклярбекъ, устроенная... въ бывшей мечети. Комната для проѣзжающихъ—крохотная бо-

ковая коморка, а въ большой круглой залѣ мечети, съ закуренными стѣнами и куполообразнымъ потолкомъ, помѣщается ямщицкая. На полу валяются кошмы, шубы, по стѣнамъ развѣшана сбруя, а подъ однимъ изъ оконъ, гдѣ не такъ темно, стоитъ столикъ станціоннаго писаря.

Еще нѣсколько перегоновъ, все по той же холмистой степи, мѣстами орошенной и обработанной, но—увы!—съ посѣвами, сплошь съѣденными саранчою,—и подъ вечеръ мы достигаемъ города Чимкента.

И Чимкентъ, и Аульеата, куда мы попали черезъ пару дней, это такъ сказать, Ташкенты въ миніатюрѣ; небольшой русскій городъ, съ тѣми же одноэтажными, свѣтло-окрашенными домами, только въ смыслѣ архитектуры попроще,—съ кирпичными тротуарами и двойными аллеями рослыхъ деревьевъ, вытянутыми вдоль бѣгущихъ по обѣимъ сторонамъ улицы арыковъ; такой же сѣро-желтый туземный городъ съ безчисленными чай-ханами и обширнымъ базаромъ. На пригоркѣ старая крѣпость, которую когда-то штурмовалъ Черняевъ. Вокругъ города—широкій поясъ садовъ и полей, принадлежащихъ туземцамъ-горожанамъ. На степи—юрты ташкентскихъ кумысниковъ.

Вечеръ мы провели у одного изъ служащихъ нотаблей города Чимкента, къ которому собралось не то случайно, не то посмотрѣть на пріѣзжихъ, еще нѣсколько нотаблей, также изъ служащаго класса. Мы исчерпываемъ сначала весь запасъ ташкентскихъ новостей и слуховъ, а потомъ разговоръ незамѣтно переходитъ на крестьянъ—новыхъ поселенцевъ края, киргизъ и ихъ взаимныя отношенія.

— Не очень-то,—говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—можно похвалить нашихъ мужичковъ. Возьмите вотъ киргизъ или сартовъ: подъ поселенія у нихъ землю отобрали, да еще съ готовыми арыками, стѣснили ихъ порядочно, а между тѣмъ держатся тихо-смирно; не троньте только ихъ—сами русскихъ никогда не задѣнутъ. А крестьяне туземцевъ въ грошъ не ставятъ: басурманскую-молъ землю государь завоевалъ, а крестьяне царскіе,—значитъ землю у басурманъ надо отобрать и крестьянамъ раздать».

— Да ужъ это что грѣха таить,—вмѣшался другой:—все только норовятъ мужички, какъ бы туземца обмануть или обидѣть. Вотъ возьмите хоть арыки. Гдѣ арыки общіе съ киргизами — чистое несчастье; не выгонишь мужиковъ арыкъ чистить: мы, молъ, не для того сюда шли, чтобы въ арыкахъ копаться; орда, молъ, до насъ чистила, пускай и теперь чиститъ; а заставишь выйти на работу—непремѣнно мужикъ въ какіе-нибудь десятники пристроится: киргизы, или тамъ сарты, работаютъ, а онъ себѣ стоитъ да покрикиваетъ. Воду вотъ тоже воровать—ухъ какъ ловки, а туземецъ что съ него возьметъ!..

— Ну, знаете ли,—вставилъ свое слово третій собесѣдникъ,—имъ отъ киргизъ тоже не мало терпѣть приходится... Возьмите вотъ потравы,—вѣдь какъ мужиковъ донимаютъ!

— Господи, да какъ же можетъ быть иначе!.. Развѣ легко киргизамъ привыкнуть! Прежде вѣдь вольно было, пасли скотъ гдѣ хотѣли, никакихъ границъ не знали. А теперь повыростали поселки — естественное дѣло, скотъ нѣтъ-нѣтъ да и забредетъ на крестьянскій надѣлъ. А мужички и рады: загонятъ скотъ, да и сдерутъ вдесятеро. А киргизъ и понять не можетъ, за что съ него берутъ: крестьянскій-то вѣдь скотъ тоже постоянно киргизскую землю травитъ,—киргизы на это и вниманія не обращаютъ, а съ нихъ за все дерутъ. А отсюда дальше да больше: два три-раза ихъ нагрѣютъ — они мстить начинаютъ: лошадей уводятъ и все такое. Положимъ, отъ сартовъ, куда тѣ затешутся, киргизамъ еще хуже: нашъ мужичокъ конечно, тоже своего не упуститъ, да все же не такъ ловко за киргиза берется, какъ сартъ: тотъ ужъ, дайте ему только волю, киргиза цѣликомъ слопаетъ!..

— То-то вотъ и есть... Притомъ же не забудьте, Михайло Ивановичъ, нашъ мужикъ, онъ вѣдь все-таки несетъ съ собой культуру—значитъ, не одинъ отъ него вредъ киргизамъ.

— Хороша культура!—воскликнулъ Михайло Ивановичъ, къ которому дружно присоединились и остальные собесѣдники:—какую же такую культуру киргизы отъ крестьянъ заимствуютъ? культура-то у нихъ вся сартовская!..

— Какъ, помилуйте! а косы? развѣ это для киргизъ не благодѣяніе? Вѣдь до русскихъ они руками траву рвали или серпомъ рѣзали, много ли можно было на зиму корма заготовить! А теперь каждый киргизъ по нашему косить выучился—черезъ это и кочевки сократились, какъ сѣна больше стало.

— Ну, только и всего... А то развѣ киргизы у русскихъ учатся? Какъ разъ наоборотъ: всѣ пріемы поливки мужики у нихъ переняли, культуру клевера, кунакъ *); а кетмень? вѣдь здѣшній мужикъ ни шагу теперь безъ кетменя не ступитъ! А потомъ—какое же мужицкое хозяйство?! сартъ вотъ хлопокъ разводитъ, или рисъ, а нашъ братъ мужичокъ пшеничку да ячменекъ,—съ хлопкомъ, молъ, работы много... Оно и выходитъ: сартъ на пяти десятинахъ—чуть не помѣщикъ. А у крестьянъ по двадцать пять да по тридцать десятинъ, воды вволю; тутъ бы имъ рай земной, а имъ все мало: какъ обживутся, скота заведутъ—и пошли арендовать киргизскую землю, а тамъ и прошенія писать: нельзя ли, молъ, прирѣзочки,—у орды вонъ сколько земли праздно лежитъ...

На слѣдующее утро ѣдемъ въ сторону отъ большого тракта, въ горы, вверхъ по теченію небольшой рѣчки Сайрама. Чуть не вплотную отъ самаго Чимкента, верстъ на двадцать, тянутся поля огромнаго

---

*) Кунакъ—мелкій видъ проса, употребляемый и въ пищу, и въ кормъ, очень распространенный среди туземцевъ, особенно киргизъ.

сартовскаго кишлака—тоже Сайрама, главнаго торговаго пункта Чимкентскаго уѣзда. Настоящій городъ—сплошная масса сѣро-желтыхъ лёссовыхъ построекъ и оградъ, базаръ съ перекрытыми рядами; всѣ эти сартовскія поселенія какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга.

— Сорокъ мечетей,—съ восторгомъ говоритъ, оборачиваясь къ намъ, нашъ ямщикъ-киргизъ:—святыхъ много, могила Миріамъ есть, матери Иса *)...

Долина Сайрама сплошь разработана въ аккуратные квадратики поливныхъ полей, а вдоль по склону окаймляющихъ долину безлѣсныхъ горъ тянется то прямая, то изломанная, вслѣдъ за изгибами горнаго хребта, линія арыка, ведущаго эту воду откуда-то издалека. Ниже арыка склонъ горы тоже разработанъ и политъ, выше разбросаны большіе квадраты частью засѣянной, частью отдыхающей богары.

Пашни сайрамскихъ сартовъ, долго тянувшіяся широкою сплошною полосой, начинаютъ чередоваться съ пашнями и усадьбами киргизъ. Аккуратныя сѣро-желтыя мазанки со сложенными на плоскихъ крышахъ скирдами соломы и люцерны, около нихъ необширныя по площади, но хорошо вросшія древесныя насажденія, чисто разработанные квадратики поливныхъ полей. Эти киргизы уже совершенно осѣли; «на джайляу не ходятъ», пояснилъ намъ нашъ ямщикъ-киргизъ, самъ родомъ изъ этого аула.

Навстрѣчу намъ тянется верблюжій караванъ: это возвращается съ горной лѣтовки семья богатаго киргиза. Что онъ богатъ—объ этомъ онъ, со свойственною киргизскимъ баямъ хвастливостью, самъ возвѣщаетъ всему міру, выставивъ надъ вьюкомъ передового верблюда особую «отличку богатыхъ»—каргаулъ, какой-то своеобразный султанъ изъ перьевъ и еще чего-то. Но еще краснорѣчивѣе говорятъ о томъ же прекрасныя верховыя лошади и дорогіе серебряные пояса мужчинъ, въ особенности же огромные табуны скота, которые тянутся вслѣдъ за караваномъ, подъ конвоемъ одѣтыхъ въ лохмотья пастуховъ.

— Откуда эти киргизы?—спрашиваемъ мы ямщика.

— Аулъ на Таласъ стоитъ. Самъ лѣтомъ горы ходитъ, зимой Муюнъкумъ **) джурта (юрту) ставитъ.

— А домъ у него гдѣ?

— Домъ вовсе нѣту. Цѣлый годъ джурта живетъ. Богатой домъ нельзя жить—богатой надо со скотомъ ходить, а домъ съ собой не потащишь.

---

*) Миріамъ—Марія, Иса—Іисусъ.

**) Пески, отдѣляющіе бассейнъ р. Чу отъ района предгорьевъ Алатау и бассейна р. Таласа. Пески—лучшія зимнія пастбища, наиболѣе цѣнимыя богатыми скотоводами.

Сыръ-дарьинскій бай—до сихъ поръ чистокровный кочевникъ; онъ совершенно не заготовляетъ сѣна на зиму, а круглый годъ держитъ скотъ на подножномъ корму. Нѣтъ у него и собственнаго земледѣльческаго хозяйства; онъ только держитъ «коши» (кошъ=юрта, домохозяйство)—испольщиковъ; онъ предоставляетъ имъ сѣмена, рабочій инвентарь и нѣсколько головъ скота для довольствія молочными продуктами, и за это они обязаны отдать ему половину полученнаго урожая.

— Больно богатый бай,—разсказываетъ намъ словоохотливый ямщикъ.—Кошей десять держитъ, можетъ двѣнадцать держитъ: здѣсь недалеко ему изъ половины пашутъ, на Таласъ пашутъ, на Чу пашутъ.

— А какъ же,—спрашиваю,—онъ ихъ провѣрить можетъ? самъ онъ вѣдь кочуетъ, значитъ, не видитъ, сколько тотъ собралъ? тотъ его, значитъ, и обмануть можетъ?

— Какъ можно! узунъ-кулакъ все скажетъ.

— Кто это узунъ-кулакъ?—спрашиваю я, думая, что рѣчь идетъ о какомъ-то особомъ контролерѣ надъ испольщиками.

Оказывается, узунъ-кулакъ—это значитъ «длинное ухо», слухъ, молва, та самая молва, которая чуть не съ быстротою телеграфа разноситъ всякую новость по необъятной киргизской степи.

— Сосѣдъ все видитъ,—пояснилъ ямщикъ:—сколько нажалъ, столько намолотилъ, все скажутъ. Бѣдный обманетъ—богатый другой разъ сѣмена не дастъ, скотина не дастъ, бѣдный безъ хлѣба будетъ.

— А что́,—продолжаю я разспрашивать,—его весь родъ сюда кочуетъ, въ горы?

— Одинъ горамъ ходитъ. Прежде всѣ горамъ ходили: съ Чу киргизъ ходилъ, со всего Таласа ходилъ—никто ничего не говорилъ: земля много было, корма много, всѣ пополамъ ходили, гдѣ захочетъ. А теперь тѣсно стало, не стали пускать; у этого киргиза здѣсь «свои» есть, такъ его пускаютъ, а другихъ не пускаютъ: каждый своя волость долженъ ходить.

— А гдѣ же другіе кочуютъ?

— Которой самый богатый, у того вездѣ свои есть; гдѣ хочетъ, тамъ кочуетъ. А которой немножко скота, тому далеко кочевать не надо—такой киргизъ пашня пашетъ, сѣно коситъ; зимой курганча̀ живетъ, лѣтомъ недалеко на степи джурта ставитъ. А который четыре верблюда нѣту, такой вовсе не кочуетъ: кошъ не на чемъ возить: лѣтомъ джурта возлѣ курганча̀ поставитъ, тутъ и джайляу, тутъ и кстау.

Вотъ и надѣлъ ближайшей цѣли нашей поѣздки—Георгіевскаго поселка. Вправо отъ дороги—полоса поливныхъ земель, занятыхъ подъ бахчи или подсолнухъ. Влѣво полоса необработанныхъ земель, поросшихъ верблюжьей колючкой и совершенно высохшею травою, но со слѣдами дѣйствовавшихъ оросительныхъ канавокъ.

— Камень, нельзя пахать,—объясняетъ, на наши вопросы, попав-

шійся навстрѣчу георгіевскій мужикъ: опять же и подъ худобу мѣсто нужно.

— А киргизы не пахали этой земли?

— Какъ не пахали—пахали. Ихнимъ омачемъ можно пахать, а нашимъ плугомъ нешто такой камень спашешь?!..

Вотъ и поселокъ—такой же сплошной зеленый садъ, въ которомъ тонутъ бѣлыя, по большей части просторныя и крѣпкія хохлацкія мазанки. По улицамъ, въ виду воскреснаго дня, разгуливаетъ деревенская молодежь обоего пола и разъѣзжаютъ верхами киргизы, въ праздничныхъ одеждахъ. То здѣсь, то тамъ, на завалинкѣ, сидитъ группа мужиковъ и мирно бесѣдуетъ съ сидящими на корточкахъ киргизами; кое-гдѣ, въ окнахъ, виднѣются характерныя физіономіи киргизъ, у кого-нибудь въ гостяхъ, за самоваромъ.

Заѣзжаемъ, тоже напиться чаю, къ волостному старшинѣ. За чаемъ, конечно, обычные разговоры о землѣ, объ урожаѣ о житьѣ-бытьѣ.

— Можно здѣсь жить-то,—говоритъ старшина, потягивая изъ блюдечка чай.—Наши-то все больше, кто изъ Кустаная пришелъ, кто изъ Актюбы, а которые до того еще на Самарѣ жили, али у башкиръ, ну, противъ здѣшняго тамошнія мѣста ничего не стоятъ. Тамъ хлѣбъ два раза родится, а два года засуха, нѣтъ ничего. А здѣсь каждый годъ урожай.

— Съ поливомъ вѣдь?

— Зачѣмъ... мы вотъ пришли, тоже располагали, безъ поливу никакъ нельзя сѣять; да и не къ чему было: дѣло было бѣдное, дай Богъ хоть поливную-то землю засѣять. А сейчасъ скотомъ обзавелись—у насъ въ поселкѣ однихъ рабочихъ быковъ за тысячу; плугъ быковъ у каждаго, а у которыхъ—по два да по три плуга. Ну, воды-то и не хватаетъ всю землю полить. Стали пытать безъ поливу сѣять, поначалу съ опаской: гдѣ на бугоръ нельзя воды вывести, дай, молъ, попытаемъ, на фартъ, такъ посѣять; посѣяли—хорешо вышло, не хуже поливной земли; дальше да больше—теперь которые на богарѣ больше противъ поливной стали сѣять. А ужъ у киргизцевъ, повыше въ горахъ, тамъ хоть вовсе не поливай: за богарную землю дороже поливной платимъ.

— А много арендуютъ ваши мужики?

— Мно-ого... Безъ мала все кругомъ пораспахали... Наши мужики, да изъ-подъ Чимкента со всѣхъ поселковъ: тамъ, на степѣ-то, саранча больно обижать стала, а въ горахъ-то ее нѣтъ, всѣ сюды и бросились пахать. Которые посправнѣе—берутъ землю за процентъ: дастъ киргизцу зимой денегъ, аль тамъ пшеницы, а весной зато спашетъ, сколько придется. Пропадаютъ тоже за которыми деньги: въ нашемъ поселкѣ, пожалуй, съ тысячу рублевъ за киргизцами осталось. Киргизцы, они сейчасъ въ рукахъ у нашего брата, бѣдно живутъ!..

— А безъ васъ какъ они жили?

— Да такъ и жили: разъ въ день поѣстъ кузи, аль чего, а теперь привыкли жить по-русски-то... Мы ихъ черезъ это и въ работники не больно охочи брать—работаютъ плохо, а насчетъ харча привередливы: до насъ и не знали, какой такой есть сахаръ, а теперь работникъ безъ сахару чай пить не станетъ. Не обойтись только безъ нихъ: изъ крестьянъ-то никто въ работники не идетъ, у каждаго своя работа,—развѣ который сейчасъ пришелъ, не завелся еще своимъ. Опять же и работать которые изъ киргизъ ужъ подучились: косятъ здорово, быковъ тоже запрягать привыкли. Конечно, и киргизъ разный: и у нихъ есть честные да работящіе, и промежъ нашего братамужика всякій народъ есть.

Верстъ десятокъ выше по Сайраму—небольшой поселокъ Петропавловка, возникшій всего года три тому назадъ. Хохлацкія мазанки, вокругъ нихъ молоденькое древесное насажденіе; лишняя вода изъ арыковъ—по новизнѣ запахиваютъ еще немного—заливаетъ дорогу и сбѣгаетъ внизъ, въ долину рѣки. И въ Петропавловкѣ, куда ни посмотри, вездѣ киргизы: угощаются, пьютъ чай или просто предаются пріятнымъ разговорамъ.

Петропавловскій поселокъ, оказывается, сидитъ не на отведенной по распоряженію начальства, какъ прочіе поселки, а на купленной землѣ.

— Сдали намъ сначала сарты землю за тридцать лѣтъ,—разсказывалъ намъ деревенскій староста,—а потомъ сами стали навязываться; купите, молъ, на вѣчность. Ну, подумали, подумали, да и купили.

— Сколько заплатили?

— Да по шестьдесятъ пять рублей съ пая.

— А земли въ паю сколько?

— Въ паю-то? поливной земли двадцать десятинъ на пай, да еще сколько-то неполивного выгона; да на всю деревню четыре кулака *) воды для пашенъ, да два кулака для грунтовъ (усадебъ).

— Что дешево?—спрашиваю я.

— Киргизцы больно имъ травили землю, они и надумали насъ сюда пустить: располагаютъ такъ, что мужики киргизцевъ отвадятъ скотъ распускать зря, тогда и имъ на оставшей землѣ спокойнѣе будетъ.

— Ну, а мѣсто хорошее?

— Чѣмъ не хорошее! Воды вдоволь, да и безъ поливу хлѣба родятся. Больно только общество у насъ несогласное.

— Что такъ?

— Богатѣи обижаютъ—общественную землю запахиваютъ.

*) Кулакъ—туземная мѣра расхода воды, примѣрно $1^1/_4$ куб. фута въ секунду.

— А земля не разбита по паямъ?

— Какъ не разбита! да онъ нешто глядитъ! пашетъ, да и все тутъ—прогоны перепахиваютъ, ничего знать не хотятъ. Мы вотъ, которые побѣднѣе, хотимъ на вѣчность раздѣлиться, а то житья отъ нихъ нѣтъ.

— Что же у васъ, развѣ уже вся земля распахана?

— Какой тебѣ вся! на первый разъ по три десятины подѣлили пахать, потомъ по пятку, остальная лежитъ. Только вѣдь еще обзаводимся, да и то больше на заемныя деньги.

— У кого же занимаете?

— Да у егорьевскихъ мужиковъ больше—богатые вѣдь они. Дастъ онъ тебѣ сто рублевъ, а ему за процентъ десятину пшеницы отдай; а десятина пшеницы тоже вѣдь на сто рублевъ выйдетъ... Ну, сейчасъ-то ужъ начали которые изъ долгу выходить. Тоже вотъ съ водой первое время намаялись Первый годъ вовсе не поливали—не знали, какъ взяться: слава-те Господи, дождичка послалъ, и такъ родилось. А кто польетъ—пуститъ воду, стоитъ разставя руки, глядитъ, а вода ужъ черезъ двадцать десятинъ разлилась. Дѣлать нечего—стали киргизъ нанимать наймешь его поливать, а самъ смотришь, учишься; а то видитъ мужикъ—киргизъ пошелъ свою пашню поливать; за нимъ бѣжитъ, посмотрѣть, значитъ. Ну, теперь-то ужъ до всего дошли, воды зря не упустимъ.

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, вернулись въ Чимкентъ, а на утро тронулись дальше, по Аульеатинскому тракту. Все та же неимовѣрная лёссовая пыль. Чрезвычайно оживленное движеніе: верховые киргизы, арбяные обозы съ хлѣбомъ изъ Семирѣчья или съ «россійскою» мануфактурой и бакалеей, верблюжьи караваны съ шерстью, длинныя хохлацкія фурманки, запряженныя парою быковъ, характерные колонистскіе фургоны, занесенные въ край менонитами и константиновскими нѣмцами. Вотъ киргизъ, съ парою верблюдовъ, везетъ куда-то нѣсколько батмановъ хлѣба. Ямщикъ нашъ обмѣнивается съ нимъ нѣсколькими словами.

— Куда это онъ хлѣбъ везетъ?—спрашиваемъ мы.

— Домой, въ аулъ. Не хватило хлѣба. Всѣ тѣ года продавали хлѣба помногу, а теперь пятый годъ саранча все поѣла. Ну, а они ужъ привыкли, безъ хлѣба не могутъ жить,—приходится покупать.

Минуемъ, не останавливаясь, рядъ образованныхъ по тракту русскихъ поселеній и огромный сартовскій кишлакъ Манкентъ. За Манкентомъ--длинный-длинный спускъ къ рѣчкѣ Машату, на которой стоитъ небольшой поселокъ Антоновка.

Пока происходитъ перепряжка лошадей, около почтовой станціи собирается кучка мужиковъ—посмотрѣть, не начальство ли какое наѣхало, которое могло бы распорядиться и помочь ихъ горю.

— Житья намъ не стало отъ общества,—разсказываетъ одинъ изъ нихъ, немолодой мужикъ съ окладистою бородою.

— А вы то сами кто же?

— Новенькіе мы. Коренныхъ жителевъ тутъ шестнадцать дворовъ да насъ шестнадцать.

— Вы что̀ же, не приписаны, что ли?

— Пошто́ не приписаны! приписаны, земскіе платимъ, общественный сборъ платимъ. А только приписать-то насъ начальство приписало, а земли на насъ нѣту—однѣ усадьбы. Киргизскую землю исполу пашемъ, да изъ третьей части.

— Больно ужъ намъ старожители житья не даютъ,—вмѣшался другой, молодой мужикъ: дуютъ насъ и выживаютъ: за воду берутъ по три рубля съ усадьбы, а у самихъ воды вонъ сколько зря пропадаетъ! За скотину берутъ по три рубля, а скотину-то мы и не выпускаемъ на ихнюю землю, на киргизской пасемъ.

— Арендуете?

— Нѣтъ, вольная у нихъ земля-то, жейляу зовется: лѣтомъ отовсюду киргизцы сходятся. Намъ тоже киргизцы дозволяютъ пасти; смирёные они, жалѣютъ нашего брата, даромъ что орда̀. Хрестьянскій табунъ, общественный, значитъ, тоже на киргизской землѣ ходитъ. Обижаются только киргизы на общество-то: хрестьянскій скотъ на ихней землѣ завсегда пасется, а киргизская скотина за межу зайдетъ— сейчасъ загонятъ и за потраву возьмутъ.

— Не сойтись намъ, видно, съ здѣшнимъ обществомъ,—продолжалъ первый мужикъ,; говорятъ, и себѣ мало земли. Придется, видно, своимъ поселкомъ заводиться.

— Гдѣ же вы думаете селиться?

— Да высмотрѣли себѣ мѣстечко—Юръ-су зовется, подъ горами, по-за Петропавловкой; хорошее мѣсто, можно мужику жить. Которые ужъ и землю тамъ покортомили, а сейчасъ покупать налаживаемся.

— Казна землю продаетъ?

— Нѣтъ, не казна. Котунъ-бекъ тамъ есть, богатый киргизинъ; десятинъ у него тысячъ до десятка,—онъ и сулится намъ продать— дешево проситъ.

— Какъ же онъ продать можетъ? Земля-то вѣдь не его, а общественная! Да и общество тоже продать не можетъ—закона нѣтъ.

— У нихъ, ваше степенство, богатый все можетъ: захочетъ продать—и продастъ, никого не спроситъ... Вотъ, будешь ѣхать, ваше благородіе—увидишь на Каракчи-булакѣ зимовки разломанныя: годовъ пятокъ какъ антоновскіе мужики это мѣсто у богатаго киргиза окортомили; которые киргизцы тамъ жили—прочь погнали.

— Что же, и пользуются?

— Нѣтъ, чего-то не вышло. Киргизцы-то, которыхъ согнали, жаловаться почали. Настоящаго, кажись, рѣшенія еще не вышло, а только не сѣютъ антоновцы на той землѣ, не допускаетъ начальство.

— А вотъ вамъ и еще примѣръ,—вмѣшался мой спутникъ, мѣст-

ный старожилъ: впереди, вотъ, ѣхать будемъ—сартовскій кишлачокъ стоитъ; кругомъ куча зимовокъ. А въ одинъ прекрасный день совершенно посторонній киргизъ, даже рода другого, взялъ да и сдалъ всю мѣстность мужикамъ изъ Корниловки да изъ Ванновки—вмѣстѣ съ кишлакомъ да съ зимовками; да еще какъ сдалъ! по нотаріальному договору, вообразите. Ну, тутъ ужъ казна вступилась—возбудили дѣло объ уничтоженіи договора.

— А какъ же туда сарты попали?

— А какъ они всюду втираются къ киргизамъ: позадолжали имъ киргизы; стали тѣ ихъ прижимать—они имъ и дозволили поселиться. А мѣсто-то удобное—полдороги между Чимкентомъ и Аульеата; всѣ обозы останавливаются; даже русскіе, и тѣ охотнѣе останавливаются, нежели въ Ванновкѣ. Вотъ, и выросъ настоящій торговый кишлакъ. А теперь мужики обложили сартовъ въ свою пользу: по копейкѣ съ сажени усадебной земли.

— А нельзя ли, ваше благородіе,—опять заговорилъ одинъ изъ мужиковъ, на—Юръ-су намъ землю отъ казны отвести? больно удобное мѣсто!

Мой спутникъ объясняетъ, что въ той мѣстности земля не назначена къ отводу переселенцамъ, а состоитъ въ пользованіи киргизъ.

— Да чего же, ваше благородіе, на нихъ, на орду, глядѣть то! прикажетъ имъ уѣздный начальникъ отдать землю подъ поселокъ, да и вся недолга! которые вотъ есть поселки—тоже не больно много киргизцевъ спрашивали: прикажетъ уѣздный—пишите приговоръ, да и весь сказъ...

Изъ Аульеата намъ предстояло проѣхать въ горы, долиною Таласа, до расположенной въ семидесяти верстахъ группы менонитскихъ поселковъ. Верстъ двадцать пять мы ѣдемъ по широкой предгорной степи. По сторонамъ, то тутъ, то тамъ, большія группы густой зелени—то сартовскіе кишлаки, то русскіе поселки, возникшіе на взятой у сартовъ или у киргизъ землѣ. Дорога пролегаетъ то засѣянными полями, все больше подъ люцерною или мелкимъ просомъ-кунакомъ, то дикою степью, но почти вездѣ—съ сохранившимися слѣдами оросительныхъ бороздокъ. Въ разныхъ направленіяхъ, очевидно вдоль большихъ арыковъ, вытянулись линіи киргизскихъ зимовокъ или курганчей, съ обязательными скирдами люцерны на плоскихъ крышахъ и съ небольшими группами деревьевъ, почти при каждой курганчѣ. Кое-гдѣ виднѣются киргизы, то жнущіе хлѣбъ, то снимающіе второй или третій сборъ люцерны, то прочищающіе оросительныя канавки.

Вотъ и ущелье Большая Капка, черезъ которое Таласъ прорывается изъ горъ на широкую предгорную равнину. Немного не доѣзжая входа въ ущелье, къ дорогѣ подступаетъ сначала одинъ арыкъ, потомъ еще другой, который, примѣрно на версту, тянется совсѣмъ бокъ-о-бокъ

съ первымъ; онъ только приподнятъ на искусственно-насыпанное, немного повышенное надъ горизонтомъ перваго арыка русло, потому что вода его должна обслуживать гораздо болѣе отдаленныя поля. Вотъ дорога подошла уже совсѣмъ къ обрывистому берегу Таласа. Внизу, по узенькой прибрежной полосѣ, бѣжитъ еще третій арыкъ, на другому берегу рѣки четвертый, а у самаго въѣзда въ Большую Капку показывается еще и пятый, уходящій куда-то далеко, въ противуположную сторону. Тутъ же и «головы» двухъ арыковъ: параллельно берегу рѣки, надъ водою едва возвышается недлинная гряда камней, изъ-подъ которой торчитъ гдѣ дернъ, гдѣ хворостъ. Это немудреное сооруженіе охватываетъ часть теченія рѣки и направляетъ воду въ оросительный каналъ; немного удлинняя эту гряду или сбрасывая часть камней, туземный ирригаторъ регулируетъ поступленіе воды въ арыки, соразмѣрно потребности въ поливѣ и часто измѣняющемуся уровню воды въ рѣкѣ.

Слѣдомъ за остальными тремя арыками или—вѣрнѣе—навстрѣчу имъ, въѣзжаемъ въ узкое, длиною три или четыре версты, ущелье. Арыки бѣгутъ сначала по узенькой полосѣ прибрежнаго наноса, одинъ по одной сторонѣ рѣки, два другіе—по другой; а гдѣ рѣка непосредственно подступаетъ къ каменистому обрыву, тамъ арыкъ бѣжитъ въ каменномъ жолобѣ искусственно выложенномъ въ самомъ руслѣ рѣки.

Ущелье сразу расширяется и превращается въ неширокую, версты полторы или двѣ, горную долину. Правый берегъ Таласа—невысокія, но крутыя каменныя горы, безъ всякаго слѣда жилья или культуры. Лѣвый—ровная терраса, окаймленная цѣпью такихъ-же невысокихъ каменистыхъ горъ. По склонамъ ихъ, на нѣкоторой высотѣ, виднѣются темныя линіи арыковъ, взявшихъ воду либо изъ булаковъ (ключей), либо изъ Таласа, гдѣ-нибудь выше по его теченію, и выводящіе ее на культурныя земли и въ кишлаки долины.

Минуемъ, не останавливаясь, Ключевской поселокъ, ничѣмъ не отличающійся, по крайней мѣрѣ съ виду, отъ многочисленныхъ поселковъ, вытянувшихся по тракту между Чимкентомъ и Аульеата̀, и подъ вечеръ достигаемъ группы менонитскихъ поселковъ. На самой дорогѣ сравнительно большой «колонокъ» Орловъ (удареніе на о)—названіе, которое менониты принесли съ собою изъ Пруссіи, которое [illegible] своей колоніи въ Самарской губерніи и съ которымъ [illegible], въ глуши предгорья Алатау. Немного поодаль—группа изъ [illegible] другихъ, меньшихъ по размѣрамъ, колонковъ. Впрочемъ [illegible] эти четыре колонка—чисто менонитскіе. Въ Орловѣ—т[illegible]лка менониты, и тѣ—отлученные отъ менонитской общины за [illegible]точную твердость въ правилахъ вѣры; остальные—нѣмцы-лютеране, земляки обитателей Константиновскаго поселка. Всѣ пять колонковъ рѣзко отличаются своимъ внѣшнимъ видомъ отъ рус-

скихъ поселковъ. Обширныя усадебныя мѣста, обнесенныя высокими, аккуратно сложенными и обмазанными глинобитными стѣнами; просторные дома, каждый въ двѣ и болѣе комнатъ, либо оштукатуренные сѣрою лёссовою замазкой, либо выкрашенные въ разные свѣтлые тона, почти всегда—подъ одною крышею со скотными дворами; чрезвычайно правильно разсаженныя и хорошо содержанныя древесныя насажденія и прекрасные фруктовые сады.

Мы останавливаемся въ Орловѣ у господина Starost'а. Я передаю ему поклоны отъ родственниковъ и друзей, которыхъ я, примѣрно за мѣсяцъ передъ тѣмъ, посѣтилъ въ Самарской губерніи, —и насъ поэтому встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, какъ дорогихъ гостей. Конечно,—чай, съ какимъ-то нѣмецкимъ печеньемъ и удивительнѣйшими яблоками, какъ по размѣрамъ, такъ и по чистотѣ. И конечно—разговоры о житьѣ-бытьѣ.

— Здѣсь хорошо жить,—объясняетъ намъ Herr Starost, настоящій Herr, съ длинными бакенбардами, пробритымъ подбородкомъ и въ городскомъ пиджакѣ, совершенно подстать его усадьбѣ, необыкновенно подчищенному цвѣтнику и его гостиной, съ городскою мягкою мебелью и стеклянными шкафами или горками—у каждаго пять-шесть лошадей, пять-шесть коровъ. Самое лучшее здѣсь—это то, что разъ полита земля—такъ неурожая ужъ не бываетъ; а вѣдь на Самарѣ, бывало, и по четыре пуда съ десятины собирали! Земли вотъ только мало—всего по двадцать десятинъ на семейство: отъ самаго двора по три десятины подъ навозъ: тутъ съ огородомъ, тутъ и клеверное поле, а послѣ клевера два-три года хлѣбъ хорошо родится; полевая земля въ восьми мѣстахъ; остальное—выгонная земля, болотистая, немножко луга по рѣкѣ.

— Что же, обходитесь своей землей?

— Какъ можно! Всякій арендуетъ у киргизъ—и наши, и русскіе,— haben alles Land ausgesogen. Такой спросъ на землю теперь, что хозяйство совсѣмъ невыгодно вести: прежде хоть хлѣбъ и дешевъ былъ —зато землю арендовали за безцѣнокъ: а теперь Богъ знаетъ какія цѣны! А имъ все не на пользу! Вѣдь киргизъ—какъ ребенокъ: никакого разсчета не понимаетъ; понадобились деньги, на дѣло или на пустяки—онъ ужъ ни на что̀ не смотритъ: урожай запродаетъ впередъ, землю подъ посѣвы, забираетъ деньги подъ лѣтнюю работу. Эти года вотъ хлѣбъ по рублю и болѣе пудъ, а они съ зимы запродаютъ по четыре съ полтиной за батманъ,—значитъ около полтинника за пудъ; подъ жатье забираются по три рубля за батманъ—выходитъ за десятину полтора рубля; хлѣба съ зимы столько запродастъ, что и при хорошемъ урожаѣ не собрать; придетъ урожай, все приходится отдать за долги, а на зиму хлѣба и нѣтъ, опять забираться надо... Эти года многіе киргизы и пахать перестали: раньше пахали, а теперь всю землю испольщикамъ отдаютъ. Вѣдь они какіе: у кого пять-шесть головъ скота—тотъ уже бай

и уходитъ на лѣтовку въ горы, благо здѣсь близко; не думаетъ о томъ, что̀ будетъ ѣсть зимой... Плохо, плохо они живутъ!..

— А по вашему, здѣсь что̀ выгоднѣе—скотоводство или земледѣліе?

— А смотря по цѣнамъ... Прежде вотъ батманъ овса рубль стоилъ или полтора,—такъ больше свиней откармливали (менонитскіе окорока и сейчасъ славятся въ Ташкентѣ!). А теперь хлѣбъ дорогой—стали больше хлѣбъ сѣять. Скотоводство, конечно, у насъ есть, только не такое, какъ у русскихъ: рогатый скотъ больше для молока—на сыроварни отдаемъ, тутъ же у насъ въ колонкахъ; выкармливаемъ городскихъ лошадей—рублей по полтораста продаемъ, по двѣсти; за коровъ нашихъ въ Ташкентѣ по сту рублей даютъ.

— Откуда-жъ у васъ такой скотъ?

— А у насъ производители общественные: жеребцы орловскіе, голландскіе быки; теперь вотъ нашъ довѣренный поѣхалъ новаго быка покупать. Уходъ тоже не такой! Вотъ, не пожелаете ли посмотрѣть мой скотный дворъ?

И Herr Starost повелъ насъ въ обширное, свѣтлое строеніе, съ деревяннымъ покатымъ поломъ и со стоками для жидкихъ нечистотъ, съ отдѣльными стойлами и яслями для каждой лошади и для каждой коровы, блещущее въ полномъ смыслѣ слова голландскою чистотой.

— Такъ вѣдь это только у васъ такъ,—замѣтилъ я—у другихъ, конечно, нѣтъ такой роскоши?

— Нѣтъ, у всѣхъ такъ; у кого скотный дворъ больше, у кого меньше,—но устройство у всѣхъ такое; такъ еще на родинѣ было заведено.

Послѣ скотнаго двора осмотрѣли и садъ, и тутъ сразу стало ясно, почему у менонитовъ яблоки безъ малѣйшаго изъяна: каждое дерево, очевидно, является предметомъ самаго заботливаго ухода; земля подъ девьями идеально взрыхлена и содержится подъ чернымъ паромъ—нигдѣ ни малѣйшей травинки...

Осмотрѣли и всякіе амбары и сараи; въ сараяхъ обычные колонистскіе фургоны, но тутъ же и пролетка полугородского типа; разные плуги, молотилка, вѣялка.

— Изъ Россіи выписывали?

— Нѣтъ, у насъ въ коло̀нкахъ мастера дѣлаютъ. Плуги вотъ, тѣ заводскіе—одинъ только вотъ этотъ—здѣшней работы. Раньше наши мастера плуговъ не дѣлали,—теперь научились тоже.

Посмотрѣли еще семейное кладбище: тутъ же, на полевомъ участкѣ, маленькій квадратикъ, обнесенный хорошенькою изгородью; внутри изгороди двѣ чисто обдѣланныя могилки, аккуратно засаженныя цвѣтами...

За ночь надъ Таласскою долиной пронесся проливной дождь, который очистилъ воздухъ отъ заволакивавшей его все время дымки, а на нѣсколько сотъ метровъ выше выпалъ уже въ видѣ снѣга. И

возвращаясь изъ колонковъ въ Аульеата, я все время любовался покрытыми чистымъ, свѣже-выпавшимъ снѣгомъ вершинами передового хребта, изъ-за котораго выглядывали скрывавшіяся ранѣе за туманною дымкой снѣжныя вершины Алатау.

Я не буду утруждать читателя описаніемъ томительнаго перехода отъ Аульеата, глухою степью, до перевала черезъ невысокія горы Каратау, которыя отдѣляются отъ Алатаускаго хребта недалеко отъ Чимкента и тянутся параллельно Сыръ-Дарьѣ, въ парѣ десятковъ верстъ отъ ея праваго берега. Нѣсколько дней подрядъ—ничего, кромѣ унылой, сѣро-бурой или сѣро-желтой, то чисто лёссовой, то супесчаной степи, усѣянной рѣдкими шапками разной «колючки» или поросшей совершенно желтою отъ лѣтняго зноя, негустою травкой. Лишь изрѣдка тоскливое однообразіе картины нарушается небольшими группами киргизскихъ юртъ, расположившихся у какой-нибудь, чаще солоноватой воды, или табунами скота, возвращающимися съ лѣтовокъ. Гдѣ удалось вывести воду изъ рѣки или рѣчки, а то и изъ озера, подперевъ его воду системою бугутовъ *), тамъ появляются и пашни; но и онѣ мало разнообразятъ скучную картину: пашни гдѣ совершенно заброшены, изъ-за саранчи, гдѣ дочиста выѣдены тою же саранчою, и лишь изрѣдка глазъ отдыхаетъ на темно-зеленомъ коврикѣ люцерны или на уцѣлѣвшемъ посѣвѣ кунака. По невысокимъ сопкамъ, на самыхъ видныхъ мѣстахъ, располагаются киргизскія кладбища: издали виднѣется могила какого-нибудь бая, въ видѣ небольшой мечети, съ куполкомъ луковицею и характерными колонками или пилястрами по угламъ, и подъ сѣнью ея захоронены десятки, а то и сотни душъ киргизской мелкоты, могилы которой обозначаются лишь небольшими, едва замѣтными кучками земли или камня. Отъ самаго Аульеата и почти до лежащаго уже за Каратаускими горами Туркестана — ни одного арбяного слѣда. По всей необъятной степи киргизы не знаютъ никакого способа передвиженія, кромѣ верхового или вьючнаго, и даже допотопныя сартовскія арбы извѣстны имъ только по наслышкѣ...

Въ нѣсколько переходовъ, по семидесяти и по восьмидесяти верстъ каждый (меньше нельзя—нѣтъ воды для ночлега), добрались, наконецъ, и до перевала черезъ Каратау. Неширокая лощина, по каменному дну которой едва струится небольшой ручей. Немного выше тянется небольшой арыкъ, взятый изъ того же ручья и выводящій воду на разработанныя гдѣ-то на предгорной степи сартовскія пашни. По обѣимъ сторонамъ лощины гряды невысокихъ холмовъ, то съ мягкими, то съ крайне причудливыми очертаніями—мѣстами что-то въ родѣ мелко-иззубреннаго профиля древней крѣпостной стѣны. Обнаженные утесы или

---

*) Туземныя плотины.

каменныя осыпи чередуются со склонами, успѣвшими одѣться супесчаною или лёссовидною почвой. Почти сплошь желтоватая или красноватая полынь, которою, главнѣйшимъ образомъ, отъѣдается приходящій на лѣтовку скотъ, а на потныхъ мѣстахъ зеленѣетъ густая, сочная трава.

А вотъ и самый перевалъ. Тропа сворачиваетъ въ сторону отъ ручья. У самаго сворота какія-то двѣ пещеры, вырытыя въ склонѣ горы. Это зимовки киргизъ, пасущихъ сартовскій скотъ на горныхъ тебеневкахъ: къ самому входу въ пещеру пастухи приставляютъ свою юрту, гдѣ и проводятъ день, ночью же забираются въ пещеру. И это— при непрерывно дующихъ въ ущельѣ сильныхъ вѣтрахъ, которые наносятъ снѣга на сажень и болѣе и на недѣли или даже мѣсяцы отрѣзываютъ пастуховъ отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ...

Совершенно стемнѣло. До ночлега еще больше часа, но склонъ горы на столько пологъ, а тропа настолько спокойна, что привычныя лошади спокойно бѣгутъ крупною рысью, и лишь по временамъ соскальзываютъ въ бѣгущій гдѣ-то около тропы небольшой арыкъ.

Наконецъ, желанные огоньки: съ десятокъ киргизскихъ курганчей, а нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ—хуторъ Ивана Гудкова, гдѣ намъ предстоитъ заночевать.

Длинное строеніе съ двумя жилыми покоями, большими сѣнями, и тутъ же подъ одною крышей—теплый скотный дворъ. Обстановка скудная, безъ всякихъ претензій на деревенскую роскошь. Хозяинъ— николаевскій солдатъ, мѣщанскаго вида, въ пиджакѣ и съ сѣдою бородой; его жена — типичная хохлушка, очень склонная поплакать, тогда какъ старикъ сохраняетъ неизмѣнно спокойный и безстрастный видъ.

Вотъ уже тридцать лѣтъ Гудковъ живетъ въ этомъ ущельѣ, съ его глубокими снѣгами и постоянно дующими сильными вѣтрами. Служилъ онъ на уже давно заброшенномъ мѣдномъ рудникѣ, какимъ-то сторожемъ или десятникомъ, и отъ владѣльца рудника получилъ разрѣшеніе занять подъ хуторъ никогда, кажется, не принадлежавшее этому владѣльцу мѣсто. Жить и хозяйствовать можно—земли удобной довольно, вода подъ бокомъ, хлѣбъ родится хорошо съ поливомъ и еще лучше—безъ полива.

— А съ киргизами какъ живете? Не обижаютъ васъ? Не опасно жить одному въ такомъ глухомъ мѣстѣ?

— Ничего! съ киргизами мирно живу! Дѣлить намъ съ ними нечего: земля у меня своя, у нихъ своя, вода тоже. Ну, бываетъ, скотъ ихній къ намъ зайдетъ; вотъ еще намеднись—тальникъ у меня посаженъ былъ—потравили; такъ не судиться же съ ними изъ-за этого: и наша скотина тоже когда на ихнюю землю заходитъ.

Потомъ, уже въ Туркестанѣ, я узналъ, что киргизы очень почи-

таютъ старика, даже ходятъ къ нему разбираться въ разныхъ своихъ мелкихъ спорахъ и дрязгахъ.

— Скучно только жить здѣсь,—продолжалъ Гудковъ,—особливо когда нерабочее время, аль зимой. По недѣлѣ да по двѣ ни къ намъ, ни отъ насъ проѣзду нѣтъ. Годовъ тому съ десятокъ вовсе тоска одолѣла! продалъ я хуторъ—вотъ сусѣдъ живетъ, киргизинъ, у меня это онъ избу купилъ,—да переѣхалъ въ городъ, по торговой части поступилъ. Да нѣтъ, не поглянулось послѣ своего хозяйства да послѣ вольнаго житья. Назадъ сюда пріѣхалъ, новый хуторъ построилъ—видно ужъ здѣсь вѣкъ доживать.

— А правду говорятъ,—спросилъ мой товарищъ по экскурсіи,—въ Сузакѣ (огромный сартовскій кишлакъ на склонѣ Каратау) старикъ солдатъ уже пятьдесятъ лѣтъ живетъ?

— Живетъ! Годовъ за восемьдесятъ ему; изъ казаковъ; двадцати, сказываетъ, лѣтъ со службы убѣжалъ... Совсѣмъ сдѣлался, какъ сартъ, по-русски говорить забылъ; вѣру ихнюю принялъ. А праздники наши помнитъ: придетъ бывало ко мнѣ—плачетъ... Сейчасъ не сталъ уже приходить: больно старъ сталъ, ослабъ ногами.

— А вы по-киргизски говорите?

— Какъ не говорить! я говорю, и ребята всѣ говорятъ. Вотъ старуха моя—та не хочетъ... А паренекъ—и Гудковъ показалъ на младшаго сына, подростка лѣтъ пятнадцати,—тотъ ужъ безъ мала, что позабылъ по-русски, а по ихнему,—что твой киргизъ.

На утро еще нѣсколько часовъ пути по другому ущелью, открывающемуся уже на Сыръ-Дарьинскую долину. Ущелье, приблизительно, того же типа; но въ одномъ мѣстѣ небольшой ручеекъ протекаетъ среди совершенно отвѣсныхъ или даже нѣсколько нависшихъ надъ ущельемъ каменныхъ стѣнъ здѣсь постоянно дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ—лошадь едва удерживается на ногахъ.

Пара десятковъ верстъ по высокому предгорному плато̀, замѣтно возвышающемуся надъ заливною долиною Дарьи. Почва—чистѣйшій лёссъ, самаго высокаго, повидимому, достоинства. Но воды здѣсь почти нѣтъ, а потому плато̀ пустынно, и служитъ лишь осеннимъ и весеннимъ пастбищемъ киргизскаго и сартовскаго скота. Изрѣдка лишь по пустынной степи вьется ложе высохшаго ручейка; весною вода такихъ ручьевъ частью расходуется для полива полей въ лежащихъ ниже, въ долинѣ, сартовскихъ селеніяхъ, частью же вливается въ разсѣянныя по долинѣ многочисленныя озера; здѣсь воду перехватываютъ бугутами и потомъ, когда нужно, разводятъ на пашни, для полива позднихъ яровыхъ. Кое-гдѣ небольшіе ключи; вода ихъ перехвачена небольшими плотинками и образуетъ маленькіе пруды, откуда, когда нужно, ее выпускаютъ для полива лежащихъ по сосѣдству небольшихъ клочковъ культурной земли.

Вотъ, однако, и мѣсто, намѣченное для нашего послѣдняго полдневнаго привала: киргизскій кишлакъ изъ пятидесяти, примѣрно, кибитокъ полуосѣдлыхъ или, скорѣе, совсѣмъ осѣвшихъ, но числящихся кочевыми, киргизъ. Кишлакъ—уже настоящее селеніе, съ домами изъ саманнаго кирпича, съ высокими дувальными стѣнами вокругъ бахчей и люцерновыхъ полей и съ обширными садами, политыми выведенною изъ горныхъ ключей водою. Въ одномъ изъ этихъ садовъ, принадлежащемъ мѣстному волостному управителю, для нашего отдыха разбита, вмѣсто традиціонной юрты, красивая пестрая палатка.

Конечно, чаепитіе, дыни, достарханъ съ ташкентскими карамельками и кедровыми орѣшками, коурдакъ—нѣчто въ родѣ «бёфъ-строгоновъ» изъ только что зарѣзаннаго барашка—все честь честью...

Изъ разговоровъ оказывается, что гостепріимный хозяинъ, хотя и состоятельный человѣкъ, но скота имѣетъ немного: штукъ сорокъ лошадей, да полсотни верблюдовъ, да ста три барановъ; въ чисто кочевыхъ аулахъ люди равнаго съ нимъ соціальнаго положенія владѣютъ сотнями лошадей и тысячами барановъ. Зато нашъ волостной начальникъ сѣетъ много хлѣба, обрабатывая землю самъ, со своими многочисленными сыновьями: высѣваетъ шесть батмановъ озимой пшеницы, да батмана четыре ячменя, значитъ свыше пятнадцати десятинъ однихъ озимыхъ хлѣбовъ. Столь излюбленнаго киргизами проса, да и вообще яровыхъ, сѣетъ, напротивъ, очень мало: воды хватаетъ только на весенній поливъ, который и расходуется почти цѣликомъ на озимые посѣвы.

— У насъ строго насчетъ воды,—разсказывалъ намъ управитель черезъ переводчика:—воды мало—вотъ и дѣлятъ поровну между богатыми и бѣдными; каждый по полсутокъ поливаетъ—одинъ съ утра до полудня, другой съ полудня и до вечера. Кто бѣдный—тотъ свою воду отдаетъ богатому изъ половины—вотъ и я у четырехъ кошей воду беру: поливаю въ ихъ очередь—только для дынь и джугары долженъ оставить имъ воды; самъ пашу, самъ сѣю свои сѣмена, а за воду отдаю половину урожая, да еще кибиточную подать плау.

Здѣсь, такимъ образомъ, не бѣднякъ, а сильный домохозяинъ выступаетъ въ роли испольщика, а бѣдняку высокая цѣнность поливной воды создала, сравнительно, привилегированное положеніе.

— А кочуете гдѣ?—спрашиваю.

Оказывается, вовсе не кочуютъ: живутъ и лѣто, и зиму на своихъ усадьбахъ, выставляя впрочемъ на лѣто юрты въ садахъ и на дворахъ, и только отгоняютъ скотъ на расположенныя тутъ же подъ рукою горныя лѣтовки.

Однако, пора и въ путь: послѣдній, а потому особенно утомительный переходъ. Сначала—сплошная полоса киргизскихъ полей, потомъ еще съ десятокъ верстъ—пустынное степное плато, и, наконецъ, съ окраины

послѣдняго показывается конечный пунктъ нашего странствованія—городъ Туркестанъ, съ возвышающеюся надъ нимъ знаменитою мечетью-Хазретомъ. Въ сторонѣ какъ бы въ линію вытянулись то большія, то маленькія пятна темной зелени—это сартовскіе кишлаки и хутора, расположившіеся вдоль питающаго и ихъ, и городъ Туркестанъ, а теперь—еще и желѣзнодорожную станцію, большого арыка, въ который собирается вода изъ цѣлой группы горныхъ ключей... И первый признакъ осѣдлости—верховая тропа превращается въ колею, прорѣзанную широко разставленными арбяными колесами.

На утро, смывъ съ себя дорожную пыль и потъ, отправляемся осматривать Хазретъ. Высокій порталъ, въ видѣ арки съ двумя куполками по бокамъ, когда-то сплошь выложенный чудесными, синими съ зеленымъ, изразцами. Теперь этихъ изразцовъ почти ужъ не осталось—они повывалились и замѣнены сѣро-желтою лёссовою штукатуркой. Квадратный главный залъ, съ куполообразнымъ потолкомъ, выкрашенный въ бѣлую краску, съ громаднымъ мѣднымъ чаномъ посрединѣ, окруженнымъ одиннадцатью бунчуками отъ могилъ одиннадцати святыхъ... Маленькій боковой залъ съ могилою святого султана Ходжи-Хазрета, давшаго мечети свое имя. Позади главной залы—небольшая мечеть «зикрà», очень изящная, съ четырьмя полукуполками по бокамъ и со среднимъ полусферическимъ куполомъ. Въ неширокомъ проходѣ—могила принца изъ «Рòмы» (Рима?), который, по преданію, былъ мюридомъ (ученикъ, послѣдователь) у Султанъ-Хазрета; могила покрыта полувылинявшею шкурою джульбарса (тигръ), а въ ногахъ навалена груда роговъ аргали, плохо очищенныхъ и потому издающихъ довольно-таки противный запахъ; на полу насыпаны, во множествѣ, горсточки земли или пыли—это символическія могилки, замѣняющія дѣйствительное погребеніе около могилы святого. Гдѣ-то сбоку кухня, съ огромными, совершенно черными чанами и деревянными корытами, гдѣ когда-то по пятницамъ варился для бѣдныхъ «палàу» (пилавъ). Зала медрессе, для учениковъ котораго тутъ же, въ зданіи мечети, устроено до трехсотъ крохотныхъ келій, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ и переходамъ. Невѣроятно-обвалившаяся лѣстница, ведущая на плоскую крышу мечети. Въ боковыхъ помѣщеніяхъ вездѣ грязь, мусоръ, обвалившіеся кирпичи, копоть, масса голубинаго помета—голуби въ Хазретѣ пользуются особеннымъ почтеніемъ. Вообще—мерзости запустѣнія, и если мечеть еще хоть сколько-нибудь поддерживается, то это, повидимому, только благодаря настояніямъ русскаго начальства. Отъ мечети, по разнымъ поводамъ, отошла бòльшая часть ея вахфовъ, а главное—вакуфные доходы чуть не цѣликомъ уходятъ въ пользу шейховъ—потомковъ Ходжи-Хазрета, играющихъ роль мутаваліевъ или потомственныхъ старостъ или попечителей мечети.

Съ плоской крыши, по которой валяются полурастерзанные коршу-

нами трупы голубей и куски обвалившихся съ главнаго купола сине-зеленыхъ изразцовъ, мы любуемся видомъ на городъ Туркестанъ. Небольшой русскій, исключительно чиновничій городокъ, одноэтажные домики котораго тонутъ въ густой листвѣ воспитанныхъ на арычной водѣ древесныхъ насажденій, и большой туземный городъ: сплошная, совершенно безъ зелени (воды мало, и потому туземцы не могутъ позволить себѣ подобной роскоши!), масса сѣро-желтаго лёсса, съ плоскими или куполообразными крышами, уже безъ всякихъ слѣдовъ европейскаго вліянія, такъ и вызывающая воспоминаніе о библейскихъ временахъ. Въ сторонѣ, вдоль большого арыка, хутора, окруженные садами, и поля, покрытыя гдѣ просомъ, гдѣ джугарой, гдѣ темно-зеленою бархатистою люцерной.

Ну, пора и ѣхать на вокзалъ: говорятъ, черезъ часъ или два (а можетъ быть и черезъ двѣнадцать) долженъ отойти рабочій поѣздъ. Нѣсколько верстъ по сыпучему песку Сыръ-Дарьинской долины,—и мы у цѣли, у строющейся станціи, возлѣ которой уже собранъ поѣздъ: рядъ вагоновъ съ желѣзнодорожною кладью, пара «приспособенныхъ» вагоновъ—одинъ съ надписью «вагонъ для *переѣзда* служащихъ», другой—«вагонъ для *перевозки* рабочихъ», а за ними небольшой бѣлый служебный вагончикъ. Онъ повезетъ въ Ташкентъ, а оттуда—на далекій сѣверъ, гдѣ нѣтъ ни верблюдовъ, ни киргизскихъ юртъ, и гдѣ живущіе въ постоянномъ туманѣ люди плохо могутъ себѣ представить, что такое туркестанское солнце, и что̀ можетъ значить выбивающаяся гдѣ-нибудь изъ-подъ земной поверхности струйка воды.

Александръ Кауфманъ.

ПРИРОДА.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **А. М. Өедорова.**

(*Окончанiе* *).

Глава VI.

Весь день Уника чувствовала себя хорошо. Повидимому, ничто не указывало на особенную близость предстоящаго, хотя милая и добрая акушерка Софья Петровна говорила, что надо ждать не нынче—завтра.

Днемъ они гуляли съ Лосьевымъ въ саду. Стоялъ одинъ изъ тѣхъ теплыхъ, почти весеннихъ дней, которые на югѣ совершенно неожиданно, среди ненастья и вѣтровъ, улыбаются обманчивой, болѣзненной улыбкой.

Ясная, звонкая тишина наполняется солнечнымъ свѣтомъ; настораживаются деревья и только одно море сохраняетъ недовѣрчиво-холодный, зеленоватый тонъ, отъ котораго стынетъ взглядъ.

Лосьевъ былъ до крайности озабоченъ положенiемъ Уники и тѣми осложненiями, которыя за послѣднее время создала сама жизнь. Они не пугали его, а только волновали, и гдѣ-то, въ глубинѣ этого волненiя, таилась смутная и ни на чемъ не основанная увѣренность, что все разрѣшится такъ, какъ надо.

То, что произошло между нимъ и Ириной, не прибавило ничего новаго въ его отношенiяхъ къ ней, не усилило его чувства, не внесло той жгучести и остроты, которая вызывала въ немъ Уника.

Онъ смутно ощущалъ, что между нимъ и Ириной нѣтъ того сродства крови, которое сближало его съ Уникой, и все же онъ чувствовалъ себя безконечно счастливымъ при одномъ воспоминанiи о ея любви.

Какой-то нѣжный, пѣвучiй трепетъ, пережитый имъ передъ той минутой торжества, не оставлялъ его; это дѣлало его даже

*) См. „Мiръ Божiй“, № 10, октябрь 1904 г.

добрѣе и внимательнѣе къ Уникѣ. И когда она, во время прогулки, внезапно останавливалась, съ неподвижнымъ лицомъ и устремленными внутрь себя широко открытыми ясными глазами,— онъ зналъ, что она прислушивается къ нетерпѣливымъ, упорнымъ движеніямъ той новой жизни, которая скоро отойдетъ отъ нея и будетъ крѣпнуть и развиваться самостоятельно.

Но по временамъ, взглядывая на него, она почти не узнавала въ немъ того, кого встрѣтила въ первый разъ; минутами даже казалось ей, что онъ сталъ ей чужимъ, отошедшимъ, отодвинутымъ въ сторону торжественной важностью ея новаго ожиданія. Передъ этимъ ожиданіемъ все было ничтожно: и ея разрывъ съ семьею, и мутная неопредѣленность ея будущаго.

Она теперь занимала маленькую квартиру въ двѣ комнаты въ томъ же саду, гдѣ была его квартира. Комнаты были вновь отремонтированныя, чистыя, какъ требовало того само событіе, къ которому она готовилась. Кромѣ самой необходимой мебели, въ ней ничего не было, и только дѣтская колясочка была единственной улыбкой въ этой комнатѣ.

Уника называла маленькую чистую квартирку «своимъ лазаретомъ». Она не любила ее, но никогда не высказывала ничего ему, боясь, что онъ приметъ это за намекъ: съ обѣихъ сторонъ какъ-то странно умалчивалась разобщенность квартиръ; можетъ быть, она была временною и объяснялась гигіеническими требованіями для родовъ.

Послѣдніе часы ожиданія доставляли ей такое наслажденіе, что она желала бы продлить ихъ. Ни страха, ни даже опасеній у ней не было. Передъ вечеромъ ей вдругъ захотѣлось мороженаго; это желаніе ей показалось такимъ ничтожнымъ капризомъ, что она не рѣшалась высказать его вслухъ, тѣмъ болѣе, что вблизи мороженаго нельзя было достать. Она пыталась преодолѣть это желаніе, забыть о немъ, но оно съ мучительной настойчивостью преслѣдовало ее: во рту ея, до галлюцинаціи ясно, ощущался вкусъ мороженаго, его свѣжесть, холодокъ,ароматъ ванили. Она не выдержала и стала просить его достать гдѣ-нибудь мороженаго.

Онъ сначала попробовалъ отшучиваться, говорилъ, что надо быть лапландцемъ, чтобы ѣсть мороженое въ январѣ, тогда она, чуть не со слезами, стала умолять его.

Онъ принужденъ былъ согласиться и хотѣлъ самъ поѣхать за мороженымъ въ ближайшій ресторанъ, но ея нетерпѣніе такъ возросло, что она просила его взять ее съ собой. Кромѣ того, ей страшно было оставаться одной безъ него.

— Вѣдь не очень далеко, я пойду съ тобой.

— Уника, это безуміе.

— Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю тебя. Я знаю... Я чувствую...

Онъ уступилъ ей, и они тихо отправились.

Она взяла его подъ руку и близко прижалась къ нему. Онъ чувствовалъ себя неловко съ ней, ему нужно было употреблять усиліе, чтобы идти съ ней въ ногу.

Ея большой животъ, который она несла съ гордостью и не безъ комической торжественности, слегка коробилъ его взглядъ, особенно, когда встрѣчные знакомые съ любопытствомъ оглядывали ихъ.

Даже этотъ удивительный закатъ, съ сиреневымъ небомъ на западѣ, съ таинственнымъ мерцаніемъ послѣднихъ лучей, съ мягкими контурами города, башенъ и колоколенъ, которыя рѣяли, какъ миражъ, не прельщалъ его, въ то время какъ она отъ всего была въ восторгѣ.

— Посмотри,—обратила она его вниманіе на стройную колокольню церкви, высоко возносившуюся надъ поблескивавшими крышами,—какъ это удивительно. Какіе тона! Какъ все нѣжно и деликатно вылѣплено... mezzo-voce.

Онъ услышалъ излюбленный терминъ Николая и ему стало непріятно.

Колокольня сквозила просвѣтами и въ нихъ отчетливо чернѣли на золотисто-сиреневомъ фонѣ колокола. — большой и маленькіе.

— Да, да,—разсѣянно отвѣтилъ онъ, желая, чтобы поскорѣе померкъ этотъ закатъ и настали сумерки.

Мимо нихъ, тарахтя, раздраженно попыхивая и обдавая запахомъ бензина, промчался автомобиль. Въ немъ сидѣлъ красивый господинъ въ формѣ инженера и рядомъ—Ирина.

Лосьевъ едва успѣлъ поклониться.

Уника сразу почувствовала холодъ и тяжесть въ поясницѣ; она остановилась на минуту и взглянула на него. Онъ уже успѣлъ овладѣть собою; лицо его было непроницаемо. Но если бы она и замѣтила что-нибудь въ его лицѣ это теперь не могло длиться долго, не могло глубоко взволновать и затронуть ее. Она была выше всего суетнаго и преходящаго.

Лосьевъ былъ доволенъ, что она ни о чемъ его не спрашивала и молча шла рядомъ. Послѣ неожиданной встрѣчи, ему особенно непріятно стало это шествіе, и онъ не безъ тревоги думалъ о томъ, какое оно должно было произвести впечатлѣніе на Ирину.

Кромѣ того, его задѣло и то, что онъ видѣлъ ее вдвоемъ съ этимъ красивымъ брюнетомъ. И не ревность вспыхнула въ немъ но онъ позавидовалъ тому, что съ ней рядомъ другой. И ему стало досадно на Ирину, которая въ послѣднее время, какъ ему было извѣстно, вела особенно суетный, свѣтскій и разсѣянный

образъ жизни, совсѣмъ не идущій къ ней и не вязавшійся ни съ ея типомъ, ни съ ея характеромъ.

На-дняхъ онъ встрѣтилъ Николая, тотъ, прямо глядя ему въ глаза, сказалъ:

— Ты слышалъ, Ирина повредила себѣ ногу.

— Какъ?—Онъ почувствовалъ, что поблѣднѣлъ.

— Мы катались верхомъ большой компаніей. Она пустила свою лошадь вскачь, взяла бѣшеный барьеръ, но лошадь оступилась. Еще Ирина счастливо отдѣлалась.

Это обстоятельство вызвало въ немъ не жалость, а досаду и раздраженіе. Раздраженіе, главнымъ образомъ на ту нелѣпость, являющуюся ужасомъ жизни, которой люди добровольно отдаются во власть.

Когда они вошли съ Уникой въ ресторанъ, онъ спросилъ отдѣльную комнату и ввелъ ее туда. Ему показалось смѣшно и неловко заказывать ни съ того, ни съ сего мороженое, онъ вопросительно посмотрѣлъ на нее. У нея уже пропала всякая охота къ мороженому, но сознаться въ этомъ она не хотѣла.

Лакей на кривыхъ ногахъ, съ брюшкомъ выжидательно стоялъ у двери.

Не снимая шляпы, Лосьевъ обратился къ нему:

— Дайте кофе, зеленый шартрезъ... и порцію мороженаго, для барыни,—добавилъ онъ.

Лакей не выразилъ изумленія и скрылся за дверью.

Они остались вдвоемъ, въ противной маленькой комнатѣ. Отъ стѣнъ, отъ зеркала, отъ мебели отдавало тѣмъ особеннымъ запахомъ вина, духовъ и соусовъ, въ которомъ всегда чувствуется присутствіе нечистаго дыханія и еще болѣе нечистыхъ поцѣлуевъ.

Лосьеву стало скучно и даже оскорбительно за Унику, но ея не касалась дешевая пошлость этихъ стѣнъ. Она врядъ ли знала ихъ настоящее назначеніе. Спокойно усѣвшись на малиновый плюшевый, потертый диванъ, она отдыхала отъ утомившаго ее пути, изрѣдка взглядывая на Лосьева и улыбаясь ему спокойной полудѣтской улыбкой.

Человѣкъ внесъ мороженое и кофе, она простодушно обратилась къ нему:

— Скажите, у васъ есть дѣти?

Тотъ опѣшилъ отъ этого неожиданниго вопроса и обратилъ свои тусклые, припухшіе глаза на Лосьева, какъ бы спрашивая его, какъ поступить при этомъ неожиданномъ обстоятельствѣ.

— Васъ спрашиваютъ.

Лицо лакея сразу потеряло свое безразличное туповатое выраженіе и глаза оживились. Онъ отвѣтилъ:

— У меня ихъ пять человѣкъ, сударыня. Старшему уже двѣнадцать лѣтъ.

Онъ ей сразу показался симпатичнымъ, точно вышелъ изъ своего унизительнаго фрака и мятой манишки и сталъ даже чуточку близкимъ.

— А младшій—мальчикъ или дѣвочка?

Онъ уже раньше замѣтилъ ея животъ, понялъ цѣль ея вопроса и поощрительно отвѣтилъ:

— Мальчикъ, сударыня, мальчикъ.

Она обрадовалась, взглянула на Лосьева, способная даже передъ этимъ лакеемъ гордиться своимъ положеніемъ и, когда лакей ушелъ, сказала:

— Я сейчасъ загадала, и опять вышло—мальчикъ. Я на все загадываю и все выходитъ мальчикъ. Какъ бы я хотѣла, чтобы онъ былъ похожъ на тебя.

Его тронули эти слова, онъ поцѣловалъ ея руку и сказалъ:

— Ну, что же, ѣшь свое мороженое.

Она съ притворной охотой поднесла ко рту мороженое, но не успѣла проглотить его, какъ оно стало ей непріятно. Она почувствовала знакомую легкую тошноту, за которой слѣдовало ощущеніе тяжести внизу живота.

Слабымъ движеніемъ опустила ложку; ложка звякнула о блюдечко. Лосьевъ взглянулъ на Унику и замѣтилъ, что она поблѣднѣла.

— Тебѣ не хорошо?—встревожился онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего. А впрочемъ, да, лучше пойдемъ,—виновато докончила она.

— Ну, вотъ видишь. Я тебѣ говорилъ.

Онъ позвонилъ, торопливо расплатился и они вышли.

Сизыя, холодныя сумерки охватили городъ, и зеленоватыя звѣзды пронзительно и раздраженно сверкали въ небѣ.

— Можетъ быть, взять экипажъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, будетъ трясти. Я дойду,—ободряюще и увѣренно сказала она.

Они пошли тѣмъ же путемъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ имъ встрѣтился автомобиль, Лосьевъ почти слышалъ его тарахтѣніе и вспомнилъ Ирину, но сейчасъ это воспоминаніе не вызвало въ немъ прежняго остраго чувства. Онъ то и дѣло взглядывалъ на свою спутницу, въ лицѣ которой блѣдность смѣнялась румянцемъ, выраженіе легкаго страха уступало глубокому, блаженному покою.

Она иногда останавливалась, переводила дыханіе, какъ-то значительно поджимала губы и затѣмъ, улыбаясь, шла дальше.

И только около дома созналась:

— Кажется, Софья Петровна права. Это будетъ нынче.

— Тебѣ плохо?

— Нѣтъ, наоборотъ, хорошо.

— Ты не боишься?

— Нѣтъ, ничего не боюсь. Я только хочу, чтобы эти боли были сильнѣе, потому что говорятъ, чѣмъ сильнѣе боли, тѣмъ скорѣе идетъ къ концу.

Но послѣднія слова особенно остро вонзились въ него и, можетъ быть, въ первый разъ онъ созналъ какъ слѣдуетъ то важное, что должно было случиться.

Онъ заторопился.

— Надо поѣхать сейчасъ за Софьей Петровной.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты меня не оставляй.

— Пойдемъ прямо къ тебѣ.

Онъ ввелъ ее въ ея квартиру, и на него какъ-то сразу, отъ этихъ пустыхъ стѣнъ и бѣлой, стоящей посреди комнаты кровати, пахнуло нежилымъ холодомъ. Это заставило его сжаться... испугало его.

Онъ сѣлъ на кожаное большое кресло и враждебнымъ взглядомъ осмотрѣлъ эту бездушную комнату. Потомъ тотчасъ же всталъ, чтобы послать своего слугу-мальчика за акушеркой.

Вернувшись, онъ засталъ Унику въ хлопотахъ: она сама приготовляла себѣ постель, стлала чистое бѣлье и все это она дѣлала съ серьезнымъ лицомъ, съ необыкновенной торжественной важностью. Во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то внушительное и жуткое для него.

Онъ ей сказалъ:

— Почему ты не прикажешь сдѣлать это прислугѣ?

— Говорятъ, двигаться лучше. И нужно, чтобы все было чисто-чисто.

Она взмахнула бѣлой простыней и гладкое полотно съ сухимъ, безжизненнымъ шелестомъ покрыло кровать.

Уника грузно согнулась надъ кроватью, подсовывая простыню подъ матрацъ.

Онъ смотрѣлъ на ея обезображенную фигуру, на ея голову съ тяжелой массой черныхъ волосъ, изъ-подъ которыхъ ея лицо казалось маленькимъ, почти дѣтскимъ.

Иногда она мелькомъ взглядывала на него и неопредѣленно улыбалась, но вдругъ блѣдность съѣдала эту улыбку; лицо на мгновенье замирало въ неподвижномъ ожиданіи.

Лосьевъ бросался къ ней; она опускалась на стулъ и сидѣла, откинувъ голову, полузакрывъ глаза, но почти тотчасъ же открывала ихъ и говорила:

— Уже прошло.

— Это очень больно?

— Представь, не особенно. Даже пріятно.

Онъ сомнительно покачалъ головой.

Когда она хотѣла встать, онъ останавливалъ ее:

— Сиди, я постелю тебѣ.

— Нѣтъ, ты не съумѣешь. Куда тебѣ.

Она снова принималась за прежнія приготовленія, шурша бѣльемъ и взбивая легкія бѣлыя подушки.

Затѣмъ она блѣднѣла, опускалась на стулъ на болѣе продолжительное время, но это уже не пугало Лосьева.

Когда постель была приготовлена, Уника провела по ней своими бѣлыми, немного отекшими руками,—этимъ движеніемъ какъ бы благословляя ложе—ниву новой жизни. Потомъ она сѣла противъ него, слегка утомленная этими движеніями и молча смотрѣла на потолокъ, гдѣ отъ лампы вырисовывался кружокъ чуть-чуть трепетавшаго свѣта.

Лампа оставляла верхъ въ тѣни, а чистый крашенный полъ комнаты и скудную мебель освѣщала, одинаково безучастно относясь ко всему и даже къ самому молчанію.

Ни ему, ни ей говорить не хотѣлось, каждый отдавался своему настроенію, въ которомъ больше, чѣмъ мыслей, было образовъ, значительныхъ, глубокихъ, но смутныхъ и невыразимыхъ. У каждаго на душѣ было свое, но если бы какъ-нибудь это опредѣлилось, нашлись бы общіе корни, питавшіе ихъ.

За окномъ послышались тяжеловатые торопливые шаги.

— Это Софья Петровна,—облегченно и радостно сказала Уника, поднимаясь къ ней навстрѣчу.

Лосьевъ ее опередилъ и встрѣтилъ въ передней акушерку словами:

— Вы знаете, кажется, скоро.

— А развѣ частыя схватки?—озабоченно спросила Софья Петровна.

— Нѣтъ, не частыя,—весело отозвалась на ходу Уника.

— Ну, такъ еще не скоро,—грубоватымъ, ласковымъ голосомъ протянула Софья Петровна и, снявъ теплую кофточку, которую она не дала Лосьеву, а повѣсила сама, дѣловой, твердой походкой направилась въ комнату, неся въ рукахъ плотно набитый черный кожаный саквояжъ.

Ея высокая, полная фигура въ плохо сшитомъ платьѣ, ея простое, широкое, всегда озабоченное, но доброе лицо, съ симпатичнымъ чернымъ пушкомъ надъ верхней губой и увѣренныя свободныя движенія сразу внесли въ квартиру оживленіе и бодрость.

Она подошла къ столику, развязала на немъ пакетъ, завернутый въ газету, принесенный съ собой, и кивнула головой въ сторону Лосьева.

— Ну, сударь, вы теперь отсюда уходите.

Лосьевъ вышелъ въ другую комнату.

Софья Петровна изъ шерстяного платья стала переодѣваться въ свѣтлое ситцевое, и, по мѣрѣ того, какъ она облачалась во все чистое, Уника все больше и больше испытывала физическое успокоеніе.

Между тѣмъ, Софья Петровна разспрашивала, давно ли начались боли, частыя ли онѣ и насколько сильны?

Уника отвѣчала, какъ на экзаменѣ, стараясь быть точной и не пропустить малѣйшей подробности, боясь, что какая-нибудь пропущенная мелочь можетъ стать роковой. Она даже нѣсколько опѣшила, когда Софья Петровна, уже совершенно одѣтая во все свѣтлое и казавшаяся еще полнѣе и внушительнѣе, прервала ее:

— Ну, ну, все обстоитъ великолѣпно. Съ такимъ сложеніемъ можно тройню родить.

Она, забравъ свой саквояжъ, пошла въ спальню.

Лосьевъ стоялъ у окна и глядѣлъ въ него. Отъ окна вѣяло холодомъ, этотъ холодъ проникалъ внутрь его, и ему казалось, что онъ весь окруженъ зябкой темнотой.

Никогда еще онъ не стоялъ такъ, какъ въ эту минуту, надъ бездонной пустотой неизвѣстности. Что будетъ черезъ часъ?.. два?.. Что онъ долженъ дѣлать? На что онъ долженъ рѣшиться? Но изъ его сознанія не проскользнуло ни одной искорки въ эту темноту. Онъ старался опредѣлить хоть что-нибудь въ этомъ близкомъ будущемъ, но не могъ пониманіемъ проникнуть и охватить его. Со всѣхъ сторонъ, какъ за этимъ окномъ, была темная ночь.

При входѣ Софьи Петровны онъ обернулся и молчаливо слѣдилъ, какъ она спокойно, авторитетно давала горничной распоряженія: требовала бутылки, тарелки, полотенца. Все поданное, и безъ того чистое, она снова перемывала отварной водой, дезинфецировала, въ тарелки и блюдечки наливала спиртъ и зажигала его. Спиртъ синимъ, таинственнымъ, тревожнымъ огонькомъ колыхался въ нѣсколькихъ сосудахъ сразу.

Уника медленно ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и каждый разъ, какъ у нея начинались боли, она останавливалась, выжидала конца и продолжала ходить.

Каждая новая боль давала глубокіе внутренніе толчки ея сознанію.

Взошедшее солнце встрѣтитъ уже новую жизнь, и эту жизнь дастъ она. Это будетъ кусочекъ ея самое: онъ будетъ жить на этой землѣ. У него будутъ также свои желанія, надежды, свои страданія и сомнѣнія, какъ тѣ, которыя пережила уже она. У нея подступали слезы къ глазамъ, приходили-уходили. Она взгля-

дывала на того, кто далъ начало этой новой жизни, и, хотя не вѣрила въ свое свѣтлое будущее съ нимъ, у нея не было противъ него никакого дурного чувства; ее не покидало радостное и торжественно-умиротельное ожиданіе.

Софья Петровна, слегка прикусивъ нижнюю губу, тщательно стригла ногти и въ то же время наблюдала промежутки между схватками, косясь глаза на свои маленькіе черные часики, приколотые стальнымъ бантикомъ на высокой груди, и, многозначительно кивнувъ головой своимъ собственнымъ мыслямъ, продолжала работу.

Замѣтивъ болѣе длительную блѣдность на лицѣ Уники и легкій стонъ, вырвавшійся у нея, Лосьевъ взглянулъ на акушерку, тоже наблюдавшую за Уникой.

— Не лучше ли ей лечь?

— Что-жъ, можно и лечь. Хотите, дѣточка?—спросила она Унику.

Уника взглянула на нее большими глазами, какъ бы изъ другого міра; ей стало жутко лечь на это холодное ложе и она не сразу отвѣтила:

— Нѣтъ, я еще подожду.

Она стала опять медленно ходить взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину и грузно переваливаясь.

Лосьевъ слѣдилъ за ея переваливающейся вялой походкой, за равномѣрными, спокойными движеніями Софьи Петровны, руки которой блестѣли наготой до локтя, гдѣ рукава бѣлаго фартука были перехвачены широкими коричневыми резинками, за таинственными колыханіями спиртового пламени и думалъ: «точно колдовство», наконецъ, утомленный непривычными впечатлѣніями, зѣвнулъ.

— Вы бы уснули,—посовѣтывала ему Софья Петровна.— Еще это будетъ не скоро, а тогда мы васъ разбудимъ.

Онъ вопросительно взглянулъ на Унику, и она также сказала:

— Въ самомъ дѣлѣ, иди усни.

Онъ, виновато улыбаясь, отвѣтилъ:

— Странно, я ужасно усталъ. Я тутъ поваляюсь рядомъ въ комнатѣ.

Взялъ руку Уники, погладилъ ее, поцѣловалъ и сказалъ:

— Какъ только я понадоблюсь, или ты захочешь меня видѣть, сейчасъ же меня позовите. Я спать не буду.

Уника съ нѣкоторой тревогой проводила его глазами. Ей хотѣлось его вернуть: зачѣмъ? Она сама не знала. Но когда онъ ушелъ, ей стало холодно и тоскливо, какъ будто они разлучались надолго. И она была рада, что новая боль заглушила это состояніе.

— Софья Петвовна, какъ вы думаете, все будетъ благополучно?—тягучимъ, внутреннимъ голосомъ спросила она.

Равнодушно-усталое выраженіе лица акушерки сразу измѣнилось. Она съ привычной бодрой улыбкой отвѣтила:

— Отчего бы и быть неблагополучно! Отлично все будетъ, дѣточка.

Сотни разъ она слышала этотъ вопросъ и всегда на него отвѣчала этими словами, веселымъ тономъ. Это не только входило въ ея обязанности, но и стало привычкой. Измученная и усталая дома, она по временамъ отдавалась этому безсилію настолько, что ей казалось, цѣлой жизни не хватитъ, чтобы отдохнуть отъ него, но едва она входила къ больной, гдѣ необходимы были ея бодрость и сила, она забывала объ отдыхѣ и о своихъ невзгодахъ, преслѣдовавшихъ ее всю жизнь.

Она, какъ солдатъ на войнѣ, дѣлала то, что ей приказывали обязанность и совѣсть. Силы какъ будто брались взаймы у жизни для этихъ часовъ, за которыя потомъ она должна была расплатиться годами.

Уника стала раздѣваться. Разстегивая крючки капота, она вдругъ вспомнила, какъ первый разъ раздѣвалась у него. Какъ это было давно, далеко. Какъ будто это было въ другомъ мірѣ.

Взглянувъ на свою фигуру, она только сейчасъ подумала о томъ, что стала безобразна.

Ей предстала изящная, легкая фигура Ирины въ автомобилѣ, ея возбужденное лицо и этотъ мимолетный полуиспуганный поклонъ.

Что-то въ груди ея мутило, сосало...

Она подошла къ двери и взглянула въ другую комнату.

Онъ спалъ на диванѣ, лицомъ къ двери, подложивъ руку подъ щеку и сжавшись, какъ будто ему было холодно. Лицо было красное, погрубѣвшее, изъ полуоткрытаго рта вырывалось отрывистое, рѣдкое дыханіе.

Въ памяти возникъ онъ, уснувшій въ ту ночь, когда вернулся со свадьбы Ирины, и это тоже было далеко и какъ будто въ другомъ мірѣ.

Она подумала: «нѣтъ, это не то... Но что же? Неужели я боюсь?»

— Софья Петровна, у васъ были дѣти?

Акушерка, прищурившись, посмотрѣла на свѣтъ стеклянную банку, наполненную, какъ снѣгомъ, гигроскопической ватой и коротко отвѣтила:

— Были.

— Не страшно вамъ было родить?

— Нѣтъ, — отвѣтила она, поставивъ банку на мѣсто; стекло задребезжало и она добавила:

— Другое страшнѣе.

*

— Страшнѣе смерть? Отчего они умерли?

— Отъ дифтерита оба.

— А давно умеръ мужъ?

— Годъ тому назадъ.—Она замолчала. Потомъ добавила: — были дѣти, былъ мужъ. Все было и никого теперь нѣтъ и не будетъ.

— Вы мужа любили?

— Да, любила. Онъ былъ офицеромъ, — но она спохватилась какъ бы испугавшись этихъ не идущихъ къ дѣлу рѣчей и, взглянувъ на Унику уже стоявшую въ бѣлой ночной рубашкѣ, отъ этого казавшуюся большой, массивной, обычнымъ добрымъ тономъ предложила:

— Ну, ложитесь, барынька, ложитесь. Сонъ лучше всего подкрѣпитъ васъ. А я пойду покурю, да потомъ и сама тамъ вздремну на креслѣ. Въ прошлую ночь всю не спала: провозилась съ роженицей Торговка рыбой. Позвали меня къ ней въ самую послѣднюю минуту. Прихожу, конура какая-то... темно, холодно. Валяется она на грязной подстилкѣ, къ которой присохла рыбья чешуя. Вонь такая, что не подойдешь. Вытащила я изъ-подъ нея эту подстилку, а вмѣсто нея содрала съ себя нижнюю юбку и подложила подъ роженицу.

— И что же?

— Да чтожъ, отлично родила, дай Богъ всякому. Черезъ три дня опять, небось, будетъ рыбой торговать. Въ моей юбкѣ, — прибавила она съ короткимъ смѣхомъ и хотѣла выйти.

Уника остановила ее:

— Курите здѣсь.

— Нѣтъ, у меня ужъ «принцыпъ» такой,—съ строгимъ удареніемъ сказала она, выходя въ другую комнату. Тамъ стала къ отдушинѣ и начала курить, держа папиросу въ углу рта, закрывая глаза во время глубокихъ, продолжительныхъ затяжекъ и тонкой струйкой выпуская дымъ въ отдушину.

Въ отдушину вытягиваясь уходилъ дымъ, гдѣ-то что-то похлопывало, съ дивана доносилось отрывистое посапываніе спящаго.

Уника набожно, какъ при входѣ въ храмъ, перекрестилась и легла въ постель. Она подумала: «скоро въ этой постели будетъ новая жизнь». И несмотря на всю естественность этой мысли, она показалась ей странной, почти невѣроятной.

Гладкое свѣжее полотно охватило ее недружелюбнымъ холодомъ. У нея началась продолжительная, тягучая и мучительная схватка. Боль прекратилась, но она какъ будто только отошла отъ нея въ тишину этой комнаты и точно ждала здѣсь удобной минуты, чтобы снова впиться въ ея тѣло.

Часы были точно съ ней заодно и своимъ однообразнымъ,

равномѣрнымъ звукомъ подтачивали время и жизнь, и съ каждымъ движеніемъ ихъ мягко рвалась нить жизни, и капли времени падали въ пустоту вѣчности.

Акушерка тоже успѣла заснуть и ея посапываніе чередовалось съ отрывистымъ выдыханіемъ Лосьева.

Уника прислушивалась къ болямъ, которыя стали чаще и настойчивѣе, и въѣдчивѣе. Они наполнили комнату, сторожили ее во всѣхъ углахъ и заставляли маятникъ все настойчивѣе и настойчивѣе подтачивать время и жизнь.

Тутъ велась упорная, глухая борьба за нарожденіе новой жизни.

Ей было непонятно и обидно, что онъ можетъ спать, даже, что другіе могутъ спать.

«Я страдаю. Совершается такое огромное, важное, а они спятъ», съ горечью прошептала она, и слезы выступили у нея на глазахъ.

Будто она одинока и всѣми, навсегда покинута.

«И пусть спятъ. И пусть», повторяла она, точно желая наказать ихъ совѣсть за это невниманіе.

Все могло быть иначе: отецъ, мать, родныя... Они бы окружили ее любовной тревожной заботливостью ожиданія, они бы наполнили эти комнаты привѣтливо-ласковымъ сдержаннымъ шорохомъ и движеніемъ... Все это облегчило бы ей эти жуткія минуты.

Она ушла изъ родного дома,—оставивъ за собою боль и слезы и стыдъ. Но у нея не было раскаянія, и когда на минуту все еще дорогіе образы взволновали ее воспоминаніемъ, она встряхнула головой и выпрямилась, гордая силой своего одиночества и материнства.

Боли накидывались на нее еще чаще; своими желѣзными когтистыми лапами схватывали ее въ спинѣ и, впиваясь въ нее, тянулись къ концу живота, какъ бы желая выдавить всѣ внутренности. Она почти видѣла ихъ злобныя, беззвучно смѣющіяся гримасы.

Вмѣстѣ съ болями ее охватилъ страхъ: вотъ-вотъ все должно произойти. Теперь она уже не могла сдерживать стона. Протяжный и сдавленный, онъ, какъ струна, заныль въ воздухѣ.

Софья Петровна сейчасъ же очутилась около нея и въ глазахъ ея не было ни тѣни сна. Лицо попрежнему было бодро и дѣловито.

— Вы замѣтили, черезъ сколько времени повторяются схватки?

— Черезъ каждыя пять минутъ, — отвѣтила Уника слабымъ влажнымъ голосомъ.

Лицо ея было блѣдное, глаза въ синихъ кругахъ.

— Вотъ теперь можно васъ изслѣдовать,—сказала Софья Петровна и пошла къ умывальнику мыть руки.

— Мнѣ чего-то страшно,—смущенно и виновато проговорила Уника.

Акушерка подошла къ ней и, изслѣдуя ее, сказала:

— Все хорошо, но если хотите доктора... Можетъ быть, это васъ успокоитъ. Я по большей части обхожусь безъ доктора, но если хотите...

— Да, да, да,—закинувъ голову съ стиснутыми зубами, застонала больная въ тактъ болямъ, которыя съ новой силой послѣ изслѣдованія схватили ее.

Акушерка разбудила Лосьева.

Онъ испуганно вскочилъ съ холоднымъ потомъ на лбу и съ бьющимся сердцемъ отъ кошмара, который сейчасъ прервали.

— Какъ, уже?

Очнулся онъ, со страхомъ глядя въ уголъ, не помня кошмара, но еще не стряхнувъ съ себя его холодный гнетъ.

— Нѣтъ. По моему еще часа черезъ два, но она хочетъ доктора.

— Я видѣлъ ужасный сонъ. Значитъ ей худо?—Онъ бросился въ комнату Уники.

Уника лежала на спинѣ. Ея черные волосы на вдавленной бѣлой подушкѣ, мягкимъ капюшономъ окружали ея поблѣднѣвшее лицо съ воспаленными скулами.

За это время, пока онъ спалъ, Уника измѣнилась. Въ темныхъ впадинахъ возбужденные глаза блестѣли какъ два факела, ея сухія губы стали тоньше и ротъ больше.

Онъ сталъ на колѣни и взялъ ея руку. Она была сырая и вялая.

Не поворачивая головы, она перевела глаза на него и принужденно улыбнулась.

Онъ сказалъ:

— Послать за докторомъ?

Она утвердительно слабо кивнула головой и тутъ же еще глубже вдавила голову въ подушку, закинула руки наверхъ и, судорожными пальцами схватившись за желѣзные пруты кровати, вся выгнулась и застонала неестественнымъ животнымъ крикомъ.

Онъ видѣлъ теперь ея искаженное, почти нечеловѣческое лицо, ему стало вдругъ жаль ея красоты и страшно, что эта красота никогда не вернется.

Ему хотѣлось убѣжать скорѣе отъ страданія; онъ сорвался съ мѣста, бормоча:

— Я сейчасъ привезу доктора, я сейчасъ!—И выбѣжалъ вонъ.

— Да вы не волнуйтесь. Успѣете,—крикнула ему въ догонку

Софья Петровна, идя въ кухню распорядиться, чтобы поставили самоваръ.

Изъ комнаты все чаще и чаще раздавались стоны и крики.

Лосьевъ былъ внѣ себя.

Добѣжавъ до перваго попавшагося извощика, онъ позвалъ его, и только, когда колеса задребезжали по мостовой, онъ немного очувствовался, но все еще то, что переживалъ онъ, мало было похоже на дѣйствительность.

Прежде всего, онъ не имѣлъ никакого представленія о времени. Онъ заснулъ, когда кругомъ уже было темно, а теперь небо и воздухъ сіяли особенной неестественной голубизной. Онъ даже не обратилъ вниманія, есть ли луна. Какъ будто день разсвѣлъ безъ солнца.

Кромѣ того, на одной изъ улицъ было странное лихорадочное движеніе, точно въ пасхальную ночь; и это его нисколько не удивило: въ эту ночь все должно было быть необычайно.

Онъ не сообразилъ, что публика шла изъ театра и что теперь около двѣнадцати часовъ ночи, что онъ спалъ не болѣе двухъ часовъ, хотя и чувствовалъ переизбытокъ силъ и энергіи.

Испугъ, вызванный въ первую минуту Уникой, совершенно исчезъ передъ зыбью радостныхъ и торжественныхъ ожиданій.

У него будетъ ребенокъ. Его плоть и кровь. Продолженіе его мыслей и порывовъ.

То, что этотъ ребенокъ явится звеномъ, стѣсняющимъ его свободу, уже не пугало его: это выкупалось тѣмъ новымъ и громаднымъ, что онъ вносилъ съ собою въ его жизнь: освобожденіе отъ смерти. Да. Освобожденіе отъ смерти. Развѣ можетъ быть лишнимъ новый побѣгъ на деревѣ!

О самой Уникѣ онъ какъ-то не думалъ въ это время, точно роль ея кончалась вмѣстѣ съ этимъ.

— Скорѣе, скорѣе!—торопилъ онъ извощика.

Тотъ хлесталъ свою лошадь, но казалось, она все топчется на на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ, пріѣхали.

Окна докторскаго дома были освѣщены.

Лосьевъ нажалъ звонокъ.

«Только бы былъ дома», подумалъ онъ.

Вышелъ лакей и, еще не впуская Лосьева, осмотрѣлъ его съ ногъ до головы.

— Дома?

— Дома.

Лосьевъ, отстранивъ лакея, быстро вошелъ въ дверь. Въ переднюю доносилось нѣсколько голосовъ, сразу говорящихъ по-

нѣмецки о политикѣ. Онъ изъ передней въ зеркало увидѣлъ фигуру знакомаго нѣмца, котораго часто встрѣчалъ въ Bier-Halle; архитекторъ, приземистый и весь съ головы до ногъ налитый пивомъ. Поднявъ указательный палецъ, онъ горячо ораторствовалъ, обращаясь къ доктору, длинному и спокойному нѣмцу съ продолговатымъ лицомъ и жесткими маленькими бачками на вискахъ, который на все отпускалъ, точно по рецепту, черезъ каждыя пять секундъ:

— О, ja.

Лакей подошелъ къ нему и доложилъ о посѣтителѣ.

Тотъ спокойно его выслушалъ, но двинулся не раньше, чѣмъ снова отпустилъ собесѣднику:

— О, ja.

Докторъ направился въ переднюю и, не сразу увидѣвъ Лосьева, старавшагося держаться въ тѣни, чтобы его не замѣтили посторонніе, спросилъ:

— Vo ist der Herr?... Кдѣ онъ?

Лосьевъ выступилъ изъ своего угла. При видѣ доктора имъ опять овладѣло безпокойство. Онъ началъ сбивчиво и торопливо разсказывать ему, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

И тутъ докторъ хладнокровно отпускалъ:

— О, ja.

Выслушавъ его, онъ спокойно сказалъ:

— Каршо. Каршо. Gut. Поѣзжайте домой.

— А вы?

— Я пріѣду черезъ полчаса.

Лосьевъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, докторъ, сейчасъ. Ради Бога, сейчасъ!

— Сейчасъ. Каршо.

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— Вмѣстѣ? Gut. Каршо.

Лосьева раздражала медленность, съ которой докторъ направился за инструментами и возился тамъ, а затѣмъ также долго одѣвался.

На улицѣ стало уже совершенно тихо, и ясно было, что ночь и что далеко до разсвѣта.

Докторъ занялъ почти все сидѣнье, даже локти разставилъ, такъ что Лосьевъ долженъ былъ держаться на какомъ-то тычкѣ.

Своимъ ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ докторъ задавалъ ему равнодушные вопросы.

— Гдѣ вы живете? Чѣмъ занимаетесь? Сколько платите за квартиру?

Лосьевъ на все это отвѣчалъ очень серьезно и обстоятельно, будто это имѣло самое тѣсное отношеніе къ Уникѣ.

У калитки, услышавъ басистый, хриплый лай собаки, докторъ съ опаской остановился:

— Собака. Ein Hund?.. Большой?

— Она на цѣпи.

— А если оборвется?.. Sich von der Kette losreisst?

Лосьевъ только тутъ вспомнилъ, что онъ можетъ не заставлять доктора коверкать языкъ, отвѣтилъ по-нѣмецки, стараясь угодить ему нѣмецкимъ произношеніемъ, точно и это могло оказать вліяніе на благополучный исходъ.

— Когда эта собака сорвется, опа становится доброй—не кусается.

— O, ja,—отвѣтилъ докторъ, философски заключивъ по-нѣмецки:

— Она боится снова попасть на цѣпь. Люди глупѣе, потому что, когда ихъ освободятъ отъ цѣпи, они опять лѣзутъ въ нее.

Когда они подходили къ дому, изъ оконъ просачивался сквозь ставни безпокойный свѣтъ. Лосьева охватила жуть, такъ что онъ даже замедлилъ шаги передъ дверьми.

И уже въ передней ясно было, что случилось что-то неладное.

Изъ комнаты доносился взволнованный голосъ акушерки:

— Еще воды, горячей воды!

Горничная торопливо проскользнула изъ другой комнаты, неся кувшинъ, изъ котораго шелъ паръ.

Докторъ сразу преобразился. Быстро сбросилъ шубу и торопливо пошелъ въ комнату больной.

Спину Лосьева пронизалъ холодный зигзагъ. Онъ остановился, боясь войти.

Оттуда донесся слабый, но совершенно спокойный голосъ Уники. У него сверкнула надежда, что все хорошо. Онъ вошелъ въ первую комнату и, прежде всего, замѣтилъ, что дѣтская колясочка, стоявшая раньше въ комнатѣ Уники, здѣсь, и въ ней лежитъ какой-то бѣлый свертокъ.

«Неужели ребенокъ?» подумалъ онъ и бросился къ колясочкѣ.

Торопливо раскопавъ пеленки, Лосьевъ увидѣлъ красное, движущееся тѣльце.

«Значитъ, все хорошо», рѣшилъ онъ и, ободрившись, пошелъ въ комнату матери, но, потрясенный, на порогѣ остановился: онъ увидѣлъ приподнятыя голыя ноги Уники, которыя сильно и поспѣшно бинтовала акушерка; ея бѣлый балахонъ былъ залитъ кровью.

Докторъ безъ сюртука, съ засученными почти до плеча рукавами, нагнувшись, стоялъ и что-то важное дѣлалъ. Лицо его было сосредоточенно-сурово.

Уника тающимъ слабымъ дѣтскимъ голосомъ, какого онъ никогда у ней не слышалъ раньше, говорила:

— Докторъ, вы видѣли мальчика? Не правда ли, славный?

— О, ja,—не глядя на больную отвѣчалъ онъ, не переставая дѣлать распоряженія акушеркѣ повелительными, отрывистыми словами...

— Докторъ, я рада, что вы пріѣхали. Онъ родился быстро, очень быстро... въ полчаса... да. Софья... Петро-в-на?—еле пролепетала она и закрыла глаза.

Акушерка молча кивнула въ отвѣтъ съ озабоченнымъ и смущеннымъ лицомъ и тотчасъ же быстро и тревожно смѣнила у больной остывшіе компрессы на сердцѣ и головѣ—на новые, горячіе.

— Камфару!—сказалъ докторъ.

Акушерка сверкнула металлическимъ шприцемъ и впрыснула больной камфару.

Черезъ нѣкоторое время Уника медленно приподняла вѣки.

— Какъ васъ зовутъ, докторъ?

— Августъ Фердинандовичъ,—машинально, отвѣтилъ онъ, массируя больную длинными и ловкими руками.

— Авгу-стъ... Ферди-нан... Какъ это... трудно...

— О, ja, Августъ это очень трудно. Очень трудно,—отвѣчалъ докторъ, то и дѣло вскидывая на нее глазами.

Уника безсильно, коротко, свѣтло засмѣялась и прошептала:

— Августъ... мѣсяцъ... авгу-с-тъ...

Она хотѣла объяснить, что Августъ легко, а Фердинандовичъ трудно, но почувствовала холодное влажное дуновеніе надъ верхней губой и потеряла сознаніе.

Лосьевъ, почти шатаясь, шелъ къ кровати больной, думая въ то же время: «Можетъ быть, все это такъ и надо».

Подойдя, онъ крикнулъ:

— Она въ обморокѣ!—и хотѣлъ приподнять спустившуюся съ кровати голову Уники, но докторъ остановилъ:

— Не троньте.

Онъ замѣтилъ, что съ изголовья сняты подушки, понялъ, что и это такъ надо. Но въ самомъ воздухѣ, въ этой напряженной тишинѣ, стояло что-то зловѣщее, страшное.

Лицо больной было ослѣпительно-блѣдное, невыразимо-прекрасное и трогательное.

Она снова открыла глаза и просвѣтленно ему улыбнулась. Тотъ возбужденный огонь, который онъ видѣлъ уходя, исчезъ, глаза свѣтились теперь, какъ заревыя, утреннія звѣзды.

— Ма-ль-чикъ,—едва услышалъ онъ, припалъ къ ея рукѣ и плакалъ.

Она пыталась шевельнуть бѣлыми, тонкими, увядающими пальцами, желая отвѣтить на его ласку и слезы.

— Хорошо... Мнѣ хо-ро-шо...

Лосьевъ отъ этихъ кроткихъ, чистыхъ словъ плакалъ сильнѣе, сдерживая рыданія.

Плача и цѣлуя руку Уники, онъ слышалъ странный звукъ, похожій на звонъ отдаленнаго колокола.

«Что это такое? Гдѣ это звонятъ?» Онъ поднялъ голову и понялъ, что этотъ звукъ выходитъ изъ кипящаго самовара, который стоялъ тутъ на подоконникѣ. «Вѣроятно, все это такъ и надо», стараясь успокоить себя, подумалъ онъ и спросилъ:

— Что. Все хорошо?

Докторъ метнулъ на него злыми глазами, продолжая дѣлать свое дѣло.

Глаза Уники на время открывалъ свѣтъ жизни, но быстро исчезалъ, не оставляя тепла лучей.

У Лосьева сдавило дыханіе отъ запаха эѳира. Онъ ощутилъ, какъ воздухъ коченѣетъ отъ этого запаха, и вдругъ почувствовалъ, что онъ чужой всему тому, что здѣсь совершается. И совершается что-то непонятное, таинственное и роковое.

Онъ всталъ.

— Я... спать... хо-чу,—еле шевеля поблекшими губами, шептала она и слабо зѣвнула.—Дайте... отдохнуть... Вѣдь все уже кон-че-но.

Его придавили эти послѣднія слова.

На нихъ ничего не отвѣтили ни докторъ, ни акушерка.

Уника истекала кровью, но не понимала этого и не пугалась. Ей даже была пріятна, послѣ всѣхъ перенесенныхъ мукъ, эта разливающаяся по всему тѣлу и успокаивающая напряженные члены слабость.

Лосьевъ бросился къ врачу и схватилъ его за руку.

— Что съ ней? Что съ ней?

Тотъ отстранилъ его руку и строго сказалъ:

— Осторожнѣе.

Лосьевъ вернулся къ Уникѣ, нагнулся надъ ней: съ ея лица, страшно осунувшагося, точно уходили тѣни жизни, тѣни дня.

Лицо ея было покрыто потомъ, какъ вечерней росой.

Акушерка то и дѣло мѣняла горячіе компресы.

Паръ слегка заволакивалъ ея лицо.

— Анна! Аня!

Онъ едва-ли не въ первый разъ выкрикнулъ ея настоящее имя, а не это шутливое прозвище.

Она полуоткрыла глаза и отвѣтила коснѣющимъ языкомъ:

— Я тебя плохо вижу.

Онъ опять крикнулъ:

— Анна!

— Положи... руку... на губы...

Онъ исполнилъ это, и ощутилъ слабое, изнемогающее дыханіе.

И опять позѣвнувъ, открывъ сухіе бѣлые зубы и поблѣднѣвшія десны, она еле слышно, но отчетливо прошептала:

— Я умираю.

Это слово сковало воздухъ и остановилось въ немъ, оживая въ холодномъ, черномъ образѣ.

Анна истекала кровью и ничто не могло спасти ее.

Этотъ черный образъ впитывалъ въ себя теплоту ея крови, заострялъ ея носъ и незримыми движеніями проводилъ по ея лицу тѣ таинственныя черты и тѣни, которыя вычеркивали ее изъ земной жизни и отождествляли съ другой жизнью, безначальной и безконечной.

«Умираю»—это слово жестоко, безпощадно дохнуло на каждаго. И каждый увидѣлъ его въ непередаваемыхъ, но опредѣлявшихся чертахъ. И въ лицѣ каждаго оно нашло свое отраженіе.

Лосьевъ почувствовалъ, какъ сердце его собралось въ одну острую, жгучую, сверлящую точку.

Онъ съ болью закрылъ глаза и въ ту же минуту увидѣлъ длинный черный ящикъ,—обрывокъ своего кошмара.

«Умираю». «Умираю». «Умираю» ходило у него во всей крови, вокругъ этой сверлящей точки. Онъ видѣлъ: это слово, какъ гильотина, прорѣзывало воздухъ между нимъ и ею, разрывая тѣ невидимыя нити, которыя спряла сама природа.

Онъ на колѣняхъ поползъ къ доктору, протягивая къ нему руки и умоляя спасти ее.

Докторъ поднялъ его съ пола похолодѣвшими руками и, отвернувъ отъ него въ сторону осунувшееся лицо съ дрожащей нижней челюстью, отрицательно покачалъ головой.

Лицо Софьи Петровны искажено было растерянностью и безсиліемъ.

И только одно лицо умирающей становилось все спокойнѣе, прекраснѣе и торжественнѣе.

Призракъ рѣялъ надъ нею, озаряясь послѣднимъ сіяніемъ умирающей зари, которое отдѣлялось отъ ея коснѣющаго тѣла.

Она, какъ природа, преобразивъ себя въ новую жизнь, отдавъ ей чистѣйшія соки свои, спокойно и величаво отошла.

Тонкими линіями едва-едва обозначался разсвѣтъ сквозь щели ставенъ. Усталый свѣтъ лампы ровно и печально застилалъ вытянувшееся подъ одѣяломъ тѣло Уники.

Въ комнатѣ ощущался новый холодъ.

Онъ все время не сводилъ съ нея глазъ, но ея черты неуловимо для него измѣнялись до неузнаваемости, точно черный призракъ безостановочно продолжалъ свою работу.

Онъ вглядывался въ эти обострившіяся черты и въ нихъ теперь читалъ тайну своей любви. Это было не то лицо, которое онъ ласкалъ и цѣловалъ, но то, которое онъ любилъ и угадывалъ въ томъ лицѣ.

Только черная прядка волосъ, точно струйка смолы, пролившаяся вдоль ея лѣваго уха, была мучительно знакома и одна только все еще сохраняла въ себѣ прежнюю жизнь.

Изъ другой комнаты доносился плескъ воды, два сдержанныхъ женскихъ голоса и слабый пискъ ребенка.

Ему казалось, что прошло страшно много времени: онъ уже успѣлъ пережить свое отчаяніе и остроту скорби. Въ умъ и въ душу незамѣтно проползали, какъ черви, корыстные спутники жизни. Сознаніе печали противилось имъ, съ отвращеніемъ гнало ихъ и хотѣло раздавить, но они еще глубже зарывались вовнутрь, ожидая своего часа.

Это внутреннее насиліе пугало его. Передъ лицомъ того, что на житейскій взглядъ было ничто, но передъ чѣмъ онъ самъ чувствовалъ себя ничтожествомъ, совѣсть была неумолима и искала опоры въ этихъ застывшихъ чертахъ, сквозь которыя смотрѣлъ Высшій Судія.

Онъ съ боязливымъ любопытствомъ подошелъ къ умершей, склонился надъ ней и тотчасъ же въ ужасѣ отпрянулъ.

На него подуло знакомымъ холодомъ.

Теперь онъ ясно вспомнилъ свой сонъ: черный, длинный ящикъ въ углу, стоящій вертикально, и въ немъ холодъ, который шелъ и шелъ изъ него.

Онъ захотѣлъ провѣрить и издали, со страхомъ въ глазахъ, съ блѣднымъ лицомъ, протянулъ надъ тѣломъ руку.

Отъ тѣла совершенно ощутительно и ясно шелъ и шелъ холодъ.

Внѣ себя онъ крикнулъ:

— Софья Петровна!

Она вошла.

— Смотрите, отъ тѣла дуетъ.

Она протянула надъ тѣломъ руку, говоря:

— Да, почти всегда такъ бываетъ.

Но это его не успокоило, наоборотъ. Онъ пораженный вышелъ изъ комнаты. Разсвѣтало. И разсвѣтъ былъ холодный, скупой и полуживой.

Сѣдая изморозь покрывала окоченѣвшую землю и зябкія вѣтви деревьевъ. На темныхъ, почти черныхъ хвояхъ она бѣлѣла зуб-

чатыми каймами и тѣ стояли въ полумракѣ, какъ траурныя монахини; приземистыя, толстыя мирты были закутаны въ рогожу, какъ будто имъ было холодно и жутко; кора деревьевъ блестѣла осклизлая, какъ кожа гадовъ.

Разсвѣтъ никого не радовалъ; съ бездушной холодностью таяла послѣдняя звѣзда, и длинная полоса маяка съ ядромъ фонаря, какъ уродливая комета, прилѣпилась къ башнѣ маяка и освѣщала холодно и сонно двигавшееся море, покрытое мелкой зыбью, какъ змѣиной чешуей.

Все знало, что тамъ, въ маленькомъ домикѣ дышала смерть и близость ея обездушивала природу.

Онъ машинально пошелъ къ морю, гдѣ было нѣсколько свѣтлѣе отъ блѣдной полоски худосочной зари. На инеѣ, покрывавшемъ землю, четко и черно выдавливались подошвы его сапогъ и онъ замѣтилъ, что земля была подъ инеемъ сухая, точно покрытая саваномъ, и каждый шагъ его вырывалъ клочья этого савана.

Двѣ чайки носились надъ водою, крича и печально ныряя отъ берега къ водѣ и обратно, словно они искали кого-то.

Онъ подумалъ: «говорятъ, если убить чайку, другая умираетъ отъ тоски. Это трогательно, но неестественно. Жизнь такая маленькая, и если это правда... о чайкахъ,—природа поступила нелѣпо».

Онъ сѣлъ на опрокинутую лодку, облокотилъ руки о колѣни и опустилъ на нихъ голову.

Усталый покой охватываетъ его вмѣстѣ съ усиливавшимся разсвѣтомъ, который попрежнему былъ холоденъ и печаленъ, какъ будто въ немъ осталась душа ночи.

Около него вдругъ выросла оборванная большая грязная фигура, остановилась и посмотрѣла на него волчьими глазами.

Это былъ несомнѣнно безпріютный бродяга, ночевавшій вонъ въ томъ покинутомъ рыбачьемъ куренѣ.

Лосьевъ подумалъ о нападеніи и даже ощутилъ внутреннюю мелкую дрожь.

Фигура скрылась за камнями, хрустя по гравію рваной тяжелой обувью.

Лосьеву стало неловко за свой страхъ, за эту постыдную дрожь о своей шкурѣ, когда тамъ была смерть. Онъ искалъ въ душѣ у себя горя, скорби, слезъ. Но ничего не было.

Ему хотѣлось вызвать слезы, но это не удалось. Чтобы разжалобить себя, онъ старался представить себѣ лежащее тамъ одинокое мертвое тѣло.

Онъ даже вслухъ повторилъ нѣсколько разъ:

— Умерла. Она умерла!—Но въ горлѣ не было спазмъ, въ глазахъ не было слезъ.

Чайки продолжали летать, напоминая ему о своей вѣрности и о любви до смерти.

Въ это же время жизнь врывалась въ него разноцвѣтными клочьями, образами, звуками.

Это оскорбляло его мысли о печали, тревожило его совѣсть. Онъ пытался отогнать все это отъ себя, но эти всплески жизни, не отдѣляемыя отъ всего, что называлось жизнью, набѣгали, какъ эти волны, дробились и сверкали, скользя по мрачнымъ застывшимъ камнямъ.

Онъ досталъ изъ кармана письмо, остановилъ глаза на конвертѣ, на кругломъ, стертомъ почтовомъ штемпелѣ; ему было непріятно, что письмо Ирины лежитъ въ этой оболочкѣ, захватанной и заштемпелеванной посторонними руками. Онъ изорвалъ конвертъ и бросилъ въ море, гдѣ бѣлые обрывки заколебались, какъ клочки пѣны.

Въ тѣхъ словахъ и строкахъ, которыя онъ уже почти зналъ наизусть, ему казалось, онъ найдетъ сейчасъ новый смыслъ.

«Я пишу это письмо, зная навѣрно, что, отославъ его, я истерзаю себя мукой раскаянія. Я буду ходить по унылымъ комнатамъ нашего мрачнаго большого дома и въ отчаяніи повторять вслухъ ваше имя,—дорогое мнѣ имя. И все же я должна, должна написать это письмо. Видѣться намъ нельзя... не надо. Моя трусливая совѣсть подсказываетъ мнѣ это.

«У меня нѣтъ раскаянія въ томъ, что случилось—это было неизбѣжно, я это почти предчувствовала съ первой нашей встрѣчи и совсѣмъ поняла тогда—у васъ. Но если это повторится, мы убьемъ его, человѣка, котораго я все-таки люблю, хотя эта любовь больше похожа на милосердіе. Да, только на милосердіе, это ясно, ясно мнѣ теперь. Еще... можетъ быть, убьемъ ту, которую—я не знаю, любите ли вы, но у нея долженъ родиться вашъ ребенокъ.

«Я не упрекаю васъ ни въ чемъ, я не ревную васъ, и только завидую ей. О, какъ бы я любила вашего ребенка! Но, вѣрно любовь не терпитъ счастья, или знаетъ его только на мгновеніе. Я испытала это счастье у васъ. У тебя. Слышишь, только у тебя и никогда больше. И это счастье останется со мною навсегда.

«Но этому счастью не повториться, потому что за нимъ послѣдуетъ ложь, обманъ, а я не могу... не боюсь... Это изорветъ мою душу, убьетъ совѣсть и, можетъ быть, вмѣстѣ съ ней любовь... О, нѣтъ! Этого не повторится. Не повторится.

«Возвратившись отъ васъ, я хотѣла въ первыя минуты все разсказать *ему* и даже уйти, но, по счастью, я очень скоро поняла, что эта жестокая правда нужна была только для моего облегченія.

«Я не прошу васъ уѣзжать и никуда не уѣду сама. Мнѣ необходимо знать, что вы здѣсь близко и что я хоть когда-нибудь могу увидѣть васъ издали, и это будетъ мой счастливый, свѣтлый день. Вотъ все, на что я могу надѣяться.

«Поняли ли вы меня? Все ли я вамъ сказала? Мнѣ кажется, что я не сказала вамъ самаго главнаго, изъ-за чего надо все это вынести... пережить.

«Вы поняли. Вы поняли, я знаю. Та любовь, которая родилась въ насъ, какъ свѣтлое утро, прозрачное и чистое, съ голубымъ небомъ и солнечными лучами, должна остаться такою навсегда.

«Я вѣрю, что сейчасъ я поступаю хорошо... Это успокаиваетъ меня. Такъ и только такъ надо—все иное не принесетъ ни вамъ, ни мнѣ спокойной радости.

«Но, Боже мой! Мнѣ кажется, эта скользкая бѣлая бумага леденитъ мои слова... но вы поймете, что испытываетъ мое сердце. Ему тѣсно въ груди, но разломать свою тюрьму оно не можетъ и не смѣетъ.

«Говорятъ на океаническихъ островахъ у птицъ, постоянно живущихъ тамъ, маленькія крылья: иначе сильныя бури унесли бы ихъ въ океанъ.

«Вѣрно у моего сердца тоже маленькія крылья. Но я люблю васъ... Я люблю тебя! Вотъ что я твержу, когда остаюсь одна, когда я вижу небо, звѣзды, море, все, что вызываетъ улыбку или печаль. Я говорю это, какъ молитву, когда ложусь спать и когда я просыпаюсь. Это слово родилось во мнѣ только для тебя.

«Ты поймешь... Ты поймешь. Прощай».

Глава VII.

Для Лосьева настали дни новыхъ безпокойствъ и хлопотъ.

Ребенокъ являлся пружиной, вліявшей не только на внѣшній распорядокъ его жизни, но и на внутренній строй ея. Кажется, онъ сдѣлалъ все, чтобы оградить себя отъ этого вліянія: мальчикъ былъ помѣщенъ съ кормилицей въ отдѣльной комнатѣ; кромѣ того, милая и добрая Софья Петровна первое время добровольно являлась присматривать за малюткой, даже предлагала перевести его къ себѣ, взять исключительно на свое попеченіе, но Лосьевъ покуда отклонилъ это предложеніе. Не то, чтобы онъ любилъ ребенка той нѣжной отеческой любовью, которая не допускаетъ подобныхъ сдѣлокъ, но ему просто это показалось бы теперь оскорбленіемъ памяти Уники.

Онъ не безъ досады мирился со своимъ положеніемъ; подчасъ оно даже казалось ему комичнымъ и совсѣмъ къ нему не идущимъ, но вернуться къ прежнему свободному одиночеству онъ уже не могъ.

Эта маленькая жизнь успѣла незамѣтно овладѣть имъ и постоянно давала себя чувствовать безсознательными, но явными внутренними толчками. Достаточно ему было уйти на нѣсколько часовъ изъ дому, какъ онъ уже испытывалъ безпокойство, похожее на угрызеніе совѣсти, его тянуло домой и онъ не безъ недовольства шелъ, оправдывая себя разными предлогами. Но, переступивъ порогъ своей квартиры, прежде всего справлялся у прислуги о ребенкѣ.

Если случалось, что ребенку нездоровилось, это вызывало въ немъ чувство жалости, граничащей съ гнѣвомъ: онъ набрасывался на прислугу, на кормилицу съ выговорами, но вспомнивъ, что кормилицу нельзя волновать, раздраженный своимъ безсиліемъ, ѣхалъ за докторомъ, или къ Софьѣ Петровнѣ.

Когда ребенокъ чувствовалъ себя хорошо, онъ ощущалъ особенную легкость, совсѣмъ новое довольство собой и всѣмъ окружающимъ, заискивающе ласково говорилъ съ кормилицей, прислугой и ловилъ себя на томъ, что испытывалъ въ это время почти благодарность къ ребенку.

Вглядываясь въ это маленькое личико съ мутными и безсмысленными глазками, онъ привычнымъ взглядомъ художника улавливалъ, какъ съ каждымъ днемъ опредѣлялись черты и тона этого личика, и старался найти, угадать за этими чертами... что?.. Можетъ быть, отраженіе своей недолговременной связи съ Уникой, свои и ея черты въ его чертахъ, а можетъ быть, будущее ребенка, мутное и загадочное, какъ его глазки.

Отъ тѣльца ребенка шелъ кисловатый, наивный запахъ, напоминавшій Лосьеву запахъ первой травы, смѣшанный съ запахомъ прѣющей зелени; онъ чувствовалъ внутреннюю грѣющую улыбку и отходилъ отъ ребенка, удивленно, добродушно пожимая плечами.

Во время работы онъ вдругъ, повинуясь безсознательному внушенію, бросалъ все и, со стэками въ запачканной глиной рукѣ, шелъ въ дѣтскую; на цыпочкахъ подходилъ къ спящему ребенку и ему иногда хотѣлось эти не совсѣмъ опредѣленныя черты тамъ и здѣсь тронуть стэкой, чтобы оформить ихъ.

Софья Петровна и кормилица не разъ говорили, что ребенокъ «вылитый отецъ», но онъ не только не находилъ ничего похожаго на себя, но даже и за человѣка-то не считалъ это маленькое живое существо, пахнущее, какъ комочекъ весенней земли.

Иногда почему-то ему ужасно хотѣлось, чтобы ребенка увидѣла Ирина. Ему даже приходила въ голову капризная мысль написать Иринѣ о своемъ желаніи, но онъ тотчасъ же отклонялъ это, какъ нѣчто ни съ чѣмъ не сообразное.

Она, конечно, не могла не знать о смерти Уники, объ этомъ ребенкѣ. Что думаетъ она? Какъ ко всему этому она относится?

Онъ не находилъ въ исходѣ этихъ вопросовъ разрѣшенія все еще тяготѣвшей надъ нимъ загадки о судьбѣ ихъ отношеній. Тѣмъ не менѣе, они преслѣдовали его.

Онъ принялъ письмо Ирины со всей серьезностью и уваженіемъ, которыя оно внушало, понималъ, что отношенія его съ ней не могли продолжаться, основанныя на обманѣ, но оставаться здѣсь, около нея, какъ она того желала, видѣть ее только издали и не имѣть возможности при встрѣчѣ даже подойти къ ней онъ считалъ просто жестокостью и для нея, и для себя.

Со смертью Уники падала въ этихъ отношеніяхъ довольно важная темная преграда, но это все же не открывало имъ никакихъ новыхъ перспективъ. Какъ ни безсмыслена была на трезвый взглядъ такая путаница, естественный выходъ изъ нея не обѣщалъ ни правды, ни, тѣмъ менѣе, счастья. Душа оказывалась выше этой очевидной правды и глубже ея. Въ ней были свои таинственно-свѣтлыя и безкорыстныя побужденія, и Лосьевъ отлично понималъ это и, можетъ быть, именно онъ и любилъ ее за то, что все это было въ ея натурѣ и ничѣмъ этого нельзя было ни вырвать, ни заглушить. Это была алмазная чистота ея женственности.

Онъ и не покушался, онъ дорожилъ однимъ сознаніемъ, что любимъ ею. Неудовлетворенное чувство вносило въ его жизнь ту горькую и нѣжную поэзію печали, которая такъ важна была для его творчества и такъ независимо уживалась рядомъ съ любовью къ Уникѣ, а теперь—съ благодарнымъ воспоминаніемъ о ней и грустью объ утратѣ ея.

Но механизмъ жизни, своимъ чередомъ, требовалъ вниманія къ себѣ. Помимо того, что ему тяжело было жить въ одномъ городѣ съ Ириной, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ безнадежно далеко отъ нея,—его дѣло, его трудъ, то, что онъ считалъ самымъ важнымъ, снова тянуло его въ Парижъ. Онъ и такъ прожилъ цѣлые полгода здѣсь, сверхъ опредѣленнаго ранѣе срока. Въ Парижѣ скоро должна была открыться выставка салона. «Спрутъ» былъ готовъ въ мраморѣ и онъ рѣшилъ самъ представить его жюри.

Ребенка придется оставить на попеченіи Софьи Петровны до поры до времени. Эта мысль слегка колола сердце, но ея настоящей силы онъ пока не сознавалъ: она должна была сказаться послѣ разлуки. Онъ старался успокоить себя тѣмъ, что у Софьи Петровны мальчику будетъ хорошо; она уже успѣла полюбить ребенка и привыкнуть къ нему. Конечно, онъ каждое лѣто будетъ пріѣзжать сюда, какъ ради него, такъ и ради Ирины. Но уѣхать, не повидавъ ее, не зная, какъ и что она думаетъ обо всемъ этомъ, онъ не могъ.

Единственно черезъ кого онъ могъ кое-что узнать объ Иринѣ—

были художники; главнымъ образомъ, Николай, но и онъ, и они давно уже не были у него изъ понятной деликатности. Каждый обязанъ знать, вѣрить, что печаль о сердечной утратѣ требуетъ одиночества. Другое дѣло, если онъ самъ нарушаетъ его.

Живя въ сторонѣ отъ города, Лосьевъ не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ нихъ уже болѣе мѣсяца.

Тогда онъ рѣшилъ пойти къ нимъ въ одну изъ субботъ.

Художники теперь облюбовали себѣ ресторанъ и собирались въ угловомъ отдѣльномъ кабинетѣ, чтобы безъ стѣсненія шумѣть и дурачиться тамъ.

Вступивъ въ довольно длинный, полутемный и грязноватый корридоръ, Лосьевъ и безъ указанія могъ свободно отыскать ихъ: несмотря на запертую дверь, по корридору разносились взрывы смѣха, шумъ и голоса. Онъ почувствовалъ себя страшно чужимъ имъ, гораздо болѣе чужимъ, чѣмъ даже при первой послѣ разлуки встрѣчѣ.

Внутри его зашевелилась угловатая неловкость, но онъ подавилъ ее и открылъ дверь какъ разъ въ ту самую минуту, когда стихъ шумъ и раздались звуки рояля. Художники стояли и сидѣли вокругъ длиннаго стола, загроможденнаго неубранными приборами, графинами, бутылками и прочей посудой. Скатерть была исчерчена карандашами, облита виномъ и кофе; измятыя салфетки валялись на столахъ, на стульяхъ и на полу. Дымъ обволакивалъ всѣхъ, какъ паутина.

Плотниковъ съ Симоновымъ спорили, не обращая вниманія на аккорды барона, съ воодушевленіемъ приготовившагося аккомпанировать дуэту Полозова и Перовскаго. Тѣ стояли по обѣ стороны рояля. Николай, тщетно урезонивавшій спорщиковъ, въ концѣ концовъ, засунулъ въ раскрытые рты обоимъ по салфеткѣ и они, погрозивъ ему кулаками, замолчали и также обратили свои глаза на пѣвцовъ.

«Уймитесь волненія страсти»

Сдержанно запѣли два сдружившихся голоса старинный романсъ Глинки.

Лосьевъ былъ доволенъ, что попалъ въ такую минуту: приходъ его не могъ вызвать общаго вниманія. Онъ поклонился тѣмъ, кто его замѣтилъ, и остановился около двери, но Николай подалъ ему руку съ дивана и, притянувъ къ себѣ, молча усадилъ рядомъ съ собою; онъ знаками давалъ понять, чтобы тотъ внимательно слушалъ пѣніе.

«Замри безнадежное сердце»,

вырвалось у Перовскаго, пѣвшаго за віолончель, и голосъ его сразу захлестнулъ всѣхъ одной общей струей. Еще послѣдній

*

звукъ, оборванный на сильномъ удареніи, трепеталъ и бился въ узкихъ стѣнахъ, какъ Полозовъ, забывъ въ рукѣ дымившуюся сигару, выпятивъ грудь и опустивъ голову, протянулъ:

«Я стра-а-жду.
«Я стра-а-жду»,

съ тоской и мукой подхватилъ впивающійся въ сердце другой голосъ. Пламя газовыхъ рожковъ, затянутое дымомъ, какъ будто сразу вспыхнуло ярче отъ этого взрыва страданія. Коротко остриженная большая голова Перовскаго закачалась, какъ отъ боли.

«Душа изнываетъ въ разлукѣ.
«Я плачу»,

стоналъ, какъ струна подъ смычкомъ, теноръ Перовскаго.

«*Я плачу*»—повторилъ другой голосъ, заражаясь его болью и безнадежностью.

«Не выплакать сердцу всѣ муки».

Они пѣли, глядя другъ другу въ мгновенно поблѣднѣвшія лица широко открытыми глазами, въ которыхъ также свѣтилась безнадежность отчаянія, и каждому слушающему казалось, что его душа также изнываетъ въ разлукѣ и плачетъ и страждетъ. Голоса пѣвцовъ разрывались, какъ потокъ, налетѣвшій на острый камень. Замиралъ одинъ, за нимъ другой, затѣмъ плачущіе звуки какъ будто бросались другъ другу въ объятія и опять неслись вмѣстѣ, наполняя закуренную комнату, заставляя ярче вспыхивать огни, а лица блѣднѣть.

Судорожно впившись въ ручку стула одной рукой, другой сжимая стаканъ съ пивомъ, Плотниковъ весь подался впередъ, увлеченный этимъ пѣніемъ. Бугаевъ, сжавшись въ углу, слушалъ ихъ съ сморщеннымъ отъ сдержанныхъ слезъ лицомъ. Соловковъ кусалъ нижнюю губу, хмуря брови и уткнувшись въ каррикатуру, которую едва ли видѣлъ въ эту минуту. Симоновъ смотрѣлъ въ самый ротъ Перовскаго и машинально повторялъ движенія губъ и головы. Маленькій Кичъ и Апостоли глядѣли одинъ на другого отсутствующими глазами, видя передъ собою эти звуки, окрашенные теплою кровью, переливающіеся, какъ слезы въ сіяніи траурныхъ огней.

Когда умолкли не только голоса, но и аккомпаниментъ, Бугаевъ порывисто выступилъ впередъ и съ угловатымъ жестомъ пробормоталъ осѣвшимъ отъ волненія голосомъ:

— А, ну васъ, совсѣмъ... Здравствуйте, Лосьевъ,—подошелъ онъ къ скульптору, принужденно подавая ему руку.

— Великолѣпно, черти, поютъ,—воскликнулъ Симоновъ.— Дайте я васъ за это поцѣлую.

— Ты бы лучше виномъ угостилъ.

«Лобзай меня, твои лобзанья мнѣ слаще мирра и вина»,

дурачась, неожиданно дискантомъ пропѣлъ Плотниковъ, вызывая общій хохотъ.

Лосьевъ и художники стали здороваться.

Они пожимали ему руки, избѣгая глядѣть въ глаза, но за этими сдержанными привѣтствіями онъ не могъ не замѣтить того невольнаго любопытства, которое вызываютъ скрытыя и неизвѣстныя чувства.

Это его стѣсняло, но больше всего стѣсняло то, что Николай, повидимому, зналъ, что его привело сюда.

— Хочешь вина?—обратился къ нему Николай.—Я, братъ, тутъ такой крюшонъ сочинилъ, что хоть привилегію бери.

— Ахъ, да, вино! это хорошо.

Лосьевъ взялъ протянутый ему стаканъ и, не отрываясь, выпилъ. Вино разлилось по жиламъ и сразу освободило его отъ того стѣсненія, которое мѣшало сердцу биться спокойно.

— А почему Вѣтвицкаго нѣтъ?—прямо обратился онъ къ Николаю.

— Вѣтвицкій рѣдко бываетъ по субботамъ. Тебѣ нужно его видѣть?—спросилъ его Николай, въ упоръ остановивъ на немъ лукавые глаза.

— Нѣтъ, ничего особеннаго, но я собираюсь уѣзжать и хотѣлъ сразу со всѣми попрощаться.

— Какъ, ты уѣзжаешь!—неестественно громко воскликнулъ Николай, очевидно, желая этимъ привлечь вниманіе товарищей.

— Слышите, господа, Лосьевъ уѣзжаетъ.

Тѣ отозвались со всѣхъ сторонъ обычными восклицаніями, но не слышалось ни настоящаго сожалѣнія объ уѣзжающемъ товарищѣ, ни даже понятнаго вниманія къ нему. Это обидно задѣло Лосьева, хотя онъ объяснялъ ихъ сдержанность не совсѣмъ справедливо. Онъ думалъ: «И это художники. Они стремятся къ свободѣ творчества и боятся свободы любви. Желать войти въ храмъ и въ то же время косо смотрѣть на тѣхъ, кто отворяетъ его двери».

Только одинъ Симоновъ съ искреннимъ сожалѣніемъ бросился къ нему и схватилъ его за руку, какъ бы собираясь удержать, да Николай, покраснѣвшій за свою невольную неловкость передъ Лосьевымъ, обиженный за него, поспѣшилъ сказать съ рѣдкой для него искренностью и задушевностью:

— Чортъ возьми, это жаль, что ты уѣзжаешь. Нашему ордену именно недоставало такого человѣка, какъ ты.

— Э, полно.

— Нѣтъ, правда. Сильнаго, свободнаго отъ той провинціальной плѣсени, которой, съ одной стороны, облѣпляютъ насъ всѣ эти школы да уроки, а съ другой—весь, такъ сказать, обиходъ

и строй нашей жизни.—А, чортъ!—перебилъ онъ себя,—какъ-то это все по книжному выходитъ. Не умѣю я выразить. Но ты понимаешь.

Онъ снова зачерпнулъ крюшонъ ковшомъ и, расплескивая на скатерть, налилъ стаканъ ему и себѣ.

— Валяй и мнѣ,—подставилъ свой стаканъ Симоновъ.

За нимъ потянулся Бугаевъ и другіе.

Чокаясь съ Лосьевымъ, Симоновъ уже разинулъ было ротъ желая предложить ему на память, недавно сдѣланное имъ чучело чайки, но, зараженный общей осторожностью, тутъ же вспомнилъ о чеховской «Чайкѣ» и объ Уникѣ и осѣкся.

— Это досадно, что вы уѣзжаете, ей-Богу,—нѣсколько виноватыми глазами глядя на Лосьева, пробормоталъ Бугаевъ.

— Но вѣдь, не навсегда же?—спросилъ Плотниковъ.

— Нѣтъ, я весной пріѣду снова. У меня здѣсь остается ребенокъ.

Сразу настала тишина. И этотъ тонъ, которымъ онъ добавилъ послѣднія слова, разсѣялъ неловкость.

Всѣ они, впечатлительные какъ дѣти, подумали:

— А въ самомъ дѣлѣ жаль, онъ славный парень.

«Я подарю ему чучело орла», рѣшилъ про себя Симоновъ.

Бугаевъ, взволнованно отойдя въ уголъ, очевидно надумывалъ что-то, поглядывая на Лосьева. Выждавъ минуту, пока Полозовъ и Кичъ записали адресъ Лосьева, намѣреваясь въ исходѣ зимы повидаться съ нимъ въ Парижѣ, онъ подошелъ къ скульптору и неловко заговорилъ, отводя его въ сторону:

— Послушайте... того... какъ его... Можетъ быть, мнѣ можно иногда,—онъ запнулся и закончилъ съ кривой и застѣнчивой улыбкой,—Повидать этого господина.

Лосьевъ понялъ, о какомъ господинѣ тотъ говорилъ, пожалъ ему руку и сказалъ:

— Пожалуйста, заходите. Этотъ господинъ покуда еще живетъ со мною. Заверните къ нему и безъ меня. Когда-нибудь черкните двѣ, три строчки о немъ.

— Непремѣнно,—съ горячностью отвѣтилъ Бугаевъ.

Въ это время, немного прерванное приходомъ Лосьева оживленіе снова вошло въ свое русло и мало-по-малу перешло въ дурачество, отъ котораго задрожали стѣны и полъ.

Николай присѣлъ къ Лосьеву. Тотъ не могъ не смѣяться, глядя на серьезнаго длиннаго барона.

Снявъ сюртукъ, баронъ изображалъ атлета, поднимая надъ головой Кича, который иногда взвизгивалъ, барахтался, но покорно отдавался во власть его силы. Николай слегка опьянѣлъ и ему хотѣлось выразить Лосьеву чувства, которыя въ немъ такъ

же скоро возникали, какъ и пропадали. Онъ сразу заговорилъ о сестрѣ.

Лишь только Николай помянулъ имя Ирины, Лосьевъ пересталъ смѣяться и насторожился.

— Я не узнаю Ирины,—хмурясь и понизивъ голосъ, говорилъ Николай.—И, чортъ возьми, я же братъ ея, мнѣ ее жалко.

— Въ атаку! — кричалъ Симоновъ, вскочивъ верхомъ на стулъ и прыгая на немъ по комнатѣ.

— Въ атаку!—Баронъ бросился къ роялю и заигралъ какой-то дикій импровизированный маршъ, подъ звуки котораго художники устроили цѣлую скачку верхомъ на стульяхъ. Поднялся невообразимый грохотъ и шумъ.

Николай глотнулъ вина и, покраснѣвшій и возбужденный, продолжалъ:

— И это добромъ не кончится. Я не воображалъ, что въ ней... что она... ну, словомъ, что она не похожа на всѣхъ барышень, которыя вотъ такъ выходятъ замужъ... Ты помнишь, я говорилъ тебѣ еще тогда. Въ большинствѣ случаевъ онѣ сживаются. Вѣдь счастье это такой рѣдкій номеръ. А тутъ... онъ ей нравился, она выходила за него замужъ безъ принужденій.

Онъ говорилъ безсвязно, раздражаясь все больше и больше, и Лосьевъ ловилъ каждое его слово съ жадностью и вспыхивающими искрами надеждъ.

— Она, понимаешь ли, мечется, какъ птица, обманувшаяся въ гнѣздѣ. Она его свила въ дуплѣ гнилого дерева и видитъ это, и чувствуетъ это. Да, кстати, поразительная вещь. Какъ все это странно и даже страшно: въ крѣпкой дубовой мебели, которой Вѣтвицкій заново меблировалъ свою столовую, завелись червячки. Чертъ ихъ возьми тамъ, я не знаю, какъ они называются, да это все равно... Ну, маленькіе червячки... И, представь себѣ, это здоровое, желѣзное дерево они источили сквозными ранками.

Николай остановилъ на немъ покрытые влагой опьянѣнія, неподвижные, испуганные глаза.

Лосьевъ, обхвативъ руками одно колѣно, впился въ него глазами.

— Какъ это тебѣ покажется... А! Червячки. Тутъ что-то фатальное.

— Ну, что тамъ фатальнаго въ червячкахъ.

— Нѣтъ, не говори. А Сартъ. Ты помнишь Сарта, эту великолѣпную борзую?

Лосьевъ кивнулъ головой.

— Съ чего бы кажется. Чахнулъ, чахнулъ и погибъ.

— Ура!—кричали художники хоромъ, и стѣны и потолокъ дрожали отъ грохота стульевъ и музыки.

— О, чортъ ихъ побери,—морщась на эту дикую какафонію воскликнулъ Николай, снова выпивая вино и стараясь ухватить нить своей рѣчи.—О чемъ, бишь, я?

— О гнѣздѣ, — вернулся къ поразившему его сравненію Лосьевъ.

— Да, о гнѣздѣ,—задумчиво повторилъ Николай, ероша курчавые волосы.—Именно, да! Обманулась въ гнѣздѣ.

— Кто ей мѣшаетъ оставить это гнѣздо!

Николай искоса бросилъ на него вопрошающій и подозрительный взглядъ и вслухъ усмѣхнулся.

— Гм... Это такъ просто не дѣлается. И потомъ что же, возвращаться къ родителямъ ей, что ли?

Лосьевъ нахмурилъ брови и пожалъ плечами.

— Это такъ просто не дѣлается,—сквозь зубы повторилъ онъ слова Николая и рѣзко перемѣнилъ тонъ, выпрямляясь и поднимая голову.—Если птица свила гнѣздо въ гниломъ дуплѣ, она должна бросить это гнѣздо, хотя бы ее ждала буря и ненастье. Природа не терпитъ тѣхъ, кто потворствуетъ лжи. Для сохраненія жизни, радости и счастья, необходимаго для существованія, она требуетъ гордаго упорства, смѣлости, даже коварства.

— Да, хорошо намъ говорить такъ,—вскользь отвѣтилъ Николай, начиная машинально подрыгивать ногами въ тактъ марша.

Лосьевъ досадливо перебилъ его, опустивъ ему руку на подрыгивающее подъ музыку колѣно.

— Ахъ, не повторяй пошлыхъ фразъ о томъ, что она женщина. Этими-то взглядами и заколотили женщину въ гробъ... создали проституцію, старыхъ дѣвъ и тому подобныя уродства...

Николаю непріятно было слышать этотъ злой тонъ и слова, за которыми ему чувствовалась несправедливость къ Иринѣ, и онъ не безъ укора сказалъ:

— А знаешь, Ирина часто меня спрашиваетъ о твоемъ ребенкѣ: какъ онъ безъ матери?

Съ Лосьева сразу схлынуло все его раздраженіе, и чувство нѣжной печали и тоски по Иринѣ усилило въ немъ желаніе видѣть ее.

Въ дверяхъ появилась странная фигура въ бѣломъ колпакѣ и въ бѣломъ фартукѣ. Размахивая руками, фигура негодующе кричала что-то, но криковъ ея за общимъ гвалтомъ и грохотомъ нельзя было разслышать. Только когда вошедшаго замѣтили, шумъ нѣсколько утихъ.

— А, Папа-Христо!—привѣтствовали его художники.

Папа-Христо былъ владѣлецъ лавочки восточныхъ сладостей внизу подъ рестораномъ.

— Ма сто сдѣлайти издѣси разбой?—въ гнѣвѣ кричалъ Па-

па-Христо.—На пароски дьяволоси! Мозе бити, разбили здѣся на саранде рублія. Тарелики, вази. Ма всѣ прилициные обсество грецески знакомый, други, разбизали; занимайте хоросее положеніе на гавань капитани—Спиро, капитани—Яни, капитани—Николасъ,—загибалъ онъ пальцы на рукахъ,—вси разбизали. На пароски дьяволоси. Безпорядики дѣлаютъ?—кричалъ, коверкая слова папа-Христо.

Изъ его смѣшныхъ и разгнѣванныхъ воплей не безъ труда удалось понять, что отъ топота стульевъ и ногъ попадали въ его лавкѣ съ полокъ вазы и тарелки съ восточными сладостями, а «капитани», приходившіе къ нему, какъ въ клубъ, разбѣжались.

Безудержный свистъ и хохотъ разбушевавшихся художниковъ отвѣтилъ на эти вопли.

Папа-Христо съ комическимъ отчаяніемъ махнулъ рукой:

— Э, на пароски дьяволоси!—И, выкрикнувъ это греческое проклятіе, уходя, хлопнулъ дверью кабинета.

Лосьева утомило это буйное веселье, такъ не вязавшееся съ его душевнымъ состояніемъ. Онъ былъ радъ, что Николай, захваченный общимъ шумомъ, слился съ товарищами и оставилъ его. Ни съ кѣмъ ни прощаясь, Лосьевъ вышелъ. Въ немъ метались неопредѣленныя мысли и желанія, искавшія выхода и покоя. Но запертыя нелѣпыми желѣзными стѣнами, они опутывали его сердце, какъ проволока, впивались и мучили его.

То, что онъ говорилъ Николаю, было правда, но не справедливость. Любовь къ Иринѣ и жалость къ ея положенію, косвеннымъ виновникомъ котораго, можетъ быть, былъ онъ, обязывали его найти выходъ и для нея и для себя.

Онъ былъ силенъ, онъ презиралъ всю подгнившую условность жизни, мѣшавшую людямъ свободно стремиться къ счастью и наслажденію, но какая-то непонятная, отравляющая струя вносила разложеніе въ его рѣшительность.

Когда онъ вышелъ въ узкій, темный корридоръ, пропитанный запахами кухни и людской плотоядности, ему хотѣлось сдѣлать прямо-таки сильное физическое движеніе, чтобы выжать изъ себя эту отвратительную струю.

Онъ стиснулъ зубы и сжалъ кулаки, точно приготовляясь на отчаянную и рѣшительную борьбу съ этимъ внутреннимъ ядовитымъ врагомъ.

Весь ушедшій въ себя, онъ, тяжело ступая, шагалъ ничего не видя передъ собою, но неожиданное длинное кошмарное пятно впереди заставило его содрогнуться и ощутить непріятный внутренній холодъ, прежде чѣмъ онъ поднялъ глаза. Пятно это колебалось тамъ, гдѣ потныя стѣны корридора какъ бы смыкались въ глухой уголъ; оно заставило его впиться въ него взглядомъ.

Онъ сразу узналъ Вѣтвицкаго, направлявшагося къ кабинету художниковъ.

Лосьевъ опять вздрогнулъ отъ неожиданности и въ ту же минуту ощутилъ въ себѣ смѣлость и строгую слитную цѣльность животнаго, готоваго къ борбѣ, что всегда ощущалъ въ важныя, рѣшительныя минуты жизни. Даже въ движеніяхъ своихъ онъ почувствовалъ особенную легкость и упругость.

Уже по походкѣ Вѣтвицкаго, напряженной и неестественной, онъ замѣтилъ, что Вѣтвицкій его узналъ и идетъ къ нему навстрѣчу, какъ къ врагу.

Онъ не видѣлъ лица его, такъ какъ идущій былъ обращенъ спиной къ свѣту, но за смутными пятнами онъ угадывалъ выраженіе скрытой ненависти и злобы.

И по мѣрѣ того, какъ сокращалось разстояніе между ними въ этомъ узкомъ корридорѣ, сгущалась и напрягалась самая атмосфера, точно это были двѣ тучи, сближеніе которыхъ должно было вызвать огонь молніи съ ея смертельнымъ ударомъ. Они шли другъ на друга по одной линіи, съ очевиднымъ намѣреніемъ не уступать. И когда подошли почти вплотную и эта атмосфера раздѣлявшая ихъ, стала почти осязаемо плотной и упругой, оба остановились и, не протягивая рукъ, взглянули другъ другу прямо въ глаза.

Между ними стѣной встала напряженная тяжелая тишина, которой не касался разнообразный и нестройный шумъ, доносившійся со всѣхъ сторонъ: изъ кабинета художниковъ попрежнему долеталъ гулъ, справа звенѣлъ женскій смѣхъ, и жирный актерскій голосъ декламировалъ, должно быть, юмористическое стихотвореніе. Ко всему этому примѣшивался назойливый звонъ телефона и посуды.

Первый заговорилъ Вѣтвицкій. Голосъ его былъ сухой и ровный.

— Это кстати, что я встрѣтился съ вами. Такимъ образомъ я избавленъ отъ лишнихъ...—онъ сдѣлалъ брезгливое движеніе губами и повторилъ...—отъ лишнихъ непріятностей.

Лосьевъ едва различалъ черты его лица, но уже по голосу видѣлъ каждое измѣненіе его выраженія и думалъ съ тяжелымъ спокойствіемъ: «Все онъ знаетъ, или не все?»

— То, что вы позволили себѣ по отношенію ко мнѣ,—продолжалъ Вѣтвицкій,—ко мнѣ лично, я бы могъ оставить безъ вниманія, но вы коснулись человѣка близкаго мнѣ.

Лосьеву казалось, что его голосъ, холодный и скользкій, черезъ слухъ проползалъ по всему его тѣлу. Въ послѣднихъ словахъ его онъ нашелъ отвѣтъ на свой вопросъ и съ облегченіемъ мысленно сказалъ себѣ: «знаетъ». Въ это же самое время его

наполнило нѣчто въ родѣ торжества надъ нимъ, граничившаго съ легкимъ презрѣніемъ. Ему хотѣлось сказать: «Зачѣмъ ты такъ злобствуешь? Вѣдь ты не считаешь себя торгашомъ, а поступаешь такъ, какъ будто купилъ ее.» Послѣ этого ему не важно было все, что скажетъ дальше Вѣтвицкій. Это сразу освободило его отъ въѣдчивыхъ путъ. Онъ почувствовалъ необыкновенную легкость и почти весело прервалъ его:

— Я самъ радъ этой встрѣчѣ. Тутъ объяснять и оправдываться нечего. Вы находите, что я оскорбилъ васъ...

Вѣтвицкій сдѣлалъ брезгливое движеніе, какъ бы изгоняя этимъ всякій намекъ на ту правду, которую онъ предполагалъ, но не допускалъ и тѣни предположенія со стороны другихъ. Видно было, что ему хотѣлось скорѣе окончить это объясненіе, и, можетъ быть, болѣе всего изъ боязни услышать подтвержденіе этого прилипчиваго и пятнающаго его предположенія.

Онъ поспѣшилъ высказаться.

— Я врагъ всякаго шума и грязныхъ сплетенъ. Надо насколько возможно оградить себя отъ нихъ. Вы въ своей работѣ умышленно, или, может быть, случайно, сдѣлали то, что я не могу оставить безнаказаннымъ. Вотъ и все.

Онъ какъ будто одеревенѣлъ послѣ этихъ словъ, рисуясь передъ Лосьевымъ длиннымъ и темнымъ силуэтомъ, мучившимъ его воображеніе.

Лакей въ черномъ прошмыгнулъ мимо нихъ, балансируя на вытянутыхъ короткихъ рукахъ подносомъ, уставленнымъ приборами для кофе и ликеромъ.

— Я радъ,—опять весело отозвался Лосьевъ.

Вѣтвицкій ничѣмъ не отвѣтивъ на эти слова, прямо пошелъ въ кабинетъ, непріятно шаркая по асфальтовому полу резиновыми калошами.

Лосьевъ посмотрѣлъ вслѣдъ. Ему захотѣлось какой-нибудь мальчишеской выходкой проявить свое душевное освобожденіе.

«Завтра надо ждать секундантовъ», подумалъ онъ.

Эта мысль показалась ему до того забавной, что онъ вслухъ расхохотался и съ улыбкой вышелъ изъ ресторана.

Онъ зашагалъ прямо домой. Вечернее уличное движеніе также веселило и забавляло его.

— Наконецъ-то, наконецъ-то! — повторилъ онъ. — Такъ-то лучше.

Онъ стоялъ теперь на границѣ новой жизни, стряхнувъ съ себя ложь, мѣшавшую ему чувствовать себя свободнымъ и сильнымъ, какъ раньше, и сквозь безпорядочную скачку мыслей и чувствъ все настойчивѣе и глубже захватывало его желаніе видѣть Ирину.

Передъ дуэлью это даже было необходимо.

Ему ни на минуту не приходила мысль о томъ, что онъ можетъ быть убитъ, еще менѣе онъ думалъ о смерти Вѣтвицкаго, такъ какъ рѣшилъ стрѣлять въ воздухъ. Не пистолетный выстрѣлъ, а именно свиданіе съ ней послѣ объясненія съ Вѣтвицкимъ должно было обрѣзать послѣднюю черную нить.

Обыкновенно онъ входилъ домой черезъ мастерскую, всегда хоть на минуту останавливаясь передъ своей новой работой, но на этотъ разъ почему-то прямо прошелъ въ квартиру.

Его нѣсколько удивило, что онъ не встрѣтилъ никого въ передней и дальше: вѣрно прислуга была у ребенка. Онъ пошелъ туда и тихо отворивъ дверь, сразу увидѣлъ Ирину возлѣ бѣлой кроватки.

Такъ это и должно было случиться. Сама судьба шла ему навстрѣчу.

— Любимая! Славная! Любимая!—шептали его губы.

Все радостно и благодарно заволновалось въ немъ, при видѣ этой милой легкой фигуры, склоненной надъ спящимъ дѣтскимъ личикомъ.

Кормилица и горничная стояли тутъ же въ отдаленіи, и свѣтъ лампадки трепеталъ въ воздухѣ, какъ золотая улыбка кротости.

Ирина не замѣтила его появленія и догадалась о немъ только по суетливому замѣшательству прислуги. Обернувшись, она не выразила ни смущенія, ни испуга: она была охвачена тепломъ и лаской этого нѣжнаго чувства, которое возбудилъ въ ней спящій и ровно сопѣвшій розовенькій мальчикъ; головка его, какъ цвѣточекъ, темнѣла на подушкѣ въ бѣломъ чепчикѣ съ выглядывавшимъ изъ-подъ кружевца пухомъ волосъ.

— Какой онъ славный,—съ растроганнымъ лицомъ обратилась она къ Лосьеву и, только послѣ этого замѣтивъ его протянутую руку и радостно охватывавшіе ее глаза, заговорила торопливо:

— Мнѣ такъ хотѣлось его видѣть. Я только что пришла. Я сейчасъ уйду. Мнѣ больше ничего не надо.

Но Лосьевъ уже былъ возлѣ нея.

— Зажгите тамъ лампу,—распорядился онъ прислугѣ, не находя словъ, чтобы отвѣтить что-нибудь на ея торопливое бормотаніе и только съ безконечною благодарностью сжимая ея руку, эту милую, нѣжную руку, одно прикосновеніе которой сообщало ему таинственную близость счастья, точно она касалась самой его души.

Она сдѣлала движеніе, желая освободить свою руку. Это испугало его. Онъ удержалъ ея пальцы и, умоляюще на нее глядя, сталъ говорить, забывъ о томъ, что здѣсь кормилица:

— Вы не можете уйти такъ. Нѣтъ, нѣтъ... Я васъ не пущу, пока не скажу послѣдняго слова.

— Я пришла посмотрѣть ребенка,—повторила она, безпокойно взглянувъ въ сторону кормилицы.

— Да. Я знаю, я знаю, но вѣдь это не все. Намъ нечего говорить слова. Вы пришли и это хорошо. Это такъ надо. Это сама судьба.

— Я не думала, что встрѣчу васъ.

— Все равно, я долженъ былъ видѣть васъ.

Онъ потянулъ ее за руку и провелъ въ мастерскую, гдѣ привыкъ вполнѣ чувствовать себя самимъ собою.

Ее взволновали эти стѣны, изъ которыхъ она внесла въ свою жизнь ложь и притворство.

Заставилъ содрогнуться видъ этого дивана, и она сѣла на скамейку, стоявшую поодаль.

Самъ онъ не сѣлъ. Стоя передъ ней, онъ не зналъ, съ чего ему начать. Такъ много хотѣлось высказать и такъ все это было важно. Онъ лихорадочно радостно думалъ:

«Она пришла... Видѣла ребенка... Она все поняла»...

Нѣжность, доходящая до жалости къ ней, которую ему внушалъ одинъ видъ ея все еще дѣвической фигуры съ опущенной головой, заставила его прежде всего подойти къ ней, чтобы успокоить ее, ободрить.

— Я такъ благодаренъ, такъ безконечно благодаренъ вамъ, что вы пришли. Вы чудная. Поднимите на меня свои глаза. Глядите на меня. Я хочу, чтобы вы не только слышали, но видѣли тѣ слова, которыя я долженъ сказать вамъ.

Онъ задыхался отъ волненія. Оно подступало къ горлу, приливало къ глазамъ. Голосъ обрывался: то поражалъ глубиной, то падалъ отъ безсилія выразить все, что хотѣлось.

— Вы знаете, какъ я отнесся къ вашему письму. Я стиснулъ въ себѣ мою любовь къ вамъ, но я не могъ задушить ее, да и вы не хотѣли этого. Я хотѣлъ уѣхать. Но развѣ это можно!.. Развѣ я могъ уѣхать безъ васъ! Вы пришли. Вы поняли, что все это безсмыслица. Нельзя зарывать живымъ то, что выросло такъ, какъ выростаетъ изъ земли сильное растеніе.

— Я только пришла посмотрѣть ребенка,—опять повторила она, но уже въ голосѣ ея не слышалось ни твердости, ни увѣренности. И глаза ея, которые стали еще больше, чѣмъ прежде, оттого, что она похудѣла, глядѣли и не глядѣли въ его лицо, боясь прочесть въ немъ ту правду, которую онъ хотѣлъ сказать.

— Вы пришли, потому что дальше нельзя было продолжать это преступленіе. Да... да... преступленіе!—съ загорѣвшимися глазами воскликнулъ онъ.—Я бы не сказалъ этого никогда, ни-

когда, вѣрьте мнѣ, если бы только мое молчаніе, это каменное молчаніе принесло вамъ хоть каплю счастья. Что я говорю, счастья, успокоенія.

— Если бы у меня былъ ребенокъ,—вырвалось у нея, и она еще ниже опустила голову.—Я все ждала. Я надѣялась. Мнѣ бы больше ничего не надо было.

Эти кроткія слова, вылетавшія изъ ея горла, приливали къ его сердцу, какъ волны. Онъ отнялъ ея руки отъ лица и безсвязно, порывисто говорилъ:

— Моя милая, нѣжная, святая. Поймите, я хочу счастья, счастья для васъ и для себя. Оно здѣсь, съ вами... Не уходите отсюда и не уносите его съ собою. Вы подумайте: тамъ опять ложь, притворство, здѣсь—правда и любовь. Этотъ мальчикъ, этотъ ребенокъ... Вы вѣдь полюбите его. И развѣ *тому* принесетъ счастье ваша близость! Ни ему, ни вамъ. Вы будете лгать. что любите его, онъ—что вамъ вѣритъ.

Она прервала въ отчаяніи:

— Онъ будетъ страдать... Онъ страдаетъ. За что я его такъ, такъ... оскорблю... убью?.. Если бы у меня былъ ребенокъ!.. Я бы все перенесла...

Лосьевъ говорилъ, не слушая ее:

— Я согласенъ, онъ благороденъ, онъ обожаетъ васъ, но чѣмъ выше всѣ его достоинства, всѣ его чувства, тѣмъ страшнѣе вся эта ложь.

Онъ усиливалъ свой голосъ съ каждымъ словомъ; онъ почти кричалъ послѣднія слова и они наполняли стѣны и зажигали самый воздухъ тысячами искръ, которыя сверкали у нея передъ глазами и опьяняли ее своими радужными сочетаніями и измѣненіями. Да, она не только слышала теперь его слова, эту правду, которую носила и въ себѣ, она ловила ее глазами въ его глазахъ то умоляющихъ, то вспыхивавшихъ дикимъ пугавшимъ ее блескомъ, въ чертахъ поблѣднѣвшаго его лица, которыя измѣнялись такъ странно и такъ ярко, точно въ каждомъ словѣ была своя душа и эта душа отражалась въ его лицѣ.

— Но что же мнѣ дѣлать! Что мнѣ дѣлать? Я не хочу быть виноватой передъ нимъ. Я не хочу ему зла...

— Оставить его. Уйти со мною. Почему ты для него, а не для меня? Гдѣ тотъ Богъ, который можетъ выдумывать законы, поливающіе кровью—ложь! Убить природу! Заковать душу. Сдѣлать изъ нея прислужника — орудіе того, что люди называютъ долгомъ. Для кого это нужно? Зачѣмъ?

— Но почему же я не могу поступить такъ... спокойно и чтобы совѣсть не мучила...—тоскливо спрашивала она, больше, впрочемъ, себя спрашивала, чѣмъ его.

Что онъ могъ возразить ей противъ того, что самъ въ ней обилъ? Вѣдь это была не логика, не доводы ума, а голосъ свѣтой женственности, олицетвореніемъ которой она являлась. Но ѣмъ ближе, тѣмъ необходимѣе она была для его жизни.

Онъ въ безпомощномъ отчаяніи развелъ руками, потомъ всплеснулъ ими и сжалъ ихъ до того, что они хрустнули въ суставахъ.

До этой минуты онъ казался ей сильнымъ, какъ потокъ, который сорвался съ вышины и кружилъ и крутилъ ея волю, этотъ маленькій листокъ, а теперь онъ почему-то сразу предсталъ ей жалкимъ и слабымъ, хотя не было ничего такого, что могло бы уронить его въ ея глазахъ. Но тогда ей хотѣлось бороться съ нимъ, а когда онъ такъ вотъ безнадежно развелъ руками, — тянуло утѣшить его, какъ ребенка.

— Оставить его? Уйти съ тобой? — повторила она, обѣими руками взявъ его голову и близко, близко наклоняясь къ нему. Неужели я не думала объ этомъ тысячи разъ. Все время!

— Такъ что же?

Ея руки упали; она отвернулась. Она искала словъ, искала мыслей, за которыя могла бы ухватиться, и нашла.

— Я боюсь. Да, кромѣ всего, кромѣ этой муки... Я боюсь.

— Боишься! Чего?

— Я боюсь, что это не принесетъ тебѣ счастья. Понимаешь, не оттого, что ты разлюбишь меня, а...

Она не договорила этихъ словъ и съ усиліемъ, обернувшись къ нему, прошептала:

— Вѣдь ты любилъ ее... ту? Это не ревность, пойми, это не ревность,—поспѣшила настойчиво добавить она.—Доказательство, что я люблю ея ребенка... вашего ребенка... Но послѣ того, какъ я была здѣсь тогда... Нѣтъ, нѣтъ, постой, дай мнѣ договорить.

Она перевела дыханіе.

— Скажи мнѣ, только скажи честно... прямо: не подумалъ ли ты на одно мгновеніе, хоть такъ только одной точкой своего ума, что все то, что произошло тогда, было лишнее? Не отвѣчай сразу. Подумай.

Онъ понялъ, о чемъ она говоритъ. и, спокойно и ясно глядя въ ея глаза, отвѣтилъ:

— Да, я думалъ это.

Несмотря на то, что она сама ждала такого отвѣта, она испугалась его.

Но онъ съ твердостью и еще большей ясностью продолжалъ:

— И именно потому, что я думалъ это, ты должна понять, насколько сильно мое чувство къ тебѣ—та душа моей природы которая подымается, какъ ароматъ отъ созрѣвшаго цвѣтка, и ищетъ другого родственнаго ей цвѣтка другой души.

Онъ обрадовался самъ этому объясненію, которое пришло ему въ голову такъ неожиданно и такъ много освѣщало ему самому, и продолжалъ, вернувшись къ ея словамъ:

— Да, я любилъ ее. Но это была любовь тѣла, а все, что оживляетъ это тѣло, одухотворяетъ его, все это любило и искало тебя, одну тебя. Ты видишь... понимаешь.

Онъ взялъ ея руки и притягивалъ ее къ себѣ, но она тихо встала и, побѣжденная, глядя на него, все еще стоявшаго передъ ней на колѣняхъ, сказала:

— Хорошо. Я сдѣлаю такъ, какъ ты хочешь.

У него вырвался радостный крикъ и это едва не заставило ее раскаяться.

Развѣ здѣсь можно было торжествовать побѣду!

Она грустно его остановила

— Пойдемъ. Я хочу еще разъ посмотрѣть на ребенка.—И направилась въ дѣтскую. Онъ пошелъ за ней, весь, какъ музыкой полный дрожью внутренняго восторга, и видѣлъ, какъ она, наклонившись надъ бѣлой кроваткой, долго не поднимала головы.

Это было откровеніе для него и оно шло отъ той милой фигуры, освѣщенной лампадкой, какъ золотой улыбкой кротости. Она была чужая этому ребенку и вмѣстѣ съ тѣмъ казалась болѣе близкой, чѣмъ мать. Тутъ была своя глубокая тайна... Предопредѣленіе. Да, предопредѣленіе.

Когда она подняла голову и взглянула на него, глаза ея были полны слезъ, но на лицѣ свѣтилась почти счастливая улыбка.

Святыня материнства, заговорившаго въ ней сильнѣе всѣхъ другихъ чувствъ, заставила ее протянуть Лосьеву руки и сказать голосомъ, который вызвалъ у него изъ души слезы:

— Если у меня будетъ собственный ребенокъ, я все же не перестану любить этого мальчика, какъ своего. Да, какъ своего собственнаго. А теперь до свиданья.

Онъ не сталъ ни удерживать ее, ни разспрашивать, когда и какъ осуществитъ она свое намѣреніе.

За воротами, около перваго же извозчика, она простилась съ нимъ.

Лосьевъ глядѣлъ ей вслѣдъ. Она не оборачивалась. Онъ загадалъ: если обернется, значитъ будетъ все хорошо. Онъ затаилъ дыханіе, своимъ взглядомъ и всей волею заставляя ее обернуться. Экипажъ продолжалъ удаляться. Она не оборачивалась.

Онъ готовъ былъ крикнуть:

— Да обернись же!

И какъ ни малодушно было его ожиданіе, — когда экипажъ темнымъ, грохочущимъ силуэтомъ повернулъ за уголъ и она не обернулась, у него сердце сжалось и настроеніе сразу круто пе-

реломилось. Однако, онъ все еще слушалъ стукъ удаляющихся колесъ, заставлявшій его холодѣть отъ какого-то страшнаго намека.

«Да, именно такъ стучала земля, падая на крышку гроба, когда засыпали Унику».

Онъ вернулся къ калиткѣ, и, когда взялся за большую желѣзную ручку, ощущеніе холодной сырости на желѣзѣ, заставило его содрогнуться.

За рѣшеткой темнѣлъ садъ, мокрый отъ непривычной февральской оттепели. Изъ глубины сада, гдѣ стоялъ домъ, сквозь тяжелую зелень хвой просвѣчивалъ огонекъ. Это былъ единственный свѣтъ; все небо было въ тучахъ. Деревья выступали черными, мягкими, какъ шерсть, купами и кое-гдѣ изъ нихъ смотрѣли непонятныя бѣлесоватыя пятна, и отъ нихъ тянуло ужасомъ.

Гремя желѣзной цѣпью, тревожно залаяла собака, вырывая клочья изъ удушливой тишины этой ночи. Неожиданный лай заставилъ его вздрогнуть: ему почудились скользящіе шаги. Онъ торопливо захлопнулъ калитку и заперъ на ключъ.

Можетъ быть, это прошелъ вѣтеръ. Вздохнуло море.

Ему стало стыдно за свой нервный, неопредѣленный страхъ. Онъ нерѣшительно держалъ ключъ въ рукѣ. Нѣтъ, ему не хотѣлось идти домой.

Онъ пошелъ прочь отъ калитки, волоча за собою и этотъ прилипавшій къ нему страхъ, и неловкость передъ собой за страхъ.

Что случилось?

Сѣдая и слезливая ночь слѣдовала за нимъ со своею жуткой печалью и молчаніемъ. Странно, что именно теперь онъ чувствовалъ себя такимъ безнадежно одинокимъ.

Что случилось?

Онъ попробовалъ объяснить себѣ это предстоящей дуэлью. Нѣтъ, мысль о ней нисколько не задѣвала его. И это также было странно. А вдругъ...

Въ дѣтствѣ, въ грозу онъ спрятался подъ дубъ. Молнія ударила въ этотъ дубъ и дубъ съ трескомъ раскалолся на пять частей. Очнувшись, онъ не испыталъ испуга. Онъ съ захватывающимъ, радостнымъ волненіемъ видѣлъ, какъ надъ свѣжими, влажными, кое-гдѣ опаленными расщеплинами въ покорномъ изнеможеніи качались густые, еще зеленые листья. Надъ дубомъ дымилась туча и въ воздухѣ пахло гарью.

Величественная смерть.

Не тогда ли онъ почувствовалъ, что смерть въ природѣ такъ же прекрасна, какъ и жизнь. Эта мысль внезапно оборвалась

и онъ думалъ дальше безъ всякой видимой связи съ тѣмъ, что думалъ раньше.

«Можетъ быть, сейчасъ, въ эту минуту, она говоритъ съ нимъ».

Онъ живо себѣ представилъ лицо Вѣтвицкаго. О чемъ тутъ говорить? Въ чемъ убѣждать? Человѣкъ отъ человѣка отвоевываетъ свое право на счастье! Вотъ въ чемъ настоящій ужасъ жизни. И не это ли такъ безпокоило и пугало его сейчасъ? Онъ повернулъ влѣво и остановился.

Передъ нимъ, сквозь низкія сѣрыя облака пробивалось зарево, будто надъ моремъ всходила луна.

Черный силуэтъ маленькой церкви, выступалъ одинъ на этомъ дышащемъ огнемъ фонѣ неба, и крестъ на прямоугольной колокольнѣ поблескивалъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Крестъ погасъ, силуэтъ церкви слился съ мракомъ и тучами, но зарево дышало глубже и сильнѣе.

Оно напоминало ему что-то... Да, да, картину Лозинскаго. Онъ ускорилъ шаги: этотъ переулокъ велъ къ Лозинскому... Тамъ дальше пустырь, брошенная каменоломня.

Онъ уже бѣжалъ, охваченный тревогой и опасеніемъ.

Груда камней бѣлѣла на дорогѣ. Онъ опять едва не наткнулся на нихъ. Теперь ужъ онъ почти не сомнѣвался. Онъ видѣлъ черные клубы дыма, иногда отсвѣчивающіе взрывами пламени, вырывавшимися точно изъ бездны.

Онъ подбѣжалъ къ обрыву.

Внизу, у самыхъ волнъ, между горбатыми холмами, въ сторонѣ отъ заколоченныхъ дачъ, изъ низкаго бѣлаго дома лилось пламя: оно со свистомъ вырывалось въ расщелины черной крыши, высоко выбрасывая легкія, зловѣще крутившіяся въ дыму «галки»; бѣшено тянулось огненными языками въ окна, облизывая и стропила, и стѣны; черное, скрюченное какъ отъ боли огромное дерево рисовалось страшнымъ скелетомъ, все пронизанное огнемъ.

Гдѣ Лозинскій?

Мѣсяцъ тому назадъ Лосьевъ встрѣтилъ его въ томъ же кабачкѣ, гдѣ былъ съ нимъ въ день знакомства. Этотъ художникъ, которому безуміе мѣшало стать геніемъ, а геніальность не давала права назвать его сумасшедшимъ, сдѣлалъ видъ, что не узналъ Лосьева, и тотчасъ же убѣжалъ изъ кабачка.

Можетъ быть, онъ тамъ, въ бѣснующемся пламени? Это была бы красивая смерть для него.

Лосьевъ бросился по тропинкѣ внизъ, скользя въ темнотѣ по грязи, обрываясь и спотыкаясь на камни. Онъ уже слышалъ трескъ разрушенія. Пламя озаряло ему мокрую тропинку.

Когда онъ подбѣжалъ къ дому, тотъ представлялъ собою

сплошной костеръ; и думать нечего было спасти кого-нибудь и что-нибудь.

— Картина?!—въ паническомъ ужасѣ и отчаяніи закричалъ Лосьевъ, сжавъ руками голову.

Пламя плотными клубами поднималось къ небу вытягиваясь тамъ длинными фантастическими фигурами съ протянутыми къ верху руками, разрываясь высоко надъ землею вздымавшимися, какъ въ бурю, облаками и тучами, среди огня, отраженнаго волнами, которыя казались кровавыми.

Голубятня стояла въ отдаленіи, еще не тронутая пламенемъ, но испуганные голуби вырвались оттуда и растеряно метались надъ пожаромъ, пугаясь другъ друга и черныхъ «галокъ», мелькавшихъ среди нихъ, какъ живыя птицы, рожденныя стихіей, справлявшей ужасный праздникъ.

И вокругъ никого, ни одного человѣка.

Картина Лозинскаго горитъ тамъ! Пророчество! Пророчество! Не самъ ли художникъ устроилъ эту огненную оргію своихъ замысловъ?

Лосьева обуялъ ужасъ, настоящій животный ужасъ, такъ что ноги задрожали. Онъ, озираясь, сталъ пятиться отъ огня и вдругъ отпрянулъ въ сторону. Около террасы заколоченной дачи мелькнула фигура Лозинскаго.

— Лозинскій! — внѣ себя закричалъ Лосьевъ.

Лозинскій метнулся въ сторону и пропалъ.

Лосьеву послышался смѣхъ. Нѣтъ, онъ не могъ слышать смѣха. Шумѣло море, трещали падающіе обломки, шипѣло и свистѣло пьяное пламя, вытягиваясь въ вышинѣ длинными фантастическими фигурами съ протянутыми къ небу руками.

Глава VIII.

Ночь, день и еще ночь.

Они сходились вмѣстѣ, говорили, говорили, съ ужасомъ чувствуя все безсиліе словъ и полную непонятность ихъ для другаго.

Одни и тѣ же слова не только были окрашены въ разные цвѣта, но и имѣли совершенно разное значеніе для обоихъ и чѣмъ больше они старались объяснить то, что въ сущности было такъ просто и ясно, тѣмъ больше сознавали полную невозможность этого.

Тогда каждому изъ нихъ казалось, что другой притворяется непонимающимъ по своей жестокости, холодности, безучастію.

Они расходились, растерзанные, раздавленные какой-то ложью, которая лежала внѣ ихъ, и тогда она думала: «Все это безплодно, Лучше было бы уйти, ничего не говоря ему, или написать... написать впослѣдствіи, когда все войдетъ въ свои берега». Она жалѣла,

что поздно пришла къ этому рѣшенію. Ей помѣшало, помимо всего, еще одно, быть можетъ, затаенное желаніе: оставить въ немъ память по себѣ, ничѣмъ не запятнанную, не отравленную, хотя бы это было сопряжено для него еще съ большимъ страданіемъ о ней.

И явная невозможность ее раздражала и даже оскорбляла. Проводя послѣднюю ночь подъ однимъ кровомъ съ нимъ, то съ досадой, то съ сожалѣніемъ она слушала доносившіеся до нея изъ залы его скользящіе монотонные шаги.

Она знала, что онъ страдалъ. Видѣла это страданіе такъ ясно, что сердце ея блѣднѣло отъ страха за свое будущее. Нѣсколько разъ приближалась къ двери, чтобы пойти къ нему, смягчить его страданіе, но представляла себѣ его лицо, слова, эти свинцовыя тяжелыя слова, которыя онъ произносилъ съ удушливымъ спокойствіемъ и значительностью, и тогда руки ея безсильно падали и безнадежность такъ разливалась во всемъ тѣлѣ, что во рту ощущалась ѣдкая горечь ея.

Но не было ни раскаянія, ни сознанія вины передъ нимъ.

Въ ней сказалась женщина; для нея было выше всего ея чувство, ея природа непреложная, какъ магнитная стрѣлка.

Она сказала ему все. И съ той минуты, какъ сказала, почувствовала себя правой передъ нимъ. Это удивило ее самое. И когда его страданіе, какъ ей казалось, мѣшало ему оцѣнить эту правду, въ ней поднималось раздраженіе, доходившее до какого-то мстительнаго чувства.

Она почти сознавала, что его страданіе броситъ траурную холодную тѣнь на все ея будущее, и тогда зубы ея стискивались отъ чувства, похожаго на негодованіе, и она инстинктивно старалась утвердить это чувство на томъ, что въ сущности меньше всего могло послужить его оправданію.

То вспоминала, какъ онъ хрустѣлъ за утреннимъ чаемъ сухарями, то—какъ тщательно провѣрялъ сдачу.

И это въ то самое время, когда, по его словамъ, для него рѣшался вопросъ жизни и смерти.

Потомъ ей становилось стыдно за эти низкія мелочи, но она знала, что при новыхъ объясненіяхъ не обойдется безъ этихъ навязчивыхъ мелочей.

Она отходила отъ двери, опускалась на жесткій стулъ у окна и тупо глядѣла на сѣдѣющую отъ разсвѣта ночь.

Его шаги казались ей далекими отъ нея. Между нимъ и ею какъ бы лежала уже пропасть, черезъ которую они не могли даже подать другъ другу руки, чтобы проститься.

Это ясно сознавалъ и Вѣтвицкій.

Онъ давно предчувствовалъ катастрофу, но старался объ этомъ не думать и даже не представлялъ себѣ ея возможности.

Теперь, когда все это совершилось, онъ увидѣлъ, какой онъ чужой ей.

И чужимъ былъ ей со дня перваго ихъ объясненія. Онъ никогда не почувствовалъ той близости, когда присутствіе любимаго и любящаго человѣка придаетъ безконечную полноту жизни, бросаетъ свой свѣтъ на прошлое и будущее, а въ настоящемъ одушевляетъ каждый предметъ, каждое движеніе.

Жена никогда не любила его и онъ видѣлъ себя оскорбленнымъ за свою любовь, за эту беззавѣтную довѣрчивость души, которую такъ расточалъ взамѣнъ обманчивыхъ трепетаній и отблесковъ другого чувства, никогда ему не принадлежавшаго и не ввѣряемаго.

Ну что-жъ, опять останется одинокимъ, какъ прежде.

Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что не какъ прежде: у прежняго одиночества отнятъ навсегда его покой, его неподвижная осенняя ясность.

Пришла судьба и отравила источники, питавшіе это одиночество.

Ирина была совсѣмъ не то, что онъ представлялъ себѣ.

Онъ ее не зналъ, не понималъ раньше. И теперь встрѣтилъ дикое упорство новаго чувства, дѣлавшаго ее безпощадной къ нему.

Пробовалъ ее убѣждать—убѣжденія были жалкими, ничтожными; хотѣлъ ее тронуть, и наткнулся на окаменѣвшее къ нему сердце; напугать будущимъ, презрѣніемъ общества, и встрѣтилъ непоколебимую стойкость и полное пренебреженіе къ тому, что даже для него было важно и страшно.

Среди этаго хаоса и голосовъ, которые стонали въ немъ, одинъ голосъ, особенно безпомощный, все время спрашивалъ: «за что? за что?»

Какъ будто на этотъ вопросъ кто-нибудь могъ дать настоящій отвѣтъ.

И оскорбленный готовъ былъ видѣть предательство тамъ, гдѣ не было ничего, кромѣ холодности къ нему и любви къ другому.

Скосивъ узкія плечи, сцѣпивъ за спиной руки, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ своей размѣренной, монотонной походкой, а внутри его стонало горе, какъ брошенное раненое животное.

Иногда это горе, усталое, замирало, и тогда онъ съ укоромъ смотрѣлъ туда, гдѣ была она; ему становилось жаль себя, лицо его принимало дѣтски-растерянное выраженіе.

Если бы она вошла въ эту минуту такою, какой онъ хотѣлъ ее видѣть!

И вдругъ ему слышались ея шаги, лицо мгновенно каменѣло, въ глазахъ само собою являлось холодное брезгливое выраженіе,

и къ ней, и къ тому человѣку, ненавистному какъ склизь, которой противно коснуться.

Если бы она сказала ему все это раньше!

Предстоящая дуэль дѣлала его еще болѣе смѣшнымъ и позорнымъ въ собственныхъ глазахъ.

Было такъ безвыходно тяжело, что онъ радъ умереть. Но быть убитымъ тѣмъ, вторгшимся въ его жизнь чужимъ человѣкомъ,— это представлялось новымъ униженіемъ.

Неизвѣстно, какъ возникшая увѣренность, что онъ убьетъ его, все-таки не давала ему ни капли торжества. Развѣ это возстановитъ его отношенія съ женой.

Можетъ быть, возможно было вернуть прежнюю форму, но эта форма была бы наполнена не любовью и счастьемъ, а еще большимъ непониманіемъ и враждой.

Онъ продолжалъ размѣренно и однозвучно ходить изъ угла въ уголъ, отъ бронзы Танагра къ большому, уродливо чернѣвшему въ темнотѣ роялю.

Сквозь всѣ эти отягощавшія его чувства онъ со страхомъ прислушивался къ состоянію своего тѣла.

Черезъ нѣсколько часовъ ему нужны были твердость, спокойствіе, чтобы не вызвать со стороны сожалѣнія, улыбки.

Онъ боялся мигрени, искажавшей лицо, перекашивавшей глаза и заставлявшей дрожать члены. Онъ зналъ, что если съ разсвѣтомъ не будетъ мигрени,—все обойдется.

Стеклянный потолокъ запотѣлъ и сквозь него, какъ слезы, просачивались капли разсвѣта, растворявшія рѣющій сумракъ ночи.

Этотъ болѣзненный влажный свѣтъ сталъ отзываться холодкомъ въ его конечностяхъ, всегда предшествовавшимъ мигрени.

«Заводитъ», съ ужасомъ опредѣлилъ онъ это противное ощущеніе.

И дѣйствительно, какъ будто невидимый ключъ медленно и упорно закручивалъ тупую пружину боли.

Онъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгалъ къ лекарству, но на этотъ разъ рѣшилъ принять.

Затѣмъ опустился въ кресло, вытянулъ ноги, стараясь окаменѣть въ неподвижности, и почти тотчасъ задремалъ.

Разсвѣтъ все настойчивѣе впивался въ сумракъ, съѣдалъ его въ воздухѣ и стиралъ съ предметовъ. Часы, стучавшіе ночью отчетливо и осмысленно, теперь сонно и вяло продолжали обрѣзывать нити времени, сухо пощелкивая въ утренней тишинѣ.

Въ домѣ еще было совершенно тихо, когда Ирина услышала звонокъ.

Ее удивилъ голосъ Николая, донесшійся снизу, а потомъ голосъ ея мужа.

Она подошла къ окну и увидѣла карету.

Дверца кареты была отворена и возлѣ нея стоялъ и курилъ молодой докторъ очень маленькаго роста, знакомый ея и ея мужа.

Ею овладѣло безпокойство. Закралось подозрѣніе. Ей хотѣлось сбѣжать внизъ, разспросить Николая, но что-то удержало ее. Она не отходила отъ окна и пряталась за занавѣсъ, чтобы не быть замѣченной докторомъ, который курилъ папиросу, то и дѣло нетерпѣливо поглядывая на окно.

Лошади, покрытыя сѣдиной отъ морознаго инея, стояли неподвижно, какъ чугунныя.

Мостовая, зданія, телеграфная проволока, столбы, обледенѣлыя, блестѣли при утреннемъ свѣтѣ, какъ въ хрустальныхъ футлярахъ; послѣ вчерашней оттепели ночью ударилъ морозъ и все заключилъ въ ледяныя объятія.

Внизу хлопнули дверью.

Она увидѣла, какъ мужъ ея сошелъ со ступенекъ. Его лицо, наполовину закрытое поднятымъ темнымъ бобровымъ воротникомъ, казалось особенно блѣднымъ.

Въ ней заныло сожалѣніе.

Маленькій докторъ взглянулъ на часы и что-то сказалъ ея мужу. Тотъ кивнулъ головой и вялымъ движеніемъ руки указалъ доктору на карету.

Докторъ торопливо сѣлъ въ нее. Вѣтвицкій, согнувшись, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

Николай, отдавая приказаніе кучеру, сдѣлалъ движеніе, поскользнулся, но удержался за дверцу кареты. Зубы его сверкнули улыбкой. Онъ весело что-то воскликнулъ и скрылся за дверцой, громко захлопнувъ ее за собой.

Когда карета двинулась, ей хотѣлось разбить окно, остановить ихъ крикомъ, но она не могла сдѣлать ни одного жеста: въ ней омертвѣла воля. Но въ ушахъ раздавался особено звучный стукъ копытъ по обледенѣлымъ камнямъ.

Когда карета скрылась, она заметалась по комнатѣ и въ умѣ ея была одна только мысль: «Надо догнать. Надо помѣшать».

Она быстро начала одѣваться, вслухъ спрашивая себя:

— Какъ это сдѣлать? Какъ это сдѣлать?

Укоряла себя за свой вчерашній разговоръ съ мужемъ, укоряла себя за то, что не бросилась къ Николаю, когда услышала его голосъ, и не разспросила, не предупредила надвигающейся бѣды.

Сбѣжала внизъ, въ кабинетъ мужа, надѣясь найти объясненіе, помощь.

Тамъ былъ обычный порядокъ. Ящики стола были заперты на ключъ и всѣ вещи смотрѣли такъ холодно, какъ будто говорили: «Мы ничего не знаемъ».

Позвонила горничную. Та тоже ничего не знала; баринъ самъ отперъ дверь на звонокъ.

Былъ одинъ способъ все узнать,—поѣхать къ Лосьеву.

Но еще такъ рано. И можетъ быть она ошибается. Но оставаться въ домѣ и ждать не могла.

Она вошла въ переднюю, чтобы одѣться. Хотѣла уйти незамѣченной, но въ передней полотеръ съ дѣвушкой скатывали съ лѣстницы коверъ.

Ирина, переступивъ черезъ набросанные на полу щетки и коробки съ приторно пахнувшей мазью, вспомнила, что по понедѣльникамъ у нихъ натираютъ полы.

Въ передней было холодно и она, сама снимая коротенькую шубку, сказала, чтобы сейчасъ же затопили каминъ.

Дѣвушка бросилась помочь ей, удивленная такимъ раннимъ выходомъ барыни, и предложила ротонду, такъ какъ очень холодно.

Ирина послушно подставила плечи и ощутила пріятную теплоту легкаго, мягкаго мѣха.

На улицѣ все еще колебалась, ѣхать ли ей къ Лосьеву. Ноги ея скользили по льду.

Но она шла по направленію къ Лосьеву.

На перекресткѣ стоялъ извозчикъ. Дойдя до него, Ирина сразу рѣшила ѣхать.

«Какъ я могла колебаться въ такую минуту!»

Передъ ней выросталъ ужасъ. Она терялась.

Мимо нея прошмыгнулъ, не поднимая ногъ, нищенски одѣтый маленькій человѣкъ, съ лицомъ похожимъ на моржа, съ большой кипой газетъ въ рукѣ.

Ирина замѣтила, что его длинные нависшіе надъ губами обледенѣлые усы, смѣшно топорщась, смерзлись съ бородой.

Извощикъ отстегнулъ полость и, когда она сѣла, перекрестился на починъ.

Только проѣхавъ нѣкоторое время, она вспомнила, что надо сказать адресъ.

Извощикъ сказалъ, что нынче ночью оборвавшейся ото льда телеграфной проволокой убило сѣдока, ѣхавшаго изъ театра.

— Вотъ тебѣ и теятръ!—глупо ухмыльнувшись, заключилъ онъ.

Мѣстами оборванная телеграфная проволока висѣла толстыми ледяными нитями; мѣстами она свисала бриллiантовымъ гигантскимъ ожерельемъ, сгибая своею тяжестью телеграфные столбы, или переплеталась, образуя толстую стеклянную сѣть.

Ледъ былъ вездѣ и на всемъ. Все переливалось, отражало свѣтъ и еще болѣе леденило воздухъ.

И сердце холодила тоска отъ этой медленной невѣрной ѣзды; хотѣлось вскочить и бѣжать.

Она просила извощика ѣхать скорѣе, но это было безплодно. Лошадь не могла бѣжать быстрѣе по этой остекленѣвшей мостовой.

Когда подъѣхали, первое, что она замѣтила—настежь раскрытую калитку.

Это было дурнымъ знакомъ.

Она почти вбѣжала въ садъ, садъ былъ сказочный въ своемъ хрустальномъ одѣяніи.

На дорожкѣ валялись вѣтки, отломанныя тяжестью льда.

Все это мѣшало ей идти быстро и бередило ея досадливую тоску.

На заледенѣвшей будкѣ, среди холодно сверкавшаго, перепутаннаго льда, сидѣла большая каштановая собака и равномѣрно-отрывисто тявкала.

Открыла заспанная кормилица, узнала ее и сказала, что часъ тому назадъ за бариномъ заѣхали два господина и увезли его.

Ирина не сомнѣвалась, что случилось то, что она предполагала.

Стала разспрашивать кормилицу, куда именно они поѣхали.

Кормилица, обезпокоенная ея взволнованнымъ видомъ и голосомъ, растерянно качала головой.

Она не знала.

Можетъ быть, знаетъ въ домѣ кто-нибудь?

Но прислуга ушла на рынокъ и въ домѣ никого нѣтъ.

Ирина вошла въ домъ. И ощутила состояніе, испытанное уже ею, когда въ Швейцаріи она вступила въ узкое короткое ущелье, сразу охватившее ее сырымъ непріятнымъ холодомъ и сдавленной тишиной. Испуганная и безпомощная, она старалась миновать его скорѣе, но неподвижность тишины какъ будто повисла на ней и ослабляла ея ноги.

Съ трудомъ преодолѣвая слабость, отъ которой ноги дрожали, шла въ мастерскую, изъ мастерской въ спальню, въ дѣтскую, ища повсюду хоть намека на мучившую ее догадку.

Рылась въ его бумагахъ на столѣ, въ папкахъ, въ рисункахъ, все болѣе и болѣе убѣждаясь въ безнадежности своихъ поисковъ и въ ихъ ненужности.

Если бы даже и узнала, куда они поѣхали, развѣ она могла бы помѣшать имъ!

Теперь уже, можетъ быть, все кончено.

Что все?

Этотъ вопросъ только въ эту минуту возникъ и окаменѣлъ въ чудовищной угрозѣ.

Кто бы ни былъ убитъ,—тотъ или другой,—это роковое. Ни тому, ни другому она не протянетъ руки, если на этой рукѣ будетъ пятно крови.

А если нѣтъ... все кончится благополучно?

Во всякомъ случаѣ, она уже не вернется къ мужу.

Ребенокъ, вѣроятно, хотѣлъ ѣсть, онъ кричалъ все рѣзче и настойчивѣе. Этотъ крикъ отозвался въ ней болѣзненной горечью и отравленнымъ призывомъ новой жизни, чужой и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственно близкой ей.

Можетъ быть, около него никого не было. Но пойти къ нему она не могла.

Въ оцѣпенѣлой усталости она сидѣла, неуклюже сжавшись съ поджатыми ногами въ углу дивана, въ мастерской, среди глины, обломковъ формъ, гипсовыхъ торсовъ, рукъ и ногъ, закутанныхъ въ тряпки работъ.

Бѣлый, разсѣянный свѣтъ неподвижно стоялъ въ мастерской и мертвилъ безпорядокъ.

Усталость доводила до дремоты. Хотѣлось уснуть, но въ крови что-то гудѣло и ныло тревожнымъ набатомъ.

Услышавъ длинный звонокъ въ передней, она еще больше сжалась въ углу, опустошенная послѣдней минутой ожиданія и вся похолодѣвшая.

Возбужденный голосъ Николая отдавалъ приказанія.

Этотъ голосъ не только разбилъ тишину, онъ наполнилъ ее зловѣщими стонами. Что-то задвигалось, засуетилось и со всѣхъ сторонъ подступало къ ней съ холодомъ и угрозой.

Хотѣлось рвануться туда, но она не могла преодолѣть оцѣпенѣнія, какъ въ кошмарѣ.

У ней даже мелькнула мысль, что это дремота.

Но дверь открылась.

Передъ ней блѣдный, съ трясущейся челюстью стоялъ Николай.

— Зачѣмъ ты здѣсь? Уходи! Уходи!

Она впилась въ него глазами, чувствуя холодъ, струями пронизывавшій ея члены.

Николай склонился къ ней, дрожащими руками взялъ ея холодныя руки и съ испугомъ глядя въ ея глаза, надрывающимся голосомъ говорилъ:

— Ты знаешь. Ты все знаешь! Такъ уходи же. Уходи скорѣе.

Она стиснула больно его руки отъ ожиданія.

Онъ подавилъ спазму въ горлѣ.

— Уходи. Его сейчасъ привезутъ...

Николай, задыхаясь, глубоко захватилъ въ себя воздухъ, отвернулся и, заплакавъ крупными слезами, судорожнымъ вздохомъ протянулъ:

— Мертваго.

И громко началъ рыдать, трясясь отъ всхлипываній.

«Мертваго».

Это слово обрушилось на нее и ударило, какъ сорвавшійся камень.

Она ясно ощутила на себѣ его непреодолимую тяжесть; видѣла подъ нимъ раздавленными, изломанными—свое будущее, свои надежды. Еще живыя, онѣ содрогались и вопили жалобными, умирающими голосами; онѣ, умоляя, глядѣли глазами, вспыхивающими послѣдними искрами жизни, дѣтскими глазами, не постигавшими причинъ этого мучительства.

Николаю становилось страшно отъ этого вида безнадежности.

— Сестра моя! Сестра моя!—повторялъ онъ срывающимся пересохшимъ голосомъ.

Ей было больно. Хотѣлось извиваться и биться, чтобы сбросить съ себя этотъ камень.

Когда Николай пришелъ нѣсколько въ себя, сорвался съ мѣста принесъ воды.

Она оттолкнула стаканъ.

Она замѣтила, что изъ красныхъ вспухшихъ глазъ брата льются крупныя свѣтлыя слезы.

Ей хотѣлось ему сказать: «не плачь», но она этого не сказала.

«Сейчасъ его привезутъ мертваго».

Каменное бремя этихъ словъ растворялось въ ея крови. Она безотчетно прислушивалась, какъ колыханье ихъ то заливало ее прежнимъ ужасомъ, то приносило странное успокоеніе.

Они приливали—отливали, каждый разъ унося съ собой осколки былыхъ надеждъ, причинявшихъ одну только боль.

Вошла взволнованная, перепуганная прислуга, растерявшаяся до отупѣнія.

Она не знала, что дѣлать, что и гдѣ приготовлять.

Ирина пошла за ней, машинально расправляя на ходу смявшееся отъ сидѣнья платье. Она сама выбрала бѣлье и вернулась въ мастерскую.

Медленными, спокойно-тяжелыми движеніями покрыла широкую софу простыней.

Вдругъ воспоминаніе остро и мучительно пронизало ее.

Николай, пересталъ плакать; пораженный ея спокойствіемъ, слѣдилъ за ея движеніями, которыя ему какъ бы обнажали тайну и того, что случилось. и этого новаго преображенія въ ней.

Онъ подошелъ.

— Тебѣ нужно уйти.

Она отрицательно покачала головой и отошла къ окну. Онъ еще хотѣлъ напомнить ей объ отцѣ, матери. Но она, не оборачиваясь, просто, съ зрѣлымъ спокойствіемъ сказала:

— Если бы ничего этого не случилось, если бы онъ былъ живъ, я все равно была бы здѣсь.

Она остановилась, какъ бы не рѣшаясь произнести послѣднее. Сосредоточенный взглядъ ея тонулъ въ неизвѣстности будущаго.

— Я останусь здѣсь и теперь,—непоколебимо добавила она.— Я возьму ребенка; онъ будетъ моимъ.

Въ домѣ носился нетерпѣливый, настойчивый младенческій крикъ, крикъ жизни, ничего не желающей знать.

Прислуга, захваченная жаднымъ любопытствомъ, оставила ребенка. Крикъ его носился въ воздухѣ и, Николаю казалось, отзывался въ каждомъ предметѣ и побѣдоносно заявлялъ, что въ мірѣ нѣтъ смерти.

Ему даже хотѣлось въ видѣ ободренія себя и Ирины сказать это ей, но онъ побоялся всколыхнуть то возвышенное и торжественное, что угадывалъ въ ней!

Что ей были теперь отецъ, мать!

Жизнь, этотъ суровый строитель, воздвигла послѣдній камень, и лѣса, оцѣплявшіе зданіе, рухнули.

Это зданіе призвано было принять въ себя свободную душу,— хозяина, который самъ откроетъ его двери, но откроетъ только избраннымъ, а не случайнымъ пришельцамъ. Только то, что онъ любитъ, расцвѣтетъ и окрѣпнетъ за его стѣнами, подъ камнями которыхъ спитъ заживо зарытое прошлое.

Она, ожидая его тѣло, смотрѣла въ глубь большого, обледенѣлаго сада. Тамъ, гдѣ вѣтви, или мохнатые рукава хвой были особенно густы, ледъ, сгрудившійся тяжелыми глыбами, пригибалъ ихъ до самой земли, а гдѣ онѣ не доставали до земли, онъ обламывалъ ихъ своею тяжестью.

На мокрыхъ дорожкахъ валялись большія и маленькія, сильныя и слабыя вѣтви, обреченныя прихотью природы на смерть.

Вверху, въ ледяныхъ уборахъ, дробилось и играло радугой солнце; съ деревьевъ лились струи и падали дождемъ крупныя капли; черныя вѣтви уже кое-гдѣ освобождались отъ этихъ насильственныхъ ледяныхъ объятій и грѣлись на солнцѣ, торжествуя побѣду.

А. М. Ѳедоровъ.

Конецъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ФИЛОСОФСКІЯ ИСКАНІЯ.

(*Окончаніе* *).

II.

Проблемы общечеловѣческой морали будущаго.

Печально было бы положеніе современнаго нравственнаго сознанія, затерявшагося въ цѣломъ множествѣ всевозможныхъ, противорѣчивыхъ одна другой, этическихъ формулъ и теорій, если бы въ коекакихъ данныхъ современной общественной науки (главнымъ образомъ, соціологіи) и въ основныхъ тенденціяхъ самой дѣйствительности не открывались просвѣты въ будущее. Эти просвѣты даютъ намъ возможность уже и теперь, если и не разрѣшить всей великой нравственной проблемы, въ ея общефилософскихъ основахъ и частныхъ практическихъ приложаніяхъ, то по меньшей мѣрѣ *разгадать основную черту грядущей нравственности*, а слѣдовательно и отношеніе ея къ тѣмъ теоріямъ, которыя проповѣдуются нынче. Вѣдь, будущее разгадано уже во многихъ отношеніяхъ, оно не представляется намъ какой-то потусторонней, мистической terra incognita, къ которой мы придвигаемся съ завязанными очами и руками. Какъ ни молода соціальная наука (въ особенности соціологія), она все же допускаетъ уже кое-какія предсказанія и предвидѣнія. Мы, напримѣръ, уже знаемъ, хотя бы и въ общихъ чертахъ, какой характеръ будетъ носить экономическая жизнь въ позднѣйшемъ обществѣ, каковы будутъ его политическіе нравы, семейная жизнь, положеніе женщины. Научное изученіе и изслѣдованіе соціологическихъ явленій открываетъ намъ законы этихъ послѣднихъ, равно какъ и возможные или вѣроятные этапы ихъ развитія въ будущемъ. Всякое пренебреженіе дѣйствительностью, ея исторіей и ея законами крайне затрудняетъ и безъ того трудное дѣло созданія положительныхъ идеаловъ, загоняетъ людей мысли въ безпочвенность и утопизмъ. Соціальная дѣйствительность, минимальную часть которой составляетъ каждый изъ насъ, имѣетъ не только опредѣленные законы своей статики и дина-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 10, октябрь 1904 г.

мики, но и свои идеалы; ей присуще, до извѣстной степени, самопроизвольное стремленіе къ осуществленію своей специфической задачи,—задачи всякаго общежитія, а именно: *всеобщей солидарной кооперации на началахъ всеобщаго развитія*. Въ виду этого, исканіе нашихъ идеаловъ, какихъ бы то ни было, политическихъ, экономическихъ, семейныхъ, всегда должно сопровождаться внимательнымъ изученіемъ дѣйствительности, на основаніи данныхъ, доставляемыхъ соціальными науками. Всякій результатъ знанія можетъ явиться здѣсь началомъ поученія и *предвидѣнія*. То же самое можно сказать и относительно той части соціологическихъ явленій, которая является предметомъ изслѣдованія особой науки о нравственности. Нравственность, какъ соціальное явленіе, имѣетъ, рядомъ съ правомъ, экономикой и другими сторонами соціальной жизни, свои специфическія функціи и особенности, подчиняющіяся своимъ собственнымъ законамъ. Наука о нравственности, какъ органическая часть соціологіи, открываетъ эти законы, показываетъ намъ различные этапы развитія нравственныхъ чувствъ и понятій, но что важнѣе всего—она отыскиваетъ и находитъ основную существенную природу этическаго фактора и его raison d'être въ общемъ процессѣ соціальной жизни. Наука о нравственности не предъявляетъ намъ, конечно, никакихъ *требованій*, не говоритъ намъ въ императивной формѣ, что мы *должны* дѣлать, но зато она твердо устанавливаетъ новое понятіе «нравственнаго», отличающее этотъ рядъ явленій отъ всякихъ другихъ, смежныхъ съ ними. Интересующихся этимъ, чисто-методологическимъ, вопросомъ нравственности мы отсылаемъ къ «Этикѣ» Вундта, разрѣшившей его, сравнительно, наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ. Дальнѣйшаго развитія этой науки мы ожидаемъ отъ проникновенія въ нее соціологической точки зрѣнія, разсматривающей всѣ явленія нравственности, *какъ продуктъ общественности*, и *въ связи съ коренными формами этой послѣдней*. Общественность есть conditio sine qua non нравственности, послѣдняя существуетъ только въ ней и для нея, дла ея сохраненія и развитія. Съ субъективной психологической стороны она сводится, поэтому, къ наличности въ каждомъ отдѣльномъ индивидѣ соціальныхъ чувствъ и мотивовъ, побуждающихъ его къ безкорыстному служенію благу общества. Таковъ соціологическій фактъ, подтверждаемый, въ особенности, изученіемъ первобытной исторіи нравственности, знакомствомъ съ ея судьбами въ общинно-родовомъ или «гентильномъ» строѣ жизни. На зарѣ общественности люди, какъ извѣстно, были гораздо болѣе нравственны, чѣмъ въ послѣдовавшую затѣмъ мучительно-долгую эпоху индивидуализма. Психологическая цѣльность, безкорыстіе, способность къ самоотверженію, необыкновенная чуткость къ общимъ интересамъ были, такъ сказать, органически присущи, въ тѣ далекія отъ насъ времена, каждому отдѣльному индивиду. Многочисленныя поколѣнія нашихъ предковъ — разсказываетъ намъ объ

этомъ, напр., Летурно («Эволюція собственности»), съ незапамятныхъ временъ жили при общинно-родовомъ режимѣ и «завѣщали намъ чувства общественности и гуманности, скрытыя, но еще живыя въ глубинахъ нашего сознанія». Подобный же режимъ господствовалъ, до самаго послѣдняго времени, и среди индѣйцевъ Сѣверной и Южной Америки, и путешественники не разъ отмѣчали у краснокожихъ высокія и благородныя черты нравственнаго характера. Іезуитъ Шарльвуа прямо приписываетъ то взаимное уваженіе и дружелюбіе, которыя бросаются въ глаза всѣмъ европейцамъ, изучающимъ нравы индѣйцевъ, ихъ общественному и экономическому строю, отсутствію у нихъ понятія о твоемъ и моемъ. Забота ихъ о сиротахъ, вдовахъ и больныхъ, ихъ удивительное гостепріимство есть простое слѣдствіе ихъ соціальнаго уклада. «Когда мы читаемъ у Платона,—говоритъ Летурно, что̀ при правильномъ общественномъ строѣ все общество должно чувствовать удовольствіе и страданіе каждаго изъ своихъ членовъ, когда конвентъ объявляетъ, что «все общество страждетъ при нарушеніи правъ одного изъ его членовъ», мы удивляемся возвышенности и широтѣ подобныхъ взглядовъ именно потому, что они черезчуръ противорѣчатъ нашимъ индивидуалистическимъ взглядамъ. Но для краснокожихъ эти возвышенныя идеи представляются столь простыми и обыденными, что они не понимаютъ другихъ»...

Таковъ былъ первоначальный этапъ нравственности, ея происхожденіе и колыбель. Мы видимъ, что отмѣченныя здѣсь черты и чувства справедливо были отнесены Каутскимъ къ необходимому условію всякой общественной жизни и, въ этомъ смыслѣ, къ «вѣчнымъ основамъ нравственности». Даже при индивидуалистическомъ строѣ общества эти чувства и инстинкты не исчезаютъ до конца, продолжая автоматически или сознательно протестовать противъ разлагающихъ ихъ силъ и процессовъ. И до извѣстной степени нельзя не согласиться съ Летурно, что мы живемъ теперь на счетъ тѣхъ нравственныхъ сокровищъ, которыя были накоплены и завѣщаны намъ нашими далекими предками. Съ этимъ, въ сущности, согласенъ даже и Каутскій, когда онъ говоритъ, что общественныя чувства первобытныхъ племенъ «претворились въ инстинкты, передаваемые изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе тысячелѣтій». Но спрашивается: *какова была, въ своей основѣ, эта первобытная мораль*, господствовавшая при строго общинномъ, антииндивидуалистическомъ укладѣ жизни? Мораль разумнаго эгоистическаго разсчета? или альструистическая мораль блага ближняго? или, быть можетъ, утилитарная мораль возможно большаго счастья возможно большаго числа индивидовъ? Ни то, ни другое, ни третье, хотя бы ужъ по одной той причинѣ, что при общинно-родовомъ строѣ жизни ни индивидуальнаго сознанія, ни индивидуальной психологіи вообще, въ сущности, не существуетъ. Каждая индивидуальная душа «соціализирована» до такой степени, что ни о

какихъ индивидуальныхъ интересахъ какъ своей личности, такъ и всѣхъ остальныхъ, рѣчи уже быть не можетъ. Всѣ они поглощены *сверхъ-индивидуальными* интересами и волей *цѣлаго*, находящими свое объективное выраженіе въ обычаѣ. Сохраненіе и благо цѣлаго, т.-е. рода, племени и т. д., является великимъ «подразумѣваемымъ» всѣхъ мыслей и поступковъ отдѣльныхъ членовъ, а само благополучіе послѣднихъ имѣетъ смыслъ и законно лишь постольку, поскольку оно содѣйствуетъ благу цѣлаго. Субъективно-психологически это выражается въ формѣ категорическаго императива *соціальной воли*, неумолчно нашептывающаго индивидуальной волѣ или *совѣсти*: «ты долженъ!» *).

Источникомъ нравственнаго закона, этическимъ законодателемъ является тутъ не личный интересъ, хотя бы и «разумно понятый», не счастье ближняго и даже не мнимо-апріорныя формы нравственнаго сознанія личности, а коллективное сознаніе и воля соціальной группы, растворившія въ себѣ индивидуальные чувства и инстинкты. Гдѣ нѣтъ особости личныхъ или эгоистическихъ интересовъ, тамъ нѣтъ и не можетъ быть самодовлѣющихъ интересовъ такъ называемыхъ «ближнихъ», какъ самостоятельной нравственной цѣли. Здѣсь какъ *я*, такъ и *ты* одинаково самоотвергаются отъ себя, но уже болѣе не ради другъ друга, какъ это мы видѣли въ альтруизмѣ, а ради чего-то высшаго, стоящаго надъ ними, во имя сохраненія и развитія того цѣлаго, къ которому оба они принадлежатъ. Внутреннее самопротиворѣчіе альтруизма было разрѣшено старой, общинно-родовой моралью, такъ сказать, стихійно, самимъ имманентнымъ развитіемъ общественности. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы между членами общинно-родовой соціальной группы существовали взаимно враждебныя, холодныя или равнодушныя отношенія. Напротивъ, безкорыстная, самоотверженная любовь къ себѣ подобнымъ членамъ той же группы, была у нихъ куда активнѣе и сильнѣе, чѣмъ напр., въ наше время, но это не былъ альтруизмъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, атомизирующій интересы общества, соціальной группы, на механическую сумму частныхъ интересовъ. Подобно тому, какъ въ животномъ мірѣ интересы вида подчиняютъ себѣ стихійно интересы отдѣльныхъ особей, такъ же точно въ человѣческомъ обществѣ, въ особенности при общинномъ или коллективистическомъ укладѣ, интересы данной коллективной группы стремятся подчинить себѣ интересы частные и даже совершенно вытѣснить ихъ изъ духовнаго и нравственнаго обихода отдѣльныхъ личностей. И не о «гармоніи» или «сліяніи» частныхъ и

---

*) Сюда можно отнести, между прочимъ, то опредѣленіе *совѣсти*, которое даетъ Fr. Paulsen въ своей „Системѣ этики“: „Das Gewissen ist Wissen um einen *höheren Willen*, durch den sich der Eigenwille des Individuums innerlich gebunden fühlt“... Паульсенъ склоненъ однако придавать этой „высшей волѣ“ трансцендентный характеръ; мы же хотѣли бы объяснить это психологическое явленіе съ точки зрѣнія имманентно-соціологической.

общественныхъ интересовъ идетъ дѣло въ такихъ случаяхъ,—такого отношенія между двумя взаимно-противорѣчивыми элементами быть не можетъ, а именно о болѣе или менѣе полномъ *вытѣсненіи* первыхъ послѣдними, объ «обобществленіи» индивидуальной психики (воли, чувства и интеллекта) самымъ процессомъ общинно-трудовой соціальной жизни. Въ индивидуалистическомъ обществѣ между первой и второй категоріей человѣческихъ чувствъ и стремленій существуетъ вѣчно длящійся конфликтъ, сопровождаемый всякаго рода непрочными компромиссами. Наоборотъ, гармонія коллективистической морали, господствовавшей въ гентильную эпоху, была куплена отнюдь не позорною цѣною нравственнаго гешефтмахерства и компромисса, а спонтанейнымъ, такъ сказать, вытравленіемъ изъ индивидуальной психики всего «приватнаго», не соподчиненнаго болѣе или менѣе непосредственно интересамъ цѣлаго. Современное нравственное сознаніе съ трудомъ оріентируется въ такомъ рѣзкомъ различеніи между частными и общественными интересами; оно прошло длинную растлѣвающую, хотя и поучительную школу соціальнаго атомизма или индивидуализма, придавшаго каждой отдѣльной человѣческой особи абсолютное и самодовлѣющее значеніе. Не то было въ общинно-родовую или гентильную эпоху человѣческаго существованія. Тамъ, наоборотъ, каждый отдѣльный индивидъ не могъ представить себя иначе, какъ только въ качествѣ орудія, служебной части чего-то цѣлаго, высшаго надъ нимъ, ради чего могутъ быть принесены въ жертву счастье и довольство не только его одного, а и всей совокупности наличныхъ его членовъ. Для болѣе обстоятельной характеристики индивидуальной психики и общественныхъ нравовъ такой эпохи мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь одно мѣсто изъ мало кому извѣстныхъ теперь лекцій проф. Дитятина о старомъ земскомъ укладѣ и его *этическихъ* особенностяхъ:

«Личность, — говоритъ онъ, — еще не выдѣлена въ безформенной массѣ населенія той, далекой отъ насъ эпохи: она сама чувствуетъ себя, если не «пальцемъ отъ ноги», то какой-то неопредѣленной частью цѣлаго; она живетъ, дѣйствуетъ и проявляется лишь въ нерушимой принадлежности къ общинѣ, къ міру, къ землѣ. Первобытный человѣкъ, можно сказать, не подлежитъ индивидуальной психологіи; онъ относится къ вѣдѣнію «психологіи группъ». Онъ прежде всего членъ группы, толпы, племени; индивидуальность въ немъ мало развита. Вся его духовная жизнь, вся творческая сила, вся поэзія запечатлѣна этимъ безразличіемъ коллективизма. Въ этотъ періодъ исторіи личность имѣетъ смыслъ и значеніе только въ качествѣ члена общины. Поэтому личные интересы въ сознаніи первобытнаго человѣка туго выдѣляются изъ интересовъ той небольшой общественной единицы, въ которой онъ дома. Такая нравственность дѣлаетъ его существомъ *высшаго типа, хотя и низшей степени.* Онъ безсозна-

тельный и неустанный радѣтель, подвижникъ, ходатай за родную общину безъ мысли, что можетъ быть иначе; онъ приросъ къ ней, онъ выросъ въ ощущеніи этого органическаго единенія и онъ силенъ этимъ. Такой строй жизни такъ же естественно и непроизвольно рождаетъ подвижниковъ, какъ среда индивидуализма—эгоистовъ» *).

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ общинно-трудовой и солидарный строй жизни стремится спаять отдѣльныхъ индивидовъ въ одно высшее, сверхъ индивидуальное, органическое цѣлое, создать изъ слабыхъ, разрозненныхъ и беззащитныхъ особей одного могущественнаго коллективнаго *сверхчеловѣка*. Ницше хотѣлъ, какъ мы знаемъ, спасти человѣка отъ самоутвержденія и индивидуализма въ идеѣ *индивидуальнаго же* сверхчеловѣка; онъ думалъ, что человѣческая самодовлѣющая личность должна быть «преодолѣна» («der Mensch ist das, was überwunden werden soll», говорилъ онъ). Первобытная общественность разрѣшила тотъ же вопросъ по своему, растворивъ особь въ коллективности и создавъ изъ послѣдней новую, высшую форму органической жизни, «громаду», «міръ», «общину», «общество»—великаго коллективнаго сверхчеловѣка, властно располагавшаго волей и чувствами каждой отдѣльной особи. О послѣдней нельзя было сказать въ то время, что въ своемъ самоотверженіи и безкорыстномъ служеніи общему она руководилась «гедонистическими» соображеніями личной пользы, счастья, удовольствія или неудовольствія, какъ теперь нельзя сказать того же, напримѣръ, о той матери, которая инстинктивно бросается въ огонь, чтобы спасти своего ребенка. Нравственные поступки члена родовой общины могутъ быть сравнены, до извѣстной степени, съ поступками человѣка, дѣйствующаго подъ вліяніемъ гипноза. Какъ послѣдній дѣйствуетъ подъ вліяніемъ «категорическаго императива», внушеннаго ему гипнотизеромъ, подчасъ даже задолго до исполненія самого дѣйствія, такъ и членъ родовой общины является еще болѣе «загипнотизированнымъ» всей сложной системой воспитательныхъ воздѣйствій солидарнаго коллективистическаго строя; онъ дѣйствуетъ такъ или иначе не изъ соображеній удовольствія или пользы, а подъ вліяніемъ непреодолимой силы, императивнаго внушенія соціальной воли, подчинившаго себѣ всю его мысль и совѣсть. И когда ему приходится, въ минуту какого-нибудь внезапнаго злосчастія, обрушившагося на общину, ни мало не колеблясь, пожертвовать своей жизнью для блага цѣлаго, то не происходитъ ли все это по тѣмъ же или какимъ-либо родственнымъ имъ законамъ, по какимъ, напримѣръ, глазное вѣко стремится спасти цѣлость глаза въ моментъ какой-либо грозящей ему опасности, или рука—цѣлость организма? Смѣшно было бы говорить въ подобныхъ случаяхъ о гедонизмѣ или эвдемонизмѣ

*) Цитируемъ по статьѣ Ар. Горнфельда: „И. И. Дитятинъ", въ „Русск. Богатствѣ", 1896 г., кн. II.

глазного вѣка или руки... Первобытная нравственность потому-то и представляетъ для насъ такой большой интересъ, что на примѣрѣ ея можно многое неясное и загадочное въ нравственной жизни человѣчества сдѣлать болѣе доступнымъ нашему пониманію и тѣмъ самымъ облегчить рѣшеніе нравственной проблемы.

Но не только въ этомъ одномъ отношеніи важно для насъ ближайшее ознакомленіе съ первобытной нравственностью, а еще и въ другомъ, а именно: съ помощью такого ознакомленія мы въ состояніи до нѣкоторой степени *предугадать будущее* и предвосхитить, такъ сказать, держась чисто-научной почвы, тѣ конечные положительные результаты, къ какимъ должно придти, наконецъ, современное нравственное сознаніе въ своихъ мучительныхъ исканіяхъ на другой, болѣе абстрактной и апріорной, почвѣ. Вѣдь, въ основныхъ своихъ чертахъ типъ общежитія будущаго, поскольку онъ уже раскрывается теперь нашему умственному взору, будетъ имѣть много общаго съ типомъ общежитія нашихъ далекихъ предковъ. Будущее принадлежитъ всеобщей солидарной коопераціи на началахъ всеобщаго развитія. Уже и теперь мы видимъ, какъ начала самой тѣсной солидарности начинаютъ подчинять себѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе, внутреннія и внѣшнія отношенія всѣхъ культурныхъ націй. Идея всеобщаго человѣческаго братства, солидарности интересовъ всѣхъ трудящихся никогда еще не имѣла такого множества сознательныхъ сторонниковъ и пропагандистовъ, какъ въ наше время. И число это растетъ съ каждымъ днемъ. Въ то же время сама матеріальная сторона общественности, тѣ экономическія и техническія условія, отъ которыхъ зависитъ та или иная организація индустріи, земледѣлія и другихъ сферъ производства вещественныхъ благъ, тоже обнаруживаютъ тенденцію къ «обобществленію», т.-е. къ постепенному вытѣсненію индивидуалистическаго режима свободной конкуренціи, атомизированнаго хозяйства, съ его разсѣянными орудіями производства, общинно-трудовой централизаціей послѣдняго подъ контролемъ солидарно-общественныхъ силъ. Соотвѣтственно этому процессу мы замѣчаемъ крупныя перемѣны и въ *чисто-субъективной* сферѣ каждаго отдѣльнаго индивида, состоящія въ спонтанейной, непроизвольной или, по крайней мѣрѣ, не сознаваемой «соціализаціи» индивидуальной психики. Душа современнаго человѣка обобществляется въ большинствѣ случаевъ, помимо его сознанія и воли, въ самомъ процессѣ современной жизни, втягивающей каждую отдѣльную личность въ могучее и все болѣе широкое русло соціальныхъ заботъ и интересовъ. Индивиду все болѣе становится «некогда» думать о себѣ, о своихъ приватныхъ, строго-личныхъ интересахъ, его забота теперь—не всегда даже добровольная—благополучіе и процвѣтаніе той или иной коллективности, благо *общее*. Современная женщина, напримѣръ, отрывается—зачастую насильно, противъ ея охоты и воли—отъ семейнаго очага родителей или мужа и выгоняется на рынокъ

*

общественнаго труда въ поискахъ за хлѣбомъ или спасеніемъ своего достоинства. Первый шагъ влечетъ за собою послѣдующіе. Съ исчезновеніемъ замкнутости и особности семейной жизни расширяется невольно кругъ обычныхъ интересовъ женщины, пока, наконецъ, душа ея не растворится окончательно въ безбрежномъ океанѣ общественности. На извѣстной ступени развитія современной личности такой самопроизвольный процессъ обобществленія ея души становится, наконецъ, сознаннымъ и сознательнымъ, санкціонированнымъ индивидуальной волей и совѣстью. Изъ безсознательнаго и слѣпого орудія общественнаго прогресса личность дѣлается сознательнымъ и добровольнымъ его работникомъ, не отступающимъ, въ случаѣ надобности, и передъ полнымъ самопожертвованіемъ. Въ сердцѣ и совѣсти такихъ вѣрныхъ сыновъ общественности индивидуализмъ уже преодолѣнъ; они *уже теперь* являются орудіемъ и средствомъ, «мостомъ», а не самоцѣлью. Но въ сознаніи такіе люди—какъ это ни странно—продолжаютъ думать, что каждая личность есть «абсолютная цѣнность» и ея благо—конечная цѣль общежитія. Индивидуализмъ, преодолѣваемый уже постепенно въ дѣйствительности, съ крайнимъ трудомъ преодолѣвается въ индивидуальномъ *сознаніи*, продолжающемъ поклоняться на словахъ или въ теоріи все тому же мѣщанско-буржуазному идолу, самодовлѣющему и самоцѣльному *я*. Таковы ужъ цѣпкія традиціи того самаго абсолютнаго либерализма, который теперь еще преподносится современному нравственному сознанію «Проблемами идеализма». Еще въ XVIII вѣкѣ буржуазная идеологія прокламировала свою «нагорную проповѣдь» индивидуализма, съ его излюбленными догмами договорнаго происхожденія общества и абсолютныхъ «естественныхъ» правъ человѣческой личности. Существованіе общества было приписано произвольному, самодержавному рѣшенію человѣческой индивидуальной воли. Если современная научная соціологія утверждаетъ, что «Das Ganze ist *vor* den Teilen, die Teile sind *durch* das Ganze», т.-е. цѣлое существуетъ *до* своихъ частей, и части существуютъ лишь *благодаря* цѣлому, то буржуазная наука и философія провозглашала совсѣмъ иное: общество существуетъ благодаря индивидамъ, въ силу акта ихъ «свободнаго договора». Естественное послѣдствіе такого основного положенія должно было быть лишь то, что общество есть не болѣе, какъ *орудіе* индивидуальныхъ цѣлей, и что существуетъ оно лишь для осуществленія возможно большей суммы «счастья» составляющихъ его индивидовъ. Кое-какіе ограниченія этого счастьи и, вообще, эгоизма явились въ обществѣ, конечно, неизбѣжными и необходимыми, но при умѣлой и разсчетливой бухгалтеріи можно-де все же придти и къ довольно прибыльному компромиссу. На этой почвѣ и возникъ пресловутый «моральный» законъ, гласящій: «не дѣлай другому того, чего самому себѣ не желаешь»—законъ, нашедшій свое выраженіе въ этикѣ самаго знаменитаго философа того времени, Иммануила Канта. И не-

удивительно: нравственность, согласно ему, не есть продуктъ общественности, какъ и сама личность человѣческая не есть, въ сущности, ея продуктъ. Не общественность создала индивида, со всей свойственной ему «психологіей», не она, значитъ, дала ему и его нравственный законъ, носящій, по его увѣренію, *безусловно-апріорный* характеръ. Категорическій императивъ долга явился такимъ образомъ еще дообщественнымъ достояніемъ личности, дающимъ ей абсолютную нравственную цѣнность и даже чуть ли не общественное значеніе. Отсюда и основное положеніе кантовской этики: «въ порядкѣ цѣлей человѣкъ есть *цѣль въ себѣ самомъ*»... Соотвѣтственно съ такою моралью и философіей развивались и прочія сферы человѣческой мысли и жизни. Въ области политической экономіи все спасеніе усматривалось въ атомизаціи общественнаго хозяйства на простую механическую сумму частныхъ хозяйствъ и въ свободной ихъ конкуренціи. Всеобщее благосостояніе де лучше всего достигается трезвой заботой каждаго о самомъ себѣ. Философія права увлекалась идеалами неотъемлемыхъ и естественныхъ правъ личности и ея абсолютной свободы и т. д.

Таковы были основные принципы буржуазной идеологіи и такъ называемаго «чистаго либерализма», принципы, сыгравшіе исторически большую и важную общественную роль, но въ самомъ своемъ корнѣ не выдерживающіе никакой критики. Настоящій, истинный либерализмъ, въ своей принципіальной чистотѣ, *антисоціаленъ* и *безнравственenъ*, а потому и совершенно непримиримъ съ тѣми новыми началами, какія провозгласила въ послѣднее время общественная наука. Не въ стремленіи къ «свободѣ личности» заключается, между прочимъ, одно изъ специфическихъ свойствъ настоящаго, *безпримѣснаго* либерализма, а въ провозглашеніи ея *абсолютной* свободы, хотя бы и въ ущербъ обществу. Отсюда и формулы въ родѣ тѣхъ, которыя мы, между прочимъ, находимъ въ цитированномъ выше сборникѣ «Проблемы идеализма»: «нравственный законъ прежде всего требуетъ, чтобы человѣкъ никогда не отказывался отъ своихъ правъ на безпредѣльное развитіе и усовершенствованіе, хотя бы это былъ отказъ во имя благополучія другихъ людей и всего общества» *). Само

*) Впрочемъ, еще задолго до индивидуалистической проповѣди „двѣнадцати апостоловъ“ нашего доморощеннаго неоидеализма подобныя же общественно-этическія идеи внѣдрялись въ русскіе интеллигентные умы, къ сожалѣнію, уже Михайловскимъ: „Я и объявляю, — читаемъ мы, напримѣръ во II т. его сочиненій, что буду бороться съ грозящею поглотить меня *высшею индивидуальностью. Мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться.* Пусть она стремится побороть меня, я буду стремиться побороть ее. Чья возьметъ—увидимъ. Я только повинуюсь закону борьбы, когда объявляю, *что общество должно служить мнѣ*“, etc. Такъ пишетъ одинъ изъ заслуженнѣйшихъ духовныхъ вождей русской интеллигенціи, преодолѣвшій, безъ сомнѣнія, индивидуалистическія начала и принципы въ сферѣ чисто-эконо-

общество, согласно индивидуализму, является не болѣе, какъ своего рода акціонерной или страховой компаніей, существующей лишь для того, чтобы обезпечивать спокойствіе и безопасность гражданъ, охранять ихъ личныя и имущественныя права. Такое же представленіе индивидуализмъ имѣетъ и о государствѣ. Истиннымъ выраженіемъ государственной идеи либерализма является политическая теорія пресловутой манчестерской школы, «этихъ современныхъ варваровъ, какъ говорилъ объ ея представителяхъ Фердинандъ Лассаль,—которые ненавидятъ государство, не то или другое государство, не ту или другую государственную форму, но государство вообще, и которые охотнѣе всего уничтожили бы всякое государство, отдали бы съ торговъ юстицію и полицію требующему за нихъ наименьшую плату и вели бы войну акціонерными обществами, для того, чтобы во всей вселенной не было ни одной нравственной точки, съ которой могло бы быть оказано сопротивленіе ихъ эксплуататорской страсти, вооруженной капиталомъ» («Die indirekte Steuer». S. 116).

Въ послѣднее время у насъ, въ русской философской литературѣ, вошли въ моду ссылки на сочиненія и взгляды покойнаго уже философа, Владиміра Соловьева. Мы лично не принадлежимъ къ числу поклонниковъ или адептовъ сего послѣдняго, но можемъ все же, съ своей стороны, сослаться на его мнѣніе о той роли, которую сыграли индивидуализмъ и либеральная буржуазія въ концѣ XVIII столѣтія.

«Уничтоживъ тѣ традиціонныя связи,—писалъ онъ,—которыя въ старой Европѣ дѣлали каждое отдѣльное лицо только элементомъ высшей общественной группы, революціонное движеніе предоставило каждое лицо самому себѣ. Революція освободила индивидуальные элементы, дала имъ абсолютное значеніе, но лишила ихъ дѣятельность необходимой почвы и пищи... Отдѣльный эгоистическій интересъ, случайный фактъ, мелкая подробность,—атомизмъ въ жизни, атомизмъ въ наукѣ, атомизмъ въ искусствѣ,—вотъ послѣднее (?) слово западной цивилизаціи». И обращаясь, затѣмъ, къ будущему, тотъ же философъ продолжаетъ: «Если исторія человѣчества не должна окончиться этимъ отрицательнымъ результатомъ, если должна выступить новая историческая сила, то задача ея будетъ уже не въ томъ, чтобы вырабатывать отдѣльные элементы жизни и знанія, а въ томъ, чтобы оживить и одухотворить враждебные и мертвые въ своей враждѣ элементы высшимъ примирительнымъ началомъ, дать имъ общее безусловное со-

---

мической. И замѣчательно: тотъ же самый, выше цитированный, авторъ изъ „Проблемъ идеализма“, въ своемъ прежнемъ трудѣ, посвященномъ Михайловскому, возмущался такими его рѣчами, говоря: „Эта мысль особенно характерна для г. Михайловскаго. Ему наплевать на прогрессъ общества, какъ это доказываетъ его формула прогресса, его интересуетъ только прогрессъ личности. Это, собственно говоря, *реакціонная точка зрѣнія*“. (См. „Субъективизмъ и объективизмъ въ общественной философіи“, стр. 156).

держаніе и тѣмъ освободить ихъ отъ исключительнаго самоутвержденія и взаимнаго отрицанія» *).

Такимъ «примирительнымъ началомъ» можетъ быть, по нашему крайнему разумѣнію, лишь совершенно новый нравственный принципъ, который способенъ былъ бы освободить насъ отъ всѣхъ внутреннихъ противорѣчій индивидуалистическихъ системъ морали — эгоизма, альтруизма, утилитаризма и т. д., замѣнивъ ихъ всѣ какимъ-либо высшимъ, *сверхъ-индивидуальнымъ* принципомъ. И мы видѣли, что въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ, въ «котлѣ» современной соціальной жизни уже вывариваетcя, такъ сказать, новая «психологія» личности и подготовляется новая мораль. Каждая отдѣльная человѣческая особь, затерянная теперь въ атомизированомъ индивидуалистическомъ обществѣ и больная въ своемъ самоутвержденіи и одиночествѣ, будетъ все болѣе «обобществляться» въ «мірского работника», но уже *сознательно* растворяющагося въ высшей, могучей индивидуальности, въ универсальномъ и солидарномъ человѣческомъ *обществѣ*. Этой универсальностью, захватывающей все человѣчество, и этой сознательностью личнаго служенія общему благу и будетъ лишь отличаться новая мораль будущаго отъ соціальной нравственности первобытнаго общинно-трудового строя. Отношеніе новой нравственности къ *индивидуальности* отнюдь не будетъ враждебное, ибо, наоборотъ, лишь солидарно-трудовой строй, а не индивидуалистическій, является благопріятной для нея почвой. Отсутствіе индивидуальности у членовъ первобытной солидарной общественности имѣло своей коренной причиной не *типъ* этой послѣдней, а ея неразвитое, эмбріональное состояніе. Нѣтъ болѣе опаснаго врага всякой индивидуальности, т.-е. всякой оригинальности каждаго отдѣльнаго индивида, какъ именно индивидуализмъ, отрывающій личность отъ питающаго ее, духовно и матеріально, цѣлаго и обрекающій ее на физическое и нравственное вырожденіе. Даже въ своемъ частичномъ осуществленіи, какъ мы это замѣчаемъ въ современномъ буржуазно-капиталистическомъ обществѣ, индивидуалистическія начала разъѣдаютъ всякія солидарныя соціальныя связи и безжалостно губятъ въ самомъ зародышѣ всякое проявленіе личнаго таланта, личной оригинальности. И замѣтьте: губятъ вовсе не тѣмъ, что каждый человѣкъ обязанъ теперь быть непремѣнно «пальцемъ отъ ноги», исполнять, вообще, какую-либо одну специальную трудовую функцію,—раздѣленіе труда есть conditio sine qna non соціальной жизни,—но тѣмъ, что онъ избираетъ свою специальность не по своей волѣ, не согласно со своими способностями или симпатіями, а куда его загонитъ нужда или случай. Не отъ специализаціи или раздѣленія труда, не отъ такъ называемой дифференціаціи страдаетъ современная человѣческая инди-

*) В. Соловьевъ. „Философскія начала цѣльнаго знанія“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1877 г., кн. 3 и 4).

видуальность, а отъ невозможности, въ большинствѣ случаевъ, *свободнаго выбора* соотвѣтствующей ей спеціальной общественной функціи. Люди никогда не будутъ «всезнайками» и мастерами «на всѣ руки» ибо не могутъ и не *должны* ими быть. Диллетантское всезнайство и неспособность концентрироваться и углубиться въ опредѣленную спеціальность, т.-е., говоря образно, стать «пальцемъ отъ ноги», и является именно вѣрнѣйшимъ симптомомъ отсутствія у данной личности всякаго дарованія, всякой истинной индивидуальности. Въ первобытномъ родовомъ строѣ раздѣленія труда почти не существовало, въ силу зачаточнаго состоянія всей общественности; не могло быть поэтому въ немъ и ясно выраженной человѣческой индивидуальности.

Итакъ, не въ полномъ раствореніи личныхъ интересовъ въ безбрежномъ океанѣ общественнаго блага и прогресса заключается угроза человѣческой индивидуальности, а именно въ обособленіи этихъ интересовъ, *въ безумно-гордомъ самоутвержденіи.* Борьба личности за свою индивидуальность должна стать, поэтому, въ дѣйствительности борьбой за свое право и за свою обязанность стать «пальцемъ отъ ноги», борьбой за облегченіе себѣ возможности свободно исполнять какую-либо *опредѣленную общественную функцію.* Борьба за индивидуальность, превращается, такимъ образомъ, въ борьбу за нравственныя начала общежитія, за возможность самоотверженнаго и безкорыстнаго служенія обществу.

Существуетъ, однако, весьма распространенное мнѣніе, что будущее общество, исцѣлившееся отъ своихъ внутреннихъ конфликтовъ и противорѣчій, вовсе и не будетъ нуждаться въ самоотверженіи своихъ членовъ. Царство соціальной гармоніи позволитъ каждому спокойно наслаждаться своимъ счастьемъ, не требуя ни отъ кого ни жертвъ, ни услугъ. Стремленіе самоотвергаться не найдетъ болѣе объекта для своего осуществленія,—ибо всѣ будутъ счастливы,—и поневолѣ, такъ сказать, придется помышлять лишь о самомъ себѣ, объ увеличеніи суммы своего счастья и своихъ наслажденій...

Современная филистерская и буржуазная мысль съ охотой и болѣе или менѣе явными вздохами зависти останавливается на такихъ розовыхъ перспективахъ грядущаго, когда станетъ уже, наконецъ, возможнымъ «пожить во всю», не мучая себя угрызеніями совѣсти при видѣ чужихъ жертвъ и чужого страданія. Перечтите предпослѣднюю главу извѣстнаго труда Герберта Спенсера объ «Основаніяхъ науки о нравственности» и вы встрѣтите тамъ всѣ такія предположенія и надежды «научно» оформленными и худо ли, хорошо ли обоснованными. Для индивидуалистически настроеннаго ума, хотя бы и такого всеобъемлющаго, какъ Гербертъ Спенсеръ, даже самыя далекія и лучшія мечты никогда не простираются далѣе идеальнаго, разъ навсегда уравновѣшеннаго, *компромисса* между двумя силами—эгоизмомъ и альтруизмомъ Всѣ усилія этого философа въ его трактатѣ о нрав-

ственности, носятъ какой-то не то маклерскій, не то третейскій характеръ *примиренія* этихъ двухъ человѣческихъ силъ, желанія установить между ними товарищескія, такъ сказать, отношенія.

«По мѣрѣ приближенія къ наивысшему общественному состоянію,— пишетъ онъ, напримѣръ, въ § 96 своего труда,—число случаевъ для того самоотреченія на пользу другихъ, которое составляетъ альтруизмъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, должно будетъ становиться все болѣе и болѣе ограниченнымъ... Чѣмъ болѣе приближается человѣчество къ полному приспособленію къ общественнымъ нуждамъ, тѣмъ малочисленнѣе и слабѣе должны становиться поводы для оказыванія помощи... Въ окончательной своей формѣ, альтруизмъ будетъ достиженіемъ удовольствія для самого себя посредствомъ сочувствія тѣмъ удовольствіямъ другихъ, которыя получаются ими преимущественно путемъ успѣшнаго выполненія ихъ собственныхъ дѣятельностей всевозможныхъ родовъ, т.-е. онъ будетъ симпатическимъ удовольствіемъ, которое *не стоитъ получателю ровно ничего, но представляетъ просто даровую прибавку къ его эгоистическимъ удовольствіямъ*»... По мнѣнію Спенсера, мы уже и теперь можемъ прослѣдить кое-какіе зачатки «высшей» морали будущаго, «конечно,— добавляетъ онъ,—лишь въ зачаточной формѣ». Такъ, напримѣръ, «при коммерческихъ сдѣлкахъ между честными людьми, каждая сторона обыкновенно заботится о томъ, чтобы другая сторона не обидѣла себя какъ-нибудь. Весьма нерѣдко можно видѣть при этомъ, какъ человѣкъ отказывается принять что-либо, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ другому, хотя этотъ другой и предлагаетъ поступиться тѣмъ, о чемъ идетъ рѣчь», и т. д. «Такимъ образомъ,—заключаетъ свои предсказанія знаменитый философъ,—та повидимому вѣчная противоположность между эгоизмомъ и альтруизмомъ современемъ совершенно исчезнетъ... Такъ какъ удовлетворенія альтруистическихъ побужденій, требующія извѣстнаго самопожертвованія, станутъ очень рѣдкими, то они сдѣлаются вслѣдствіе этого и очень цѣнными; а потому каждый будетъ не колеблясь предпочитать ихъ удовлетворенію своихъ себялюбивыхъ побужденій; такъ что внутренняя борьба съ ними этихъ послѣднихъ станетъ совершенно неощутимою».

Такова идеальная мораль будущаго, если вѣрить маститому противнику «грядущаго рабства». Обычный современный типъ «честнаго маклера» выставляется здѣсь какъ высшій нравственный идеалъ человѣческой личности; тонкій, разсчетливый эгоизмъ, развлекающій себя по временамъ («очень рѣдко») альтруистическимъ спортомъ провозглашается самой высшей и послѣдней ступенью человѣческой нравственности. Будущее идеальное общество, изъ-за котораго льется теперь столько слезъ и крови, изъ-за котораго ставится на карту столько дорогихъ существованій, будущее это рисуется Спенсеру въ видѣ безмятежнаго царства добродѣтельныхъ лавочниковъ и буржуа, наслаж-

дающихся своею умѣренною добродѣтелью, какъ «даровой прибавкой эгоистическимъ удовольствіямъ». И что удивительно! буржуазный индивидуализмъ, даже вооруженный всѣмъ арсеналомъ современной науки и философіи, органически не способенъ подняться хоть сколько-нибудь высоко надъ убогой дѣйствительностью и творить жизненные идеалы. Короткокрылый и близорукій, онъ способенъ лишь копировать убогія моральныя начала современнаго буржуазно-капиталистическаго общества, отступая передъ всякимъ смѣлымъ полетомъ, страшась всего истинно-новаго. Не замѣчая изъ-за деревьевъ лѣса, изъ-за интересовъ отдѣльныхъ лицъ—великаго, связывающаго ихъ, соціальнаго цѣлаго, индивидуализмъ органически неспособенъ понять возможности постояннаго *перманентнаго*, такъ сказать, самоотверженія человѣческой личности во имя извѣстнаго высшаго начала. Личное благополучіе каждаго отдѣльнаго члена общества обезпечено, общественное спокойствіе и безопасность ограждены, чего же больше? Индивидуалисту-этику непонятенъ типъ человѣка, о которомъ, напримѣръ, выше разсказывалъ намъ проф. Дитятинъ,—«неустаннаго радѣтеля, подвижника, ходатая за родную общину безъ мысли, что можетъ быть иначе», равно какъ для него непостижима мысль, что высшею руководящей цѣлью человѣческой дѣятельности можетъ и должно быть не счастье отдѣльныхъ лицъ, не собственное удовольствіе, *а сохраненіе и вѣчное безграничное процвѣтаніе, прогессированіе того цѣлаго, частью котораго въ сущности, они являются.* Это цѣлое—человѣческое общество, какъ высшая соціальная индивидуальность. Оно есть *великое подразумѣваемое* всего нашего личнаго существованія, оно есть творецъ нашихъ духовныхъ и матеріальныхъ благъ, нашей души и совѣсти. Служить этому цѣлому приглашалъ насъ еще Шиллеръ, говоря: «Смерть страшна для тебя? Ты хочешь быть вѣчно безсмертнымъ? Въ *цѣломъ* живи: ты умрешь, *цѣлое* жъ все будетъ жить». Именно *въ цѣломъ жить* въ немъ раствориться, какъ это дѣлала каждая особь первобытной общины, ради него самоотвергаться, не въ шаблонномъ, театральномъ смыслѣ этого слова, а въ истинно-этическомъ, разумѣющемъ подъ нимъ полную «соціализацію» индивидуальной психики, ведущую за собой неустанную заботу каждой личности о процвѣтаніи и развитіи общества. Прогрессъ же послѣдняго безграниченъ и всегда будетъ требовать для себя если не жертвъ, то безкорыстныхъ, вѣрныхъ работниковъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. «Жертвовать жизнью» еще вовсе не значитъ умирать, гибнуть; это значитъ посвящать ее беззавѣтно и безповоротно вѣрному *служенію* какому-либо высшему началу, въ нашемъ случаѣ—благу общества. Хорошо будетъ, если на самой высшей ступени нравственнаго совершенства такое самопожертвованіе станетъ источникомъ наслажденія для самой личности, но не говорите, что въ данномъ случаѣ общество и трудъ для него станутъ *средствомъ индивидуальнаго счастья*, ибо такое утвержденіе было бы

не болѣе, какъ самообманомъ. Въ дѣйствительности, эта высшая ступень нравственнаго совершенства есть не что иное, какъ *завершеніе длиннаго процесса соціализаціи личности, т.-е. полнаго поглощенія ея высшей индивидуальностью—обществомъ.*

Но спрашивается: не есть ли существованіе такой высшей индивидуальности одинъ лишь призракъ,—миѳъ и «суевѣріе», распространяемые извѣстной, такъ называемой «органической», школой въ соціологіи, отожествившей общество съ организмомъ? Не мистическій ли предразсудокъ жертвовать живыми реальными личностями во имя какой-то абстракціи, не мыслимой даже внѣ составляющихъ ее единицъ, видимыхъ и ощутимыхъ? Вѣдь не общество же, какъ таковое, думаетъ, чувствуетъ, страдаетъ, не оно ставитъ предъ собой идеалы (нравственные, политическіе и другіе) и стремится къ ихъ осуществленію? Все это продѣлываетъ одна лишь человѣческая личность и, слѣдовательно, она лишь одна является въ конечномъ счетѣ субъектомъ и объектомъ всей нравственной дѣятельности и общественнаго прогресса. Это до того ясно,—возражаютъ намъ,—что даже Спенсеръ, признававшій существованіе соціальнаго организма, усматривалъ все же единственную конечную цѣль послѣдняго не въ чемъ иномъ, какъ въ благополучіи составляющихъ ее клѣтокъ — человѣческихъ личностей *).

Намъ уже не впервые приходится разбираться въ этомъ центральномъ пунктѣ всей современной нравственно-идеологической путаницы, имѣющей своимъ корнемъ тотъ крайній «атомизмъ мысли», который неразрывно связанъ съ господствомъ индивидуалистической и матеріалистической философіи **). Что изъ того, что соціологическая наука новаго времени, всѣми своими положительными и уже прочно установленными завоеваніями, подкопала въ корнѣ всѣ вышеперечисленныя догмы индивидуалистическаго міросозерцанія; что изъ того, что общественность признана теперь не продуктомъ индивидуальной воли, а «самороднымъ» явленіемъ (какъ говорилъ Огюстъ Контъ), элементомъ первичнымъ, творческимъ, тогда какъ человѣческая личность—элементомъ вторичнымъ и производнымъ? Атомизированная всѣмъ индиви-

---

*) „Подчиненіе личнаго благополучія общественному лишь временно и случайно,—говоритъ Спенсеръ въ 49 своей этики,—ибо оно зависитъ только отъ присутствія враждебныхъ обществъ. *Споспѣшествованіе индивидуальной жизни было все время конечною цѣлью;* и если эта конечная цѣль и была *отсрочена на время,* ради ближайшей цѣли, заключающейся въ сохраненіи жизни общества, то это было сдѣлано только потому, что эта ближайшая цѣль была орудіемъ къ достиженію конечной цѣли. Какъ скоро общественный аггрегатъ не находится болѣе въ опасности, то и конечный предметъ всѣхъ стремленій,—благополучіе единицъ, — не нуждается болѣе ни въ какихъ отсрочкахъ и становится непосредственнымъ предметъ стремленій“.

**) См. нашу статью: „Общественно-психологическія основы воспитанія“, въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ за 1900 годъ, кн. I.

дуалистическимъ воспитаніемъ мысль все же упорно будетъ утверждать, что, въ конечномъ счетѣ, думаетъ-то и чувствуетъ, страдаетъ и творитъ идеалы не общество, а индивидъ, и что поэтому онъ одинъ только и имѣетъ право на реальное бытіе, общество же есть не болѣе, какъ «абстракція», или, какъ заявляетъ, напр., проф. Лоріа, а съ нимъ и многіе ортодоксальные марсисты, «общество есть метафизическое твореніе, котораго никто никогда не встрѣчалъ и которому никто не пожималъ руки»...

Но руководясь такимъ грубо-эмпирическимъ и матеріалистическимъ критеріемъ, чему только не придется отказать въ реальномъ существованіи. Общественному классу, какъ одной изъ соціологическихъ категорій, тоже вѣдь никто не пожималъ руки, тѣмъ не менѣе гласитъ же одно изъ популярнѣйшихъ положеній ортодоксальнаго марксизма—«мыслитъ не личность, а классъ» (или «соціальная группа»). Кромѣ того, мы знаемъ цѣлый рядъ мыслителей, завоевавшихъ себѣ славу трезвостью и критичностью своего мышленія, которые, несмотря на возможность «пожатія руки» каждой отдѣльной человѣческой личности, отказываютъ ей въ эмпирической реальности. Юмъ, какъ извѣстно, отрицалъ всякую реальность нашего *я*; онъ признавалъ за неоспоримое одно лишь существованіе отдѣльныхъ, независимыхъ явленій сознанія. Среди этихъ явленій сознанія онъ не находилъ никакого особо-существующаго *я* и логически выводилъ отсюда, что нашему представленію объ этомъ *я* не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности никакого реальнаго эквивалента. Другой мыслитель, Иммануилъ Кантъ, утверждалъ, что въ нашемъ эмпирическомъ сознаніи мы не находимъ *я*, какъ реальности, которая можетъ быть мыслима только какъ трансцедентальное сознаніе, всегда равное самому себѣ. Но и до сихъ поръ еще философы не столковались насчетъ природы формальнаго и матеріальнаго единства человѣческой индивидуальности *). Съ точки же зрѣнія позитивно-соціологической, не личность, а общество есть элементъ первичный, опредѣляющій и обусловливающій; общественность, такимъ образомъ, нѣчто далеко болѣе реальное, чѣмъ индивидуальность, но, во всякомъ случаѣ, *не менѣе* абстрактное, чѣмъ послѣдняя. Откуда, спрашивается, личность получила всѣ свои мысли и чувства, стремленія и идеалы, какъ не *извнѣ*, не отъ высшихъ сверхъ-индивидуальныхъ единицъ, являющихся тѣмъ, что нѣмцы называютъ «das eigentlich Erfüllende»? «Величайшая ошибка индивидуалистической психологіи,—читаемъ мы, напр., въ «Основахъ соціологіи» Гумпловича (стр. 264),—заключается въ предположеніи, будто мыслитъ человѣкъ. Въ человѣкѣ мыслитъ совсѣмъ не онъ, но

*) То же самое, впрочемъ, мы наблюдаемъ и въ біологіи. Біологи еще и до сихъ не дали намъ вполнѣ опредѣленной дефиниціи индивида, какъ біологической единицы. См. объ этомъ, напр., Felix Le-Dantec. „L'individualité et l'erreur individualiste“ (Paris, 1898), въ особ. стр. 141—150; Delage. „La question du polyzoïsme et la définion de l'individu“ („Revue Scientifique“, 1896, juin) и друг.

его соціальная группа; источникъ его мысли лежитъ совсѣмъ не въ немъ, но въ соціальной средѣ, въ которой онъ живетъ, въ соціальной атмосферѣ, которой онъ дышитъ; онъ можетъ мыслить только такъ, какъ необходимо его заставляютъ концентрирующіяся въ его мозгу вліянія» *). Подобный же взглядъ мы находимъ и въ извѣстномъ трудѣ Георга Зиммеля «Соціальная дифференціація»: «Индивидъ есть лишь комокъ соціальныхъ нитей, точка прохожденія внѣшнихъ силъ». По мнѣнію германскаго ученаго, понятіе «общества» лишь тогда можетъ имѣть какой-либо смыслъ, если оно установляется въ противоположность простой суммѣ индивидовъ. Взятое какъ простая сумма личностей, общество перестаетъ быть предметомъ особой науки, соціологіи. Повидимому, говоритъ далѣе Зиммель, взглядъ индивидуализма правиленъ: существуютъ лишь отдѣльныя личности, ихъ движенія, душевныя эмоціи, въ то время какъ осязаемаго общественнаго организма на самомъ дѣлѣ нѣтъ и быть не можетъ. Если индивидуализмъ ставитъ свою критику на эту почву, то тѣмъ самымъ онъ произноситъ надъ собой свой приговоръ. Въ своемъ пристрастіи къ *матеріально осязаемымъ реальностямъ* (курсивъ нашъ), индивидуалистическая теорія должна лишь быть послѣдовательной, и тогда она не можетъ не замѣтить, что ея «единая» и «абсолютная» личность улетучивается и принимаетъ характеръ такой же множественности, какъ и общество. Вѣдь физіологически уже давно доказано, что всякій организмъ есть цѣлый міръ клѣтокъ, изъ которыхъ каждая живетъ своею, относительно-самостоятельною, жизнью и въ органическомъ отношеніи представляетъ несомнѣнное «единство». Даже съ психологической точки зрѣнія личность не представляетъ собою единой и абсолютной реальности. Между идеями ребенка и мыслями взрослаго, между нашими теоретическими убѣжденіями и нашими поступками, между настроеніями лучшихъ и худшихъ минутъ нашей жизни лежитъ такая масса противорѣчій, что представляется абсолютной невозможностью открыть во всемъ этомъ единую сущность. Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ нашего анализа, отъ человѣческой личности остается одно формальное *я*. Но если это такъ, то почему же мы должны отрицать за обществомъ существованіе такого же объективнаго единства? **).

---

*) Такой законъ не уничтожаетъ, однако, *оригинальности* въ мышленіи, чувствованіи и волевыхъ импульсахъ личности, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Гёффдингъ въ своей „Философіи религіи“, каждый отдѣльный человѣкъ „всегда есть нѣчто большее, нежели частный случай общаго закона. *Индивидуальность возникаетъ благодаря совмѣстноау дѣйствію многихъ законовъ*“.

**) „Ueber sociale Differenzierung“. Sociologische und psychologische Untersuchungen. Von G. Simmel. S. 10 u. 11. (Staats und Socialwiss. Forschungen, herausgeg. von Gustav Schmoller, X B.). Въ той же статьѣ Зиммель придаетъ идеѣ „множественности индивидуальнаго человѣка“ значеніе одно изъ важнѣйшихъ предварительныхъ условій раціональнаго обоснованія общественной науки.

Всѣ такія и подобныя имъ соображенія побудили многихъ ученыхъ соціологовъ отожествлять общество съ организмомъ, но, конечно, организмомъ sui generis. Споры между «органистами» и ихъ противниками продолжаются и до сихъ поръ, но индивидуалистическій взглядъ на природу общества, какъ на простой аггрегатъ или собирательный терминъ для обозначенія механической суммы составляющихъ его членовъ, все болѣе становится достояніемъ исторіи. Правы ли органисты или нѣтъ, но теперь не можетъ уже болѣе подлежать сомнѣнію тотъ фактъ, что общество есть нѣчто большее, чѣмъ аггрегатъ или собирательная сумма индивидовъ; оно есть *реальное цѣлое, обладающее самостоятельной жизнью* *). Безъ признанія за обществомъ такой реальной цѣлостности не можетъ быть и самой науки соціологіи, и послѣдняя, какъ это еще такъ недавно заявлялъ Тардъ, была бы сведена, въ сущности, къ другой наукѣ—соціальной психологіи. Такое признаніе, какъ справедливо замѣтилъ однажды Эспинасъ, есть «être ou ne pas être» соціологіи. Въ своемъ вызовѣ Тарду, помѣщенномъ въ «Revue philosophique» за 1901 годъ, Эспинасъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Тардъ тратилъ чудныя средства своего изобрѣтательнаго генія на то, чтобы создать соціальный миражъ изъ элементовъ, непреодолимо индивидуальныхъ, превратить свою коллективную психологію (interpsychologie) въ видимость соціологіи. То онъ

---

*) Сторонникомъ органической теоріи общества у насъ, въ Россіи, былъ, между прочимъ, Вл. Соловьевъ. Въ его цитированнымъ уже выше трудѣ мы находимъ слѣдующее, относящееся сюда, мѣсто: „Обыкновенно, когда говорятъ о человѣкѣ, какъ о единомъ существѣ или организмѣ, то видятъ въ этомъ едва ли болѣе, чѣмъ метафору, или же простой абстрактъ: значеніе дѣйствительнаго единичнаго существа или индивида приписывается только каждому отдѣльному человѣку. Но это совершенно неосновательно. Дѣло въ томъ, что всякое существо и всякій организмъ имѣетъ необходимо собирательный характеръ и разница только въ степени. Каждое индивидуальное существо—этотъ человѣкъ, напримѣръ,—состоитъ изъ большого числа органическихъ элементовъ, обладающихъ извѣстной степенью самостоятельности, и если бы эти элементы имѣли сознаніе (а они его, конечно, имѣютъ въ извѣстной мѣрѣ), то для нихъ цѣлый человѣкъ, въ составъ котораго они входятъ, навѣрно являлся бы только какъ абстрактъ. Каждая нервная клѣточка, каждый кровяной шарикъ въ вашемъ организмѣ навѣрно считаетъ себя настоящимъ индивидуальнымъ самостоятельнымъ существомъ, а о васъ онъ или совсѣмъ незнаетъ, или вы являетесь для него только какъ собирательная, слѣдовательно, метафорическая единица. Какъ собирательный характеръ человѣческаго организма не препятствуетъ человѣку быть дѣйствительнымъ индивидуальнымъ существомъ, такъ точно и собирательный характеръ всего человѣчества не препятствуетъ ему быть *столь же дѣйствительнымъ индивидуальнымъ существомъ*".

Интересно, что даже индивидуалистъ, какъ Н. К. Михайловскій, не мало поборовшійся съ органической теоріей общества, разсматривалъ такія коллективности, какъ семья, родъ, общество, въ качествѣ ряда высшихъ и болѣе сложныхъ *индивидуальностей*, которымъ онъ, какъ индивидуалистъ, объявлялъ, конечно, непримиримую войну.

хвалится, будто разрѣзалъ пуповину, связывавшую соціологію съ біологіей; то онъ самъ признаетъ, что общество является прочной, естественной реальностью, и обѣщаетъ разсказать, какъ, подъ какимъ видомъ оно можетъ сохранить свою реальность въ его системѣ. Намъ было бы очень интересно узнать, какъ онъ разрѣшитъ то, что для насъ является противорѣчіемъ,—реальностью безъ жизни. По Тарду, общество не является для индивида условіемъ физическаго существованія. Все сводится лишь къ обмѣну вѣрованій и стремленій, установленію (путемъ подражанія) взаимнаго сходства, выработкѣ противорѣчій и примиренію этихъ противорѣчій»... Эспинасъ не отрицаетъ существованія извѣстныхъ различій между обществомъ и индивидуальнымъ организмомъ, но различія эти не такого рода, чтобы отнять у общества всякій, вообще, органическій и цѣлостный характеръ. «Представленія и рѣшенія, чувства и желанія, направленныя къ общему благу, заставляютъ сходиться въ одномъ и томъ же пунктѣ всѣ частныя сознанія. Такимъ образомъ, возникаетъ *новый центръ*, къ которому все приводитъ и отъ котораго исходитъ все, что касается безопасности, снабженія необходимымъ, труда, радостей и горя этихъ переплевшихся индивидуальныхъ жизней. Этимъ центромъ является *коллективное сознаніе*. У каждаго общества есть свой такой центръ. Эти коллективныя сознанія (которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ создаваемыми, болѣе или менѣе спеціальными органами) являются для насъ настоящей реальностью. Они являются самыми великими въ мірѣ собирателями и самыми энергичными распредѣлителями упорядоченныхъ силъ. Оттого, что ихъ нельзя нащупать рукой, какъ иронизируютъ противники этого взгляда, сознанія эти не перестаютъ быть реальностями. Они состоятъ въ солидарности впечатлѣній и желаній, въ согласіи чувствъ и стремленій, въ сплетеніи вѣрованій и хотѣній, охватывающихъ полупозабытое прошлое и прозрѣвающихъ неизвѣстное будущее. Только символы даютъ возможность постичь этотъ образъ. Символъ ничто безъ той идеи, которую возбуждаетъ онъ. Но нѣсколько лоскутковъ разноцвѣтной матеріи бываетъ достаточно, чтобы возбудить эту идею, и тогда то существо, которое я имѣю въ виду, здѣсь налицо, въ идеѣ о немъ, въ нашемъ сознаніи, которое говоритъ намъ о немъ» *).

Тардъ не остался въ долгу у своего ученаго соотечественника, но отвѣтъ его изумилъ многихъ тѣми существенными уступками, которыя онъ сдѣлалъ своему противнику. Тардъ въ статьѣ своей «La réalité sociale» уже не Тардъ своихъ болѣе раннихъ произведеній: онъ уже признаетъ теперь коренное различіе между соціологіей и соціальной психологіей, ихъ предметовъ и методовъ; онъ признаетъ за обще-

*) „Être ou ne pas être, ou du postulat de la Sociologie „Revue philosophique", 1901, № 5.

ствомъ его реальную цѣлостность, не сводимую къ однимъ психическимъ взаимодѣйствіямъ; онъ готовъ даже согласиться съ положеніемъ о существованіи—не метафизическомъ, а реальномъ — «соціальной души», находящей свое болѣе или менѣе полное и точное выраженіе въ психикѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. Невѣрно лишь, да и безполезно, отожествлять общество съ индивидуальнымъ организмомъ. «Нѣкоторымъ кажется,—говоритъ онъ,—что мы не отдаемъ должнаго природѣ общества, называя его только реальнымъ цѣлымъ, и что нужно непремѣнно признать его организмомъ. Но развѣ организмъ выше соціальнаго цѣлаго въ томъ отношеніи, какъ указано выше (т.-е. въ смыслѣ объективной цѣлостности. *Е. Л.*)? То, что заставляетъ видѣть въ организмѣ болѣе полное, болѣе реальное объединеніе въ одно существо всѣхъ составляющихъ его элементовъ, это его правильная, опредѣленная, изъ одного куска массы состоящая форма. Но если всмотрѣться поближе, то связь между элементами организма *менѣе* реальна, менѣе глубока, менѣе упруга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, менѣе прочна, чѣмъ связь, созданная соціальной жизнью между единицами, слагающими общество. Въ самомъ дѣлѣ, составные элементы организма подчинены извѣстнымъ отношеніямъ разстоянія; они не могутъ перейти ихъ, иначе связь тотчасъ же разорвется, разрушится ихъ жизненная солидарность. Элементы же солидарной группы могутъ физически удаляться на очень далекія разстоянія, и соціальная связь всетаки не перестаетъ существовать. Этой упругостью и этой необычайной прочностью соціальная связь замѣтно отличается отъ біологической». Но это обстоятельство, очевидно, лишь дѣлаетъ ее болѣе совершенной. «По мѣрѣ того, какъ общество подымается по ступенямъ культуры, оно дѣлается все болѣе реальнымъ, все болѣе цѣлостнымъ», пока, наконецъ, не произойдетъ полнаго объединенія всѣхъ людей въ одномъ универсальномъ и солидарномъ цѣломъ при самой полной ихъ индивидуализаціи» *).

Всѣ вышеизложенныя данныя соціологической науки и недвусмысленныя признанія ея важнѣйшихъ современныхъ представителей, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ школамъ, имѣютъ огромное значеніе какъ для науки о нравственности вообще, такъ и для болѣе легкой оріентировки современнаго нравственнаго сознанія въ сложномъ лабиринтѣ представшихъ предъ нимъ идеологическихъ задачъ и проблемъ. Эти данныя и эти признанія даютъ нашему нравственному сознанію твердую точку опоры и спасаютъ его отъ цѣпкихъ и липкихъ

---

*) Читателей, интересующихся вышеупомянутымъ турниромъ между двумя извѣстнѣйшими французскими соціологами, мы отсылаемъ къ статьѣ г. Л. Сѣдова: „Эспинасъ и Тардъ объ обществѣ" (въ журн. „Вѣстн. Воспитанія" 1902 г. VI кн.), гдѣ довольно точно и подробно переданы взгляды и аргументація обоихъ противниковъ.

традицій буржуазнаго индивидуализма. Съ новой, установленной здѣсь точки зрѣнія намъ еще болѣе становятся ясными и понятными всѣ взаимныя противорѣчія и всѣ ошибки завѣщанныхъ намъ исторіей системъ морали, равно какъ и коренной источникъ этихъ ошибокъ. Ставъ на реальную почву живой соціальной дѣйствительности, мы получаемъ даже возможность нѣкотораго предвидѣнія основныхъ чертъ общечеловѣческой морали будущаго, которая ужъ, конечно, не будетъ имѣть ничего общаго съ царствомъ всеобщаго нравственнаго филистерства, кажущимся столь заманчивымъ всѣмъ ученымъ и неученымъ противникамъ «грядущаго рабства». Не на убыль, а на прибыль будетъ идти нравственная природа человѣка съ улучшеніемъ условій соціальной жизни, пока, наконецъ, она радикально не преобразится и не обновится въ здоровой духовной атмосферѣ всеобщей солидарной коопераціи для всеобщаго развитія. *До конца обобществленная психика каждой личности не будетъ знать другихъ мотивовъ своей дѣятельности, кромѣ общественныхъ, а нравственное сознаніе—другихъ цѣлей, кромѣ блага и безконечнаго прогресса цѣлаго.* Каждый человѣкъ опять превратится, какъ когда-то давно, на зарѣ общественности, въ мірского безкорыстнаго работника, въ неутомимаго радѣтеля за одну единую необъятную общечеловѣческую общину «безъ мысли, что можетъ быть иначе». Категорическій императивъ соціальной воли перестанетъ тогда лишь слабымъ шопотомъ напоминать личности объ ея долгѣ и смыслѣ всего ея существованія, какъ это имѣетъ мѣсто еще теперь, въ эпоху кончающагося индивидуализма, онъ перестанетъ также быть пустой, холодной формулой, способной вмѣщать въ себя всевозможное содержаніе. Нѣтъ, онъ претворится тогда въ плоть и кровь каждой личности, станетъ ея живою совѣстью, ей инстинктомъ, знающими одинъ законъ—служеніе обществу. Первый шагъ самосознанія личности не будетъ уже болѣе индивидуалистическое *cogito ergo sum*, заведшее человѣческую мысль въ безвыходныя дебри самаго крайняго субъективизма и солипсизма, а коллективистическое: *я мыслю и чувствую себя производной и служебной частью цѣлаго, слѣдовательно и я, и это цѣлое существуетъ.* Эта послѣдняя формула, думаемъ мы, способна вывести насъ, наконецъ, не только изъ мертвыхъ, засасывающихъ дебрей *этическаго* индивидуализма, но и изъ всего, вообще, гносеологическаго и метафизическаго хаоса, въ тяжкой атмосферѣ котораго задыхается современная, сбитая съ толку, человѣческая мысль. Въ сферѣ общефилософской гносеологическому субъективизму и метафизическому иллюзіонизму долженъ быть противопоставленъ объективный и реальный универсализмъ; въ сферѣ чисто-этической эгоизму и индивидуализму должна быть противопоставлена соціальная мораль будущаго...

Въ нашемъ представленіи общества и «соціальной души» столь же мало метафизическаго, сколько и въ современномъ научномъ предста-

вленіи о душѣ вообще. Или, если хотите, въ каждомъ изъ этихъ двухъ представленій есть нѣчто «метафизическое», *т.-е. не до конца понятное.* Подобно тому, какъ индивидуальная душа познается нами не въ своей «субстанціи», существованіе которой справедливо подвергается сомнѣнію, а лишь въ безконечномъ множествѣ ея разнообразныхъ проявленій, зачастую неспѣтыхъ, взаимнопротиворѣчивыхъ, такъ же точно единая соціальная душа существуетъ и функціонируетъ, а, слѣдовательно, и можетъ быть понята, только въ ея индивидуальныхъ проявленіяхъ. Общество, съ его психической жизнью, существуетъ не *внѣ* насъ, составляющихъ его индивидовъ, подобно тому какъ и организмъ существуетъ не внѣ составляющихъ его клѣтокъ; тѣмъ не менѣе общество, какъ и организмъ, имѣетъ свою особую индивидуальность, со своей самостоятельной психикой и жизнью. Несмотря на все разнообразіе и даже противорѣчивость отдѣльныхъ проявленій индивидуальной «души», мы все же не отказываемъ ей въ извѣстной «цѣлостности», въ единствѣ. Такъ же само и «соціальная» душа страдаетъ теперь, въ классовомъ обществѣ, раздвоеніемъ, расколотостью, антагонизмомъ противорѣчивыхъ тенденцій и настроеній, но спрашивается: почему мы должны ей отказывать въ подобной же цѣлостности, въ единствѣ? Если отъ насъ потребуютъ показать «субстанцію» соціальной души или объяснить до конца ея сокровенную сущность, ея начало и конецъ, то мы въ отвѣтъ на это попросимъ лишь объяснить намъ всѣ подобные вопросы по отношенію къ *индивидуальной* душѣ, существованіе которое не подвергается уже сомнѣнію, несмотря на всю ея относительную эфемерность, ея зависимость и производность. Какъ тутъ, такъ и тамъ мы наталкиваемся на извѣстный остатокъ, неподдающійся нашему пониманію, по крайней мѣрѣ—bis auf weiteres. И приставать съ подобными вопросами и требованіями къ намъ могутъ лишь тѣ сторонники «положительнаго знанія», которые, при всей ихъ позитивой выучкѣ, въ душѣ остались самыми *вульгарными* метафизиками, повсюду ищущими матеріальныхъ, наглядныхъ демонстрацій и мистическихъ субстанцій. И долго еще «атомизированная» человѣческая мысль будетъ биться въ клѣткѣ все разлагающаго индивидуализма, пока она освоится, наконецъ, съ тѣмъ основнымъ краеугольнымъ камнемъ всякаго истинно-соціальнаго міросозерцанія, съ тѣмъ новымъ идейнымъ принципомъ, который гласитъ: das Ganze ist vor den Teilen, die Tile sind durch das Ganze...

Означаетъ ли это, что соціальная этика въ томъ видѣ, какъ мы ее себѣ представляемъ, должна обратиться для каждаго изъ насъ въ «соціолатрію», въ религію человѣчества а la Огюстъ Контъ? означаютъ ли наши представленія объ обществѣ, что мы дѣлаемъ изъ него какое-то новое божество, какого-то идола, къ ногамъ котораго должна повергнуться человѣческая личность въ трепетѣ и униженіи?

Отнюдь нѣтъ. Религія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ

свое особое содержаніе, не совпадающее съ нравственными идеалами, имѣющими въ виду исключительно отношеніе личности къ обществу и себѣ подобнымъ. Религія, какъ означаетъ само слово (relier, religare), ставитъ человѣка въ опредѣленныя отношенія ко всему міру, къ космосу, связывая ихъ какой-либо одной солидарной связью. «Религія человѣчества» есть безсмыслица, contradictio in adjecto, злоупотребленіе самымъ словомъ «религія». Кромѣ того, наше представленіе объ обществѣ, какъ высшей реальной цѣлостности, не имѣетъ еще и потому ничего общаго съ такъ называемой соціолатріей, что для насъ человѣческое общество есть лишь послѣдняя, но отнюдь не конечная, ступень органической эволюціи, не допускающая будто бы уже болѣе никакихъ другихъ, еще высшихъ ступеней. Органическій прогрессъ существовалъ уже задолго до возникновенія общества и его продукта-личности, и, мы вѣримъ, будетъ безконечно продолжаться и послѣ него. Если человѣкъ есть нѣчто, что, по Ницше, «должно быть превзойдено», то и о человѣческомъ обществѣ можно сказать до нѣкоторой степени то же самое: оно будетъ и должно быть превзойдено. Жизнь творитъ все лучшія и высшія формы органическаго существованія; процессъ солидаризаціи, гармоніи и порядка стремится захватить все бóльшія сферы міровой жизни и пересилить противоположные ему процессы диссолидарности, разрушенія и смерти. Наивысшимъ идеаломъ человѣческой личности должна быть, поэтому, солидаризація міровой жизни, установленіе царства міровой общественности и гармоніи. То, что для пантеиста съ его формулой: Natura sive Deus является уже осуществленнною дѣйствительностью, для насъ должно стать конечной цѣлью: объединеніе диссолидарнаго и дисгармоничнаго еще космоса въ солидарной и гармоничной цѣлостности единой міровой души. Но такая цѣль относится болѣе къ компетенціи общей философіи и религіи, а не морали. Нравственныя или этическія исканія естественнымъ путемъ переходятъ, такимъ образомъ, въ исканія общефилософскія и религіозныя, не менѣе безпокоящія современную мысль, чѣмъ первыя. Основной жизненный вопросъ: *что я такое и зачѣмъ я здѣсь*—не вполнѣ еще разрѣшается одной моралью; для его окончательнаго и полнаго рѣшенія необходимы еще данныя какъ теоріи познанія, такъ и общей философіи, требующія особаго и самостоятельнаго разсмотрѣнія.

Евг. Лозинскій.

---

*

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка).

(*Продолженіе* *).

Глава четвертая.

Политическій строй сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время.

Изучая колонизацію, народное хозяйство и соціальный строй сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время, мы постоянно наблюдали, съ одной стороны, явленія болѣе раннія, типическія, характерныя для даннаго періода, съ другой—болѣе позднія новообразованія, зарожденіе грядущихъ отношеній и порядковъ, переходъ къ слѣдующему періоду. Такіе же два ряда явленій обнаруживаются и при изслѣдованіи политическаго строя: удѣльный порядокъ сначала сложился и вылился въ опредѣленныя формы, затѣмъ сталъ разлагаться. И то и другое подлежитъ теперь нашему изученію. Прежде всего необходимо, конечно, опредѣлить типическія, характерныя черты удѣльнаго порядка въ политическомъ отношеніи.

Первая изъ этихъ чертъ это—*паденіе вѣча.* Причины этого явленія заключаются прежде всего въ перемѣнѣ того положенія, какое занимали общественныя группы, составлявшія въ кіевскій періодъ главный элементъ на вѣчевой сходкѣ. Крестьянское населеніе было мало заинтересовано практически въ сохраненіи вѣча, потому, что лишено было большею частью фактической возможности посѣщать вѣчевыя собранія. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что земледѣліе, вызывая у крестьянъ потребность въ капиталѣ, ставило сельское населеніе въ сильную зависимость отъ наиболѣе богатыхъ капиталистовъ, какими и были именно князья. Такимъ образомъ народная масса была равнодушна къ вѣчу, тѣмъ болѣе, что, какъ и въ Новгородѣ, она видѣла въ князѣ естественнаго своего защитника и покровителя противъ аристократическихъ замашекъ и притязаній боярства. Городское населеніе было несравненно болѣе заинтересовано въ

*) См. „Міръ Божій“, № 10, октябрь 1904 г.

сохраненіи вѣчевого строя, потому что всегда могло присутствовать на вѣчѣ и направлять его рѣшенія. Но прежде всего городское население было на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси экономически-ничтожной величиной, такъ какъ торговля и обрабатывающая промышленность были слабо развиты, а какъ земледѣльцы посажане тонули въ массѣ сельскаго населенія, среди котораго они составляли едва замѣтное меньшинство. А затѣмъ далеко не всѣ горожане были солидарны между собою: мы знаемъ, что пригороды въ отношеніи къ вѣчу старшаго города занимали такое же подчиненное положеніе, какъ и села съ деревнями: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ»—таковъ былъ древній обычай. Понятно, что эта зависимость не могла нравиться пригородамъ, въ которыхъ къ тому же были слабы и вѣчевыя привычки. И потому сѣверо-восточные князья «самовластцы», начиная съ Андрея Боголюбскаго, бросаютъ старые вѣчевые города, Ростовъ и Суздаль, и переселяются въ пригородъ, Владиміръ-на-Клязьмѣ. Послѣдній часъ вѣчевого строя пробилъ въ области Оки и верхней Волги послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, во время шумной и кровопролитной усобицы 1174—1176 годовъ. Когда былъ убитъ Андрей, бояре и ростовцы выбрали князьями его племянниковъ, сыновей давно умершаго его старшаго брата Ростислава, Мстислава и Ярополка. Но пригороды—Владиміръ-на-Клязьмѣ и Переяславль-Залѣсскій—признали княземъ Михаила, брата Андреева. Сначала побѣда склонилась на сторону Ростиславичей, но потомъ Михаилъ и его братъ Всеволодъ съ помощью владимірцевъ и переяславцевъ восторжествовали, и Михаилъ сѣлъ во Владимірѣ, а Всеволодъ въ Переяславлѣ. Когда черезъ годъ умеръ Михаилъ, ростовцы опять было призвали Мстислава Ростиславича, но были окончательно разбиты Всеволодомъ. Позднѣе весьма рѣдко встрѣчаются упоминанія о вѣчѣ и то большею частью въ смыслѣ возстанія: два раза говорится о вѣчѣ простыхъ людей на бояръ въ Костромѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, одинъ разъ упомянуто вѣче на татаръ въ Ростовѣ; въ Муромѣ однажды вѣче вмѣшалось въ княжескія усобицы. Но все это были отдѣльные отголоски старины, историческіе обломки, лишенные жизненнаго значенія и смысла: вѣче умерло навсегда и окончательно.

Совершенно другой была судьба второго носителя верховной власти въ кіевскій періодъ—*князя*. Прежде чѣмъ опредѣлить кругъ дѣятельности князей, необходимо познакомиться съ порядкомъ княжескаго владѣнія въ удѣльный періодъ и съ междукняжескими отношеніями.

Одной изъ отличительныхъ чертъ очередного порядка княжескаго владѣнія въ кіевской Руси былъ, какъ мы убѣдились въ свое время, кочевой характеръ его, подвижность князей, постоянные переходы изъ города въ городъ, перемѣны одного княжества на другое. Княжеское владѣніе того времени въ значительной мѣрѣ уподоблялось такимъ образомъ господствовавшему тогда среди массы населенія

вольному или захватному землепользованію. Въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время землевладѣльческіе порядки опредѣлились точнѣе, отлились въ болѣе законченныя формы, потеряли въ значительной мѣрѣ прежній подвижной характеръ. Соотвѣтственно этому исчезло и кочеваніе князей: они усѣлись на мѣстѣ, органически связали себя съ извѣстными княжествами. Первые признаки такой осѣдлости наблюдаются въ концѣ XII вѣка: Андрей Боголюбскій носилъ званіе великаго, т.-е. старшаго, князя во всей русской землѣ и однако онъ не перешелъ изъ Владиміра въ Кіевъ, а остался на сѣверѣ, распоряжаясь только по своему усмотрѣнію кіевскимъ столомъ. Такъ же поступилъ и его братъ Всеволодъ III Большое Гнѣздо. Оба они возвысили Владиміръ до значенія перваго города Руси. Но и послѣ нихъ князья, получая великое княжество Владимірское, обыкновенно не переѣзжали во Владиміръ, оставались въ своихъ прежнихъ княжествахъ, владѣя и Владимірской землей; такъ Ярославъ Ярославичъ Тверской, сдѣлавшись по смерти Александра Невскаго великимъ княземъ владимірскимъ, лишь иногда пріѣзжалъ во Владиміръ, обыкновенно же жилъ въ Твери; преемникъ Ярослава на владимірскомъ столѣ, Василій Ярославичъ Костромской, тоже не покинулъ Костромы для Владиміра.

Въ наслѣдованіи великаго княжества Владимірскаго князья въ теченіе всего XIII вѣка слѣдовали старому порядку родового старшинства; правда, Всеволодъ III нарушилъ—было это старшинство, передавъ Владиміръ не старшему своему сыну Константину, а второму—Юрію, но послѣ сраженія при Липицѣ въ 1216 году Константинъ возстановилъ свои права, и только послѣ его смерти великимъ княземъ владимірскимъ сдѣлался Юрій; Юрію, погибшему въ битвѣ съ татарами на рѣкѣ Сити, наслѣдовалъ во Владимірѣ по старшинству слѣдующій братъ, Ярославъ, преемникомъ котораго былъ въ свою очередь послѣдній сынъ Всеволода Святославъ. Внуки и правнуки Всеволода III также соблюдали старшинство; сначала во Владимірѣ сѣлъ старшій внукъ Всеволода, Александръ Ярославичъ Невскій, потомъ его братъ Ярославъ Тверской, далѣе Василій Костромской, младшій изъ Всеволодовыхъ внуковъ, затѣмъ старшій правнукъ Дмитрій Александровичъ, послѣ котораго Владимірскій столъ занималъ его братъ Андрей, второй сынъ Александра Невскаго. Такимъ образомъ порядокъ княжескаго владѣнія главнымъ, старшимъ городомъ оставался до начала XIV вѣка прежнимъ. Но это былъ единственный уцѣлѣвшій остатокъ старины въ княжескомъ владѣніи.

Въ наслѣдованіи младшихъ волостей уже въ XIII вѣкѣ, какъ и позднѣе, до конца періода, наблюдается другое явленіе,—торжество одного изъ второстепенныхъ началъ, часто уничтожавшихъ еще въ кіевской Руси дѣйствіе господствовавшаго очередного порядка владѣнія,—именно начала *отчины* или *вотчины*, т.-е. передачи волости по завѣщанію отъ отца сыновьямъ. Такъ, напр., вотчиной потомства старшаго изъ Всево-

лодовичей, Константина, сдѣлалось Ростовское княжество: послѣ смерти Константина здѣсь княжилъ его старшій сынъ Василько, которому въ свою очередь наслѣдовалъ его сынъ Борисъ; или вотъ порядокъ наслѣдованія Рязанскаго стола въ XIII и XIV вѣкахъ: въ началѣ XIII вѣка здѣсь княжилъ Ингварь Игоревичъ, потомъ Олегъ Ингваревичъ, далѣе Романъ Ольговичъ, а затѣмъ Ѳедоръ Романовичъ, у котораго не осталось потомства, почему въ Рязани сталъ княжить его двоюродный братъ Константинъ Романовичъ; Константину наслѣдовалъ его сынъ Василій умершій бездѣтнымъ, такъ что Рязанскій столъ достался его двоюродному брату Ивану Ярославичу; послѣдній передалъ этотъ столъ своему сыну Ивану Ивановичу Короткому, преемникомъ котораго былъ въ свою очередь сынъ его Олегъ Ивановичъ-современникъ Дмитрія Донского. Количество примѣровъ можно было бы увеличить при желаніи до какихъ угодно предѣловъ; факты постоянно говорятъ намъ о господствѣ вотчиннаго начала въ наслѣдованіи княжескихъ столовъ, такъ что надо безъ колебанія признать это начало утвердившимся гораздо прочнѣе, чѣмъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія, существовавшій въ кіевскій періодъ и допускавшій на практикѣ, какъ мы видѣли, цѣлый рядъ часто встрѣчавшихся исключеній. Такъ какъ княжескія вотчинныя владѣнія получили названіе *удѣловъ*, то и весь порядокъ княжескаго владѣнія на сѣверо-востокѣ Россіи въ XIII—XV вѣкахъ принято именовать *удѣльнымъ*. И здѣсь сказалось отмѣченное уже выше господство земледѣлія и развитіе вотчинной формы частнаго землевладѣнія: и то и другое привязывало князей къ опредѣленной мѣстности, потому что земледѣліе заставляло ихъ затрачивать нерѣдко весьма значительные капиталы на ссуды крестьянамъ и заботиться о населенности и плодородіи земли, а принципъ частновладѣльческой вотчины, полной наслѣдственной собственности съ правами землевладѣльца пользоваться и распоряжаться ею по усмотрѣнію, давалъ готовую юридическую схему отношеній князя къ его княжеству.

Чтобы покончить съ вопросомъ о порядкѣ княжескаго владѣнія русской землей въ удѣльный періодъ, остается отмѣтить еще одно необходимое послѣдствіе этого порядка, логически вытекавшее изъ самой его природы: такъ какъ удѣлы наслѣдовались, по завѣщанію отца, всѣми сыновьями, то отсюда неизбѣжно происходила нообыкновенная дробность дѣленія на удѣлы, увеличивавшаяся съ каждымъ поколѣніемъ. Такъ при сыновьяхъ Всеволода III его владѣнія распались на пять удѣловъ: Владимірскій, Ростовскій, Переяславль-Залѣсскій, Юрьево-Польскій, Стародубскій, а при его внукахъ удѣловъ было уже 12: Юрьево-Польскій и Стародубскій остались недѣлимыми, а Владимірскій раздѣлился на Владимірскій, Суздальскій, Костромской и Московскій; Ростовскій—на собственно-Ростовскій, Ярославскій и Углицкій; наконецъ, Переяславскій распался на собственно-Переяславскій, Твер-

ской и Дмитрово-Галицкій. Позднѣе, въ XIV и XV вѣкахъ, дробленіе продолжалось и нерѣдко доходило до крайностей: напр., Ростовское княжество распалось тогда на Ростовское и Бѣлозерское, а Бѣлозерское въ свою очередь раздѣлилось на Кемское, Судское, Сугорское, Ухтомское, Шелешпальское, Андожское, Вадбольское и т. д.; изъ Ярославскаго выдѣлились удѣлы Моложскій, Сицкой, Заозерскій, Прозоровскій, Кубенскій, Курбскій, Новленскій, Юхотскій, Бохтюжскій, Пошехонскій.

Говоря о *взаимныхъ отношеніяхъ* князей въ началѣ удѣльнаго періода, до XIV вѣка, необходимо различать фактъ отъ права: князья сильные часто фактически распоряжались въ чужихъ княжествахъ и даже вмѣшивались въ дѣло замѣщенія княжескихъ столовъ, какъ то дѣлали, напр., Андрей Боголюбскій, Всеволодъ Большое Гнѣздо, иногда Ярославъ Всеволодовичъ и Александръ Невскій, но юридически положеніе великаго князя владимірскаго въ то время было нисколько не болѣе опредѣленнымъ и регулированнымъ, чѣмъ то можно было сказать о кіевскомъ князѣ въ древнѣйшей Россіи. Факты показываютъ, что въ XIII вѣкѣ князья были независимы другъ отъ друга въ дѣлѣ управленія внутренняго и во внѣшнихъ отношеніяхъ, и считались между собой только старшинствомъ происхожденія, т.-е. опредѣляли взаимныя отношенія лишь на основѣ кровной, не-государственной. Такъ, когда Андрей Боголюбскій, будучи недоволенъ Ростиславичами, которыхъ онъ посадилъ въ Кіевской землѣ, пригрозилъ имъ изгнаніемъ оттуда, то младшій изъ нихъ Мстиславъ объявилъ, что они не «подручники», т.-е. не подданные Андрея, а почитаютъ его только какъ отца. Или: въ 1229 году Юрій Всеволодовичъ, видя, что его братъ Ярославъ Переяславскій и племянники Василько, Всеволодъ и Владиміръ Константиновичи собираются начать войну противъ него, устроилъ съѣздъ всѣхъ этихъ князей во Владимірѣ и помирился съ ними; они назвали его при этомъ «отцомъ и господиномъ», но не государемъ. Наконецъ, по лѣтописи, Батый сказалъ Ярославу Всеволодовичу, занявшему по старшинству Владимірскій столъ: «будь ты старшій между всѣми князьями въ русскомъ народѣ»; и здѣсь подъ старшинствомъ нельзя разумѣть чего-либо отличнаго отъ родового старшинства, потому что ханъ не снабдилъ Ярослава никакими особенными полномочіями. Лучшимъ подтвержденіемъ юридической самостоятельности князей служитъ договорный принципъ т.-е. правило, въ силу котораго междукняжескія отношенія регулировались договорами, гдѣ князья являлись совершенно равноправными сторонами.

Чтобы изобразить положеніе князя въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи во всей полнотѣ, мы должны были бы теперь остановиться на вопросѣ о кругѣ дѣятельности князей. Рѣшеніе этого вопроса удобнѣе, однако, отложить до болѣе поздняго времени, разсмотрѣвъ сначала организацію управленія во всѣхъ подробностяхъ: только тогда дѣйствительная роль князя, какъ правителя, выступитъ для насъ со

всей ясностью. Лучше всего при этомъ начать снизу, съ тѣхъ органовъ управленія, которые теперь именуются областными или мѣстными, и затѣмъ уже постепенно подниматься вверхъ, изучая последовательно учрежденія, называемыя въ настоящее время центральными, и, наконецъ, верховныя учрежденія.

Основными единицами *областного дѣленія* въ удѣльной Руси были *уѣздъ*, *станъ* и *волость*. Древнѣйшее изъ этихъ названій, несомнѣнно послѣднее. Мы видѣли, что «волостью» или «землей» еще въ кіевскій періодъ называлась область, тянувшая въ административномъ отношеніи къ городу. Въ изучаемое нами теперь время значеніе термина «волость» сильно съужается: такъ называется уже не вся область извѣстнаго города, а обыкновенно лишь часть этой области, болѣе мелкое дѣленіе. Область же, тянувшая къ городу, получила названіе уѣзда—безъ сомнѣнія по той причинѣ, что областные правители, жившіе въ городахъ,—древнѣйшіе посадники, называвшіеся въ удѣльное время намѣстниками,—уѣзжали въ эту область для отправленія функцій, связанныхъ съ ихъ должностью. Станомъ называлось обыкновенно такое дѣленіе, въ которомъ не было постояннаго правителя, а намѣстникъ или его приказчикъ (тіунъ) лишь временно пріѣзжалъ и останавливался тамъ для исполненія своихъ обязанностей. Мѣсто этой временной остановки, а затѣмъ и самая область, къ этому мѣсту тянувшая, и стали называться станомъ. Что касается относительныхъ размѣровъ становъ, волостей и уѣздовъ, то они были различны: иногда станы приблизительно равнялись волостямъ, иногда включали въ себѣ нѣсколько волостей, иногда, наоборотъ, волость была больше стана, бывшаго ея частью, болѣе мелкимъ подраздѣленіемъ; уѣздъ обыкновенно былъ самымъ крупнымъ областнымъ дѣленіемъ, но иногда и волости носили названіе уѣздовъ. Встрѣчается иногда и дѣленіе уѣздовъ на *половины*, происшедшее, повидимому, оттого, что бывали случаи порученія извѣстнаго города съ его областью не одному намѣстнику, а двоимъ, которые и дѣлили уѣздъ на половины, а затѣмъ это дѣленіе по традиціи, по рутинѣ оставалось и позднѣе. Бывало, что уѣзды дѣлились на трети и чети или четверти. Наконецъ, и въ удѣльное время и особенно въ слѣдующій періодъ попадаются еще термины «засада» и «осада», обозначающіе также извѣстное областное дѣленіе иногда болѣе мелкое, чѣмъ уѣздъ, иногда крупнѣе послѣдняго и всегда не совпадающее съ нимъ. Можно предполагать, что этими терминами означались округа, въ которыхъ «засѣли» или «осѣли» въ древнее время первоначальные поселенцы, что, другими словами, засады или осады имѣли значеніе первоначальныхъ колонизаціонныхъ районовъ. Не замѣтно, чтобы эти дѣленія въ удѣльный періодъ были административными, чтобы во главѣ ихъ стояли какія-либо власти. Повидимому, если такъ когда-либо раньше и было, то уже утратилось въ изучаемое нами время.

Переходя отъ областныхъ дѣленій къ органамъ областной администраціи, необходимо прежде всего остановиться на *вѣдомствѣ* важнѣйшихъ изъ нихъ—*намѣстниковъ* (въ уѣздахъ) и *волостелей* (въ волостяхъ). Мы будемъ имѣть въ виду при этомъ сначала только *типическія*, характерныя для начала и середины изучаемаго періода явленія, оставляя пока въ сторонѣ тѣ существенныя измѣненія, которыя въ данномъ отношеніи были произведены къ концу удѣльнаго времени. Обратимъ прежде всего вниманіе на *финансовую* компетенцію намѣстниковъ и волостелей. Въ нашей исторической литературѣ до недавняго времени большой популярностью пользовалось мнѣніе, что намѣстники удѣльнаго періода пользовались въ предѣлахъ территоріи, имъ подчиненной, всею полнотою княжеской власти. Но чѣмъ дальше подвигается впередъ детальное изученіе древне-русскаго управленія, тѣмъ болѣе укрѣпляется убѣжденіе въ томъ, что такой полнотой власти намѣстники не обладали. Это прежде всего и, быть можетъ, даже въ наибольшей мѣрѣ относится къ финансовой компетенціи намѣстниковъ. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что, такъ сказать нормативно-финансовая дѣятельность—установленіе новыхъ налоговъ и пошлинъ и дарованіе податныхъ льготъ—выходила уже изъ круга вѣдѣнія областной администраціи. Далѣе: еще въ концѣ XI вѣка, т.-е. въ кіевскій періодъ, мы наблюдали появленіе на Руси особыхъ «данниковъ», собиравшихъ прямые налоги того времени; слѣдовательно уже историческіе предшественники удѣльныхъ намѣстниковъ, посадники, были отстранены отъ одной изъ важнѣйшихъ функцій финансоваго управленія; это же приходится повторить и о намѣстникахъ, такъ какъ и въ удѣльный періодъ мы постоянно встрѣчаемся съ особыми «данщиками», тожественными, очевидно, съ болѣе древними данниками. Наконецъ, какъ увидимъ въ свое время, распредѣленіе населенія по окладнымъ единицамъ и раскладка податей производились также еще въ началѣ удѣльнаго періода особыми спеціальными органами управленія. Спрашивается: что же остается изъ всей обширной области государственнаго хозяйства на долю намѣстниковъ? Древнѣйшій отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ въ духовной грамотѣ московскаго великаго князя Семена Гордаго 1353 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «а хто моихъ бояръ иметь служити у моее княгини, а волости имуть вѣдати, дають княгинѣ моей прибытка половину». Итакъ, полученіе «прибытка» и передача половины этого прибытка князю—вотъ въ чемъ состояли финансовыя функціи намѣстника въ XIV вѣкѣ. Прибытокъ, какъ показываютъ позднѣйшія уставныя грамоты, а также и только что изложенныя соображенія, слагался, во-первыхъ, изъ корма намѣстника, получаемаго имъ прямо отъ населенія, во-вторыхъ, изъ нѣкоторыхъ торговыхъ пошлинъ, въ-третьихъ, изъ пошлинъ судебныхъ и, наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ свадебныхъ пошлинъ. За

недостаткомъ данныхъ, трудно судить, насколько до конца XV вѣка были точно фиксировины размѣры всѣхъ этихъ доходовъ; вѣроятнѣе всего, кормъ не былъ точно опредѣленъ—не даромъ и позднѣе при вступленіи намѣстника въ должность давали «кто что принесетъ»,—но судебныя, торговыя и свадебныя пошлины, надо думать, рано получили числовое опредѣленіе, потому что слѣды этого можно наблюдать, какъ намъ извѣстно, уже въ кіевскій періодъ, напр., въ «Русской Правдѣ». Извѣстно также, что въ XV и XVI вѣкахъ кормы намѣстниковъ собирались не ими непосредственно, а старостами, которые и передавали ихъ по принадлежности. Такъ какъ старостамъ въ болѣе древнее время соотвѣтствовали сотскіе, несомнѣнно, какъ скоро увидимъ, имѣвшіе отношеніе къ сбору налоговъ, то слѣдуетъ думать, что это ограниченіе намѣстничьей власти не было позднѣйшимъ фактомъ, а относилось и къ началу удѣльнаго періода.

Такимъ образомъ уже въ началѣ удѣльнаго періода и тѣмъ болѣе въ его серединѣ, до XV вѣка, финансовая компетенція намѣстниковъ не была всеобъемлюща, можно даже сказать, что предѣлы ея не были особенно широки.

Несравненно обширнѣе были *судебная власть* намѣстниковъ. Говоря вообще, можно признать эту власть въ извѣстной территоріи совершенно неограниченной: намѣстникъ судилъ въ городѣ и станахъ, къ нему тянувшихъ, по всѣмъ дѣламъ безъ исключенія, гражданскимъ и уголовнымъ даже, вѣроятно, и по тѣмъ преступленіямъ, которыя теперь называютъ государственными. До конца XV вѣка незамѣтно ограниченій судебной власти намѣстниковъ въ этомъ отношеніи. Такъ называемый «докладъ» князю, т.-е. перенесеніе дѣла по собственной волѣ намѣстника на княжескій судъ, былъ вовсе не обязателенъ, и не былъ опредѣленъ сколько-нибудь точно кругъ дѣлъ, подлежавшихъ докладу: все зависѣло тутъ отъ усмотрѣнія самого намѣстника. Конечно, одна изъ тяжущихся сторонъ могла принести по всякому дѣлу жалобу князю на приговоръ намѣстника и даже начать всякое дѣло непосредственно передъ княземъ, минуя намѣстника, потому что не былъ установленъ порядокъ инстанцій. Чтобы завершить характеристику судебной власти намѣстниковъ, надо прибавить къ сказанному, что въ волостяхъ гдѣ управляли волостели, въ дворцовыхъ селахъ, гдѣ были свои дворцовые волостели и посельскіе, и въ вотчинахъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ—духовныхъ и свѣтскихъ—намѣстникамъ принадлежалъ судъ обыкновенно только по самымъ важнымъ, такъ называемымъ «губнымъ» дѣламъ (отъ слова «губить»), именно по дѣламъ о душегубствѣ (убійствѣ), разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ (т.-е. кражѣ, при которой воръ пойманъ на мѣстѣ преступленія). Иногда здѣсь юрисдикція намѣстниковъ была даже у́же, касалась только дѣлъ о душегубствѣ. Сами волостели, по-

сельскіе, землевладѣльцы и ихъ приказчики были изъяты изъ подсудности намѣстниковъ и судились непосредственно у самого князя или у кого онъ прикажетъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Второстепенное значеніе имѣютъ другія функціи намѣстниковъ. Сюда относятся, во-первыхъ, нѣкоторыя дѣла, получившія впослѣдствіи названіе «разрядныхъ», и во-вторыхъ, немногочисленныя и несложныя полицейскія обязанности. Что касается разрядныхъ дѣлъ, то прежде всего надо указать здѣсь на снаряженіе людей на военную службу, а затѣмъ на назначеніе намѣстниками тіуновъ, доводчиковъ, праветчиковъ, пошлинниковъ и пятенщиковъ. Всѣ эти лица, значеніе которыхъ будетъ скоро выяснено, были «людьми» намѣстника, т.-е. назначались имъ изъ числа его собственныхъ холоповъ и дѣйствовали по его порученіямъ. Они служили не государству, а своему господину. Изъ полицейскихъ обязанностей существовали только такія, которыя возникали по спеціальному каждый разъ распоряженію князя; таковы: починка строеній на ямахъ, т.-е. почтовыхъ станціяхъ, отмѣрка земли къ тѣмъ же ямамъ, чистка дорогъ и починка и постройки мостовъ, исполненіе судебныхъ рѣшеній князя и его ближайшихъ помощниковъ. Ни одного изъ этихъ дѣлъ намѣстникъ не предпринималъ по собственной иниціативѣ. Это была самая слабая и наименѣе развитая, вполнѣ рудиментарная отрасль его дѣятельности.

Волостель былъ совершенно подобенъ намѣстнику, только его власть распространялась на одну лишь волость, въ которой притомъ, какъ было сказано выше, губныя дѣла вѣдалъ не волостель, а намѣстникъ.

Ближайшими помощниками намѣстниковъ и волостелей были ихъ *тіуны*, вершившіе по ихъ порученію судъ и получавшіе съ населенія кормъ и извѣстную долю въ судебныхъ пошлинахъ.

Судебно-полицейское значеніе имѣли *доводчики* и *праветчики* или *пристава*, иногда называвшіеся также *подвойскими*. Доводчики ставили къ суду отвѣтчиковъ или давали ихъ на поруки, т. е. обязывали явиться на судъ и требовали поручительства нѣсколькихъ лицъ въ этой явкѣ. Праветчики, пристава или подвойскіе наблюдали за порядкомъ во время судоговоренія и исполняли судебныя рѣшенія. Они получали поборы, соотвѣтствовавшіе по значенію кормамъ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ, особыя пошлины за исполненіе своихъ спеціальныхъ обязанностей—«хоженое», если порученіе имъ давалось въ городѣ, и «ѣздъ», если приходилось ѣхать въ уѣздъ, станъ или волость и, наконецъ, долю въ нѣкоторыхъ судебныхъ пошлинахъ.

Помощниками намѣстниковъ и волостелей въ финансовыхъ дѣлахъ были назначаемые ими изъ своихъ людей *пошлинники* и *пятенщики;* первые собирали всѣ вообще пошлины, поступавшіе въ пользу областной администраціи, вторые собирали спеціальную пошлину, взимавшуюся при продажѣ лошадей,—такъ называемое «пятно», получившее

свое названіе отъ того, что продававшуюся лошадь «пятнали», т. е. налагали на нее клеймо. Кто стремился обойти это правило и уклониться отъ уплаты пятна, тотъ подвергался особому штрафу, называвшемуся «пропятенье» и собиравшемуся также пятенщикомъ.

Намъ нечего прибавлять къ сказанному отчасти теперь, отчасти при изученіи кіевскаго періода о вѣдомствѣ и значеніи данщиковъ и мытниковъ: оно оставалось неизмѣннымъ въ удѣльный періодъ сравнительно съ болѣе раннимъ временемъ

Чтобы заключить рѣчь о характерныхъ, типичныхъ чертахъ областного управленія въ удѣльной сѣверо-восточной Руси, остается сказать нѣсколько словъ объ участіи въ этомъ управленіи выборныхъ отъ населенія,—старостъ или сотскихъ, десятскихъ и добрыхъ людей. Сотскихъ, которые хронологически предшествовали старостамъ, нѣкоторые изслѣдователи склонны выводить изъ татарскаго вліянія, которому приписываютъ также при этомъ и образованіе волостной тяглой организаціи—волости или сотни. Едва-ли однако можно согласиться съ такимъ взглядомъ, потому что сотскіе и десятскіе существовали и въ кіевской Руси и въ Новгородѣ совершенно независимо отъ татарскаго вліянія и гораздо раньше татарскаго ига. Они были представителями верви, волости, міра, общины. Мы видѣли уже, что сотскіе или старосты и добрые люди раскладывали и собирали намѣстничьи, волостелинскіе и тіуновы кормы, а также поборы праветчиковъ и доводчиковъ; они же производили раскладку и сборъ другихъ податей. Они несомнѣнно участвовали также въ судѣ намѣстниковъ и волостелей, были свидѣтелями всего, здѣсь происходящаго, слѣдили за правильностью процесса и интересами сторонъ, были носителями юридическаго обычая. Что такъ было съ начала удѣльнаго періода,—это видно изъ упоминанія о нихъ въ одномъ судномъ дѣлѣ XIV вѣка. Наконецъ, сотскіе или старосты и десятскіе вѣдали нѣкоторыя полицейскія дѣла: они вывозили крестьянъ въ черныя волости съ соблюденіемъ установленныхъ условій, оберегали населеніе «отъ лихихъ людей, татей и разбойниковъ» и т. д.

Таковы были, насколько то позволяютъ разсмотрѣть наши источники, средства управленія въ областяхъ удѣльной Руси до XV вѣка. Посмотримъ теперь, что имъ въ то же время соотвѣтствовало въ удѣльныхъ центрахъ, гдѣ сидѣли сами князья, или, употребляя современное выраженіе, въ *центральномъ управленіи.*

Связующимъ звеномъ между изложеніемъ областного управленія и характеристикой управленія центральнаго можетъ служить изображеніе парядковъ завѣдыванія дѣлами въ стольномъ городѣ съ ближайшими тянувшими къ нему станами. Къ сожалѣнію, мы можемъ судить объ этихъ порядкахъ только по управленію Москвой и московскими станами въ XIV и XV вѣкахъ.

Всѣ сыновья московскаго великаго князя владѣли Москвой послѣ

смерти отца сообща и держали въ ней каждый своего намѣстника или судью. Фактически судилъ и управлялъ великій князь, который только дѣлился доходомъ отъ суда съ братьями, а когда великаго князя въ Москвѣ не было, его функціи цѣликомъ переходили къ его намѣстнику, который въ отличіе отъ судей или намѣстниковъ удѣльныхъ князей назывался «большимъ намѣстникомъ». Мы видимъ, что эти порядки указываютъ на полную въ то время неразличимость центральнаго и мѣстнаго управленія и на совершенную парализованность власти намѣстника въ присутствіи князя.

Присмотрѣвшись ближе къ составу и характеру ближайшихъ помощниковъ князя въ его дѣятельности, мы поймемъ безъ труда причины такой неразличимости двухъ сферъ администраціи. Въ числѣ ближайшихъ княжескихъ сотрудниковъ прежде всего бросаются въ глаза лица, извѣстныя намъ уже въ кіевской Руси: таковы дворскій или дворецкій, казначей, печатникъ, стольникъ. О характерѣ и значеніи этихъ должностныхъ лицъ намъ уже приходилось говорить при изученіи кіевскаго періода: то были хозяйственные слуги князя, которымъ, помимо ихъ непосредственныхъ хозяйственныхъ обязанностей, князь временно поручалъ то или другое дѣло, имѣвшее государственное значеніе. То же надо сказать и о другихъ, новыхъ сотрудникахъ удѣльнаго князя: ловчій, сокольничій, конюшій, чашникъ были также органами дворцоваго хозяйственнаго управленія, для которыхъ главнымъ, основнымъ дѣломъ, почти исключительно занимавшимъ ихъ вниманіе, было завѣдываніе бобровниками, псарями, сокольниками, лошадьми, конюхами, пчелами, питіями. Временными и случайными порученіями были поэтому тѣ или иныя государственныя дѣла, которыми они иногда занимались. Это выражалось и въ актахъ, исходившихъ отъ княжеской власти, напр., въ жалованныхъ грамотахъ: даруя землевладѣльцамъ право суда въ ихъ имѣніяхъ, князь удѣльнаго времени оговаривалъ обыкновенно, что самого землевладѣльца или его приказчика судитъ онъ самъ, князь, или кому онъ прикажетъ. Здѣсь прямо и ясно указывается на полную неопредѣленность въ составѣ центральнаго управленія и на совершенную неорганизованность его вѣдомства: если сегодня князь «приказывалъ» извѣстное дѣло дворецкому, то завтра онъ могъ его же приказать казначею, ловчему, конюшему и т. д. На это не было никакихъ правилъ. Правда, въ XV вѣкѣ вмѣсто выраженія «сужу азъ, князь, или кому прикажу» встрѣчается обыкновенно другое: «сужу азъ, князь, или мой бояринъ введеный», но отъ этого не произошло никакой перемѣны. Въ самомъ дѣлѣ: что такое бояринъ введеный? Думали, что это—областные намѣстники, получавшіе свои города съ уѣздами въ кормленіе и называвшіеся такъ въ отличіе отъ бояръ путныхъ, вѣдавшихъ разныя отрасли дворцоваго хозяйства или такъ называемые «пути». Но если бы это толкованіе было вѣрно, то пришлось бы намѣстниковъ поставить

рангомъ выше, чѣмъ дворецкаго, казначея и управителей путей, потому что введеные бояре назывались также боярами «большими». Притомъ источники показываютъ, что иногда введеными боярами назывались и начальники «путей». Это послѣднее наблюденіе привело къ другому мнѣнію, по которому введеными боярами какъ разъ и назывались начальники путей—сокольничій, ловчій, чашникъ, стольникъ, конюшій, а также дворецкій и казначей. Но, не отрицая, что всѣ эти лица причислялись къ боярамъ введенымъ, надо, однако, замѣтить, что ограниченіе ими одними состава бояръ введеныхъ противорѣчитъ источникамъ: до насъ дошла, напр., одна грамота XV вѣка, гдѣ бояриномъ введенымъ названъ костромской намѣстникъ, не завѣдывавшій никакимъ путемъ. Онъ былъ, однако, несомнѣнно, большимъ бояриномъ, потому что принадлежалъ къ знатнымъ литовскимъ выходцамъ. Кажется, точнѣе будетъ сказать, что введенымъ или большимъ бояриномъ назывался вообще всякій бояринъ, который, живя въ Москвѣ, принадлежалъ къ кругу обычныхъ совѣтниковъ князя; онъ могъ или управлять путемъ, или служить воеводой во время походовъ, или быть намѣстникомъ въ Москвѣ или въ другихъ городахъ, или не имѣть никакого спеціальнаго порученія. Онъ потому и назывался введенымъ, что былъ введенъ въ думу или княжескій совѣтъ. Если это объясненіе вѣрно, то оно какъ нельзя лучше показываетъ намъ, какая неопредѣленность царила въ XIV и XV вѣкахъ въ центральномъ управленіи: между отдѣльными боярами введеными, кругъ которыхъ былъ довольно широкъ, не были распредѣлены и разграничены вѣдомства, все опредѣлялось временными и случайными порученіями князя.

Въ сущности единственнымъ зародышемъ центральнаго учрежденія въ удѣльное время была *боярская дума*. Существуетъ два мнѣнія о значеніи удѣльной думы: по одному, дума въ то время была учрежденіемъ, ограничивавшимъ княжескую власть, участіе въ ея засѣданіяхъ было правомъ бояръ, вытекавшимъ изъ ихъ права свободнаго перехода отъ одного князя къ другому, соотвѣтственно чему и кругъ вѣдомства удѣльной думы распространялся на всѣ предметы управленія; согласно другому взгляду, дума не имѣла въ то время ограничивающаго княжескую власть характера, члены думы были лишь свидѣтелями, скрѣплявшими своимъ присутствіемъ акты верховной власти, «свѣдоками», «послухами»; соотвѣтственно этому и составъ думы опредѣлялся не правами извѣстныхъ лицъ быть ея членами, а усмотрѣніемъ князя, и лишь позднѣе, подъ вліяніемъ разграниченія вѣдомствъ дворцоваго управленія, составъ думы дѣлается болѣе постояннымъ, въ нее призываются начальники отдѣльныхъ «путей» на ряду съ дворецкимъ, казначеемъ и печатникомъ, компетенція думы, простираясь обыкновенно на дѣла, превышавшія вѣдомство одной отрасли дворцоваго управленія, часто опредѣлялась обстоятельствами и волей князя, который нерѣдко притомъ рѣшалъ дѣло безъ участія своего

совѣта. Что касается вѣдомства думы, то наши источники вполнѣ подтверждаютъ изложенное сейчасъ воззрѣніе, отрицающее строгую опредѣленность его. Ограничимся однимъ примѣромъ: возьмемъ жалованныя грамоты. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ ихъ, выданный князьями безъ всякаго участія думы. И на ряду съ этимъ въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдаются исключенія, видно участіе думы или въ очень незначительномъ, или въ сравнительно довольно широкомъ по тому времени составѣ: напр., отъ самаго начала XV в. до насъ дошла жалованная грамота рязанскаго великаго князя Олега Ивановича Солотчинскому монастырю, гдѣ сказано: «а пожаловалъ есмь столникомъ своимъ Александромъ Глѣбовичемъ и чашникомъ своимъ Григорьемъ Яковлевичемъ»; здѣсь всего двое думцевъ были свидѣтелями княжескаго пожалованія; а данная тѣмъ же княземъ во второй половинѣ XIV в. Ольгову монастырю жалованная грамота указываетъ, что князь совершилъ актъ пожалованія, «сгадавъ» съ владыкой (т.-е. епископомъ) и съ девятью боярами, изъ которыхъ одинъ чашникъ, а другой окольничій. Итакъ вѣдомство не было опредѣленнымъ. Но не былъ опредѣленнымъ, какъ показываютъ и эти факты и рядъ другихъ, и составъ боярскаго совѣта въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи. Нельзя даже сказать, что *обычными* совѣтниками князя были начальники путей. Съ этой оговоркой слѣдуетъ присоединиться такимъ образомъ ко второму изложенному сейчасъ взгляду на удѣльную думу. Первый взглядъ совершенно не выдерживаетъ критики.

Итакъ учрежденій въ собственномъ смыслѣ слова не было и въ удѣльныхъ центрахъ. Это выступитъ для насъ съ еще большею ясностью, если мы обратимъ вниманіе на личную дѣятельность князя.

Наиболѣе ясные слѣды нѣкотораго выдѣленія вѣдомства или, по крайней мѣрѣ, обычной дѣятельности князя изъ общей сферы дѣйствій подчиненныхъ ему органовъ управленія наблюдаются въ области финансовъ. Мы видѣли, что прежде князь не только устанавливалъ налоги, но и самъ ихъ собиралъ, отправляясь на полюдье. Въ удѣльный періодъ полюдье исчезаетъ, князь передаетъ сборъ налоговъ подчиненнымъ органамъ и себѣ оставляетъ только, такъ сказать, нормативно-финансовую дѣятельность, установленіе податей и повинностей, дарованіе финансовыхъ льготъ и т. п. Это—несомнѣнный признакъ зарождающагося выдѣленія сферы верховнаго управленія. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать также выдѣленіе, нельзя предполагать, что оно было проведено хоть сколько-нибудь систематически, планомѣрно. Напротивъ, надо думать, что князь принималъ постоянное, ежедневное участіе въ текущихъ дѣлахъ финансоваго управленія, даже самыхъ мелкихъ. Правда, матеріала у насъ мало, но позднѣйшіе факты ставятъ внѣ сомнѣнія, что ни одинъ расходъ не производился безъ вѣдома князя, и, вѣроятно, о всякомъ поступившемъ доходѣ ему докладывали.

Несравненно ближе къ стариннымъ, кіевскимъ преданіямъ стояла судебная власть князя. Можно прямо сказать, что не было такого судебнаго дѣла, по которому нельзя было бы обратиться непосредственно къ князю, въ первой инстанціи. На этотъ счетъ не существовало никакихъ не только законодательныхъ постановленій, но и обычаевъ: все зависѣло отъ удобства и отъ усмотрѣнія тяжущихся. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи этого положенія, причемъ замѣтимъ, что примѣры эти относятся даже къ концу удѣльнаго періода. Въ 1506 г. углицкій удѣльный князь Дмитрій Ивановичъ рѣшилъ поземельный споръ Троицкаго Сергіева монастыря съ Семеномъ Бородатымъ: князь самъ «обыскалъ своимъ обыскомъ» и «по тому обыску» монастырскаго посельскаго «оправилъ», а Бородатаго обвинилъ. Во второй половинѣ XV в. великій князь Иванъ III самъ разбиралъ дѣла о крестьянскомъ выходѣ отъ одного землевладѣльца къ другому. Въ 1519 г. поземельную тяжбу Спасо-Евѳиміева монастыря съ Матвѣемъ Судимантовымъ разбирали бояре въ Москвѣ, «да сказали мнѣ великому князю, и азъ велѣлъ боярамъ старцевъ Спаскаго монастыря въ тѣхъ земляхъ оправити, а Матвѣя Судимантова велѣлъ обвинити да и грамоту правую на Матвѣя въ тѣхъ земляхъ велѣлъ дати». Жалованныя грамоты князей различнымъ лицамъ и церковнымъ учрежденіямъ на земли, которыми они давно уже владѣли или только что пріобрѣли, имѣютъ такое же юридическое значеніе, какъ современные нотаріальные акты объ укрѣпленіи правъ на имущество: для такого укрѣпленія не было еще спеціальнаго учрежденія, его вѣдалъ самъ князь. Такъ, завѣщаніе вдовы нижегородскаго князя княгини Маріи, относящееся къ первой половинѣ XV в., было утверждено въ 1484 г. великимъ княземъ Иваномъ III лично, какъ видно изъ приписки, что великій князь утвердилъ этотъ документъ, «коли былъ въ Суздалѣ». Наконецъ, мы ошиблись бы, если бы предположили, что существовалъ какой-либо установленный порядокъ инстанцій и опредѣленный кругъ дѣлъ или извѣстные признаки, дѣлавшіе необходимымъ перенесенія рѣшенія въ центръ изъ области. Мало того: даже въ томъ случаѣ, когда судья чувствовалъ себя не въ силахъ рѣшить дѣло, затруднялся рѣшеніемъ, онъ не зналъ, къ кому собственно онъ обратится съ «докладомъ» по дѣлу; въ этомъ отношеніи характерно одно замѣчаніе въ уцѣлѣвшемъ судномъ дѣлѣ XV в.: «судья рекся доложити государя великаго князя *или* человѣка старѣйшаго». Лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ личный судъ [illegible] былъ обязателенъ, неизбѣженъ и не могъ быть замѣненъ судомъ другого лица. Такъ, въ первой половинѣ XV в. великому князю принадлежалъ обязательный третейскій судъ въ случаѣ, если его судьи и судьи удѣльнаго князя «ся сопрутъ», т.-е. не сойдутся въ рѣшеніи какихъ-либо дѣлъ и не придутъ къ соглашенію о выборѣ третейскаго судьи. Мы уже отмѣчали, что привилегированные земле-

владѣльцы и ихъ приказчики были подсудны князю, но не исключительно ему одному: онъ могъ поручить этотъ судъ своему боярину введеному.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что такія дѣла, какъ назначеніе различныхъ должностныхъ лицъ, повышеніе въ должностяхъ, наконецъ, объявленіе войны и заключеніе мира зависѣли отъ князя, не обходились безъ его участія, но и здѣсь господствовала значительная неопредѣленность: князь то одинъ рѣшалъ эти дѣла, то совѣтовался съ боярами. Законодательства въ собственномъ смыслѣ этого слова въ XIII, XIV и въ теченіе большей части XV вѣка не было, и зародыши его, какими въ извѣстной степени можно считать жалованныя грамоты и указныя грамоты князей областнымъ властямъ, опять-таки слагались не подъ исключительнымъ вліяніемъ князя, не были всегда актами его единоличной воли.

Изложенныя наблюденія и сдѣланныя на основаніи ихъ общія заключенія въ достаточной степени характеризуютъ средства управленія въ удѣльный періодъ. Безъ сомнѣнія, тутъ было нѣкоторое движеніе сравнительно съ кіевскимъ періодомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчаются частичныя перемѣны, но все это было чрезвычайно еще слабо; въ общемъ, надо признать средства управленія неупорядоченными и неорганизованными, учрежденій въ настоящемъ смыслѣ этого слова попрежнему не существовало.

Посмотримъ теперь, какова была *цѣль* государственнаго союза въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи? Ставились ли тогда сознательно и реально, какъ конечная цѣль управленія, общественные интересы, интересы общаго блага, или, напротивъ, идеи общаго блага не было, а господствовало понятіе личнаго интереса, какъ то было и раньше, въ древнѣйшей Россіи? Эти вопросы заставляютъ насъ войти въ болѣе близкое знакомство съ самой техникой управленія съ его подробностями. Основнымъ понятіемъ, проникавшимъ всю систему удѣльнаго управленія сверху до низу, было понятіе о кормленіи или прибыткѣ. Это давно и хорошо выяснено въ нашей исторической литературѣ и потому не нуждается въ особенно подробномъ развитіи и обоснованіи. Ограничимся поэтому лишь указаніемъ на два особенно-характерныхъ примѣра: въ грамотѣ костромскому намѣстнику 1499 года великій князь Иванъ III, уничтожая должность второго костромского намѣстника, мотивируетъ эту мѣру прямо тѣмъ, что двоимъ намѣстникамъ тамъ «сытымъ быть не съ чего»; въ извѣстной уже намъ «записи что тянетъ душегубствомъ къ Москвѣ», относящейся къ XV вѣку, сказано между прочимъ, что когда въ Москвѣ судитъ большой намѣстникъ великаго князя, то судья князя удѣльнаго «за нимъ придетъ, *своего прибытка смотритъ*». Болѣе яснаго выраженія личнаго, матеріальнаго интереса, какъ основной цѣли управленія и суда въ глазахъ администраторовъ и судей того времени, нельзя себѣ и представить.

Вотъ первое доказательство того, что понятіе объ общемъ благѣ, какъ цѣли государственнаго союза, заслонялось тогда далеко преобладавшимъ надъ нимъ понятіемъ о личномъ интересѣ, какъ основномъ мотивѣ правительственныхъ дѣйствій.

Гораздо болѣе новыхъ элементовъ, хотя еще далеко не ясно выраженныхъ, наблюдается въ судопроизводствѣ того времени. Здѣсь понятіе объ общемъ благѣ, какъ цѣли отправленія правосудія, стало понемногу расти и выдвигаться впередъ. Мы видѣли, что въ кіевскій періодъ такого понятія почти совершенно не существовало, что поэтому роль органовъ судебной власти была тогда пассивной, формальной: они присутствовали при тяжбѣ истца съ отвѣтчикомъ и, не провѣряя приводимыхъ доказательствъ, безусловно имъ вѣрили, разъ соблюдена была извѣстная форма. Въ изучаемое нами время въ сѣверовосточной Руси, какъ и въ вольныхъ городахъ, судьи начинаютъ постепенно выходить изъ прежняго пассивнаго состоянія, начинаютъ играть временами, въ извѣстные моменты судебнаго процесса, болѣе дѣятельную роль. Это будетъ ясно, если мы познакомимся съ подробностями судопроизводства. Необходимо при этомъ различать, съ одной стороны, досудебныя дѣйствія, съ другой—самый судъ. И то и другое имѣло свои особенности въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи въ удѣльный періодъ намѣтилось въ главныхъ чертахъ позднѣйшее различіе между «судомъ», т.-е. обвинительнымъ, гражданскимъ судопроизводствомъ, и «сыскомъ» или «розыскомъ», т.-е. судопроизводствомъ слѣдственнымъ, уголовнымъ.

Досудебныя дѣйствія въ гражданскихъ дѣлахъ слагались изъ жалобы, призыва на судъ и производства слѣдствія, т.-е. подбора надлежащихъ доказательствъ, подыскиванія основаній для обвиненія. Жалобы приносились, конечно, самимъ истцомъ. Но что касается призыва на судъ, то въ этомъ отношеніи наблюдается большая новость: истецъ потерялъ право самъ доставлять на судъ отвѣтчика, самоуправно, безъ участія властей, ставить его передъ судебнымъ трибуналомъ. Въ одномъ судебномъ дѣлѣ XV вѣка одна изъ сторонъ жалуется на другую, что та отняла предметъ спора «безъ суда и *безъ пристава*». Отсюда видно, что призывать на судъ можно было только черезъ приставовъ. Вотъ первый случай перехода судьи отъ чисто пассивной къ активной роли. Этимъ, однако, и ограничивался такой переходъ въ области досудебныхъ дѣйствій въ гражданскомъ процессѣ, потому что подборъ доказательствъ тутъ производился всегда самимъ истцомъ, безъ всякаго участія судебной власти.

Несравненно болѣе дѣятельнымъ является судья въ досудебныхъ актахъ при уголовномъ процессѣ. Первымъ—и притомъ новымъ, прежде не существовавшимъ—актомъ здѣсь была явка, т.-е. извѣщеніе властей и окольныхъ людей, сосѣдей, о случившемся: такъ по одному дѣлу о грабежѣ истцу было отказано на томъ основаніи, что

онъ не явилъ о немъ никому; въ Бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 года требуется явка при татьбѣ. Далѣе: если даже не было истца, власти сами начинали слѣдствіе по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что и въ уголовномъ судопроизводствѣ, какъ и въ гражданскомъ, призывать на судъ обвиняемаго можно было только черезъ посредство пристава. Но, что́ особенно важно, производство слѣдствія въ уголовныхъ дѣлахъ уже не находилось всецѣло въ рукахъ истца: судья поручалъ своимъ людямъ изслѣдованіе обстоятельствъ преступленія.

Самый судъ—гражданскій и уголовный—состоитъ, какъ извѣстно, въ разсмотрѣніи судебныхъ доказательствъ и въ произнесеніи приговора. Въ гражданскихъ дѣлахъ первымъ и самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ считалось признаніе одною изъ тяжущихся сторонъ несправедливости своихъ притязаній. Если такого признанія не послѣдовало, судья переходилъ къ разсмотрѣнію документовъ, причемъ сразу вступаетъ передъ нашими глазами совершенно новый элементъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, — элементъ активнаго участія судьи въ дѣлѣ: судья опредѣляетъ степень достовѣрности документовъ, оцѣниваетъ ихъ съ точки зрѣнія подлинности и юридической формы: «воззривъ на грамоту, судья ее похвалилъ», читаемъ въ одномъ судебномъ дѣлѣ XV в. Надо при этомъ замѣтить, что документы могли оспариваться противной стороной, которая могла оспаривать также и свидѣтельскія показанія, — третій видъ судебныхъ доказательствъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Всѣ названные три вида доказательствъ не были такимъ образомъ формальными: путемъ ихъ провѣрки по существу судья искалъ матеріальной истины. Переходомъ отъ такого рода доказательствъ къ доказательствамъ формальнымъ, наличность которыхъ исключала возможность провѣрки и требовала безусловнаго довѣрія, являются такъ называемые «старожильцы» или «знахари», люди, давно живущіе въ данной мѣстности и знающіе мѣстныя фактическія обстоятельства и отношенія; старожильцы или знахари призывались на судъ въ поземельныхъ тяжбахъ, для указанія границъ между спорными владѣніями, и по своему юридическому значенію близко подходили къ послухамъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Все, что́ сейчасъ сказано о судѣ по гражданскимъ дѣламъ, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о существенныхъ перемѣнахъ въ судопроизводствѣ удѣльнаго періода сравнительно съ кіевскимъ: элементъ общаго блага усилился и рѣзче выразился сравнительно съ прошлымъ. Но необходимо тотчасъ же оговориться: онъ далеко не восторжествовалъ окончательно, потому что вслѣдъ за тѣмъ, какъ исчерпывались всѣ матеріальныя доказательства, въ случаѣ, если дѣло ими не рѣшалось, наступала очередь для древнихъ, формальныхъ доказательствъ, не подлежавшихъ спору и повѣркѣ и ставившихъ судью въ пассивное положеніе, заставлявшихъ его автоматически скло-

нять вѣсы правосудія въ ту сторону, въ какую заставитъ ихъ склониться соблюденіе извѣстной формы, отнюдь не гарантирующее достиженія матеріальной истины: если не послѣдовало признанія одною изъ сторонъ несправедливости своихъ притязаній, если не было документовъ или они были недостаточны, если свидѣтельскія показанія не рѣшали дѣла, то присуждалось «поле» или судебный поединокъ, видъ стариннаго суда Божія. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще, особенно въ поземельныхъ искахъ, поле замѣнялось другимъ видомъ суда Божія—присягой.

И на судѣ по дѣламъ уголовнымъ первымъ и главнымъ доказательствомъ было собственное признаніе подсудимаго. За отсутствіемъ таковаго выдвигалось на первый планъ поличное и слѣды преступленія, установленные слѣдствіемъ и подлежавшіе оспариванію и повѣркѣ. То же надо сказать о третьемъ видѣ доказательствъ—свидѣтельскихъ показаніяхъ. Затѣмъ наступила очередь смѣшанныхъ, переходныхъ видовъ судебныхъ доказательствъ, сочетавшихъ въ себѣ признаки старые — формальные съ новыми, содѣйствующими выясненію существа дѣла. Таковы — послушество, повальный обыскъ и пытка. Въ послушествѣ, т.-е. въ свидѣтельствѣ одного или нѣсколькихъ лицъ о хорошемъ поведеніи, добросовѣстности и честности подсудимаго, совершились однако существенныя перемѣны, указывающія на упадокъ этого доказательства: во-первыхъ, ссылка на послуховъ является уже необязательной; въ одномъ судебномъ дѣлѣ читаемъ: «вѣдомо то дѣло людямъ добрымъ, волостнымъ, но на нихъ ся не шлемъ»; во-вторыхъ, въ Судебникѣ Ивана III послухъ уже почти то же, что̀ свидѣтель — очевидецъ, — онъ говоритъ о томъ, что самъ видѣлъ, и единственнымъ остаткомъ его прежняго значенія является возможность судебнаго съ нимъ поединка той стороны, противъ которой онъ свидѣтельствуетъ. Историческимъ преемникомъ послушества былъ повальный обыскъ—опросъ сосѣдей о добромъ поведеніи обвиняемаго, замѣнявшійся пыткой въ томъ случаѣ, когда обвиняемый былъ «прирочный человѣкъ съ доводомъ», т.-е. рецидивистъ. Наконецъ, и въ уголовномъ судопроизводствѣ имѣло мѣсто чисто формальное доказательство — очистительная присяга отвѣтчика, примѣнявшаяся, по Судебнику 1497 года, тогда, когда не было другихъ доказательствъ.

Итакъ, второе доказательство того, что въ удѣльной сѣверовосточной Россіи сильно еще было понятіе о личномъ интересѣ, какъ цѣли государственнаго союза, почерпается изъ изслѣдованія порядковъ судопроизводства, причемъ, однако, здѣсь замѣтны уже и зародыши, иногда довольно значительные идеи объ общемъ благѣ. Что такіе зародыши все-таки имѣли второстепенное значеніе, это слѣдуетъ изъ того факта, что фискальный, денежный интересъ оставался весьма важнымъ на судѣ. Каждое судебное дѣйствіе было непремѣнно связано съ платежемъ, судья и его помощники ничего не дѣлали даромъ,

изъ всего извлекали выгоду, получали судебныя пошлины. Такъ, съ виноватаго отвѣтчика намѣстникъ или волостель получалъ «противень вполы истцова» (т.-е. половину суммы иска), а съ виноватаго истца 2 алтына; въ случаѣ примиренія сторонъ, онѣ платили судьѣ также или по гривнѣ съ каждаго рубля суммы, въ какую оцѣненъ искъ, или «противень вполы истцова»; такой же платежъ существовалъ при судебномъ поединкѣ; затѣмъ установлены были особыя пошлины при межевыхъ тяжбахъ, при самосудѣ, пошлина въ $2^1/_2$ алтына съ «правой грамоты отъ печати», т.-е. за выдачу выигравшей дѣло сторонѣ грамоты, дававшей ей право требовать исполненія приговора въ свою пользу, и т. д.

Судебныя пошлины вводятъ насъ уже въ сферу финансовъ, изученіе организаціи которыхъ можетъ служить третьимъ доказательствомъ того, что понятіе о государствѣ, какъ союзѣ, имѣющемъ въ виду интересы общаго блага, было чрезвычайно слабо развито. Само собою разумѣется, что никакъ нельзя предполагать существованіе сколько-нибудь организованной финансовой системы въ удѣльный періодъ: не существовало ни смѣты доходовъ и расходовъ, ни стройной системы прямого и косвеннаго обложенія. Первоначально потребности князя, его вольныхъ и невольныхъ слугъ удовлетворялись, главнымъ образомъ, насчетъ хозяйственныхъ доходовъ съ княжескихъ земель, т.-е. натуральныхъ, отчасти и денежныхъ, оброковъ съ крестьянскаго населенія этихъ земель. Но скоро такихъ оброковъ стало не хватать для удовлетворенія названныхъ потребностей, и потому къ нимъ прибавились другіе, спеціальные сборы: сюда, прежде всего относятся появившіяся, по крайней мѣрѣ съ конца XIV-го вѣка, казначеевы, дьячьи и подъяческія пошлины, поступавшія въ вознагражденіе казначеевъ, дьяковъ и подъячихъ, которые завѣдывали сборомъ оброковъ и записывали поступленіе послѣднихъ въ великокняжескую казну; затѣмъ, въ награду вольнымъ слугамъ стали поступать кормы всякаго рода. Но кромѣ потребностей князя и его слугъ, существовали еще другія потребности, не столько личнаго, сколько уже общественнаго характера. Первая изъ такихъ потребностей—это необходимость внѣшней защиты княжества. Отсюда вытекали повинность «городового дѣла», постройки укрѣпленій и повинность «посошная», т.-е. обязанность ставить извѣстное число «воевъ» съ каждой сохи. Еще въ кіевскій періодъ князь, какъ извѣстно, собиралъ въ свою пользу дань. Съ татарскимъ игомъ появилась особая татарская дань или «ордынскій выходъ», сдѣлавшійся дополнительнымъ доходомъ княжеской казны послѣ сверженія владычества татаръ. Въ XIV вѣкѣ наблюдаются первые слѣды такъ называемыхъ «полоняничныхъ денегъ», т.-е. денегъ, предназначенныхъ для выкупа плѣнныхъ, попавшихъ къ татарамъ, но сначала это былъ не налогъ, а просто проявленіе личной благотворительности князей и митрополитовъ, удѣляв-

шихъ часть своихъ средствъ на освобожденіе соотечественниковъ изъ неволи, и даже подъ конецъ удѣльнаго періода окладъ полоняничныхъ денегъ не подвергся точному опредѣленію. Наконецъ, еще въ началѣ XIII вѣка появилась повинность, носившая названіе «повоза» и состоявшая въ обязанности поставлять подводы для княжескихъ гонцовъ и вообще должностныхъ лицъ. Но тутъ не было никакой организаціи: подводы не заготовлялись заранѣе на извѣстныхъ пунктахъ, а ставились каждый разъ тогда, когда къ этому настояла нужда. Съ татарскимъ игомъ эта подводная повинность осложнилась «ямомъ», особымъ налогомъ на поддержаніе почтовыхъ учрежденій въ Ордѣ, а въ XIV вѣкѣ и князья собираютъ въ свою казну также «ямъ», который затѣмъ смѣшивается съ подводной повинностью.

Мы видимъ такимъ образомъ, что прямые налоги возникаютъ постепенно, сообразно росту новыхъ отдѣльныхъ потребностей, что они не составляютъ стройной системы и не отливаются въ опредѣленный окладъ. Во всемъ этомъ чрезвычайно ясно выступаютъ на первый планъ личные интересы и потребности, выгоды правителей, за которыми остаются совершенно незамѣтными интересы общаго блага.

Это становится еще болѣе яснымъ, если обратить вниманіе на единицу обложенія. Древнѣйшей окладной единицей былъ, какъ извѣстно, «дымъ» или «домъ», т.-е. отдѣльное хозяйство, причемъ въ какой-либо анализъ этого хозяйства, въ его оцѣнку, разумѣется не входили. Но уже въ кіевскій періодъ на ряду съ «дымомъ» или «домомъ» выступаетъ еще другая окладная единица—«рало» или плугъ. Послѣдующему времени, когда восторжествовало земледѣліе, выпало на долю нѣсколько развить и видоизмѣнить именно эту послѣднюю единицу, совершенно естественную при господствѣ земледѣлія. На мѣсто плуга становится соха, которая, по всѣмъ признакамъ, на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси, какъ и въ области вольныхъ городовъ, является единицей рабочей силы, приравнивается извѣстному числу конныхъ земледѣльческихъ работниковъ. Только соха здѣсь гораздо крупнѣе, чѣмъ въ вольныхъ городскихъ общинахъ: она равняется не тремъ коннымъ работникамъ, а приблизительно тридцати двумъ. Это видно изъ одного документа, въ которомъ «одноколецъ», т.-е. владѣлецъ одной «колышки» или телѣги, приравнивается $^1/_{32}$ сохи. Такъ какъ часто вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчается соха, состоящая изъ 32 вытей-то, очевидно, выть равняется однокольцу или одному конному рабочему, какъ и новгородская обжа. Итакъ, соха состояла въ удѣльное время изъ 32 конныхъ работниковъ. Для всякаго ясно, насколько несовершенно такое опредѣленіе окладной единицы, какъ мало соотвѣтствуетъ оно реальной доходности отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. При опредѣленіи окладной единицы имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, интересы казны и возможная простота обложенія, а не благо населенія.

Наконецъ, и въ организаціи косвеннаго обложенія красной нитью

проходитъ одна господствующая мысль: собрать въ княжескую казну возможно больше денегъ, не упустить ни малѣйшаго къ тому случая, игнорируя интересы промышленности и торговли. Въ удѣльной Руси въ буквальномъ почти смыслѣ нельзя было ступить шагу, не заплативъ какой-либо пошлины. У насъ уже шла рѣчь о пошлинахъ судебныхъ. Кромѣ судебныхъ пошлинъ, были еще свадебныя: «выводная куница», когда невѣсту выдавали замужъ за предѣлы извѣстной области, и «свадебное за убрусъ» при такомъ брачномъ союзѣ, когда оба брачущіеся жили въ предѣлахъ даннаго уѣзда или волости. Но самыми многочисленными и обременительными были, несомнѣнно, внутреннія таможенныя пошлины, дѣлившіяся на два разряда—проѣзжія, собиравшіяся при провозѣ товаровъ по дорогамъ и рѣкамъ, и торговыя, которыя брались при самой торговлѣ и дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ куплю-продажу. Къ проѣзжимъ пошлинамъ относились, во-первыхъ, мыто — «сухое», при провозѣ товаровъ сухимъ путемъ, и «водяное» — при провозѣ ихъ водой; мыто сухое называлось также «подужнымъ» (съ возовъ) и «полозовымъ» съ саней, а водяное мыто носило еще названія «посаженнаго» (съ длины судна), «шестового» или «носового» и «побережнаго»; второй проѣзжей пошлиной была «головщина» или «костки» съ лицъ, сопровождавшихъ товары; при возвращеніи обратно тѣмъ же путемъ платили особую пошлину—«задніе калачи»; наконецъ, существовала еще мостовщина, собиравшаяся при переѣздѣ черезъ мосты, и перевозъ—при переправахъ черезъ рѣки. Еще разнообразнѣе были торговыя пошлины: привозъ товара на продажу влекъ за собой уплату за мыта, при объявленіи товара властямъ платилась явка, при наймѣ лавокъ и амбаровъ на гостиномъ дворѣ брали гостиное, анбарное и полавочное, при вывозѣ товаровъ изъ гостинаго двора поворотную или дворовую пошлину, при складкѣ товаровъ свальное, при взвѣшиваніи—вѣсчее-пудовое, контарное рукознобную и подъемную пошлины, при мѣрѣ товара помѣрное и покоречное, при клейменіи продажныхъ лошадей—пятно, при привязываніи продажнаго скота — роговое и привязную пошлину, при отвозѣ проданнаго товара узолки или узольцовое, при самой продажѣ, наконецъ, платились тамга, осминичее и порядное. Остается только удивляться, какъ при такомъ косвенномъ обложеніи могла происходить какая-нибудь, хотя бы самая незначительная торговля.

Есть, наконецъ, еще одна отрасль правительственныхъ дѣйствій въ XIII, XIV и даже отчасти въ XV вѣкахъ, которая указываетъ на столь-же слабое пониманіе цѣли государственнаго союза въ то время,— это внѣшнія предпріятія князей, ихъ войны и договоры. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ сѣверо-восточные князья руководились здѣсь своекорыстными, узкими расчетами, не ставя себѣ никакихъ широкихъ общественныхъ и государственныхъ задачъ. Нечего, конечно, и говорить о княжескихъ усобицахъ: въ нихъ тщетно было бы

искать общихъ началъ и общественныхъ побужденій. Но даже и большая часть внѣшнихъ войнъ лишена была всякаго общественнаго элемента. Напримѣръ, двѣ войны съ Литвой при Димитріи Донскомъ были вызваны чисто личными интересами князей: Ольгерда призывалъ врагъ московскаго великаго князя Михаилъ Александровичъ Тверской, противъ котораго Дмитрій Донской поднималъ, въ свою очередь, кашинскаго князя Василія. Нѣкоторое общественное значеніе имѣли лишь оборонительныя войны,—борьба Александра Невскаго въ Новгородѣ со шведами (Невская битва 1240 г.) и съ ливонскими рыцарями во Псковѣ (Ледовое побоище 1242 г.), постоянная защита восточныхъ предѣловъ страны отъ мордвы и т. д. Даже въ отношеніяхъ къ татарамъ, покорившимъ Русь въ XIII в., долгое время князья пренебрегали общенародными интересами и не гнушались пользоваться татарской силой для борьбы со своими личными соперниками, причемъ татары, по своему обычаю, разоряли и грабили страну. Въ отмѣнѣ татарскихъ баскаковъ (намѣстниковъ), достигнутой Иваномъ Калитой, трудно видѣть что-либо, кромѣ стремленія великаго князя московскаго быть свободнѣе у себя дома. Только идея освобожденія отъ татарскаго ига была отраженіемъ національныхъ интересовъ, результатомъ образованія великорусской народности, но первое реальное проявленіе этой идеи, какъ извѣстно, относится лишь къ концу XIV вѣка, когда въ 1380 г. ополченіе русскихъ князей разбило татаръ на Куликовскомъ полѣ.

Послѣ характеристики цѣли государственнаго союза въ удѣльный періодъ, поскольку она выражалась въ политической дѣйствительности, мы должны освѣтить вопросъ о *субъектѣ власти* въ то время, иначе вопросъ о томъ, было ли государство удѣльнаго періода союзомъ личнаго или общественнаго господства, т.-е. былъ ли князь носителемъ власти, какъ отдѣльное лицо само по себѣ, или какъ представитель всего общественнаго союза? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, несомнѣнно, можетъ быть данъ только въ одномъ смыслѣ: удѣльный князь владѣлъ своимъ княжествомъ, какъ личной собственностью, и вовсе не былъ въ своей дѣятельности представителемъ общественнаго союза какъ цѣлаго. Это находитъ себѣ наиболѣе ясное выраженіе въ княжескихъ «духовныхъ грамотахъ» и въ междукняжескихъ договорахъ. Изъ этихъ документовъ видно, что, во-первыхъ, каждое княжество трактуется какъ «вотчина», т.-е. наслѣдственная собственность князя, и, во-вторыхъ, обладаніе княжествомъ юридически приравнивается къ владѣнію всякой другой недвижимостью и даже движимостью. Шапки, шубы, кафтаны, цѣпи, посуда,—все это завѣщается и дѣлится князьями удѣльнаго періода между ихъ наслѣдниками совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и территорія княжества. Эта послѣдняя дробится на части сообразно числу наслѣдниковъ, нерѣдко черезполосныя между собою. Самый актъ завѣщанія — духовная гра-

мота—есть документъ частнаго, гражданскаго права, что̀ подтверждается и тѣмъ, что на ней подписывались свидѣтели, обыкновенно митрополитъ и бояре. Предшествующее изложеніе содержитъ въ себѣ, наконецъ, совершенно достаточное количество матеріала, показывающаго, что самое управленіе носило хозяйственный, частно-владѣльческій характеръ, а это наблюденіе также подтверждаетъ общій выводъ объ удѣльномъ княжествѣ, какъ союзѣ личнаго господства, и о князѣ, какъ личномъ носителѣ власти, не имѣвшемъ совершенно идеи о своихъ функціяхъ, какъ общественномъ служеніи.

Все сказанное выше о политическомъ строѣ сѣверо-восточной Россіи удѣльнаго періода относится лишь къ типическимъ, господствующимъ, наиболѣе характернымъ явленіямъ изучаемаго времени. На ряду съ ними постепенно складывались новообразованія, подготовлявшія будущее, какъ мы то наблюдали и въ экономической жизни и въ соціальныхъ отношеніяхъ. Всѣ политическія новообразованія коренятся въ одномъ основномъ процессѣ, — въ процессѣ такъ называемаго «собиранія Руси». Къ изученію этого процесса мы и должны теперь обратиться.

Среди удѣльныхъ княжествъ сѣверо-восточной Руси въ XIV вѣкѣ возвышается въ особенности одно—Московское. Москва впервые упоминается въ 1147 году. Ея основаніе, какъ города, одни изслѣдователи приписываютъ экономическимъ причинамъ, другіе — военнымъ. Никто, однако же, не отвергаетъ того факта, что въ Москвѣ сходились всѣ дороги съ сѣвера, востока и запада, и что черезъ Москву шла единственная дорога изъ бассейна Оки и верхней Волги въ южное Поднѣпровье. А если это такъ, то, не отрицая важнаго стратегическаго значенія Москвы, какъ ключа ко всей области русскаго сѣверо-востока, нельзя въ то же время не признать, что она была важнымъ торговымъ пунктомъ. Такимъ образомъ наличность основныхъ экономическихъ вліяній не подлежитъ сомнѣнію. Постояннымъ стольнымъ городомъ особаго удѣльнаго князя Москва становится, однако, лишь въ послѣдней четверти XIII столѣтія, когда тамъ сѣлъ младшій сынъ Александра Невскаго Даніилъ, родоначальникъ московскихъ князей. Уже сынъ Даніила Юрій началъ борьбу за великокняжескій владимірскій столъ съ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ. Юрію удалось добиться въ Ордѣ казни Михаила, но онъ самъ былъ убитъ тамъ сыномъ Михаила Дмитріемъ Грозныя Очи, и хотя Дмитрій, по повелѣнію хана, былъ за это казненъ, но все-таки великокняжеская владимірская область осталась пока за тверскими князьями, такъ что въ первой своей борьбѣ съ Тверью Москва потерпѣла неудачу. Гораздо плодотворнѣе для Москвы была вторая борьба—другого Даниловича, Ивана Калиты, съ великимъ княземъ тверскимъ Александромъ Михайловичемъ въ первой половинѣ XIV вѣка. Воспользовавшись тѣмъ, что въ Твери были убиты татарскіе послы, Калита взялъ войско отъ хана,

выгналъ Александра и получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Съ тѣхъ поръ великокняжеское достоинство и Владимірская область сдѣлались почти постояннымъ достояніемъ московскихъ князей. Пріобрѣтя юридически господство надъ всей сѣверо-восточной Русью, московскіе князья стали добиваться и фактическаго преобладанія при помощи двухъ средствъ: во-первыхъ, «примысловъ», т.-е. покупокъ и завоеваній отдѣльныхъ княжествъ; во-вторыхъ, подчиненія другихъ сѣверо-восточныхъ князей—великихъ и удѣльныхъ — московскому великому князю по договорамъ и завѣщаніямъ: договоры опредѣляли какъ отношенія къ другимъ княжествамъ, такъ и отношенія между великимъ княземъ московскимъ и его братьями—удѣльными князьями отдѣльныхъ княжествъ, выдѣлившихся въ составѣ Московскаго княжества, а завѣщанія касались почти исключительно отношеній между московскимъ великимъ княземъ и удѣльными князьями московскихъ удѣловъ. Важнѣйшіе примыслы были слѣдующіе: Иванъ Калита—первый собиратель Руси—купилъ Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ; Василій I купилъ Муромъ, Тарусу и Нижегородское княжество; Иванъ III присоединилъ въ концѣ XV вѣка Новгородъ, Тверь и нѣкоторые болѣе мелкіе удѣлы; Василій III—послѣдній собиратель Руси — Псковъ и Рязань. Вообще, благодаря примысламъ, размѣры Московскаго княжества за два столѣтія увеличились въ 30 разъ. Договоры сначала вполнѣ отражали въ себѣ самостоятельность отдѣльныхъ князей, но постепенно московскіе князья провели въ нихъ новыя условія, подчинявшія имъ другихъ князей. Такихъ условій было три: во-первыхъ, удѣльные князья обязывались ни съ кѣмъ не вступать въ сношенія и не заключать договоровъ безъ вѣдома и согласія великаго князя московскаго; это условіе обозначалось выраженіями: «не канчивати и не ссылатися» или «кто великому князю другъ, тотъ и удѣльному другъ, а кто врагъ великому князю, тотъ и удѣльному врагъ»; во-вторыхъ, удѣльные князья не должны были сноситься съ татарскимъ ханомъ помимо великаго князя московскаго и обязаны были платить ордынскую дань лишь черезъ посредство великаго князя, — «Орды не знати»; наконецъ, въ-третьихъ, удѣльные князья должны были являться на войну по первому требованію великаго князя: «сядетъ великій князь на коня, ино и удѣльнымъ садиться на коней; когда самъ онъ не пойдетъ, а ихъ пошлетъ, то имъ идти безъ ослушанья». Наконецъ, власть великаго князя московскаго росла и по завѣщаніямъ. Составляя свою духовную грамоту, каждый московскій великій князь передавалъ старшему своему сыну бо́льшую долю, чѣмъ младшимъ, причемъ чѣмъ ближе было къ концу періода, тѣмъ рѣзче становилось это несоотвѣтствіе, т.-е. тѣмъ больше получалъ старшій наслѣдникъ. По духовной грамотѣ Дмитрія Донского въ концѣ XIV вѣка, великое княжество Московское было раздѣлено между пятью сыновьями завѣщателя, причемъ старшій Василій получилъ не менѣе трети всей те-

риторіи, потому что въ каждую 1.000 руб. ордынской дани вносилъ 342 руб., т.-е. болѣе трети; по завѣщанію Василія II Темнаго 1462 года, старшій наслѣдникъ, великій князь Иванъ III, получилъ 16 городовъ, а остальные четверо тоже 16; доля старшаго выросла такимъ образомъ до половины; Иванъ III въ 1504 году далъ старшему сыну 90 городовъ, а четверо младшихъ получили всѣ вмѣстѣ лишь 26 городовъ, причемъ старшій изъ 1.000 руб. ордынской дани платилъ 717 руб., т.-е. около $^3/_4$. Въ завѣщаніи Ивана III видны и другіе признаки усиленія власти старшаго князя: только онъ получаетъ право чеканить монету, и ему переходятъ выморочные удѣлы младшихъ братьевъ.

Такимъ образомъ примыслы, договоры и завѣщанія совокупнымъ своимъ дѣйствіемъ привели къ тому, что въ концѣ удѣльнаго періода сѣверовосточная Русь оказалась собранной воедино, сложилась въ такъ называемое Московское государство, но этотъ процессъ образованія новаго политическаго организма происходилъ вовсе не подъ вліяніемъ перемѣнъ въ политическомъ сознаніи, не подъ вліяніемъ зарожденія идеи о государствѣ, какъ союзѣ общественнаго господства, имѣющемъ въ виду интересы общаго блага,—такой идеи еще не было: она образовалась лишь вслѣдъ затѣмъ, какъ политическая дѣйствительность создала для нея реальный фундаментъ. Примыслы, договоры и завѣщанія были актами гражданскаго, частнаго права, и потому можно сказать, что Московское государство создалось на почвѣ старыхъ условій, выросло изъ удѣльной вотчины благодаря хозяйственной дѣятельности князя - пріобрѣтателя, хозяина своего удѣла.

Безъ сомнѣнія, однако, всѣ князья удѣльнаго періода на сѣверовостокѣ Россіи были въ большей или меньшей степени хозяевами-пріобрѣтателями, и если въ этой пріобрѣтательской дѣятельности московскіе князья опередили другихъ, то на это должны существовать свои особыя, спеціальныя причины, которыя помогали московскимъ князьями въ ихъ хозяйственныхъ усиліяхъ и воспитывали въ нихъ пріобрѣтательскія наклонности. Причины дѣйствительно были налицо, и коренились онѣ въ хозяйственныхъ обстоятельствахъ. Намъ приходилось уже констатировать чрезвычайно выгодное положеніе Москвы на перепутьи между сѣверо-востокомъ и югомъ удѣльной Россіи, направлявшее черезъ нее торговое движеніе. Москва рѣка, кромѣ того была важной торговой артеріей, открывавшей возможность торговаго движенія въ предѣлахъ самой сѣверо-восточной Руси и потому обогащавшей и усиливавшей московскихъ князей. Наконецъ, Московское княжество со всѣхъ сторонъ было ограждено отъ внѣшнихъ опасностей, заслонялось отъ вражескихъ нападеній сосѣдями,—Новгородомъ, Псковомъ, Рязанью, Нижнимъ-Новгородомъ,—принимавшими на себя всегда первые и самые страшные удары. Это создавало приливъ въ

Московскую область массы населенія и тѣмъ увеличивало могущество ея князей. Дѣйствуя въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, обезпечивавшихъ успѣхъ и закалявшихъ въ суровой хозяйственной борьбѣ, московскіе великіе князья одержали верхъ надъ всѣми своими соперниками и встрѣтились еще съ однимъ общимъ условіемъ, окончательно закрѣпившимъ объединеніе Россіи подъ ихъ властью: среди трудовъ хозяйственныхъ, во время соціальныхъ перемѣнъ, подъ шумъ усобицъ медленно и постепенно слагалось и къ концу удѣльнаго періода вполнѣ сложилось новое племя,—великорусская народность. Оно должно было политически объединиться и объединилось подъ властью московскихъ князей.

Собираніе Руси имѣло великія и многообразныя послѣдствія для разныхъ отраслей правительственной дѣятельности.

Эти послѣдствія обнаруживаются прежде всего въ отношеніи власти и общаго положенія самого московскаго великаго князя. Трудно съ достаточною опредѣленностью сказать, насколько организовалась и отлилась въ болѣе прочныя формы собственная правительственная дѣятельность великаго князя къ концу удѣльнаго періода. Мы видѣли что еще раньше финансовая дѣятельность князей удѣльнаго времени складывалась на дѣлѣ иначе, чѣмъ въ кіевскій періодъ. Если взять теперь другую важную отрасль правительственной дѣятельности,—судъ, въ которомъ до конца XV вѣка роль князя, какъ было уже нами указано, оставалась попрежнему совершенно неопредѣленной, то въ этой сферѣ придется отмѣтить для конца изучаемаго періода кое-какіе зародыши большей опредѣленности въ непосредственной дѣятельности самого великаго князя. Судебникъ 1497 года довольно ясно различаетъ двѣ области судебной дѣятельности главы государства: одна—судъ во второй инстанціи, наступающій тогда, когда «котораго жалобника а непригоже управити», другая — судъ въ первой инстанціи, это собственно «судъ великаго князя и дѣтей великаго князя»; характерно при этомъ то, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ не предполагается непремѣнно личное участіе великаго князя въ разборѣ дѣла: дѣло вершится тѣмъ, «кому великій князь велитъ»; это какъ общее правило—новость. Остаткомъ старины надо считать то обстоятельство, что по *всѣмъ* дѣламъ безъ исключенія истцы могли обращаться непосредственно къ суду самого великаго князя. Повидимому, компетенція различныхъ возникшихъ въ это время судебныхъ учрежденій сложилась именно такимъ образомъ, что великій князь направлялъ просителей, лично къ нему обращавшихся, къ опредѣленнымъ лицамъ, которымъ поручался разборъ дѣла; извѣстная повторяемость однородныхъ порученій образовала традицію, обычай, и такъ естественно слагалось опредѣленное въ извѣстной мѣрѣ судебное вѣдомство отдѣльнаго лица, а затѣмъ и учрежденія.

Гораздо замѣтнѣе перемѣны во внѣшнемъ положеніи московскаго

великаго князя, явившіяся также непосредственнымъ послѣдствіемъ собиранія Руси.

Прежде всего зарождается обычай вѣнчанія на великое княжество или торжественнаго коронованія, смѣнившаго собою прежній обрядъ посаженія князя на столъ. Въ 1498 году Иванъ III вѣнчалъ на великое княженіе своего внука Дмитрія Ивановича, причемъ самой характерной чертой этого вѣнчанія было возложеніе на Дмитрія шапки Мономаха и бармъ, заимствованное, какъ, повидимому, и нѣкоторыя другія подробности обряда, изъ Византіи, но не изъ чина коронованія византійскихъ императоровъ, а изъ чина хиротоніи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ Византійской имперіи. Безъ сомнѣнія, вѣнчаніе указывало на болѣе высокія понятія о великокняжеской власти, чѣмъ то было прежде.

Тѣ же высокія понятія о власти великаго князя выражаются затѣмъ въ титулѣ московскаго государя. Иванъ III во вторую половину своего княженія величалъ себя не просто «Иваномъ государемъ великимъ княземъ», а гораздо сложнѣе и пышнѣе: «Іоаннъ, Божіею милостію государь и великій князь всея Руси, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверской, Пермскій, Югорскій, Болгарскій и иныхъ». Тотъ же пышный титулъ съ нѣкоторыми новыми добавленіями усвоилъ и его сынъ и преемникъ Василій III.

Наконецъ, подъ вліяніемъ новаго взгляда на великокняжескую власть мѣняется придворная обстановка московскаго великаго князя: въ концѣ XV в. строится новый, роскошный по тому времени каменный дворецъ, устанавливаются сложныя и пышныя придворныя церемоніи, образуется придворный этикетъ.

Такъ измѣнились дѣятельность и внѣшнее положеніе самого государя. Посмотримъ теперь, какія перемѣны произошли подъ вліяніемъ собиранія Руси въ подчиненныхъ великому князю органахъ управленія, суда и законодательства. Основаніемъ этихъ перемѣнъ было то, что вновь стало слагаться въ областной администраціи.

Характеръ кормленія, столь свойственный намѣстникамъ и волостелямъ, постепенно переставалъ соотвѣтствовать интересамъ общества и государства: общество, по мѣрѣ усложненія житейскихъ отношеній, стало нуждаться въ такихъ органахъ власти, которые ближе входили бы въ интересы населенія, а не обращали бы все свое вниманіе на собственные доходы; правительство, съ ростомъ государственныхъ потребностей, не могло удовлетвориться кормленщиками, которые «*своего* прибытка смотрѣли», почти не заботясь о прибыткѣ государственномъ. И вотъ съ конца XV вѣка власть и значеніе намѣстниковъ и волостелей подвергаются постепенному ограниченію, мѣстами даже и вполнѣ уничтожаются. Прежде всего правительство рядомъ уставныхъ грамотъ точно опредѣляетъ, подвергаетъ утвержденію размѣры кормовъ и поборовъ, идущихъ съ населенія въ пользу намѣстниковъ

волостелей: такъ, намѣстникъ сталъ получать въ видѣ корма на Рождество Христово съ каждой сохи полоть мяса или 2 алтына, 10 хлѣбовъ или 10 денегъ, бочку овса или 10 денегъ, возъ сѣна или 2 алтына, на Петровъ день—барана или 8 д. и 10 хлѣбовъ или 10 денегъ, на Пасху—полоть мяса и 10 хлѣбовъ. Вслѣдъ за ограниченіемъ произвола кормленщиковъ въ ихъ поборахъ съ населенія правительство сдѣлало второй шагъ въ дѣлѣ лишенія ихъ прежней полноты власти: оно раздѣлило всѣхъ намѣстниковъ на два разряда,—одни остались при прежнихъ обширныхъ судебныхъ полномочіяхъ или, какъ говорили тогда, имѣли «судъ съ правдою», «держали кормленіе съ боярскимъ судомъ», другіе были сильно ограничены въ своихъ судебныхъ функціяхъ,—имѣли «судъ безъ правды», «держали кормленіе безъ боярскаго судна». Въ нашей исторической литературѣ не достигнуто согласіе въ объясненіи этихъ выраженій; обыкновенно, впрочемъ, судъ съ правдою не отожествляютъ съ боярскимъ судомъ и кормленіе безъ боярскаго суда не сближаютъ съ судомъ безъ правды, а боярскій судъ понимаютъ въ смыслѣ суда по дѣламъ о холопствѣ. Если бы даже и эти толкованія были вѣрны, все-таки не подлежало бы, значитъ, сомнѣнію сокращеніе судебной компетенціи нѣкоторыхъ намѣстниковъ. Но, какъ показываетъ Судебникъ Ивана III, боярскимъ судомъ назывался не только судъ о холопствѣ, но судъ по всѣмъ дѣламъ, производившійся боярами, находившимися въ Москвѣ, т.-е. лицами, принадлежавшими къ составу центральной администраціи; это видно изъ сопоставленія того мѣста Судебника, гдѣ говорится: «а съ великаго князя суда и съ дѣтей великаго князя суда имати на виноватомъ по тому же, какъ съ *боярскаго суда*, съ рубля по 2 алтына, кому князь великій велитъ», — со словами «а имати *боярину и діаку* въ судѣ отъ рублеваго дѣла боярину на виноватомъ 2 алтына, а діаку 8 денегъ». Бояре и дьяки въ Москвѣ судили по всевозможнымъ дѣламъ. Слѣдовательно, и намѣстники съ боярскимъ судомъ судили по всѣмъ дѣламъ. Если въ Судебникѣ особо упоминается о подсудности только имъ, а не намѣстникамъ безъ боярскаго суда, дѣлъ о холопствѣ, то лишь потому, что по этому пункту существовало особое сомнѣніе въ практикѣ. Намѣстники съ боярскимъ судомъ имѣли право не только производить слѣдствіе и вести судоговореніе, но и постановлять приговоръ и выдавать «правыя грамоты», документы, обезпечивавшіе права той стороны, которая оказалась на судѣ правой, и дававшіе ей право требовать исполненія приговора: это и называлось «судомъ съ правдой». Напротивъ, намѣстники безъ боярскаго суда не судили ни по какимъ дѣламъ, производили лишь слѣдствіе, а дѣла разбирались и вершились до конца въ Москвѣ: это и называлось «судомъ безъ правды». Такъ сильно къ концу XV в. ограничена была судебная компетенція нѣкоторыхъ намѣстниковъ и волостелей: отживавшія учрежденія постепенно теряли свое значеніе.

Дѣло не ограничилось всѣмъ этимъ: въ первой половинѣ XVI вѣка сдѣланы были двѣ важныхъ попытки дальнѣйшаго стѣсненія власти всѣхъ намѣстниковъ и даже частичнаго ихъ уничтоженія. Мы разумѣемъ здѣсь появленіе городовыхъ приказчиковъ и учрежденіе губныхъ старостъ съ цѣловальниками. Въ XVI вѣкѣ въ цѣломъ рядѣ городовъ все чаще и чаще по мѣрѣ приближенія къ половинѣ столѣтія встрѣчаются вмѣсто намѣстниковъ городовые приказчики. Какъ показываетъ самое названіе, это были органы хозяйственнаго происхожденія, совершенно подобные приказчикамъ и посельскимъ, вѣдавшимъ всегда отдѣльныя княжескія имѣнія и села. Городовые приказчики представляли собою, слѣдовательно, органъ хозяйственнаго управленія, перенесенный въ болѣе обширное, чѣмъ прежде, территоріальное цѣлое. Оригинальной чертой ихъ было то, что они выбирались дѣтьми боярскими извѣстнаго уѣзда изъ своей среды. Насъ не должна, однако, смущать эта примѣсь выборнаго начала: она вовсе не превращала городового приказчика въ органъ мѣстнаго самоуправленія, потому что онъ зависѣлъ всецѣло не отъ избирателей, которые ни въ чемъ его не могли контролировать, а отъ центральнаго правительства: выбирая городового приказчика, дѣти боярскія извѣстнаго уѣзда исполняли ту же наложенную на нихъ правительствомъ функцію, какую выполняли крестьяне, выбирая своихъ земскихъ старостъ,—они просто ручались за благонадежность выбраннаго. Въ вознагражденіе за свою службу городовые приказчики получали уже не кормъ, а помѣстья. Вѣдомство ихъ, прежде всего, касалось финансовъ: они разверстывали повинности по сохамъ, правили подати; подобно намѣстникамъ, городовые приказчики вѣдали и судъ. Несостоятельность системы кормленій еще сильнѣе и рѣзче выразилась при введеніи губныхъ учрежденій. Губныя грамоты, т.-е. правительственные акты, учреждавшіе губныхъ старостъ съ цѣловальниками въ различныхъ отдѣльныхъ областяхъ, становятся намъ извѣстными съ 1539 года и констатируютъ фактъ умноженія разбоевъ, убійствъ и кражъ, безсилія намѣстниковъ, волостелей и спеціально посылаемыхъ изъ Москвы «обыщиковъ» справиться съ ними и ходатайствъ со стороны населенія о позво[illegible] ставить изъ своей среды особыхъ выборныхъ лицъ для [illegible] надзора и суда по важнѣйшимъ уголовнымъ («губнымъ» [illegible] дѣламъ. Органами губного управленія были губные [illegible] цѣловальники (=присяжные: они «цѣловали крест[illegible] сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе. Старосты выби[illegible] изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, остальные [illegible] совт[illegible] общества, но выборы всѣхъ органовъ губного [illegible] изв[illegible]дились всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ. Сотск[illegible] [illegible]ворами), пятидесятскіе (надъ 50-ю) и десятскіе [illegible] исключительно полицейскій надзоръ: осматривали [illegible]исывали всѣхъ пріѣзжихъ, «обыскивали въ правду» о ихъ состояніи и благонадежности

и т. д. На обязанности старостъ и цѣловальниковъ лежали слѣдствіе, судъ и наказаніе разбойниковъ, убійцъ и воровъ («татей»). Дѣлопроизводствомъ завѣдывалъ особый выборный секретарь — губной дьякъ. Такимъ образомъ самая важная отрасль судебной дѣятельности отошла изъ вѣдомства кормленщиковъ.

Начавшаяся ликвидація старинныхъ органовъ областного управленія и усложненіе государственныхъ задачъ, явившееся слѣдствіемъ собиранія Руси, отразились и на положеніи и организаціи центральныхъ учрежденій. Прежняя непостоянная по составу и отличавшаяся неопредѣленностью вѣдомства боярская дума не могла справиться съ новыми задачами. Она не исчезла безслѣдно, остаткомъ ея была такъ называемая ближняя дума, совѣтъ «самъ третей у постели», слѣды котораго становятся явственными при Василіи III: и въ эту ближнюю думу, какъ и въ старую удѣльную, великій князь призывалъ тѣхъ, кого хотѣлъ, и совѣщался съ ними по вопросамъ, имъ самимъ выбраннымъ. Однако, новыя государственныя потребности вызвали къ жизни уже въ XV вѣкѣ боярскую думу болѣе постояннаго состава и болѣе опредѣленнаго вѣдомства. Вѣдомство опредѣлилось, главнымъ образомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ новыхъ политическихъ условій, хотя, конечно, и отмѣченныя нами въ свое время перемѣны въ хозяйственныхъ и соціальныхъ условіяхъ оказали свое воздѣйствіе: опредѣляя вкратцѣ это вѣдомство, надо сказать, что оно по преимуществу слагалось изъ дѣлъ, выходившихъ изъ узкой сферы княжескаго хозяйства, охватывало болѣе сложныя проблемы экономической жизни, соціальнаго строя, политическаго устройства. Составъ думы опредѣлился также болѣе точно и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ перемѣнъ въ соціальныхъ отношеніяхъ: когда появился классъ служилыхъ князей, то боярство стало разслаиваться на двѣ группы по знатности происхожденія, и это выразилось въ образованіи двухъ первыхъ думныхъ чиновъ, — бояръ и окольничихъ. Менѣе знатныя, даже совсѣмъ неродовитыя, но способныя къ новой административной работѣ лица составили третій думный чинъ, впослѣдствіи обозначенный названіемъ «думные дворяне». Въ первой половинѣ XVI в. думные дворяне именовались обыкновенно «дѣтьми боярскими, которыя живутъ въ думѣ»; первыя извѣстія о нихъ относятся къ тридцатымъ годамъ XVI столѣтія, но несомнѣнно они были и раньше: такимъ сыномъ боярскимъ, живущимъ (т.-е. присутствующимъ) въ думѣ, былъ, напр., при Василіи III извѣстный Иванъ Никитичъ Берсень-Беклемишевъ, которому за его «непригожія рѣчи» о великомъ князѣ и его матери отрѣзали языкъ. Наконецъ, въ XV вѣкѣ образуется и четвертый думный чинъ—думные дьяки, не имѣвшіе, впрочемъ, въ изучаемое время эпитета «думный», а называвшіеся «введенными» или «большими». Дьяки были письмоводителями въ думѣ, записывали ея рѣшенія и передавали ихъ подчиненнымъ органамъ для исполненія. Въ

рѣшеніи и обсужденіи дѣлъ они прямого участія не принимали. Скопленіе въ боярской думѣ ряда новыхъ дѣлъ слишкомъ обременяло думу, и это было одной изъ существенныхъ причинъ, вызвавшихъ къ жизни новыя подчиненныя думѣ учрежденія,—приказы.

Первыя опредѣленныя извѣстія о приказахъ относятся къ княженію Василія III, но приказы несомнѣнно возникли еще въ XV вѣкѣ. Слѣды ихъ существованія замѣтны уже въ Судебникѣ 1497 года. Здѣсь говорится о судѣ бояръ и окольничихъ съ дьяками, т.-е. о судѣ коллегіальномъ по составу. Что эти коллегіальныя судебныя присутствія были именно центральными учрежденіями, приказами,—это видно изъ двухъ мѣстъ Судебника: во-первыхъ, изъ того, гдѣ сказано: «а котораго жалобника и непригоже управити, и то сказати великому князю»,—*сказати* великому князю могъ только бояринъ или окольничій, жившій въ Москвѣ; во-вторыхъ, то же видно изъ словъ, что вѣдомаго лихого человѣка надо «велѣти казнити смертною казнью тіуну великаго князя московскому»: *московскій* тіунъ могъ получить приказаніе казнить преступника лишь отъ бояръ, жившихъ въ Москвѣ. Итакъ, приказы существовали еще въ XV вѣкѣ. Какъ же они возникли и какіе изъ нихъ существовали до половины XVI вѣка?

Намъ уже извѣстно, что до XV вѣка отдѣльныя порученія по дѣламъ центральнаго управленія давались различнымъ дворцовымъ слугамъ, вѣдавшимъ особыя отрасли княжескаго дворцоваго хозяйства, главнымъ образомъ дворецкому и казначею. По мѣрѣ скопленія въ ихъ рукахъ массы порученій имъ оказалось трудно съ ними справляться, и по тому для помощи имъ даны были дьяки (секретари) и подъячіе (писцы). Повторяемость извѣстныхъ порученій повела къ образованію обычнаго круга дѣлъ, вѣдаемыхъ дворецкимъ и казначеемъ съ находившимися при нихъ дьяками и подъячими. Такъ образовались въ своемъ составѣ и вѣдомствѣ два древнѣйшихъ приказа—Дворцовый, названный потомъ приказомъ Большого дворца, и Казенный. Первое упоминаніе о Большомъ дворцѣ въ дошедшихъ до насъ документахъ относится къ 1512 году, а о Казнѣ къ 1537 г., но оба приказа упоминаются подъ этими годами какъ уже давно сложившіяся учрежденія. Въ концѣ XV вѣка, повидимому, изъ стольнича пути выдѣлился Житный приказъ, впослѣдствіи подъ названіемъ Житнаго двора сдѣлавшійся подраздѣленіемъ приказа Большого дворца. Большой дворецъ вѣдалъ въ изучаемое время только тѣ дворцовыя села и волости, которыя входили въ составъ старинной вотчины московскихъ князей. Дворцовыя земли вновь присоединенныхъ удѣловъ вѣдались особыми дворцовыми приказами для каждаго изъ нихъ: таковы приказы Тверского дворца, Дмитровскаго дворца, Новгородскаго дворца, во главѣ которыхъ стояли особые дворецкіе. Житный приказъ завѣдывалъ приходомъ и расходомъ хлѣбныхъ запасовъ. Казенный приказъ вѣдалъ всю денежную и не денежную казну, сборъ

налоговъ, даже, повидимому, раздачу земель въ помѣстья. Судъ не былъ сосредоточенъ въ одномъ приказѣ, а входилъ въ функціи всѣхъ ихъ, отчего происходила, конечно, большая путаница въ подсудности, такъ что полной опредѣленности вѣдомства приказовъ не существовало.

Но въ рукахъ думы, какъ мы видѣли, скоплялось все большее число новыхъ государственныхъ дѣлъ, требовавшихъ ея рѣшенія. Необходимо было поручить разработку этихъ дѣлъ и собираніе потребныхъ свѣдѣній и справокъ особымъ административнымъ органамъ. Такъ какъ ближе всего къ этимъ дѣламъ стояли дьяки, присутствовавшіе въ думѣ, то подъ ихъ начальствомъ и образовались нѣкоторые новые приказы. Трудно сказать, какіе именно приказы этого рода сложились до половины XVI вѣка; мы имѣемъ совершенно опредѣленныя свѣдѣнія только объ одномъ изъ нихъ—Разрядѣ, первое извѣстіе о которомъ относится къ 1535 году. Разрядъ или Разрядный приказъ вѣдалъ военное дѣло, всѣхъ служилыхъ людей и былъ, кромѣ того, канцеляріей боярской думы и государя.

Наконецъ, преобразованія въ областномъ управленіи—именно учрежденіе губныхъ старостъ — повели къ появленію перваго судебнаго приказа — Разбойнаго; уже въ 1539 году упоминаютъ «бояре, которымъ разбойныя дѣла приказаны». Разбойный приказъ вѣдалъ контроль органовъ губного управленія,—провѣрялъ присылаемые изъ губныхъ учрежденій протоколы слѣдствія и суда, а также списки, точно обозначавшіе доходы губныхъ старостъ. Сюда шелъ докладъ по дѣламъ, которыя не могли рѣшить губные старосты съ цѣловальниками. Наконецъ, нѣкоторыя дѣла поступали изъ губныхъ учрежденій въ Разбойный приказъ на ревизію, т.-е. губные старосты съ цѣловальниками производили только слѣдствіе, записывали въ протоколъ показанія сторонъ и свидѣтелей, а приговоръ постановлялся уже самимъ приказомъ.

Наконецъ, къ концу изучаемаго періода стали подвергаться нѣкоторымъ существеннымъ перемѣнамъ самый характеръ, направленіе и смыслъ правительственной дѣятельности: на очередь стали ставиться болѣе общія задачи, начала мелькать идея общаго блага, какъ цѣли государственнаго союза. Это отразилось въ финансовой организаціи, въ законодательствѣ и во внѣшней политикѣ.

Въ финансовой организаціи обращаетъ на себя вниманіе составленіе новыхъ писцовыхъ книгъ. Первыя переписи на Руси были, какъ извѣстно, произведены татарами въ XIII в. Затѣмъ онѣ стали производиться время отъ времени удѣльными князьями въ ихъ княжествахъ. Съ объединеніемъ Руси является мысль о производствѣ новой *общей* переписи съ цѣлью ввести во всей странѣ одинаковую окладную единицу—московскую соху. Иванъ III посылаетъ писцовъ для составленія писцовыхъ книгъ на Бѣлоозеро, въ Тверь съ ея удѣлами въ Звенигородъ и т. д. Въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка производится уже

обширная общая перепись, для которой посылаются «большіе писцы». Обычный типъ писцовой книги этого времени сводится къ тому, что послѣ обозначенія уѣзда и волости перечисляются села и деревни, дворы въ каждомъ селѣ или деревнѣ, затѣмъ поименно взрослое мужское рабочее населеніе дворовъ и, наконецъ, количество окладныхъ единицъ, падающихъ на данное имѣніе: «пашни соха», «двѣ сохи», «полсохи» и т. д. Размѣръ запашки, сѣнокосовъ, лѣсовъ и другихъ угодій еще не означается. Какъ ни несовершенны такія хозяйственно-статистическія описанія, самый фактъ ихъ существованія и распространенія по всей странѣ весьма знаменателенъ. Этимъ не ограничились перемѣны въ финансовой организаціи: при Иванѣ III на мѣсто прежней несистематизированной подводной повинности организуется ямская гоньба. По нѣкоторымъ дорогамъ, число которыхъ къ половинѣ XVI вѣка постепенно увеличивается, учреждаются «ямы», т.-е. почтовыя станціи. Каждымъ ямомъ завѣдывали 2 или 3 ямщика, которымъ населеніе доставляло подводы и кормъ. Право пользованія ямскими подводами и кормомъ опредѣлялось для каждаго проѣзжавшаго по казенной надобности особой подорожной. Ямская гоньба служила исключительно для удовлетворенія государственныхъ потребностей, но болѣе упорядоченная ея организація все-таки явленіе новое и важное. Неизвѣстно, существовало ли при Иванѣ III и Василіи III особое центральное учрежденіе для управленія ямской гоньбой,—Ямской приказъ,—но несомнѣнно былъ уже въ Москвѣ особый ямской дьякъ.

Мы видѣли, что до XV вѣка въ сущности не было законодательства. Княжескіе указы и жалованныя грамоты обращены были къ отдѣльнымъ лицамъ и имѣли значеніе только по отношенію къ этимъ отдѣльнымъ лицамъ. Идея общей нормы, общаго законодательнаго устава вырабатывается чрезвычайно медленно и постепенно: отъ постановленій, обращенныхъ къ отдѣльнымъ лицамъ, князья въ XV вѣкѣ переходятъ къ законодательнымъ актамъ, имѣющимъ отношеніе къ отдѣльнымъ областямъ; таковы уставныя грамоты, — Бѣлозерская 1488 года, Онежская 1536 года и т. д.; наконецъ, въ 1497 году появилось общее законодательство для всей сѣверо-восточной Руси — Судебникъ Ивана III, въ которомъ «уложилъ великій князь съ дѣтьми своими и съ бояры о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ». Этотъ законодательный памятникъ не охватывалъ еще всесторонне общественную жизнь и гражданскія отношенія, — Судебникъ 1497 г. былъ исключительно процессуальнымъ уложеніемъ, т.-е. опредѣлялъ правила и порядокъ судебнаго процесса, судоустройство и судопроизводство, почти не касаясь уголовнаго, гражданскаго и государственнаго права. Тѣмъ не менѣе появленіе общаго законодательства свидѣтельствовало о нѣкоторомъ зарожденіи идеи законности, обезпечивающей общее благо.

Наконецъ, съ собираніемъ Руси, съ политическимъ объединеніемъ великорусскаго племени прежніе личные, частные мотивы внѣшней политики отступаютъ на второй планъ передъ новыми, національными задачами. Первымъ наиболѣе яркимъ выраженіемъ такого направленія внѣшней политики является сверженіе татарскаго ига Иваномъ III въ 1480 году. Защита территоріи страны и обезпеченіе благосостоянія населенія ставятся затѣмъ какъ цѣли внѣшнихъ отношеній къ ханамъ казанскимъ и крымскимъ: охрана южныхъ и восточныхъ предѣловъ страны отъ крымскихъ и казанскихъ татаръ и походы на Казань привлекаютъ особенное вниманіе московскихъ великихъ князей. Наконецъ, въ отношеніи къ Литвѣ ставится на очередь задача объединенія всей русской народности подъ властью великаго князя московскаго. Это притязаніе выражается въ титулѣ «государя всея Руси», который принимаютъ Иванъ III и Василій III при дипломатическихъ сношеніяхъ съ литовскими великими князьями, и въ прямыхъ требованіяхъ отъ послѣднихъ возвратить московскому великому князю его «отчину», Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ и другія западно-русскія земли, наконецъ, въ войнахъ съ Литвой при Иванѣ III и Василіи III: первому, какъ извѣстно, удалось завладѣть послѣ войны сѣверскими княжествами,— Одоевскимъ, Оболенскимъ, Новосильскимъ и другими, расположенными между Окой и Днѣпромъ, а Василій III завоевалъ у Литвы Смоленскъ.

Изучая политическій строй сѣверо-восточной Россіи въ удѣльное время, мы познакомились такимъ образомъ съ цѣлымъ рядомъ явленій первостепенной важности. Мы послѣдовательно наблюдали осѣдлость князей, установленіе преемственности столовъ въ прямой нисходящей линіи—отъ отца къ сыну, паденіе вѣча, кормленный характеръ областнаго управленія, полную неорганизованность управленія центральнаго господство понятія о личной выгодѣ въ государственныхъ отношеніяхъ и идеи о княжествѣ какъ личной собственности князя. Все это были типическія, характерныя, господствующія черты политическаго строя изучаемаго періода. Онѣ находились въ тѣснѣйшей зависимости отъ экономическихъ и соціальныхъ условій: уже колонизація русскаго сѣверо-востока намѣтила въ главныхъ чертахъ предѣлы наиболѣе крупныхъ княжествъ; господство натуральнаго хозяйства содѣйствовало удѣльной замкнутости; преобладаніе земледѣлія, привязавъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ къ мѣсту экономическими и соціальными узами, сдѣлало осѣдлыми и князей и заставило ихъ вслѣдствіе стремленія оправдать собственныя затраты на хозяйственныя нужды княжества передавать это послѣднее своимъ дѣтямъ; хозяйственная зависимость крестьянъ отъ князя-вотчинника и слабость городскихъ торговъ и промысловъ повели къ паденію вѣча; отсутствіе стройной общественной организаціи и господство натуральнаго хозяйства произвели и принципъ кормленія, и неорганизованность средствъ управленія

наконецъ, преобладаніе земледѣлія при сохраненіи натурально-хозяйственной системы поддерживало прежнія примитивныя понятія о цѣли государственнаго союза и о субъектѣ власти.

Какъ въ экономической жизни и въ соціальныхъ отношеніяхъ, такъ и въ политическомъ строѣ мы наблюдали затѣмъ крупныя перемѣны, знаменовавшія собою начало перехода къ совершенно новымъ порядкамъ. Процессы хозяйственнаго объединенія и сословной организаціи общества на ряду съ экономическими преимуществами московскаго центра повели къ собиранію Руси, а непосредственнымъ результатомъ такого собиранія явилось новое положеніе московскаго государя, преобразованія въ областномъ и центральномъ управленіи, въ финансахъ и законодательствѣ; наконецъ, выступили на первый планъ новыя задачи внѣшней политики.

Такова въ главныхъ чертахъ связь политическихъ явленій изучаемаго періода между собою, съ одной стороны, и съ экономическими и соціальными явленіями, съ другой. Если обратить теперь вниманіе на то, что принципіально-новаго съ соціальной точки зрѣнія даетъ изученіе политическаго строя удѣльной сѣверо-восточной Россіи, то придется отмѣтить, что это принципіально-новое заключается въ намѣчающемся въ данный періодъ соотношенія между областнымъ, центральнымъ и верховнымъ управленіемъ: областное управленіе, наиболѣе близкое къ народной массѣ, оказывается наиболѣе чувствительнымъ къ новымъ хозяйственнымъ и соціальнымъ отношеніямъ, и потому перемѣны въ немъ намѣчаются яснѣе и опредѣленнѣе; меньше *непосредственныхъ* воздѣйствій со стороны экономическихъ и соціальныхъ факторовъ наблюдается въ сферѣ центральнаго управленія, испытывающаго на себѣ очень сильное вліяніе перемѣнъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ; наконецъ, верховное управленіе организуется всего позднѣе и слабѣе подъ непосредственнымъ вліяніемъ измѣненій въ областной и центральной администраціи. Наконецъ, всѣ эти сложные и важные политическіе процессы отражаются на понятіи о цѣли государственнаго союза и о субъектѣ власти, хотя эти понятія въ то же время измѣняются наиболѣе туго и сначала въ очень незначительной степени. Повѣрка этихъ наблюденій и выводовъ при помощи конкретнаго матеріала, относящагося къ политической исторіи позднѣйшихъ эпохъ, составитъ одну изъ основныхъ задачъ послѣдующаго нашего изложенія.

Н. Рожковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ СТАРОЙ АНГЛІИ.

(ЖЕЛТЫЙ ФУРГОНЪ).

Романъ **Ричарда Уайтинга**.

Переводъ съ англійскаго **Л. Сердечной**.

(*Продолженіе* *)

Глава 30.

Трехмѣсячный деревенскій сезонъ съ непрерывной цѣпью удовольствій и спорта окончился, и мы наканунѣ новаго года. Аллонби, по единодушному свидѣтельству, никогда не переживалъ подобнаго года. Это былъ какой-то водоворотъ впечатлѣній. Не имѣя времени для размышленія, Августа чистосердечно принимала поздравленія своихъ друзей и сознавалась, что ея успѣхъ былъ безоблаченъ.

Но въ минуту высшаго удовлетворенія у нея явилось сомнѣніе. Въ одномъ случаѣ она потерпѣла пораженіе. Херіоны все еще ждали герцогскаго правосудія, все еще были не найдены, да въ послѣднее время ихъ и не искали.

Ея чувство справедливости было оскорблено, самолюбіе страдало отъ неудачи, такъ какъ она была также настойчива въ своихъ добродѣтеляхъ, какъ и всѣ мы грѣшные.

По правдѣ сказать, она одержала побѣду только надъ однимъ герцогомъ, вся система попрежнему была противъ нея. Онъ согласился на водвореніе Херіоновъ, но управляющій, повѣренные семьи, вообще весь постоянный составъ управленія, рѣшили, что это приказаніе никогда не будетъ выполнено. Герцогъ приказалъ имъ сдѣлать объявленіе, и они напечатали объявленіе въ руководящей газетѣ. Онъ предложилъ нанять частныхъ сыщиковъ. Но сыщики получили соотвѣтственное наставленіе, да и вообще успѣхъ дѣла, не основаннаго на скандалѣ или раскрытіи преступленія, ихъ интересовалъ мало. Августа ничего не могла понять, пока мать Джорджа Херіона не раскрыла ей эту шайку.

— Они не хотятъ пустить ихъ назадъ, ваша свѣтлость, развѣ только ихъ въ гробу привезутъ, помяните мое слово.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 10, октябрь, 1904 г.

Теперь для Августы стало все ясно: «они»—это челядь, составившая заговоръ. Она покраснѣла отъ обиды и негодованія и рѣшила, что сама разыщетъ бѣглецовъ.

Но именно въ этотъ моментъ Аллонби предъявлялъ на нее свои права самымъ рѣшительнымъ образомъ. Его блестящій сезонъ долженъ былъ кончиться еще болѣе ослѣпительнымъ образомъ: посѣщеніемъ королевской четы. Разослано было множество приглашеній отъ лица герцога и герцогини.

Наступилъ день высочайшаго пріѣзда. Весь замокъ отъ чердака до подваловъ былъ въ напряженномъ ожиданіи. Всѣ, отъ кастеляна до послѣдняго поваренка, были на своихъ мѣстахъ. Это было первое за цѣлое столѣтіе посѣщеніе замка наслѣдникомъ престола, и высокій гость представлялъ особый, таинственный интересъ. Онъ былъ воспитанъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ лучшей изъ матерей, прекраснѣйшей и самоотверженнѣйшей женщиной своего времени, до сихъ поръ такой еще моложавой на видъ, что она казалась сестрой своихъ дѣтей.

Всѣ необыкновенно усердно добивались приглашенія во время высокаго посѣщенія. Число приглашенныхъ было ограничено тридцатью и, по обычаю, имена всѣхъ были предложены на высочайшее одобреніе. Хозяинъ съ хозяйкой лично составили списокъ, высокіе гости не жалѣли синяго карандаша, вычеркивая одни имена и вписывая другія. Навѣрное ни одно назначеніе посланника не обсуждалось такъ серьезно, какъ этотъ списокъ приглашенныхъ.

Дѣло въ томъ, что высокіе гости пользовались въ придворныхъ кругахъ репутаціей необыкновенной свѣтской строгости. Принцъ унаслѣдовалъ отвращеніе своей матери къ легкомысленному свѣтскому обществу, и было извѣстно, что жена его вполнѣ раздѣляетъ его чувства. Общество съ наслажденіемъ предоставило бы ихъ самимъ себѣ, но, вопреки его желанію, приходилось считаться съ ними. Присутствіе въ Аллонби во время подобнаго посѣщенія грозило непроходимой скукой; но не оказаться въ числѣ избранныхъ — значило бы все-таки быть униженнымъ. Принцъ былъ безусловно «серьезенъ» и всѣ отлично понимали, что въ его присутствіи всѣмъ придется поддѣлываться подъ его тонъ.

Высокій гость въ обществѣ былъ извѣстенъ подъ названіемъ «тупого носка», но сапожникъ его тутъ былъ не при чемъ, это только значило, что принцъ, несмотря на свои молодые годы, обладаетъ необыкновенно серьезными вкусами. Многіе изъ тѣхъ, которые звали его «тупымъ носкомъ», сами поросли мохомъ отъ старости, но это не шло къ дѣлу. Ихъ обувь служила символомъ ихъ вѣчной юности. Одинъ символъ также хорошъ, какъ другой, если только онъ опредѣляетъ глубокую разницу во взглядахъ на жизнь. Въ одно время, какъ мы знаемъ, они опредѣлялись стрижкой волосъ, въ наши дни—фа-

сономъ ботинокъ; но кавалеры и круглоголовые вѣчно враждуютъ между собою, какъ бы ни мѣнялись формы ихъ вражды.

«Тупоносые», по мнѣнію противной партіи, стояли за скучную благопристойность и суровость законовъ нравственности; они тянули въ сторону пуританизма при дворѣ, который долгое время жилъ слишкомъ весело. «Остроносые», какъ ихъ фамильярно называли, стояли за «радость жизни» и за всякое другое изреченіе, опредѣляющее стремленіе весело пожить.

Обѣ партіи были, конечно, на ножахъ, хотя выраженіе ихъ враждебности и смягчалось хорошимъ воспитаніемъ. «Тупоносые» ненавидѣли «остроносыхъ», грозившихъ, по ихъ мнѣнію, привести народъ къ погибели и внушить ему неуваженіе къ трону. «Остроносые» презирали «тупоносыхъ» и издѣвались надъ ними, говоря, что ихъ господство при дворѣ приведетъ къ тому, что мѣшокъ кающагося грѣшника станетъ придворнымъ мундиромъ.

Имена многихъ «остроносыхъ» были вычеркнуты синимъ карандашемъ во время пересмотра списковъ. Нѣкоторые, однако, проскочили. Невозможно было всѣхъ ихъ принести въ жертву. Если бы проскрипція была слишкомъ ревностна, то и приглашенныхъ бы не осталось.

Когда все было кончено, партіи опредѣлились необыкновенно рѣзко.

Главнымъ представителемъ «тупоносыхъ» былъ тотъ незапятнанный дворянинъ лордъ Огреби съ нѣсколькими членами его семьи, съ которымъ Августа познакомилась вскорѣ послѣ своего пріѣзда. Графъ былъ извѣстенъ строгостью своихъ евангелическихъ принциповъ и изысканной простотою своей жизни. Что бы ни подавали за его столомъ, на немъ неизбѣжно появлялась также вареная баранина, и, послѣ дружескихъ совѣщаній съ портнымъ, на изготовленіе даже его фраковъ употреблялось только домашнее сукно. Чулки его, во всѣхъ случаяхъ его жизни, были изъ домашней сѣрой шерсти. Носки его сапогъ были срѣзаны точно по линейкѣ. Однако всѣ эти обстоятельства имѣютъ лишь второстепенное значеніе, такъ какъ подробности костюма членовъ обѣихъ категорій только случайно совпадали съ ихъ кличками. Графа сопровождалъ его сынъ и наслѣдникъ, лордъ Беглефбекъ, послѣдователь «христіанской науки», и дочь, леди Франческа Дартонъ, которая занимала скромное положеніе въ рядахъ арміи спасенія и даже среди самаго блестящаго собранія появлялась въ грубой форменной одеждѣ, въ неуклюжей шляпѣ и съ перевязью. Это были самые лучшіе представители религіозной ультра-порядочности, какихъ только можно было достать по сосѣдству. Но такого совершенства высокіе посѣтители и не требовали, они требовали лишь приличія. Два или три министра и столько же высшихъ членовъ судебнаго сословія придавали собранію еще больше серьезности, безъ примѣси смѣшного. Кромѣ нихъ было еще нѣсколько человѣкъ, тщетно выжидавшихъ случая отличиться на высокомъ поприщѣ и составляв-

шихъ часть тѣхъ силъ Англіи, которыя погибаютъ отъ недостатка организаціи. М-ръ Баскомбъ, служитель высокой церкви Большого Слокума, былъ таже въ числѣ приглашенныхъ, хотя онъ и не жилъ въ замкѣ. Но онъ всегда являлся по особому желанію м-ра Гудинга, который его очень уважалъ, и по настоятельнымъ просьбамъ Августы. Остальной контингентъ, по сердечному желанію принца, составляли спортсмены, мужественные вкусы которыхъ исключали легкомысліе.

Составъ «остроносыхъ» былъ крайне разнообразенъ. Въ числѣ ихъ были м-ръ Кеннетъ, Макъ-Алистеръ Брюсъ, современный финансовый магнатъ въ которомъ кромѣ хитрости и имени не было ничего шотландскаго. Но этого, особенно перваго было болѣе, чѣмъ достаточно. У него были охоты въ Шотландіи, домъ на Паркъ-Лэнѣ и интересы почти во всѣхъ современныхъ операціяхъ, хотя оффиціально всѣ его операціи сосредоточивались на торговлѣ съ Китаемъ. Вы могли его встрѣтить вездѣ. Однимъ словомъ, это былъ финансистъ. Онъ готовъ былъ щедро поддерживать каждое выгодное дѣло. Если бы онъ присутствовалъ при возникновеніи магометанства, онъ навѣрное нашелъ бы средства на возвышеніе Мекки и обезпечилъ бы за собою всѣ банковыя привилегіи новой вѣры. Его почтовая бумага была съ гербами; онъ говорилъ по-англійски съ франкфуртскимъ акцентомъ; онъ былъ смѣлъ и рѣшителенъ и, навѣрное, въ своихъ денежныхъ операціяхъ не лишенъ былъ кровожадности. Но такъ какъ къ его услугамъ были совѣты лучшихъ юристовъ, то онъ могъ взять свой фунтъ мяса, не опасаясь закона. Ни ноги, ни манеры его не были созданы для «остроносаго» стиля, и онъ ходилъ по восточнымъ коврамъ также неуклюже, какъ одинъ изъ древнихъ вождей его сословія по раскаленнымъ камнямъ. Онъ былъ рѣзокъ отъ сознанія своей силы и во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ другими людьми принималъ угрожающій видъ, говорившій, что онъ готовъ сейчасъ сбросить свою личину. Онъ былъ грубъ съ ними, они знали это и знали также, что и онъ это знаетъ. Въ этомъ заключалась тайна его могущества. Королевскій домъ былъ обязанъ ему, и хотя въ присутствіи высочайшихъ особъ онъ обращалъ должное вниманіе на этикетъ, но не стѣснялся за глаза называть главнаго гостя герцога просто «юнцомъ». Женщинамъ самаго высшаго общества, обращавшимся къ нему за совѣтомъ, какъ имъ разбогатѣть, онъ прямо въ лицо говорилъ дерзости.

Въ его обществѣ, какъ бы составляя его свиту, была цѣлая группа юношей изъ Оксфорда, прекраснаго происхожденія, но изъ всѣхъ благъ земныхъ получившихъ на свою долю только прекрасное воспитаніе. Это были юноши, надѣявшіеся сразу разбогатѣть игрою на биржѣ, а до тѣхъ поръ наслаждавшіеся жизнью, но не грубо конечно, такъ какъ они знали цѣну утонченности въ удовольствіяхъ, составлявшей одинъ изъ элементовъ постояннаго могущества. Имъ казалось, что они нашли ближайшій путь къ той конечной цѣли эпикурейства,

къ которой такъ долго стремились люди,—къ состоянію, въ которомъ мы не страдаемъ и не боимся, къ состоянію полнаго отсутствія тѣлеснаго страданія и душевныхъ волненій. Въ этомъ отношеніи они являлись самыми послѣдними выводками оксфордской культуры, и ихъ возвышеніе по волѣ Провидѣнія совпало съ всеобъемлющимъ завѣщаніемъ м-ра Родса.

Представителями прочихъ соціальныхъ интересовъ были чиновники и въ особенности военные. Эти послѣдніе, всѣ занимающіе высокіе посты, отлично знали, что за чудесная штука наша военная система, и были намѣрены охранять ее для себя и для своихъ подчиненныхъ, по крайней мѣрѣ, также храбро, какъ они охраняли бы осажденную крѣпость. Они уже бросали дальновидные взгляды на будущее, когда окончаніе войны вернетъ къ роднымъ пенатамъ побѣдоноснаго вождя, душа котораго жаждала возстановленія римской дисциплины и римской простоты. У нихъ не было дурного чувства къ этому полководцу, но они лишь желали поставить его на мѣсто и твердо рѣшили противодѣйствовать его безпощадной ярости противъ неспособности, удерживая въ своихъ рукахъ высшій контроль надъ военнымъ вѣдомствомъ. Поэтому они подготовляли его производство на высочайшую должность за морями, гдѣ онъ можетъ примѣнить на пользу свою сверхчеловѣческую энергію, нисколько не мѣшая имъ идти своимъ путемъ.

Во главѣ представителей искусствъ находился премилый дворянинъ, пользовавшійся репутаціей великаго коллекціонера. Въ такой богатой странѣ, какъ Англія, собираніе картинъ и статуй уже отошло въ область преданій. Старая страна уже имѣетъ все, чего только можетъ пожелать, и, кромѣ того, въ послѣднее время Америка стала такъ навязчива! Теперь мѣсто прекраснаго заняло любопытное, и увлеченіе почтовыми марками показываетъ, что богатство и любознательность всегда найдутъ себѣ достойный предметъ. У дворянина, о которомъ идетъ рѣчь, былъ совершенно новый конекъ.

Афиши были отвергнуты имъ, какъ уже бывшія предметомъ коллекціонерства, фарфоръ и всевозможныя глиняныя издѣлія тоже. Но никто никогда не собиралъ омнибусныхъ и коночныхъ билетовъ. И вотъ онъ началъ собирать эти сокровища для пользы и поученія потомства, къ сожалѣнію слишкомъ поздно послѣ ихъ возникновенія, и поэтому онъ лишенъ былъ возможности даже за дорогую цѣну составить историческую коллекцію. Но онъ готовъ былъ платить большія деньги за свой недосмотръ, и ему удалось, съ великими трудами, пріобрѣсти первые выпуски билетовъ почти всѣхъ южныхъ линій столицы и почти всѣ образцы сѣверной линіи, начиная съ того дня, когда совѣтъ графства принялъ контроль надъ ними. Съ одной или двухъ изъ линій онъ имѣлъ только драгоцѣнные пробные оттиски, безъ числа выдачи. У него былъ также недурной подборъ иностранныхъ образцовъ, и

онъ обращалъ особое вниманіе на заокеанскіе билеты, въ скромной надеждѣ принести и свою крупицу пользы въ дѣлѣ заключенія англо-американскаго союза.

Онъ былъ очень счастливъ, найдя въ Аллонби цѣлый контингентъ американцевъ, которые могли посочувствовать его стараніямъ, если не помочь ему въ его трудѣ. Кое-кто изъ этихъ американцевъ желали уже объангличаниться. Они уже приняли всѣ особенности мѣстнаго нарѣчія и манеръ, по временамъ въ каррикатурномъ видѣ. Они даже готовы были признавать, что декларація независимости—слѣдствіе достойнаго сожалѣнія каприза, и что если метрополія выкажетъ материнскую снисходительность, то эта декларація можетъ подвергнуться измѣненіямъ, которыя вновь принудятъ Америку къ болѣе дочернимъ чувствамъ. Эти гости были приглашены, вопреки желанію герцогини, по приказанію высокой четы. Это было понятно, такъ какъ они, въ извѣстномъ смыслѣ, были plus royalistes que le roi. Они переняли всѣ особенности правящихъ классовъ, кромѣ необходимаго запаса осторожности. Ихъ имѣнія на англійской почвѣ управлялись со всею суровостью правъ собственности, не дававшей странствующему любителю прекраснаго ни малѣйшаго участія въ ихъ красотахъ, и мѣстному бѣдняку ни малѣйшей надежды на падающія крохи.

Глава 31.

Прибытіе высокихъ гостей было полу торжественное. Герцогъ ожидалъ высокую чету на станціи желѣзной дороги съ жокеями и форрейторами. Волонтеры отдавали воинскія почести, для которыхъ собственно волонтеры и существуютъ въ мирныхъ странахъ. Августа, необыкновенно интересная въ этотъ день, встрѣтила гостей на порогѣ замка. Для проницательнаго наблюдателя ея привѣтственная улыбка была недостаточно убѣдительна. Обстоятельства нѣсколько поколебали ея вѣру въ учрежденія, символомъ которыхъ были сверкающіе гербы, раскланивающаяся чета и кричащая помпа. Хотя деревня шумѣла изо всѣхъ силъ, она не могла забыть, что двое людей безслѣдно исчезли изъ этого числа, съ тѣхъ поръ, какъ она сама въѣзжала въ Аллонби при трубныхъ звукахъ и барабанномъ боѣ. А между тѣмъ «Телячья ножка» такъ весело шумѣла, точно ничего и не случилось. Джобъ Гертъ провозглашалъ въ харчевнѣ тостъ за королевскую семью. М-ръ Гримбергъ на улицѣ лично привѣтствовалъ ихъ отъ всего сердца шляпой и голосомъ. Его достойно поддерживалъ м-ръ Рэйфъ, руководившій привѣтствіями деревенскаго хора. Мери и ея отецъ должны были быть представлены въ числѣ первыхъ. М-ръ Кнеби, также какъ и раньше, отсутствовалъ, но, несмотря на это, онъ умудрился дать знать о своемъ существованіи бросающимся въ глаза флагомъ и дерзкимъ пушечнымъ выстрѣломъ.

Одного взгляда, брошеннаго на главнаго гостя, было достаточно, чтобы показать всю несправедливость партійныхъ кличекъ. Носки его ботинокъ были такъ остры, что свободно могли пройти въ ушко иголки, въ манерахъ его не было намека на суровость, видъ у него былъ привѣтливый, и если былъ въ немъ какой-нибудь недостатокъ, то это нѣкоторая преувеличенная корректность. Но это было слѣдствіемъ застѣнчивости, такъ какъ онъ былъ прекрасно воспитанъ.

Его обращеніе съ «остроносыми» не оставляло желать ничего лучшаго. Онъ, казалось, совершенно не подозрѣвалъ о ихъ существованіи, какъ особой партіи, и принималъ ихъ привѣтствія съ такимъ видомъ, точно репетировалъ свою будущую роль отца своего народа. Супруга слѣдовала его примѣру. Кавалеры и дамы ихъ свиты держали себя съ меньшимъ тактомъ и нѣкоторые были даже заподозрѣны въ презрительномъ фырканьи.

Времени было едва достаточно, чтобы одѣться къ парадному обѣду, намѣченному по программѣ на этотъ день. Длинный рядъ брэковъ, нагруженныхъ сундуками, во всю прыть летѣлъ со станціи вслѣдъ за гостями, и жители деревни не расходились и привѣтствовали ихъ громкими криками много времени послѣ того, какъ послѣдній экипажъ съ гостями уже скрылся изъ виду.

Само собою подразумѣвалось, что впродолженіи трехдневнаго пребыванія гостей нельзя было два раза надѣть одинъ и тотъ же костюмъ. Лица горничныхъ имѣли озабоченное выраженіе, обычное тренерамъ въ послѣдній день скачекъ. Онѣ заглядывали черезъ перила величественной лѣстницы съ заботливымъ и торжествующимъ видомъ, провожая взглядомъ своихъ барынь, въ то время какъ онѣ торжественно шествовали изъ гостиной въ столовую.

Если вначалѣ пиръ удручалъ своей торжественностью, то въ этомъ всецѣло виноваты «остроносые». Они слишкомъ явно старались вести себя хорошо и ихъ усиленное почтеніе къ предержащимъ властямъ, казалось, заморозило ихъ остроуміе. Они въ большинствѣ случаевъ ограничивались общими замѣчаніями о спортѣ, а одинъ изъ нихъ, которому посчастливилось сидѣть вблизи принца, рискнулъ коснуться вопроса объ арктическихъ путешествіяхъ, хотя безъ особеннаго успѣха. «Тупоносымъ» выпала на долю болѣе легкая роль. Они только ѣли свой обѣдъ и чувствовали себя превосходно. Лордъ Огреби, польщенный особымъ вниманіемъ шефа къ его склонности къ вареной баранинѣ, смягчился до того, что удостоилъ пошутить, но это только сгустило общую мрачную атмосферу. Обѣдъ оказался бы совершенно неудачнымъ, если бы по счастливой случайности не пронесся слухъ, который раздѣлилъ честь всеобщаго любопытства между м-ромъ Гудингомъ и принцемъ. Кто-то шепнулъ, что молодой калифорніецъ—агентъ новаго колоссальнаго предпріятія, имѣвшаго цѣлью замѣнить ростбифъ старой Англіи американской свининой съ бобами. Артуръ и не подо-

зрѣвалъ причины того вниманія, которое ему оказывали вслѣдствіе этого, но, будучи человѣкомъ, которому не чуждо все земное, онъ былъ очень польщенъ. Сильные люди почтительнымъ взоромъ старались поймать его взглядъ. Прекрасныя и знатныя женщины давали ему милостивое разрѣшеніе ухаживать за ними впослѣдствіи. Свѣтило самого Брюса на время затмилось. Красота Артура и его безукоризненная свѣтскость и любезность также не мало говорили въ его пользу. Въ гостиной онъ былъ окруженъ, въ то время какъ Брюсъ тщетно старался сыпать дерзостями, не получая въ отвѣтъ даже удара вѣеромъ.

Поддержка его собственныхъ землячекъ довершила успѣхъ м-ра Гудинга. Нѣкоторыя любезничали съ нимъ не безъ опасенія, подозрѣвая, что вдругъ онъ, въ концѣ концовъ, только причастенъ къ литературѣ или искусствамъ. Конечно, онѣ въ этомъ отношеніи были еще болѣе исключительны, чѣмъ окружающее ихъ общество, тонъ котораго онѣ обезъянили. Его родственныхъ связей съ герцогиней, его образованія и личныхъ достоинствъ для нихъ было бы недостаточно, потому что, надо сказать правду, эти необычайно разборчивыя особы только и ждали случая, чтобы надавать чувствительныхъ щелчковъ Августѣ, которую онѣ считали parvenue въ ея собственномъ домѣ. Но она не доставила имъ этого случая, только и всего. Слухъ объ участіи ея брата въ гражданскихъ финансовыхъ предпріятіяхъ рѣшилъ дѣло въ его пользу.

— Я все-таки еще не увѣрена, что онъ принятъ въ нью-іоркскомъ обществѣ,—говорила одна изъ нихъ лэди Огреби,—но я рѣшилась зайти настолько далеко, что если бы мы оба были тамъ, я пригласила бы его на мой слѣдующій вечеръ.

Лэди Огреби, простая женщина во многихъ смыслахъ этого слова, казалось, была въ недоумѣніи.

— Потому что онъ богатъ?

— Нѣтъ, не совсѣмъ поэтому.

— Понимаю. У него такія прекрасныя манеры.

— О, вовсе не потому.

— Развѣ манеры ничего не значатъ?

— Нѣтъ, очень много значатъ, но все-таки...

— Развѣ богатство—не все?

— Напротивъ, однако...

— И для васъ положеніе—ничто?

— Какъ на него смотрѣть... но...

Старуха слушала съ безграничнымъ изумленіемъ. Единственнымъ яснымъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ ею изъ этого разговора, было подтвержденіе ея ненависти къ мудрствованіямъ.

Дивертиссиментъ положилъ конецъ этимъ разговорамъ. Онъ носилъ обычный характеръ: оперныя звѣзды по гинеѣ за ноту; коротенькая са-

лонная комедія въ одномъ дѣйствіи, разыгранная высокопоставленными любителями; примѣрный поединокъ на рапирахъ между первоклассными фехтовальщиками, французомъ и англичаниномъ. Восточный танецъ барышни изъ общества, на который «остроносые» надѣялись, чтобы хоть чуточку развлечься, былъ вычеркнутъ синимъ карандашомъ. Смущенная партія зѣвала во все время исполненія программы, пока высокая чета не удалилась, и они могли найти себѣ утѣшеніе въ курительной комнатѣ. Но и здѣсь ихъ ожидала тяжелая участь. «Тупоносые» произвели нашествіе на этотъ мирный пріютъ съ самимъ принцемъ во главѣ. Нѣкоторое время, въ уваженіе къ его вкусамъ, разговоръ исключительно вертѣлся на программѣ завтрашняго спорта. Но Провидѣніе все-таки вняло страданіямъ павшей духомъ кучки, и послѣ третьей папироски принцъ удалился, а вслѣдъ за нимъ потянулось и большинство «тупоносыхъ». Неписанный законъ подобныхъ сборищъ вездѣ одинаковъ: «остроносые» способны пересидѣть всѣхъ, но пока этого не случится, разговоръ не выходитъ за безопасныя границы. Въ позднѣйшее время онъ принимаетъ если не болѣе широкій, то болѣе личный оборотъ, а затянувшись до поздней ночи, принимаетъ скандальный оборотъ, если участвующіе въ немъ увѣрены другъ въ другѣ, какъ въ отношеніи вкусовъ, такъ и въ отношеніи храненія профессіональной тайны. Когда большинство удалилось одинъ за другимъ и осталось только нѣсколько наиболѣе рьяныхъ, вы могли бы услышать многое, если бы только у васъ была охота слушать. Часы проходили, и краса «остроносыхъ», Томъ Пенникуикъ, началъ разсказывать, какъ истинный наслѣдникъ самаго блестящаго имени Англіи влачитъ жалкое существованіе содержателя постоялаго двора въ одномъ изъ имѣній своего покойнаго отца, благодаря тому, что не можетъ доказать своихъ правъ, да, пожалуй, и самъ о нихъ не знаетъ, такъ какъ это извѣстно только Тому и его друзьямъ. Онъ также можетъ доказать, что похититель этихъ правъ и титула, съ одной стороны, крестьянскаго происхожденія. Слушателямъ все это казалось пикантнымъ, но слуги знали это наизусть.

И былъ вечеръ, и два часа ночи—день первый.

Глава 32.

Придворная партія «тупоносыхъ» завладѣла полемъ дѣйствія, и все въ Аллонби было направлено къ нравственному усовершенствованію. Легкомысленные «остроносые» все еще находились въ тѣни. М-ръ Рэйфъ видѣлъ, что представился счастливый моментъ и старался использовать его, какъ можно лучше. Если бы ему удалось заинтересовать высокую чету своею дѣятельностью среди деревенскихъ бѣдняковъ, то первый шагъ къ епископской каѳедрѣ былъ бы сдѣланъ. Онъ считалъ себя чѣмъ-то въ родѣ разсыльнаго для раздачи

благословеній, земныхъ и небесныхъ. Для него образцовая городская община была стадомъ, пастухъ котораго являлся благотворительнымъ тираномъ своихъ овецъ. Короче сказать, онъ былъ коммиссіонеромъ, сражающимся за свою собственность. Онъ особымъ чутьемъ угадывалъ малѣйшее посягательство на свои священническія права, на контроль человѣческой совѣсти. Его любимымъ примѣромъ неудовлетворительной постановки религіознаго воспитанія въ приходскихъ школахъ былъ отвѣтъ воспитаннаго въ городѣ ребенка о «цвѣточкахъ Соломона».

Въ настоящее время м-ръ Рэйфъ былъ крайне заинтересованъ завербовать Джоба Герта, деревенскаго пьяницу, въ ряды полныхъ трезвенниковъ. Для кузнеца, несмотря на его хорошіе заработки, настали плохія времена. По мѣрѣ того, какъ его возліянія увеличивались соразмѣрно возрастающимъ заработкамъ, его способность къ работѣ уменьшалась. Въ концѣ концовъ ему пришлось даже, черезъ свою жену, обратиться за пособіемъ къ домашнему капеллану, но и тутъ ему дали понять, что раскаяніе и исправленіе должны предшествовать полученію благотворительной помощи. У капеллана родилась похвальная мысль вступить въ единоборство съ силами ада въ лицѣ «Телячьей ножки» и вырвать изъ ихъ когтей душу кузнеца. Казалось, что онъ одолѣетъ: Джобъ сдался на капитуляцію передъ неизбѣжностью субботняго вечера безъ перспективы воскреснаго обѣда.

Итакъ, въ пятницу вечеромъ кающійся грѣшникъ водворился въ крошечномъ клубѣ образцовой деревни съ твердомъ намѣреніемъ повеселиться настолько, насколько позволятъ обстоятельства. М-ръ Рэйфъ былъ готовъ пойти ему навстрѣчу. Предполагалась товарищеская бесѣда, но участники должны были промачивать горло минеральной водой, прежде чѣмъ приступить къ излюбленнымъ ими при прежнихъ условіяхъ вакхическимъ пѣснямъ. За исключеніемъ возбуждающихъ, собранія должны были какъ двѣ капли воды походить на сборища «Телячьей ножки», конечно, если позволятъ обстоятельства. Весь планъ былъ построенъ по образцу тѣхъ кофеенъ, гдѣ пьяницамъ предлагаютъ невинные напитки въ количествѣ, достаточномъ, чтобы замѣнить ими алкоголь, причемъ позволяютъ имъ въ утѣшеніе самимъ заказывать ихъ въ довольно мрачномъ барѣ. Изобрѣтатели забыли только одно, что, при всѣхъ его недостаткахъ, настоящій баръ всегда уютенъ и веселъ.

Борьба за душу кузнеца привлекла сочувственное вниманіе всей деревни. У дверей клуба собралась толпа, поджидающая появленія Джоба. Всѣ чувствовали, что это пробный камень, и что самъ сатана готовъ смотрѣть на событіе съ этой точки зрѣнія. Потерпи онъ теперь пораженіе—злой духъ, навѣрное, не сталъ бы больше смущать населеніе Слокума.

Празднество должно было начаться въ половинѣ восьмого, и въ

назначенный часъ несчастный Джобъ вошелъ въ клубъ, имѣя рядомъ съ собою м-ра Гримбера въ видѣ поручителя.

Отставной торговецъ свѣчами былъ еще не вполнѣ обращенъ, но онъ пришелъ по приглашенію, чтобы посмотрѣть, нравится ли ему это, а затѣмъ уже послѣдовать влеченію своего сердца.

М-ръ Рэйфъ встрѣтилъ ихъ у дверей и, радушно пожавъ обоимъ руки, обратилъ вниманіе Джоба на то, какой прекрасный сегодня вечеръ, причемъ, однако, съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ имѣлъ право ожидать.

Кузнецъ оглядѣлъ комнату и рѣшилъ, что она такъ же близка къ удовольствіямъ умственнымъ и такъ же далека отъ удовольствій чувственныхъ, какъ звѣзда въ извѣстной поэмѣ. Полъ былъ посыпанъ пескомъ, длинная, твердая скамья у очага не уступала въ неудобствахъ такой же скамьѣ въ «Телячьей ножкѣ». Надъ колпакомъ очага торчали настоящія трубки, длинныя и бѣлыя, точно ихъ дѣйствительно можно было употреблять. Чисто по привычкѣ несчастный протянулъ руку за одной изъ нихъ и, обратившись къ прислуживающему мальчику, наряженному въ настоящій передникъ и настоящую рубашку безъ куртки, приказалъ подать себѣ табаку.

— Весьма естественная ошибка,—замѣтилъ м-ръ Рэйфъ учтиво, но нахмуривъ брови, что моментально заставило замолчать поднявшееся было хихиканье.—Принеси немножко мыльной воды; можетъ быть, Джобъ захочетъ пустить мыльныхъ пузырей. Мы не враги невинныхъ удовольствій. Напротивъ, мы поощряемъ ихъ.

Мыльная вода была принесена, и м-ръ Рэйфъ для примѣра и поощренія сдѣлалъ нѣсколько мыльныхъ пузырей. Одинъ изъ нихъ улетѣлъ въ окно. Его путешествіе въ заоблачныя дали было встрѣчено громкими криками мальчишекъ на улицѣ и улыбкой счастливаго предзнаменованія м-ссъ Гертъ и другихъ матронъ, присоединившихся къ ней.

Джобъ покачалъ головою, отставилъ трубку въ сторону и оттолкнулъ блюдечко съ мыльной водой, какъ оттолкнулъ бы какой нибудь новый сортъ водки, противный консерватизму его британскихъ вкусовъ.

— Не про меня это писано,—шепнулъ онъ своему сосѣду.

— Время бѣжитъ, Джамеръ,—сказалъ м-ръ Рэйфъ.—Я думаю, намъ пора.

Человѣкъ, названный по имени, старый пастухъ, руководящей мыслью котораго было жить въ ладу со священникомъ, придвинулъ свой стулъ безъ дальнѣйшихъ приглашеній, съ краткимъ замѣчаніемъ: «заказывайте, господа».

— Ну, Гертъ,—весело воскликнулъ м-ръ Рэйфъ,—вы что хотите: имбирнаго пива, содовой воды, лимонада, можно изъ свѣжихъ лимоновъ, если вамъ это больше нравится, только тогда на полъ-пенни дороже.

— Шипучки,—пробормоталъ Джобъ умирающимъ голосомъ.

— Господа,—сказалъ предсѣдатель, когда всѣмъ подали,—обычный вѣрноподданническій тостъ. Наливайте свои стаканы. За королеву!

Въ методъ м-ра Рэйфа входило начинать вечеръ этимъ тостомъ, какъ счастливый компромиссъ между грубымъ равнодушіемъ къ установленному Провидѣніемъ порядку и недопустимой молитвой.

Джобъ отхлебнулъ своего имбирнаго пива въ знакъ того, что онъ не желаетъ зла установленнымъ авторитетамъ, но во всемъ прочемъ остается при особомъ мнѣніи. Другіе, уже привыкшіе къ этому порядку, выпили, не выказавъ такого явнаго отвращенія.

М-ръ Рэйфъ единственный не высказывалъ никакихъ сомнѣній. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что такъ всегда нужно поступать съ низшими классами. Вы ихъ школите, а они слушаются васъ, и это такъ же естественно, какъ кусты принимаютъ форму по желанію садовника.

Онъ похлопалъ Джоба по спинѣ, точно онъ являлся козломъ отпущенія за грѣхи всего общества.

— Вотъ такъ, мой дружокъ, держись хорошенько. А теперь я долженъ васъ оставить. Пойте, пейте, что хотите—въ границахъ правилъ. Вотъ они на стѣнкѣ. И не забывайте тринадцатаго параграфа,—разойдитесь въ половинѣ десятаго.

Когда онъ вышелъ, было полное молчаніе. Оно было бы вполнѣ выносимо, это молчаніе, если бы оно не было вызвано сознаніемъ, что каждый играетъ роль.

— Я думаю, намъ лучше продолжать,—сказалъ Джамеръ, робко глядя на дверь, въ которую вышелъ ихъ тиранъ.

— Ладно, полаемъ немножко, да и сбудемъ съ плечъ,—сказалъ другой.

— Онъ сейчасъ пронюхаетъ, если мы не будемъ пѣть. Тогда вѣдайся съ нимъ!

— Хорошо; не можешь ли ты задать тонъ, Джобъ?—спросилъ Джамеръ.

— «Въ глубокомъ погребѣ», или «Знаешь ли ты Джона Поля»,—что хочешь. Я слыхалъ, что ты хорошо поешь.

— Дружище, ей-Богу, ради спасенія жизни не могъ бы ничего спѣть,—простоналъ Джобъ.

— Затягивай —«Въ глубокомъ погребѣ», Джамеръ. Авось это ихъ расшевелитъ.

Предсѣдатель послушно откашлялся и дрожащимъ голосомъ запѣлъ застольную пѣсню, свидѣтельствовавшую о глубокой испорченности вкуса:

Въ глубокомъ погребѣ сижу,
Въ душѣ моей заботы.

Товарищъ мой золотой Рейнвейнъ,
Лучшее, вѣрнѣйшее благо на землѣ.
Пусть мудрость съ торжественнымъ видомъ
Болтаетъ о важныхъ вещахъ;
Давай стаканъ, вѣдь дни бѣгутъ,
А я буду пить, пить и пить...

Уже первой строфы было довольно для несчастнаго Джоба. Послѣ неудачной попытки принять участіе въ припѣвѣ, онъ оттолкнулъ свою неначатую чашку кофе и, шатаясь, вышелъ вонъ изъ клуба, растолкавъ по дорогѣ кучку наблюдателей у дверей.

— Ей Богу, онъ все таки умудрился напиться,—сказала одна изъ женщинъ.

— Нѣтъ, кажется,—возразила его умудренная опытомъ жена.— На этотъ разъ это просто злость, и это еще хуже.

Всѣ ожидали, что онъ отправится къ «Телячьей ножки», но онѣ были разочарованы. Онъ прямо пошелъ къ своей хижинѣ, преслѣдуемый припѣвомъ

„Наливай Рейнвейнъ, пусть онъ льется
Полной и сверкающей рѣкой",

который компанія запивала сассафрасомъ, новымъ пойломъ изобрѣтенія м-ра Рэйфа.

Глава 33.

Въ субботу послѣ обѣда Джобъ сидѣлъ, погруженный въ мечты, на сломанномъ деревѣ и покуривалъ трубочку. Несмотря на вчерашній горькій опытъ, онъ не совсѣмъ еще вернулся къ пороку. Трубка, безъ сомнѣнія, была уже шагомъ назадъ, но между нимъ и погребомъ Телячьей ножки было еще, по крайней мѣрѣ, полмили невинности. Кузнецъ сидѣлъ на широкой лѣсной просѣкѣ, освѣщенной веселыми лучами зимняго солнышка и неописуемо прекрасной круглый годъ. Однако, на каждой сторонѣ ея его подкарауливало искушеніе, такъ какъ на дальнемъ концѣ стояла также харчевня «Герцога и землекопа». Основаніе обоихъ заведеній скрывалось во тьмѣ вѣковъ, и они были, по крайней мѣрѣ, ровесниками самого лѣса, а лѣсъ составлялъ часть старой королевской охоты, гдѣ тысячи жирныхъ козъ нашли себѣ смерть по охотничьимъ законамъ. Ничто не можетъ сравниться съ прелестью этой извилистой тропинки между двумя харчевнями, вдоль быстраго ручейка, который то тамъ, то здѣсь расширяется въ заливчики, гдѣ шаловливыя рыбки играютъ въ прятки съ солнечнымъ лучомъ и съ пляшущими въ немъ мошками.

Но все это, какъ весьма привычная картина, не производило на Джоба ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ, конечно, не думалъ объ исторіи этого мѣстечка, теряющейся во тьмѣ саксонскихъ временъ; объ угрюмыхъ старыхъ замкахъ, гдѣ нѣкогда созрѣвалъ одинъ изъ са-

мыхъ жестокихъ заговоровъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ Англіи; о глубокихъ пещерахъ, гдѣ скрывались шайки изгнанниковъ, ремесломъ которыхъ былъ разбой. Каждое дерево было свидѣтелемъ сходокъ и совѣтовъ и даже быстрой казни, когда браконьера, пойманнаго съ окровавленными руками, вздергивали на первомъ попавшемся сучкѣ. Несмотря на свою красоту, это нечестивыя старыя деревья. Кора ихъ ободрана и виситъ лохмотьями, нѣкоторыя уже повалились на землю, но не покорились, и, какъ нераскаянные грѣшники, угрюмо лежатъ во прахѣ, сваленные скорѣе зимними бурями, чѣмъ топоромъ дровосѣка.

На одномъ изъ нихъ и сидитъ Джобъ, размышляя о трудностяхъ пути къ Іордану, между двумя райскими дверями, затворенными теперь для него, благодаря его клятвѣ. Онъ повернулся спиною къ деревнѣ, и слѣдовательно, къ Телячьей ножкѣ, но именно по этой причинѣ лицо его обращено къ той точкѣ вселенной, гдѣ глазамъ вѣрующаго открывается «Герцогъ и землекопъ». Куда ни посмотрите, вездѣ подкарауливаетъ врагъ. А теперь еще появляется ближній, въ лицѣ м-ра Гримбера, приближающагося отъ деревушки, при въѣздѣ въ которую стоялъ «Герцогъ и землекопъ».

— Здорово, Джобъ.

— Здравствуйте, м-ръ Гримберъ.

Маленькая разница въ привѣтствіяхъ проистекаетъ изъ почтенія, на которое м-ръ Гримберъ имѣлъ полное право, какъ человѣкъ, обладающій независимыми средствами.

— Все было въ порядкѣ вчера вечеромъ, Джобъ?

— А почему же непорядку быть?

М-ръ Гримберъ, какъ уже замѣчено было, содѣйствовалъ Джобу на его пути къ исправленію. Ему не приходилось искоренять собственныхъ излишествъ, но онъ считалъ, что каждый добрый сосѣдъ обязанъ поддержать своего ближняго въ минуту испытанія.

— А вѣдь пріятно встать утромъ безъ головной боли съ похмелья.

— Ваша правда,—покорно сказалъ Джобъ.

— И денежки въ карманѣ остаются.

— Еще бы!

— Еще недѣлька пройдетъ, и вы такимъ же будете, какъ я.

Это было сказано съ нѣкоторою грустью, потому что, по правдѣ сказать, онъ жалѣлъ своего пріятеля, которому предстояла такая участь. Онъ втайнѣ стремился къ чему-нибудь такому, чтобы встряхнуло его хорошенько. И теперь это стремленіе было еще сильнѣе, потому что ради Джоба онъ лишалъ себя своей скромной порціи пива и дружеской бесѣды въ харчевнѣ. Очень хорошо быть образцовымъ плательщикомъ налоговъ, но и эта нирвана гражданскихъ добродѣтелей имѣетъ свои недостатки и испытанія. Ее можно достигнуть только цѣлымъ рядомъ отреченій, а отреченіе—тяжелое бремя для души че-

ловѣка. Гримберъ самъ не зналъ, что съ нимъ такое, развѣ только, что собственныя совершенства ему опротивѣли. Онъ никогда не поступалъ дурно, постольку, поскольку его ограниченному уму доступны были понятія добра и зла, а между тѣмъ не получалъ награды.

Религія для него была дѣломъ приличія — шелковый цилиндръ и черный сюртукъ по воскресеньямъ и внимательное участіе въ пѣніи гимновъ. Домашней школой его была литографія королевской семьи, которую онъ чтилъ не только устами, но и сердцемъ. Онъ называлъ одного изъ ея членовъ, который былъ олицетвореніемъ благоразумія и осторожности, «нашъ принцъ-мореплаватель» и старался вообразить его себѣ веселымъ малымъ и кутилой. Онъ принадлежалъ къ тому низшему слою средняго сословія, который является оплотомъ Британіи, ея гордостью и ея отчаяніемъ. Его евангеліемъ были приличія, его закономъ—воля тѣхъ, кто стоитъ во главѣ государства и церкви. Его жизнь, жизнь удалившагося отъ дѣлъ торговца свѣчами — была совершенно лишена какихъ-либо событій. Ея потрясенія ограничивались карточными проигрышами; ея геркулесовы труды—уборкой углового шкафа разъ въ недѣлю или полировкой часового футляра разъ въ двѣ недѣли кусочками замши. И все-таки, все-таки... Люди, задолжавшіе за квартиру и не надѣющіеся на снисхожденіе къ неуплаченнымъ налогамъ, все-таки иногда гораздо лучше умѣютъ пользоваться жизнью.

— Куда вы идете?—спросилъ онъ Джоба.

— Съ вами, если хотите.

— Я думаю опять къ дому идти.

Они повернули къ деревушкѣ.

— Я себя иногда довольно курьезно чувствую, — сказала м-ръ Гримберъ.

Трудно было по этимъ словамъ опредѣлить, чего ему недоставало, поэтому Джобъ и не пробовалъ. «Это и со мной иногда бываетъ»,— вотъ все, что онъ сказалъ.

Деревушка теперь была уже на виду; главнымъ украшеніемъ ея служилъ голубой зеркальный шаръ, возвышавшійся въ садикѣ м-ра Гримбера.

— Зайдите, выпьемъ по стаканчику шипучки,—предложилъ м-ръ Гримберъ. — Или нѣтъ, постойте минуточку. Я лучше сюда вынесу. Сегодня у насъ чистка, и, пожалуй, «она» придерется, что у насъ ноги грязныя.

— Если бы здѣсь было другое какое-либо мѣсто, намъ бы можно было не безпокоить ее, правда вѣдь?—сказалъ Джобъ.

Надъ самой ихъ головой раздавался скрипъ: это вывѣска «Герцогъ и землекопъ» тихонько покачивалась отъ вѣтра.

— Пусть это тебѣ будетъ вмѣсто музыки,—обратился Джобъ къ наблюдавшему за ними воробью.

Въ ту же минуту м-ръ Гримберъ тоже посмотрѣлъ кверху, и взоры ихъ встрѣтились.

— Пропустимъ по одному,—сказалъ Джобъ. И черезъ минуту они уже сидѣли въ харчевнѣ.

Что за философія въ этой пагубной привычкѣ? Можетъ быть, это просто ассоціація идей, но достовѣрно то, что изъ самаго несчастнаго въ мірѣ существа Джобъ сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ, какъ только передъ нимъ поставили глиняную кружку, и до обонянія его коснулся запахъ пива. И что любопытно: природа, которая раньше не производила на него никакого впечатлѣнія, теперь нашла въ его душѣ откликъ. Онъ зачирикалъ въ тонъ зяблику, присѣвшему на подоконникъ, сорвалъ въ саду вѣточку и воткнулъ себѣ въ петлицу.

То же самое было и съ Гримберомъ. Оба человѣка—и рабочій, и торговецъ—во мгновеніе ока сдѣлались любезны, предупредительны, ласковы—такова наша человѣческая природа.

— Давненько мы другъ друга знаемъ, м-ръ Гримберъ.

— И уважаемъ другъ друга, не такъ ли, м-ръ Гертъ? Что до меня касается...

— Будьте добры, зовите меня просто Джобомъ. А смѣшно, что я до сихъ поръ не слыхалъ, какъ васъ звать по имени.

— Неудобное у меня имя, Эбенезеръ. Жена меня всегда Гримомъ зоветъ.

— Ты, Гримъ, просто козырь!

— Да ужъ какой есть.

— Не привыкъ я къ этому мѣсту; вотъ «Телячья ножка» мнѣ родная.

— И мнѣ тоже. Здѣсь ужъ очень отъ дому близко.

— Да, кромѣ того, и компанія здѣсь не та. Правда вѣдь, Гримъ?

— Слыхалъ когда-нибудь исторію здѣшней вывѣски?

— Слыхалъ, да еще съ удовольствіемъ послушаю.

— Ну, вотъ какъ было дѣло. Давно, давно, былъ въ Аллонби герцогъ, и охотился онъ въ этомъ лѣсу. Въ тѣ времена здѣсь еще стоило охотиться. У него стремянные все дворянчики были, и жилъ онъ, что твой король. Ну, такъ вотъ погнался онъ разъ за козой и потерялъ всѣхъ своихъ, одинъ-одинешенекъ остался. А недалеко отъ дороги землекопъ работалъ, и герцогъ подскакалъ къ нему, дорогу спросить. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ ротъ разинуть, землекопъ ему и говоритъ: «Молодой человѣкъ, люди сказываютъ, тутъ въ лѣсу герцогъ охотится; я тебѣ кружку пива поднесу, если ты мнѣ его покажешь. Тридцать лѣтъ ужъ я его крѣпостнымъ, и хочется мнѣ на него поглядѣть, прежде чѣмъ я умру». — «Темнаго пива?» спрашиваетъ герцогъ. «Темнаго и свѣженькаго», отвѣчаетъ землекопъ. «Идемъ со мною», говоритъ герцогъ. «А почемъ я узнаю, что это герцогъ?» спрашиваетъ землекопъ. Онъ не дуракъ былъ. «Онъ одинъ

въ шляпѣ будетъ, — говоритъ герцогъ,— а всѣ кругомъ безъ шляпъ стоять будутъ».

Пошли они вмѣстѣ и дошли до поляны, гдѣ всѣ дворяне и охотники стояли и безпокоились, что герцога нѣтъ. Какъ увидѣли его — такъ всѣ на колѣни и шапки долой, и въ рога отъ радости затрубили. «А гдѣ же герцогъ?» спрашиваетъ землекопъ. «Только мы съ тобой въ шапкахъ, — говоритъ тотъ, — значитъ герцогъ либо я, либо ты». Повалился землекопъ герцогу въ ноги и руки поднялъ: «Пощади жизнь бѣдняку, господинъ», говоритъ.

— «А гдѣ кружка пива?» спрашиваетъ со смѣхомъ герцогъ. Вотъ они и поѣхали къ этому дому, и всѣ за ними потянулись. Когда они по одной кружкѣ выпили, герцогъ велѣлъ по второй налить и говоритъ: «Будь ты у меня главнымъ лѣсничимъ». Такъ прямо и сказалъ. Вотъ какія тогда времена были.

— Были, да прошли, — замѣтилъ Джобъ.

— Пора намъ идти, голубчикъ, — сказалъ Гримберъ, снова впадая въ меланхолію. — Хорошенькаго понемножку.

— Проводите-ка меня до дому. Я у самой «Телячьей ножки» живу.

— Знаю, паренекъ, слишкомъ близко. Въ этомъ твое горе, Джобъ.

— Очень вы мнѣ по душѣ. Не зналъ я до сегодняшняго дня, что вы такой хорошій человѣкъ.

Они вмѣстѣ отправились изъ лѣсу, разсуждая о хорошихъ людяхъ, которые старятся, и о тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ, освѣщая жизнь поэзіей, безъ которой она является мертвой даже для самыхъ глупыхъ умовъ. Даже самый низменный негодяй живетъ надеждой на такія минуты. Мы должны идеализировать человѣческія отношенія, иначе и жить не стоитъ. Каждый человѣкъ поэтъ въ душѣ, даже если онъ и не слагаетъ стиховъ. Грубые мужики Теньера, и они видятъ небо сквозь дно своихъ опрокинутыхъ кружекъ. Вся задача святого, мудреца и соціальнаго реформатора и состоитъ въ томъ, чтобы помочь намъ видѣть его, не рискуя проснуться на другое утро съ головной болью. Музыка—это тотъ же алкоголь, очищенный только отъ грубости. Разговоръ нашихъ пріятелей былъ достоинъ лѣса, солнечнаго свѣта, прозрачныхъ тѣней, вообще всего прекраснаго міра.

Такъ они дошли до «Телячьей ножки».

«Телячья ножка» поняла все съ одного взгляда и привѣтствовала ихъ, но не сдѣлала никакого замѣчанія, когда они усѣлись на свои обычныя мѣста.

«Телячья ножка» была такъ же стара, какъ и «Герцогъ и землекопъ», и совершенно такой же постройки: верхній ея этажъ былъ изъ грубыхъ досокъ, доисторическаго характера, нижній изъ кирпичей въ стилѣ временъ Елизаветы, покрыта она была частью черепицей, частью соломой. Кругомъ возвышались старые, потемнѣвшіе навѣсы, гдѣ въ

базарные дни толпились повозки окрестныхъ фермеровъ, всѣ съ желтыми колесами. Въ шинкѣ былъ громадный каминъ съ рѣшеткой изъ кованнаго желѣза, къ которому цѣлыя поколѣнія пастуховъ, по ночамъ стерегущія стада, пробирались украдкой, чтобы погрѣться и поговорить о великой Армадѣ и о высадкѣ голландскаго короля; деревянная обшивка стѣнъ была вся изрѣзана вензелями безчисленныхъ покойниковъ, которые завсегдатаи иногда пытались прочитать. Благоразумнѣе было держаться подальше отъ подобныхъ мыслей, а между тѣмъ наши пріятели поддались искушенію.

— Только по одному глоточку на этотъ разъ,—сказалъ Гримберъ.—Я уже выпилъ свою порцію.

— Тра-ла-ла, тра-ла-ла! — запѣлъ Джобъ. — Чокнемся, старый могильщикъ!

Это была случайность, но случайность несчастная. Отецъ Гримбера былъ, дѣйствительно, могильщикомъ.

-- На что вы намекаете?—спросилъ онъ, ставя стаканъ на столъ.

— Пошутилъ просто,—объяснилъ Джобъ.--Не пѣтушись, старина!

— Я не люблю такихъ шутокъ,—сказалъ Гримберъ. — Я ужъ сорокъ лѣтъ плачу налоги.

— Ишь ты, плательщикъ, — заплетающимся языкомъ проворчалъ Джобъ.

— А вотъ про тебя этого нельзя сказать.

— Это намекъ, что ли?

— Понимай, какъ знаешь.

На минуту воцарилось угрюмое молчаніе.

Джобъ разсуждалъ:—Жаль хорошую бесѣду портить. Хочешь мое мнѣніе знать?

— Выкладывай!

— Душа въ душу и рука съ рукой.

— Вотъ такъ-то лучше, — отвѣчалъ Гримберъ, пожимая протянутую руку.

— Тра-ла-ла, тра-тра-ла!—запѣлъ Джобъ.

— Пора мнѣ идти,—сказалъ Гримберъ.

— Я тебя провожу.

— Ты думаешь, что я сынъ...

— Душа въ душу и рука съ рукой—одно слово!—сказалъ Джобъ.

И они отправились вмѣстѣ, взявшись подъ руку. Они оба чувствовали себя на седьмомъ небѣ, осторожно обходили стороной, чтобы не наступить на зимній цвѣточекъ, радовались, глядя на отраженіе бѣгущихъ облаковъ въ лужахъ, вообще вели себя, какъ «дѣти въ лѣсу».

— Великъ Божій міръ,—сказалъ Джобъ.—Честное, слово, такъ.

— Никогда я не думалъ, что на свѣтѣ такъ много хорошихъ людей.

— Хорошо жить на свѣтѣ, Гримъ, съ хорошими людьми! И ты хорошій человѣкъ.

— О, что до этого...

— Никогда я этого раньше не думалъ, а сколько лѣтъ тебя знаю. Думалъ, что ты мокрая курица.

— Сдѣлай одолженіе, я и самъ это сколько разъ думалъ.

— Они тутъ все о божественномъ толкуютъ. А что это за штука такая? Похоже на то, что мы теперь чувствуемъ, а, Гримъ?

— На свѣтѣ не одни только проповѣди да насморки, дружокъ.

— Еще рюмочку въ «Землекопѣ», а, Гримъ»? А потомъ ты меня проводишь.

Не успѣлъ еще Джобъ вымолвить эти слова, какъ показалась женская фигура въ большомъ платкѣ, и его другъ моментально исчезъ, точно былъ унесенъ въ иныя сферы. При этомъ не было сдѣлано ни одного жеста, не было сказано ни одного слова — достаточно было взгляда, но взглядъ этотъ былъ настоящій. Джобъ остался одинъ! Это было весьма печально, но даже самъ св. Францискъ едва ли съумѣлъ скорѣе отыскать себѣ компанію. Природа, которую Джобъ впродолженіи пятидесяти лѣтъ совершенно игнорировалъ, теперь давала о себѣ знать.

— Цыпъ, цыпъ, пичужка!—закричалъ онъ воробью, скакавшему по дорожкѣ.

Холодная принужденность совершенно покинула его душу и тѣло. Не было больше на свѣтѣ усилій. Онъ, казалось, шелъ по воздуху, съ такою же легкостью, какъ нимфа въ «Зарѣ» Гвидо. Земля была большой пневматической подушкой.

— Чортъ меня возьми, если я не съумѣю докончить одинъ!—бормоталъ онъ, снова приближаясь къ Телячьей ножкѣ. Онъ усѣлся на стволъ упавшаго дерева, блестящій, какъ серебро, отъ инея, и затянулъ запавшую ему въ голову со вчерашняго дня пѣсню:

„Въ улыбкѣ женщины есть прелесть;
Но онѣ обучены искусно притворяться,
И, можетъ быть, она больше всего надуваетъ меня,
Когда я ей больше всего вѣрю.
Здѣсь у меня есть лучшій другъ,
Когда я подношу стаканъ ко рту,
И круглый годъ я утѣшаюсь...“

Онъ собирался съ духомъ для послѣдней басовой ноты, когда на поворотѣ просѣки показалось самое неожиданное видѣніе. Это было все королевское общество изъ замка, подъ предводительствомъ м-ра Рэйфа. Впереди шли принцесса съ герцогиней, а капелланъ указывалъ имъ дорогу. За ними въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовала свита и м-ръ Гудингъ. Кучка крестьянъ, робко пробиравшихся за господами, замыкала шествіе. Въ числѣ ихъ была м-ссъ Гертъ, а констэбль Пискодъ, казалось, оберегалъ ихъ всѣхъ отъ предполагаемыхъ оскорбле-

ній. Артуръ воспользовался тѣмъ, что находится внѣ поля зрѣнія своей сестры, чтобы показывать, что онъ еще не совсѣмъ разучился улыбаться. Лица всѣхъ прочихъ выражали полнѣйшее недоумѣніе, хотя внимательный наблюдатель могъ замѣтить, что принцесса готова расхохотаться. Но поведеніе Августы наполнило ужасомъ всѣхъ окружающихъ. Она была олицетвореніемъ гнѣва, съ закинутой назадъ головой, съ вспыхнувшей на щекахъ краской, съ крѣпко сжатыми губами. Она бросила взглядъ на брата, и м-ръ Гудингъ моментально сосредоточился и, подобно всѣмъ прочимъ, скромно опустилъ глаза въ землю.

Что касается до м-ра Рэйфа, то его смущеніе было безгранично. Стремленія всей его жизни потерпѣли крушеніе, а надежда на епископскій тронъ разлетѣлась, какъ дымъ, и отошла въ область прекрасныхъ вещей, которыя могли бы быть. Онъ только что показывалъ обществу весь циклъ своихъ добрыхъ дѣлъ — образцовую деревню съ ея культурой автоматической добродѣтели и просто деревню съ избранными бѣдными на виду, а всѣми прочими за глазами. Онъ такъ выработалъ свой планъ, чтобы закончить прогулку отдаленнымъ видомъ на «Телячью ножку», это филіальное отдѣленіе преисподней, изъ котораго ему удалось вырвать осужденную душу, а тутъ подвернулась эта проклятая неудача.

Единственное лицо, чувствовавшее себя превосходно, былъ самъ обидчикъ.

Онъ кротко сіялъ и смотрѣлъ на принцессу съ улыбкой, показывающей неизмѣримую глубину его тупости.

— Гертъ, что это значитъ?—началъ м-ръ Рэйфъ, но не могъ продолжать.

„Когда я пью, я пью, я пью“,

пропѣлъ несчастный, доканчивая строфу пѣсни.

— Гертъ, вы пьяны...

— Джонъ—ячменное зерно свалилъ меня съ ногъ, господа. Но я счастливъ, когда меня бьютъ. Желаю вамъ всего хорошаго.

Это становилось невыносимо. Общество направилось къ замку, точно ихъ призывало туда неотложное дѣло, а констэбль Пискодъ положилъ свою руку на Герта.

— Знаете пословицу, сэръ?—крикнулъ преступникъ м-ру Рейфу на прощаніе:—«когда мы умираемъ, такъ это надолго».

Крестьяне готовы были легкимъ фырканьемъ облегчить свои долго сдерживаемыя чувства, но смѣхъ замеръ при взглядѣ на м-съ Гертъ.

Она послѣдовала за своимъ супругомъ, котораго вели въ кутузку, точно провожала его въ могилу; на лицѣ ея было написано глубокое отчаяніе, а онъ не переставалъ безсмысленно улыбаться, въ то время какъ его тащили. Какъ много женщинъ до нея, она задавала себѣ

горькій вопросъ: что пьянство въ человѣкѣ, пожалуй, еще хуже, чѣмъ невѣрность. Да вѣдь это и есть измѣна, и самая грубая. Чѣмъ отвратительнѣе ея торжествующая соперница, тѣмъ больнѣе сознаніе собственнаго ничтожества и непривлекательности. А живая женщина все-таки болѣе достойная побѣдительница. Въ этомъ случаѣ борьба равнымъ оружіемъ, а пораженіе не позорнѣе побѣды въ единоборствѣ. Но быть побитой скотской жадностью къ водкѣ!

— Скажите ему, что онъ скотина, м-ссъ Джуксъ,—просила она жену смотрителя.—И, пожалуйста, если вамъ не трудно, развяжите ему галстухъ.

Джобъ все еще находился въ легкомысленномъ настроеніи и настаивалъ, что его зовутъ Тобитъ, когда его записывали въ штрафную книгу. Для него было одно оправданіе: деревенскій полицейскій постъ едва ли могъ привести человѣка сразу къ покаянію; конечно, это была тюрьма, но тюрьма въ Аркадіи, такъ сказать. Это была старая хижина, приспособляемая для ея теперешняго употребленія, но она больше служила для помѣщенія двухъ констэблей, чѣмъ мѣстомъ заключенія. Ея потемнѣвшія отъ времени кирпичныя стѣны, ея рѣшетчатыя окна, выходившія на кладбище, казавшееся лишь мѣстомъ отдохновенія на пути къ небу, ея нависшая темно-коричневая крыша— все было прекрасно. Живописно было и низенькое крылечко, на ступенькахъ котораго чисто одѣтыя дѣтки играли подъ заботливымъ присмотромъ отца, въ то время какъ мать суетилась между кухней и чистой комнатой, приготовляя чай. Настоящая Аркадія, несмотря на висящіе за дверью ручные кандалы—слабая, но неудачная попытка закона выглядѣть пугаломъ, опровергаемая всею окружающею обстановкой. Что же касается до двухъ камеръ,—то онѣ являлись просто насмѣшкой и помѣщались въ сарайчикѣ во дворѣ. Джобъ былъ водворенъ въ одной изъ нихъ, которая, по счастливой случайности, была пуста, въ другой были сложены дрова на зиму. Передъ тѣмъ, какъ Джоба заперли, жена смотрителя принесла ему чашку чаю. Затѣмъ она вторично, уже неоффиціально, посѣтила его темницу, спросивъ его въ замочную скважину, не дать ли ему еще кусокъ сахару. Но теперь съ нимъ произошла перемѣна. Онъ начиналъ превращаться въ то самое презрѣнное въ мірѣ существо, какимъ является пьяница, когда задоръ, чувство дружбы, вѣры, надежды и любви покидаютъ его. Пѣніе замолкло, голосъ за дверью звучалъ жалобно и слезно. Теперь онъ чувствовалъ себя жертвой. Онъ сокрушался о своихъ несчастьяхъ, жаловался на несправедливость людскую къ маленькимъ людямъ, на измѣну покинувшихъ его друзей. Онъ былъ самъ себѣ врагомъ, потому что былъ слишкомъ добръ, слишкомъ снисходителенъ и милосердъ къ своимъ ближнимъ.

Женщина, которой всѣ эти симптомы были хорошо знакомы, молча удалилась, и Джобъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ мыслямъ.

Глава 34.

На слѣдующій день оканчивался визитъ королевской четы. Они уѣхали въ понедѣльникъ съ такимъ же церемоніаломъ, какъ пріѣхали, и съ утомленно-благосклоннымъ видомъ. «Остроносые» вздохнули свободно, и ряды ихъ пополнились вновь прибывшими единомышленниками. Красные дни «тупоносыхъ» не могли же продолжаться вѣчно, даже самыя выдающіяся личности начинали зѣвать. Въ замкѣ царствовало наилучшее настроеніе. Радость жизни взяла верхъ надъ другимъ, болѣе благочестивымъ чувствомъ—неизбѣжности смерти.

Однако, въ общемъ радостномъ настроеніи чувствовалось что-то неладное, точно холодная струйка. Общественное настроеніе было не совсѣмъ такимъ, какимъ ему быть полагалось. Война затягивалась, правительство требовало людей, а неизбѣжность обязательнаго траура подчиняла всѣ предполагавшіяся увеселенія случайностямъ партизанской войны.

Кромѣ того, явилась и другая, гораздо болѣе серьезная причина—болѣзнь королевы. Это было пустяшное нездоровье, но въ ея возрастѣ даже пустяки могутъ возбуждать опасеніе. Однако все это походило лишь на стаканъ воды, вылитый на костеръ веселья, не больше. Дружеская компанія, собравшаяся въ замкѣ, не позволяла такъ легко лишать себя своихъ правъ.

— Угадайте, что мы сегодня днемъ дѣлали,—говорила Мери Лиддикотъ Артуру Гудингу, который велъ ее къ обѣду.

— Вязали рукавицы для солдатъ.

— Какая нелѣпость! Мы играли въ бриджъ.

— Не пользуйтесь своимъ преимуществомъ; я не могу повторить вашего замѣчанія.

— Въ чемъ же тутъ нелѣпость? Всѣ такъ дѣлаютъ. Леди Фелисія Раутонъ просто съ ума сходитъ.

— Почтенная двадцатичетырехлѣтняя матрона, фи!

— Она, и Ди, и Туигги Пенстолъ въ поѣздѣ заняли отдѣльное купэ и все время играли.

— Ди требуетъ объясненія,—сказалъ юноша.

— О, Ди—это кличка Мюріель Парингтонъ. Развѣ у васъ, мужчинъ, нѣтъ кличекъ? Тома звали...

— Осмѣлюсь попросить объясненія насчетъ Туигги?

— Не все ли вамъ равно? Это ужасно увлекательная игра.

— Смотрите, не выиграйте всѣ ихъ деньги. Но я думаю, вы играете просто на булавки?

— Вы насъ, кажется, считаете за младенцевъ?

— Не всѣхъ, честное слово.

— Денежки на столъ, пожалуйста. По шести пенсовъ очко иногда.

— Мнѣ очень жаль кое-кого, самъ не знаю кого; нѣкоторыя изъ васъ слишкомъ умно выглядятъ за игрою.

— Пустяки! Вѣдь все дѣло въ счастьѣ, въ рискѣ, какъ вы, американцы, говорите; надо быть храбрѣе, ничего не бояться. Ну, а волненіе—да попробуйте быть хладнокровнымъ, когда вашъ ходъ!

— Не мудрено, что я не могъ разыскать васъ послѣ завтрака.

— Вы можете сохранить тайну?

— Какъ могила!

— Въ комнатѣ леди Фелисіи была дѣвичья партія. Она шаперонируетъ Ди и Туигги. Меня она не шаперонируетъ, вы знаете, я подъ покровительствомъ Августы. Только не смѣйте ей говорить ни словечка!

— И онѣ предложили принять васъ въ компанію. Понимаю!

— Что же вы видите въ этомъ дурного? Однако, лучше перемѣнить разговоръ. Какой сегодня чудный день!

Онъ добродушно принялъ ея выговоръ и, вернувшись въ гостиную, скромно избѣгалъ не только этотъ предметъ, но и самое Мери. Онъ забрался въ укромный уголокъ подъ пальмой и сидѣлъ, лѣниво перелистывая какой-то альбомъ съ видами и украдкой наблюдая изъ своего уголка за обществомъ.

Однако леди Фелисія его разыскала. Это была красивая молодая женщина, существо изъ полированной стали и физически, и умственно, большая любительница охоты, но объ ея злоупотребленіи сильными физическими упражненіями говорилъ только неестественно-густой румянецъ щекъ и блескъ глазъ; во всемъ остальномъ она была такъ же холодна и такъ же крѣпка, какъ полоса бесемеровской стали.

— Оракулъ въ пещерѣ,—сказала она съ улыбкой.

— Нѣтъ, въ худшемъ случаѣ—отшельникъ.

— Что случилось съ Шоровскими акціями?—рѣзко спросила она.— Кажется, онѣ собираются подняться?

Артуру было очень трудно избѣгать подобныхъ допросовъ, съ тѣхъ поръ, какъ за нимъ установилась репутація винта новаго треста. Всѣ считали, что онъ всевѣдущъ въ способахъ разбогатѣть.

— Боюсь, что я въ этомъ ничего не понимаю,—сказалъ онъ.

— То-есть, другими словами: не приставайте ко мнѣ сегодня. Ничего, можетъ быть, завтра вы будете любезнѣе.

Она вернулась къ кушеткѣ, на которой оставила обѣихъ порученныхъ ей дѣвицъ. Одна изъ нихъ, Мюріель Парингтонъ, дочь лорда Парингтонъ, была высокая, хорошо сложенная дѣвушка, съ необыкновенно спокойными манерами—не отъ природы, а выработанными искусствомъ. Другая, Этель Пенстонъ, маленькое созданьице съ темными глазами и томною живостью движеній, придававшихъ ей какую-то экзотическую прелесть.

Къ нимъ скоро присоединилась и Мери, и, поболтавъ немножко, онѣ всѣ удалились, одна за другой, какъ будто въ свои комнаты.

— Онѣ будутъ играть въ бриджъ съ этимъ цыпленкомъ,—сказалъ себѣ Артуръ.—Я думаю, я просижу здѣсь, пока онѣ не кончатъ.

Всѣ четверо собрались въ комнатѣ леди Фелисіи. Горничныя были отпущены на ночь, кромѣ горничной леди Фелисіи, невозмутимой, пожилой дѣвушки, которую ничѣмъ нельзя было удивить. Не теряя лишнихъ словъ на разговоры, сейчасъ же начали играть. Судьба соединила Мери съ хозяйкой, а Туигги съ Мюріель для первой партіи.

— Пенни очко?—спросила леди Фелисія свою партнершу съ холодной улыбкой.

— Вѣдь вы уже не новичокъ въ игрѣ.

Черезъ полчаса Мери была въ выигрышѣ нѣсколькихъ фунтовъ. Для нея это было совершенно новое ощущеніе—выигрывать такія большія деньги, и это ощущеніе имѣло свою прелесть. До сихъ поръ ея единственнымъ партнеромъ въ картахъ былъ ея отецъ, и ея выигрышъ или проигрышъ рѣдко достигалъ флорина. А теперь цѣлыхъ сорокъ шиллинговъ! Это походило на начало доходовъ. Первыя полученныя деньги всегда составляютъ эпоху въ жизни.

— Посмотрите-ка!—смѣялась она.

— Скоро милліонершей будете,—сказала Мюріель.

Потомъ счастье поколебалось, Мери сдѣлала ошибку, Ди прикусила губу, а Флиссъ—у нихъ у всѣхъ были клички—со смѣхомъ сказала:

— Въ другой разъ будете счастливѣе.

Одна только Туигги, у матери которой были рудники въ Пильбао, оставалась равнодушной, точно ничего не происходило.

Наконецъ, счастье совсѣмъ измѣнило бѣдной Мери, и она сразу проиграла не только весь свой выигрышъ, но кое-что и сверхъ него.

— Я думаю, я теперь пойду спать,—сказала она.

— Попробуйте перемѣнить партнера и назначить по шести пенсовъ очко,—сухо сказала леди Фелисія.—Счастье можетъ измѣниться. Мы можемъ записывать за вами, Полли. Ди—нашъ кассиръ, и мы сосчитаемся въ концѣ.

— Перемѣните колоду тоже,—сказала Мюріель.

Она бросила тѣ двѣ колоды, которыми онѣ играли, на полъ, гдѣ онѣ лежали, какъ сухія листья въ лѣсу, и вынула новыя изъ изящнаго сафьяннаго футляра съ ея вензелемъ. Этотъ футляръ всегда и вездѣ ѣздилъ съ нею, и ея горничная еще больше оберегала его, чѣмъ ея шкатулку съ драгоцѣнностями. Мери теперь оказалась противъ Этель Пенстонъ, а Мюріель стала метать, по шести пенсовъ очко.

Этель сдавала карты. Это было очень пріятное зрѣлище. Ея пальцы безъ всякаго усилія перебирали карты, и, право, нельзя было смотрѣть на нихъ, какъ на орудіе сатаны, когда онѣ такъ легко и граціозно

падали на столъ. Ихъ ритмическое шуршаніе по полированной поверхности стола казалось своего рода музыкой. Обнаженная бѣлая рука была почти неподвижна, только кисть ея едва замѣтно двигалась, что можно было видѣть по вспыхивающимъ въ брилліантовомъ браслетѣ искоркамъ.

Онѣ разсматривали свои карты, и о случайностяхъ игры можно было судить по набѣгавшимъ на лобъ морщинкамъ. Мери хмурилась. Мюріель, метавшая банкъ, имѣла право назначать козырную масть, но она передала его леди Фелисіи.

Леди Фелисія сдѣлала свой выборъ, а такъ какъ первый ходъ принадлежалъ Этель, то она рѣшила удвоить ставку, которая теперь стала по шиллингу за очко. У Мери перехватило дыханіе, и она сдѣлала безплодную попытку удержаться. Но черезъ минуту она горѣла вѣчной надеждой игрока, что совершится чудо.

Этель ходила съ очаровательнымъ равнодушіемъ къ результатамъ игры. Фелисія, роль которой, какъ партнерши, сдававшей игру, была сведена къ нулю, разложила передъ собою карты на столѣ и ограничилась наблюденіемъ. Если бы Мери была способна поднять голову, она бы увидала въ стальныхъ глазахъ выраженіе какого-то смутнаго ужаса. Это было странное зрѣлище, полное контрастовъ. Играющія, блещущія молодостью, красотою и вечерними туалетами, сидѣли въ большой комнатѣ со стѣнами саженной толщины, залитой электрическими огнями. Средніе вѣка щурились и вздрагивали здѣсь при свѣтѣ сосновыхъ факеловъ, воткнутыхъ въ стѣны, у открытыхъ каминовъ, гдѣ горѣли цѣлыя деревья, въ то время какъ попадавшій въ трубу вѣтеръ раздувалъ повѣшенные по стѣнамъ ковры. И теперь стѣны были увѣшаны коврами, но онѣ составляли только часть украшенія комнаты; безчисленныя бездѣлушки изъ драгоцѣнныхъ металловъ, бронза, акварели, диванчики, мѣха—трофеи охоты и мягкіе персидскіе ковры дополняли ея убранство.

Но еще большій контрастъ составляли сами молодыя женщины. А карточная игра лишила ихъ женственности, и онѣ стали такъ же грубы, какъ мужчины при тѣхъ же условіяхъ. Онѣ играли изъ-за денегъ, для Мюріель игра была доходной статьей, и поэтому онѣ были жестоки и безжалостны, какъ люди въ борьбѣ за существованіе. Обстановка—это все. Поставьте мильтоновскую Еву на краю той пропасти, которая поглотила столькихъ ея дочерей, и нѣжность и кроткая грація не будутъ уже составлять ея отличительной прелести. Заставьте Доротею Сервантеса играть, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба или, по крайней мѣрѣ, денегъ на карманные расходы, и она сейчасъ пріобрѣтетъ всѣ повадки присяжныхъ игроковъ. Онѣ были рѣзки и кратки въ своихъ вопросахъ и отвѣтахъ, безъ всякой снисходительности къ маленькимъ слабостямъ другъ друга. Идеалистъ былъ бы

очень смущенъ, увидавъ и послушавъ ихъ. Артуръ наблюдалъ за ихъ компаніей изъ своего окна въ противоположномъ крылѣ замка. Счастье, что ничто не доходило до него, кромѣ полоски свѣта, пробившейся сквозь неплотно задвинутыя занавѣски.

Глава 35.

Часъ ночи давно уже пробилъ, наступилъ туманный разсвѣтъ, когда онѣ сдѣлали перерывъ для отдыха. Онѣ встали, потягиваясь. Фелисія послала за своимъ капотомъ, и ея горничная, принеся его, безшумно поправила огонь въ каминѣ, чтобы не разбудить глубоко спавшій замокъ. Она поставила на столъ папиросы, чай и коньякъ, вынутый изъ дорожнаго несессера своей госпожи. Онѣ немножко поболтали на своемъ особомъ жаргонѣ, всѣ, кромѣ Мери, которая проиграла сорокъ фунтовъ. Она готова была въ ужасѣ бѣжать за ними, но ее удержали два соображенія—страхъ насмѣшки и тайная надежда вернуть свой проигрышъ.

Игра продолжалась, но безъ перемѣны партнеровъ, такъ какъ побѣдители великодушно предложили побѣжденнымъ отыграться. Весь домъ погруженъ въ крѣпкій сонъ, кромѣ отдаленной курительной комнаты, гдѣ Томъ Пенникуикъ и его пріятели продолжаютъ свой разговоръ объ оскудѣніи ихъ сословія. Темой его разсужденій сегодня служитъ скандальная карточная игра въ большихъ домахъ. Это злокачественная болѣзнь цѣлой части общества: благородныя матроны готовы платить натурой карточные долги, которые онѣ не въ состояніи уплатить деньгами; молодыя дѣвушки попадаютъ въ лапы развратниковъ изъ боязни огласки.

М-ръ Гудингъ, котораго больше не подбадриваетъ или, вѣрнѣе, не мучитъ пробивающаяся полоска свѣта, ложится въ постель, увѣренный что игра кончилась. Но онъ въ большомъ заблужденіи. Игра продолжается, и ставки дошли уже до двухъ шиллинговъ. Мери проиграла шестьдесятъ фунтовъ и съ отчаянія готова на все, лишь бы отыграться.

Кажется, счастье вернулось къ ней. Мюріель сдала ей чудную масть въ червяхъ: короля, валета, девятку и нѣсколько маленькихъ картъ, на другихъ мастяхъ тоже хорошія карты, и въ то же время козырями объявлены черви.

Этель отказалась удваивать и передала своему партнеру. Теперь настало время для того маневра, который нанесъ самой Мери такой чувствительный ударъ.

Она удваиваетъ ставку.

Мюріель удваиваетъ еще разъ такъ же хладнокровно, какъ если бы она играла въ крокетъ.

Мери надѣялась, что никто не слыхалъ, какъ громко забилось ея

сердце отъ такого неожиданнаго удара; но теперь — или панъ, или пропалъ. Она снова удвоила ставку.

Готовилось рѣшительное сраженіе.

Этель, отвѣчая на показываемые ея партнершей козыри, пошла своей единственной червонкой.

Увы! по счастливому капризу судьбы у Мюріель были еще лучшія карты, чѣмъ у Мери: тузъ, дама, десятка, и при помощи этихъ козырей она можетъ быстро передать ходъ болвану.

Это—Седанъ для всего плана кампаніи Мери, который,однако, былъ недурно обдуманъ, но надо считаться со смѣлымъ случаемъ.

Болванъ сталъ ходить съ червей, и Мюріель каждый разъ перебивала взятку у Мери.

Когда конфликтъ доходитъ до этой точки, каждый зритель, обладающій человѣческими чувствами, удаляется. Никому не можетъ, быть пріятнымъ присутствовать при настоящей бойнѣ.

Мери просчитала козырей и теряетъ сразу четыре взятки по шестьдесятъ четыре каждую, а всего почти тысячу очковъ.

Общій проигрышъ ея достигъ уже ста пятидесяти фунтовъ.

Игра кончена; сейчасъ разсвѣтетъ. Онѣ встаютъ и прощаются, но не спѣшатъ, и всѣ цѣлуются.

Игроки, просидѣвшіе за картами всю ночь напролетъ, рѣдко представляютъ пріятное зрѣлище, и наши молодыя особы не представляютъ исключенія изъ общаго правила. Волосы ихъ спутаны, глаза потеряли блескъ и окружены желтыми кругами; губы пересохли. Ихъ старательно обдуманные туалеты измяты; немытыя руки, которыми онѣ въ волненіи хватались за лобъ и за щеки, оставили на нихъ свои слѣды. Комната пожалуй въ еще худшемъ видѣ, чѣмъ ея обитатели: ковры, скатерти сдвинуты съ мѣста, на полу валяются бутылки изъ подъ содовой воды и даже два-три стакана съ остатками питья, окурки папиросъ, измятыя подъ ногами карты—отвратительное зрѣлище, особенно когда подумаешь, что это комната молодой женщины, главная прелесть которой всегда заключается въ утонченности ея привычекъ.

Но главный ужасъ всего не въ этомъ безпорядкѣ, но въ томъ, что впервые въ исторіи общественной жизни дѣвическая чистота запачкана соприкосновеніемъ съ этими отталкивающими вещами. Сѣверныя старыя женщины во всѣ времена играли на деньги. На долю нашего времени досталось посвятить молодыхъ, которыя должны были бы сохранить свою невинность, въ тайны этого нечистаго культа.

— Сосчитаемся завтра, душечка, если вы ничего противъ этого не имѣете,—шепнула леди Фелисія на ухо Мери.—Мы уѣзжаемъ послѣ ленча.

Къ чести Мери можно сказать, что даже въ этой крайности она не подумала о своихъ драгоцѣнностяхъ, и ей и въ мысли не пришло, что кромѣ разсерженнаго отца, въ случаѣ нужды, можно найти снисходи-

тельнаго «дядюшку». Это, безъ сомнѣнія, только переходное состояніе въ жизни современной дѣвушки, но пріятно думать, что оно можетъ и продолжиться. Поэтому она только слабо улыбнулась въ отвѣтъ, бѣгомъ прибѣжала въ свою комнату и въ порывѣ отчаянія и раскаянія бросилась на постель, а въ ушахъ ея звучало безпрерывно: «игрокъ, игрокъ, игрокъ!»

Не смотря на удобную постель, Артуръ провелъ почти безсонную ночь. Нѣсколько разъ онъ забывался и снова внезапно просыпался наконецъ, всталъ и отдернулъ занавѣски. Было уже почти совсѣмъ свѣтло.

Закутанная женская фигура ходила по нижней террасѣ быстрыми шагами, заставлявшими предполагать холодное утро или заботы. Одного взгляда на эту фигуру было для него достаточно, чтобы узнать Мери, поэтому онъ рѣшилъ, что у нея вѣрно огорченіе. Онъ быстро одѣлся и пошелъ къ ней.

Бѣдная дѣвочка страшно мучилась. Она проиграла столько, сколько, при ея средствахъ, она не въ состояніи была уплатить. Этотъ долгъ чести былъ обязательнѣе, чѣмъ всякій другой, но какъ уплатить его въ такой короткій срокъ? Ея карманныхъ денегъ, добровольно уменьшенныхъ ею съ тѣхъ поръ, какъ начались денежныя затрудненія ея отца, никогда не хватитъ. Мысль о бѣдномъ старикѣ сведетъ ее съ ума. Неужели она, его опора во всѣхъ огорченіяхъ,—второй экземпляръ Тома? Но она все-таки была мужественна и спокойно отвѣчала на привѣтствіе молодого человѣка.

— Вы рано встали,—сказала она. Рѣзкій, сухой звукъ ея голоса, изъ котораго исчезли всѣ молодыя ноты, выдавалъ ея грустную повѣсть.

— Хочу нагулять аппетитъ къ завтраку. Вы его не встрѣчали?

— Если бы встрѣтила,—тѣмъ же безнадежнымъ тономъ отвѣчала она,—я бы, конечно, сама завладѣла имъ, потому что я первая пришла.

— Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ своего требованія.

— О, я вовсе объ этомъ не думала,—нетерпѣливо сказала она, ея самообладаніе, противъ ея воли, начало измѣнять ей подъ вліяніемъ слишкомъ натянутыхъ нервовъ.

— Я не смѣю разспрашивать васъ.

Она чувствовала, что сама себя выдаетъ и попробовала перемѣнить тонъ.

— Если хотите знать, я думала о самой странной вещи на свѣтѣ.

— О, пожалуйста, подѣлитесь этой забавной штукой съ вашимъ другомъ.

— Это вовсе не забавно,—отвѣтила она съ живостью, которая возбудила въ немъ еще большую жалость.—Я размышляла о томъ, какъ могутъ женщины зарабатывать деньги, когда онѣ имъ очень нужны.

— Августа могла бы сказать вамъ.

— О, я хотѣла сказать: быстро, быстро...

— Онѣ не играютъ въ бриджъ съ опытными игроками,—сказалъ юноша, который видѣлъ, что его время настало.—Во всякомъ случаѣ это отрицательный способъ.

— Кто вамъ сказалъ?—спросила она почти враждебно.

— Вы сами.

— И вы противъ меня!—воскликнула она дрожащимъ голосомъ, и слезы полились изъ ея глазъ.

Это было неблагоразумно, но для него крайне лестно. Онъ подумалъ о банковыхъ билетахъ, которые лежали въ его бумажникѣ, и о томъ, какъ быстро уладило бы все дѣло предложеніе дать взаймы, при другихъ обстоятельствахъ.

— Какъ бы я желалъ, чтобы вы были мужчиной!—сказалъ онъ.

— О, вы можете говорить, что вамъ угодно,—отвѣтила Мери.— Вѣроятно, я этого заслуживаю. Говорите мнѣ, что я упала въ вашемъ мнѣніи, что вы бы никогда не могли этого обо мнѣ подумать. Но помните, что я начала просто изъ бравады, и что, во всякомъ случаѣ, я не хуже, чѣмъ...

— Чѣмъ?

— Чѣмъ ваши американскія дѣвушки.

— Увѣряю васъ, онѣ и вполовину не такъ храбры, какъ вы думаете.

— Вы знаете, что да.

— Если бы онѣ могли всѣ слышать, онѣ бы сказали: «что вы!»

— Я знаю, что вы обо мнѣ думаете.

— Врядъ ли.

— Вы заставили меня!

— Я?

— Вы помните, что вы говорили про булавки? Я не хотѣла признаться, что я боюсь, передъ... передъ иностранцемъ. Если бы я была американкой, вы бы сказали, что такъ и нужно.

— Клянусь честью.

— Вѣдь онѣ дѣлаютъ все, что имъ нравится.

— Можетъ быть. Но, видите ли, есть много вещей, которыя имъ не нравятся.

Молчаливое отчаяніе.

— Что бы вы обо мнѣ ни думали, я не изъ-за денегъ играла. Я начала только, чтобы показать, что я не боюсь. Потомъ я продолжала, чтобы отыграться. Я бы опять попробовала, если бы представился случай.

— То-то и есть, но вотъ звонокъ къ завтраку.

Во время завтрака леди Фелисія подошла къ нему, какъ и собиралась.

— Надѣюсь, что вы въ болѣе любезномъ настроеніи сегодня утромъ.

— Въ мирѣ со всѣмъ человѣчествомъ.

— Включая женщинъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Ну, такъ не торгуйтесь, будьте пай мальчикомъ.—Въ рукахъ ея былъ биржевой бюллетень, и она пробѣгала его, водя по строчкамъ кончикомъ карандаша.—Онѣ опять упали.

— Какъ и слѣдовало ожидать. Это рискованная игра. Почему не придерживаться бриджа, леди Фелисія?

Она смущенно засмѣялась и смотрѣла на него попрежнему улыбаясь, но съ затаеннымъ недоброжелательствомъ въ глазахъ.

— Она сказала вамъ?

— Я самъ догадался.

— Нечестно сплетничать.

— Ну, если дѣло дошло до честности, то позвольте васъ спросить, гдѣ мы? Могутъ возникнуть разныя соображенія: опытные игроки противъ новичка; молодыя дѣвушки, порученныя достойному довѣрія лицу; можетъ быть, даже обязательства гостей къ хозяину въ чужомъ домѣ.

— Все было честно—это случайности игры.

— Бриджъ не азартная игра, леди Фелисія; если бы это было такъ, то было бы еще хуже.

— Точно такъ же бываетъ и въ жизни,—сказала она.—Сильнѣйшіе выигрываютъ.

— Въ томъ-то и дѣло: сильнѣйшіе. Это дѣло случая. Но съ двумя такими игроками, какъ леди Фелисія и миссъ Парингтонъ, нельзя все взваливать на случай.

— Мюріель вовсе не такое чудо, все дѣло въ томъ, что Мери такое дитя.

— Опять-таки въ этомъ все дѣло; она такое дитя.

— Это послужитъ ей урокомъ.

— Врядъ ли герцогъ былъ бы доволенъ, если бы узналъ, что ей даютъ такіе уроки въ Аллонби.

— Это угроза?

— Ни въ какомъ случаѣ; просто предостереженіе.

— Чего же вы отъ меня хотите?

— Чтобы вы только доиграли игру, леди Фелисія.

На этотъ разъ она опустила глаза передъ его взглядомъ.

До самаго ленча онъ не видѣлъ ни Мери, ни одной изъ прочихъ, а за ленчемъ картина совершенно измѣнилась. Мери такъ и сіяла.

— Мы играли все утро,—сказала она.—Та же партія. Онѣ опять пригласили меня—правда, какъ это было мило съ ихъ стороны?—и я отыграла все, кромѣ двадцати фунтовъ.

— Я бы на этомъ и покончилъ,—отвѣчалъ юноша,—и далъ бы слово больше не играть.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Но вы были неправы. Я вамъ говорила, что все дѣло въ счастьѣ. Я выигрывала разъ за разомъ. Даже Мюріель точно поглупѣла, а я никогда не видала, чтобы Фелисія такъ плохо играла. Сознаетесь ли вы, что вы были неправы?

— Я готовъ сознаться въ чемъ угодно, разъ у васъ все въ порядкѣ, —сказалъ онъ.

Прощаясь, леди Фелисія не могла удержаться, чтобы не пустить отравленную стрѣлу.

— Счастливица, Мери, что у васъ есть другъ, который грозитъ насплетничать!—шепнула она ей вмѣстѣ съ прощальнымъ поцѣлуемъ.

Онѣ всѣ стояли еще въ дверяхъ, когда показался верховой. Онъ былъ изъ Лиддикота и привезъ Мери записочку отъ отца: «Ради Бога Полли, сейчасъ же возвращайся домой!»

— Что случилось?—спросила она со страхомъ.

— Извѣстія отъ м-ра Тома, миссъ. Но не бойтесь, онъ только раненъ.

Это была послѣдняя капля. Съ жалобной, растерянной улыбкой она лишилась чувства.

Еще другое и гораздо болѣе печальное извѣстіе пришло на другой день въ Аллонби, разнеслось по всей Англіи, поразило всѣхъ британцевъ.

Послѣдніе изъ «остроносыхъ» уѣзжали изъ замка, стремясь къ новымъ развлеченіямъ, и даже они были, какъ громомъ, поражены вѣстью о смерти королевы. Флагъ былъ спущенъ до половины, и печальный колоколъ, вмѣстѣ съ горемъ Аллонби и горемъ всего государства, оповѣстилъ о концѣ цѣлой эпохи.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ТАЙНА.

Разсказъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ боя подъ W***, черезъ городъ К. проходила депеша въ полкъ, гдѣ служилъ Лелька до отъѣзда на войну, краткая депеша товарища къ товарищу: «Лелька убитъ W***,—Громовъ»...

Лелькина семья и много родныхъ жили въ К.; двоюродный братъ Лельки служилъ на телеграфѣ и на его долю выпала подача этой депеши далѣе. Адресъ депеши былъ уже знакомъ телеграфисту: по этому адресу проходили телеграммы самого Лельки.

«Лелька убитъ W***»—дрожащей рукой простучалъ телеграфистъ и продолжалъ работать до вечера, ошеломленный этими тремя словами. Машинально выстукивалъ онъ разныя слова подъ трескотню работавшихъ вокругъ аппаратовъ, а въ ушахъ все время стояли эти три слова и моментами чудилось, что во всѣхъ углахъ аппараты выстукиваютъ: «Лелька убитъ W***»...

Вечеромъ, когда кончилось дежурство, телеграфистъ зашелъ въ семью, которая вся была полна Лелькой: разговорами о Лелькѣ, воспоминаніями о Лелькѣ, его письмами съ войны, его портретами и его вещами, которыя Лелька, уѣзжая на войну, переслалъ матери съ товарищемъ.

Здѣсь вчера только получили письмо отъ Лельки, маленькое письмо въ узенькомъ конвертѣ съ красной полоской—знакомъ полевой почты дѣйствующей арміи,—и письмо это второй день переходило изъ рукъ въ руки, отъ матери къ Вѣрочкѣ, отъ Вѣрочки къ гимназисту Колѣ; письмо читали и вслухъ, и про себя, о чемъ-то спорили, опять читали и внимательно разсматривали конвертъ съ красной полоской, словно надѣялись по внѣшнему виду его, по почерку адреса, по тому, что конвертъ этотъ былъ въ рукахъ Лельки,—узнать еще что-то, чего не было въ наброcанныхъ неровнымъ почеркомъ словахъ письма... «Я пишу вамъ

на камнѣ вмѣсто стола, сидя въ траншеѣ... Кругомъ тихо и съ синяго неба палитъ раскаленное солнце... Думаю о васъ. Вѣрно теперь у васъ хорошо: разлилась Волга, зацвѣла сирень... Ахъ, какъ я люблю эту Волгу! Только теперь я понялъ это. Все жалѣю, что со мной нѣтъ гитары. Вѣрка! пришли свою карточку; у меня—только мама, а тебя нѣтъ. Говорятъ, что завтра насъ двинутъ куда-то на югъ. Должно быть, скоро придется быть въ бою. Все это—пустяки, а главное: нѣтъ папиросъ и нѣтъ сахару, курю иногда махорку и вспоминаю о сигарахъ»...

Письмо было написано слишкомъ двадцать дней тому назадъ, но это забывалось и всѣмъ рисовался Лелька сидящимъ въ какой-то ямѣ около камня, въ громадной мохнатой папахѣ, изъ-подъ которой выглядываетъ молодое румяное лицо съ смѣющимися глазами... Лелька куритъ махорку. Скверно отъ нея пахнетъ... Кашляетъ, навѣрно, отъ этой махорки... Бѣдный Лелечка!.. И нѣтъ у него сахару. А тутъ вонъ, на столѣ, стоитъ полная сахарница..

— Въ траншеѣ не убьютъ,—замѣчаетъ гимназистъ и объясняетъ: какъ въ Лельку выстрѣлятъ, онъ присядетъ и мимо...

Вѣрочка засмѣялась, улыбнулась мать, но ея улыбка была коротенькая и печальная. «Скоро придется быть въ бою». Эти слова Лелькинаго письма словно оторвали у матери кусокъ сердца. Она отвернулась къ окну и смолкла,—и всѣ догадались, что она прячетъ тихія слезы.

— Мама! Помнишь, что говорилъ Леля?.. Онъ не велѣлъ тебѣ плакать...

— Нѣтъ, нѣтъ... я не плачу,—прошептала мать, но не обернулась.

Телеграфистъ тоже прочиталъ письмо, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и вздохнулъ. Лельки нѣтъ, а письмо пришло... Когда Лелька писалъ это письмо,—онъ не зналъ, что жить недолго... И отъ этого письмо казалось какимъ-то особеннымъ, словно въ немъ пряталась какая-то тайна и скрытый смыслъ былъ въ каждой строчкѣ и буквѣ, начертанной въ послѣдній разъ близкимъ человѣкомъ...

Прочитавъ письмо, телеграфистъ бережно такъ и почтительно положилъ его на столъ и, присѣвъ на край постели, опустилъ голову и началъ разсматривать брелоки на своей цѣпочкѣ...

— Жарко было сегодня...—произнесъ онъ.

Никто не отвѣтилъ. Всѣ думали о Лелькѣ. Благовѣстили ко всенощной, и въ молчаливой комнатѣ удары далекаго колокола казались многозначительными, серьезными и будили на душѣ смутную тревогу и кроткую покорность передъ чѣмъ-то огромнымъ, неотвратимымъ...

— Завтра большой праздникъ,—вздохнувъ, прошептала мать и тихой поступью прошла въ сосѣднюю комнату. И было слышно, какъ она прячетъ тамъ тихія слезы...

— Почему ты такой печальный?—ласково спросила Вѣрочка телеграфиста.

Тотъ очнулся, кашлянулъ и быстро сказалъ:

— Я? Нѣтъ, ничего, ничего...

— Мама! Что ты тамъ... опять за свое?. Раньше времени.. Ничего не случилось, а вы...

Телеграфистъ погладилъ себя рукой по головѣ и, поднявшись, сталъ ходить по комнатѣ, сосредоточенный и хмурый... Изъ сосѣдней комнаты безшумно вышла мать съ заплаканными глазами.

— Сахару у него нѣтъ... Какъ же это?..—сказала она.—Послать бы ему, что ли... Очень долго идетъ... Дайте мнѣ письмо!..

— Вотъ оно, мамочка!..

Гимназистъ подалъ матери письмо, и она опять стала разглядывать конвертъ, разглядывать тусклыя даты почтовыхъ штемпелей, красную полоску на конвертѣ. А телеграфистъ ходилъ съ опущенной головою и, разсуждая самъ съ собой, разводилъ руками, останавливаясь посреди комнаты.

Плавали въ комнатѣ мягкіе многозначительные призывы далекаго колокола, вспоминался полумракъ церкви, черныя фигуры скользящихъ монахинь, рѣдкіе огоньки свѣчъ...

— Живешь, живешь и вдругъ... Гм...—покачивая головою, разсуждалъ телеграфистъ и украдкой взглядывалъ на тетю Аню, на Вѣрочку, на Колю... Сразу сказать нельзя, надо подготовить. Когда онъ шелъ сюда, у него былъ планъ, какъ начать. А теперь нѣтъ плана, нѣтъ словъ и нѣтъ силъ сказать правду...

— Я всю ночь барабанилъ на аппаратѣ и теперь у меня въ ушахъ стоитъ трескотня...

— Разныя депеши?..

— Все можетъ случиться...

— Что ты говоришь?

— Ужасная, говорю, это... штука, война эта...

— Можно подумать, что ты пришелъ нарочно разстраивать маму,—сказала Вѣрочка.

— Я ужасно усталъ, у меня болитъ голова... Я всю ночь и цѣлый день барабанилъ и теперь...

Телаграфистъ подошелъ къ тетѣ Анѣ.

— Пойду домой,—отдуваясь, прошепталъ онъ и протянулъ руку.

Тетя Аня встрепенулась и засуетилась.

— Надо послать Лелечкѣ телеграмму... Ты отправишь? Не знаю, куда адресовать... Онъ здѣсь пишетъ, что они идутъ на югъ... А куда?..

— Прямо—«въ дѣйствующую армію»... Найдутъ тамъ...

Начали составлять телеграмму. Каждое слово стоило пятнадцать копеекъ, а денегъ было мало. Надо было написать такъ чтобы словъ было очень мало, а любви очень много... «Крѣпко цѣлуемъ, желаемъ счастья, здоровья, телеграфируй, безпокоимся»... Всѣ сгрудились у стола, наклонились и смотрѣли, какъ Вѣра писала слова, отчетливо вырисовывая каждую букву.

— «Крѣпко» можно выкинуть.

— Не надо вычеркивать! Оставь «крѣпко»!—сердилась мать.

Потомъ остановились на «счастьи»: какого «счастья»? Былъ бы только здоровъ и больше ничего не надо...

— А Георгія?—сказалъ гимназистъ.

— Ты, Володя, какъ думаешь?

Телеграфистъ вздрогнулъ, словно испугался чего-то, но быстро оправился и отвѣтилъ:

— Я? По моему, довольно «здоровья»... Остальное того... неважно...

Сказалъ, отошелъ отъ стола и началъ ходить по комнатѣ, задумчиво покусывая свою бородку...

— Можно не подписывать. Онъ и такъ догадается, кто...

— Понятно, понятно!..

— Не заѣхалъ проститься,—глубоко вздохнувъ, сказала мать...

Эту фразу она повторяла нѣсколько разъ на дню, иногда совсѣмъ неумѣстно, ни съ того, ни съ сего... Говорятъ о чемъ-нибудь, не имѣющемъ никакой связи съ Лелькой, и неожиданно—вздохъ и это—«не заѣхалъ Лелечка проститься»...

Лелька боялся слезъ матери и драматическихъ сценъ, неизбѣжныхъ при проводахъ... Можетъ быть, боялся еще и своихъ слезъ... Зачѣмъ? Не все ли равно?

Уже съ дороги, изъ Самары, онъ прислалъ открытку съ картинкой и со словами: «Уѣзжаю на востокъ, крѣпко цѣлую васъ, пишите въ Харбинъ, а главное—не плачьте и не безпокойтесь»... Вскорѣ къ нимъ заѣхалъ Лелькинъ товарищъ по полку и привезъ Лелькины вещи...

— Это вся его движимость... Самоваръ, посуда, гитара, фотографія... Велосипедъ онъ продалъ и просилъ передать вамъ деньги... Здѣсь, въ ящикѣ—портреты, группы разныя и всякая письменность... Тамъ есть коробка съ письмами. Лелька просилъ сохранить эту коробку до его возвращенія, а прочее можно утилизировать, какъ угодно...

Лелькинъ товарищъ былъ тоже молодой, веселый и тоже—въ мохнатой папахѣ...

— И вы... туда же?

— Туда.

— Посылаютъ?

— Нѣтъ, по своей волѣ... Надоѣло такъ-то...

— Не боитесь?

— Я?

Офицеръ поднялъ брови, ухмыльнулся и отвѣтилъ:

— Умереть теперь или черезъ десятъ-двадцать лѣтъ—не все ли равно?

Гимназистъ смотрѣлъ на этого храбреца съ благоговѣніемъ и съ уваженіемъ останавливался на его шашкѣ. Въ глазахъ матери и Вѣрочки, устремленыхъ на гостя, свѣтилось много нѣжности... То, что этотъ случайный гость былъ товарищемъ Лельки, получало особое значеніе и рождало какую-то тайную близость между ними и этимъ человѣкомъ въ офицерскомъ мундирѣ, и чудилось, что въ комнатѣ невидимо присутствуетъ вмѣстѣ съ гостемъ ихъ Лелечка... Мать не отрывала отъ гостя глазъ и ей казалось, что она и раньше знала его, давно знала...

— Вы немного похожи на Лелю...

— Неужели?..

— Вы и смѣетесь такъ же, какъ нашъ Лелька...

— Вотъ какъ!..

— У васъ жива мать?..

— Нѣтъ. Одинъ... Некому жалѣть и... некого... И славу Богу!..

— Не заѣхалъ Лелечка проститься...

Офицеръ шутилъ, и его смѣхъ и шутки смягчали горе и заставляли вѣрить, что все обойдется благополучно и Лелька вернется здоровый, веселый...

Хотя свиданіе длилось очень недолго, но казалось, что эти люди давно любили другъ друга, и, когда офицеръ началъ прощаться, всѣмъ стало грустно.

— Если встрѣтите нашего Лельку,скажите ему...

Что сказать?.. Надо много-много сказать. Онѣ наперерывъ говорили, давали порученія, просили, а офицеръ улыбался и повторялъ:

— Непремѣнно, непремѣнно!..

Вышли провожать на крыльцо.

— Возьмите это, — шепнула мать и сунула что-то маленькое въ руку офицера. Тотъ сперва растерялся отъ неожиданности, но ощупью понялъ, что это—крестикъ, и поцѣловалъ руку, худую и жилистую руку.

— Возвращайтесь вмѣстѣ съ Лелькой!

— Непремѣнно, непремѣнно!

— Пустъ Лелька пишетъ чаще!

— Скажите ему, что нехорошо онъ это сдѣлалъ: не заѣхалъ проститься!..—крикнула тетя Аня, когда гость сѣлъ въ пролетку, и вдругъ расплакалась.

Загремѣли колеса пролетки, закачалась на головѣ лихо сдвинутая на бекрень мохнатая папаха, блеснулъ лакированный ремень на широкой спинѣ...

— Уѣхалъ!..

— Надо бы послать съ нимъ Лелѣ сдобныхъ лепешекъ,—отирая платкомъ слезы, прошептала тетя Аня...

— Что ты, мама!

И Вѣрочка, со слезинками на рѣсницахъ, расхохоталась нервнымъ смѣхомъ.

— А Лелечка не заѣхалъ проститься...

Телеграфистъ ходилъ по комнатѣ, теребилъ бородку и думалъ, какъ начать. И лицо его подергивалось тѣнью печали и загадочности. Надо сказать... И нѣтъ силъ сказать... Брякнули серебряныя и мѣдныя деньги:

— Вотъ на телеграмму... рубль восемьдесятъ. Ты слышишь, Володя?

Телеграфистъ подставилъ руку, и тетя Аня пересыпала ему деньги на ладонь. Онъ посмотрѣлъ на эти деньги, побрякалъ ими, вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Хорошо...

— Когда пойдетъ?..

— Когда? Надо бы сегодня, — разсѣянно отвѣтилъ Володя и это обидѣло тетю Аню.

— Я... сама .. Я пошлю сейчасъ же, сію минуту...

— Я схожу, тетя! Я сейчасъ же пойду!..

— Не надо. Я—сама...

Вѣрочка тоже захотѣла сама, а Коля громко предложилъ:

— Давайте—сбѣгаю!

Теперь всѣ хотѣли идти, собирались идти, но только одинъ изъ нихъ зналъ, что незачѣмъ больше идти...

Пошли Вѣрочка и телеграфистъ. Вѣрочка шла быстро, торопилась, словно сейчасъ же, какъ только она подастъ телеграмму и получитъ квитанцію, всѣ они станутъ ближе къ Лелькѣ и сдѣлается спокойнѣе для нихъ и безопаснѣе для Лельки... Телеграфистъ замедлялъ шаги и все о чемъ-то думалъ, озабоченный и хмурый...

— Ты спишь... Напрасно пошелъ, я могла бы одна...

Они проходили бульваромъ, зеленымъ бульваромъ, гдѣ звонко и радостно звенѣли въ вечернихъ золотыхъ сумеркахъ дѣтскіе голоса. Телеграфистъ перевелъ духъ и, усталый, словно сбросивъ съ плечъ давившую ношу, попросилъ:

— Сядемъ на скамейку... Надо поговорить...

Вѣра удивленно посмотрѣла на него. Онъ уже сидѣлъ и, показывая рукой на лавку, просилъ, почти умолялъ:

— Присядь... здѣсь вотъ... на минуту!.. Понимаешь, надо поговорить...

— Что съ тобой?..

— Тяжело это говорить... А надо... Нельзя...

У Вѣры застучало въ вискахъ. Молніей пролетѣла смутная мысль безъ словъ, страшная, несуразная мысль, и потускнѣло ея лицо.

— Говори же, говори же!..

Телеграфистъ молчалъ, опустивъ руки между колѣнъ и низко свѣсивъ голову, и на лицѣ его появилась и застыла странная растерянная улыбочка...

— Видишь-ли... все можетъ случиться...

Онъ покашливалъ и искалъ словъ, а слова убѣгали.

У Вѣрочки вспыхнули щеки и опять потухли, опять застучало въ вискахъ и смутно поплылъ въ ушахъ дѣтскій смѣхъ, далекій благовѣстъ и трескъ катившихся по мостовымъ пролетокъ...

— Леля?.. да?—чуть-чуть слышно сказала Вѣрочка.

— Да...

— Убили?—еще тише произнесла Вѣрочка и закрыла лицо обѣими руками, словно Володя долженъ былъ ударить ее...

— Пока нельзя сказать... Надо выяснить... Слухъ... частная телеграмма... Въ «нашихъ потеряхъ» нѣтъ его...

У Вѣрочки пробѣжалъ холодъ по лицу, по рукамъ, въ груди, и, крѣпко вцѣпившись въ рукавъ Володинаго пальто, она прижалась къ нему. И онъ чувствовалъ, какъ подергиваются ея руки, и ему было невыносимо тяжело. Онъ закрылъ глаза и проглотилъ слезы...

— Не надо, Вѣрунька... Не надо... Что же дѣлать...

Кто-то подошелъ и спросилъ: «что случилось?», и тогда Вѣрочка закричала.

— Лелю убили! Лелю!..

И, сорвавшись съ мѣста, куда-то кинулась... Володя удержалъ ее и она снова опустилась на лавочку, маленькая такая и покорная, и, какъ ребенокъ, слезливо повторяла:

— Мамочка... мамочка...

Проходили мимо люди, пріостанавливались и всѣмъ было интересно узнать, что такое тутъ вышло. Но Володя махалъ имъ рукой и лицо у Володи было такое странное, что любопытные шли дальше и только потомъ долго оглядывались.

Потомъ они встали со скамьи и неровной походкой, словно были пьяны, пошли куда-то. Володя говорилъ кроткимъ, ласковымъ усталымъ голосомъ что-то очень мудреное о жизни и о смерти, о томъ, что когда-нибудь всѣ умрутъ... А вдругъ тутъ ошибка?... Все это возможно. Нѣтъ ничего невозможнаго. Можетъ быть, въ

полку былъ еще офицеръ, котораго звали Лелькой... Депеша была подписана какимъ-то Громовымъ... Кто этотъ Громовъ?

Вѣрочка закачала головой, чтобы молчалъ, и, крѣпко сомкнувъ глаза, выдавила слезы... Когда Володя спросилъ про Громова,—Вѣрочка вспомнила гостя, который привезъ Лелькины вещи.

— Мамочка, мамочка...

Съ тѣхъ поръ какъ Лелька уѣхалъ на войну, мать могла думать только о сынѣ. Проходили дни и ночи, и Лелька неотступно стоялъ передъ ней и въ сердцѣ у ней былъ одинъ только Лелька. Она съ трепетомъ перечитывала все, что писали о войнѣ въ газетахъ и телеграммахъ, и когда разносчики радостно выкрикивали: «Произошло сраженіе; убито сорокъ тысячъ непріятелей», она содрогалась отъ ужаса и думала о томъ, что у каждаго изъ этихъ сорока тысячъ есть мать... Въ газетѣ она прежде всего искала «наши потери» съ длинными списками убитыхъ и раненыхъ офицеровъ. Когда она находила въ номерѣ «наши потери», голова у ней кружилась и въ глазахъ прыгали строчки, маленькія строчки съ именами и фамиліями... Сердце билось и страшно было читать. Газетный листъ прыгалъ въ ея рукахъ и былъ весь пропитанъ ужасомъ, кровью, стонами, и долго она не рѣшалась читать и, закрывъ глаза, мысленно прочитывала молитву... Нѣтъ, Лелечки нѣтъ!

Она съ облегченіемъ вздыхала и слезы радости стояли у ней въ глазахъ. Незамѣтно пробравшись въ свою комнату, она еще разъ перечитывала «наши потери» и потомъ крестилась на образъ, гдѣ теперь всегда дрожалъ красный огонекъ лампадки, всегда: и днемъ, и ночью... Постоянная неотступная мысль о Лелькѣ сдѣлала ея разсѣянной: съ нею говорили и она не слышала, ее спрашивали и она не отвѣчала.

— Ты, мама, слышишь?..

Она пугалась. Она жалѣла, что мысли и воспоминанія о Лелькѣ, собранныя въ ея памяти за много-много лѣтъ, вдругъ, какъ карточные домики, разсыпались отъ посторонняго прикосновенія,—и это ее сердило.

— Что еще вамъ?!—недовольно говорила она, отрывая затуманенный взглядъ отъ окошка.—Дайте мнѣ подумать!

И снова она отворачивалась и съ напряженнымъ усиліемъ начинала собирать разлетѣвшійся рой дорогихъ воспоминаній... Тутъ былъ Лелька маленькій, который ползалъ очень смѣшно по полу, подвернувъ подъ себя одну ногу; былъ Лелька въ курточкѣ и брючкахъ, которому надоѣдали вопросами, какъ его зовутъ и гдѣ онъ родился, на что сперва Лелька отвѣчалъ добросовѣстно, а потомъ, выведенный изъ терпѣнія, начиналъ кричать: «не зовутъ!» «не родился!»; тутъ былъ Лелька въ мундирчикѣ кадета, тонень-

кій и хорошенькій, похожій на дѣвочку; былъ Лелька больной, умирающій, и она, его мать, всю ночь напролетъ сидящая склонившись надъ ребенкомъ, и то молившая, то требовавшая чуда исцѣленія; тутъ былъ Лелька прапорщикъ, подпоручикъ... Все это рисовалось въ яркихъ моментальныхъ образахъ, случаяхъ, эпизодахъ, выхваченныхъ изъ долгой жизни и долгой материнской любви... Вся жизнь сплеталась съ Лелькой, и казалось, что безъ Лельки ея никогда не было и не могло быть...

Каждый день она съ какимъ-то дѣтскимъ нетерпѣніемъ ждала газетчика, носившаго имъ «Листокъ», иногда выбѣгала въ сѣни, чтобы встрѣтить его, и томилась, если онъ запаздывалъ на полчаса противъ обыкновеннаго... Но особенно нетерпѣлива и разсѣянна она дѣлалась къ полдню—времени, когда обыкновенно появлялся на дворѣ почталіонъ. Почталіонъ долженъ былъ принести письмо отъ Лелечки, милый, родной, почталіонъ!.. Когда она видѣла почталіона, она вздрагивала, словно отъ электрическаго тока, выскакивала на дворъ и, задыхаясь отъ волненія, спрашивала:

— Письмо?

— Вамъ нѣтъ-съ... Кажется, нѣтъ...

Почталіонъ перебиралъ пачку писемъ, перелистывая ихъ очень быстро, а она стояла и надѣялась, что почталіонъ отыщетъ письмо ..

— Нѣтъ: пишутъ еще!—шутилъ почталіонъ и торопливо шелъ на другое крыльцо. И она, опустивъ голову, тихо брела въ комнаты, огорченная, недовольная...

Иногда она видѣла сны съ Лелечкой. Это было нѣсколько разъ. Утромъ она выходила съ добрымъ лицомъ, ласковая, одѣтая тщательно, и съ улыбкой умиленія торжественно говорила:

— Опять видѣла Лелю...

И этотъ день проходилъ веселѣе, тоска отпускала ее отдохнуть и разсказы о томъ, какъ она видѣла Лелю, и что онъ говорилъ, и какъ былъ одѣтъ, наполняли весь ея день, отгоняя мрачныя мысли... А когда получалось письмо отъ Лельки, — она совсѣмъ оживала и была неузнаваема. Письмо отъ Лельки было большимъ праздникомъ.

Но вотъ уже около двухъ недѣль, какъ съ тетей Аней стало твориться что-то неладное. Разсѣянность сдѣлалась поразительной, появилась усиленная склонность къ уединенію и упорному молчанію. Опять затуманились глаза, неподвижно устремленныя внутрь души, и стало казаться, что она ничего не видитъ, не слышитъ и живетъ гдѣ-то далеко. Скоро стали еще замѣчать, что она прячется отъ родныхъ и боится газетнаго разносчика.

— Газета! — произносилъ разносчикъ, просунувъ въ пріотворенную дверь «Листокъ».

Тетя Аня проворно скрывалась въ кухню, затворяла за собой дверь и сидѣла тамъ. Потомъ она стала избѣгать родныхъ и наконецъ, стала прятаться отъ Вѣрочки. Со стороны можно было подумать, что она чужая въ домѣ, что ее здѣсь обижаютъ и не любятъ, чтобы она вертѣлась на глазахъ.

— Мамочка! гдѣ ты?..

Она не отзывалась. Вѣрочка искала маму и, обыкновенно, находила ее въ кухнѣ сидѣвшей за ширмами гдѣ была кроват прислуги...

— Мама! Что ты тутъ дѣлаешь?..

— Я приду, сейчасъ приду...—шептала мать и какъ-то жалась къ занавѣскѣ и терялась, словно маленькая, застигнутая врасплохъ взрослыми...

Вѣрочка спрашивала у Катерины, что тутъ дѣлаетъ мама...

— Сидятъ онѣ... Не хорошо что-то съ ними...

Родные приходили съ тревожными лицами и шопотомъ спрашявали:

— Ну что? какъ?

И начинали шептаться съ Вѣрочкой и между собою. И вдругъ изъ кухни глухо говорилъ странный голосъ:

— Знаю я! знаю!..

Что-то тайное хранила она въ себѣ, чего никому не хотѣла сказать, и что преслѣдовало ее и днемъ, и ночью...

Если она не пряталась, то сидѣла у своего любимаго окна въ какомъ-то загадочномъ столбнякѣ, не двигалась по цѣлымъ часамъ и не хотѣла ни съ кѣмъ говорить...

Вчера получили письмо отъ Лельки, маленькое письмо въ узенькомъ конвертѣ съ красной каймою полевой почты.

— Мама! письмо отъ Лельки!—закричала на всѣ комнаты Вѣрочка.—Мама! мама! гдѣ ты?..

И вдругъ въ кухнѣ послышались рыданія, истеричные вопли... Цѣлый часъ билась Вѣрочка съ матерью, стараяся привести ее въ чувство и успокоить... Припадокъ утихъ, наконецъ, и осталась только большая-большая слабость... Она лежала въ постели, блѣдная и кроткая, словно послѣ долгой опасной болѣзни, и крѣпко сжимала въ рукѣ узенькій конвертъ съ красной полоской... На лицѣ у ней скользила улыбка, тихая радостная улыбка, какая бываетъ у выздоравливающихъ, и сухія губы шептали:

— А я думала, что Лельку...

И тетя Аня обрывала фразу и смѣялась разслабленнымъ безсильнымъ смѣхомъ.

Къ вечеру она оправилась и вышла въ столовую къ чаю. Она словно ожила, очнулась отъ какого-то страшнаго долгаго кошмара, отъ долгаго забытья и радостно улыбалась, разсматривая родныхъ,

комнату, обстановку, словно только что пріѣхала изъ далекаго путешествія, послѣ долгой разлуки...

На столѣ стоялъ Лелькинъ самоваръ, Лелькина чайница, Лелькинъ стаканъ съ мельхіоровыхъ подстаканникомъ; на стѣнѣ висѣла Лелькина гитара, у постели былъ постланъ Лелькинъ коврикъ. Она долго и любовно разсматривала эти вещи и вдругъ поцѣловала полоскательную чашку.

— Мама! что съ тобой?!.—тревожно выкрикнула готовая расплакаться Вѣрочка.

— Это все Лелино: и самоваръ, и подносъ, и чашка...

Въ этотъ вечеръ, когда ложились спать, мать позвала къ своей постели Вѣрочку и разсказала ей странный сонъ, который ей приснился недѣли двѣ тому назадъ. Она никому не хотѣла разсказывать... Она думала... Теперь можно разсказать... Это былъ удивительный сонъ. Она даже не можетъ утвердительно сказать, что это былъ сонъ... Что-то случилось непонятное... можетъ быть, сонъ, а можетъ быть, галлюцинація... А можетъ быть, все это было, было... Она не можетъ сказать, что это было... Она спала здѣсь, на своей постели, около Лелькинаго коврика. Нѣтъ, не спала... Она задумалась, вспоминала о Лелечкѣ и, можетъ быть, задремала. Вдругъ она услыхала стукъ въ оконное стекло, тамъ въ другой комнатѣ, гдѣ стоитъ кушетка, на которой спалъ Лелечка, когда въ послѣдній разъ пріѣзжалъ къ нимъ въ отпускъ. Три раза кто-то стукнулъ и позвалъ рѣзкимъ шепотомъ:

— Мама!

Она очнулась. Она подумала, что это—Вѣра. Подняла голову съ подушки; но было тихо. Послышалось. Она опять положила голову на подушку и закрыла глаза. И опять шепотъ:

— Мама!

Тогда она соскочила съ постели и, неодѣтая и босая, кинулась въ ту комнату и увидала за окномъ чрезъ стекло Лелечку,—по поясъ, какъ бываютъ на портретахъ. Онъ стоялъ розовый, молодой, хорошенькій, какъ дѣвочка, но на головѣ у него была фуражка не съ бѣлымъ околышемъ, а съ чернымъ. Она стала цѣловать его и ласкать какъ-то черезъ стекла... да, черезъ стекла, которые не мѣшали!.. А онъ улыбался ей грустной виноватой улыбкой и смотрѣлъ ей прямо въ глаза, какъ смотрѣлъ, когда былъ маленькимъ, такими чистыми глазами...

— Что же ты, Лелька, не заѣхалъ проститься?! — упрекнула она, осыпая поцѣлуями его лицо, плечи, грудь. И онъ сказалъ ей безъ словъ, однѣми губами:

— Все равно: пришелъ теперь...

— Войди же!

Но онъ отрицательно покачалъ головой и опять улыбнулся пе-

чальной виноватой улыбкой... И тутъ она очнулась и увидала, что лежитъ не въ своей постели, а на кушеткѣ... А легла она въ постель,—это она отлично помнитъ, отлично!..

И теперь она не знаетъ, что̀ это было: сонъ, или... И съ этой ночи ея сердце ныло не переставая, и ее преслѣдовала страшная мысль, почти увѣренность, что Лелю убили... въ ту самую ночь, когда это съ ней случилось... Онъ приходилъ проститься... Она все думала объ этомъ снѣ и иногда, измученная этими думами, вдругъ ясно видѣла убитаго Лельку, мертваго Лелечку...

Когда она разсказала Вѣрочкѣ этотъ сонъ, то опять разрыдалась и стала цѣловать конвертъ, узенькій конвертъ съ красной лентой...

— У него нѣтъ сахару... и нѣтъ табаку...—шептала она сквозь всхлипыванія. — Онъ куритъ махорку... Бѣдный Лелька, мой милый, нѣжный мальчикъ!..

Тайна, которую берегли отъ матери, тихо поселилась въ домѣ съ ними и окутала ихъ души сумерками смерти...

Вѣрочка боялась плакать при матери и уходила въ сосѣднюю квартиру, гдѣ жили родные. Тамъ она горько плакала въ подушку и шептала, словно звала:

— Лелька, Лелька!..

Когда не было больше слезъ, она умывалась, смотрѣлась въ зеркало, пудрила лицо и съ напускной веселостью возвращалась домой, стараясь отвертываться отъ странныхъ взглядовъ матери, испытующихъ пристальныхъ взглядовъ. Приходила Володина мать, тетя Лиза, и старалась объяснить, почему нѣтъ отвѣта на телеграмму, хотя ее никто объ этомъ не спрашивалъ, и видъ у тети Лизы былъ такой, точно съ ней не соглашались и спорили...

— Нѣтъ ничего удивительнаго: въ походѣ сегодня здѣсь, а завтра тамъ...

Тетя Лиза лгала и въ подтвержденіе своей лжи разсказывала, какъ не дошла къ нимъ телеграмма только потому, что они переѣхали изъ дома во флигель...

— Нѣтъ ничего удивительнаго...

Входилъ телеграфистъ, перекидывался многозначительнымъ взглядомъ съ Вѣрочкой и начиналъ ходить по комнатамъ и потихоньку бурчать мотивъ изъ «Гейши». Останавливался передъ Лелькинымъ портретомъ, который стоялъ на комодѣ въ комнатѣ у тети Ани, бралъ въ руки этотъ портретъ и долго вглядывался въ знакомое лицо; Лелька на портретѣ улыбался и казался веселымъ и счастливымъ, и это было такъ странно, что телеграфистъ вдругъ пугался и бережно, какъ святыню, ставилъ портретъ на мѣсто и отходилъ...

— Да-а,—шепталъ онъ и опять ходилъ по комнатамъ и потихоньку бунчалъ мотивъ изъ «Гейши», а самъ думалъ о томъ, какъ они съ Лелькой ходили на Волгу ловить рыбу, когда Лелька послѣдній разъ пріѣзжалъ въ отпускъ. Казалось, что это было недавно, очень недавно, и было невѣроятно, что Лелька никогда не пріѣдетъ больше въ отпускъ, никогда!..

— Да-а!..

Иногда къ нимъ заходила Вѣрочкина подруга, бѣдная забитая дѣвушка, у которой никого не было на свѣтѣ, дѣвушка съ кроткими глазами и гладкой прической; эта дѣвушка только разъ видѣла Лельку и говорила съ нимъ, но когда она узнала, что Лелька убитъ, что-то непонятное потянуло ее къ Лелькѣ, и она приходила, чтобы еще разъ посмотрѣть на его портретъ. Потихоньку она пробиралась къ комоду, впивалась кроткими глазами въ портретъ, потомъ садилась около Лелькиной матери, набивала ей папиросы, угождала, угадывая ея мысли, и смотрѣла на нее съ безграничной нѣжностью...

Тайна, которую хранили отъ матери, наполняла домъ сумерками смерти и эти сумерки все сгущались и сгущались...

Какъ-то особенно ласково и кротко разговаривали теперь здѣсь другъ съ другомъ, и какъ-то особенно тихо ходили, словно боялись разбудить кого-то спящаго, и какъ-то подолгу молчали или робко говорили съ серьезными лицами о самыхъ ничтожныхъ пустякахъ... Всѣ знали, что долженъ наступить день, когда тайна раскроется, но всѣ боялись этого момента и всѣми силами отдаляли его. И отъ этого становилось невыносимо тяжело всѣмъ, и казалось душно въ комнатахъ днемъ и страшно—ночью. Боялись, какъ бы тетя Аня не узнала правды стороной, черезъ газеты, письма, знакомыхъ, поэтому съ утра до ночи сторожили то за воротами, то въ сѣняхъ, перехватывали «Листокъ», письма и телеграммы, и только убѣдившись, что тайна остается нераскрытой, давали тетѣ Анѣ...

И съ каждымъ новымъ днемъ въ домѣ становилось все тоскливѣе и страшнѣе, и все сгущалось напряженное настроеніе, ожиданіе чего-то ужаснаго, что́ должно было непремѣнно случиться, и все больше воцарялось здѣсь молчаніе, шепотъ, шаги на цыпочкахъ... У всѣхъ вздрагивало сердце, когда въ сѣняхъ кто-нибудь стучалъ ногами или говорилъ, пугались отъ каждаго звонка и шороха за дверями, отъ обрывковъ уличнаго смѣха, долетавшаго чрезъ раскрытое окошко, отъ трескотни катившихся мимо дрожекъ...

Днемъ ждали, когда наконецъ наступитъ ночь, а ночью томились, призывая поскорѣе солнце... День пугалъ своей продолжительностью, а ночь загадочнымъ молчаніемъ и неопредѣленными шорохами и тѣнями...

Вѣрочка боялась ночей. Ей все чудилось, что кто-то тихо бродитъ по комнатамъ или дышитъ ей въ лицо, или сидитъ въ углу на стулѣ и смотритъ на нее... Она крестилась, поднимала съ подушки голову и тихо спрашивала:

— Ты это, мама?..

Но никто не отвѣчалъ. Было тихо, странно-тихо. Постукивали гдѣ-то Лелькины часы съ будильникомъ, и плыло куда-то время, все дальше и дальше отъ Лельки и казалось, что съ каждымъ ударомъ маятника все труднѣе поправить дѣло... Эти самые часы также постукивали, когда Лелька былъ живъ, у него на столѣ и, быть можетъ, не разъ ночью Лелька вотъ такъ же не спалъ и слушалъ и о чемъ-нибудь думалъ... О чемъ?.. Никогда не узнаешь, никогда!

Вѣрочка прятала лицо въ подушку и, глотая слезы, потихоньку плакала о Лелькѣ и ей чудилось, что еще кто-то потихоньку плачетъ вмѣстѣ съ ней... Толпились въ головѣ обрывки воспоминаній о Лелькѣ и въ нихъ онъ былъ веселый, весь пропитанный радостью жизни... Лелька танцуетъ венгерку... Лелька сидитъ въ веслахъ на лодкѣ... Лелька идетъ съ ней подъруку... Лелька сидитъ верхомъ на стулѣ въ этой самой комнатѣ и болтаетъ веселые пустяки, наполняя весь домъ своимъ смѣхомъ... И все это ярко, отчетливо, до того ярко, что слышно и сейчасъ, какъ Лелька пристукиваетъ ногой о ногу, выдѣлывая па венгерки, слышно и сейчасъ, какъ бурлитъ подъ лодкой вода и видно, какъ прыгаютъ съ поднимаемыхъ Лелькой веселъ серебряныя брызги воды, ощущается и сейчасъ близость Лелькиной руки около своей, видно и сейчасъ, какъ Лелька сидитъ верхомъ на стулѣ, улыбается и сейчасъ начнетъ хохотать...

— Мама! ты не спишь?..

Никто не отвѣчаетъ. Только Лелькины часы, о которыхъ Вѣра совсѣмъ забыла, начинаютъ вдругъ стучать громко, странно-громко, точно ихъ сперва не пускали идти, и теперь разомъ выпустили на волю и они стараются наверстать потерянное...

«Тикъ-тикъ, тикъ-тикъ, тикъ-тикъ»...

Словно два карлика-кузнеца колотятъ миніатюрными молоточками по крохотной наковальнѣ...

И бѣжитъ время, и уноситъ Лельку все дальше, дальше, дальше...

Евгеній Чириковъ.

---

*

ПЕРСИДСКІЕ МОТИВЫ.

I.

Полусознанными грезами
Дышитъ воздухъ голубой,
Садъ съ цвѣтущими мимозами
Забаюканъ тишиной.
Благовоніями жаркими
Сонный воздухъ опьяненъ,
Млечный путь огнями яркими,
Звѣздной пылью озаренъ.
Тополя пирамидальные
Смотрятъ въ темныя струи.
О, мечты мои печальныя,
О, любимыя мои!

II.

На плечахъ одежда чуть виситъ,
Обнажая бронзовое тѣло;
Безъ конца кальянъ его дымитъ,
А лицо какъ будто онѣмѣло.
Изумленный, я слѣжу за нимъ;
Что таятъ его глаза нѣмые?
Счастливъ онъ? Заботою томимъ?
Я и онъ — другъ другу мы чужіе.
Можетъ быть, онъ и истинный мудрецъ
И позналъ тщету переживаній,
Суету мятущихся сердецъ,
Пустоту несбыточныхъ желаній?
И избралъ безстрастье и покой,
Какъ удѣлъ разумный и достойный,
И въ душѣ смѣется надо мной,
Надъ моей душою безпокойной?

Л. М. Василевскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ текущей журналистики.—Выпадъ „Русскаго Вѣстника" противъ „Міра Божьяго".—Обвиненіе въ „мрачной односторонности".—Кто виноватъ.—„Назадъ возврата нѣтъ".—Изъ текущей публицистики.—Объ условіяхъ мирной прогрессивной работы.—Обиліе бюрократической опеки.—Плачевные итоги этой опеки: „Людей нѣтъ!"—Люди есть!—Предстоящая имъ задача.

Одно изъ наиболѣе упорныхъ и постоянныхъ обвиненій, съ которыми реакціонеры обрушивались на нашу прогрессивную печать, въ особенности на эти коварные «толстые» журналы, заключается въ томъ, что послѣдніе изображаютъ всю русскую жизнь мрачно и односторонне. Они—дескать—нарочно подбираютъ одни только мрачныя явленія, замалчиваютъ все свѣтлое, на чемъ съ отрадой могъ бы остановиться и отдохнуть измученный читатель, и рисуютъ общую картину жизни завѣдомо тенденціозную, въ мертвенно-сѣрыхъ, убійственно-скучныхъ тонахъ. «Односторонній подборъ фактовъ»—таково обычное обвиненіе со стороны нашихъ противниковъ, которые, отнюдь не отрицая вѣрности самыхъ фактовъ, упираютъ на слово «подборъ». Это роковое словцо стало на дѣлѣ такимъ орудіемъ, отъ котораго жутко становилось, потому что очень часто оно влекло за собой вполнѣ реальныя послѣдствія...

Слыша такіе упреки, то открыто злорадствующіе и поносительные, то инсинуирующіе, хотя по виду и доброжелательные, что́ могла отвѣтить прогресивная печать? Общій отвѣтъ былъ данъ въ свое время незабвеннымъ сатирикомъ, въ знаменитой сценѣ, гдѣ совершается допросъ правды,—сценѣ, которая вѣроятно памятна нашимъ читателямъ. Но дать отвѣтъ болѣе опредѣленный, съ указаніемъ на факты, приводить доказательства и оправданія—да было ли это возможно? И сами обвинители превосходно понимали, что никакого отвѣта по существу дать нельзя, такъ какъ пришлось бы сослаться на окружающую жизнь, и только.

Мрачная односторонность... отсутствіе отрадныхъ явленій... сѣрый тонъ жизни... Все было вѣрно. Но почему-то сами обвинители не пытались давать увлекательныхъ картинъ всеобщаго россійскаго веселья, россійской жизнерадостности и всенароднаго ликованія. Признаемся, мы рѣдко заглядывали на страницы «Гражданина», «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», но все-таки случалось. И всякій разъ послѣ такой вынужденной экскурсіи мы выносили угнетающее впечатлѣніе. То доказывалось, что инородецъ застить

свѣтъ русскому, и пока онъ не будетъ изъятъ изъ обращенія съ корнемъ и навѣки,—не «сіять солнцу красному на святой Руси». То ополчались противъ просвѣщенія и вмѣсто того, чтобы искренне желать избавленія отъ оковъ невѣжества всѣхъ блуждающихъ во мракѣ, стремились доказать, что все зло у насъ отъ «кухаркина сына», забравшагося въ гимназіи и университеты... «Ученіе вотъ чума, ученость вотъ причина, что нынче такъ, какъ никогда, безумныхъ развелось людей и дѣлъ и мнѣній»,—вопили на разные лады «съ веселымъ сердцемъ» ретрограды. А въ «парламентѣ мнѣній» ихъ авторитетно поддерживали гг. Меньшиковы и Энгельгардты, одинъ—«предлагая фельдфебеля въ Вольтеры дать», посадивъ его рядомъ съ профессоромъ на каѳедрѣ, «для порядка и наблюденія», другой—воспѣвая гимнъ гонителямъ слова. Если же по сезону не было на очереди ни инородца, ни кухаркина сына,—всегда въ запасѣ былъ... либералъ или «толстый журналъ», съ которыми церемониться нечего...

Не дешево обходилась русскому обществу такая «работа», которая называлась, по терминологіи гг. Энгельгардтовъ, Меньшиковыхъ, Грингмутовъ и Стародумовъ—«русскимъ національнымъ дѣломъ», которое на самомъ дѣлѣ было въ высокой степени антинаціональнымъ и гибельнымъ для страны.

Намъ же не до веселья было...

Прежде всего и въ концѣ всего не отъ насъ зависѣлъ этотъ мрачный тонъ прогрессивной печати. Послѣдняя зависѣла отъ жизни, подъ напоромъ которой складывалась текущая книга журнала или номеръ газеты...

О многомъ, конечно, приходилось молчать, но не имѣло ли и это молчаніе особую силу и значеніе на ряду съ тѣмъ славословіемъ, въ которомъ усердствовали подчасъ «жизнерадостные» органы, постоянно забывая мудрый совѣтъ Пушкина:

Льстецы! льстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства.

Мрачный тонъ, преобладавшій въ журналистикѣ во всѣхъ ея отдѣлахъ, былъ, такимъ образомъ, созданъ не «направленіемъ» ея руководителей, а независимо отъ нихъ жизнью. А во-вторыхъ—развѣ дѣло печати изображать жизнь въ розовыхъ тонахъ? Дѣло печати только одно—быть правдивой, по мѣрѣ предоставленныхъ ей возможностей—изображать жизнь такою, какою она ей кажется. Конечно, мыслимо увлеченіе, партійность, невѣрное пониманіе того или иного явленія. Но въ общемъ немыслимо такое длительное сугубо мрачное изображеніе жизни, если послѣдняя, напротивъ того, сверкаетъ всѣми цвѣтами радуги, искрится и блещетъ. Вѣдь остается еще главный судья и цѣнитель печати—не «охранитель», не свой братъ—критикъ или конкурентъ, а читатель. Его-то никто и ничто не проведетъ, и въ массѣ онъ представляетъ тотъ «нелицепріятный высшій судъ», приговоръ котораго для зарапортовавшагося журнала или автора есть окончательная инстанція.

Что же говоритъ намъ этотъ судъ? Что предпочелъ читатель—жизнерадостность, игривость и веселое «все обстоитъ благополучно» консервативной печати, или невеселую и угрюмую въ общемъ картину жизни, какъ она проявлялась въ печати прогрессивной? Распространенность журналовъ того или

другого направленія уже дала на этотъ вопросъ категорическій отвѣтъ. Намъ приходилось какъ-то говорить о судьбѣ «Русскаго Обозрѣнія», которое, несмотря на всесильную поддержку и огромныя суммы, затраченныя на него, не выдержало и погибло въ непосильной борьбѣ съ равнодушіемъ публики. На полѣ брани уцѣлѣлъ изъ консервативныхъ журналовъ одинъ «Русскій Вѣстникъ»...

Въ послѣдней (октябрьской) книжкѣ этого органа все «Журнальное обозрѣніе» посвящено «Міру Божьему». Не скажу, чтобы мы были очень польщены такимъ вниманіемъ: въ прежнее время оно всегда что-нибудь да знаменовало. Къ счастью для насъ, мы рѣдко его удостаивались. Тѣмъ болѣе мы изумлены появленіемъ статьи г. Стародума теперь, когда есть столько другихъ достойныхъ его вниманія объектовъ. Но то, что мы встрѣтили въ этой статьѣ, превзошло всѣ наши ожиданія. Въ ней, какъ солнце въ малой каплѣ водъ, отразилось то отношеніе къ «либеральнымъ» органамъ, о которомъ мы говорили выше. И выражено оно съ такой наивной... откровенностью, что статья и сама по себѣ представляетъ прелюбопытный эпизодъ въ современной консервативной журналистикѣ.

Авторъ ставитъ сразу вполнѣ опредѣленное обвиненіе, что называется «хватаетъ быка за рога»: «Ежемѣсячный литературный и научно-популярный журналъ для самообразованія—«Міръ Божій» въ текущемъ году вѣренъ себѣ. Онъ по прежнему космополитиченъ и космополитично-либераленъ. По прежнему въ немъ много самыхъ разнообразныхъ статей, подборъ которыхъ при обзорѣ оглавленій книжекъ можетъ показаться совершенно случайнымъ, но которыя на самомъ дѣлѣ, за рѣдкими исключеніями, преслѣдуютъ совершенно опредѣленную цѣль—навести уныніе на читателя въ смыслѣ оцѣнки всего происходящаго на родинѣ (стр. 779)... До такой степени матеріалъ журнала подобранъ въ мрачныхъ тонахъ. Если подъ самообразованіемъ разумѣть подготовку читателя къ совершенному недовольству всѣмъ русскимъ, къ убѣжденію, что у насъ нѣтъ и не было никогда ничего хорошаго, то «Міръ Божій» вполнѣ достигаетъ своей цѣли» (стр. 788).

Такова тема г. Стародума, которую онъ доказываетъ разборомъ девяти книгъ журнала за текущій годъ. Разборъ этотъ чрезвычайно характеренъ, почему приводимъ его почти цѣликомъ. Авторъ выхватываетъ на протяженіи девяти мѣсяцевъ отдѣльныя статьи и замѣтки и нанизываетъ ихъ одну на другую, съ ловкостью завзятаго прокурора составляя настоящій обвинительный актъ.

«Вотъ воспоминанія петрашевца Ахшарумова о его тюремной жизни,—начинаетъ г. Стародумъ,—писанныя много лѣтъ спустя послѣ событія и дышащія, несмотря на дряхлый возрастъ автора, непреклонной ненавистью къ покаравшей его власти...

«Вотъ выдержки изъ журналовъ—бунтъ 14-го декабря 1825 г., по новымъ воспоминаніямъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Это очень интересныя свѣдѣнія, если брать ихъ самихъ по себѣ, но группировка этого матеріала въ одно цѣлое явно тенденціозна, намѣренно даетъ колоритъ унынія прошлому.

*

«Вотъ и повѣсти. То—«Свисташкино счастье»... то—«Бунтъ»... Опять безпросвѣтный мракъ, уныніе, духовная темнота, какъ-будто на свѣтѣ ничего нѣтъ ни свѣтлаго, ни радостнаго.

«При занесеніи въ лѣтопись текущихъ событій русской жизни принята особенная, до крайности оригинальная манера. Во второмъ отдѣлѣ журнала есть особая рубрика «Разныя разности.—На родинѣ». Въ рубрикѣ этой подъ отдѣльными заголовками помѣщаются событія и явленія, заслуживающія, по мнѣнію редакціи, особаго вниманія. Возьмемъ для примѣра рубрику эту въ мартовской книгѣ. «Разныя разности» начинаются въ этомъ номерѣ «Кончиной Н. К. Михайловскаго» (3 страницы). Далѣе идутъ замѣтки «Что читаетъ сельское населеніе» (3 страницы). Въ замѣткѣ этой осуждается выборъ книгъ, допускаемыхъ ученымъ комитетомъ къ обращенію въ народныхъ библіотекахъ, какъ слишкомъ ограниченный, и рекомендуется въ качествѣ выхода изъ такого положенія допущеніе въ народныя библіотеки всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ въ Россіи общей цензурой.

«Слѣдующая замѣтка—«Въ родныхъ палестинахъ» ($1^1/_2$ страницы) трактуетъ со словъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о грабежахъ, разбояхъ, буйствахъ, убійствахъ въ слободѣ Покровской Самарской губ. Затѣмъ 3 страницы посвящены нападенію на князя Гагарина крестьянъ его имѣнія (дѣло, слушавшееся въ Московской судебной палатѣ). Потомъ идетъ рядъ страницъ, посвященныхъ «возстановленію правъ защиты» (по вопросу о правѣ защитника просить присяжныхъ засѣдателей объ оправданіи сознавшагося подсудимаго), «Вакуфному вопросу», невеселымъ вѣстямъ о положеніи продовольственнаго дѣла въ Крестецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, «положенію кустарей въ Муромскомъ уѣздѣ», «отхожимъ промысламъ въ Ярославскомъ уѣздѣ». Послѣ печатнаго листа, посвященнаго всему сказанному, слѣдуетъ полторы странички (какая точность, подумайте только! *А. Б.*) подъ заглавіемъ «За мѣсяцъ». Сначала поставлены извѣстія о пріостановкѣ и запрещеніи разныхъ изданій, а потомъ Высочайшій манифестъ отъ 27-го января 1904 г. о войнѣ Россіи съ Японіей.

«Въ февральскую книгу «Міра Божьяго», выходящаго по первымъ числамъ, манифестъ войти не могъ, такъ какъ «Міръ Божій» выходитъ съ предварительной цензурой и февральскій номеръ, очевидно, былъ завершенъ и сданъ въ цензуру ранѣе опубликованія манифеста. Истекъ мѣсяцъ и обозрѣватель внутреннихъ событій въ журналѣ «для самообразованія» имѣлъ вполнѣ достаточно времени, чтобы взвѣсить и освѣтить передъ своими читателями событіе единственной и чрезвычайной важности. Но все оказалось важнѣе войны: и отхожіе промыслы Ярославской губ., и вакуфный вопросъ. Нельзя было вовсе промолчать о войнѣ—ну, помѣстили манифестъ и успокоились. То же самое наблюдается въ августовской и сентябрьской книгахъ. Страшное злодѣяніе—убійство В. К. Плеве 15-го іюля отмѣчено (августъ) коротенькой замѣткой, перепечаткой перваго извѣстія о злодѣйствѣ изъ «Правительственнаго Вѣстника»: «Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано», и приводится оффиціальное извѣстіе. Приведено это тоже въ рубрикѣ «Разныхъ разностей», подъ

заглавіемъ «За мѣсяцъ», т.-е. послѣ подробныхъ соображеній о разныхъ вакуфныхъ и иныхъ «столь же жгучихъ» вопросахъ. Кончинѣ министра посвящено десять-пятнадцать строкъ. Зато смерти Чехова въ «разныхъ разностяхъ» отведено шесть страницъ.

«Въ той же рубрикѣ и подъ тѣмъ же заглавіемъ «За мѣсяцъ» въ сентябрьской книжкѣ отмѣчено радостное событіе рожденія Наслѣдника Цесаревича помѣщеніемъ начала Всемилостивѣйшаго манифеста 11-го августа.

«Къ этимъ двумъ событіямъ столь же сухо и почти въ той же формѣ отнесся и «Вѣстникъ Европы».

«Конечно, каждое періодическое изданіе печатаетъ то, что желаетъ, и цензурное требованіе можетъ быть предъявлено лишь къ содержанію вошедшихъ въ номеръ статей, а не относительно самаго состава номера. Но мы, читатели, и не можемъ предъявлять никакихъ требованій. Мы лишь удостовѣряемъ наличность факта. «Міръ Божій» занимается всѣми вопросами быта и общественной жизни, даетъ обширные некрологи извѣстныхъ лицъ, если они симпатичны журналу, и, рядомъ съ этимъ, относится вполнѣ безразлично къ выдающимся явленіямъ государственной жизни. Рожденіе Наслѣдника Престола, начало войны, убіеніе министра, радость, забота, горе, восторгъ и ужасъ, надежда и тревога—все то, чѣмъ жило государство, а слѣдовательно и народъ—все это не интересуетъ «Міръ Божій» и заносится на его страницы кратко и вяло.

«А между тѣмъ для спеціальнаго читателя журнала было бы, быть можетъ, не лишено интереса выслушать отъ органа, въ которомъ онъ, читатель, ищетъ *самообразованія*, оцѣнку событій, не могшихъ пройти незамѣченными и составляющихъ вопросъ дня болѣе насущный, чѣмъ вопросъ вакуфный.

«Не ясно-ли желаніе «Міра Божьяго» показать, что жизнь государственная ему чужда, что онъ ею занимается лишь въ предѣлахъ требованій приличія, но что значенія ей не придаетъ, какъ если бы все это происходило въ Гренландіи или на Огненной Землѣ.

«Если между читателями «Міра Божьяго» есть легковѣрные, разсчитывающіе преуспѣть при его помощи въ самообразованіи, то ихъ можно поздравить—они выбрали школу самую подходящую, чтобы научиться порицать все родное и отойти далеко отъ родныхъ радостей и скорбей» (стр. 788—790).

Приведя далѣе, въ доказательство злой тенденціозности журнала, выдержки изъ «Воспоминаній» Ахшарумова и повѣсти «Бунтъ», г. Стародумъ такъ заканчиваетъ своей обвинительный актъ:

«Есть же гдѣ-нибудь просвѣтъ?—въ правѣ спросить «самообразовывающійся» читатель. Но этого просвѣта ему нигдѣ не показываютъ въ журналѣ для самообразованія.

«Если прислушаться къ словамъ «Міра Божьяго», то во всемъ Божьемъ мірѣ нѣтъ ничего хорошаго. Небосклонъ—сѣраго цвѣта солдатской шинели, жизнь сосредоточилась въ мелкихъ грязныхъ углахъ человѣческаго униженія. Вездѣ недохваты, недостатки, ошибки, злоупотребленія. Жизнь государства никого не интересуетъ. Мрачно, трудно, обидно, скверно.

«Вотъ и самообразовывайтесь при посредствѣ этой разводки въ желатинѣ либерализма патогенныхъ микроорганизмовъ, которая называется кощунственно «Міромъ Божіимъ», и учитесь ненавидѣть родину и при возможности ниспровергнуть ея основы.

«Это дѣло самообразованія сводится къ дѣлу растлѣнія читателей, къ всяческому соблазну.

«Руководители «Міра Божьяго» забыли все на свѣтѣ, кромѣ своей ненависти къ Россіи, они ищутъ улова въ полуразвитыхъ людяхъ и, стараясь, какъ сказано, все забыть, забыли и слова Спасителя о томъ, что лучше повѣсить себѣ на шею жерновъ мельничный и броситься въ пучину морскую, нежели соблазнить единаго отъ малыхъ сихъ» (стр. 806).

Все.

Однако,—можетъ сказать иной мало или вовсе незнакомый съ нашимъ журналомъ читатель,—какъ это произошло, что въ дебряхъ русской журналистики выросъ такой ядовитый «фруктъ», какъ «Міръ Божій»? Да еще притомъ—подъ опекой цензуры? Тринадцать лѣтъ (шутка сказать!) «соблазняетъ» онъ «малыхъ сихъ», и начальство терпитъ, цензура допускаетъ, и журналъ процвѣтаетъ? Quousque tandem abutere patientia nostra!

O tempora, o mores!..

Для насъ же до очевидности ясно, что только полное незнакомство г. Стародума съ условіями русской подцензурной печати могло вызвать съ его стороны такое обвиненіе, какъ въ замалчиваніи существеннѣйшихъ, единственныхъ по важности вопросовъ текущей жизни, въ родѣ войны, чѣмъ жило государство, чѣмъ волновалась общественная мысль. Г. Стародумъ, работая въ томъ лагерѣ печати, который присвоилъ себѣ монополію свободы печати, съ невинностью младенца удивляется и негодуетъ, почему массу явленій журналъ обходитъ молчаніемъ. А между тѣмъ спроси г. Стародумъ хотя бы у г. Н. М. Соколова, статья котораго «Россія, Европа и человѣчество» помѣщена въ той же книгѣ «Русскаго Вѣстника»,—и послѣдній, какъ опытный въ печати человѣкъ, пояснилъ бы ему, что̀ стоитъ между журналомъ и читателемъ...

Не тенденціозная небрежность редакціи, не невнимательность ея или нежеланіе высказывать свое мнѣніе приводили къ неполнотѣ и односторонности а невозможность. Мрачная односторонность прогрессивной журналистики превосходно иллюстрируется на примѣрѣ нашего журнала, приводимомъ г. Стародумомъ. Помимо самой жизни, за послѣдніе годы не отличавшейся радостями и весельемъ, надо же помнить и «невеселыя» условія, въ какихъ работала печать, о чемъ такъ много уже сообщалось за послѣднее время въ лучшихъ органахъ повседневной прессы. Вотъ почему огромный рядъ вопросовъ и не былъ затронутъ, или же приходилось только удостовѣрять факты, предоставляя читателю самому разбираться въ нихъ. Приходилось поневолѣ говорить объ отхожихъ промыслахъ Ярославскаго уѣзда и вакуфныхъ вопросахъ, когда вокругъ жизнь крикомъ кричала и слова сами рвались изъ-подъ пера. Въ своемъ рвеніи подчеркнуть односторонность журнала, г. Стародумъ даже страницы подсчиталъ, сколько и чему отведено мѣсто въ той или иной рубрикѣ журнала. Одно только

онъ забылъ—подсчитать, сколько горечи должно было накопиться въ сердцахъ писателей, когда свои лучшія мысли, самыя искреннія слова они были вынуждены заглушать въ себѣ, занимаясь опостылѣвшими и имъ, и читателямъ отхожими промыслами и вакуфными вопросами. Если ужъ онъ, г. Стародумъ, волновался единственными по важности вопросами, то не менѣе, по крайней мѣрѣ, волновались ими и тѣ, кого онъ теперь поноситъ. Давно уже сказалъ объ этомъ Полонскій:

„Писатель—если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.
Писатель—если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода“.

И сколько страницъ понадобилось бы, чтобы излить накопившуюся горечь...

Но «назадъ возврата нѣтъ». Запоздалъ г. Стародумъ съ своимъ... докладомъ. Предадимъ же и мы его забвенію...

Назадъ возврата нѣтъ и не должно быть, если мы хотимъ жить, а не гнить въ ямахъ, гдѣ свили свои гнѣзда совы и нетопыри.

Назадъ возврата не должно быть: ждетъ кипучая работа, накопившаяся за все время застоя, когда русская жизнь была похожа, по выраженію князя Трубецкаго, на «дортуаръ въ участкѣ».

Какъ въ спертой атмосферѣ долго непровѣтриваемой комнаты, куда давно не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, въ нашей застоявшейся общественной жизни накопившіяся кучи всякаго сора и затхлый удушливый воздухъ мѣшаютъ всякому движенію, не позволяютъ вздохнуть полной грудью, энергично и честно, не токмо за страхъ, а за совѣсть—взяться за трудъ, за устройство нашего общественнаго быта...

И чтобы теперь взяться за трудъ общественнаго устроенія, необходимо прежде всего дать людями вздохнуть свободно, распутать тѣ безчисленныя путы, которыя вотъ уже двадцать пять лѣтъ неустанно накладывались на наши ноги и руки. Снять эти путы—вотъ что необходимо прежде всего. Иначе всѣ слова о «довѣріи» такъ и останутся словами. Эта простая человѣческая мысль и стала лозунгомъ дня, обсуждаемымъ всею печатью. Остановимся только на нѣкоторыхъ статьяхъ, яснѣе поставившихъ этотъ вопросъ.

Въ 40-мъ № «Права» въ прекрасной статьѣ «Шестидесятые годы и предстоящая реформа» авторъ, указавъ на «новый курсъ» въ нашей внутренней политикѣ, справедливо напоминаетъ, что «нѣтъ возврата» даже къ тому положенію, которое связывается въ сознаніи русскаго общества съ шестидесятами годами прошлаго вѣка.

«Довѣріе обязываетъ,—говорится далѣе. И если печать сознаетъ лежащую на ней отвѣтственность, если она сознаетъ святость своего призванія,—въ критическія минуты народной жизни, она не можетъ, она не должна молчать.

«Не слѣдуетъ обольщаться надеждами. Мы стоимъ лишь на порогѣ «новой эпохи». Мы вступимъ въ нее, когда отъ словъ перейдемъ къ дѣлу.

«Русскому обществу приходилось уже слышать хорошія слова. Кто не помнитъ еще рѣчи, произнесенной покойнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на столѣтнемъ юбилеѣ ввѣреннаго ему министерства? Развѣ не говорилось въ ней объ исполинскомъ ростѣ народныхъ силъ, ставящихъ на очередь заботу объ усовершенствованіи способовъ управленія, о необходимости болѣе дѣятельнаго участія мѣстныхъ людей въ трудахъ мѣстнаго управленія, о невозможности бюрократическаго осуществленія крестьянской реформы, объ обращеніи къ сокровищницѣ всѣхъ творческихъ силъ страны?

«А между тѣмъ, усовершенствованіе способовъ управленія завершилось учрежденіемъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, забота о дѣятельномъ участіи въ мѣстномъ управленіи мѣстныхъ людей выразилась въ тенденціозныхъ ревизіяхъ, въ упраздненіи тверского земства; обращеніе къ творческимъ силамъ страны свелось къ образованію крестьянскихъ комиссій изъ благонадежныхъ лицъ, по назначенію начальниковъ губерній!..

«Политическая программа, *дѣйствительно* основанная на искренне-благонамѣренномъ и искренне-довѣрчивомъ отношеніи къ обществу, является по существу *прямымъ и безусловнымъ отрицаніемъ* политики послѣднихъ десятилѣтій. Эта политика, въ своихъ основныхъ теченіяхъ и въ мельчайшихъ деталяхъ, проникнута однимъ настроеніемъ, одной идеей. Она продиктована недовѣріемъ къ обществу».—Авторъ статьи доказываетъ свое положеніе цѣлымъ рядомъ фактовъ, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ, напоминая мѣропріятія, въ основу которыхъ именно было положено отсутствіе всякаго довѣрія къ общественнымъ силамъ.

Приведя далѣе всѣ удары, сыпавшіеся на земское и городское самоуправленіе, авторъ продолжаетъ:

«При такихъ условіяхъ политика довѣрія къ обществу, дѣйствительно, должна открыть собою новую «эру» въ исторіи русской общественности. Она должна отказаться—откровенно и смѣло—отъ бюрократическихъ традицій; она должна вырвать съ корнемъ негодныя травы, взрощенныя бюрократіей на нивѣ русской жизни. Необходимо вернуть общество на тотъ широкій и свободный путь, на который оно вступило въ 60-ыхъ годахъ и съ котораго, испугавшись далекихъ перспективъ, мы свернули такъ поспѣшно и такъ пугливо въ тѣсный и темный тупикъ.

«Довѣріе или недовѣріе—средины нѣтъ. Demifiance est méfiance. Если правительство довѣряетъ обществу, оно должно предоставить русской печати свободу слова, русскому земству возможность дѣйствовать. Оно должно обезпечить отъ полицейскихъ посягательствъ личную неприкосновенность русскаго гражданина».

Указавъ затѣмъ, что все это—лишь «разрушительная» работа, но что необходима потомъ созидательная, авторъ говоритъ, что мы не должны останавливаться на 60-ыхъ годахъ. «Надо идти впередъ,—заканчиваетъ «Право»,—нельзя ждать спасенія отъ палліативовъ; не слѣдуетъ закрывать глаза предъ огромностью предстоящаго дѣла; надо взвѣсить напередъ всю его трудность,

для того чтобы осуществляя его, предъ первымъ препятствіемъ не отступать, предъ первымъ сомнѣніенъ не повернуть вспять».

Въ томъ же смыслѣ высказались и другіе органы прогрессивной печати, среди которыхъ особое значеніе получаетъ голосъ провинціальной прессы, до сихъ поръ подавленной больше, чѣмъ столичной. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ «Нижегородскій Листокъ» въ № 277. Привѣтствуя откликъ земскихъ собраній и городскихъ думъ на рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ, газета заявляетъ:

«Печать отмѣтила уже рядъ фактовъ, знаменующихъ собою новую эру. Смѣнились товарищи министра. Возвращены—въ имѣнія—нѣкоторые тверскіе земскіе дѣятели, возвращено во внутрь Россіи нѣсколько извѣстныхъ и уважаемыхъ общественныхъ дѣятелей, какъ-то гг. Бунаковъ, Мартыновъ, Чарнолусскій, Анненскій и другіе, навлекшіе на себя гоненіе лишь откровенною рѣчью о народныхъ нуждахъ. Отмѣчено снятіе кары съ одного журнала и ждутъ новыхъ изданій. Радуются, что общеземская организація помощи больнымъ и раненнымъ блестяще показала себя и можетъ быть расширена.

«Но какъ бы многочисленны ни были подобные факты, пока они являются лишь актами единичными, отдѣльнымъ проявленіями новаго отношенія къ печатному и устному слову,—начала «довѣрія» еще не проведены въ жизнь. Объ осуществленіи ихъ можно было бы говорить лишь при устраненіи тѣхъ исключительныхъ законовъ, при которыхъ возможны кары и гоненія за устное и печатное выраженіе взглядовъ общественными дѣятелями, при которыхъ естественное стремленіе общественныхъ учрежденій къ расширенію несомнѣнно общеполезной дѣятельности можетъ быть въ любой моментъ пресѣчено. Возникновеніе нормальнаго порядка жизни, обезпечивающаго гражданамъ личную неприкосновенность, печати—отвѣтственность только по суду, общественнымъ учрежденіямъ—возможность свободно развивать свою дѣятельность, — таково первое условіе предстоящей созидательной работы».

Это тѣмъ легче сдѣлать, продолжаетъ газета, что все это—«наслоенія» разныхъ временныхъ правилъ и ограниченій, которыя можно отмѣнить однимъ почеркомъ пера. Но, заканчиваетъ газета, вслѣдъ за разрушающей старое «недовѣріе» должна идти «созидающая» работа новаго устроенія. «Пусть полнѣе и звучнѣе раздаются въ общественныхъ учрежденіяхъ голоса, указывающіе, что слѣдующій шагъ за обѣщаннымъ довѣріемъ населенію есть обезпеченіе, гарантія ему гражданскихъ правъ. Формы же этого обезпеченія, лучше всего, конечно, могли-бы опредѣлить представители самого населенія».

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе «Ниж. Листка», мы считаемъ его постановку вопроса единственно правильной. Безъ рѣшенія намѣченныхъ газетой задачъ не мыслимъ малѣйшій шагъ впередъ, никакое обновленіе нашей родины.

Въ томъ же смыслѣ говоритъ и «Кіевлянинъ», указывая, къ чему привела усиленная «опека» надъ обществомъ, подавившая всякую инціативу.

«Такъ, опека промышленности не привела къ тому, чтобы потребитель получалъ хорошій и дешевый продуктъ отечественнаго производства, а вѣдь, конечно, не въ интересахъ благополучія промышленниковъ только приняты были и поддерживаются мѣры широкаго покровительства промышленности. Опека въ наиболѣе свободномъ по существу своему дѣлѣ вѣры и совѣсти при-

вела къ распространенію сектантства. Опека печатнаго слова устраняетъ возможность обсужденія вопросовъ, интересующихъ общество, и ставитъ внѣ контроля общественнаго мнѣнія такія явленія, самое существованіе которыхъ было бы немыслимымъ при свободномъ обсужденіи ихъ въ печати. Опека науки привела къ нарожденію рядомъ съ наукой оффиціальной—науки неоффиціальной. Чрезмѣрная опека низшей школы повела къ расколу въ дѣлѣ элементарнаго обученія. Опека надъ русскою національностью не привела къ торжеству ея тамъ, гдѣ эта опека культивируется; русское землевладѣніе не сдѣлало прочныхъ успѣховъ, потому что пріобрѣтеніе земель лицами русскаго происхожденія усвоило во многихъ случаяхъ характеръ спекуляціи. Опека надъ сословіями не укрѣпила, съ одной стороны, дворянство, которое не умѣло держаться собственными силами, а съ другой стороны—не укрѣпила и не улучшила положенія обособленнаго крестьянства.

«Если бы,—говоритъ газета,—примѣненіе опеки къ проявленіямъ общественной жизни даже достигало намѣченныхъ законодателемъ цѣлей, то и тогда противъ нея можно было бы сдѣлать возраженія, имѣя въ виду будущее; но когда опека цѣлей своихъ не достигаетъ, то нужно признать, что она не находитъ себѣ оправданій, и нужно открыть просторъ самодѣятельности общества, которое, будучи предоставлено самому себѣ, найдетъ правильные пути къ развитію своихъ силъ».

Классическое «тащить и не пущать» остается и до сихъ поръ въ полной силѣ, и какъ бы ни было свято дѣло, которое вы затѣете во имя общественныхъ или личныхъ интересовъ—на каждомъ шагу вы натыкаетесь на непреодолимыя подчасъ препятствія. Г. Розановъ въ одномъ изъ фельетоновъ «Нов. Времени» курьезно, но вѣрно отмѣчаетъ эту жестокую черту русской жизни. «Нужно держать прислугу (рѣчь идетъ о пропискѣ паспортовъ)—и сколько формальностей! Нужно похоронить 9-ти-мѣсячнаго ребенка—и сколько опять формальностей! Сколько же ихъ нужно, чтобы 1) начать маленькій промыселъ, 2) открыть лавочку, мастерскую, 3) завести школу, и вообще 4) трудиться и 5) просвѣщать. А вотъ «формальностей» для дебоша и разврата не требуется. Всякая разрушительная сила у насъ дѣйствуетъ безъ препятствій, а какъ нужно что-нибудь создать: «стопъ! кто такой? для чего? съ какимъ намѣреніемъ?» Всякій трудящійся словно преступникъ передъ отечествомъ, уже заранѣе осужденный, которому сейчасъ же и энергично нужно оправдываться, отписываться и «разъяснять» почти самое существованіе свое. Только съ праздношатающихся никто не спрашиваетъ, «какъ», «что» и «почему» они. Дивно ли, что если созиданіе стоитъ у насъ передъ угрозой, въ страхѣ, то оно и робко, низится, безвольно, а если развратъ и праздность ласкаются, то они и поднимаютъ гордо голову» («Н. Вр.» 13-го окт.).

Недовѣріемъ и жестокостью, какъ его послѣдствіемъ, проникнута русская жизнь въ большинствѣ ея проявленій. Отсюда непрочность всякой созидательной работы, шаткость ея, неувѣренность и растерянность во всемъ. И можетъ ли быть иначе, когда обыватель чувствуетъ свою полную беззащитность и бьется, какъ рыба, въ опутавшихъ его бюрократическихъ тенетахъ? «Бумага» стала господиномъ жизни, властно и побѣдоносно на все накладывая свою всесиль-

ную руку. Истинно можно сказать, что если еще сохранилась у насъ и теплится кое-гдѣ искорка жизни, то лишь благодаря «попустительству» начальства. Послѣднее вѣдь тоже изъ людей состоитъ, а не изъ однихъ машинъ, и бумага подчасъ давитъ ихъ не меньше, чѣмъ насъ, и выходитъ «недосмотръ», благодаря которому сквозь петли бюрократическихъ сѣтей то тутъ, то тамъ проскакиваетъ обывательская рыбешка...

«Людей нѣтъ!» Это стало парадоксомъ нашихъ дней. Но не произошло ли это отсутствіе людей отъ того, что все съуживался и съуживался кругъ, отводимый личной и общественной иниціативѣ, все разростался и расширялся кругъ вѣдѣнія чиновничества? И трудно подсчитать, сколько за это время выросло новыхъ «столовъ» и «столоначальствъ». Получилась странная картина государственной дѣятельности, въ которой чиновникъ разросся за счетъ гражданъ до небывалыхъ никогда еще размѣровъ и сталъ какъ бы самодовлѣющей величиной, цѣлью an und für sich, а все остальное лишь постольку и существенно, поскольку служило чиновнику. Наши мѣстныя самоуправленія свелись почти къ нулю, благодаря ограниченію представительства. Ихъ дѣятельность свелась почти только къ изысканію средствъ, а распоряженіе ими попало на дѣлѣ въ руки того же чиновника. Не расширялось ни дѣло народнаго просвѣщенія, ни врачебное, а во многихъ мѣстахъ оно пошло на убыль. Многое, что съ великими усиліями было создано раньше, теперь разрушено, какъ, напр., статистика, которой въ сущности нѣтъ больше въ Россіи. Статистическія бюро закрыты, опытные работники разсѣялись, матеріалы если не уничтожены, то, оставаясь безъ надлежащей обработки, пришли въ негодность и имѣютъ цѣну макулатуры. А между тѣмъ это огромной важности государственное дѣло было создано земствами и превосходно поставлено, создано годами работы и усилій тысячи лицъ, которыми достаточно доказывается наличность «людей», когда предоставляется возможность живого и плодотворнаго дѣла.

Да, бюрократія съ полнымъ правомъ можетъ сказать про себя: «захватило насъ трудное время неготовыми къ трудной борьбѣ»—не только на Дальнемъ Востокѣ, но и здѣсь, внутри Россіи. Ни одна изъ задачъ, отнятыхъ ею у общества, не выполнепа ею и приходится обращаться опять къ тому же обществу, чтобы найти въ его средѣ способныхъ дѣятелей для осуществленія насущнѣйшихъ задачъ жизни...

Мы еще не въ могилѣ, мы живы»,—и страстно жить хотимъ, и въ этой неискоренимой жаждѣ жизни — залогъ будущаго воскресенія. Стоило только раздасться одному слову, — только *слову*! — и то уже жизнь начала проявляться тамъ, гдѣ все, казалось, умерло. Что же будетъ, когда слово претворится въ *дѣло?* Когда освобожденный духъ народа проявится во всей его силѣ и красотѣ?

Явятся нужные люди, потому что есть они, только не имѣли возможности проявить себя. Явится и бодрое настроеніе, залогъ всякаго успѣха, потому что неистребима въ людяхъ вѣра въ силу добра и правды. Ложь, произволъ и насиліе не могутъ вдохновлять. Но есть неисчерпаемая сила въ вѣрѣ въ человѣка, въ его благородство, его умъ и доброту...

А. Б.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ. V.

„Виндзорскія проказницы“ Шекспира и „Смерть Пазухина“ Щедрина на сценѣ Александринскаго театра.—„Богатый человѣкъ“ г. Найденова въ театрѣ В. Ѳ. Коммисаржевской.

Сезонъ драматическихъ спектаклей въ Александринскомъ театрѣ открылся съ постановки комедіи-фарса Шекспира «Виндзорскія проказницы» въ переводѣ П. И. Вейнберга. Легкимъ комедіямъ Шекспира, вообще, повезло у насъ за послѣднее время; три года подрядъ послѣдовательно поставлены были: «Сонъ въ лѣтнюю ночь», имѣвшій значительный успѣхъ; «Зимняя сказка» въ переводѣ П. П. Гнѣдича и, наконецъ, упомянутыя «Виндзорскія проказницы», въ которыхъ намъ представился «знаменитый» рыцарь Фальстафъ въ превосходномъ воплощеніи В. Н. Давыдова. Конечно, Фальстафъ «Виндзорскихъ проказницъ» не есть тотъ цѣльный, сложный и геніально созданный типъ, какимъ онъ выставленъ въ «Генрихѣ IV»: извѣстно, что «Виндзорскія проказницы» написаны Шекспиромъ по заказу королевы Елизаветы, которая, по словамъ перваго біографа Шекспира—Роу,—«такъ восхищалась достойнымъ удивленія характеромъ Фальстафа, что велѣла вывести его еще въ другой пьесѣ и изобразить его въ ней влюбленнымъ». Шекспиръ выполнилъ, по преданію, «заказъ» въ двухнедѣльный срокъ и его пьеса, такимъ образомъ, является написанной по случаю, а не свободнымъ замысломъ художника. Большинство критиковъ Шекспира не придаютъ этой обработкѣ особой цѣнности. Проф. Н. И. Стороженко въ своемъ этюдѣ о прототипахъ Фальстафа (см. «Опыты изученія Шекспир»а, 1902 г.) высказываетъ даже замѣчаніе, что въ новѣйшей обработкѣ Шекспира—«Фальстафъ, сознающійся публично въ своей глупости и превращающійся въ моралиста—это уже не дальнѣйшее развитіе, а развѣ искаженіе типа. Оно можетъ служить новымъ подтвержденіемъ старой истины, что, разъ исчерпавъ извѣстный типъ, художникъ не долженъ снова возвращаться къ нему изъ опасенія, что ему придется либо повторять себя... либо—что еще хуже—исказить (созданный образъ) новыми наслоеніями, способными разрушить въ конецъ его типичность и психологическую цѣльность». «Искаженія» типа въ собственномъ смыслѣ мы не находимъ въ «Виндзорскихъ проказницахъ», а скорѣе нѣкоторую его разновидность въ болѣе грубой, откровенной формѣ, со сгущенными чертами изобличенія, отзывающагося вышучиваньемъ, дальнѣйшее паденіе даннаго лица, которое утрачиваетъ всякую привлекательность и выставлено во всей наготѣ своего моральнаго ничтожества. «Хвастливый воинъ» (Miles gloriosus) Плавта—этотъ отдаленный прототипъ шекспировскаго Фальстафа, опять выступаетъ на сцену въ «Виндзорскихъ проказницахъ», и всѣ пороки, обыкновенно ассоціирующіяся съ беззастѣнчивымъ и неразумнымъ хвастовствомъ—алчность, лицемѣріе, трусость, наконецъ, растерянность, которая въ концѣ концовъ заставляетъ хвастуна попадаться въ просакъ, лишаясь всякой сообразительности и находчивости,—всѣ эти черты собраны именно въ Фальстафѣ, псевдо-героѣ любовныхъ приключеній въ Виндзорѣ. Шекспиръ не представилъ его на самомъ дѣлѣ «влюбленнымъ», какъ

того желала королева Елизавета, если довѣрять словамъ Роу, а только притворяющимся влюбленнымъ, и сразу въ двухъ женщинъ, чтобы выманивать черезъ нихъ деньги у ихъ мужей. Онъ одураченъ и, конечно, никакой жалости къ себѣ не вызываетъ. Это не прежняя серьезная разработка характера «свободомыслящаго чревоугодника», какимъ выступилъ Фальстафъ въ двухъ частяхъ драматической хроники—«Король Генрихъ IV», а сатира-шаржъ, въ которой новыя черты, прибавленныя Шекспиромъ къ прежнему образу, указываютъ болѣе опредѣленно на отрицательное отношеніе автора къ данному типу. Эпохѣ возрожденія принадлежитъ, вообще, первое выраженіе порицанія тѣмъ наслѣдіямъ милитаризма и хищничества, которыя въ средніе вѣка были окружены нѣкоторымъ ореоломъ. Какъ это установлено современной научной критикой, Шекспиръ не только читалъ сатирическій романъ Раблэ, но и воспользовался нѣкоторыми чертами Панурга, чтобы придать ихъ своему Фальстафу, который въ цѣломъ все же представляется изобличеніемъ «хвастливаго воина», корыстнаго и неразборчиваго въ средствахъ. Въ томъ же романѣ Раблэ, которымъ пользовался Шекспиръ, выставлено и другое лицо, король Пикрошоль, въ роли мечтающаго о завоеваніи всего свѣта воителя, и знаменитый французскій сатирикъ XVI вѣка не пожалѣлъ красокъ для изобличенія запоздалыхъ фантазій носителя идей средневѣковаго имперіализма. Пикрошоль совершенный двойникъ нашего Хлестакова, по психологической мотировкѣ характера; онъ вретъ, увлекаясь своими выдумками; но по идейному содержанію онъ представляется значительной брешью въ цѣлое міросозерцаніе средневѣковья, съ которымъ эпоха возрожденія сводила счеты. Фальстафъ Шекспира не зараженъ завоевательными стремленіями, какъ Пикрошоль въ романѣ Раблэ, и тѣмъ не менѣе онъ типичный представитель выродившагося рыцарства, изобличеніе отрицательныхъ свойствъ кичливаго воина, хищника, пустого хвастуна, который уже не встрѣчаетъ прежняго сочувствія къ мотивамъ своей похвальбы. Мы смѣемся надъ продѣлками «веселыхъ женъ» въ Виндзорѣ надъ уродливымъ физически и нравственно, «джентельменомъ»-пропоицей, сэромъ Джономъ Фальстафомъ, а сущность комедіи совсѣмъ не смѣшная. Только интрига пьесы, бытовая обстановка дѣйствія, отдѣльныя сцены и положенія комичны, но стоитъ задуматься надъ свойствами выставленнаго характера и содержаніе комедіи представится намъ въ иномъ свѣтѣ. Въ исполненіи В. Н. Давыдова—Фальстафъ живое лицо и трудно представить себѣ болѣе подходящее воплощеніе, но, можетъ быть, онъ слишкомъ исключительно смѣшонъ и недостаточно отталкиваетъ.

И какъ живуча, къ сожалѣнію, тема сатирическаго шаржа Шекспира: переходъ отъ Фальстафа хотя бы къ «Смерти Пазухина» Щедрина, возобновленной въ текущемъ сезонѣ на сценѣ того же Александринскаго театра, не такъ рѣзокъ, какъ могло бы казаться. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ хотя бы слѣдующій діалогъ въ I-мъ дѣйствіи «Виндзорскихъ проказницъ»: Фальстафъ отдѣлывается отъ своего слуги, котораго спускаетъ хозяину гостиницы, причемъ замѣчаетъ своимъ пріятелямъ:

„Я радъ, что спустилъ отъ себя этотъ ящикъ съ трутомъ. Его воровство было уже слишкомъ открытое; въ своихъ мошенническихъ продѣлкахъ онъ былъ похожъ на дурного пѣвца: не зналъ мѣры и такта.

Нимъ. Талантливый воръ всегда крадетъ съ паузами!

Пистоль. „Крадетъ“!. Экое глупое слово! Мудрый человѣкъ сказалъ бы: „перемѣщаетъ!“

Не *крадетъ*, а *перемѣщаетъ*—да къ этому толкованію воровства сводится вся житейская мудрость статскаго совѣтника Семена Семеновича Фурначева въ комедіи Щедрина, и не одного Семена Семеновича, а большинства дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ. Дѣйствительно, когда отставной генералъ Лобастовъ называетъ своимъ именемъ то, что собирается продѣлать вся банда прихвостней умирающаго Пазухина, его наложница, Живоѣдова, восклицаетъ съ негодованіемъ:

„Да не обобрать! Что ты, сударь, въ самомъ дѣлѣ какъ говоришь. Обобрать, да обобрать!—только и словъ у тебя. Не обобрать, а *попользоваться.*“

Великолѣпная лазейка для лицемѣрія это «попользоваться» и Щедринъ мастерски примѣнилъ данную точку зрѣнія при характеристикѣ Фурначева. Отличительное свойство этого тартюфа въ бюрократической травестіи заключается именно въ томъ, что онъ пріискиваетъ оправданіе своимъ гнусностямъ, законнымъ, съ его точки зрѣнія, желаніемъ «попользоваться» тамъ гдѣ можно, безъ нарушенія показной морали. «Интересы соблюсти можно, а грѣшить зачѣмъ же», говоритъ Фурначевъ той же Живоѣдовой, когда она по наивности предлагаетъ невыгодный и слишкомъ рискованный образъ дѣйствія. И Семенъ Семеновичъ великій мастеръ блюсти свои интересы, пряча концы въ воду, мастеръ—читать мораль, распространяться о значеніи добродѣтели, которая «украшаетъ жизнь человѣка, ибо человѣкъ не имѣющій добродѣтели—звѣрь» и т. д. Говоритъ онъ длинно, обстоятельно, съ виду какъ бы убѣдительно, но такъ запутанно, что его женѣ отъ этихъ рѣчей — «даже спать хочется». Фурначевъ, конечно, сродни Іудушкѣ Головлеву и также, какъ Шекспиръ по отношенію къ Фальстафу, Щедринъ вернулся къ одному и тому же намѣченному типу, но съ тою разницей, что именно вторая обработка вышла полнѣе, законченнѣе, болѣе исчерпанной въ смыслѣ художественной полноты образа. Фурначевъ—это эскизъ къ будущему Іудушкѣ Головлеву и въ этомъ заключается историко-біографическій интересъ пьесы.

«Смерть Пазухина» написана еще въ 1857 году, напечатана тогда же въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» и не вошла въ собраніе сочиненій автора. «Семейство Головлевыхъ» появилось лишь черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ и, повидимому, Щедринъ не придавалъ самъ особаго значенія своей первой и единственной комедіи: онъ почувствовалъ свое настоящее призваніе въ другой области литературы и, конечно, былъ правъ.

Разсматриваемая какъ чисто драматическое произведеніе, «Смерть Пазухина» имѣетъ не мало недостатковъ: за исключеніемъ центральной фигуры Фурначева (г. Варламовъ), отчасти генерала Лобастова, (г. Медвѣдевъ) и бойко очерченнаго отставного подпоручика Живновскаго (г. Петровскій), которому не удается получить даже должности полицеймейстера, остальныя дѣйствующія лица въ пьесѣ лишены рельефности. Въ интригѣ много придуманнаго и не разъ великій сатирикъ сбивается съ требованій правдоподобія отъ зрѣлища,

чтобы дать волю своему субъективному настроенію въ высмѣиваніи изобличаемыхъ типовъ. Сынъ Пазухина въ своей безличности расплывается въ совершенно неуловимый обликъ (быть можетъ, отчасти поэтому г. Ленскому не удалось справиться съ своей ролью); записка, которую онъ диктуетъ въ послѣднемъ актѣ Фурначеву, — слишкомъ остроумна въ его устахъ и явно вымышлена авторомъ, что опять-таки не согласно съ требованіемъ жизненности типа.

Монологъ Фурначева послѣ совершенія кражи («Кончилъ праведный мужъ земное свое обращеніе» и т. д.) есть очевидный шаржъ, подготовляющій дальнѣйшій театральный эффектъ захвата вора какъ разъ тогда, когда онъ произноситъ (въ монологѣ, который другіе какъ бы подслушиваютъ!) слова, на которыя самъ ловится и т. п. Но теперь, конечно, неумѣстно разбирать, спустя полъвѣка, достоинства или недостатки пьесы, которой техническія несовершенства, длинноты и искуственность построенія искупаются мѣткостью сатиры и остроуміемъ автора, а также вѣрностью общаго контура главныхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Мастерство Щедрина особенно сказалось въ выдержанности типа Фурначева: не звучитъ ли, съ самаго начала, жестокимъ сарказмомъ его доводъ: «деньги всякому человѣку нужны—даже нищій на улицѣ стоитъ и тому деньги надобны»! Этотъ кощунственный аргументъ, конечно, «придумалъ» самъ авторъ, но, вложивъ его въ уста Фурначеву, онъ даетъ намъ почувствовать всю жестокость, на которую способенъ лицемѣрный хищникъ, который далѣе уже отъ себя распространяется: «излишняя чувствительность ведетъ къ погибели. Человѣкъ самое несчастное созданіе: родится плачетъ, умираетъ плачетъ»... Дѣйствительно, если къ такимъ разсужденіямъ сводить «чувствительность», то толку изъ нея выйдетъ немного. Шагъ за шагомъ доводитъ авторъ своего тартюфа сперва до теоретическаго оправданія преступленія, затѣмъ до выполненія самой кражи, и, наконецъ, какъ бы вѣнцомъ наглости Фурначева и его стойкости въ лицемѣріи являются его разсужденія передъ всей собравшейся семьей и всѣми служащими въ домѣ Пазухиныхъ, когда онъ, пойманный съ поличнымъ, ославленный и опозоренный, смѣетъ заявить: «коли уже Господь нашъ столько претерпѣлъ, такъ что же мы такое будемъ, если съ кротостію испытаній судьбы не снесемъ». Украденныя деньги онъ дескать предназначалъ на богоугодныя дѣла и стало быть намѣренія все-таки у него были благія. Эта почти геніальная находчивость уличеннаго преступника раскрываетъ намъ другую сторону въ характерѣ Фурначева—какъ онъ сталъ тѣмъ, что есть. Онъ именно «вышелъ въ люди» благодаря природнымъ дарованіямъ и недюженному уму, при пагубномъ убѣжденіи, что иного пути нѣтъ пробиться сквозь тысячи преградъ человѣку безъ рода, безъ племени, какъ хитрость и лицемѣріе при стремленіи всячески добывать деньги. «Деньги всѣмъ нужны»—повторяетъ Фурначевъ на всѣ лады. «Съ деньгами всякая тварь человѣкомъ дѣлается, безъ нихъ и человѣкъ тварью станетъ. Господи! Давно ли, кажется, давно ли босякомъ въ одной рубашкѣ гусей загонялъ... Давно ли въ земскомъ судѣ въ качествѣ писца для старшихъ въ кабакъ за водкой бѣгалъ и за это не благодарность, а колотушки получалъ и какъ еще колотили? Еще бы хоть съ разсужденіемъ, туда, гдѣ помягче, а

то просто куда рука упадетъ» и т. д. Въ этомъ монологѣ Фурначева предъ нами раскрывается вся его жизнь и, какъ это ни удивительно, именно въ обстоятельствахъ жизни этого проходимца авторъ далъ намъ почувствовать нѣчто, смягчающее отвѣтственность за вину и представилъ стимулъ «борьбы за существованія». Фурначевъ боролся тѣми средствами, которыя какъ бы указаны ему были общественными условіями жизни, и самимъ своимъ успѣхомъ изобличалъ дефекты дореформеннаго бюрократическаго строя. Припомнимъ, что и Живоѣдова была какъ оказывается, продана родителями 15-лѣтней дѣвочкой старику Пазухину на содержаніе: молодость загублена, краса завяла, а впереди нѣтъ даже обезпеченія, такъ какъ умирающій Пазухинъ боится составить завѣщаніе. Участвуя въ мрачномъ заговорѣ воровства, она тоже борется за существованіе и считаетъ себя до нѣкоторой степени правой получить хоть часть состоянія, являясь жертвой гнусной алчности своихъ же родителей и развратнаго старика. И генералъ Лобастовъ заботится объ интересахъ своей болѣзненной, чахлой дочери, которая несомнѣнно погибнетъ, если будетъ оставлена безъ средствъ. Всѣ эти люди борятся, идутъ на проломъ, чтобы какъ-нибудь отстоять себя, обезпечить свою жизнь, хотя бы въ самомъ грубомъ, элементарномъ смыслѣ, привязываясь къ очевидному до банальности положенію, особенно вразумительному для бѣдняковъ,—«деньги всѣмъ нужны».

Новѣйшіе драматурги перевернули вопросъ: тезису—«деньги всѣмъ нужны»—противопоставленъ тезисъ, тоже, положимъ, не особенно новый, что не въ деньгахъ счастье, и изображается растерянное положеніе не такого человѣка, который бы всячески старался пробиться къ обезпеченному существованію, а богатаго наслѣдника, не умѣющаго использовать свои средства, по своей внутренней, культурной недодѣланности. Такова тема новой пьесы г. Найденова «Богатый человѣкъ», поставленной весьма старательно на сценѣ новаго театра г-жи Коммисаржевской, въ Пассажѣ. Впрочемъ, это только одна изъ темъ пьесы, наиболѣе отвѣчающая ея заглавію: въ настоящемъ произведеніи талантливаго автора «Дѣтей Ванюшина» есть и нѣсколько другихъ, такъ сказать побочныхъ темъ, но выдвигающихъ принципіальные вопросы. Напримѣръ, авторъ, повидимому, не особенно сочувствуетъ артельному началу и сторонникъ большей индивидуализаціи дѣятельности даже на почвѣ практическихъ интересовъ жизни; онъ далѣе разъясняетъ, что если нехорошо имѣть слишкомъ много денегъ, то также нехорошо имѣть ихъ недостаточно, а тѣмъ паче совсѣмъ не имѣть, а когда ихъ нѣтъ, то и вполнѣ честный, благородный и идеалистически настроенный человѣкъ откладываетъ въ сторону излишнюю щепетильность, чтобы занять деньги даже у такого человѣка, котораго онъ глубоко презираетъ. Эскизная по формѣ, пьеса г. Найденова представляется довольно сложной по содержанію и съ нѣсколько смутными очертаніями: это пріемъ, который у живописцевъ называется—сводить рисунокъ «на нѣтъ». Пьеса все же интересная, съ талантливыми деталями и хотя въ ней нѣтъ ни того подъема душевныхъ силъ, ни захвата глубокой жизненной правды, которыми обусловлено выдающееся значеніе «Дѣтей Ванюшина», она безспорно заслуживаетъ вниманія.

Схема пьесы, согласно указаннымъ категоріямъ трехъ степеней благосостоянія, сводится къ слѣдующему распредѣленію ролей: богатый человѣкъ, имѣющій слишкомъ много денегъ, это Купоросовъ (г. Каширинъ), потомственный почетный гражданинъ, воротила въ артели, гдѣ онъ состоитъ главнымъ пайщикомъ; «капиталистъ», не имѣющій, однако, достаточнаго капитала для удовлетворенія своихъ желаній, это Николай, швейцаръ въ домѣ Купоросова. Онъ скопилъ 2.300 руб. и, казалось бы, для швейцара эта сумма довольно значительная. Но Николай влюбленъ въ содержанку Купоросова, Сашу, которая смѣется надъ его предложеніями и мѣтитъ либо замужъ за основательнаго жениха, съ приданымъ отъ Купоросова, либо въ кокотки высшаго полета. Поэтому она отвергаетъ ухаживанія Николая, который съ горя спивается, рѣшивъ, что имѣть двѣ съ лишнимъ тысячи все равно, что ничего не имѣть. Другой съ «недостаточнымъ капиталомъ»—мелькомъ очерченный въ пьесѣ артельщикъ Константиновъ, который готовъ на всякую подлость лишь бы пролѣзть дальше «въ люди» и соглашается даже жениться на содержанкѣ Купоросова, пока не произошелъ публичный скандалъ. Этому Константинову и внушаетъ Николай: «Зачѣмъ въ артельщики-то пошли? Умному человѣку съ деньгами въ Москвѣ безъ артели хорошо... Въ артель способный, умный человѣкъ не пойдетъ»... Константиновъ, дѣйствительно, «наказанъ», впрочемъ, не столько за свое желаніе вступить въ артель, какъ за готовность «породниться» съ всесильнымъ Купоросовымъ, женившись на его содержанкѣ. Эта парочка, Константиновъ и Саша, въ день ихъ помолвки на званномъ вечерѣ у Купоросова, на минуту внушаютъ къ себѣ жалость своей забитостью и безотвѣтственностью. Саша мечтаетъ, что она дочь богатыхъ родителей, что она честная дѣвушка, и когда Купоросовъ перебиваетъ ее: «у васъ мечты завлекательны... Жалко, что у насъ дѣло-то не очень чисто...» Саша отвѣчаетъ ему: «а вы не вспоминайте, не конфузьте меня... Будемъ ходить и мечтать, что мы хорошіе, хорошіе...» Это состояніе «въ мечтахъ», какъ въ пьесѣ Вс. И. Немировичъ-Данченко, ближе навѣяно сценой между барономъ и Настей въ «На днѣ» Горькаго. И «мечты» оказались безсильны передъ суровой логикой жизни.

Третью категорію—неимущаго пролетарія—представляетъ въ пьесѣ г. Найденова художникъ Тепловъ, женившійся на дочери бывшаго артельщика Суслякова, вступившій тоже въ артель на пай тестя, и занимающій теперь въ артели должность кассира, а также, за квартиру, управляющаго домомъ Купоросова. Тепловъ искалъ обезпеченья, чтобы имѣть возможность продолжать свои занятія живописью; онъ ошибся въ разсчетахъ: служба поглощаетъ все свое время; онъ совсѣмъ забросилъ живопись и горько сѣтуетъ на судьбу, что, какъ, оказывается, постоянно передъ нимъ возникаютъ помѣхи. Изъ хода дѣйствія выясняется, однако, что помѣхи эти не исключительно внѣшняго свойства, а въ значительной мѣрѣ заключаются въ немъ самомъ, въ свойствахъ его натуры. Тепловъ—натура талантливая, но изъ числа неудачниковъ, которые обвиняютъ всѣхъ и вся за свое неумѣніе создать себѣ подходящія условія жизни, чтобы использовать природныя дарованія. Трудно

бросить камнемъ въ такого человѣка; подобными типами, какъ говорятъ, кишитъ русская дѣйствительность, но онъ не возбуждаетъ полнаго сочувствія и особенно въ послѣдней сценѣ проглядываютъ явно изобличительныя намѣренія автора. Положеніе такое: къ Теплову пріѣхала его давняя пріятельница и родственница, Терпигорева, сельская учительница. Простая, хорошая дѣвушка, миловидная, откровенная въ обращеніи, независимая во взглядахъ, она производитъ впечатлѣніе на Купоросова, который не прочь за ней поухаживать. Терпигорева плѣняетъ его своей оригинальностью и неподкупностью, что для такого пресыщеннаго и избалованнаго дешевыми побѣдами человѣка, какъ Купоросовъ, представляется заманчивымъ «предметомъ для завоеванія», чтобы развѣять скуку. Но Тепловъ стоитъ на пути и мѣшаетъ ему. Купоросовъ безцеремонно его отстраняетъ, приказавъ прогнать съ вечера, который онъ устроилъ въ угоду Терпигоревой, будто бы для сближенія между собой богатыхъ и бѣдныхъ членовъ артели. Тепловъ, справедливо возмущенный тѣмъ, что его выпроваживаютъ, устраиваетъ на вечерѣ скандалъ, разоблачая шашни Купоросова. Тогда онъ изгоняется совсѣмъ изъ артели и вдобавокъ оштрафованъ на весь пай. Этого хотѣлъ Купоросовъ и собраніе артельщиковъ не смѣетъ ему перечить. Однако, благодаря заступничеству Терпигоревой, съ Теплова снимаютъ штрафъ и, кромѣ того, Купоросовъ присылаетъ ему двѣ тысячи рублей. Тепловъ, наперекоръ указаніямъ совѣсти и совѣту Терпигоревой не брать чека, принимаетъ эти деньги, успокаивая себя соображеніемъ, что онъ беретъ ихъ только въ долгъ и возвратитъ при первой возможности, все же написавъ записку Купоросову, что онъ его глубоко презираетъ и считаетъ себя въ правѣ, при встрѣчѣ съ нимъ, не кланяться. Конечно, можно почти навѣрняка заранѣе предсказать, что взятыя 2 тыс. рублей весьма скоро разойдутся у Теплова и онъ все же не встанетъ самостоятельно на ноги. У него останется сверхъ того смутное чувство недовольства въ совершенной сдѣлкѣ съ совѣстью. Недаромъ онъ и теперь, взявъ чекъ, поспѣшно убѣгаетъ, чтобы не встрѣтиться съ Купоросовымъ, оставивъ въ его домѣ Терпигореву одну съ нимъ. Что означаетъ вся эта сцена — переходъ отъ отчаянія къ радости, что скинули штрафъ, дали еще денегъ, которыя Тепловъ спѣшитъ взять какъ бы тайкомъ, наперекоръ прямому требованію Терпигоревой вернуть чекъ, внявъ врядъ ли особенно авторитетному заявленію швейцара Николая, подслушавшаго ихъ разговоръ: «Зачѣмъ же отдавать, коли даютъ?. . Дуракомъ надо быть!» Тепловъ не захотѣлъ быть «дуракомъ» въ очень низменномъ смыслѣ и другого объясненія этой сцены мы не находимъ, какъ предположивъ въ авторѣ изобличительныя намѣренія по отношеніи къ выставленному характеру. Тепловъ неудачникъ и долженъ былъ пасть до конца. Такъ ли? Очень жаль, если такъ. Пролетарія авторъ не меньше пощадилъ, чѣмъ «богатаго человѣка». Можетъ быть, онъ ему поставилъ въ вину, съ самаго начала, то, что Тепловъ зачислился въ артель? Не даромъ приведено изреченіе Николая, что «способный, умный человѣкъ въ артель не пойдетъ». Стало быть, Тепловъ не былъ «на высотѣ своего призванія»? Это нападеніе на артельное начало, которое такъ превозносилось въ не столь давнемъ прошломъ, побужденіе дѣй-

ствовать «въ одиночку»—составляютъ нѣкоторое знаменіе времени, которое придаетъ пьесѣ г. Найденова интересъ современности и съ точки зрѣнія общественныхъ вѣяній. Въ разборъ этой темы по существу здѣсь было бы неумѣстно пускаться. Ограничимся замѣчаніемъ, что сатира автора не столько поражаетъ артельное начало, какъ принципъ сплоченности, при свободной кооперацiи участниковъ предпріятія, ибо сплоченность все же есть бóльшая сила, чѣмъ дѣйствіе въ одиночку,—какъ раскрываетъ отрицательныя стороны такой артели, гдѣ верховодятъ единицы, пользуясь преимуществами своего личнаго состоянія. Неравенство пайщиковъ губитъ артель, но виновата при этомъ не идея составлять артели, а именно неправильная ея организація, при которой артель превращается какъ бы въ департаментъ со всей іерархіей бюрократическаго чинопочитанія, только съ замѣной «престижа власти» престижемъ денежнаго мѣшка. Такое изобличеніе дѣйствующихъ въ жизни артелей имѣетъ, конечно, смыслъ, но авторъ ничуть не доказалъ и не могъ доказать, чтобы внѣ артели хотя бы и умному и способному человѣку, желающему пробиться въ жизни самостоятельно, вполнѣ въ одиночку, было бы лучше. Такъ выбивались когда-то Фурначевы изъ такого званія, что «даже сказать постыдно», какъ выразился Щедринъ.

Единственнымъ свѣтлымъ лицомъ въ пьесѣ г. Найденова является учительница Терпигорева. Типъ выдержанъ и кстати замѣтить, весьма удачно воспроизведенъ молодой артисткой г-жой Будкевичъ, которая была совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ въ «Дядѣ Ванѣ» Чехова, возобновленномъ въ томъ же театрѣ Коммисаржевской. Впрочемъ, при постановкѣ «Дяди Вани», трудно сказать кто изъ артистовъ новой труппы былъ вполнѣ на мѣстѣ и понялъ свою роль. «Богатый человѣкъ» сошелъ гораздо удачнѣе и если не встрѣтилъ особаго успѣха у публики, то, можетъ быть, въ этомъ повинна отчасти сама пьеса. Авторъ слишкомъ щеголяетъ оттѣнками и «настроеніями» и въ концѣ концовъ такъ осложняетъ свои образы, что они теряютъ всякую опредѣленность. Едва ли не самое жизненное лицо въ пьесѣ швейцаръ Николай, отлично воспроизведенный на сценѣ. Что касается Терпигоревой, то она расплывается въ неясныхъ очертаніяхъ: сначала намѣчается, что она, сохранивъ дружескія отношенія къ Теплову, питала къ нему раньше иныя чувства и съ его женитьбой, испытала нѣкоторое разочарованіе. Потомъ оказывается, что она любитъ кого-то другого, неизвѣстного, ради котораго и пріѣхала въ Москву, но получила отъ него какое-то письмо, изъ котораго тоже ей вышло что-то непріятное. Все это не указано прямо, а сообщается намеками, изъ которыхъ трудно что-нибудь вывести опредѣленное. Въ то же время Терпигорева какъ бы заинтересовалась на мгновеніе и самимъ Купоросовымъ, котораго считаетъ лучше, чѣмъ о немъ говорятъ и думаютъ. Разочарованіе и тутъ постигло ее очень быстро и такъ изо всего ея пріѣзда въ Москву ничего не вышло, кромѣ нѣсколькихъ новыхъ огорченій для нея. И возвращается она туда, откуда пріѣхала, съ затаенной мыслью, что, пожалуй, лучше было бы ей, не отрываясь отъ своего дѣла, остаться на мѣстѣ учить дѣтей. Такое «настроеніе» невольно заражаетъ публику, которая не получаетъ отъ спектакля какого-либо существеннаго удо-

*

влетворенія: однихъ талантливыхъ деталей мало для успѣха пьесы. Мы почти не касались въ своемъ разборѣ самого Купоросова — «богатаго человѣка». Лицо это не новое въ нашей драматической литературѣ и долго на немъ останавливаться не стоитъ. Его предшественникъ «джентельменъ» кн. Сумбатовъ, тоже богачъ-меценатъ, учреждаетъ газету; Купоросовъ болѣе разсчетливый даже въ своемъ подчиненіи требованіямъ «общественнаго мнѣнія», ограничивается тѣмъ, что устраиваетъ вечеръ для служащихъ, на которомъ подаютъ чай, потомъ опять чай и еще чай... Такъ дальше чая и не ушли. Правда, онъ собирается усладить своихъ гостей музыкой, слывя хорошимъ музыкантомъ, но сперва портитъ впечатлѣніе слишкомъ усиленнымъ предисловіемъ къ игрѣ, а дальше помѣшалъ Тепловъ. Купоросовъ обладаетъ нѣкоторыми внѣшними прерогативами цивилизованнаго человѣка: въ этомъ отношеніи онъ дальше ушелъ, напримѣръ, Лопахина въ послѣдней пьесѣ Чехова, но по сущности въ обоихъ много однороднаго. Купоросовъ не можетъ выставить оправданій Лопахина, который самъ до всего дошелъ: онъ получилъ, наоборотъ, все готовымъ и если, по желанію жены, какъ онъ говоритъ, потянуло его къ старинному барскому дому, какъ Лопахина къ старинной барской усадьбѣ, съ пресловутымъ вишневымъ садомъ, то лишь нижній этажъ его онъ обратилъ въ контору, а самъ расхаживаетъ по пустыннымъ заламъ, сохраненнымъ во всей неприкосновенности «аристократической» обстановки, и предается мечтательности, музыкальнымъ фантазіямъ, обдумыванію рѣчей и записокъ въ полупублицистической формѣ. «Читать книги» онъ умѣетъ куда лучше Лопахина, но ему ни по чемъ, при всей его чувствительности и возвышенной душѣ, обдѣлить бѣдную дѣвушку, купленную въ кредитъ у ея матери: Купоросовъ въ этомъ отношеніи не далеко ушелъ даже отъ старика Пазухина; ни по чемъ раззорить цѣлую семью, лишивъ ея единственнаго пая, заработаннаго старымъ артельщикомъ долгими годами службы. Скаредность и тщеславіе чередуются въ его сумбурной душѣ, сложившейся подъ разными наслоеніями, какъ чередуются въ ней жестокость и романтизмъ, порывы великодушія, разсчетливость и мотовство. И кончаетъ онъ тѣмъ, что ѣдетъ опять въ привычный загородный ресторанъ «Гурзуфъ», къ «веселымъ дамамъ»—Сашѣ и Викторіи, въ отдѣльный кабинетъ и, вѣроятно, за одинъ вечеръ промотаетъ половину того приданаго, въ которомъ онъ такъ «расчетливо» отказывалъ бѣдной Сашѣ, когда ей представлялась возможность выйти замужъ... На нашъ взглядъ, пьесу можно было бы закончить на этомъ мѣстѣ, когда Купоросовъ звонитъ у телефона № 1537 — «Гурзуфъ»... Авторъ заставляетъ его еще довольно долго одѣваться и бесѣдовать съ мальчикомъ Васей, замѣняющимъ швейцара, которому онъ разсказываетъ «символическую» сказку. Вася, конечно, въ ней ничего не понялъ, а публикѣ и безъ того было ясно, что Купоросовъ влюбился въ Терпигореву, но остался ни при чемъ. Его выводъ, что «всѣмъ надо не денегъ, надо быть такой дѣвушкой»—представляется излишнимъ подчеркиваніемъ. Какъ бы то ни было, психологія одного богатаго человѣка, т.-е. не вполнѣ типа, а возможной средней личности, представлена г. Найденовымъ достаточно правдоподобно, причемъ, конечно, не требуется слишкомъ букваль-

наго пониманія словъ Купоросова насчетъ ненужности денегъ... Такъ разсуждать можетъ именно лишь человѣкъ, у котораго денегъ слишкомъ много. Намъ вспоминается кстати одно замѣчаніе Чехова: «мнѣ всегда казалось, что богатство ощущается и что у богачей должно быть свое особенное чувство, неизвѣстное бѣднякамъ». По толкованію г. Найденова выходитъ, что это чувство не изъ самыхъ пріятныхъ. Что же—тѣмъ лучше. Меньше будутъ стремиться попасть въ богачи и еще меньше завидовать имъ. Французскій романистъ Рони, задавшійся аналогичной темой изображенія психики богатаго человѣка, даже назвалъ свой романъ «Каторгой» (le Bagne)—столь незавидной показалась ему участь живущихъ въ роскоши, но безъ свѣта, безъ простора, безъ укрѣпляющаго сознанія въ своей независимости, въ томъ, что всѣмъ обязанъ лишь самому себѣ и своимъ силамъ, что самое прочное положеніе въ жизни лишь то, которое мы сами себѣ создаемъ. Этого сознанія унаслѣдованныя богатства, конечно, не могутъ дать.

Къ разсмотрѣнію пьесы Стринберга «Отецъ», одновременно идущей на двухъ театрахъ мы обратимся уже въ слѣдующій разъ.

Ѳ. Бат—овъ.

«ФОНДЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ».

До сихъ поръ обыкновенно общество приглашалось къ пожертвованіямъ извѣстными ему учрежденіями, причемъ жертвователи заранѣе знали и о назначеніи собираемыхъ суммъ.

Газета «Русь», по инціативѣ одного изъ своихъ читателей, 25-го сентября открыла подписку на нужды народнаго просвѣщенія вообще. И несмотря на то, что никто, даже сама «Русь» не знаетъ, кто же въ концѣ концовъ и какимъ именно образомъ распорядится собираемыми деньгами, пожертвованія притекаютъ въ контору газеты со всѣхъ концовъ Россіи, отъ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій и положеній и къ 14-му октября, по отчету, какимъ мы могли воспользоваться для настоящей замѣтки, сумма сборовъ достигла: деньгами 10.488 руб. 84 коп. и прочими цѣнностями около 2.067 руб. 45 коп. Приблизительное число участниковъ подписки опредѣляется въ 3.500 человѣкъ («Русь», 15-го октября, № 304).

Для насъ фактъ этотъ имѣетъ огромное симптоматическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, стоило газетѣ кликнуть кличъ, какъ сейчасъ же тысячи наивныхъ, не искушенныхъ въ общественной работѣ людей довѣрчиво, безъ какой бы то ни было критики, понесли свои посильныя приношенія на дѣло, крайняя неотложность котораго особенно остро почувствовалась ими теперь, въ наши дни, когда, предъ лицомъ всего міра, мы обнаружили свою отсталость... Симптомъ въ высокой степени интересный и заслуживающій вниманія, потому что именно они, наивные люди, и только они, участвуютъ въ этой подпискѣ, которой газета «Русь» придала рекламно-эффектное названіе «фонда народнаго просвѣщенія».

Наше право внести участниковъ въ созданіи «фонда» за однѣ общія скобки мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Во-первыхъ, въ отчетахъ о пожертвованіяхъ мы не встрѣтили ни одного имени, которое говорило бы намъ хоть что-нибудь о прошлой или настоящей культурно-общественной дѣятельности жертвователя. Единственнымъ пока исключеніемъ могъ бы служить о. Петровъ, пожертвовавшій въ «фондъ» 500 руб. Но и это имя, связанное для насъ съ запоздалой проповѣдью малыхъ дѣлъ, ни мало не нарушаетъ общаго ансамбля списковъ, которые пестрятъ именами, очевидно впервые попавшими на скрижали исторіи нашей общественности.

Во-вторыхъ, огромное большинство писемъ, которыя добросовѣстно воспроизводятся «Русью», отмѣчены слишкомъ ясной печатью наивности ихъ авторовъ, чтобы въ этомъ могло возникнуть какое-нибудь сомнѣніе. Это простодушные, довѣрчивые люди, живущіе гдѣ-то очень далеко отъ той широкой арены общественной дѣятельности, гдѣ велась и ведется непрерывная борьба за права человѣка. Ихъ по-дѣтски трогаетъ и радуетъ открытая для нихъ «Русью» возможность «послужить насущнѣйшимъ интересамъ родины». Они въ большинствѣ случаевъ «восторженно» привѣтствуютъ «свѣтлый лучъ, который блеснулъ на дорогой родинѣ» и даже «новую эру», созданную фондомъ. Они «земно кланяются» газетѣ, которая заставила ихъ «прозрѣть», «пробудиться отъ глубокаго сна», и благодарятъ и «еще разъ» благодарятъ *).

Наконецъ,—и это нашъ главный аргументъ,—только людей наивныхъ, не умѣющихъ критически разбираться въ очередныхъ вопросахъ нашей жизни, могли не отшатнуть тѣ неблаговидные пріемы, которыми редакція «Руси» замутила чистое дѣло «фонда» въ самомъ его источникѣ.

Начать съ того, что иниціаторъ фонда купецъ Эйзенбергъ, сынъ «гонимаго народа», въ редакціи «переработанъ» былъ въ «мужичка», «Крестьянина» тожъ. Правда, редакція «Руси» пыталась увѣрить насъ, что все это объясняется простымъ недоразумѣніемъ. Однако же это простое недоразумѣніе разъяснилось лишь послѣ того, когда въ дѣло вмѣшалась другая газета, при помощи которой только и удалось г. Эйзенбергу «возвратить себя въ первобытное состояніе». Однако же, на этомъ «простомъ недоразумѣніи» редакція «Руси» разыгрывала настоящія симфоніи, причемъ въ морѣ пустопорожнихъ звуковъ потоплены были и здравый смыслъ, и даже русская исторія.

По новому толкованію «Руси» вся исторія нашей общественной жизни раздѣляется на древнюю—до мужичка съ «Русью» и новую—послѣ мужичка съ «Русью». Въ древней исторіи на первомъ планѣ стояла интеллигенція, которая ничего не дѣлала, но много говорила; въ новой исторіи мужичокъ съ «Русью», разогнавъ интеллигенцію, перестали разговаривать и взялись за настоящее

---

*) Разумѣется, мы имѣемъ въ виду здѣсь общее впечатлѣніе, какое оставляютъ письма участниковъ фонда. Но нельзя обойти молчаніемъ и того факта, что среди этой обывательской литературы попадаются и такія произведенія, гдѣ ясно чувствуется дыханіе совсѣмъ постороннихъ вѣяній... Чтобы не заслужить упрека въ голословности, отмѣтимъ, напримѣръ, письмо въ № 292 „Руси", подписанное „Рабочимъ".

дѣло. Впрочемъ, такую невѣроятную исторію своими словами не передать, и мы поневолѣ должны прибѣгнуть къ оригиналу, сочиненному первымъ историкомъ, критикомъ и публицистомъ «Руси» г. Боцяновскимъ.

«Фактъ замѣчательный и въ нашей жизни совершенно новый, — пишетъ этотъ историкъ.—До сихъ поръ съ подобными предложеніями (рѣчь идетъ о предложеніи г. Эйзенберга) выступали обыкновенно мы, командующіе классы. Мы опекали крестьянъ, мы говорили свысока объ ихъ темнотѣ, толковали въ теченіе многихъ лѣтъ о необходимости всеобщаго обязательнаго обученія, говорили, говорили, но дальше словъ дѣло не шло. Слова были хорошія, а для ихъ подкрѣпленія дѣломъ ничего не предпринималось... Мы дождались, наконецъ, того, что крестьянинъ (купецъ Эйзенбергъ то-есть), скопивъ кровнымъ трудомъ три рубля, несетъ ихъ намъ и говоритъ: Господа, вы, — дѣлающіе жизнь, вы, просвѣщенные люди, возьмитесь же, наконецъ, за дѣло»...

Такова древняя исторія, безстыдно сочиненная г. Боцяновскимъ. Безстыдно потому, что онъ долженъ знать и знаетъ, конечно, что исторія нашей общественности есть исторія непрерывной и тяжелой борьбы, полная горькихъ разочарованій и мрачныхъ катастрофъ... *).

Но расправившись съ такой непринужденной легкостью съ нашимъ прошлымъ, г. Боцяновскій столь же смѣлой кистью набрасываетъ проспектъ и новой исторіи, къ изготовленію которой только что приступилъ мужичокъ съ «Русью»:

«Пустынныя теперь степи, недоѣданіе, темнота крестьянскаго населенія, отсутствіе необходимѣйшихъ, давно извѣстныхъ сосѣдямъ машинъ и орудій,— словомъ, все то, что теперь дѣлаетъ насъ слабыми, исчезнетъ. Россія превратится въ твердыню, въ монолитъ... Крестьянинъ, тотъ крестьянинъ, котораго мы опекали до сихъ поръ, полагаетъ начало школьному фонду»... («Русь», № 286).

Въ этакомъ, чтобы не сказать больше, высокомъ стилѣ пишетъ по поводу «фонда» не одинъ, впрочемъ, г. Боцяновскій, но и другіе сотрудники «Руси». И надо отдать имъ справедливость, что въ данномъ по крайней мѣрѣ случаѣ они показали себя людьми, не лишенными извѣстной эстетической чуткости. Они поняли, что послѣ той душу раздирательной ноты, которую сразу же взяла ихъ первая скрипка,—г. Алексѣй Порошинъ (А. А. Суворинъ тожъ)— рѣзкое пониженіе тона сдѣлалось невозможнымъ для другихъ инструментовъ

*) Когда замѣтка наша была уже набрана, мы съ удовольствіемъ прочитали въ № 366 „Руси" письмо г. П. Камнева („Нужды народнаго просвѣщенія"), который отмѣчаетъ отсутствіе среди участниковъ „фонда" представителей активной интеллигенціи и оправдываетъ ихъ условіями „еще недавней исторіи Россіи, когда однимъ почеркомъ пера уничтожалась работа цѣлыхъ поколѣній". Здѣсь г. Камневъ вполнѣ совпадаетъ съ нами. Жаль, однако, что самъ онъ не только не сталъ на „интеллигентскую" точку зрѣнія, но даже, удивляясь отношенію къ „фонду" со стороны печати, поддерживаетъ „Русь", которая переворачиваетъ на изнанку не только исторію, но и очередныя задачи современности.

оркестра, и всѣ они дружно завопили, каждый на свой ладъ. А г. Алексѣй Порошинъ, тотъ самый Алексѣй Порошинъ, который объявилъ недавно о своемъ твердомъ намѣреніи не покидать поля брани, пока не сокрушитъ японца, ни мало, ни много, какъ провозгласилъ девизомъ современности: «либо рупь, либо макаровы телята». Открывая на столбцахъ своей газеты подписку для сбора денегъ, онъ формулировалъ свою мысль коротко, но выразительно:

«Есть ли въ русскомъ обществѣ дѣйствительное сознаніе государственныхъ пользъ отъ широкаго народнаго просвѣщенія?—Я ставлю передъ нимъ этотъ вопросъ крестьянина» («Русь», № 285).

Вотъ ужъ поистинѣ жалкая судьба этого русскаго общества! Чуть ли не ежедневно выскакиваетъ изъ той или иной подворотни болѣе или менѣе свирѣпаго вида персонажъ и «ставитъ вопросъ». И всѣмъ этимъ персонажамъ общество обязано отвѣчать и отвѣчать не тѣми средствами, какія дала ему природа, не человѣческимъ голосомъ, а непремѣнно особыми знаками, спеціально на этотъ предметъ изготовляемыми на петербургскомъ монетномъ дворѣ. Пишутъ по пословицѣ: «за перо возьмется,—у мужика мошна и борода трясется». Вчера еще обществу поставили вопросъ и потребовали «дать вообще», причемъ предполагалось, что «вообще» это значитъ и флотъ, и сапоги, и школа, и всякія иныя полезныя въ обиходѣ вещи, а сегодня ему опять ставятъ вопросы и на этотъ разъ вопросы дробные, кто о флотѣ, кто о сапогахъ, а кто и о школѣ.

Мы не знаемъ, сколько дѣтей у А. С. Суворина, но если ихъ много, и если папаша со всѣми своими дѣтками раздробятъ вопросы и начнутъ въ серьезъ ставить ихъ русскому обществу, то мы боимся, что монетный дворъ не въ силахъ будетъ доставить потребнаго количества отвѣтныхъ знаковъ.

Способъ гг. Сувориныхъ «ставить вопросы» быстро усвоили себѣ и нѣкоторые другіе газетные работники. Такъ, въ той же «Руси» нѣкто г. К., развивая эту плодотворную идею, пишетъ: «Если русское общество существуетъ въ лучшемъ, святомъ значеніи этого слова, оно должно теперь или никогда проявить свое существованіе, и если оно этого не сдѣлаетъ, то, значитъ, его нѣтъ и взывать къ нему безполезная трата времени» (№ 286). Еще опредѣленнѣе формулируетъ ту же мысль г. Соломинъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», объявляя подписку на «фондъ народнаго просвѣщенія» не болѣе, не менѣе, какъ «экзаменомъ общественному самосознанію».

Кто уполномочилъ васъ, кто далъ вамъ право, г. Соломинъ, устраивать экзамены русскому обществу? И въ облакахъ какихъ паровъ витали вы, столичный публицистъ, проглядѣвшій ту могучую общественную волну, которая съ начала 90-хъ годовъ, всколыхнувъ застывшую было гладь нашей жизни, съ тѣхъ поръ не перестаетъ разростаться и вширь и вглубь? И понятно ли вамъ, по крайней мѣрѣ теперь, смѣшное положеніе, въ которомъ вы окажетесь, когда, въ роли экзаменатора, будете расцѣнивать ростъ общественнаго самосознанія по количеству жалкихъ рублей, занесенныхъ наивными людьми въ контору «Руси»?

Нужда крайняя, настоятельная нужда въ просвѣщеніи отлично сознается

всѣмъ русскимъ обществомъ; сознается она и народомъ, несмотря на всю его темноту. Фразу о нѣмецкомъ народномъ учителѣ, побѣдившемъ Францію, у насъ, по распространенности ея, можно смѣло причислить къ числу извѣстныхъ народныхъ поговорокъ. И если тѣмъ не менѣе дѣло нашего народнаго просвѣщенія движется впередъ черезчуръ медленнымъ темпомъ, то причину этой медленности надобно искать, во всякомъ случаѣ, не въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, а въ особенныхъ условіяхъ ихъ распредѣленія между отдѣльными отраслями государственнаго хозяйства. Нашъ огромный государственный бюджетъ, выдѣляющій на нужды народнаго просвѣщенія менѣе 2% въ то время, когда въ европейскихъ государствахъ на тѣ же нужды, при широкомъ участіи общественной и частной иниціативы, государственные бюджеты выдѣляютъ до 10% (Англія), могъ бы безъ малѣйшихъ осложненій вынести расходы, необходимые для осуществленія всеобщаго обученія. Это фактъ, въ достаточно убѣдительной степени установленный нашей печатью и наукой.

Допустимъ на минуту однако, что возможность иного распредѣленія расходныхъ статей нашего бюджета трудно осуществима, что даже тѣ десятки милліоновъ, которые идутъ на новый институтъ полицейскихъ стражниковъ, никакъ нельзя обратить на содержаніе школьныхъ учителей. Допустимъ. Тогда самъ собою напрашивается выводъ о необходимости въ дѣлѣ народнаго образованія предоставленія самаго широкаго простора для проявленія общественной и частной иниціативы. Такой именно выводъ и сдѣлало русское общество, когда, убѣдившись, что разсчеты на государственный бюджетъ въ этомъ смыслѣ мало надежны, оно получило возможность и право, въ лицѣ собственныхъ своихъ органовъ—земскихъ учрежденій 1864 г. – оказать вліяніе на эту сторону народной жизни.

Земство, получившее въ наслѣдіе отъ бюрократіи тысячи народныхъ школъ, существовавшихъ только на бумагѣ, горячо взялось за дѣло, и ему, только ему, русскій народъ обязанъ и количествомъ, и качествомъ существующихъ нынѣ школъ земствомъ же выработаннаго типа.

Къ несчастью, земская работа на поприщѣ народнаго образованія была заторможена при самомъ ея началѣ.

Когда пробуждается къ живой практической работѣ общество, бюрократія тоже оставляетъ свойственную ей дремоту. Она немедленно же пытается захватить результаты чужой работы въ свои руки, и тамъ, гдѣ она сильна, животворящая сила иниціативы глохнетъ и гибнетъ въ тискахъ нивелирующей опеки. Это именно и случилось съ земскимъ школьнымъ дѣломъ...

Пользуясь недомолвками закона, бюрократія очень скоро оттѣснила земскія учрежденія отъ руководительства этимъ дорогимъ для общества дѣломъ и, воспользовавшись произведенной уже земствомъ работой, рѣзко выступила противникомъ земскаго вмѣшательства въ учебную сторону школьнаго устроительства. Не надо забывать, что всѣ и по сей день тяготѣющія на земствѣ обвиненія въ присущемъ ему будто бы безпричинномъ антогонизмѣ съ центральными правительственными учрежденіями, получили начало именно въ этотъ злополуч-

ный періодъ, когда земство съ возможною энергіей пыталось отстоять свое законное право отъ чрезмѣрныхъ притязаній учебнаго вѣдомства...

Но и при всемъ томъ земство, еще сохранившее тогда за собою единственное право—право быть расходнымъ артельщикомъ министерства,—не оставляло своей просвѣтительной работы, постепенно все шире и шире раскидывая школьную сѣть, пока положеніе 1890 г., превратившее земскія учрежденія въ дворянскія, не пріостановило на время и этой работы. На время,—потому что даже новое узко-сословное земство естественнымъ ходомъ вещей должно было возвратиться къ тому, съ чего начало земство 1864 г.—къ ясно сознанной мысли о необходимости всеобщаго обученія. Во многихъ земствахъ начались серьезныя подготовительныя работы для осуществленія намѣченнаго плана, но тутъ-то, какъ бы въ отвѣтъ на культурно-просвѣтительные проекты земскихъ учрежденій, и явился законъ 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія. Это былъ послѣдній и самый сильный ударъ, нанесенный бюрократіей самостоятельности земскихъ учрежденій вообще и земскому школьному дѣлу въ особенности. При этихъ условіяхъ земству нечего, разумѣется, и помышлять о всеобщности обученія, но отсюда никакъ, однако, не вытекаетъ право гг. Сувориныхъ и Соломиныхъ «ставить вопросы» и подвергать экзамену страну, въ достаточной ли мѣрѣ она проникдась сознаніемъ необходимости просвѣщенія.

Что же касается частной инициативы, то мы ни на минуту не можемъ допустить, чтобы упомянутые господа серьезно, такъ-таки на самомъ дѣлѣ, придавали ей универсальное значеніе. Гдѣ, когда, въ какой странѣ частная иниціатива сыграла или даже претендовала бы на эту роль? Конечно, никогда и нигдѣ. И всего менѣе пригодны для этой задачи частные источники у насъ, въ Россіи, гдѣ государственный бюджетъ и безъ того поглощаетъ ровно половину (2 милліарда руб.) общей цѣнности всего земледѣльческаго и фабрично-заводскаго производства страны. Ясно, что колоссальныя потребности народнаго просвѣщенія могутъ быть удовлетворены только при интенсивной совмѣстной работѣ государственныхъ и общественныхъ (земскихъ и городскихъ) учрежденій. Частная иниціатива въ этомъ дѣлѣ также имѣетъ огромное значеніе, но только далеко не то, какое ей силятся придать организаторы «фонда народнаго просвѣщенія».

Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, въ дѣлѣ пробужденія мысли къ самостоятельной творческой работѣ большую опасность представляетъ рутина, которая, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, неизбѣжно, въ большей или меньшей степени, сопутствуетъ тѣмъ громоздкимъ институтамъ, какіе вызываются къ жизни дѣятельностью общественныхъ, а тѣмъ болѣе государственныхъ учрежденій. Коррективомъ этого зла и служитъ частная иниціатива, достаточно эластичная для того, чтобы всегда, въ каждый данный моментъ, быть въ курсѣ назрѣвающихъ новыхъ потребностей и создавать рядъ показательныхъ станцій для опытной провѣрки теоретическихъ построеній. Эта роль и сама по себѣ настолько почтенна, настолько значительна, что навязывать частной иниціативѣ искусственно какія-нибудь иныя задачи, значитъ не понимать ни ея средствъ, ни ея свойствъ, ни ея значенія. Весь смыслъ частной иниціативы

заключается не въ матеріальной силѣ, не въ тѣхъ доброхотныхъ даяніяхъ, значеніе которыхъ такъ сильно переоцѣниваетъ теперь редакція «Руси», а въ той моральной творческой силѣ, которую она вноситъ въ дѣло. Дайте просторъ для свободнаго оказательства этой послѣдней, и доброхотныя даянія завтра же рѣкой потекутъ къ дѣлу и безъ истерическихъ завываній газетныхъ кликушъ. Мы утверждаемъ это съ полной увѣренностью не въ силу однихъ лишь теоретическихъ соображеній, но и потому, что за нами долгій опытъ исторіи многострадальной русской культуры. Не той лживой исторіи, которую сочинилъ г. Боцяновскій, а другой, дѣйствительной, которая началась съ Новикова и тянется вплоть до нашихъ дней.

Вспомнимъ исторію воскресныхъ школъ, работѣ въ которыхъ наша интеллигенція и учащаяся молодежь отдались съ такой беззавѣтной любовью. Цѣлая сѣть этихъ школъ (въ Петербургѣ 20, въ провинціи около 70) быстро стала распространяться по Россіи, привлекая къ себѣ лучшіе элементы общества, какъ вдругъ одной реакціонной волной (13-го іюля 1862 г.) всѣ онѣ были смыты и уничтожены. Правда, прошли года, и воскресныя школы опять получили права гражданства, но увы! на этотъ разъ онѣ появились на свѣтъ съ программой, урѣзанной до механической грамоты...

Не будемъ загромождать нашей замѣтки длиннымъ перечнемъ учрежденій, обществъ и съѣздовъ, которые во множествѣ возникали, но принуждены были внезапно прекратить свое существованіе...

Полагаемъ, что все вышесказанное въ достаточной мѣрѣ опредѣляетъ нашу точку зрѣнія на «фондъ народнаго просвѣщенія». Для насъ это одно изъ тѣхъ маленькихъ культурныхъ дѣлъ, которыя, не рѣшая вопроса, плывутъ мимо него на встрѣчу многочисленнымъ случайностямъ бюрократическаго «усмотрѣнія». И рискъ этихъ случайностей для «фонда» тѣмъ болѣе усиливается, что сами организаторы и участники фонда до сихъ поръ совершенно не выяснили себѣ его назначенія. Отодвигая эту именно сторону вопроса на задній планъ и даже всячески замаскировывая ее шумихой рекламныхъ фразъ, редакція «Руси» преподноситъ своимъ читателямъ дѣло «фонда» въ завѣдомо ложной перспективѣ и тѣмъ самымъ играетъ на руку темнымъ общественнымъ силамъ.

Мы кончили. Но прежде, чѣмъ отложить перо, намъ хотѣлось бы сказать хоть маленькое слово утѣшенія по адресу наивныхъ участниковъ «фонда», доброжелательному настроенію которыхъ мы вынуждены были привить ядъ сомнѣнія, а можетъ быть, и разочарованія. И это слово у насъ есть. Именно.

Быть можетъ,—скажемъ мы,—наше отрицательное отношеніе къ «фонду», обусловленное близкимъ знаніемъ пережитаго вчера и переживаемаго сегодня, будетъ опровергнуто завтрашнимъ днемъ. Вѣдь завтрашній день можетъ быть полонъ неожиданностей. И если мы сами на этой зыбкой почвѣ не затѣяли бы всероссійской подписки, то... то сказано же о Колумбѣ, что знай онъ получше космографію, онъ не открылъ бы Америки...

Вл. Кранихфельдъ.

МЫСЛИ О ВОЙНѢ.

(С. Кузминъ. „Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей". С.-Пб. 1904 г.).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышла довольно объемистая книга г. Кузмина, озаглавленная «Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей».

Книга производитъ довольно странное впечатлѣніе. Это, видимо, наспѣхъ составленный сборникъ голыхъ цитатъ изъ различныхъ авторовъ, какъ дѣйствительно выдающихся въ своей области, такъ и совсѣмъ неинтересныхъ и мало извѣстныхъ. Спѣшность работы сказалась и въ пропускѣ такихъ авторовъ, мнѣнія которыхъ о войнѣ крайне характерны и ярки, напр., Мопассана, Карлейля, Момсена, и въ неполнотѣ цитатъ, не всегда дающихъ полную характеристику мнѣнія даннаго лица по этому вопросу. Кромѣ того, нужно отмѣтить, что приводимыя г. Кузминымъ мнѣнія неклассифицированы имъ ни въ хронологическомъ, ни въ идейномъ порядкѣ; но особенно неудачной нужно считать мысль составителя разнести всѣ эти цитаты въ частныя рубрики, вродѣ: «причины возникновенія войны и ихъ цѣль», «присуща ли война природѣ человѣка», «вліяніе войны на нравственный міръ человѣка», «война, какъ испытаніе силъ народовъ», «война и христіанство», «война и государственный строй» и т. д. Неудачно это потому, что общей картины послѣ прочтенія цитатъ, заключающихся въ такомъ отдѣлѣ, не получается, но не получается и цѣльнаго впечатлѣнія о мнѣніи какого-нибудь отдѣльнаго лица, такъ какъ мнѣніе это разбито на множество отдѣльныхъ кусочковъ и разнесено по различнымъ рубрикамъ. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, все же надо отдать справедливость г. Кузмину, что въ его книгѣ собрана масса интереснаго матеріала, особенно интереснаго въ настоящее тяжелое время, когда надъ всѣми нашими мыслями господствуетъ одна—мысль о войнѣ...

* * *

Въ годину общественнаго бѣдствія, въ дни растерянности и колебаній такъ естественно обратиться къ прошлому—къ мыслямъ и чувствамъ великихъ или даже только выдающихся людей; и мы хотимъ, пользуясь, главнымъ образомъ, матеріаломъ г. Кузьмина, дать читателю характеристику нѣкоторыхъ наиболѣе типичныхъ мнѣній о войнѣ.

Растерянность нашего общества особенно сильна была въ началѣ войны. Только проповѣдники непротивленія злу насиліемъ, противники *всякой* войны, всякой борьбы съ оружіемъ въ рукахъ, только они не растерялись; они съ ясными глазами и чистымъ сердцемъ твердятъ свой зеркально-ясный символъ вѣры: война есть зло, и люди, ведущіе его, совершаютъ преступленіе. Но вѣдь эта проповѣдь не мѣшала никогда, не помѣшала и теперь тому, чтобы война началась, тѣмъ болѣе не въ силахъ проповѣдники «непротивленія злу» создать такое настроеніе, вызвать такой рядъ мыслей и чувствъ, такое столкновеніе общественныхъ силъ, которыя способствовали бы скорѣйшему окончанію войны. Можно утверждать даже, что такое абстрактное, холодное, мозговое непротивленіе злу, въ концѣ концовъ, при столкновеніи съ жизнью, съ дѣйстви-

льностью всегда вырождалось въ уклончивое: «воздайте кесарево кесарю и Божье гови».

Св. Василій Великій говоритъ: «Убійство на бранѣхъ—не убійства; пришценіе же три лѣта не пріимати симъ», а епископъ Августинъ оказывается еще менѣе требовательнымъ. «Заповѣди: не убій,—поучаетъ онъ,—отнюдь не эеступаютъ тѣ, которые ведутъ войны по полномочію отъ Бога, или, будучи силу Его законовъ, т.-е. въ силу самаго разумнаго и правосуднаго распожения представителями общественной власти, наказываютъ злодѣевъ смертію».

Этотъ епископъ училъ даже, что «Божественное Провидѣніе обыкновенно правляетъ и изглаживаетъ войнами испорченные нравы людей, справедливую и похвальную жизнь смертныхъ въ то же самое время упражняетъ этими ражненіями, и по испытаніи, или переноситъ въ лучшій міръ, или удержиетъ на этой землѣ для пользы другихъ»...

Такъ исповѣдовалъ непротивленіе злу гиппонійскій епископъ еще въ IV-мъ вкѣ. Затѣмъ послѣдовали священные крестовые походы, основаніе орденовъ инствующихъ монаховъ и, наконецъ, инквизиція.

Вотъ всѣ послѣдовательные этапы непротивленій злу: устраненіе отъ жизни изнаніемъ силы ея зла, преклоненіе передъ силой, лицемѣріе, софизмы и концѣ концовъ человѣконенавистничество.

Левъ Толстой избѣжалъ этихъ грѣховъ, потому что началъ сказку сначала вернулся къ первымъ двумъ вѣкамъ христіанской общины, когда она стояла це внѣ жизни и принципъ непротивленія могъ быть выдержанъ во всей своей истотѣ. Но людей, которые не могутъ забыть двухъ тысячъ лѣтъ историчеой жизни человѣчества, исповѣданіе морали непротивленія неудержимо ведетъ нынѣ къ лицемѣрію, и къ софизму. «Война,—говоритъ Владиміръ Соловьевъ,—ть для народовъ реальная школа любви къ врагамъ» (sic!) «Отнятіе человѣеской жизни,—рѣшается утверждать нашъ философъ,—вообще не входитъ епремѣнно въ намѣренія воина, не есть его настоящее дѣло, и, конечно, мы важаемъ военную доблесть не за совершаемыя на войнѣ убійства, а несмотря а эти убійства. Но ихъ можетъ и вовсе не оказаться, а доблесть и уваженіе ъ ней останутся тѣ же».

Владиміръ Соловьевъ былъ искренній человѣкъ, и потому мы должны принать, что бываетъ искреннее лицемѣріе. Вѣдь не могъ же онъ не знать, то главной цѣлью полководца является уничтоженіе арміи противника. Хороша реальная школа любви къ врагамъ», когда въ настоящей войнѣ люди и теперь оходятъ до такого озвѣренія, что перегрызаютъ другъ другу горло зубами и ыдавливаютъ пальцами глаза *).

Достоевскій, несмотря на то, что былъ, можетъ быть, христіаннѣйшимъ изъ сѣхъ русскихъ писателей, также относится къ войнѣ снисходительно и даже лагосклонно, онъ считаетъ ее процессомъ, «которымъ съ наименьшимъ про-

*) О такомъ ожесточеніи воюющихъ сторонъ у Портъ-Артура разсказываетъ ъ своемъ донесеніи, напечатанномъ во всѣхъ газетахъ, русскій офицеръ князь адзивиллъ.

литіемъ крови, съ наименьшей скорбію и съ наименьшей тратой силъ достигается международное спокойствіе и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальныя отношенія между націями...» «Долгій миръ, по его мнѣнію, родитъ жестокость, трусость и грубый открытый эгоизмъ, а главное— умственный застой».

Здѣсь мы хотимъ остановиться на мнѣніяхъ нѣкоторыхъ выдающихся людей различныхъ спеціальностей и различнаго психическаго уклада — о войнѣ.

Прежде всего интересно отмѣтить, что большинство философовъ-систематизаторовъ, стремившихся охватить весь міръ и человѣчество, относятся къ войнѣ болѣе или менѣе благосклонно, что и понятно, такъ какъ имъ въ ихъ систематизаторской дѣятельности нельзя было выкинуть изъ общей формулы явленія такой громадной важности, какъ война.

Такъ, Платонъ считаетъ войну естественнымъ состояніемъ народовъ, то же повторяетъ и Кантъ, хотя изъ этическихъ мотивовъ и прибавляетъ, что «война есть зло, потому что она болѣе дѣлаетъ злыхъ, чѣмъ уничтожаетъ ихъ». Но изъ всѣхъ философовъ наиболѣе яркимъ панегиристомъ войны, какъ и слѣдовало ожидать, является Гегель. «Война,—говоритъ онъ,—необходима для нравственнаго развитія. Она возвышаетъ наше человѣческое достоинство; въ ней высшее проявленіе нашей доблести; она воскрешаетъ мужество въ народахъ, изнѣженныхъ миромъ, упрочиваетъ существованіе государствъ, династій, служитъ прочнымъ камнемъ для народовъ, раздаетъ власть достойнѣйшимъ, сообщаетъ всему въ обществѣ движеніе, жизнь». Однимъ словомъ, существующее не только разумно, но и прекрасно. Но что же тогда уродливо и злое?!

Такое благосклонное отношеніе въ войнѣ характерно не только для метафизиковъ, вродѣ Гегеля, стремившихся къ абсолютному знанію и построявшихъ міръ изъ нѣсколькихъ апріорныхъ положеній. Нѣтъ, оно характерно и для всѣхъ мыслителей, систематизировавшихъ исторію человѣчества объективнымъ образомъ— «добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва». Такъ Дрэперъ считаетъ войну явленіемъ положительнымъ, такъ какъ «война заставляетъ народы быстро проходить фазисы своего развитія. Арабамъ нужно было бы много тысячъ лѣтъ для того, чтобы подвинуться настолько въ умственномъ отношеніи, насколько они подвинулись въ одно столѣтіе, еслибъ они, какъ цѣлая нація, оставались въ глубокомъ мирѣ».

Нѣкоторый объективизмъ возможенъ только по отношенію къ прошлому. Кто можетъ объективно относиться къ злобѣ дня? Кто можетъ дать объективную картину будущаго, не внося въ нее своихъ симпатій и ненавистей, своего идеала, своего представленія о прогрессѣ?! Поэтому большинство мыслителей, стремившихся дать свою формулу прогресса, начертить линію эволюціи будущаго, относились къ войнѣ отрицательно.

Такъ, Бокль, считающій прогрессомъ европейскую цивилизацію, утверждаетъ, что любовь къ войнѣ въ Англіи, якобы совершенно исчезла. «Съ развитіемъ цивилизаціи, говоритъ онъ, образовались въ обществѣ извѣстныя сословія, которыя имѣютъ интересъ въ сохраненіи мира и которыхъ совокупное значеніе достаточно сильно для того, чтобы взять верхъ надъ вліяніемъ дру-

гихъ сословій, имѣющихъ интересъ въ веденіи войны»... Спенсеръ же, исходя изъ своей формулы прогресса, предсказываетъ, что «высшія общественныя чувства достигнутъ своего полнаго развитія лишь тогда, когда борьба за существованіе перестанетъ носить форму войны». «Сплоченіе людей въ большія группы и возникновеніе цивилизаціи становится возможнымъ лишь по мѣрѣ того, насколько теряетъ свою силу принципъ возмездія, требующій за убійство одного человѣка убійства другого или даже многихъ. Переходъ же отъ низшихъ ступеней цивилизаціи къ высшимъ возможенъ лишь тогда, когда люди перестанутъ гоняться за международною местью, которая предписывается кодексомъ, унаслѣдованнымъ нами отъ дикарей».

Но съ другой стороны—мы знаемъ другихъ идеалистовъ, которые не только не относились къ войнѣ отрицательно, но были ея защитниками и даже пѣвцами. Назовемъ хотя бы Ницше, Ласалля, Прудона и отчасти Байрона. Это были великіе индивидуалисты, мыслители-борцы, у нихъ были свои высокіе идеалы, но они по своему опыту знали, что за осуществленіе идеаловъ надо бороться, бороться часто съ оружіемъ въ рукахъ; война являлась для нихъ олицетвореніемъ борьбы, и только въ борьбѣ они видѣли залогъ лучшаго будущаго и совершенствованія человѣка.

«Я охотно выразилъ бы омерзѣніе противъ войны,—говоритъ Байронъ, еслибъ не былъ убѣжденъ, что только она одна спасаетъ міръ отъ плѣсени и гнили». По мнѣнію Лассаля, все великое въ исторіи было совершено мечомъ, «ему же въ концѣ концовъ будетъ она обязана всѣми великими событіями, которыя когда-либо въ ней совершатся». «Война и мужество совершили больше славныхъ дѣлъ, чѣмъ любовь къ ближнему. Не милосердіе ваше, а храбрость ваша до сихъ поръ спасала несчастныхъ», говоритъ Ницше.

Но наиболѣе пламенныхъ пѣвцомъ войны изъ всѣхъ этихъ мыслителей-борцовъ является безспорно Прудонъ. «Слава войнѣ,—восклицаетъ онъ;—благодаря ей, человѣкъ, едва вышедши изъ грязи, гдѣ зародился, является великимъ и доблестнымъ: на трупѣ убитаго врага—его первая мечта о славѣ и безсмертіи».

Какъ бы предвосхищая идеи соціологовъ-дарвинистовъ, онъ говоритъ: «какъ людямъ не воевать, когда вся ихъ мысль полна войною, когда ихъ понятія, воображеніе, діалектика, промышленность, искусство, все связано съ идей войны; когда все въ нихъ и вокругъ нихъ представляетъ сопротивленіе, противорѣчіе, антагонизмъ». Но даже и для Прудона война прекрасна только въ идеалѣ. «Не въ томъ важность,—говоритъ онъ,—что кровь проливается, надо смотрѣть, за что она проливается», «а въ наше время, прибавляетъ онъ, война не можетъ быть иною, какъ войной за эксплуатацію».

Война въ идеалѣ Прудона—это—«обращеніе къ силѣ въ вопросѣ о силѣ», «первоначальное и высшее проявленіе правосудія, санкція всякаго права», но эта идея войны постепенно затемнялась, разрушительная сила ея увеличивалась, увеличивалась и неискренность предлоговъ войны и мелочность ея результатовъ. «У современныхъ народовъ,—съ нѣкоторою грустью замѣчаетъ Прудонъ,—война отличается только мнимой филантропіей, что дѣлаетъ ее еще безнравственнѣе и нелѣпѣе».

Здѣсь опять большое «но».

Другіе великіе индивидуалисты—Гюго, Вольтеръ, Ренанъ, Л. Толстой являются горячими противниками войны. И опять-таки это понятно: активная борьба для нихъ не основный нервъ ихъ индивидуальности, это прежде всего художники-созерцатели и резонеры.

Мнѣнія Л. Толстого о войнѣ достаточно извѣстны, мы приведемъ здѣсь только слѣдующіе его афоризмы.

«Цѣль войны—убійство, орудія войны—шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для продовольствія арміи, обманъ и ложь, называемые военными хитростями». «Война—событіе противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ».

«Войдите въ комнату,—говоритъ Толстой,—гдѣ дѣлаютъ перевязки и операціи... вы увидите ужасныя, потрясающія душу зрѣлища, увидите войну не въ правильномъ, красивомъ и блестящемъ строѣ,—съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну въ настоящемъ ея выраженіи: въ крови, въ страданіяхъ, въ смерти».

Близкій характеръ носятъ сужденія о войнѣ Гюго. Хотя онъ и признаетъ, въ противоположность Толстому, что «жажда разрушенія у насъ въ крови», но все же видитъ въ войнѣ зло, преступленіе и главную причину медленнаго шествія прогресса. «Солдатъ, превращенный въ убійцу, совершаетъ одно преступленіе за другимъ; утромъ онъ убиваетъ, вечеромъ крадетъ». Гюго рисуетъ намъ картину, которую приметъ міръ, если бы войны прекратились. «Мы передѣлали бы весь шаръ земной! Мы разрыли бы перешейки, взорвали бы горы, покрыли бы сѣтью желѣзныхъ дорогъ оба континента, увеличили бы въ сто разъ торговый флотъ; осушили бы болота, города стояли бы тамъ, гдѣ теперь пустыни; гавани были бы тамъ, гдѣ теперь подводные камни, Азія была бы возвращена цивилизаціи; Африка была бы отдана человѣчеству; богатство било бы ключемъ изъ всѣхъ жилъ земного шара, нищета исчезла бы. И знаете, что исчезло бы съ нищетою? Революція».

Гюго убѣжденъ, что «будущее принадлежитъ Вольтеру, а не Круппу».

Левъ Толстой думаетъ, что «если бы всѣ воевали только по своимъ убѣжденіямъ, войны бы не было», Гюго претворяетъ это «если» въ совершившійся фактъ. «Время великихъ убійствъ прошло,—восклицаетъ онъ. Пушечное мясо стало размышлять и ему уже не льститъ роль приносимыхъ жертвъ».

Исторія фактами доказала, что великій художникъ и резонеръ глубоко заблуждался: его будущее—наше настоящее, и безспорно, что и въ настоящемъ царитъ еще Круппъ, а не Вольтеръ, а «время великихъ убійствъ» не только не прошло. а, можетъ быть, только еще начинается.

Отношеніе къ войнѣ Вольтера болѣе саркастическое, чѣмъ Гюго, но не менѣе отрицательное. Онъ считаетъ «Сводъ законовъ убійствъ, допускаемыхъ войной, страннымъ изобрѣтеніемъ». «Я надѣюсь,—саркастически замѣчаетъ онъ,—что въ скоромъ времени намъ дадутъ собраніе законовъ, разрѣшающихъ разбой на большихъ дорогахъ». «Главное безуміе людей, ведущихъ войну,—говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что они проливаютъ кровь своихъ собратьевъ и опустошаютъ

плодоносныя равнины, чтобы царствовать надъ кладбищами». Но попадаются и у Вольтера мѣста, которыя по своему трагическому пафосу, не уступаютъ Гюго.

«Какое мнѣ дѣло, восклицаетъ великій сатирикъ и отрицатель, до гуманности, милосердія, скромности, умѣренности, кротости, благоразумія, благочестія, если какіе-нибудь полъ-унца свинца разрушаютъ мою жизнь, и я, двадцатилѣтній юноша, умираю въ невыразимыхъ мукахъ, окруженный пятью или шестью тысячами уже мертвыхъ или умирающихъ борцовъ. Глаза мои, открывшись въ послѣдній разъ, видятъ родной городъ, преданный мечу и огню, и до слуха моего доходятъ послѣдніе звуки, это—крики женщинъ и дѣтей, умирающихъ среди развалинъ,—и все это гибнетъ изъ-за какихъ-то мнимыхъ интересовъ человѣка, котораго мы совсѣмъ не знаемъ».

Люди конца XIX вѣка уже несклонны болѣе раздѣлять оптимизмъ Гюго. Европейскій милитаризмъ отбилъ охоту строить розовые замки—и отношеніе идеалистовъ къ войнѣ хотя и осталось отрицательнымъ, но стало еще болѣе безнадежнымъ. «Не обливается ли сердце кровью,—съ грустью говоритъ Ренанъ,—когда подумаешь, что все то, что мы, люди науки, старались насадить въ народѣ за послѣднія 50 лѣтъ, можетъ быть уничтожено одной войной: общія симпатіи народовъ, взаимное пониманіе, взаимная работа сообща».

Предъ нами прошли мнѣнія о войнѣ людей мысли, чувства и идеи. Посмотримъ на людей практики, на дѣлателей исторіи: на государей, полководцевъ и политиковъ. Начнемъ съ государей и удовольствуемся слѣдующими тремя совершенно различными мнѣніями. Фридрихъ Великій совершенно спокойно заявляетъ: «мечъ облагораживаетъ; въ немъ нѣтъ сомнѣній ни въ необходимости, ни въ величіи войны». Также категорично, но уже менѣе безтрепетно заявленіе императора Николая I-го: «война—это жестокая, чудовищная необходимость, возбуждающая отвращеніе». Война, конечно, казалась Николаю I-му необходимостью, такъ какъ онъ принужденъ былъ воевать, когда и не хотѣлъ этого, и если такая война и возбуждала въ императорѣ отвращеніе, то извѣстно, что подготовленія къ войнѣ — смотры, парады, маневры возбуждали въ немъ совершенно другія чувства.

Болѣе политикъ, чѣмъ Николай I-ый, Францъ-Іосифъ высказываетъ совершенно противоположное мнѣніе. «Война по своей природѣ,—говоритъ онъ,—вовсе не составляетъ неустранимой необходимости. Достаточно нѣсколько ума и умѣнія владѣть собою, чтобы отвратить ее». Вѣроятно, не всегда, прибавимъ мы отъ себя, не всегда достаточно, — иначе не было бы и битвы при Садовой.

На мнѣніи Бисмарка, въ виду его общеизвѣстности, можно было бы и не останавливаться, но мы приведемъ знаменитое его изреченіе: «Великіе вопросы могутъ быть разрѣшены не рѣчами и подачей голосовъ, но мечомъ и кровью», и [illegible]ъ слѣдующую его характеристику войны: «Война подобна бурямъ или ли[illegible]камъ, послѣ которыхъ, будь то въ воздушныхъ струяхъ, или человѣческ[illegible]ъ о[illegible]змѣ, возстановляется нарушенное равновѣсіе. Съ этой точки зрѣнія можно только прославлять войну, которая ломаетъ желѣзныя оковы привычекъ повседневной жизни, даетъ случай развернуться талантамъ и высо-

кимъ добродѣтелямъ и ставитъ каждаго на подобающее ему по его способностямъ мѣсто».

Бисмаркъ, конечно, могъ прославлять войну, такъ какъ онъ простоялъ «на подобающемъ ему мѣстѣ» тридцать лѣтъ и былъ главнымъ создателемъ современнаго милитаризма.

Маколей хотя и признаетъ бѣдствія войны громадными — трата людей, остановка торговли, растрата богатства, накопленіе долга, — но все же считаетъ войну неустранимой. «Война, — говоритъ онъ, — только тогда бываетъ кротка, когда она безцѣльна; когда же человѣкъ вынужденъ драться для собственной защиты, онъ долженъ ненавидѣть и мстить. Оно, можетъ быть, дурно, но оно въ натурѣ человѣка: это глина прямо изъ рукъ гончара».

Вѣроятно, большинство государственныхъ дѣятелей относится къ войнѣ, какъ Бисмаркъ или какъ Маколей, но не всѣ; извѣстно отрицательное отношеніе къ войнѣ знаменитаго англійскаго оратора и политическаго дѣятеля Джона Брайта. «Я отъ глубины души презираю всякаго, — воскликнулъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей (по поводу надвигавшейся крымской войны),—кто говоритъ въ пользу войну, избѣгнуть которой онъ считаетъ невозможнымъ лишь потому, что печать и часть общества поддерживаютъ правительство въ этомъ нечестивомъ дѣлѣ».

Что сказать о полководцахъ? Конечно, они защищаютъ и восхваляютъ войну и болѣе современные вводятъ въ свою защиту даже якобы и дарвинистическіе доводы.

Такъ, Драгомировъ утверждаетъ, что «въ природѣ все основано на борьбѣ, а человѣкъ не можетъ стать выше какого бы то ни было изъ законовъ природы... Война есть дѣло противное одной сторонѣ человѣческой природы, именно человѣческому инстинкту самосохраненія, но вовсе не противна всей человѣческой природѣ и въ особенности разуму». Драгомировъ категорически отрицаетъ возможность прекращенія войнъ, хотя бы даже въ отдаленномъ будущемъ. «Война прекратится, когда ни въ духовной, ни въ матеріальной области массовой жизни не будетъ возникать ничего новаго, или, что то же, когда человѣчество изживетъ свое духовное содержаніе».

Категорично, но невразумительно. И что понимаетъ почтенный военный писатель подъ «духовнымъ содержаніемъ человѣчества»? Развѣ оно дано отъ вѣка и заключено въ какія-то желѣзныя рамки?

Изъ всѣхъ полководцевъ наиболѣе пламеннымъ пѣвцомъ войны является Мольтке. «Война—это составная часть Богомъ установленнаго мірового порядка... Война священна... Война божественное учрежденіе, одинъ изъ священнѣйшихъ законовъ міра»...

Жутко становится, когда читаешь эти строки, особенно жутко должно быть религіозному человѣку, когда имя Бога святотатственно связывается съ кровавыми бойнями. И мы понимаемъ то пламенное негодованіе, которое охватило Мопассана, когда онъ прочелъ знаменитую рѣчь Мольтке.

Отвѣту на эти религіозно-воинственныя сентенціи Мольтке Мопассанъ посвятилъ въ своей книгѣ «Sur l'eau» двѣ-три странички. По силѣ, яркости и

глубокому чувству негодованія, это лучшее, что написано противъ войны, и мы окончимъ нашъ обзоръ различныхъ мнѣній о войнѣ этими огненными строками.

«Когда я подумаю только о словѣ война, меня охватываетъ смятеніе, какъ если бы говорили о колдовствѣ, инквизиціи, о чемъ-то далекомъ, давно прошедшемъ, гнусномъ, чудовищномъ, противоестественномъ.

«Когда говорятъ о людоѣдахъ, мы надменно улыбаемся, признавая свое превосходство надъ этими дикарями. Кто же является дикарями, настоящими дикарями? Тѣ ли, которые дерутся для того, чтобы съѣсть побѣжденныхъ, или тѣ, которые дерутся для того, чтобы убить и только для этого!

«Маленькіе солдатики, которые идутъ тамъ, обречены на смерть, какъ стадо барановъ, гонимое по дорогѣ мясникомъ. Они падутъ на равнинѣ съ головой, отрубленной однимъ ударомъ сабли, съ грудью, прострѣленной пулей; и все это молодые люди, которые могли бы работать, производить, быть полезными; отцы ихъ бѣдны и стары; ихъ матери, которыя впродолженіи двадцати лѣтъ любили, обожали ихъ, какъ только могутъ обожать матери, узнаютъ черезъ шесть мѣсяцевъ или, можетъ быть, черезъ годъ, что сынъ, что ребенокъ, большой ребенокъ, взрощенный съ такимъ трудомъ, съ такою любовью, стоющій столько денегъ, брошенъ въ яму, какъ дохлая собока, послѣ того, какъ былъ разорванъ пушечнымъ ядромъ, растоптанъ ногами, раздавленъ, превращенъ въ безформенную массу кавалеріей. Зачѣмъ убили ея мальчика, ея единственную надежду, ея гордость, ея жизнь? Она не знаетъ.

«Да, зачѣмъ?

«Война!.. драться!.. умерщвлять!.. убивать людей!.. У насъ существуютъ въ настоящее время, при всей нашей цивилизаціи, при величіи науки и философіи, благодаря которымъ, какъ думаютъ, достигли вершины человѣческаго генія,—при всемъ этомъ у насъ есть школы, въ которыхъ обучаютъ убивать, убивать издалека, съ совершенствомъ, сразу какъ можно больше людей, убивать несчастныхъ, невинныхъ людей, обремененныхъ семействомъ, не справляясь о прежней ихъ жизни.

«А! Мы всегда будемъ жить подъ тяжестью старыхъ гнусныхъ привычекъ, преступныхъ предразсудковъ, жестокихъ идей нашихъ предковъ-варваровъ, потому что мы звѣри, мы останемся звѣрями, пока инстинктъ преобладаетъ и ничто не измѣнится.

«Война почитается теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

«Искусный артистъ по этой части, геніальный убійца—Мольтке произнесъ однажды передъ делегатами мира слѣдующія удивительныя слова:

«Война священна, она божественное установленіе; она является однимъ изъ священныхъ законовъ міра; она поддерживаетъ въ людяхъ всѣ великія, благородныя чувства: честь, безкорыстіе, добродѣтель, храбрость, словомъ, препятствуетъ имъ впасть въ самый гнусный матеріализмъ»...

«Итакъ, соединяться въ стадо въ четыреста тысячъ человѣкъ, ходить день и ночь безъ отдыха, не думать ни о чемъ, ничего не изучать, ничему не учиться, ничего не читать, никому не быть полезнымъ, гнить отъ грязи, спать въ грязи, жить подобно безсмысленнымъ животнымъ, въ постоянномъ отупѣніи, грабить

города, жечь деревни, разорять народы, затѣмъ, при встрѣчѣ съ другимъ такимъ же скопленіемъ человѣческаго мяса броситься на него, пролить море крови, покрыть цѣлыя равнины рубленнымъ мясомъ, смѣшаннымъ съ окровавленной и грязной землей, нагромоздить груды труповъ, остаться безъ рукъ или безъ ногъ, съ разбитой головой, безъ всякой пользы для кого бы то ни было и околѣть гдѣ-нибудь на полѣ въ то время, какъ ваши старики-родители, какъ ваши жены, какъ ваши дѣти умираютъ съ голода—вотъ что называется «не впасть въ самый гнусный матеріализмъ»...

«Мы боремся съ природой, съ невѣжествомъ, противъ всякаго рода препятствій, чтобы сдѣлать менѣе тяжелой нашу несчастную жизнь.

«Обыкновенные люди, благотворители, ученые проводятъ свою жизнь въ работѣ, въ изысканіяхъ того, чѣмъ можно было бы облегчить, помочь своимъ братьямъ. Всѣ идутъ, преданные своему полезному дѣлу, накопляя открытія, расширяя человѣческій умъ, обогащая науку, каждый день открывая разуму результаты новыхъ знаній, каждый день принося своему отечеству благоденствіе, довольство, силу.

«Наступаетъ война. Въ шесть мѣсяцевъ генералы уничтожаютъ 20 лѣтъ труда, терпѣнія, геніальныхъ открытій.

«Вотъ это-то называется «не впасть въ самый гнусный матеріализмъ».

«Мы видѣли войну. Мы видѣли людей, ставшихъ животными, обезумѣвшихъ, убивающихъ изъ удовольствія, изъ хвастовства, изъ тщеславія. Когда право перестаетъ существовать, когда законъ становится мертвымъ, когда всякое представленіе о справедливости исчезаетъ, тогда мы сами видѣли, какъ убиваютъ невинныхъ людей, найденныхъ на дорогѣ и показавшихся подозрительными потому только, что они испугались...

«Придти въ какую-нибудь страну, зарѣзать человѣка, который защищаетъ свой домъ, зарѣзать его только потому, что онъ одѣтъ въ блузу, а не въ кэпи на головѣ, сжечь жилища несчастныхъ, не имѣющихъ больше хлѣба, изломать мебель, украсть и выпить вино, найденное въ погребахъ, изнасиловать женщинъ, встрѣченныхъ на улицахъ, сжечь милліоны франковъ на порохъ и оставить позади себя нищету и холеру.

«Вотъ что называется «не впасть въ самый гнусный матеріализмъ».

«Что же сдѣлали эти военные люди для доказательства хотя бы проблеска своей интеллигентности? Ничего. Что они изобрѣли? Пушки и ружья. Вотъ и все.

«Изобрѣтатель телѣжки, не сдѣлалъ ли онъ больше для человѣка своей простой и практической идеей—придѣлать къ двумъ палкамъ колеса, чѣмъ изобрѣтатель современныхъ укрѣпленій?

«Что осталось намъ отъ Греціи? Книги, мраморъ. Велика ли она по тому, что побѣдила, или по тому, что произвела?

«И развѣ нашествіе персовъ помѣшало ей «впасть въ самый гнусный матеріализмъ»?

«Развѣ нашествія варваровъ спасли Римъ и возродили его?

«Развѣ Наполеонъ I-ый продолжалъ великое интеллектуальное движеніе, начатое философами въ концѣ прошлаго столѣтія?.. **В. Агафоновъ.**

НАШЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ въ рѣчи къ своимъ сотрудникамъ, выясняя направленіе, котораго онъ намѣренъ держаться, счелъ необходимымъ пояснить, что «плодотворность правительственнаго труда основана на искренно-благожелательномъ и искренно-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію».

Еще раньше мы слышали изъ устъ С. Ю. Витте признаніе, что въ настоящее время правительство, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, одно уже не въ состояніи удовлетворять запросы усложнившихся общественныхъ группъ, что «часто оно ихъ не знаетъ или знаетъ несовершенно и неполно». Но слова С. Ю. Витте относились лишь къ одной опредѣленной группѣ. Призывъ къ довѣрію былъ обращенъ къ представителямъ крупнаго капиталя. Но развѣ остальной буржуазіи не нужна иниціатива? Развѣ, напр., цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, «кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя потребности» *)? Развѣ въ иниціативѣ не нуждаются тѣ слои, на которыхъ острѣе всего отразились наши неустройства? Вѣчная боязнь, сковывающая крестьянина, подавляетъ тотъ «эгоизмъ, который является необходимымъ стимуломъ созданія каждаго индивидуальнаго хозяйства». Эта боязнь задерживаетъ его на варварской ступени хищничества. Паспортная система, вѣчныя вымогательства въ силу приписки къ деревнѣ, вѣчная необходимость быть насторожѣ — все это равносильно настоящей пыткѣ и для рабочаго изъ крестьянъ. При малѣйшей недоимочности, его могутъ вернуть на родину, посадить на клочокъ земли, хотя бы самъ рабочій давно отвыкъ отъ земли, сталъ городскимъ жителемъ, а самой клочокъ земли не давалъ насущныхъ средствъ къ существованію.

Курсъ, котораго намѣренъ держаться новый министръ въ своей политической дѣятельности, отвѣчаетъ надеждамъ, вотъ уже сорокъ лѣтъ лелѣемымъ обществомъ, именно тѣмъ, что правительство говоритъ о *развитіи общественной иниціативы вообще...*

Бюрократія по существу своему оторвана отъ жизни; контроль отдаленной власти въ этомъ ничего не можетъ измѣнить. Чѣмъ слабѣе обставлена бюрократія общественными элементами, тѣмъ меньше въ ней жизни, тѣмъ вѣрнѣе она представляетъ мертвую машину, задача которой, по словамъ Чичерина, не въ томъ, чтобы удовлетворить общественныя потребности, а въ томъ, чтобы воспользоваться подчиненнымъ матеріаломъ въ правительственныхъ цѣляхъ **). Только чувствуя непрерывный контроль общества, бюрократія научается уважать гарантіи личности, удовлетворять законныя нужды. Этотъ выводъ уже высказывалъ какъ будто одинъ изъ предшественниковъ кн. Свято-

---

*) Высочайше утвержденное особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

**) „Вопросы политики".

полка-Мирскаго. «Взгляните на годовые отчеты,—писалъ П. А. Валуевъ.— Вездѣ сдѣлано все возможное: вездѣ пріобрѣтены успѣхи; вездѣ водворяется, если не вдругъ, то, по крайней мѣрѣ, постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды,—и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блескъ; снизу гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины» *).

Правда, практика П. А. Валуева не была тѣмъ опытомъ, который скорѣе всякаго умозаключенія убѣждаетъ насъ заимствовать то, что есть хорошаго на свѣтѣ. Зато передъ нами опытъ западно-европейскихъ странъ. Въ теченіе всего XIX-го вѣка во всѣхъ государствахъ Европы замѣчается постепенное ограниченіе бюрократизма, неуклонное развитіе началъ самоуправленія. Обратнаго процесса — отъ самоуправленія къ бюрократизму—не наблюдалось почти нигдѣ. Если же и дѣлался гдѣ-либо шагъ назадъ, то исключительно съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ сдѣлать два шага впередъ. Могло ли быть иначе? Все величіе, все общественно-экономическое благосостояніе Европы исходило отъ этихъ *началъ самоуправленія*

I.

Безъ сомнѣнія, и наше отечество пользуется опредѣленной долей самоуправленія: органами земскаго и городского представительства. Они имѣютъ уже свою исторію. Но играло ли наше представительство ту же роль, какую оно играло въ странахъ Западной Европы? Шло ли оно такъ неуклонно впередъ, какъ это происходило на Западѣ? Вотъ вопросъ, который просится на очередь въ настоящую минуту.

Грустными предчувствіями отмѣчена вся исторія нашей общественности. Мы не говоримъ уже о тѣхъ временахъ, когда «смертная казнь безъ всякой пощады» и «дальніе города» градомъ сыпались на повинныя головы выборныхъ, когда «гражданскіе старосты», какъ свидѣтельствуетъ обыватель Архангельска, жившій въ концѣ XVIII вѣка, «ходили по улицамъ скованы, съ висящими на ихъ шеяхъ желѣзными цѣпями», ни даже о тѣхъ, когда «представительныя» учрежденія превращались въ собранія какихъ-то разсыльныхъ, состоявшихъ на побѣгушкахъ у членовъ управы, которыхъ сами же выбирали. Могъ ли въ самомъ дѣлѣ, Петръ Великій или Николай I внести въ свою «команду» начало, противоположное абсолютизму? Смотрѣть на такихъ выборныхъ, какъ на органы самоуправленія, сколько-нибудь представляющіе интересы общества, едва ли кому придетъ въ голову. Аналогичныя учрежденія Европы того времени вѣдали нужды населенія—это такъ. У насъ же они вводились исключительно съ цѣлью пополненія «государственной казны», «ради исканія и споспѣшествованія, пользы и благополучія Великаго Государя»...

Другое дѣло—эпоха реформъ. Исходъ крымской кампаніи знаменовалъ

---

*) „Русская Старина“, 1891 г. V, стр. 340.

новую эру общественности. Самъ Николай I долженъ былъ признать на смертномъ одрѣ, что подъ видимой мощью его «команды», неумолчно, исуганно, рапортовавшей: «все обстоитъ благополучно», таится слабость, гнѣздится гниль. Сами администраторы нашли, что корень зла «въ сильной правительственной опекѣ», въ отсутствіи «надлежащей самостоятельности» въ представительныхъ учрежденіяхъ. Либералы, консерваторы, западники, славянофилы—всѣ обращали свои взоры или впередъ, къ конституціонной Европѣ, или назадъ, къ удѣльно-вѣчевому періоду, всѣ сходились въ одномъ—въ категорическомъ отрицаніи опеки, въ категорическомъ требованіи самоуправленія. Идея самоуправленія сдѣлалась самой понятной, самой модной идеей. Казалось бы, когда бы самоуправленію и расцвѣсть, какъ не тогда? Однако, и тогда самоуправленіе не стало... панацеей отъ золъ. «Земскія учрежденія, — писалъ Катковъ въ 1870 году,—представляютъ печальное зрѣлище. Гласные во многихъ мѣстахъ охладѣваютъ къ своему дѣлу, перестаютъ видѣть въ немъ дѣло государственнаго значенія, начинаютъ сомнѣваться въ его будущемъ». Земскія собранія шли вяло, за малочисленностью гласныхъ. Иныя вовсе не могли состояться *)...

Затѣмъ наше самоуправленіе стало еще болѣе чахнуть и хирѣть. Припомнимъ то, что мы читаемъ, чуть не ежедневно, о земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ. Апатія земскихъ и городскихъ гласныхъ нерѣдко доходитъ до того, что даже экстренныя собранія, собираемыя по особо важнымъ дѣламъ, не могутъ состояться по неявкѣ гласныхъ въ узаконенномъ числѣ.

Чѣмъ объяснить это? Правительство не разъ задавало себѣ этотъ вопросъ. Оно даже проектировало одно время награжденіе служащихъ по общественнымъ выборамъ различнаго рода привилегіями, напр., облеченіемъ въ мундиръ, который, содѣйствуя возвышенію выборной должности, «не останется безъ пользы для самаго дѣла»... Но напрасно. Самоуправленіе продолжало чахнуть и хирѣть... Неужели же общественный индиферентизмъ и врожденное качество русскаго человѣка? Такъ и рѣшили авторы современныхъ проектовъ, вліятельные авторы, мечтающіе о «возвращеніи къ прошлому».

Однако, тенденція къ прошлому плохо согласуется съ современной, не укладывающейся въ схемы дѣйствительностью. И въ мірѣ природы, и въ мірѣ человѣка реальна одна точка зрѣнія—отъ общаго къ частному, а не наоборотъ. Кто хочетъ понять дѣйствительность, какъ реальное соотношеніе силъ, не станетъ сваливать тѣ или иныя черты, порожденныя внѣшними условіями, на какія-то «внутреннія» особенности. И для того, чтобы произнести тотъ или иной приговоръ надъ нашимъ самоуправленіемъ, необходимо, прежде всего, установить, каково соотношеніе силъ, равнодѣйствующей которыхъ оно является?

II.

Изъ постановленій земскихъ собраній по вопросу о крестьянскомъ представительствѣ, возбужденному циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ

*) Невѣденскій. „Катковъ и его время“, 444 стр.

1902 году, видно, что господствующее теченіе земской мысли имѣетъ въ виду расширеніе избирательныхъ правъ не рядового крестьянства, а верхнихъ, наиболѣе зажиточныхъ и развитыхъ слоевъ, что даже земцы, занявшіе какъ будто независимую позицію, не могли подняться надъ Положеніемъ 1864 года. Не одинъ современникъ этого Положенія,—надо думать,—съ грустью, прислушался къ этимъ постановленіямъ...

Дѣствительно, коммиссія, разрабатывавшая вопросъ о преобразованіи мѣстнаго хозяйства, открылась подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина. Предполагалось, что примѣненіе выборнаго начала тогда только можетъ быть дѣйствительно, когда «выборныя лица уполномочиваются закономъ къ самостоятельной и серьезной дѣятельности». Пользуясь незадолго передъ тѣмъ полученной свободой, періодическая печать съ жаромъ обсуждала вопросы внутренней жизни, связанные съ предстоявшимъ преобразованіемъ... Но... не прошло и мѣсяца съ обнародованія манифеста, какъ во главѣ коммиссіи уже находился П. А. Валуевъ. Увольненіе Милютина, съ которымъ уже не церемонились, смерть С. С. Ланского, по отношенію къ которому были нарушены даже общепринятыя правила оффиціальнаго этикета,—и реакція такъ подняла голову, что даже великую княгиню Елену Павловну поставила втупикъ. «Слово земство наводитъ страхъ въ высшихъ сферахъ», констатировала она... Дѣйствительно, опасеніе и недовѣріе уже стояли на ногахъ. Не прошло и мѣсяца, какъ все, на что указывали и губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу, и члены комитетовъ, вызванные въ редакціонную коммиссію, и дворянскія собранія во всеподданнѣйшихъ адресахъ, поданныхъ по разнымъ поводамъ, даже самыя умѣренныя требованія «экспертовъ» уже не имѣли никакого значенія. Задача Валуева уже сводилась къ тому, чтобы «положить предѣлъ возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій»*). Сторонникъ самоопредѣленія на словахъ, бюрократъ, искажавшій идею законности на дѣлѣ, Валуевъ дѣйствовалъ «мягко и уклончиво». Покойный Джаншіевъ, любившій помечтать о томъ, чего можно было бы ожидать, если бы тонъ жизни не сталъ задавать Валуевъ **), забывалъ, что при томъ соотношеніи силъ, продуктомъ котораго былъ Валуевъ, ничѣмъ другимъ, кромѣ «точнаго и буквальнаго исполненія Положенія о крестьянахъ, но въ примирительномъ духѣ», и не могло кончиться. П. А. Валуевъ, говоря о «сохраненіи и огражденіи» правъ бюрократіи отъ «неумѣстныхъ притязаній» общества и въ то же время открывая «надежды на будущее», лишь отражалъ все правительство, растерявшееся, неспособное на серьезную уступку, предпочитающее частности. Равенство передъ закономъ, уничтоженіе всякихъ перегородокъ—таковы были требованія, сознававшіяся передовой частью общества, но не такова была программа вліятельныхъ элементовъ. Такимъ образомъ и явилась земская реформа.

Учрежденія не были введены въ общую систему государственнаго управле-

---

*) Объяснительная записка къ Положенію.

**) „Эпоха великихъ реформъ“, стр. 315. Москва. 1896 г.

нія, а поставлены рядомъ, какъ отдѣльныя общественныя тѣла. Сословность выборовъ, выразившаяся въ образованіи отдѣльныхъ избирательныхъ собраній, отсутствіе правильнаго представительства интересовъ различныхъ мѣстностей— уже эти недостатки противорѣчили самоуправленію по существу. Но въ «самоуправленіи» и не видѣли особой организаціи государственнаго управленія. Составители задались цѣлью дѣла хозяйственныя, и только ихъ, ввѣрить завѣдыванію земскихъ учрежденій: «завѣдываніе земскими дѣлами уѣздовъ и губерній предоставлено самому населенію уѣзда и губерніи на томъ же основаніи, какъ хозяйство частное предоставляется распоряженію частнаго лица». Даже въ этомъ кругу дѣйствій. отведенномъ земствамъ, законъ ограничилъ степень ихъ участія, установивъ предметы обложенія и высшіе его размѣры. Предоставляя земскимъ учрежденіямъ дѣйствовать «самостоятельнѣ», имъ въ то же время запрещали «вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учрежденій». Сравнивая права, предоставленныя земскимъ учрежденіямъ, съ правами, которыми пользовалось прежнее общество въ лицѣ дворянскихъ собраній, мы видимъ, что послѣднія имѣли право контроля не только надъ губернскимъ, но и надъ государственнымъ земскимъ сборомъ. Положеніе 1864 года не только не сохранило этого права, но, напротивъ, подчинило дѣйствія земства контролю администраціи.

Первые же шаги новыхъ учрежденій показали, что съ самоуправленіемъ они имѣютъ мало общаго. «Это не есть какое-либо признаніе правительствомъ правъ жизни—писалъ И. С. Аксаковъ въ статьѣ отъ 18-го января 1864 года,— или уже готоваго существующаго земскаго обычая; это не регулированіе уже дѣйствующихъ въ земской жизни силъ; нѣтъ, это есть именно передача или удѣленіе правительствомъ обществу части собственныхъ своихъ правъ и обязанностей, своей собственной государственной функціи или службы, со всѣмъ характеромъ, свойственнымъ правительственной казенной дѣятельности» *). Низшія учрежденія не могутъ быть организованы на иныхъ началахъ, чѣмъ высшія...

Обращаясь къ Положенію 1864 года, земскія собранія единодушно осудили Положеніе 12-го іюня 1890 года. Оно не только увеличило число предметовъ, по коимъ постановленія собраній подлежатъ утвержденію губернатора, но давало послѣднему право разсматривать эти постановленія съ точки зрѣнія «интересовъ населенія», даже останавливать ихъ, если они, по его мнѣнію, явно нарушаютъ эти интересы. Оно въ такой степени усилило представительство дворянства насчетъ другихъ сословій, что крестьяне, напр., потеряли 43,4% при новомъ распредѣленіи. Безспорно, 12-го іюня 1890 года ушло еще дальше отъ началъ представительства, чѣмъ Положеніе 1864 г. Въ промежутокъ, отдѣляющій эти акты, и количественно, и качественно выросли «новые люди» деревни. Констатируя происшедшія въ Россіи, на всемъ ея протяженіи, измѣненія въ распредѣленіи землевладѣнія, статистика уже давно отмѣтила появле-

*) Аксаковъ, „Сочиненія", т. V.

ніе особаго слоя лицъ, крестьянской буржуазіи, которая округляетъ свои владѣнія, прикупаетъ скотъ, нанимаетъ рабочія руки, рѣзко отдѣляясь по своему экономическому положенію отъ рядового землепашца. Изъ такихъ дворовъ выходитъ и промышленный мужичекъ, не оставляющій деревни. Между тѣмъ дворянство, получившее благодаря реформѣ 12-го іюня, такое господствующее положеніе въ земствѣ, теряетъ свою экономическую силу. И вотъ мертвое давитъ живое. Дворянскія привилегіи, умноженныя какъ разъ въ тотъ моментъ, когда упадокъ дворянства обозначился съ особой силой, становятся на пути улучшенія земской жизни: въ избирательныя собранія, которыя должны по росписанію выбирать $^{3}/_{5}$ всѣхъ земскихъ гласныхъ, является обыкновенно меньше избирателей, чѣмъ должно быть выбрано гласныхъ, такъ какъ дворяне почти поголовно отсутствуютъ. И въ то же время крестьяне-землевладѣльцы имѣютъ избирательныя права въ исключительныхъ случаяхъ. Владѣльцы же не-дворяне и не-крестьяне, составляющіе второе избирательное собраніе, избираютъ лишь 13,3% общаго числа земскихъ гласныхъ. На все это указываютъ земцы, и любопытенъ тотъ оттѣнокъ, который принимаетъ большинство голосовъ, высказываясь не столько за пониженіе ценза, т.-е. интересы рядовыхъ крестьянъ, сколько за измѣненіе росписаній, т.-е. интересы буржуазіи изъ крестьянъ. Однако, земскія собранія точно и не подозрѣваютъ, что Положеніе 1890 года, которое они столь резонно осуждаютъ, съ совершенной неизбѣжностью вытекаетъ изъ той «коренной реформы», которую они окружили такимъ ореоломъ.

Отрицательныя стороны самоуправленія всегда и вездѣ первое время сказывались въ видѣ взаимныхъ пререканій. Въ самомъ появленіи органовъ самоуправленія органы администраціи склонны видѣть ограниченіе своихъ полномочій. Съ теченіемъ времени, конечно, этотъ антагонизмъ смягчается, и между ними устанавливается тотъ плодотворный и тщательный контроль, который и составляетъ сущность самоуправленія. Такой, однако, результатъ оказывается лишь въ томъ случаѣ, если эти органы дѣйствительно были органами самоуправленія. Если же самостоятельность ихъ была фиктивная, если они, вступая въ тѣ или иныя отношенія съ администраціей, никакой точки опоры внутри не имѣли, то о благихъ послѣдствіяхъ нечего и говорить. Такую именно двусмыслицу представляло Положеніе 64 года съ самаго начала.

Такъ какъ сколько-нибудь отдѣлить «частное хозяйство частнаго лица» отъ дѣлъ административныхъ нѣтъ возможности, то на первыхъ же порахъ возникли многочисленныя столкновенія и пререканія между земскими учрежденіями и администраціей. Интересъ къ общегосударственнымъ вопросамъ, объясняемый не какими-либо вредными наклонностями, а простымъ желаніемъ обезпечить нормальное удовлетвореніе земскихъ нуждъ, немедленно же больно отразился на новыхъ учрежденіяхъ. Подъ вліяніемъ постоянныхъ столкновеній съ администраціей, въ правительственныхъ сферахъ стало складываться подозрѣніе, не происходитъ ли «потрясеніе основъ». Недовѣріе сразу выразилось рядомъ мѣропріятій. Циркуляры послѣдовали за циркулярами, разъясненія за

ъясненіями. Карательныя мѣры противъ петербургскаго земства, при перъ проявленіи самостоятельности, ограниченіе права самообложенія, ограниіе гласности земскихъ учрежденій, вызвавшее рѣзкое осужденіе даже со роны Каткова, учрежденіе инспекцій и дирекцій, усиленіе дискреціонной асти предсѣдателей—все это такъ естественно мирилось съ Положеніемъ года, что такія исключенія, какъ самый конецъ семидесятыхъ годовъ и юе начало восьмидесятыхъ, лишь лишній разъ подтвердили неизбѣжность ной эволюціи при данномъ соотношеніи силъ. Взгляды гр. Д. А. Толстого, вно опредѣлившіеся, не могли быть поколеблены никакими записками и оектами. Прежде чѣмъ кахановская коммиссія, находившая, что земства тоже жны дѣлать «государево дѣло», въ тѣсной связи съ правительственными астями, успѣла что либо сдѣлать, она была, по представленію гр. Толстого, крыта, а всѣ ея дѣла переданы въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Подоѣнія прямо приняли форму обвиненія. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ ямо было заявлено, что «оппозиція правительству свила себѣ прочное гнѣздо земствѣ».

Порученіе выработать проектъ мѣстнаго управленія беретъ на себя А. Д. азухинъ, сторонникъ «нравственно-политическаго начала», которое одно извитъ насъ отъ растлѣвающаго вліянія земской, судебной, городской и учебй реформъ на весь русскій общественный строй и связаннаго съ ними безсословнаго общества, недавно получившаго названіе интеллигенціи». Пазунъ настаиваетъ на «возстановленіи разрушеннаго», т.-е. на всестороннемъ дчиненіи земскихъ учрежденій. Эти идеи такъ пришлись по душѣ гр. Толому, что, при его участіи, былъ составленъ проектъ коренного преобразоя земскихъ учрежденій. Предполагалось отмѣнить предоставленную имъ састоятельность въ распоряженіяхъ по предметамъ ихъ вѣдомства, подчинить ѣ постановленія земскихъ собраній утвержденію администраціи, замѣнить мскія управы присутствіями изъ лицъ, назначаемыхъ правительственной ластью, преобразовать земское представительство на сословномъ началѣ, приавъ ему при этомъ характеръ повинности. Правда, не всѣ стремленія А. Д. азухина и гр. Толстого встрѣтили сочувствіе государственнаго совѣта, но все е эти стремленія, какъ теперь можно судить, осуществились въ значительой степени.

Не будемъ говорить о такихъ важныхъ законодательныхъ актахъ, какъ зъятіе продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства или установленіе предѣльности земскаго обложенія, о такихъ серьезныхъ, хотя и не осуществившихся проектахъ, какъ изъятіе врачебнаго дѣла и народнаго образованія, или послѣдній проектъ мѣстной реформы—все это у насъ на глазахъ. Надо ли дивляться тому оппортунизму, который свилъ себѣ здѣсь гнѣздо? Той дезорганизованности, которая обезличила лучшія силы? Тѣмъ родственнымъ начаамъ, которыя проникли въ земство? Боязни общественнаго мнѣнія, желанію опереться на внѣшнюю силу? Гдѣ ужъ тутъ до общественныхъ дѣлъ! Были и у насъ замѣчательные земскіе дѣятели. Они не только ставили дѣло на долж-

ную высоту, но и проявляли всестороннюю иниціативу. Когда начиналось оживленіе, когда общественныя учрежденія призывались къ самостоятельной работѣ, земство всякій разъ оказывалось на высотѣ. Но... время шло, и люди уходили. Земцы продолжали опускаться. «Они замѣчаютъ въ правительственныхъ властяхъ,—писалъ еще Катковъ,—какое-то глухое нерасположеніе къ этому созданію правительственной власти» *). Компетентный знатокъ земскаго дѣла, В. Ю. Скалонъ давно показалъ намъ, гдѣ лежатъ причины этой апатіи, этого равнодушія къ общественнымъ дѣламъ, давно показалъ, какіе элементы наполняютъ органъ самоуправленія всякій разъ, когда онъ лишается или лишенъ съ самаго начала благопріятныхъ условій для своего развитія.

Съ тою же чертою, которая бросается въ глаза каждому, кому приходилось задумываться надъ эволюціей земства, мы встрѣчаемся въ ходѣ перипетій, пережитыхъ обществомъ городскимъ. Здѣсь ничтожество личности выступаетъ еще ярче, благодаря своеобразной попыткѣ, которая земской реформѣ не могла предшествовать. Мы имѣемъ въ виду сводъ отзывовъ мѣстныхъ городскихъ коммиссій, собранный въ виду поставленной на очередь городской реформы 1870 года.

Стоитъ бросить хоть сколько-нибудь внимательный взглядъ на массу законодательныхъ распоряженій, какая разсыпана по всѣмъ почти томамъ полнаго собранія законовъ, чтобы увидѣть, насколько городское самоуправленіе старше земскаго. Правда, можетъ ли быть рѣчь о самоуправленіи тамъ, гдѣ села «жалуются» въ города и города «разжаловываются» въ села, гдѣ возможны бунты крестьянъ, надѣляемыхъ «правами гражданъ», или «усмиренія» мѣщанъ, въ качествѣ рецидивистовъ, за возвращеніе къ хлѣбопашеству! Тѣмъ не менѣе «служеніе» существовало, и не было, кажется, «средства надзора», которое бы правительство не испробовало въ своей многолѣтней борьбѣ съ равнодушіемъ общества къ этому служенію, равнодушіемъ, выражавшимся во всемъ — въ участіи въ избирательныхъ собраніяхъ, въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей, въ составленіи работъ по отчетности и пр. Послѣ увольненія Милютина и смерти С. С. Ланского, министръ, статсъ-секретарь Валуевъ, «полагая, что предварительно введенія новаго порядка общественнаго управленія въ городахъ необходимо ознакомиться съ мѣстными особенностями ихъ, призналъ нужнымъ истребовать мѣстныя соображенія по настоящему предмету», для чего и предписалъ губернаторамъ немедленно учредить въ губернскихъ и другихъ городахъ особыя коммиссіи, призвавъ въ составъ ихъ «депутатовъ отъ всѣхъ сословій города»... изъ лицъ, «владѣющихъ недвижимой собственностью» **).

Что же отвѣтили «депутаты» на запросъ П. А. Валуева?

Какъ ни невѣжественно и забито было городское населеніе, огромное боль-

---

*) Невѣдѣнскій. „Катковъ и его время“.

**) Матеріалы, относящіеся до новаго общественнаго устройства въ городахъ Имперіи, т. I, стр. 1 и 2.

інство его дало совершенно опредѣленный отвѣтъ. Какъ свидѣтельствуютъ ставители «Свода», коммиссіи «всѣ единогласно» «неудовлетворительность» ществовавшаго въ то время положенія городскихъ учрежденій объяснили тсутствіемъ самостоятельности ихъ во всѣхъ *главнѣйшихъ* дѣйствіяхъ по одскому хозяйству и благоустройству» *). Авторы «Свода», какъ бы удивясь единодушію въ этомъ отношеніи коммиссій, откровенно подчеркиваютъ, о эта идея «пробивается въ соображеніяхъ коммиссій всюду, гдѣ только едставляется къ тому удобство и возможность», и приводятъ извлеченія.

Эти извлеченія такъ поучительны, что нѣкоторыя изъ нихъ нельзя не ивести даже въ настоящее время. Имущественный цензъ не служитъ доказательствомъ соотвѣтствія даннаго лица, замѣтила одна коммиссія. «Общевенное мнѣніе въ пользу избираемаго лица есть лучшая порука». Почти рокъ коммиссій вовсе отвергли требованіе ценза отъ избирателей. Калужская ммиссія такое свое мнѣніе мотивировала такъ: «есть люди, которые вовсе е получаютъ дохода съ своего имущества и живутъ единственно *своими трудами*, но по своимъ нравственнымъ качествамъ и исправному платежу одатей и повинностей болѣе другихъ достойны участвовать въ выборахъ». ѣкоторые депутаты проектировали право города принимать въ свою среду, ицъ, оказавшихъ особенныя услуги обществу наукой, искусствомъ, ремесломъ, отя бы они никакой собственностью недвижимой и не владѣли. Въ могилевской коммиссіи какой-то «разночинецъ», коллежскій ассесоръ Подобѣдовъ произнесъ цѣлую рѣчь въ защиту единства, безсословности городского общества, которая настолько показалась любопытной составителямъ «Свода», что они цѣликомъ внесли ее въ свой трудъ. Коммиссіи проектировали отчетность городскихъ учрежденій «передъ самимъ обществомъ», требуя отчетности распорядительной думы и городского головы только передъ собраніемъ гласныхъ, протоколы котораго должны печататься въ мѣстныхъ газетахъ, а самыя засѣданія открыты «для всѣхъ обывателей». Уже тогдашнее общество понимало значеніе гласности, какъ одной изъ дѣйствительнѣйшихъ мѣръ противъ злоупотребленій. Чувствуя, какъ мало положеніе городского головы, по существовавшимъ узаконеніямъ, соотвѣтствовало его значенію, какъ представителя общества, коммиссіи находили необходимымъ установить «совсѣмъ другія отношенія» защитника ихъ интересовъ къ «администраціи и обществу». Общество, молъ, должно имѣть возможность «оказать своему представителю справедливое огражденіе отъ слишкомъ большого вмѣшательства губернской администраціи въ его распоряженія». Коммиссіи всюду выдвигаютъ начало выборное. «Если всѣ полицейскія обязанности,—говоритъ одна изъ коммиссій,—возлагались на управленіе, совершенно чуждое общественному элементу, то конечно, потому, что на города до настоящаго времени смотрѣли, какъ на малолѣтокъ, неспособныхъ къ самоуправленію и самосохраненію и требующихъ за собой

*) См. подробно у И. И. Дитятина. „Статьи по исторіи русскаго права“. „Къ исторіи городового положенія 1870 года“. С.-Петербургъ. 1895 г.

ухода няньки», должностью каковой и «занимается у насъ до сего времени городская полиція». Чтобы дѣйствительно вызвать города къ самостоятельности и самоуправленію, необходимо, «чтобы лица, входящія въ составъ полиціи, *избираемы* были по личному ихъ достоинству самимъ обществомъ».

Такъ отвѣтили «депутаты»—просто, съ сознаніемъ важности своего дѣла въ общемъ строѣ русской государственной жизни, подчеркивая то, что одинаково важно и для общества, и для правительства. Попытка, давшая огромный матеріалъ для ознакомленія съ городами, тѣмъ болѣе достойна вниманія, что она единственная въ своемъ родѣ и ни раньше, ни потомъ уже не повторялась. Какой же результатъ имѣла она? Насколько воспользовались мнѣніями общества тѣ, въ чье распоряженіе мнѣнія поступили? Наглядное представленіе объ этомъ даетъ намъ сопоставленіе Положеній 1870 и 1892 гг.

«Энергичная охрана городскихъ интересовъ» отъ... «едва ли полезной самостоятельности», отсутствіе иниціативы, чрезвычайное увеличеніе расходовъ «обязательныхъ» при соотвѣтственномъ уменьшеніи расходовъ «необязательныхъ», такое повышеніе избирательнаго ценза, при которомъ массы городского населенія остаются за флагомъ, наконецъ, возрастающая концессіонная вакханалія—вотъ черты нашего городского управленія. Если прежнее Положеніе призывало собственниковъ, то Положеніе 1892 года сокращаетъ даже кругъ такихъ избирателей. Минимальное число гласныхъ понижается до двадцати при ста избирателяхъ. На каждые пятьдесятъ избирателей прибавляется по три гласныхъ, пока общее число гласныхъ не достигнетъ въ столицахъ 160, въ губернскихъ городахъ съ населеніемъ свыше ста тысячъ—восьмидесяти, въ болѣе значительныхъ уѣздныхъ—шестидесяти. Такимъ образомъ, число избирателей Петербурга уменьшилось на треть, Кіева—на половину, Нахичевани—на три четверти и пр. Прежнее Положеніе *не требовало* отъ выборныхъ присутствія въ засѣданіяхъ думы. Новое Положеніе дѣлаетъ его обязательнымъ, грозя за неявку «безъ уважительныхъ причинъ» замѣчаніемъ, штрафомъ, даже исключеніемъ изъ думы. Правительство, совмѣщая предсѣдателя думы и управы въ одномъ лицѣ, и прежде видѣло въ городскомъ головѣ «агента правительства, по исполненію тѣхъ или другихъ изъ его предположеній и предначертаній». При раздѣленіи властей,—читаемъ мы въ журналѣ общаго собранія государственнаго совѣта 11-го мая 1870 г.,—«правительство поставило бы себя въ необходимости имѣть дѣло съ двумя представителями городского общества, изъ которыхъ одинъ, сдѣлавшись почти правительственнымъ чиновникомъ, не имѣлъ бы, по извѣстнымъ вопросамъ, надлежащаго въ глазахъ общества вѣса, тогда какъ другой, побуждаясь, напротивъ, желаніемъ казаться вполнѣ независимымъ отъ всякаго вліянія административной власти, могъ бы нерѣдко преслѣдовать не вполнѣ согласныя съ видами правительства цѣли» *). Теперь городскія головы въ Петербургѣ и Москвѣ *назначаются* Высочайшей властью, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ. Утвержденіе админи-

*) Матеріалы, относящіеся до новаго общественнаго устройства въ городахъ Имперіи, т. III, 501.

грацией и прежде требовалось для городского головы, его товарища и замѣняющихъ ихъ членовъ управы; теперь оно требуется для всѣхъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ управой, и, въ случаѣ неутвержденія избранныхъ, вакантныя должности замѣщаются по назначенію губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ. Вообще, отношенія къ администраціи подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Положеніе 1870 г., предоставляя городскому общественному управленію «попеченіе и распоряженіе по городскому хозяйству и благоустройству», предоставляло губернатору надзоръ за исполненіемъ городскихъ обязанностей. Въ чемъ выражался этотъ надзоръ? Въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы общественное управленіе не выходило за предѣлы, поставленные ему закономъ. Прямое вмѣшательство правительственныхъ органовъ должно было имѣть мѣсто лишь тогда, когда эти границы нарушались. Жалобы, являвшіяся результатомъ разногласій между городскимъ головой и большинствомъ управы, между управой и думой, между губернаторомъ и думой и пр.,—передовались на усмотрѣніе особаго учрежденія, т. н. губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, учрежденія, не имѣвшаго ничего аналогичнаго въ земскихъ учрежденіяхъ и лишь впослѣдствіи введеннаго также и въ составъ послѣднихъ. Постановленія думъ, подлежавшія административному утвержденію, были немногочисленны. Такимъ образомъ предполагалось, что въ предѣлахъ своей власти городъ дѣйствуетъ «самостоятельно». Новое положеніе ничего не говоритъ о «самостоятельности». Оно прямо подчиняетъ надзору губернатора не только законность, но и правильность дѣйствій городского управленія, ихъ соотвѣтствіе общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или интересамъ населенія, прямо увеличиваетъ число постановленій, подлежащихъ—смотря по важности дѣла и значительности города—утвержденію губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ. Городская управа становится коллегией чиновниковъ, вершающей всѣ дѣла независимо отъ думы, безъ ея вѣдома и контроля. У думы отнимается самое главное, чѣмъ до сихъ поръ хоть отчасти поддерживались «независимость» и «контроль»: по новому положенію преданіе суду должностныхъ лицъ зависитъ исключительно отъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія или комитета министровъ. Оружіе неутвержденія такъ ограничиваетъ кругъ лицъ, имѣющихъ возможность стать во главѣ думы, что члены управы нерѣдко становятся безсмѣнными должностными лицами...

Такимъ образомъ, мнѣніе, которое пробивалось въ соображеніяхъ вышеупомянутыхъ коммиссій, всюду, гдѣ только представилась къ тому возможность, не только не было услышано, но потребовалось нѣсколько десятилѣтій ожиданій и исканій для того, чтобы вернуться къ тому самому, съ чего было начато. «Прдставительства законодатель не ищетъ,—объясняютъ «Московскія Вѣдомости»,—и не старается достигнуть. Законодатель ищетъ просто компетентныхъ работниковъ, людей, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями, и больше ничего» *). Дѣйствительно, первые выборы, послѣ введенія въ дѣй-

*) Цит. по „Городскому самоуправленію“ Семенова, стр. 161.

ствіе городового Положенія 1892 года, дали въ петербургской думѣ вмѣсто 160 гласныхъ... 55. Къ подачѣ голосовъ въ 1893 году явилось всего 37 проц. лицъ, занесенныхъ въ избирательные списки...

Если Положеніе 1870 г. представляло подобіе самоуправленія плюсъ «надежды на будущее», то городская реформа 1892 г., вытекающая изъ перваго такъ же логично, какъ Положеніе объ общественномъ управленіи г. Петербурга изъ послѣдняго, уже почти всецѣло лежитъ въ области «твердой власти». Дѣлая рѣшительный шагъ въ сторону полнаго подчиненія мѣстнаго хозяйства государственному контролю, даже въ видѣ отдѣльнаго опыта осуществляя это сейчасъ, городская реформа есть, конечно, выраженіе того же соатношенія правительственныхъ и общественныхъ силъ, которое обусловило и эволюцію земскаго законодательства. Даже форма городскаго Положенія 1892 г. повторяетъ форму земскаго положенія 1890 г.

Надо ли повторять упреки? Говорить о томъ, какъ даже «внѣшняя опрятность» нашихъ городовъ не удовлетворяетъ минимальнымъ требованіямъ? Какъ всѣ мѣропріятія ихъ лишены единства, законченности, носятъ отрывочный и случайный характеръ? Обвинять *представителей общества?* Нѣтъ, если ни отъ кого нельзя требовать больше того, что онъ можетъ дать, то положеніе вещей убѣждаетъ насъ въ томъ, что и органы нашего «самоуправленія» дали именно столько, сколько могли дать. Какова бы ни была организація учрежденія, какія бы широкія задачи оно ни ставило себѣ—всѣ усилія ни къ чему не приведутъ, разъ учрежденіе искусственно вставлено въ окружающую среду, разъ внѣшнія условія неблагопріятны для его развитія. Судьба каждаго общественнаго учрежденія тѣмъ меньше зависитъ отъ этихъ условій, чѣмъ естественнѣе его происхожденіе, чѣмъ сознательнѣе входящіе въ него элементы, чѣмъ оно сильнѣе сплоченностью, цѣльностью, умѣньемъ постоять за себя. Но кто сталъ бы проявлять инициативу въ дѣлѣ, рѣшеніе котораго отъ него не зависитъ? Такая инициатива такъ часто оказывается не стоющей той энергіи, тѣхъ силъ, которыя на нее затрачены...

III.

Такъ вездѣ кончались попытки конструировать самоуправленіе, какъ дѣятельность, по существу своему отличную отъ общегосударственныхъ задачъ, внѣ связи съ вопросомъ о самоопредѣленіи, о гарантіяхъ личности. Но лучшій учитель—жизнь. Задержки и преграды, связывавшія дѣятельность общества, нигдѣ не выдерживали напора жизни, ни въ одной странѣ. Безъ сомнѣнія, настанетъ день, и эта задача отойдетъ въ область прошлаго и у насъ.

Признаніе рѣшающей силы за бюрократіей ведетъ къ тому, что всей мѣстной жизнью управляютъ лица, незнакомыя съ мѣстными условіями, не чувствующія мѣстныхъ потребностей, которыя ставятъ страну въ безпомощное положеніе, въ необходимость руководиться при проведеніи самыхъ важныхъ мѣропріятій самыми случайными свѣдѣніями. Можетъ тутъ что-либо измѣнить «децентрализація»? Органы, назначенные изъ центра, страдаютъ той же отор-

ванностью, вреднымъ образомъ отражающейся на провинціи, что и центръ. Косность неизбѣжна, ибо мѣстные органы являются, по самому смыслу закона, пассивнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ центра; но факты показываютъ, что еще къ худшему ведетъ самостоятельность. Итакъ, «децентрализація» лишь кажется децентрализаціей. Въ этомъ и зло нашего «самоуправленія».

Общественныя наши учрежденія суть особые органы для завѣдыванія «мѣстнымъ хозяйствомъ». Но какія же дѣла должны быть признаны чисто хозяйственными, не заключающими въ себѣ элемента власти? Не значитъ ли этимъ создать одну внѣшнюю оболочку, оставивъ основной вопросъ—о самоопредѣленіи—нерѣшеннымъ? «Органъ самоуправленія есть власть административная,—писалъ еще А. А. Головачевъ,—кругъ дѣятельности которой опредѣляется не положительно, а отрицательно, кругомъ дѣйствій центральнаго управленія» *). Всѣ изслѣдователи вопроса разсуждаютъ такъ. Всѣ изслѣдователи отказываются отъ мысли, что органъ самоуправленія можетъ завѣдывать какими-то дѣлами, по существу отличными отъ дѣлъ государственнаго управленія: это значитъ лишить его и тѣни самоуправленія. Нѣтъ, «самоуправленіе есть децентрализованное государственное управленіе, гдѣ самостоятельность мѣстныхъ органовъ обезпечена системою такого рода юридическихъ гарантій, которыя, создавая дѣйствительность децентрализаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваютъ тѣсную связь органовъ мѣстнаго государственнаго управленія съ данной мѣстностью и ея населеніемъ» **). Такимъ и только такимъ должно быть и можетъ быть наше самоуправленіе, призванное вывести Россію—изъ тупого угла, въ который его загнали долгіе годы безвременья...

Л. Клейнбортъ.

---

*) А. А. Головачевъ. „Десять лѣтъ реформъ“.

**) „Мелкая земская единица“. Н. И. Лазаревскій. „Самоуправленіе“, стр. 51.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Отклики земскихъ и думскихъ собраній на рѣчь г. министра внутреннихъ дѣлъ. Рѣчь новаго министра внутреннихъ дѣлъ, кн. Святополкъ-Мирскаго, къ чинамъ министерства, вызвала, какъ и слѣдовало ожидать, благожелательные отклики со стороны многихъ думскихъ и земскихъ собраній. Первою отозвалась одесская дума съ «искренними пожеланіями полнѣйшаго успѣха въ исполненіи благихъ намѣреній». За нею послѣдовалъ рядъ выраженій такихъ же пожеланій со стороны разныхъ думъ и земствъ. Въ рѣчахъ, сопровождавшихъ эти привѣтствія, болѣе или менѣе опредѣленно выражалось удовольствіе, что «явное недовѣріе,—какъ выразился московскій городской голова кн. Голицынъ, — къ общественнымъ учрежденіямъ, нарушавшее правильность и спокойствіе ихъ дѣятельности, даже заставившее ихъ опасаться за свою судьбу»,—замѣняется нынѣ «довѣріемъ», «единеніе ихъ дѣятельности съ дѣятельностью правительства» ставится «непремѣннымъ условіемъ къ выполненію» новымъ министромъ «возложеннаго на него долга». Московское уѣздное земское собраніе видитъ «въ избранномъ направленіи внутренней политики Россіи, основанномъ на искренне довѣрчивомъ и благожелательномъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и населенію,—ту могучую силу, то единеніе, которыя только и могутъ вывести нашу дорогую родину изъ ея настоящаго угнетеннаго, морально и экономически, состоянія на путь развитія и преуспѣянія».

Въ томъ же родѣ послѣдовали привѣтствія и со стороны многихъ другихъ городскихъ и земскихъ учрежденій. Знаменательно, между прочимъ, что петербургская дума, состоящая, главнымъ образомъ, изъ крупныхъ чиновниковъ и капиталистовъ, не нашла нужнымъ отозваться на заявленія министра, какъ бы подчеркивая своимъ молчаніемъ, насколько мало современныя думы (въ значительной степени и земскія собранія) могутъ считаться выразителями общественнаго мнѣнія. Въ земскихъ собраніяхъ, какъ ни ограничено ихъ представительство, это не такъ замѣтно. Въ нихъ еще не замерло сознаніе большой и отвѣтственной работы, лежащей на ихъ обязанности, почему и живѣе чувствуется необходимость опредѣленныхъ условій, при которыхъ эта работа только и можетъ быть плодотворной. Объ этихъ-то условіяхъ нѣкоторыя земскія собранія и сочли нужнымъ такъ или иначе высказаться.

Съ обстоятельною рѣчью въ этомъ смыслѣ обратился къ темниковскому уѣздному земскому собранію предсѣдатель его Ю. А. Новосильцевъ. Сославшись на рѣчь кн. Святополка-Мирскаго, г. Новосильцевъ сказалъ: «Привѣтствуя такія слова, намъ нельзя, однако же, не вспомнить, что и раньше мы слышали слова довѣрія, обращенныя къ обществу. Но чѣмъ выразилось на дѣлѣ довѣріе? Печальная участь трудовъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, еще болѣе печальная участь нѣкоторыхъ ихъ членовъ; частичное упраздненіе тверскаго земства, отказъ въ утвержденіи пяти предсѣдателей губернскихъ управъ, воспрещеніе общеземской организаціи въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ, систематическое неутвержденіе лицъ, служащихъ по назначенію въ земствахъ,— вотъ примѣры того довѣрія, какимъ дарило насъ министерство внутреннихъ дѣлъ хотя бы въ минувшіе два года. Будемъ надѣяться, что все это отошло въ прошлое безповоротно; не сомнѣваясь въ искренности словъ кн. Святополкъ-Мирскаго, будемъ надѣяться, что за словами послѣдуетъ *дѣло*; будемъ надѣяться, однимъ словомъ, что довѣріе, о которомъ говоритъ министръ внутреннихъ дѣлъ, выразится въ той единственной формѣ, въ которой оно можетъ имѣть значеніе для Россіи: въ упраздненіи административнаго произвола и въ установленіи законнаго порядка при активномъ содѣйствіи общества и населенія».

Въ городнянскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, 27-го сентября, при обсужденіи мѣръ по призрѣнію семействъ запасныхъ солдатъ, взятыхъ на войну, собраніе, между прочимъ, постановило: «Доложенный собранію циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 15-го августа по объединенію на мѣстахъ мѣръ обезпеченія семействъ воинскихъ чиновъ, призванныхъ на войну, указывая г.г. губернаторамъ на обязанность ихъ, зависящими отъ нихъ средствами, обезпечить «успѣшный ходъ этого», какъ выражено въ циркулярѣ, «большой важности дѣла», вслѣдъ за симъ содержитъ въ себѣ слѣдующее обращеніе къ мѣстнымъ дѣятелямъ вообще: «необходимо, чтобы всѣ привлеченные къ участію въ немъ мѣстные дѣятели прониклись убѣжденіемъ, что только дружной согласной и неустанной работой могутъ они достигнуть тѣхъ результатовъ, въ смыслѣ дѣйствительнаго обезпеченія нуждающихся въ нихъ семействъ воинскихъ чиновъ, коихъ требуетъ законъ и вправѣ ожидать правительство, ввѣряющее имъ эту святую заботу, и самые нижніе чины, грудью своею отстаивающіе на Дальнемъ Востокѣ честь и интересы Россіи». Всѣмъ сердцемъ отзываясь на этотъ призывъ, земское собраніе полагаетъ, однако, что въ настоящее время, когда для отраженія врага русскій народъ уже пролилъ столько крови, понесъ столько жертвъ, и въ виду неопредѣленнаго будущаго, вѣроятно, долженъ будетъ еще въ огромной степени напрячь всѣ свои силы, ему для успѣха въ предстоящей громадной работѣ необходимъ громадный же подъемъ духа. Къ сожалѣнію, условія жизни какъ всего нашего народа, такъ и представителей его, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ земскихъ дѣятелей, а также и земства вообще, представляютъ чрезвычайныя препятствія не только къ желательному подъему духа, но и къ правильному теченію земской жизни и плодотворности работы земскихъ дѣятелей. Недовѣ-

ріе, постоянно оказываемое земству устраненіемъ лучшихъ людей его отъ дѣятельности въ земствѣ, въ связи съ необезпеченностью личности русскаго гражданина вообще,—недовѣріе, выразившееся, между прочитъ, въ установленіи предѣльности увеличенія земскихъ смѣтъ, изъятіи изъ вѣдѣнія земства нѣкоторыхъ отраслей земскаго хозяйства, какъ, напримѣръ, продовольственнаго дѣла, въ чрезмѣрной подавляющей административной опекѣ и еще недавно въ томъ, что пересмотръ законодательства о сельскомъ состояніи не производится при ближайшемъ участіи «достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ», какъ о томъ возвѣщено въ Высочайшемъ манифестѣ 26-го февраля прошлаго года, а почти совершенно бюрократическимъ способомъ,—искаженіе самаго понятія о земствѣ введеніемъ въ него начала сословности и назначенія гласныхъ администраціей, полное ограниченіе земскихъ собраній въ возможности высказывать свои пожеланія по вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ удовлетвореніемъ пользы и нуждъ населенія, но имѣющимъ хотя бы и отдаленный намекъ на желательныя измѣненія нѣкоторыхъ общегосударственныхъ законовъ, запрещеніе печати указывать и разъяснять всю ненормальность установившихся отношеній,—вотъ причины, которыя не только не могутъ содѣйствовать столь желанному, чрезвычайному подъему духа населенія, а, наоборотъ, приводятъ къ унынію и уменьшенію энергіи лучшихъ силъ народа и его представителей въ земствѣ». Постановленіе покрыто апплодисментами собранія.

На земскихъ собраніяхъ. Въ нижегородскомъ уѣздномъ земствѣ, наканунѣ закрытія его очередной сессіи, поднятъ былъ вопросъ о пересмотрѣ нынѣшняго земскаго Положенія, дефекты котораго даютъ себя чувствовать ежедневно. Въ нижегородскихъ газетахъ находимъ отчеты объ интересныхъ преніяхъ въ собраніи, по этому очередному и неотложному вопросу земской жизни.

Гл. А. А. Савельевъ заявилъ, что пересмотръ этотъ необходимо произвести на самыхъ широкихъ началахъ. Въ данномъ случаѣ гласный обращаетъ особенное вниманіе на постановленіе прошлогодняго нижегородскаго губернскаго земскаго собранія, возбудившаго ходатайство о передачѣ на предварительное разсмотрѣніе земскихъ собраній всѣхъ законопроектовъ, тѣсно связанныхъ съ сложной земскою жизнью.

Хотя постановленіе это опротестовано, но въ жизненности его невозможно сомнѣваться. Гласный убѣжденъ, что въ непродолжительномъ времени надежды губернскаго земства осуществятся въ дѣйствительности.

А. А. Савельевъ просилъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе коммиссіи.

Прекрасную и одушевленную рѣчь произнесъ гласный П. А. Рождественскій.

«Живительный обмѣнъ мнѣній одинъ можетъ способствовать разностороннему выясненію общественныхъ вопросовъ. Насъ немного, но мы приняли всѣ зависѣвшія отъ насъ мѣры для пользы населенія. Докладъ управы говоритъ о выборномъ началѣ, о широкой всесословности, о включеніи въ собраніе гласныхъ со среднимъ и высшимъ образованіемъ. Законъ, существующій те-

перь относительно земскихъ выборовъ, недостаточенъ. Но притомъ не съ тѣхъ только сторонъ, которыя упомянуты въ докладѣ. Напримѣръ, въ земскихъ собраніяхъ могутъ участвовать одни лица православнаго исповѣданія. Но пусть бы въ нихъ участвовали лица всѣхъ рѣшительно исповѣданій! Вѣдь проливаютъ же всѣ они кровь свою на Дальнемъ Востокѣ. Если они считаются достойными защищать родину, то тѣмъ болѣе — участвовать въ нашихъ мелкихъ житейскихъ интересахъ. Необходимо также предоставить право быть гласными лицамъ женскаго пола. Особенно въ дѣлѣ народнаго образованія, требующемъ и педагогическаго дара, и сердечнаго, теплаго отношенія къ себѣ, женщины могутъ быть полезны.

«Громадный пробѣлъ существуетъ въ выборѣ гласныхъ крестьянъ. Нижегородское крестьянство крайне незначительно представлено здѣсь. Выборная система для него отсутствуетъ. Цѣлый рядъ вопросовъ вызываетъ такимъ образомъ нынѣшнее земское Положеніе.

«Въ настоящемъ собраніи возбуждена масса симпатичныхъ ходатайствъ; въ томъ числѣ предположенныя В. В. Алемасовымъ — о коренномъ пересмотрѣ устава о воинской повинности, объ измѣненіи почтоваго и телеграфнаго тарифа.

«Но, господа, недостаточно ходатайствовать—необходимо еще поддерживать свои ходатайства. Мы этой возможности лишены.

«Является потому насущная потребность для населенія участвовать въ законодательной работѣ. Не пугайтесь, прошу васъ, этихъ «страшныхъ» словъ! Среди насъ нѣтъ ни крамольниковъ, ни враговъ правительства. Но мы должны откровенно заявить о насущной потребности нашего участія въ законодательствѣ! Какой можетъ быть вредъ отъ того, что правительство узнаетъ о народныхъ нуждахъ непосредственно, отъ заинтересованныхъ въ нихъ людей? Стремиться къ этому—наша священная обязанность. Позволю себѣ маленькій намекъ (вы поймете его): не подлежитъ сомнѣнію, что масса юношей, неопытныхъ, способныхъ дѣлать ошибки, принимаетъ у насъ участіе въ тѣхъ дѣлахъ, которыми слѣдовало бы заниматься зрѣлымъ людямъ. Ненормально, можетъ быть, такое преждевременное развитіе молодежи.

«Господа! У васъ есть дѣти, есть младшіе братья! Не возлагайте на нихъ непосильнаго дѣла! Сами беритесь за него! Не бойтесь, что на васъ взглянутъ, какъ на крамольниковъ, если вы захотите служить родинѣ. Намъ нужно объединиться, идти навстрѣчу нуждамъ населенія. Это возможно только, если будутъ представители населенія при законодательной работѣ.

«Въ какой формѣ это можетъ осуществиться, я не знаю. Но наша священная обязанность просить объ этомъ, особенно теперь, когда мы слышимъ призывъ правительства къ обществу. Не пугайтесь! Вы только поможете правящимъ классамъ!

«Я прошу передать мое предложеніе въ коммиссію и разработать въ связи съ ходатайствами о земскомъ положеніи».

Раздались рѣчи и противъ такихъ предложеній.

Н. Н. Каргеръ. «У правительства можетъ быть одно дѣйствительно спра-

ведливое соображеніе, почему оно боится расширить земскую общественную дѣятельность: это неподготовленность большей части общества и въ особенности, крестьянскаго населенія къ этой дѣятельности, требующей нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ и качествъ въ общественныхъ дѣятеляхъ. Такими прежде всего являются—выдержка, тактъ и чувство мѣры.

«Поэтому,—доказывалъ г. Каргеръ,—намъ необходимо вооружиться этими качествами и доказать правительству, что мы ихъ имѣемъ, прежде чѣмъ разсчитывать на удовлетвореніе подобныхъ предположенному ходатайствъ. Въ предложеніи его я не вижу именно этихъ свойствъ, ибо если намъ и обѣщается какъ будто со стороны правительства особое довѣріе и расширеніе нашей общественной земской самодѣятельности, то это отнюдь не даетъ намъ права разсчитывать сейчасъ же получить разрѣшеніе проявлять наше участіе въ законодательныхъ работахъ. Такое ходатайство можетъ лишь возмутить то неукоренившееся еще чувство довѣрія правительства къ земству, котораго мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждемъ».

Собраніе постановило: передать вопросъ о пересмотрѣ земскаго положенія, а также и связанные съ нимъ вопросы въ особую коммиссію.

—По сообщенію «Кіевскихъ Откликовъ», черниговское уѣздное земское собраніе, выслушавъ въ послѣднемъ засѣданіи докладъ проектной коммиссіи, единогласно постановило ходатайствовать объ осуществленіи при этомъ пересмотрѣ слѣдующихъ между прочимъ положеній:

«1) Надлежитъ предоставить право участія въ земскихъ выборахъ всѣмъ, безъ различія сословій и національностей. Сельское управленіе необходимо замѣнить всесословнымъ и ввести его въ строй земскихъ учрежденій.

«2) Цензовыя нормы для участія въ земскихъ выборахъ необходимо значительно понизить.

«3) Для привлеченія къ земской дѣятельности большаго числа силъ, необходимо предоставить избирательныя права женщинамъ, съ правомъ избирать или быть избираемыми.

«4) Право администраціи не утверждать избираемыхъ на земскія должности и назначаемыхъ управами на земскую службу, а также подвергать земскихъ служащихъ административнымъ карамъ необходимо отмѣнить.

«5) Право администраціи задерживать исполненіе земскихъ постановленій и вмѣшиваться по существу въ распоряженія земскихъ управъ точно также необходимо отмѣнить, оставляя за администраціей только право протеста противъ такихъ постановленій, въ которыхъ заключается нарушеніе дѣйствующихъ законовъ».

По поводу ревизіи московскаго земства. Со времени ревизіи московскаго земства сенаторомъ Зиновьевымъ прошло уже около года, но отчетъ объ этой ревизіи до сихъ поръ не сообщенъ московской губернской земской управѣ.

Въ виду того, что опубликованные въ рапортѣ указанія свидѣтельствуютъ объ недостаткахъ въ дѣятельности московскаго земства, вполнѣ вѣроятно, что

на предстоящемъ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи къ управѣ будетъ предъявленъ со стороны гласныхъ по этому поводу соотвѣтствующій запросъ. Управа же, не имѣя въ своемъ распоряженіи подробнаго отчета, будетъ лишена возможности отвѣтить по существу предъявленнаго къ ней запроса. Въ виду этого, губернская управа 30-го іюля обратилась къ московскому губернатору съ ходатайствомъ объ испрошеніи для нея у министра внутреннихъ дѣлъ одного экземпляра подробнаго отчета ревизіи земства Московской губерніи. Отвѣта на свое ходатайство управа до сихъ поръ еще не получила.

Благодаря этому, московской губернской земской управѣ въ своихъ объясненіяхъ пока приходится только ограничиваться общими замѣчаніями, помѣщенными въ рапортѣ.

По поводу «незаконности» совѣщанія предсѣдателей земскихъ управъ Московской губерніи и «несоотвѣтствія его дѣятельности интересамъ земскаго дѣла», совѣщаніе дало уже отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что существованіе его не противорѣчитъ дѣйствующимъ узаконеніямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безусловно необходимо для правильнаго развитія земскаго дѣла.

Рапортъ сенатора Зиновьева, между прочимъ, подробно и всесторонне разсмотрѣнъ въ «Журналѣ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова» (№ 4). «Прежде всего,—говоритъ «Журналъ»,—нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что собранный при ревизіи фактическій матеріалъ, который, какъ намъ достовѣрно извѣстно, тоже напечатанъ особымъ изденіемъ, остается недоступнымъ для общаго пользованія». Нежелательное направленіе дѣятельности московскаго земства, по словамъ рапорта, «всего ярче выразилось во врачебномъ персоналѣ». Этотъ персоналъ «подъ вліяніемъ уѣздныхъ врачей губернскаго земства, сплотившись въ одну общегубернскую корпорацію, стремится къ постоянному расширенію своей дѣятельности»... Врачебный персоналъ губернскаго земства въ область школьной гигіены «включаетъ вопросы о примѣненіи въ школахъ наказаній, обсужденіе пригодности, съ точки зрѣнія гигіены, тѣхъ или другихъ учебниковъ и школьныхъ принадлежностей, устройство школьныхъ поѣздокъ и т. п.; нѣкоторые врачи прямо признаютъ даже педагогику частью гигіены... Поддерживая это стремленіе, губернская управа въ минувшемъ году предложила уѣзднымъ управамъ пригласить учителей народныхъ училищъ выбрать въ каждомъ уѣздѣ изъ своей среды по 2 делегата для участія въ губернскомъ съѣздѣ врачей, гдѣ будутъ обсуждаться вопросы школьной санитаріи». «Стремленіе врачей вмѣшиваться въ дѣла, повидимому, ихъ совсѣмъ не касающіяся, замѣчается нерѣдко. Такъ, клинскій санитарный совѣтъ обсуждалъ вопросъ объ обязательномъ страхованіи рабочихъ» и т. п. Въ дѣйствительности, говоритъ «Журналъ», «всѣ эти вопросы имѣютъ несомнѣнную и довольно тѣсную связь съ областью здравоохраненія, и врачи отнюдь здѣсь не вмѣшиваются не въ свое дѣло. Большая часть перечисленныхъ вопросовъ (именно всѣ, получившіе разрѣшеніе) служила предметомъ всесторонней критики и неоднократнаго обсужденія уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній, и по нимъ имѣются опредѣленныя постановленія». «И только недостаточнымъ знакомствомъ съ современнымъ состояніемъ санитарной

науки, а главное боязнью движенія, пристрастіемъ къ рутинѣ и неподвижнымъ шаблонамъ можно объяснить всѣ эти странные упреки врачамъ и земству».

«Нельзя также не замѣтить рѣзкаго противорѣчія въ объясненіи причинъ дороговизны лечебницъ. Сенаторъ т. с. Зиновьевъ указываетъ на 2 причины; 1-ая—отсутствіе заранѣе установленнаго плана, 2-ая—слишкомъ сильное увлеченіе выгодами павильонной системы. Учрежденіе, строящее лечебницы по опредѣленной системѣ, которою оно будто бы даже слѣпо увлекается, нельзя, конечно, упрекать въ «отсутствіи заранѣе точно опредѣленнаго плана». Насколько намъ извѣстно, въ Московской губ. особенно детально, при участіи спеціалистовъ, разработаны и ad hoc каждый разъ пересматриваются планы лечебницъ какъ въ санитарномъ, такъ въ технически-строительномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, такъ что этотъ упрекъ рѣшительно утрачиваетъ въ дѣйствительности всякое значеніе. Что касается павильонной системы, то въ былое время система эта была предметомъ споровъ, теперь же она примѣняется всюду, гдѣ только это позволяетъ состояніе бюджетовъ». «Докладъ сенатора т. с. Зиновьева, посвященный изложенію, главнымъ образомъ, «общихъ соображеній», бѣденъ фактически, предметными данными. Тѣ данныя, которыя приводятся, подобраны какъ бы спеціально съ цѣлью рѣзче оттѣнить несовершенства въ строѣ московской земской медицины. Быть можетъ, въ «подробномъ отчетѣ» имѣется болѣе обильный фактическій матеріалъ, но содержаніе этого отчета намъ неизвѣстно. Настоящій же докладъ, какъ это ясно изъ изложеннаго, грѣшитъ 2-мя крупными недостатками—«предвзятостью» и вытекающею отсюда «односторонностью» въ освѣщеніи характера врачебно-санитарной дѣятельности московскаго земства».

Рапортъ сенатора Зиновьева былъ также предметомъ обсужденія на очередномъ бронницкомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, которое отличалось, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Руси», чрезвычайнымъ оживленіемъ.

По принятіи доклада по медицинѣ, предсѣдателемъ управы А. Н. Ильинымъ сдѣлано слѣдующее заявленіе по поводу той части всеподданнѣйшаго доклада т. с. Зиновьева о ревизіи московскаго земства, которая, поскольку можно это понять, относилась къ бронницкому земству.

«Въ оффиціально опубликованномъ докладѣ т. с. Зиновьева о ревизіи земскихъ учрежденій Московской губерніи въ части, касающейся постановки врачебнаго дѣла, говорится, между прочимъ, нижеслѣдующее:

«Слѣдуетъ замѣтить, что московскіе земскіе врачи, благодаря, вѣроятно, недостаточной практической подготовкѣ, слишкомъ слѣпо увлеклись выгодами павильонной системы», и далѣе: «Стремясь теоретически изолировать больныхъ этимъ путемъ, земскіе врачи на дѣлѣ не всегда достаточно заботятся о подобной изоляціи, и больные иногда размѣщаются, даже при наличности свободныхъ палатъ, какъ мнѣ неоднократно пришлось замѣтить, безъ отдѣленія заразныхъ больныхъ», и еще далѣе: «въ одной палатѣ я обнаружилъ совмѣстное помѣщеніе женщины и мужчины».

«Такъ какъ изъ доклада бывшаго товарища министра видно, что имъ открытъ только одинъ такой случай, а нѣчто подобное имѣло мѣсто при посѣ-

щеніи имъ въ нашемъ уѣздѣ золотовской больницы, то я, какъ предсѣдатель управы, считаю своею обязанностью доложить объ этомъ случаѣ земскому собранію.

«Въ сентябрѣ прошлаго года въ д. Цибиной вспыхнула завезенная изъ Москвы эпидемія возвратнаго тифа.

«Первымъ былъ привезенъ въ Золотовскую больницу молодой крестьянинъ Молчановъ. Вскорѣ затѣмъ были привезены еще 6 человѣкъ изъ той же семьи Молчановыхъ и двое той же деревни изъ другихъ семей. Столь быстрое заболѣваніе 8 чел. изъ одной и той же деревни представляло явную опасность для населенія и единственною мѣрою предупредить ее была полная изоляція этихъ больныхъ изъ селенія. Это и было сдѣлано. Въ день ревизіи въ баракѣ, разсчитанномъ на 6 человѣкъ, находилось 7 больныхъ. Заразный баракъ на 6 кроватей раздѣленъ на 2 отдѣленія; въ одномъ лежало двое мужчинъ съ наиболѣе заразительной формой сифилиса, въ другомъ, состоящемъ изъ двухъ палатъ (5×7 и 6×7) лежали: въ первой—двое тификовъ мужчинъ, во второй—трое Молчановыхъ—два брата и дѣвочка, ихъ сестра. Остальныя лица изъ этой семьи уже выздоровѣли, или же умерли. Врачъ Важновъ, къ мнѣнію котораго въ данномъ случаѣ я вполнѣ присоединяюсь, указываетъ, что онъ положилъ дѣвочку Молчанову съ двумя ея братьями въ одной палатѣ, чтобы не отсылать ея за недостаткомъ мѣста, въ деревню и тѣмъ не подвергнуть населеніе въ 1.500—2.000 душъ опасности распространенія заразы.

«Все это я счелъ себя обязаннымъ доложить земскому собранію для того, чтобы, если окажется, что описанный т. с. Зиновьевымъ случай именно относится къ золотовской больницѣ, собраніе имѣло данныя судить о томъ, поскольку врачъ Важновъ можетъ быть причисленъ къ лицамъ, говоря словами доклада, не имѣющимъ достаточной практической подготовки и стремящимся изолировать больныхъ только теоретически».

Послѣ указаннаго заявленія представитель удѣловъ гр. Н. А. Толстой, указавъ на то, что заявленіе предсѣдателя управы посвящено исключительно лишь единичному случаю, выразилъ увѣренность, что т. с. Зиновьевымъ были преподаны въ отношеніи бронницкаго земства указанія общаго характера, коими онъ и просилъ подѣлиться съ собраніемъ.

Къ просьбѣ графа Толстого присоединился С. А. Соколовъ. По предложенію предсѣдателя управы, единогласно постановлено ходатайствовать передъ министерствомъ о высылкѣ полнаго отчета о ревизіи московскаго земства, дабы управа могла представить собранію свои объясненія въ части, касающейся бронницкаго земства.

Столкновеніе батумской думы съ военнымъ губернаторомъ. 13-го сентября батумская городская дума разсмотрѣла и утвердила докладъ городской управы о столкновеніи этой послѣдней съ батумскимъ губернаторомъ по вопросу о назначеніи городского ветеринара. Докладъ этотъ даетъ недурную иллюстрацію къ правовому положенію нашихъ общественныхъ учрежденій и въ виду современныхъ событій представляетъ, несомнѣнно, осо-

бый интересъ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Какъ сообщаетъ «Новое Обозрѣніе» (гдѣ докладъ управы напечатанъ полностью), 10-го сентября 1903 г. въ батумскую управу поступило заявленіе бывшаго городского ветеринара г. Туркина о томъ, что онъ, Туркинъ, получивъ увѣдомленіе о назначеніи его на должность батумскаго областного ветеринарнаго инспектора, проситъ управу озаботиться пріисканіемъ городского ветеринарнаго врача, причемъ считаетъ долгомъ увѣдомить, что впредь до назначенія управой и утвержденія батумскимъ губернаторомъ его замѣстителя по городской службѣ онъ, Туркинъ, будетъ нести возложенныя на него обязанности, дабы не нарушить интересовъ городского ветеринарно-санитарнаго надзора. Тогда управа остановила свой выборъ на состоящемъ на правительственной службѣ ветеринарномъ врачѣ Бакинской губерніи М. И. Парцванидзе, о чемъ городской голова, согласно ст. 286 общ. губ. учр., представилъ г. военному губернатору. Но губернаторъ не нашелъ возможнымъ утвердить г. Парцванидзе въ должности городского ветеринара. На просьбу городского головы сообщить ему, на основаніи какой статьи закона г. губернатору не угодно было утвердить г. Парцванидзе, областный ветеринарный инспекторъ (г. Туркинъ) отношеніемъ отъ 8-го октября на имя городского головы сообщилъ дословно слѣдующее: «На отзывѣ вашего сіятельства, отъ 20-го октября сего года за № 4131, его превосходительство г. батумскій военный губернаторъ наложилъ нижеслѣдующую резолюцію: «Сообщить городскому головѣ, что я не считаю нужнымъ отдавать ему отчета въ моихъ распоряженіяхъ», о чемъ я имѣю честь сообщить вашему сіятельству для свѣдѣнія».

Находя означенное распоряженіе губернатора какъ по формѣ, такъ и по существу несогласнымъ съ требованіями ст. 102, 105 и 107 гор. пол. 1902 г., батумская городская дума, въ засѣданіи 29-го октября 1903 года, согласно представленію управы, постановила: на основаніи ст. 10 того же положенія обжаловать это распоряженіе г. военнаго губернатора Батумской области въ правительствующій сенатъ по 1-му департаменту въ установленномъ порядкѣ.

За выѣздомъ, 18-го ноября 1903 г., батумскаго городского головы въ командировку, означенная жалоба, однако, въ установленный закономъ срокъ не была принесена; вопросъ же о приглашеніи другого лица вмѣсто «неутвержденнаго» г. Парцванидзе остался открытымъ, и г. Туркинъ продолжалъ исправлять должность городского ветеринара.

Дальнѣйшій «ходъ событій», какъ сообщаетъ докладъ, былъ нижеслѣдующій: «батумскій военный губернаторъ, предложеніемъ отъ 9-го марта 1904 года, сообщилъ управѣ, что, впредь до назначенія городского ветеринара, ветеринарно-санитарный надзоръ по городу Батуму и по городской бойнѣ его превосходительствомъ порученъ съ этого числа пунктовому ветеринару В. А. Лопатину, о вознагражденіи коего со стороны города г. губернаторъ предложилъ управѣ войти съ Лопатинымъ въ соглашеніе».

Батумская городская управа, заслушавъ, въ засѣданіи 11-го марта 1904 г., означенное предложеніе его превосходительства и не встрѣчая препятствій къ допущенію г. Лопатина къ временному исправленію обязанностей городского

ветеринара, нашла, однако, необходимымъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что г. Лопатинъ, какъ оказывается, уже вступилъ въ исправленіе возложенной его превосходительствомъ на него обязанности и не счелъ для себя необходимымъ предварительно испросить уполномочія управы на исправленіе обязанностей городского ветеринара, дабы соблюсти хотя бы только служебную этику. Городская управа полагала, что такое игнорированіе органа, непосредственно отвѣтственнаго въ дѣлѣ городского хозяйства, дѣйствуя деморализующимъ образомъ на низшій персоналъ служащихъ, можетъ создать крайне ненормальное и неудобное положеніе и для самой управы, отъ которой собственно и должно исходить распоряженіе о назначеніяхъ на ту или другую должность по городскому самоуправленію. Поэтому управа, идя навстрѣчу желанію его превосходительства возложить временно, впредь до назначенія городского ветеринара, обязанности послѣдняго на г. Лопатина, полагала необходимымъ просить его превосходительство предложить г. Лопатину подать въ управу заявленіе о желаніи своемъ принять обязанности городского ветеринара, такъ какъ при отсутствіи такого заявленія управа лишена была бы возможности возложить на г. Лопатина какія-либо обязанности.

О такомъ постановленіи управы было представлено г. губернатору отъ того же 11-го марта за № 1050.

12-го же марта сего года въ управу поступило заявленіе г. Лопатина о своемъ согласіи временно, впредь до приглашенія управою своего ветеринарнаго врача, исполнять обязанности городского ветеринара, вслѣдствіе чего въ засѣданіи управы 19-го марта и было опредѣлено г. Лопатину вознагражденіе, предусмотрѣнное по смѣтѣ на 1904 годъ для должности городского ветеринара, на что и было выражено согласіе г. Лопатинымъ въ отзывѣ своемъ отъ 20-го того же марта.

Между тѣмъ впослѣдствіи выяснилось, что г. Лопатинъ, исправно получая опредѣленное ему по должности городского ветеринара содержаніе, не только не исполнялъ возложенныхъ на него городскою управою обязанностей, но, какъ заявлено имъ было въ засѣданіи санитарно-исполнительной коммиссіи 18-го сего августа, онъ не считаетъ себя обязаннымъ принять къ руководству и исполненію изданныя обязательныя постановленія по ветеринарно-санитарному надзору по городу Батуму. Принявъ это во вниманіе, а также и то обстоятельство, что на г. Лопатина постоянно поступали жалобы со стороны лицъ, служащихъ на бойнѣ, съ которыми онъ обращался непозволительно грубо, управа постановила уволить г. Лопатина отъ должности городского ветеринара и довести объ этомъ постановленіи до свѣдѣнія военнаго губернатора. На должность же городского ветеринара управа пригласила врача Вартаньянца, котораго и представила на утвержденіе губернатора.

Но дѣло на этомъ не кончилось. Г. Лопатинъ, чувствуя подъ собой твердую почву распоряженія г. губернатора и пользуясь своимъ, въ данномъ случаѣ исключительнымъ, положеніемъ, заявилъ управѣ, что онъ можетъ быть откомандированъ только по распоряженію г. губернатора! Поэтому онъ не желалъ сдавать должность кому бы то ни было, кромѣ лица, которое ему бу-

детъ указано областнымъ начальствомъ. Снова была написана бумага губернатору съ изложеніемъ всего дѣла и съ просьбой предложить г. Лопатину немедленно сдать указанному управой лицу имѣющееся у него имущество городской бойни и санитарной станціи. На это отъ г. губернатора послѣдовалъ отвѣтъ, что такъ какъ Лопатинъ не управою назначенъ, то и не можетъ быть ею увольняемъ. Поэтому г. губернаторъ проситъ дать объясненіе, кто предоставилъ ей право отмѣнять его распоряженія, такъ какъ управа даже съ назначеніемъ своего ветеринара, каковой еще не назначенъ, должна была просить губернатора снять съ г. Лопатина временно возложенныя на него обязанности городского ветеринара.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду ходатайства Лопатина снять съ него обязанности городского ветеринара, въ виду возникшихъ недоразумѣній между управой и Лопатинымъ и въ виду лишь невозможности оставлять городъ безъ ветеринарнаго надзора, разрѣшено таковыя обязанности временно возложить на батумскаго окружнаго ветеринара Вартаньянца.

Заслушавъ докладъ управы, батумская городская дума постановила:

«1) Признать распоряженіе управы объ увольненіи исправляющаго должность городского ветеринара Лопатина отъ занимаемой имъ должности по городскому самоуправленію не выходящимъ изъ предѣловъ предоставленной ей ст. 105 и 107 городового положенія власти.

«2) Признать распоряженіе г. военнаго губернатора о назначеніи имъ окружнаго ветеринарнаго врача Вартаньянца временно исправляющимъ должность городского ветеринара неправильнымъ и съ нарушеніемъ предѣловъ власти, предоставленной городскому общественному управленію ст. 105 городового положенія.

«3) Въ виду ряда послѣдовавшихъ распоряженій г. военнаго губернатора Батумской области, ограничивающихъ предоставленныя закономъ права городского общественнаго управленія, представить настоящее дѣло въ порядкѣ ст. 10 городового положенія въ правительствующій сенатъ по 1-му департаменту для полученія разъясненій сената по сему дѣлу, имѣющему для городского общественнаго управленія весьма важное принципіальное и практическое значеніе».

Безпорядки въ Могилевѣ и Смоленскѣ. Въ «Мог. Губ. Вѣд.» и «Сѣверо-Зап. Словѣ» сообщаются нѣкоторыя подробности о безпорядкахъ въ Могилевѣ.

Мобилизація была объявлена въ пятницу вечеромъ. Въ 4 часа дня на Шкловской улицѣ появилась толпа буяновъ, нападавшая на евреевъ съ крикомъ: «бей жидовъ». Впереди шли подростки, за ними—взрослые, среди нихъ и запасные. Набрасываясь на всѣхъ встрѣчныхъ евреевъ съ крикомъ «ура», они, между прочимъ, окружили мальчика, лѣтъ 16, и стали его бить; городовой втолкнулъ его въ ближайшія ворота. Съ Садовой буяны, вооруженные палками и камнями, устремились на Виленскую, гдѣ начали бить стекла и высаживать рамы. Одинъ изъ громилъ забѣжалъ къ сапожнику, тотъ, защищаясь, ударилъ его напильникомъ. Раненаго свезли въ больницу, сапожникъ же скрылся, и вмѣсто него арестовали его отца. Ужасная паника произошла

на бульварѣ, куда громилы бросились съ криками «ура», палками нещадно избивая гулявшихъ евреевъ; толпа кинулась къ выходу, давя и опрокидывая другъ друга. Магазины въ этотъ вечеръ не открывались. Охваченные ужасомъ евреи избѣгали показываться на улицу.

На слѣдующій день, съ 11 час. утра, опять появилась по Садовой улицѣ, толпа. Нѣсколько человѣкъ ворвались въ ремонтирующееся зданіе почты и стало бросать камнями въ работавшихъ тамъ евреевъ-столяровъ. Затѣмъ толпа отправилась на Добровенку, гдѣ начался уже настоящій погромъ: врывались въ дворы, въ квартиры, разбивали имущество, били евреевъ и съ угрозами требовали денегъ. Одновременно вторая партія громилъ «работала» на Быховскомъ рынкѣ, разбивая лавки, грабя и уничтожая товаръ. Другія партіи безчинствовали на Шкловской, на Сѣнной ул. и въ другихъ мѣстахъ. Подъ вечеръ былъ вызванъ патруль, но громилы спокойно и увѣренно продолжали свое дѣло. Говорятъ, что тяжело ранили женщину, которая затѣмъ въ больницѣ скончалась. Мальчикъ, защищавшійся съ револьверомъ въ рукахъ, убитъ изъ этого же револьвера. На Шкловской громилы начали разбивать магазинъ Колецкаго. У магазина Штейна стоялъ солдатъ съ ружьемъ. Нападали и на проѣзжавшихъ евреевъ. Одного актера, проѣзжавшаго на извозчикѣ, ранили камнемъ.

Опасно было даже уѣзжать изъ города, да и трудно было за невозможностью найти извозчика. На вокзалѣ въ залѣ I-го класса босяки приставали къ евреямъ, нахально требуя денегъ.

Подобные же безпорядки имѣли мѣсто въ Смоленскѣ, гдѣ, по сообщенію «Московскихъ Вѣдомостей», съ 10-го октября началась мобилизація запасныхъ нижнихъ чиновъ и военно конская повинность. Все шло прекрасно. Запасные явились почти всѣ. Лошадей набрано полное количество. Благодаря закрытію казенныхъ винныхъ лавокъ и трактировъ, запасные всѣ были трезвые, чему безконечно были рады сопровождавшіе ихъ жены, отцы, матери и родные.

Порядокъ въ городѣ былъ образцовый. Но нашлись, однако, темные люди подпоившіе нѣкоторыхъ запасныхъ нижнихъ чиновъ и вразумившіе ихъ, что де однихъ русскихъ запасныхъ призываютъ, а евреевъ нѣтъ.

Вотъ эти пьяные 12-го октября, днемъ, бросились на толкучій рынокъ на еврейскія мелкія лавчонки. Но администрація зорко за всѣмъ слѣдила и во время прекратила начавшійся было дебошъ. Пьяные запасные успѣли разбросать носильное платье въ пяти еврейскихъ лавчонкахъ, да побить стекла въ одномъ домѣ.

За мѣсяцъ. 6-го ноября въ Петербургѣ созванъ съѣздъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и нѣкоторыхъ гласныхъ.

— Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ назначенъ главнокомандующимъ всей манчжурской арміей.

— Возвращены въ Петербургъ высланные по распоряженію В. К. фонъ-Плеве—литераторы Н. Ф. Аненскій, В. И. Чарнолускій, П. Н. Переверзевъ, Ф. А. Волкенштейнъ, Н. Ю. Лавриновичъ, Г. А. Фальборкъ. Кромѣ того, разрѣшено высланнымъ изъ предѣловъ Тверской губ. предсѣдателю Тверской губ.

земской управы В. Д. фонъ-Дервизу и члену управы Н. К. Милюкову возвратиться въ свои имѣнія въ Тверской губ. впредь до пересмотра дѣла о тверскомъ земствѣ.

— 12-го октября представлялась министру внутреннихъ дѣлъ депутація отъ бывшаго союза русскихъ писателей въ составѣ бывшаго предсѣдателя П. И. Вейнберга, бывшаго товарища Н. И. Карѣева и бывшаго секретаря Ѳ. Д. Батюшкова, которая обратилась къ министру съ ходатайствомъ о возстановленіи «Союза писателей».

— Въ Суджѣ получено увѣдомленіе отъ курскаго губернатора, что князь П. Д. Долгоруковъ, лишенный по докладу покойнаго министра В. К. Плеве права общественной дѣятельности, возстановляется въ своихъ правахъ. На состоявшемся земскомъ собраніи кн. Долгоруковъ избранъ предсѣдателемъ суджанской земской управы («Право»).

— Возвратился къ земской дѣятельности старѣйшій земскій гласный черниговскаго земства извѣстный общественный дѣятель В. М. Хижняковъ.

— Въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, какъ сообщаетъ «Приволжскій Край», гласнымъ М. В. Безобразовымъ возбужденъ вопросъ объ уничтоженіи стѣсненія, создаваемаго существующими узаконеніями о народныхъ библіотекахъ и читальняхъ. Гласный предложилъ собранію ходатайствовать о допущеніи въ народныя библіотеки-читальни всѣхъ книгъ, издаваемыхъ съ предварительной цензурой. По его мнѣнію, настало давно уже время освободить отъ этой опеки крестьянина-читателя и дать ему возможность читать все, что онъ пожелаетъ. Собраніе единогласно присоединилось къ предложенію М. В. Безобразова и постановило провести это ходатайство черезъ губернское собраніе.

— Распоряженіемъ министра всѣ воспитанники закрытаго томскаго учительскаго института приняты въ другіе. Директоръ Германовъ вызванъ въ Петербургъ.

— Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь В. К. фонъ-Плеве сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что въ числѣ лицъ, посѣщающихъ засѣданія земскихъ собраній, преимущественно губернскихъ, встрѣчается не мало учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, принимающихъ живое участіе въ дѣлахъ собраній, и что присутствіе въ составѣ лицъ, посѣщающихъ земскія собранія, значительнаго числа неопытной молодежи вредно отражается на спокойномъ ходѣ работъ этихъ учрежденій, а потому статсъ-секретарь Плеве просилъ о воспрещеніи учащимся среднихъ учебныхъ заведеній посѣщенія земскихъ собраній. Находя такое предложеніе вполнѣ цѣлесообразнымъ, министерство народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, признало, что посѣщеніе незавершившими средняго образованія учащимися засѣданій упомянутыхъ собраній не можетъ приносить особой пользы учащимся, напрасно отвлекая ихъ отъ исполненія прямыхъ учебныхъ обязанностей.

Въ виду сего, министръ народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенантъ Глазовъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не дозволялось присутствовать въ числѣ публики въ залахъ засѣданія земскихъ собраній.

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

Фельдшеръ Кузьмичевъ у Глѣба Успенскаго какъ-то разсматривалъ общественныя явленія «съ птичьяго дуазо», и такъ какъ самъ онъ былъ человѣкъ благодушный, то и его анализъ соціальныхъ неурядицъ носилъ, дѣйствительно, характеръ благодушнаго полета «дуазо» надъ печальной дѣйствительностью. Кажется, и хорошо Кузьмичевъ видѣлъ и смотрѣлъ туда, куда слѣдуетъ смотрѣть, но неискоренимое добродушіе и довѣрчивость приводили этого тонкаго наблюдателя къ такимъ фантастическимъ положеніямъ, къ такимъ несуразнымъ приключеніямъ, что думается, да не въ птичьей ли точкѣ зрѣнія и лежитъ причина его несчастій. Слишкомъ много благодушія, слишкомъ много птичьей радости,—и «тропинка бѣдствій» готова для не предвидящей «никакихъ послѣдствій» птицы.

Намъ вспомнился этотъ фельдшеръ Кузьмичевъ, когда прошлось выпить необъятное море доброжелательства, въ которое съ такимъ стремительнымъ шумомъ низвергаются потоки газетныхъ рѣчей. Первыя двѣ страницы столичныхъ газетъ (которымъ не уступаютъ и первыя двѣ страницы многихъ органовъ провинціальной прессы) представляютъ собою столь свѣтлый и радостный фонъ, что больно смотрѣть. Столичная ежедневная печать какъ бы старается показать лохматой провинціи, въ чемъ заключается пріятность тонкаго столичнаго обращенія. Чрезвычайное благодушіе, которое не въ силахъ возмутить даже шельма Англія, ласковый взоръ, отнюдь не закрытый для несовершенствъ нашей жизни, и при всемъ томъ, что ни слово, то комплиментъ себѣ, земству, муниципалитету, печатному слову или просто улыбка въ пространство,—«Калигула, твой конь въ сенатѣ не такъ сіялъ, сіяя въ златѣ!» Угрюмая провинція, быстро овладѣвъ нехитрыми пріемами столичнаго обхожденія, въ свою очередь начала расточать улыбки, что выходитъ нѣсколько неуклюже при ея взлохмаченной фигурѣ. Но эффектъ достигается. Сіяніе идетъ и отъ провинціи. «Бѣдствія существенныя» продолжаютъ существовать, не считаясь съ правилами хорошаго тона, на послѣднихъ страницахъ газетъ, во «внутренней хроникѣ», въ «собственныхъ корреспонденціяхъ», а первыя двѣ страницы взираютъ на нихъ чертовски-пріятнымъ окомъ. Общія разсужденія и руководящія статьи взлетаютъ на крыльяхъ любви и довѣрчивости и со своего «птичьяго дуазо» никакъ не могутъ понять, какъ фантастично ихъ сосѣдство рядомъ съ... тѣмъ, что не фантастично.

Слишкомъ много благодушія! По злому выраженію Щедрина, газета напоминаетъ дурака, который ворвался въ вашу комнату и забормоталъ. Можетъ быть, именно теперь эта щедринская характеристика наиболѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вмѣстѣ съ газетой послѣдняго времени въ вашу комнату врывается почти классическій типъ дурака, Бабинъ-дурень, Лутонюшка-то-жъ, какъ его изображаетъ народное творчество: на свадьбѣ онъ причитаетъ, а на похоронахъ, просвѣщенный своею матерью на счетъ неумѣстности слишкомъ плачевнаго

отношенія къ свадьбѣ, веселится и выражаетъ самое искреннее удовольствіе, что попалъ на траурный обрядъ. Все несчастье Бабина, какъ извѣстно, происходитъ отъ того, что, не обладая собственной сметкой, онъ слишкомъ довѣрчиво выполняетъ указанія матери относительно того, чего не *слѣдовало* дѣлать. Какъ *слѣдуетъ* поступать ему не дано.

Правда, мы не перешли отъ свадьбы къ похоронамъ, и наша «внутренняя хроника» все та же, но тѣмъ болѣе страненъ на собственный страхъ и рискъ предпринятый поворотъ въ настроеніи, тѣмъ большее недоумѣніе вызываетъ новое психическое состояніе руководителей ежедневной прессы. Мы подчеркиваемъ «психическое состояніе», потому что нынѣшній газетный курсъ выражаетъ только наплывъ доброжелательныхъ чувствъ, только неукротимое желаніе всѣхъ поздравить во чтобы то ни стало. И больше ничего. Какой-нибудь неисправимый пессимистъ, слыша, какъ въ воздухѣ раздается «поздравляю отъ души», можетъ сказать, что это дворники желаютъ получить на чай. Но не нужно быть и розовымъ оптимистомъ, чтобы отвергнуть такое объясненіе: вы знаете навѣрное, что въ одинъ прекрасный день столица сдѣлала ручкой и шаркнула ножкой по адресу провинціи, а послѣдняя съ ловкостью медвѣдя постаралась стать въ такую же позицію относительно столицы: «Поздравляю»,—«и васъ съ тѣмъ же». И еще болѣе точно вы знаете, что все это единственно отъ преизбытка пріятныхъ чувствъ, отъ самаго искренняго доброжелательства, вдругъ развернувшагося пышнымъ цвѣткомъ. Обмѣнъ привѣтствій между столицей и провинціей усиливался да усиливался, союзъ между ними все крѣпчалъ исключительно на основаніи доброжелательнаго довѣрія, но до сихъ поръ онъ выразился въ довольно странныхъ юридическихъ формахъ. Вмѣсто довѣрителей, съ одной стороны, и довѣренныхъ, съ другой, явилась лишь одна сторона, да и то ни довѣрителей, ни довѣренныхъ, а просто довѣрчивыхъ.

Довѣрчивость у насъ всегда была въ модѣ, а теперь, когда она охватила пожаромъ души всѣхъ «мѣстныхъ» людей, и особенно. И здѣсь-то приходится отмѣтить, въ чемъ отличіе настоящаго «столичнаго поведенца» отъ свѣтскаго обращенія провинціальнаго выскочки. Въ то время какъ столица благодушно поздравляла да поздравляла, провинція къ концу поздравительной телеграммы присоединяла «собственную корреспонденцію», которая, кромѣ того, что портила свѣтлый стиль «и васъ съ тѣмъ же», но и говорили о совершенно противоположномъ настроеніи «тамъ, во глубинѣ Россіи». Достаточно просмотрѣть газеты за короткое время, чтобы услышать изъ провинціи многочисленные голоса, какъ «ахъ, двѣ души живутъ въ моей груди»! Спеціально для представительства въ столицѣ выставляется одна душа, довѣрчивая и ясная, а для домашняго обихода—недовѣрчивая и въ таковомъ своемъ элементѣ даже непонятная. Основательное воспитаніе, полученное обывателемъ, сдѣлало его настолько подозрительнымъ, что, ошеломленный потокомъ поздравленій, онъ, лишь на минуту поворачиваясь лицомъ къ сѣверу, ясно улыбался, но тутъ же, сдѣлавъ налѣво кругомъ, шипѣлъ и «предостерегалъ» слишкомъ увлекшихся ближнихъ, корреспондентовъ, думу и пр., и пр.

И съ одной стороны, мы отвѣчаемъ такого рода фактъ, чрезвычайно характерный для переживаемаго момента. Въ редакцію «Волыни» явился мастеровой изъ мастерской подъѣзднаго пути и говорилъ о ненормальности положенія тамъ рабочихъ и о необходимости нормировать рабочее время. На вопросъ, почему рабочій обратился въ редакцію, тотъ заявилъ, что «новый министръ начинаетъ новую эру и собираетъ поднять Россію и въ умственномъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ, а потому для него самымъ важнымъ голосомъ долженъ быть нашъ братъ—чернорабочій, который на своихъ плечахъ несетъ очень много».

Съ другой стороны, нужно указать и нижеслѣдующіе обороты обывателя спиной къ столицѣ, когда другая душа, одержавъ верхъ надъ свѣтскимъ лоскомъ, являетъ свои качества.

Такъ «Русское Слово» сообщаетъ о послѣднемъ очередномъ засѣданіи думы въ Нижнемъ—Новгородѣ. На предложеніе одного изъ гласныхъ выразить по телеграфу признательность князю Святополкъ-Мирскому за его довѣріе къ общественному самоуправленію, городской голова Меморскій заявилъ:

«— Я не считаю возможнымъ допустить такое постановленіе думы. Отъ имени гражданъ я съ удовольствіемъ присоединяюсь... А отъ думы не могу...

«— Почему же?—заинтересовались гласные.

«— Я имѣлъ... «предварительные» переговоры... Отъ думы послать не могу... Объявляю перерывъ засѣданія...

«Въ частномъ совѣщаніи рѣшено послать предположенное привѣтствіе министру внутреннихъ дѣлъ—«отъ имени гласныхъ думы».

«— Въ журналъ думскаго засѣданія это постановленіе записано не будетъ,— многозначительно замѣтилъ голова.

«Гласные молча согласились».

Въ Харьковѣ, какъ пишутъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» (№ 277) съ этой второй душой принужденъ былъ считаться съѣздъ земскихъ врачей Харьковской губ. «Губернская земская управа обратилась съ ходатайствомъ къ и. д. губернатора Азанчевскому о допущеніи публики на предстоящій съѣздъ земскихъ врачей Харьковской губ., но г. Азанчевскій отвѣтилъ категорическимъ отказомъ».

Въ селѣ Лежневѣ Ковровскаго уѣзда «вторыя души» рѣшительно свирѣпствуютъ. Въ «Русскомъ Словѣ» читаемъ такую корреспонденцію изъ этого «мирнаго села». «Мѣстная интеллигенція настолько напугана, что даже на устройство спектакля въ пользу Краснаго Креста,—и то не рѣшается:

«— Какъ бы чего не вышло!

«Составился было сдѣсь невинный кружокъ балалаечниковъ. Объ этой преступной «организаціи» было дано знать «куда слѣдуетъ».

«И забавамъ любителей музыки былъ положенъ внезапно конецъ».

Страшно подумать, но невольно соображаешь: неужто только «безструнная балалайка», въ родѣ «Новаго Времени», заслуживаетъ поощренія и довѣрія? Мысль вполнѣ законна, и вопросъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что резоновъ къ шипѣнію и всяческимъ «пресѣченіямъ» не отыщешь въ этихъ случаяхъ, если

не обратить взоръ внутрь обывателя, на эту борьбу свѣтлой и мрачной души. Мы ничуть не сомнѣваемся, что лежневцы великолѣпно сумѣютъ отвѣтить на поздравленіе столицы (если уже не отвѣтили) и довѣрчиво раскрыть свою душу. Но,—мигъ одинъ,—модный галстухъ долой, и открылось грязное бѣлье. И всѣ наши «маленькіе недостатки механизма» объясняются смѣной двухъ прямо противоположныхъ настроеній. Стоитъ обывательскую душу повернуть на сто восемьдесятъ градусовъ, и она пишетъ, напр., такую «бумагу»: «Усматривая изъ газетнаго объявленія («Сѣв. Край», № 103), что состоящая при обществѣ коммиссія по физическому воспитанію, не испросивъ предварительно установленнаго закономъ разрѣшенія, приступила къ устройству дѣтскихъ народныхъ гуляній, приглашая при томъ въ составъ устроителей «всѣхъ желающихъ»,—извѣщаю совѣтъ общества, что я не даю разрѣшенія на устройство этихъ гуляній и предлагаю всѣ начатыя по этому дѣлу приготовлонія прекратить». «Когда названная коммиссія, состоящая при «Обществѣ содѣйствія народному образованію и распространенію полезныхъ знаній въ Ярославской губерніи», узнала затѣмъ, что губернская администрація въ сущности ничего не имѣетъ противъ устройства площадокъ для дѣтскихъ игръ (обратный поворотъ налѣво кругомъ!), она рѣшила воспользоваться указаніями. Когда всѣ многохлопотныя приготовленія были закончены и администраціи была послана на утвержденіе афиша, извѣщающая о началѣ дѣтскихъ игръ, то получилось черезъ полицію распоряженіе губернатора—всѣ работы прекратить» *) (новое возвращеніе души въ первобытное состояніе). Околоточному надзирателю поручено было слѣдить, «не вздумаетъ ли коммиссія самовольно привести въ исполненіе свое столь опасное и зловредное рѣшеніе—начать игры съ дѣтьми». Отчаявшись услѣдить за душой, пущенной волчкомъ, «коммиссія покончила жизнь самоубійствомъ: постановлено считать ее закрытой».

Въ этой злополучной ярославской исторіи, намъ кажется, яснѣе всего обнаруживается, что движущія причины злоключеній обывателя лежатъ не въ мотивированномъ довѣріи или недовѣріи, а совсѣмъ просто въ опредѣленномъ психическомъ состояніи, довѣрчивости или недовѣрчивости.

Чѣмъ, какъ не мизантропіей глубоко опечаленной души, можно объяснить курскій инцидентъ, разсказанный въ корреспонденціи «Руси» (№ 302). «Въ Новооскольскомъ уѣздѣ,—пишетъ корреспондентъ,—въ число крестьянскихъ представителей въ земство отъ Велико-Михайловской волости былъ выбранъ интеллигентный крестьянинъ, бывшій народный учитель, докончившій образованіе въ московскомъ университетѣ вольнослушателемъ и за границей, Г. Н. Шапошниковъ. Выбранъ онъ былъ единогласно своими однообщественниками по тщательному опросу схода земскимъ начальникомъ, присутствовавшимъ на этомъ сходѣ, гдѣ также былъ и г. Шапошниковъ, служащій въ курской губернской земской управѣ завѣдующимъ дѣлопроизводствомъ страховего отдѣла. Но разсмотрѣвъ *неожиданно* (курс. нашъ) списокъ лицъ, избранныхъ въ гласные отъ Новоосколькаго уѣзда, предводитель дворянства этого уѣзда, кн.

*) Цит. изъ корреспонденціи въ „Руси“, № 294.

И. Ѳ. Касаткинъ-Ростовскій просилъ курскаго губернатора не утверждать Шапошникова земскимъ гласнымъ. Но такъ какъ для устраненія его изъ состава гласныхъ не было *законныхъ основаній* (курс. нашъ), ибо выборы были произведены правильно, губернаторъ предложилъ предсѣдателю губернской земской управы Н. В. Раевскому указать Шапошникову на *неудобство* (курс. нашъ) совмѣстительства уѣзднаго гласнаго и служащаго губернской управы. И предлагалось г. Шапошникову выбрать одно изъ двухъ, или быть гласнымъ, или служащимъ управы, въ разсчетѣ, что Шапошниковъ откажется отъ должности земскаго гласнаго, ибо источникомъ его существованія служитъ единственно служба въ земствѣ, и онъ семейный». Тутъ все такъ хорошо и типично, и какъ блуждающая въ тоскѣ «вторая» душа «неожиданно» беретъ въ руки списокъ, и какъ въ глубокомъ равнодушіи къ «законнымъ основаніямъ» (до законовъ ли, когда ничто не мило и все кажется подозрительнымъ) она пользуется незаконными (ахъ, все равно!) и указываетъ на «неудобство». Оказывается, что такое «неудобство» весьма «удобно» преодолѣвается нѣкоторыми другими гласными, да, кромѣ того, дмитріевскій уѣздный предводитель дворянства состоитъ въ своемъ же уѣздѣ страховымъ агентомъ губернской управы, а потому г. Шапошниковъ и не обратилъ должнаго вниманія на «указанія». Тогда «на другой день,—продолжаетъ корреспондентъ,—послѣ напечатанія въ № отъ 21-го сентября мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» списка гласныхъ по Новооскольскому уѣзду, въ которомъ значился и Шапошниковъ, въ губернской управѣ, за подписью и. д. губернатора, вице-губернатора Курлова, получена бумага о безотлагательномъ удаленіи со службы оставшагося непреклоннымъ г. Шапошникова. Это ничѣмъ не мотивированное предложеніе, безъ ссылки на законы и циркуляры, вызвало коллегіальное постановленіе управы: запросить губернатора, какими дѣйствіями г. Шапошникова вызвано распоряженіе о немедленномъ его увольненіи?»

Инцидентъ и до сихъ поръ не законченъ. Да и трудно сказать, чѣмъ закончится. Все будетъ зависѣть отъ того, каково будетъ настроеніе и суждено ли расцвѣсть улыбкамъ въ Новооскольскомъ уѣздѣ.

Впрочемъ, иногда недовѣрчивость и не такъ ужъ равнодушна къ законнымъ основаніямъ, и ищетъ «самой законной» мотивировки для личнаго припадка меланхоліи. И тутъ-то даетъ себя чувствовать хорошая школа то же необоснованной, какъ и довѣрчивость, недовѣрчивости. Въ той же газетѣ, въ № 301, передаютъ изъ Харькова, какъ волчанскій предводитель дворянства г. Задонскій «обвинилъ одного изъ народныхъ учителей въ распространеніи вредныхъ мыслей,—«толстовскихъ» и «антиправительственныхъ» — и требовалъ отъ училищнаго совѣта удаленія этого учителя.

«Для разсмотрѣнія и провѣрки этого обвиненія была организована коммиссія, въ которую вошли, кромѣ г. Задонскаго, инспекторъ народныхъ училищъ и земскій начальникъ. На-дняхъ коммиссія эта представила собранныя ею свѣдѣнія, и училищный совѣтъ, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что въ нихъ нѣтъ ровно ничего компрометирующаго учителя, и закрытой баллотировкой постановилъ оставить учителя на его мѣстѣ.

*

«Присутствовавшіе при этомъ земскіе начальники другихъ раіоновъ отъ участія въ баллотировкѣ отказались, признавая правильнымъ внесенное раньше заявленіе предсѣдателя губернской управы В. Г. Колокольцова о томъ, что земскіе начальники имѣютъ въ училищномъ совѣтѣ право голоса только по вопросамъ о школахъ ихъ раіона.

«Такимъ образомъ, вся эта скверная исторія окончилась для учителя въ концѣ концовъ вполнѣ благополучно».

Въ заключеніе о недовѣрчивости, вообще, какъ о «настроеніи», въ модномъ смыслѣ этого слова, маленькая статистика. Не въ примѣръ театральному «настроенію», которое характеризуется неопредѣленными движеніями души, недомолвками и мягкими жестами, «настроеніе» въ жизни выигрываетъ въ своей заразительности и силѣ дѣйствія на зрителя, когда оно украшается цифрой. Какъ учесть наростаніе недовѣрчивости, какъ изобразить усиленіе гнетущаго настроенія при помощи четырехъ ариѳметическихъ правилъ, непонятно лишь драматургу. А «собственный корреспондентъ», — онъ можетъ. Вотъ что пишутъ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» (№ 279) изъ Уфы.

«Въ послѣдніе годы земская жизнь какъ бы замерла у насъ: старые земцы, лучшіе люди или не утверждались, или должны были оставить земскую службу (напримѣръ, предсѣдатель мензелинской уѣздной управы Мазуревскій, стерлитамакской уѣздной управы Депрейсъ), а новый составъ управъ былъ поставленъ въ полную невозможность работать, потому что даже сторожа нельзя было нанять безъ согласія губернатора, согласіе же (утвержденіе) задерживалось обыкновенно мѣсяцами, тогда какъ на разрѣшеніе подобнаго рода представленій полагается по закону двухъ-недѣльный срокъ. Чтобы не быть голословнымъ, привожу цифровыя данныя.

«Въ 1903 году полученъ въ двухъ-недѣльный срокъ отвѣтъ на 15 представленій, черезъ мѣсяцъ—на 10, черезъ 2 мѣсяца—на 14, черезъ 3 мѣсяца на 4 представленія.

«Въ текущемъ 1904 году послѣдовало отъ одной губернской земской управы представленіе о 147 лицахъ для замѣщенія разныхъ мѣстъ земской службы. Черезъ 2 недѣли послѣдовалъ отвѣтъ лишь о 25-ти лицахъ, черезъ мѣсяцъ—о 46, черезъ 2 мѣсяца—о 51, наконецъ о 9—только черезъ 5—6 мѣсяцевъ.

«Между тѣмъ, до полученія разрѣшенія, мѣста остаются вакантными, и ходъ дѣла тормозится, а когда идетъ рѣчь о комъ-нибудь изъ медицинскаго персонала, то мѣсяцами цѣлый участокъ долженъ оставаться безъ медицинской помощи.

«Не мало было и курьезовъ съ такими представленіями. Въ губернскую земскую управу поступила надзирательницей одна особа. Разрѣшеніе губернатора на опредѣленіе этой особы было получено. Но вотъ оказалось необходимымъ перевести эту надзирательницу изъ одного отдѣленія въ другое: нужно было опять просить разрѣшенія и ждать. Ждали, говорятъ, цѣлый мѣсяцъ».

Развѣ не драма съ «настроеніемъ» разыгрывается въ Уфимской губ.? Всѣ страстно хотятъ работать и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ дѣйствующія лица чего-то ждутъ, чѣмъ-то томятся, томленіе роковымъ образомъ безъ всякаго участія

героевъ житейской драмы приводитъ къ непонятнымъ, грустнымъ положеніямъ, а «настроеніе» все наростаетъ: черезъ 2 недѣли «рѣшаютъ» 25 лицъ, черезъ мѣсяцъ—46, черсзъ 2 мѣсяца—51, черезъ 5—6 мѣсяцевъ—9. Тутъ же и «маленькіе курьезы» въ лицѣ неутвержденнаго сторожа и надзирательницы, теряющей довѣріе при переходѣ изъ одного отдѣленія въ другое, «курьезы», усугубляющіе впечатлѣніе, на подобіе того, какъ смѣхотворные Фирсъ и гувернантка въ «Вишневомъ саду» Чехова заставляютъ еще больше тосковать и ныть...

* * *

Теперь, когда съ открытіемъ осеннихъ засѣданій думы и земства, и «корреспондентъ тронулся» въ залы собраній, мы здѣсь въ правѣ довѣрчиво ожидать узаконеннаго обычаемъ недовѣрчиваго отношенія представителей самоуправленія къ работникамъ печатнаго слова.

Страдальческая фигура корреспондента давно уже привоцитъ,—правда, къ частичному, — сопоставленію съ другой, не менѣе печальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ загадочной фигурой — гоголевскаго капитана Копѣйкина. Не есть ли столь заинтриговавшій всѣхъ капитанъ Копѣйкинъ—«собственный корреспондентъ»? Ибо и тотъ, и другой съ одинаковымъ правомъ могутъ утверждать, что «въ нѣкоторомъ родѣ кровь за отечество проливали». Эти исторіи съ корреспондентами всѣмъ уже наскучили своимъ однообразіемъ, но все же каждый новый инцидентъ представляетъ наблюдателю что-нибудь необычное въ методахъ изгнанія и угнетенія злосчастнаго представителя прессы. Такъ, въ Ростовѣ-на-Дону сотрудникъ мѣстной газеты «Пріазовскаго Края» Н. П. Дирдовскій возбудилъ противъ себя неудовольствіе ростовскаго-на-дону городского головы П. Ф. Горбачева, слѣдствіемъ чего явилось приказаніе со стороны послѣдняго удалиться референту изъ думского зала, по крайней мѣрѣ, не занимать мѣста у репортерскаго столика. Не смотря на то, что г. Дирдовскій взывалъ «къ лучшимъ чувствамъ» и въ своемъ поведеніи не видѣлъ какого-либо повода къ изгнанію, онъ принужденъ былъ уступить силѣ въ лицѣ помощника пристава, экзекутора и двухъ сторожей. Что г. Горбачевъ, въ качествѣ представителя большого города и инженера, можетъ пользоваться вмѣсто аргументовъ внушительными фигурами исполнительной власти, мы знаемъ.

Болѣе деликатные аргументы для проявленія своего психическаго состоянія придумалъ г. Шечковъ, предсѣдатель путивльской земской управы. На просьбу корреспондента «Русскаго Слова»—отвести ему мѣсто въ залѣ собранія и ознакомиться съ докладами по народному образованію, секретарь управы отвѣтилъ:

«— Я говорилъ съ предсѣдателемъ собранія Шечковымъ. Онъ просилъ передать вамъ, что у насъ земское собраніе *не настолько публично*, чтобы можно допустить корреспондента.

«— И съ докладами нельза познакомиться?

«— Нельзя.

«— Это—офиціально?

«— Да.

«— Я оглашу этотъ фактъ въ печати.

«— Какъ вамъ угодно.

«Корреспондентъ вынужденъ былъ пріютится на слабо освѣщенныхъ хорахъ, переполненныхъ публикой. По аккустическимъ условіямъ онъ могъ записать только десятую часть изъ того, что говорилось въ залѣ.

«Но и здѣсь корреспонденту не дали покоя.

«За его спиной появились какія-то темныя личности типа «нижняго уѣзднаго суда по корчемному столу». Они то и дѣло заглядывали въ записную книжку корреспондента, громко разговаривали и, вообще, умышленно мѣшали записывать» *).

Само собой разумѣется, что, если собраніе «не настолько публично», то и предсѣдательствующій на немъ можетъ вести себя даже и не столь прилично, какъ г. Шечковъ. Это отлично понялъ въ Саратовѣ старшина каменнаго цеха Новиковъ, который выгналъ изъ канцеляріи управы сотрудника «Саратовскаго Листка» г. С., явившагося въ управу въ качествѣ представителя газеты.

«Изгнаніе сопровождалось дикою бранью и угрожающими тѣлодвиженіями.

«— Вонъ отсюда! Ты кто такой? Тебя кто звалъ!?—бушевалъ Новиковъ, преслѣдуя по комнатамъ г. С.

«Письмоводитель управы, къ которому обратился г. С. съ просьбою о защитѣ отвѣтилъ:

«— Это видите ли, не мое дѣло.

«Каценляристы и ремесленники находившіеся въ управѣ, злорадно хихикали.

«Новиковъ былъ совершенно трезвъ и отлично зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Только поспѣшный уходъ г. С. изъ управы спасъ его отъ дальнѣйшаго проявленія ярости дикаря» **).

До пролитія крови за свое отечество дѣло, къ счастью, не дошло, но развѣ современный капитанъ Копѣйкинъ не рисуется «распространеннымъ въ пространствѣ»? Развѣ его фигура не маячитъ одиноко на всемъ протяженіи стоверстной полосы недовѣрчивости, какой окружили его получившіе тонкое воспитаніе обыватели? «Онъ стоитъ, задумался глубоко и тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ»...

* * *

Неисчерпаемое богатство фактовъ недоброжелательства заставляетъ всякаго, даже не обучавшагося въ семинаріи, задуматься надъ объектомъ вышеозначеннаго душевнаго состоянія. Кто бы онъ былъ, этотъ несчастный, надъ головой котораго собирается мрачное «настроеніе», пока не разразится громомъ и молніей? И, дѣйствительно, въ нижегородскомъ уѣздномъ земствѣ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, дебатировался чисто академическій вопросъ, кого слѣдуетъ считать заслуживающимъ не столь поощренія, сколь «настроенія». Исходя изъ извѣстныхъ всѣмъ фактовъ, нижегородскіе земцы пытались по всѣмъ правиламъ логическаго мышленія опредѣлить, что есть «внутренній врагъ» вообще,

---

*) Цит. по „С.-Пет. Вѣд.", № 271.

**) „С.-Пет. Вѣдом." № 271.

независимо отъ мѣста своего дѣйствія. Индуктивныя построенія велись слѣдующимъ образомъ: *)

«П. А. Рождественскій. Земство всегда высказывало готовность бороться со внѣшнимъ врагомъ. Кто внѣшній врагъ, — мы знаемъ. Но мы не знаемъ, о какомъ внутреннемъ врагѣ говорится въ адресѣ. Понятіе это крайне неопредѣленное. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ земство считалось до нѣкоторой степени внутреннимъ врагомъ. Выходитъ такимъ образомъ, что мы предлагаемъ бороться съ самими собой. Предлагаю вкравшуюся неточнось исправить.

«А. А. Остафьевъ. Я не могу согласиться со взглядомъ П. А. Рождественскаго, что земство было врагомъ. Оно было самымъ крупнымъ работникомъ на народной нивѣ. Выраженія, употребленныя г. Рождественскимъ, недопустимы.

«П. А. Рождественскій. Вы не поняли меня. Я вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ, что земство—другъ народа. Я говорилъ лишь, что были теченія, благодаря которымъ земство считалось внутреннимъ врагомъ, и только недавно выраженное г. министромъ внутреннихъ дѣлъ довѣріе перемѣнило это положеніе.

«В. В. Алемасовъ. Я думаю, что не друзья убили Сипягина и Плеве. Враги внутренніе есть; къ сожалѣнію, мы ихъ не знаемъ, иначе само общество выкинуло бы ихъ.

«К. Г. Ивановъ. Что внутренніе враги есть, не подлежитъ сомнѣнію. Земство, упоминая, что оно будетъ способствовать избавленію отечества отъ врага внутренняго, не говоритъ этимъ, что оно будетъ бороться само съ собой. Если мѣнять редакцію адреса, то ужъ цѣликомъ.

В. Н. Турчаниновъ. Была же борьба съ тверскимъ земствомъ. Оно даже было закрыто правительствомъ. Въ Малороссіи мы видимъ ограниченіе дѣятельности статистиковъ. И у насъ въ Нижегородской губерніи она ограничена; значитъ, мы зависимъ отъ губернатора. Но это не значитъ, что нижегородское земство солидарно съ тверскимъ.

«П. П. Михайловъ. Не наше дѣло бороться съ внутреннимъ врагомъ. Роль земства не въ этомъ. Да и какъ намъ бороться съ нимъ? Какими мѣрами? Для этого есть другіе органы, какъ для внѣшняго врага есть войска.

«А. А. Остафьевъ. Я считаю врагомъ Россіи въ извѣстной степени всѣ тѣ фракціи, которыя возбуждаютъ партіи одну противъ другой, разжигаютъ страсти, травятъ. Вотъ «Моск. Вѣд.» этимъ занимаются—они тоже враги.

«П. А. Рождественскій. Для иныхъ являются врагомъ «Моск. Вѣд.», а для другихъ земство, какъ и было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ».

Какъ видимъ, земцы не справились съ обиліемъ признаковъ «внутренняго врага», настолько не справились, что г. В. В. Алемасовъ, отчаявшись въ логическихъ изысканіяхъ, воскликнулъ какъ истинный философъ: «ignoramus, а то бы выкинули». Всѣ же прочіе изыскатели вступили на ложный путь и, задумавъ дать опредѣленіе, отвлеченное отъ временныхъ признаковъ, пришли къ неподходящему выводу, что «внутренній врагъ» есть либо земство, либо

*) Цит. по „Руси“ № 302.

«Московскія Вѣдомости»,—tertium non datur. А можетъ быть то и другое вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе земцевъ грѣшитъ такой же неумѣстной категоричностью и схематизмомъ, какъ и отвѣтъ на вопросъ, каковъ изъ себя чортъ. У чорта, гласитъ отвѣтъ, одна только спина, утиный носъ и нога съ копытомъ. Voila tout. Намъ кажется, что подобный «чортъ» съ удобствомъ могъ бы сойти за «внутренняго врага» и выполнить свое таковое назначеніе ничуть не хуже «Московскихъ Вѣдомостей». Неожиданный эффектъ, который произвела на нѣкоторые умы долговременная дѣятельность «Московскихъ Вѣдомостей», можно объяснить только тѣмъ, что московская газета ежедневно «закусывала» «внутреннимъ врагомъ», а по французской пословицѣ, кто часто ѣздитъ на лошади, самъ пріобрѣтаетъ нѣчто лошадиное. Что же касается вообще неуспѣшности земцевъ въ логическихъ упражненіяхъ, то слѣдуетъ признать, что ихъ попытка съ самаго начала была обречена на неудачу. Принужденные волею судебъ отыскивать «внутренняго врага», они должны были рѣшить трудную и даже неразрѣшимую задачу спасти отечество на «мѣстахъ». Правда, они вынесли изъ своего общественнаго воспитанія твердое убѣжденіе, что вся государственная честь и достоинство сосредоточены даже и въ самомъ маленькомъ «мѣстѣ», что гдѣ двое соберутся во имя государства, тамъ невидимо и оно само присутствуетъ. Но дѣйствительность, какъ теперь ясно видно, не оправдала этого распространеннаго мнѣнія. Только въ сказкахъ бываетъ, что на небѣ солнце—и въ избѣ солнце, на небѣ луна—и въ избѣ луна, на небѣ звѣзды частыя,—и въ избѣ то-жъ.

Въ виду неудачи прямого отвѣта на интересующій насъ вопросъ, слѣдуетъ удовольствоваться косвеннымъ, т.-е. рѣшить, кто заслуживаетъ довѣрія. Всѣ прочіе окажутся, естественно, если и не совсѣмъ «внутренними врагами», то ужъ никакъ не «внѣшними». На сей предметъ мы можемъ привести двѣ отрадныхъ корреспонденціи, которая рисуетъ мирное и благоденственное житіе. Все здѣсь дышитъ покоемъ, и ласковое доброжелательство другъ къ другу не смущается никакими «внутренними» подозрѣніями. Одна корреспонденція въ «Русское Слово» изъ г. Сапожка Рязанской губ. Предводитель дворянства этого уѣзда—Шиловскій. Депутатъ отъ дворянства—Шиловскій. Членъ управы—Шиловскій. Кандидатъ въ депутаты—Шиловскій Два земскихъ начальника—двое Шиловскихъ. Какая пріятность отсюда проистекаетъ, видно изъ слѣдующаго:

«Напримѣръ, на послѣднихъ выборахъ произошло слѣдующее.

«Избирателями были поданы записки. Вдругъ среди протестантовъ явилось совершенно неумѣстное подозрѣніе, что были избиратели, которые подали не одну, какъ слѣдуетъ по закону, а двѣ записки.

«Попросили подсчитать. Предсѣдатель, какъ защитникъ закона, не отказалъ въ этомъ.

«Сталъ считать и насчиталъ 29 записокъ, а избирателей было 28.

«Ну, что особеннаго въ этомъ, господа протестанты?

«Предсѣдатель спокойно и съ достоинствомъ выяснилъ «недоразумѣніе».

«— Это я самъ нечаянно положилъ какую-то свою черновую записку...

«И такъ же спокойно разорвалъ какую-то записку.

«Ну, можно ли изъ такого инциндента дѣлать какіе-либо серьезные выводы?

«Далѣе предсѣдатель сталъ громко и отчетливо произносить имена кандидатовъ:

«Петръ Шиловскій, Клеоникъ Шиловскій, Валентинъ Шиловскій, Константинъ Шиловскій...

«Вдругъ громко раздался голосъ земскаго начальника, графа Коновницына:

«— Ваше превосходительство, можетъ быть, я вамъ и не угоденъ, но я все-таки просилъ бы васъ мое имя не замалчивать и провозглашать.

«Г-нъ Шиловскій такъ же спокойно заявилъ:

«— И дѣйствительно, я какъ-то не замѣтилъ имени графа... А потому и не провозгласилъ».

Столь же просто и мило устроено и въ путивльскомъ земствѣ, какъ сообщаютъ той же московской газетѣ:

«Въ залѣ—свыше 30 гласныхъ. Изъ нихъ 9 отъ крестьянъ, шестеро волостныхъ старшинъ и трое земскихъ начальниковъ.

«Гласные крестьяне—нѣмы, какъ рыбы. Гласные отъ города также безмолвствуютъ. Всѣ пренія сосредоточиваются между пятью-шестью лицами.

«Кто же они?

«Предсѣдатель управы Череповъ, его двое братьевъ, его зять Масловъ, двое родственниковъ Павловы.

«Вся такъ называемая въ Путивлѣ партія «черепковъ».

Не расходятся ли морщины на нашемъ челѣ, когда мы стараемся представить себѣ такую мирную обитель, не смиряется ли души нашей тревога? Не хочется ли и намъ довѣрчиво броситься въ родственныя объятія, единственное убѣжище, гдѣ нѣтъ косыхъ взглядовъ, гдѣ въ насъ не подозрѣваютъ «внутренняго врага» и не смѣшиваютъ съ «Московскими Вѣдомостями»?

* *
*

Кратковременная прогулка по садамъ россійской недовѣрчивости не позволила намъ заглянуть во всѣ углы и закоулки, представлвющіе не менѣе (а, можетъ быть и болѣе) характерный матеріалъ для ознакомленія съ силой и сущностью «настроенія» на «мѣстахъ». Но и осмотрѣннаго достаточно, чтобы оцѣнить значеніе современнаго газетнаго пыла. Поздравлять другъ друга съ хорошими чувствами и свѣтлымъ настроеніемъ, ничуть не теряя изъ виду многочисленность фактовъ недоброжелательства, которое остается для домашняго употребленія, не значитъ ли покушаться на лучшее настроеніе съ негодными средстваии? Но здѣсь приходится констатировать, что именно искренность поздравленій не подлежитъ никакому сомнѣнію. Также несомнѣнно, что стремленіе поздравлять вызвано лишь однимъ фактомъ нарастанія массовой довѣрчивости. Чѣмъ питается послѣдняя, никому неизвѣстно. Пока она еще въ силѣ и жива... одними поздравленіями. Въ этомъ особенность переживаемаго момента. Но насколько мощенъ настоящій потокъ общественныхъ стремленій, знаменуетъ ли подъемъ доброжелательныхъ чувствъ лишь довѣрчивость къ довѣрію, или же увѣренность въ томъ, что наша «внутренняя хроника» отнынѣ будетъ дѣлаться не въ зависимости отъ «настроенія»,—добро—и не-

доброжелательнаго,—до сихъ поръ за отсутствіемъ фактическаго матеріала объ этомъ невозможно судить. Только въ томъ случаѣ, когда планомѣрное направленіе нашей общественной жизни будетъ развиваться при необходимомъ участіи такихъ *общественныхъ* силъ, которыя ничего общаго не имѣютъ съ неуловимыми колебаніями личныхъ психическихъ мотивовъ, будь то даже самыя благожелательныя поздравленія, только тогда явятся факты, закрѣпляющіе слово. Только тогда можно будетъ судить объ историческомъ значеніи настоящаго воодушевленія и при оцѣнкѣ современнаго момента принять во вниманіе и поздравленія, и улыбки, и смѣну «настроеній»... **Ларскій.**

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Мысль"—сентябрь; „Русское Богатство"—сентябрь).

Военная гроза на Дальнемъ Востокѣ въ числѣ многихъ другихъ вопросовъ поставила на очередь и вопросъ о будущей судьбѣ острова Сахалина. Вопросъ этотъ интересенъ, конечно, не столько самъ по себѣ,—мало ли стоитъ на очереди другихъ вопросовъ, неизмѣримо болѣе важныхъ, чѣмъ вопросъ сахалинскій,—а по той причинѣ, что съ судьбами далекаго острова тѣсно связано важное государственное дѣло, именуемое колонизаціей. Теперь, когда событія на Дальнемъ Востокѣ явились въ полномъ смыслѣ слова провѣрочнымъ экзаменомъ для многаго и многихъ, всплылъ самъ собою и вопросъ сахалинскій. Общество спрашиваетъ: въ какомъ положеніи находится дѣло въ томъ далекомъ уголкѣ Россіи, поставленномъ судьбою въ близкое сосѣдство съ народомъ, нынѣ ведущимъ съ нами кровавую тяжбу и заинтересованнымъ, конечно, какъ нельзя быть болѣе въ томъ, чтобы богатый островъ Сахалинъ сталъ его достояніемъ, предметомъ его заботъ, объектомъ его колоніальной политики? Думали лы мы о томъ, что такое положеніе вещей возникнетъ неизбѣжно, и если думали, то какъ именно мы къ нему тамъ приготовлялись, что именно сдѣлали, дабы предотвратить разрѣшеніе этого положенія въ самомъ невыгодномъ для насъ смыслѣ? Другими словами: какую именно *культуру* насадили мы тамъ и что предприняли для развитія *гражданственности?* Вопросы эти получаютъ въ настоящее время особую важность, такъ какъ знаменитое изреченіе, что въ современной войнѣ на поляхъ битвъ побѣждаетъ «школьный учитель», т.-е. побѣждаетъ войско того народа, у котораго стоитъ выше культура и гражданственность, примѣнимо и къ теперешнимъ обстоятельствамъ.

Прочитывая сентябрьскую книжку «Русской Мысли», мы встрѣтили тамъ очень интересную и очень *современную* статью г. Сѣича «Сахалинъ, какъ колонія». Статья эта хорошо рисуетъ колонизаціонное дѣло на Сахалинѣ и потому даетъ весьма цѣнные матеріалы для отвѣта на вышепоставленные вопросы.

Первоначально на колонизацію Сахалина смотрѣли не только съ точки

зрѣнія разрѣшенія вопроса о ссылкѣ, но видѣли въ ней и наилучшее средство къ укрѣпленію нашего политическаго и экономическаго значенія на Дальнемъ Востокѣ. Но, какъ у насъ всегда бываетъ и при условіяхъ нашей жизни не можетъ не быть, на дѣлѣ вышло совсѣмъ иное. «Съ передачею Сахалина въ тюремное вѣдомство,—говоритъ г. Сѣичъ,—вторая и болѣе важная задача колонизаціи совершенно не была принята во вниманіе». «Изъ Сахалина,—пишетъ далѣе авторъ,—создалось что-то въ родѣ восточнаго пашалыка, который жилъ своею, совершенно особою, жизнью и управлялся своими собственными, неписанными законами. Такому оригинальному положенію Сахалина въ ряду другихъ нашихъ губерній и областей много способствовало еще и то обстоятельство, что для него, дѣйствительно, *никогда никакихъ законовъ не издавалось*». Любопытнѣе всего, что все это видѣло высшее тюремное начальство своими собственными глазами, писало по этому поводу всякія служебныя бумаги, которыя опять-таки, какъ тому и быть надлежитъ, въ концѣ концовъ только подшивались къ какому-либо «дѣлу»... Посѣтилъ Сахалинъ бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія Галкинъ-Врасскій и вотъ какъ характеризовалъ онъ самъ положеніе колонизаціоннаго дѣла на далекомъ островѣ:

«Ссыльно-каторжные разряда испытуемыхъ должны по закону содержаться въ тюрьмѣ. Между тѣмъ недостатокъ помѣщеній и весь складъ зарождающейся жизни на Сахалинѣ, призванной собственными силами все созидать и устраивать, начиная съ первобытныхъ вначалѣ построекъ, затѣмъ постепеннаго проведенія путей сообщенія среди тайги, поднятія земли подъ посѣвы, возведенія всякаго рода зданій наиболѣе необходимыхъ для размѣщенія ссыльныхъ, надзора и служащихъ и исполненія соединенныхъ съ симъ всевозможныхъ мастеровыхъ работъ; наконецъ, работы рудничныя въ каменноугольныхъ копяхъ, устройство пристаней, всякій ремонтъ и проч., обусловили въ общей сложности съ самаго начала такого рода отступленія отъ буквы закона, что теперь необходимо имѣть это въ виду, дабы, признавъ своевременность должной регламентаціи, не загубить живого дѣла исполненія каторги въ связи съ колонизаціей въ обширныхъ размѣрахъ». Не совсѣмъ все это ясно (какого же *рода* нашелъ ревизоръ «отступленія отъ буквы закона»), но кое-что понять все же можно. «Въ виду столь оригинально-сложившихся условій, которыя совсѣмъ не были предусмотрѣны уставомъ о ссыльныхъ,—говоритъ г. Сѣичъ,—необходимо было дать для руководства сахалинской администраціи какія-нибудь точно установленныя и согласованныя съ требованіями мѣстной жизни правила, а потому Высочайше утвержденнымъ 15 мая 1884 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, между прочимъ, было постановлено «предоставить министру внутреннихъ дѣлъ *безотлагательно* войти въ обсужденіе вопросовъ объ устройствѣ быта отбывающихъ на Сахалинѣ сроки работъ каторжныхъ, а затѣмъ, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, внести предположенія свои на уваженіе государственнаго совѣта». «Но это Высочайшее повелѣніе, — говоритъ г. Сѣичъ,— и до настоящаго времени остается не выполненнымъ, и о. Сахалинъ продолжаетъ руководствоваться правилами, созданными практикой, но не установленными *никакимъ закономъ*».

Благодаря такому-то способу «поспѣшать съ медлительностью» и просуществовали «оригинальныя условія» жизни на Сахалинѣ и вплоть до русскояпонской войны. А условія эти дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, очень «оригинальны».

«Почувствовавъ на плечахъ своихъ столь чуждую своей обычной дѣятельности обузу, какъ колонизація Сахалина, — пишетъ г. Сѣичъ, — главное тюремное управленіе совершенно растерялось». Оно было въ полномъ недоумѣніи даже по отношенію къ вопросу, возможна ли вообще ссылка на Сахалинъ, и, тѣмъ не менѣе, продолжало туда ссылать и ссылать. «Общее число ссылаемыхъ на Сахалинъ,—писалъ другой, бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія г. Соломонъ, — опредѣляется безъ соотношенія къ тому, сколько отбывшихъ каторгу преступниковъ выбываетъ на поселеніе, сколько свободныхъ мѣстъ въ тюрьмахъ, сколько и какими работами можетъ быть занято людей». Къ этому г. Сѣичъ далѣе прибавляетъ: «высылка производилась безъ всякаго соображенія съ пользами колоніи, ея нужды совершенно игнорировались, составъ ссыльныхъ не подвергался никакому контролю и въ этомъ отношеніи главное тюремное управленіе часто шло въ разрѣзъ съ собственными же предположеніями. Повидимому, оно преслѣдовало одну только цѣль: вывезти на Сахалинъ какъ можно больше преступниковъ, чтобы избавить отъ переполненія тюрьмы материка и освободить ихъ отъ наиболѣе опасныхъ элементовъ. Съ 1879 по 1900 годъ было привезено моремъ свыше 25 тысячъ преступниковъ, не считая тѣхъ, которые были высланы обычнымъ этапнымъ порядкомъ изъ Европейской Россіи и Сибири, причемъ число ихъ постепенно возрастало. Въ первые годы съ 1879 по 1885 годъ было выслано на Сахалинъ морскимъ путемъ 4585 человѣкъ, въ слѣдующее пятилѣтіе — 5764, въ пятилѣтіе 1890 — 1895 гг. — 7506, въ послѣднее пятилѣтіе по 1900 г. — 7625 человѣкъ. Сельско-хозяйственныя занятія, которымъ придавалось, главнымъ тюремнымъ управленіемъ преобладающее значеніе, казалось бы, должны были вызвать заботу, чтобы составъ каторги на Сахалинѣ соотвѣтствовалъ этимъ занятіямъ. Между тѣмъ, въ 1885 году, т.-е. въ самый разгаръ увлеченія сельско-хозяйственной колонизаціей, по произведенному по статейнымъ спискамъ подсчету каторжныхъ и поселенцевъ, оказалось, что до своего осужденія земледѣльческимъ трудомъ занималось изъ нихъ менѣе 60%». Такъ же точно ссылали на Сахалинъ почти безъ всякаго соображенія съ здоровьемъ ссылаемыхъ, срокомъ работъ, возрастомъ и т. д. По произведенному подсчету оказалось, что рабочіе и полурабочіе составляютъ на Сахалинѣ только 69,3% всего населенія, а остальные 30,7% принадлежатъ къ возрастамъ нерабочимъ, напрасно только обременяющимъ собою колонію. Та же неумѣлость вести колонизаціонное дѣло обнаружилась и по отношенію къ племенному составу колонизаторовъ. «Горцевъ и вообще инородцевъ,—пишетъ г. Сѣичъ,—предполагалось сосредоточивать въ Илецкой тюрьмѣ и пріурочивать ихъ къ добычѣ соли, такъ какъ они, по словамъ одного изъ отчетовъ главнаго тюремнаго управленія, «совершенно непригодны къ каторжнымъ работамъ въ Сибири и на Сахалинѣ и даютъ наибольшій процентъ больныхъ и бѣглыхъ». «Въ

иѣющихся у меня матеріалахъ, — продолжаетъ г. Сѣичъ,— нѣтъ свѣдѣній о омъ, когда и по какимъ соображеніямъ было отмѣнено это правило, но въ астоящее время магометанъ на Сахалинѣ, среди которыхъ не менѣе половины орцевъ, считается 10,8% всего ссыльнаго населенія, причемъ, послѣ право-главныхъ онѣ занимаютъ первое мѣсто по численности. Этотъ элементъ слѣдуетъ считать не только безполезнымъ, но даже вреднымъ для сахалинской олонизаціи, такъ какъ горцы менѣе другихъ преступниковъ способны сжиться ь условіями совершенно чужой для нихъ жизни и представляютъ собою аиболѣе подвижный и безпокойный элементъ». Та же исторія произошла, аконецъ, и съ ссылкою на Сахалинъ рецидивистовъ и бродягъ. Тѣхъ и ругихъ ссылать сначала не предполагалось, но уже въ 1896 году сразу родягъ было сослано на Сахалинъ сразу 402 человѣка, что составляетъ около 24% всѣхъ высланныхъ въ томъ году мужчинъ. Что же касается рецидивистовъ, то уже въ 1901 году среди отбывающихъ каторжныя работы на Сахалинѣ ихъ числилось 20,4%, причемъ, среди нихъ находились лица, осужденныя въ четвертый, пятый и даже шестой разъ. Г. Сѣичъ приводитъ относительно послѣдняго обстоятельства очень любопытныя данныя: «Въ подавляющемъ большинствѣ, — пишетъ онъ, — это люди (рецидивисты), которымъ совершенно нечего терять, которымъ не страшна никакая человѣческая кара и для которыхъ процедура суда, присуждающаго *сверхъ вѣчной каторги еще на 20 лѣтъ*, есть только забавный эпизодъ, юмористическое представленіе, которое каторжные характеризуютъ словомъ «канитель». «Благодарю васъ за канитель, господа правосудіе», отвѣчаетъ обыкновенно каторжный на формальный вопросъ предсѣдателя суда, доволенъ ли онъ объявленнымъ ему приговоромъ, которымъ къ двумъ безсрочнымъ каторгамъ, къ двумъ вѣчностямъ, прибавлено еще 15 лѣтъ. Ихъ репутація отпѣтыхъ создаетъ имъ привилегированное положеніе въ тюрьмѣ, гдѣ ихъ боятся всѣ, начиная отъ надзирателя и кончая начальникомъ тюрьмы. Эти люди обыкновенно бѣгутъ, когда пожелаютъ, и составляютъ несчастье для всего Сахалина, а главнымъ образомъ для поселенцевъ, устраивающихся своимъ хозяйствомъ. Ихъ очень часто они раззоряютъ до тла, воруя ихъ скотъ и лошадей. Надо знать, съ какимъ трудомъ сопряжено для поселенца пріобрѣтеніе коровы или лошади, чтобы постигнуть всю глубину несчастья ихъ потерять. Часто поселенецъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ ковыряетъ лопатой чахлую земля, прежде чѣмъ ему удастся при помощи казны или ссужающихъ деньги подъ высокіе проценты частныхъ лицъ завести немудрую лошадь, заплативъ за нее 70—80 руб. Хорошо зная, какъ мало, благодаря всюду снующимъ голоднымъ бродягамъ, обезпечена на Сахалинѣ собственность, онъ бережетъ свою кормилицу болѣе рачительно, чѣмъ собственныхъ дѣтей, но на всякій часъ не остережешься. Съ потерею лошади для поселенца утрачивается всякая надежда воспрянуть. Мотыкой да лопатой наковыряешь немного, пропала надежда заработать извозомъ, другихъ заработковъ нѣтъ, на шеѣ неоплатный долгъ. Часто бродяги соединяются въ шайки и тогда становятся грозою для цѣлыхъ селеній. Дерзость бродягъ доходитъ до невѣроятнаго. Вотъ нѣсколько характерныхъ образ-

чиковъ. Въ 1896 году въ Корсаковскомъ округѣ были задержаны 9 бродягъ и отправлены подъ конвоемъ трехъ нижнихъ чиновъ и шести поселенцевъ. Во время слѣдованія эти бродяги, напавъ на конвой, отобрали три винтовки, берданку и одинъ дробовикъ, убили одного рядового и одного поселенца, а остальныхъ двухъ рядовыхъ и еще одного поселенца тяжело ранили, послѣ чего скрылись въ тайгу, испортивъ предварительно телеграфы. Ночью эти бродяги напали на японскую рыбалку и убили одного японца, ранили другого въ голову и, избивъ остальныхъ, съ награбленными вещами поплыли на кунгасѣ (японская лодка). Но послѣдняя поднявшимся штурмомъ была выброшена на берегъ, послѣ чего они скрылись въ тайгѣ. Высланный противъ нихъ отрядъ команды нашелъ ихъ засѣвшими въ неприступномъ мѣстѣ на горѣ Каспучи и, потерявъ двоихъ ранеными, не причинилъ никакого вреда бродягамъ. Вскорѣ двое ихъ нихъ явились добровольно, а остальные семь продолжали свои подвиги: ранили еще одного рядового изъ высланнаго противъ нихъ новаго отряда, одного японца и скрылись. Шайка Бараташвили въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1898 и 1899 года наводила паническій ужасъ на жителей Александровскаго и Тымовскаго округовъ. Дерзость ея дошла до того, что она сдѣлала днемъ вооруженное нападеніе на магазинъ Бородина, находящійся въ очень людной части самой столицы Сахалина, поста Александровскаго. Для поимки этой шайки была поставлена на ноги вся администрація обоихъ сѣверныхъ округовъ и были высылаемы воинскія команды, каторымъ Бараташвили давалъ правильныя сраженія; наконецъ, послѣ того какъ въ одной изъ схватокъ глава шайки былъ убитъ, она большою частью переловлена, частью перебита. Въ ночь на 3 іюня 1900 г. на станкѣ Лахъ Александровскаго округа пять бѣгло-каторжныхъ, доставлявшихся на постъ Александровскій, напали на окарауливавшихъ ихъ нижнихъ чиновъ и надзирателя. Убивъ прежде всего часового, бродяги тяжело ранили обоихъ солдатъ и сторожа, нанесли легкую рану надзирателю и, захвативъ четыре берданки и одну двухстволку, патроны, солдатскую шинель и другія вещи, скрылись. Раненые солдаты умерли черезъ три дня, а бродяги не были розысканы, если только не погибли въ числѣ 16 бродягъ, перестрѣлянныхъ солдатами недѣли черезъ двѣ при попыткѣ ихъ переправиться на материкъ въ гиляцкой лодкѣ».

«Населеніе совершенно беззащитно отъ нападеній бродягъ,—продолжаетъ г. Сѣичъ.—Убійство или выдача бродяги властямъ наказывается по тюремнымъ законамъ смертью, а потому поселенцы и крестьяне не только не ловятъ бродягъ, а заискиваютъ передъ ними, угощая ихъ водкою, часто на послѣднія деньги. По собраннымъ мною даннымъ о числѣ побѣговъ за 11 лѣтъ съ 1891 по 1901 годъ среднимъ числомъ бѣжитъ *ежегодно* 325 человѣкъ. Можно представить себѣ, сколько разоренія вносятъ они въ мирную среду сахалинскаго населенія, сколько насилій, кражъ и убійствъ совершаютъ эти голодные, озлобленные и не признающіе никакого порядка люди».

Чтобы покончить съ той «колонизаціонной системой», которая, широко практикуясь на Сахалинѣ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, привела эту «колонію» въ столь цвѣтущее состояніе, заимствуемъ изъ статьи г. Сѣича еще нѣкоторыя объ этомъ предметѣ данныя. Тюрьмы для исправляющихся, благодаря

всѣмъ уже удивительнымъ условіямъ жизни въ нихъ, получили на языкѣ торжныхъ названіе «вольныхъ тюремъ». Это нѣчто, дѣйствительно, необыковенное. «Вольныя тюрьмы,—пишетъ г. Сѣичъ,—являются притономъ для якаго бродячаго люда, который заходитъ въ тюрьму, какъ въ клубъ, а *асто и скрывается тамъ отъ розысковъ начальства*». Между прочимъ, звѣстный рецидивистъ убійца Широколобовъ, приговоренный къ повѣшенію, заѣненному затѣмъ безсрочными каторжными работами, скрывался въ такой орьмѣ отъ розысковъ начальства въ теченіе цѣлой зимы. «Не лучше поядки,—говоритъ г. Сѣичъ,—и въ тюрьмѣ для испытуемыхъ, такъ называемой кандальной». Такъ, въ 1902 году, въ ней задержанъ былъ неизвѣстнаго званія еловѣкъ, который, какъ оказалось, былъ арестантъ той же тюрьмы, считавійся въ бѣгахъ и спокойно проживавшій въ ней около мѣсяца, не обнаруженный ачальствомъ. Такіе порядки не есть что-нибудь случайное, временное: они уществовали искони и пережили длинный рядъ смѣнявшихъ другъ друга чиовниковъ. Бывшій смотритель Александровской тюрьмы г. Ловинъ свидѣтельтвуетъ, что въ 1887 году, въ камерѣ для подслѣдственныхъ арестантовъ соержались осужденные за важныя преступленія рецидивисты. Около одной трети аторги, все лучшіе работники, были отпущены надзирателемъ Катыревымъ а оброкъ; десятки числившихся въ бѣгахъ арестантовъ свободно укрывались ъ казармахъ тюрьмы, получая въ ней горячую пищу и хлѣбъ. Днемъ эти юди проводили время на частныхъ работахъ или прогулкахъ, а ночью являись въ казармы. Катыревъ, наконецъ, преданъ былъ суду за свои злоупоребленія и приговоренъ къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія съ лишеіемъ нѣкоторыхъ правъ. Но такіе случаи, какъ преданія надзирателей суду, ѣдки. Обыкновенно самые крупные проступки надзирателей караются только вольненіемъ отъ должности. Такъ, въ 1902 году, было обнаружено, что одинъ зъ надзирателей при женской тюрьмѣ торговалъ тѣломъ ввѣренныхъ его поеченію арестантокъ, впуская по ночамъ мужчинъ съ платою по пятидесяти оп. за визитъ. Этотъ фактъ, благодаря случаю, получилъ широкую огласку тѣмъ не менѣе надзиратель поплатился за это гнусное дѣло только увольеніемъ отъ должности».

Бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія г. Саломонъ характеизуетъ бытъ каторжныхъ на Сахалинѣ такими словами: «Объ исправительномъ значеніи каторги не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ того, все, что мнѣ удалось узнать о внутренней жизни сахалинскихъ тюремъ, приводитъ меня къ лубокому убѣжденію, что пребываніе въ этихъ тюрьмахъ безусловно гибельно е только для людей нравственно неустойчивыхъ, но и для тѣхъ, которыхъ привело на каторгу несчастное стеченіе обстоятельствъ или преступленія формальнаго характера, каковыми являются многія даже тяжкія нарушенія воинской дисциплины. Вредъ тюремной жизни усугубляется еще тѣмъ дурнымъ примѣромъ, который подаютъ арестантамъ иные изъ ближайшихъ начальниковъ—примѣромъ лжи, нечестности, казнокрадства и безнравственности».

Таковъ отзывъ лица, стоявшаго во главѣ тюремнаго вѣдомства И что же? Какъ было, такъ все и остается по старому до нашихъ дней.

Изъ другихъ источниковъ извѣстно, какое широкое примѣненіе на Сахалинѣ имѣли плети и казни, и они-то, въ ряду другихъ условій жизни острова, создавали ту чудовищную загрубѣлость нравовъ, о которую, конечно, еще долго будутъ разбиваться всѣ усилія правильной колонизаціи Сахалина.

При такихъ условіяхъ создаются подчасъ сказочныя фигуры людей. Какъ бы въ pendant къ статьѣ г. Сѣича въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщенъ разсказъ изъ воспоминаній врача К—ва, проведшаго долгое время по обязанностямъ службы также на каторгѣ. Правда, это было не на Сахалинѣ, а на Карѣ (въ Забайкальской области), но дѣло отъ этого не мѣняется или скорѣе должно было бы мѣняться въ сторону лучшую, ибо какъ-ни-какъ, а все же Кара отстоитъ отъ центровъ нашего государства не на такой «дистанціи огромнаго размѣра», какъ Сахалинъ. Разсказъ г. К—ва называется «Трофимычъ» по имени носившаго это прозвище карійскаго старика-фельдшера. Съ этимъ-то Трофимычемъ и пришлось г. К—ву тянуть долгую служебную лямку и быть свидѣтелемъ сотенъ сценъ, изъ которыхъ отъ каждой могли бы надолго разстроиться нервы и не у слабонервнаго человѣка Какъ врачу, г. К—ву приходилось много разъ присутствовать при наказаніи каторжныхъ плетями, но мы на этомъ останавливаться не будемъ; мы хотимъ воспроизвести здѣсь лишь одинъ изъ разсказовъ Трофимыча объ одной или правильнѣе двухъ такихъ каторжныхъ фигурахъ, которыя можно было бы назвать сказочными, если бы сказки эти не были на Руси подлинною былью.

Докторъ К—въ и Трофимычъ ѣхали изъ одной тюрьмы въ другую «присутствовать при исполненіи судебнаго приговора въ количествѣ ста ударовъ плети надъ каторжнымъ Ермолаевымъ». По дорогѣ Трофимычъ разсказалъ доктору такую исторію:

«— Разскажу я вамъ, штука какая случилась. Давно это было, смѣху было довольно, а потомъ перепугались; да ничего,—обошлось на этотъ разъ... Ѳомка (палачъ) свою амбицію показалъ. Былъ при Разгильдѣевѣ разрѣзной надзиратель Кулаковъ, кровопивецъ былъ покойный, жестокій человѣкъ! Съ Ѳомкой-палачемъ дружбу особую водилъ, закадычные пріятели были. Былъ онъ въ чинѣ горнаго урядника, жалованье получалъ, форму носилъ. Пили, случалось, вмѣстѣ, вотъ разъ и заспорили: водка кого до грѣха не доведетъ... Кулаковъ былъ огромнаго роста дѣтина, вершковъ четырнадцати, зубы крушилъ десятками; ударитъ кого разъ, второй не захочетъ... Лошадь на плечахъ поднималъ: присядетъ подъ брюхо лошади, руками за переднія, заднія ноги возьмется, на плечахъ и подниметъ животину четверти на двѣ отъ земли... Боялись его всѣ, а Разгильдѣевъ любилъ, потому охрана надежная, Ѳомку тоже любилъ Разгильдѣевъ... Заспорили Кулаковъ съ Ѳомкой о своей силѣ и рѣшили при свидѣтеляхъ на пять рублей заклада: Кулаковъ три раза ударитъ плетью Ѳомку по голымъ стегнамъ, а Ѳомка одинъ разъ. «Какъ бы по зубамъ бить,—говоритъ Кулаковъ,—такъ я на одинъ бы разъ согласился, а Ѳомкѣ три далъ бы ударить». Выбрали время, собрались пріятели, будто судьи, человѣкъ десятокъ, водки заготовили, закуску, деньги за руки положили: кто кого значитъ одолѣетъ... Кинули жребій, честь честью, крестомъ осѣнились передъ вынутіемъ

:ребія: досталось Ѳомкѣ-палачу первому ложиться... Улегся онъ на землю, голился, приготовился закладъ выигрывать... Кулаковъ мигнулъ пріятелямъ: ѣ живо за голову, за ноги попридержали, приналегли на Ѳомку; меня, какъ ельдшера, пригласили на всякій случай,—больше, конечно, для порядка коедіи... Взялъ Кулаковъ плеть въ руки, рукава засучилъ по локоть: «разъ! ва! три!»—только клочья шкуры полетѣли... Взвылъ Ѳомка, а на ноги всковилъ безъ помочи; лицо блѣдное, губы посинѣли, дрожитъ весь, на глазахъ лезы... А компанія хохочетъ до упаду: «ловко, Прохоръ Савичъ! Молодчина, акладъ выигралъ!» Оправился Ѳомка, штаны подвязалъ... «Пожалуйте, — гоорить,—Прохоръ Савичъ,—за вами чередъ, я свое получилъ», а у самого убы, зубы трясутся.—«Ляжемъ, ляжемъ, Ѳомушка, слово исполнимъ! Не по воему лежать будемъ, безъ придержки за голову, за ноги, по собственной хотѣ». Улегся на землю Кулаковъ, вытянулся во весь ростъ, зубы оскалилъ, мѣется... «Я тебя предупрежу, Прохоръ Савичъ, когда бить буду: крикну, огда и ожидай»!—проговорилъ Ѳомка, а лицо у него страшное; всѣ сразу ритихли... Взялъ онъ плеть, да какъ крикнетъ: «поддержитесь, Прохоръ Саичъ!» и—урѣ-ѣ-ѣза-а-лъ! какъ молоньей Кулакова пришибло, лицомъ въ землю ткнулся... Ѳомка стоитъ съ плетью, дышетъ тяжело, какъ быкъ въ запряжкѣ... Іодбѣжали мы къ Кулакову, лицомъ кверху его повернули, а онъ синій, какъ удавленникъ въ петлѣ... Холодной водой едва отлили; ведеръ пятокъ-десятокъ ылили, нюхательный спиртъ не дѣйствовалъ, сколько я ни старался Очнулся нъ отъ воды, кругомъ озирается: а на ноги подняться не можетъ, едва, едва лово выговорилъ: «убилъ, подлецъ!» — «Долгомъ поквитались, Прохоръ Савичъ, а квитку сыграли: въ разсчетѣ теперь!» — проговорилъ Ѳомка. До самого Разгильдѣева доходила эта исторія, грозы ожидали, да любилъ онъ обоихъ: никакой резолюціи такъ и не послѣдовало. Кулаковъ съ этихъ поръ захлябалъ ногами: хуже да хуже; года черезъ два-три калѣкой сдѣлался: ноги отнялись, распухли, раны появились, ходить пересталъ, а здоровъ былъ до этого, какъ быкъ! Каторга сколько радовалась...»

Сколько гнойныхъ наслоеній должно было отложиться въ общественныхъ отношеніяхъ людей, чтобы создать почву, на которой могли бы произростать подобныя вещи! Сколько зародилось на этой почвѣ самыхъ болѣзненныхъ микробовъ и сколько самыхъ сильныхъ дезинфекціоннымъ средствъ необходимо для ея оздоровленія!..

Въ современныхъ войнахъ побѣждаетъ «народный учитель». Эту истину намъ теперь приходится усвоить очень чувствительнымъ *экспериментальнымъ* путемъ. Необходимо поэтому отнестись съ большимъ, чѣмъ когда бы то ни было, вниманіемъ къ вопросу объ условіяхъ жизни и дѣятельности школы въ Россіи. Съ этой точки зрѣнія насъ очень заинтересовала напечатанная въ «Русскомъ Богатствѣ» статья г. Петрищева «Изъ замѣтокъ школьнаго учителя». Авторъ очень во-время и очень кстати дѣлится съ обществомъ своими «замѣтками». Новаго въ нихъ, разумѣется, ничего нѣтъ, но, вѣдь, кто-то сказалъ уже очень давно, что «новое—это позабытое старое». Въ данномъ же случаѣ

мы имѣемъ дѣло, впрочемъ, не столько съ позабытымъ, сколько со ставшимъ обычнымъ, зауряднымъ, а потому и превратившимся въ нѣчто почти ненормальное, несмотря на свою глубокую именно ненормальность. Возьмемъ хоть бы такой, напоминаемый г. Петрищевымъ, фактъ:

«Посѣтивъ всѣ классы Таганрогской гимназіи, Толстой (бывшій министръ народнаго просвѣщенія) зашелъ въ учительскую комнату, на одной изъ стѣнъ которой висѣлъ портретъ Бѣлинскаго. Увидя его, онъ спросилъ инспектора гимназіи, чей это портретъ? Когда я (т.-е. инспекторъ, который разсказалъ этотъ фактъ въ печати) сказалъ, что это портретъ Бѣлинскаго, министръ былъ, повидимому, какъ бы удивленъ и раздражительно, обращаясь къ директору, сказалъ, что онъ и представить себѣ не могъ, чтобы въ комнатѣ, гдѣ собираются учителя, люди просвѣщенные, вывѣшивали на почетномъ мѣстѣ портретъ «Бѣлинскаго», этого *«шелопая, прохвоста, выгнаннаго изъ университета»* (курсивъ инспектора—автора разсказа). Директоръ былъ весьма озадаченъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я снялъ портретъ въ такой степени непріятный для высокаго посѣтителя. Я снялъ его со стѣны и поставилъ за книжный шкафъ, въ которомъ, на нашу бѣду, стояли на переднемъ планѣ сочиненія этого незабвеннаго писателя. Это еще болѣе раздражило министра, который сдѣлалъ директору еще непріятное замѣчаніе и приказалъ исключить ихъ изъ библіотечнаго шкафа и выбросить въ сарай къ вещамъ, негоднымъ къ употребленію».

Фактъ этотъ былъ разсказанъ въ журналѣ «Русская Школа» и г. Петрищевъ очень хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ о немъ, ибо какъ бы ни перемѣнились условія средней школы за послѣднее время, не окончательно еще уничтожены слѣды мертвящей «псевдо-классической» системы, которую проводилъ гр. Д. А. Толстой.

Чѣмъ съ большей высоты падаетъ тѣло, тѣмъ большее пріобрѣтаетъ оно на своемъ пути такъ называемое ускореніе. Отъ этого даже небольшое по размѣрамъ тѣло причиняетъ живому организму весьма чувствительные удары, если оно падаетъ съ значительной высоты. Конечно, самъ по себѣ Толстой былъ величиною чрезвычайно маленькою, почти карликовою,—его система, основанная на одномъ знаменитомъ «тащить и не пущать», изошла, конечно, лишь изъ полицейскаго склада ума ея автора,—но въ томъ-то и дѣло, что этотъ узкій и ограниченный человѣкъ сталъ на такую высоту, откуда бросаемые имъ въ несчастную страну камни причиняли самое разрушительное дѣйствіе.

Бѣлинскій—«шелопай и прохвостъ». Вотъ лозунгъ, данный въ наставленіе педагогическому персоналу. Онъ-то и широко раскатился по всему лицу земли русской. Утвердилось особаго рода отношеніе и къ другимъ великимъ учителямъ народа русскаго.

«Въ 1893 г. въ К—скомъ уѣздномъ училищѣ, куда я только что былъ назначенъ учителемъ,—разсказываетъ г. Петрищевъ,—происходилъ школьный праздникъ. Мои сослуживцы рѣшили послѣ обычнаго молебствія устроить «литературное утро». Предложили и мнѣ «что-нибудь прочесть». Я охотно согласился и выбралъ общеизвѣстный разсказъ «Пѣвцы» Тургенева (утро было

28-го октября, т.-е. въ годовщину рожденія Тургенева). Какъ водится, на праздникъ пригласили разныхъ «почетныхъ лицъ». Пріѣхалъ, между прочимъ, и инспекторъ народныхъ училищъ. По установленному порядку, «утро» закончилось рѣчами и раздачей конфектъ. Затѣмъ дѣтей отпустили по домамъ, а взрослыхъ штатный смотритель «попросилъ откушать хлѣба-соля». Только что мы, гости, учителя, мужчины и дамы размѣстились вокругъ большого стола съ закусками, сѣвшій насупротивъ меня инспекторъ неожиданно обратился ко мнѣ съ такими словами:

«— Позвольте вамъ замѣтить, что я крайне удивленъ вашимъ выборомъ. И не одобряю его... Да, и не одобряю...

«— Это вы насчетъ чего?—удивился я строгости тона. А тонъ былъ такой, что завязавшійся было общій разговоръ сразу прекратился.

«— Я о вашихъ «Пѣвцахъ»,—еще громче отвѣтилъ инспекторъ.—Я крайне пораженъ, какъ вы могли остановиться на Тургеневѣ. Вы должны знать, что этотъ писатель извѣстенъ своими либеральными выходками и явно антиправительственнымъ образомъ мыслей... Со стороны учителя это непозволительный выборъ. Это... это... вовсе не рекомендуетъ ни вашего вкуса, ни вашего образа мыслей».

Словомъ, пошла писать губернія, и тѣнь Толстого благословляла, конечно, инспектора. Къ какому иному взгляду на Тургенева долженъ былъ придти этотъ инспекторъ, если сверху раздался уже давно начальственный крикъ о томъ, что Бѣлинскій, тотъ самый Бѣлинскій, быть похороненнымъ *у ногъ* котораго неоднократно выражалъ желаніе Тургеневъ,—«шелопай и прохвостъ?» Инспекторъ этотъ, разумѣется, не представляетъ собою какого-либо исключенія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и г. Петрищевъ.

«Отнюдь не слѣдуетъ думать,—пишетъ онъ,—будто онъ (инспекторъ) ненавистникъ, Menschenfresser, мракобѣсъ и т. д. Это былъ самый обыкновенный человѣкъ и мнѣніе, высказанное имъ, тоже довольно обыкновенное или, по крайней мѣрѣ, довольно распространенное».

Но въ этомъ-то именно и заключается все зло. Происходитъ же оно, въ свою очередь, не отъ того, чтобы въ литературѣ не установилось самыхъ прочныхъ взглядовъ на людей такой огромной величины, какъ Бѣлинскій или Тургеневъ, а по другой причинѣ. По какой же?

«Господа писатели пусть вѣдаются съ уставомъ о цензурѣ и печати, какъ угодно. А мы будемъ допускать въ школы, *что намъ угодно*. И учителя и ученики будутъ воспитывать свои взгляды лишь на тѣхъ произведеніяхъ, какія *мы* допустимъ».

Эти слова принадлежатъ также Толстому. Въ нихъ и лежитъ отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ. Школа, — изволите видѣть, — принадлежитъ не обществу, не народу, а «*намъ*» и «*мы*»,—единые хозяева ея, будемъ дѣлать тамъ все, «*что намъ угодно*» и ничьего вмѣшательства туда не допустимъ. Бѣлинскаго не допустили, Тургенева не допустимъ. Кого же допустимъ? Мало ли кого: Каткова, Грингмута, Мещерскаго...

Такъ именно и поступаютъ на практикѣ.

*

Два года тому назадъ нѣсколько учителей обратились къ г. Петрищеву, уже какъ къ журналисту, съ просьбою печатно высказаться по поводу того обстоятельства, что изъ составленнаго педагогическимъ совѣтомъ списка журналовъ и газетъ, которые учителя хотѣли выписать, начальство вычеркнуло «Вѣстникъ Европы» и «Русскія Вѣдомости», приказавъ замѣнить ихъ «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Гражданиномъ».

«Мы,—говорили г. Петрищеву учителя,—противъ начальства не идемъ. По § 74 гимназическаго устава, выборъ книгъ зависитъ только отъ педагогическаго совѣта и ни отъ кого больше. Но циркулярами насъ въ этомъ правѣ ограничили—мы покоряемся. Въ 1887 году приказано вовсе не выписывать книгъ сомнительнаго направленія, мы и не выписываемъ». Велѣно наблюдать, чтобы при пополненіи библіотеки поддерживались на училищныя средства только тѣ изданія, которыя «того заслуживаютъ»,—мы и наблюдаемъ. Словомъ, мы хотимъ одинаково исполнять и законъ и циркуляры. А насъ заставляютъ одинаково плевать и на то, и на другое. Посудите сами. Есть журналъ «Вѣстникъ Европы», въ которомъ близкое участіе принимаетъ извѣстный ученый-академикъ Пыпинъ. И есть «Русскій Вѣстникъ», въ которомъ работаетъ извѣстный плагіаторъ Н. Энгельгардтъ, Пыпина для своей книги обокравшій. Мы обязаны министерскій циркуляръ исполнять и на казенныя деньги достойнѣйшаго поддерживать... Такъ и было между нами постановлено. И вдругъ, наше рѣшеніе по боку, циркуляръ по боку: велѣно на казенныя деньги плагіатора поддерживать. Теперь о «Гражданинѣ». Никто кн. Мещерскаго за языкъ не тянулъ, а самъ онъ, по внушенію собственной совѣсти, печатно покаялся, что тонъ его газеты—кабацкій. Между тѣмъ, тонъ «Русскихъ Вѣдомостей», какъ всѣмъ извѣстно, отмѣнно корректенъ и приличенъ. По точному смыслу циркуляра мы и хотѣли приличную газету поддержать, а намъ приказываютъ кабацкую!.. Надо же, наконецъ, выяснить, чѣмъ же мы должны руководствоваться? Если закономъ—хорошо. Если циркулярами—тоже, допустимъ, хорошо. А ежели ни законами и ни циркулярами, то начинается крайняя степень анархіи»...

Старанія начальства забить головы «Московскими Вѣдомостями» и «Гражданиномъ» даютъ иногда замѣчательные плоды, такъ что получается уже нѣчто, казалось бы, «невѣроподобное», но, къ сожалѣнію, увы, доподлинно истинное. Такъ, г. Петрищевъ встрѣтилъ, однажды, учителя Г—ва, который 7 или 8 лѣтъ прослужилъ въ смоленской дирекціи и столько же лѣтъ читалъ однѣ «Московскія Вѣдомости». «Потомъ, — разсказываетъ г. Петрищевъ, — Г—въ попалъ въ другую дирекцію, гдѣ также были распространены «Московскія Вѣдомости», но, въ виду перемѣны начальства, учителя, особенно молодежь, стали мечтать о «Новомъ Времени». Между прочимъ и въ б—скомъ училищѣ зашелъ споръ и возникли разногласія: одни говорили, что слѣдуетъ просить «суворинскую газету»; по мнѣнію другихъ выходило, что просить опасно и потому лучше еще одинъ годъ пробыть съ газетой Грингмута. Г-въ сначала слушалъ молча. Но когда за «Новое Время» высказался законоучитель, онъ, видимо, не вытерпѣлъ и саркастически спросилъ:

«— А «Русскихъ Вѣдомостей» вы, о. Григорій, не желаете? Можетъ быть и «Вѣстникъ Европы» вамъ дать?.. Вы меня простите—я по старинѣ разсуждаю: коли взялся быть учителемъ, такъ и будь учителемъ! А либеральныя пустозвонства оставь! Не къ лицу бы нашему брату либеральничать... На кой намъ чортъ «Новое Время?» Жиды мы, что ли?

«— При чемъ тутъ жиды?—обидѣлся законоучитель.

«— Что жидъ, что либералъ—все равно,—отрѣзалъ Г-въ.—Однимъ миромъ мазаны. Да и Суворинъ этотъ... Фамиліи на «инъ» самыя подозрительныя. Навѣрно жидъ.

«Всѣ разсмѣялись.

«— Ей-Богу, должно быть жидъ,—убѣждалъ Г-нъ.—Разсудите сами: съ какой стати русскій человѣкъ станетъ жидовскую газету издавать?..»

Чѣмъ кончилась эта исторія, авторъ не сообщаетъ, да дѣло, конечно, и не въ томъ, чѣмъ именно она кончилась. Сущность его состоитъ въ указаніи на тѣ условія, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ нашъ учитель. А условія эти прямо-таки поразительны.

Статья г. Петрищева не окончена и къ ней мы, можетъ быть, еще вернемся.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Международные конгрессы. Конецъ лѣта и осень—это время всевозможныхъ конгрессовъ, международныхъ или частныхъ. Этотъ годъ былъ особенно обиленъ конгрессами всякаго рода и чуть ли не въ каждомъ большомъ европейскомъ городѣ происходилъ какой-нибудь съѣздъ ученыхъ или спеціалистовъ по той или другой отрасли науки и техники, общественныхъ дѣятелей и политиковъ, журналистовъ, писателей, промышленниковъ, торговыхъ мореплавателей, желѣзнодорожниковъ и т. д. Кромѣ такихъ съѣздовъ, которые бываютъ ежегодно, въ этомъ году было нѣсколько международныхъ конгрессовъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе европейской образованной публики. Къ числу такихъ именно принадлежали девятый международный конгрессъ печати, состоявшійся въ Вѣнѣ, международный конгрессъ соціалистовъ въ Амстердамѣ и конгрессъ свободомыслящихъ въ Римѣ.

Вѣнскій конгрессъ подтвердилъ огромное значеніе печати, какъ одной изъ великихъ державъ міра. Открытіе его состоялось въ присутствіи представителя императора Франца-Іосифа эрцгерцога Райнера, министра иностранныхъ дѣлъ графа Голуховскаго и министра президента д-ра Кёрбера. Кромѣ нихъ, тутъ было еще много другихъ министровъ, представителей дипломатическаго корпуса и делегатовъ изъ всѣхъ культурныхъ государствъ. Президентъ международнаго союза печати Зингеръ открылъ конгрессъ рѣчью, въ которой выразилъ благодарность императору Францу-Іосифу и всѣмъ другимъ иностраннымъ монархамъ и главамъ государствъ, приславшимъ своихъ представителей на конгрессъ и тѣмъ признавшихъ великое значеніе печати для всякой культурной страны.

Эрцгерцогъ Райнеръ отвѣчалъ на эту рѣчь и привѣтствовалъ конгрессъ отъ имени императора Франца-Іосифа. Международныя собранія и союзы на умственной и слѣдовательно мирной почвѣ становятся все болѣе и болѣе частымъ явленіемъ, и въ этомъ онъ видитъ великій и радостный симптомъ для будущаго всего человѣчества. Великое значеніе печати и роль ея въ культурномъ развитіи странъ давно уже признана всѣми, и съ каждымъ годомъ становится яснѣе, что эта руководящая роль достигаетъ своего полнаго выраженія въ дѣлѣ объединенія странъ и народовъ на почвѣ умственныхъ сношеній. Печать служитъ такимъ объединяющимъ звеномъ и въ этомъ ея великая заслуга передъ человѣчествомъ, поэтому она и имѣетъ полное право требовать, чтобы ей было отведено подобающее мѣсто въ области международныхъ сношеній и предоставлено было бы полное и свободное развитіе.

Вслѣдъ за эрцгерцогомъ привѣтствовалъ конгрессъ и глава австрійскаго правительства министръ-президентъ Кёрберъ. Онъ говорилъ отъ имени правительства и выразилъ горячія пожеланія успѣха конгрессу, объединившему всѣ культурныя націи въ лицѣ представителей печати. Благодаря великой и благодѣтельной работѣ печати, народы ближе узнаютъ другъ друга и протягиваютъ другъ другу руки для совмѣстной культурной дѣятельности. Печать—это величайшій завоеватель міра и самый могущественный его властитель. Въ ея рукахъ находится будущее человѣчества и степень культурности страны узнается по той роли, которую играетъ въ ней печать. Далѣе Керберъ указалъ на связь печати съ наукой, которая съ каждымъ днемъ становится тѣснѣе. Благодаря этой связи, печать становится тѣмъ, чѣмъ она должна быть—главною вѣтвью широкаго потока, посредствомъ котораго истина проникаетъ въ душу и умъ народовъ. Противъ опаснаго броженія разгоряченныхъ народныхъ страстей не могутъ быть дѣйствительны никакія полицейскія мѣропріятія и только путемъ распространенія знанія и просвѣщенія удастся придать народной жизни правильное теченіе; въ этомъ-то и заключается главная дѣятельность печати, какъ руководительницы въ нравственномъ отношеніи. Кёрберъ говорилъ также о назначеніи печати служить цѣлямъ прогресса, о ея мирной миссіи и высокомъ общественномъ значеніи. Вообще его рѣчь была настоящимъ прославленіемъ печати, въ которой онъ, какъ и эрцгерцогъ Райнеръ, видѣлъ самое высшее выраженіе культурности страны. Въ заключеніе онъ указалъ на великій симптомъ нашего времени—на возрожденіе національнаго чувства, замѣчающееся на всемъ земномъ шарѣ. Тутъ-то печать и должна выполнить свою важную миссію; она должна напомнить народамъ, охваченнымъ національнымъ чувствомъ, о «человѣкѣ», просвѣтить ихъ и дать правильное направленіе ихъ національной гордости, научивъ ихъ той скромности, которая является всегдашнею спутницею истиннаго знанія и, лучше всякихъ договоровъ и соглашеній, обезпечиваетъ миръ отдѣльнымъ народамъ и всему человѣчеству.

Изъ числа резолюцій, вотированныхъ конгрессомъ, наибольшія пренія вызвала резолюція объ учрежденіи профессіональныхъ судовъ печати. Суды эти будутъ трехъ категорій: 1) мѣстные третейскіе суды, 2) національные суды и 3) международные суды печати. Смотря по обстоятельствамъ, судъ будетъ

граничиваться или простымъ порицаніемъ или же это порицаніе будетъ опубликовано въ газетахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно можетъ сопровождаться заявленіемъ о необходимости удовлетворенія истца отвѣтчикомъ. Рѣшеніе суда не будетъ подлежать обжалованію.

Амстердамскій международный конгрессъ соціалистовъ хотя и состоялся раньше другихъ конгрессовъ, но до сихъ поръ еще продолжаетъ служить предметомъ обсужденія въ печати, преимущественно французской и нѣмецкой. Какъ сторонники, такъ и противники соціализма, и даже просто индифферентные люди, съ большимъ интересомъ слѣдили за дебатами, происходившими на этомъ конгрессѣ, гдѣ сталкивались идеи и сошлись делегаты нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ. Въ теченіе цѣлой недѣли печать обоихъ полушарій наполняла цѣлые столбцы отчетами о засѣданіяхъ этого конгресса, текстами рѣчей и резолюцій. Какъ демократическія, такъ и консервативныя газеты одинаково интересовались конгрессомъ, на которомъ присутствовали журналисты всѣхъ націй и каждый день, по окончаніи засѣданій, центральное телеграфное бюро въ Амстердамѣ буквально осаждалось журналистами, торопившимся разослать по всему міру свои отчеты о конгрессѣ.

Вопросъ, вызвавшій самые горячіе и страстные дебаты и возбудившій напряженное вниманіе печати, касался партійной тактики. На прежнихъ международныхъ конгрессахъ, собиравшихся въ Брюсселѣ (1891), въ Цюрихѣ (1893), въ Лондонѣ (1896) и въ Парижѣ (1904), вначалѣ шла рѣчь, главнымъ образомъ, о пользѣ и плодотворности политической и парламентской дѣятельности и рѣшался споръ между тѣми, кто вѣрилъ въ нее, и тѣми, кто ее отрицалъ. Мало-по-малу образовалось новое теченіе, проповѣдывавшее соединеніе съ наиболѣе передовыми буржуазными фракціями и образованіе демократической партіи соціальныхъ реформъ, стремящейся достигнуть непосредственныхъ и осязательныхъ результатовъ, какъ бы они ни были малы, и предпочитавшей эти результаты отдаленнымъ цѣлямъ и идеаламъ. Въ Германіи Бернштейнъ первый подвергъ критикѣ общепринятые тезисы соціалистской партіи и вызвалъ рѣзкіе нападки со стороны нѣмецкихъ марксистовъ. Въ практическомъ же отношеніи первымъ выраженіемъ новаго направленія явилось вступленіе соціалиста Мильерана въ кабинетъ Вальдека Руссо, вызвавшее очень бурные протесты въ одной части партіи и одобреніе въ другой. Разногласіе относительно этого пункта отражалось все рѣзче на каждомъ послѣдующемъ конгрессѣ, и расколъ все усиливался. Во Франціи и послѣ ухода Мильерана фракція, тѣсно связавшая свою дѣятельность съ дѣятельностью радикаловъ, продолжала фигурировать въ группѣ Комба въ парламентѣ. Въ Италіи соціалистская партія такъ усердно поддерживала кабинетъ Цанарделли, что представителю новаго направленія Турати былъ даже предложенъ портфель въ министерствѣ Джіолитти. Кризисъ все усиливался. Въ двухъ странахъ, на послѣднихъ конгрессахъ, въ Германіи (въ Дрезденѣ) и въ Италіи (въ Болоньи), реформисты потерпѣли пораженіе, но не признали себя побѣжденными, и теперь амстердамскому международному конгрессу предстояло высказаться окончательно и либо возстановить прежнія традиціи и возвращеніе къ строгой автономіи

партіи, либо одобрить тактику Бернштейна, Жореса и Турати и разрѣшить своимъ приверженцамъ вступать въ союзъ съ радикалами и либералами. Пренія по этому вопросу составили центръ тяжести конгресса и сосредоточили на себѣ всеобщее вниманіе. Все, что есть выдающагося въ мірѣ соціалистовъ, собралось въ залѣ амстердамскаго конгресса въ этотъ день и депутаты, ораторы, публицисты ожидали съ нетерпѣніемъ начала преній. Были внесены три резолюціи: въ одной международный конгрессъ объявлялся некомпетентнымъ въ вопросахъ національной тактики; другая воспроизводила слово въ слово резолюцію прошлогодняго дрезденскаго конгресса, устанавливающую прежнія традиціи партіи, третья же, предложенная Вандервельдомъ, бельгійскимъ делегатомъ, и Адлеромъ—австрійскимъ, въ сущности, добивалась такихъ же результатовъ, какъ и вторая, но формулировала въ болѣе примирительномъ духѣ. Первая резолюція скоро была отвергнута, такъ какъ для всѣхъ было ясно, что принятіе ея нанесло бы чувствительный ударъ согласію національностей въ области соціализма. Резолюція Адлера и Вандервельда, составленная въ болѣе умѣренномъ тонѣ, была вотирована равнымъ числомъ голосовъ и, слѣдовательно, должна была считаться отвергнутой. Оставалась дрезденская резолюція, которая и была принята огромнымъ большинствомъ, что привѣтствовалось не только какъ побѣда, но разсматривалось, какъ спасеніе единства партіи. Вслѣдъ затѣмъ была вотирована резолюція Ферри—Бебеля—Вандервельда, приглашавшая партіи всѣхъ странъ къ объединенію. Дрезденская резолюція побѣдила при помощи голосовъ Германіи, Италіи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Болгаріи, Японіи, Венгріи, Чехіи и нѣкоторыхъ другихъ. Въ пользу же примирительной резолюціи Адлера — Вандервельда вотировали: Бельгія, Голландія, Аргентина, Швеція и Норвегія и одинъ голосъ (каждой націи было предоставлено два голоса) Швейцаріи, Польши, Норвегіи и Франціи.

На послѣднемъ общемъ собраніи, кромѣ замѣчательныхъ рѣчей Бебеля и Жореса, воплотившихъ два противоположныхъ тезиса, произвело впечатлѣніе появленіе восьмидесятилѣтняго старца индуса Дадобаи Наороджи, который говорилъ отъ лица 300 милліоновъ индусовъ. Когда онъ появился, то члены конгресса поднялись со своихъ мѣстъ, чтобы почтить его. Онъ говорилъ съ чисто юношескимъ жаромъ, осуждая англійскую правительственную систему въ Индіи, и требовалъ для своей страны такой же автономіи, какою пользуются другія англійскія колоніи. Его рѣчь была покрыта самыми горячими апплодисментами.

Нѣмецкія консервативныя газеты, разумѣется, поспѣшили воспользоваться резолюціей конгресса для своихъ цѣлей, а органы аграрной партіи, заговоривъ о полной невозможности примиренія между теперешнимъ государственнымъ строемъ и соціалъ-демократіей, потребовали на этомъ основаніи повышенія аграрныхъ пошлинъ, «какъ единственнаго дѣйствительнаго средства для борьбы съ успѣхами соціалъ-демократіи въ Германіи!» Зато германскіе оффиціозы, вродѣ Сѣверо-германской Газеты, въ крайне сдержанномъ тонѣ обсуждали рѣшенія амстердамскаго конгресса, не впадая въ лирическій паѳосъ, какъ это сдѣлала ультра-консервативная партія съ аграріями во главѣ, готовая уже

кричать, что отечество въ опасности. Что же касается ораторскаго поединка происходившаго между Бебелемъ и Жоресомъ, то нѣкоторыя изъ газетъ замѣчаютъ, что въ сущности нѣтъ никакого антагонизма между идеями Жореса и Бебеля, и все разногласіе заключается лишь въ томъ, что французскій ораторъ исключительно имѣлъ въ виду только французскую тактику, націонализируя, такъ сказать, весь вопросъ, между тѣмъ какъ германскій ораторъ хотя и черпалъ свои аргументы изъ исторической эволюціи своей страны, тѣмъ не менѣе старался обобщать свои заключенія и доказывалъ, что, оставаясь независимымъ и воздерживаясь отъ союза даже съ передовыми буржуазными партіями, рабочій классъ во Франціи лучше можетъ служить своей странѣ и свободѣ.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ амстердамскаго конгресса состоялся партейтагъ германской соціалистской партіи въ Бременѣ, названный нѣкоторыми германскими газетами «третьимъ парламентомъ» (первые два: рейхстагъ и ландтагъ). Онъ явился какъ бы отголоскомъ амстердамскаго конгресса и подтвердилъ принятыя на немъ рѣшенія. Наиболѣе горячія пренія вызвалъ вопросъ о майскомъ праздникѣ, который, несмотря на очень энергичную оппозицію, былъ все-таки рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, какъ доказательство единства рабочей организаціи. Антимилитаристскія тенденціи ярко выразились въ преніяхъ, и въ этомъ же духѣ была вотирована резолюція. Слѣдующій партейтагъ соберется въ Іенѣ.

Девятый международный конгрессъ свободомыслящихъ, собравшійся въ Римѣ, отличался необычайнымъ многолюдствомъ. Число участниковъ доходило до 5.000, причемъ преобладалъ романскій элементъ. Почти всѣ страны прислали своихъ делегатовъ, мужчинъ и женщинъ, среди которыхъ было много выдающихся общественныхъ дѣятелей и ученыхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Римъ былъ избранъ не безъ цѣли мѣстомъ конгресса, также какъ и день открытія конгресса, 20-ое сентября н. ст. Римъ вѣдь служитъ резиденціей самому могущественному и самому упорному противнику свободы мысли, а 20-ое сентября—это годовщина вступленія итальянцевъ въ Римъ и паденія свѣтской власти папы. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что у многочисленныхъ свободомыслящихъ явилось желаніе устроить хоть разъ конгрессъ въ Римѣ и передъ стѣнами Ватикана произвести смотръ своей многолюдной арміи, ряды которой все увеличиваются.

Первый международный конгрессъ свободомыслящихъ происходилъ 20-го августа 1880 г. въ Брюсселѣ. Основателями международнаго союза свободомыслящихъ были: профессоръ Людвигъ Бюхнеръ, Вильгельмъ Либкнехтъ, профессоръ Я. Молешоттъ, философъ Гербертъ Спенсеръ, англійскій писатель Чарльзъ Брэдло, писательница Клемансъ Ройе, итальянскій депутатъ и писатель Джіованни Бовіо, американецъ Беннеттъ и др. Затѣмъ послѣдовали конгрессы: въ 1882 г.—въ Лондонѣ, въ 1883 г.—въ Амстердамѣ, въ 1885 г.—въ Антверпенѣ, въ 1887 г.—опять въ Лондонѣ, въ 1889 г.—въ Парижѣ, въ 1892 г.—въ Мадридѣ, въ 1895 г.—въ Брюсселѣ, въ 1900 г.—въ Парижѣ, а два года тому назадъ—въ Женевѣ. Вначалѣ, однако, союзъ дѣлалъ слабые успѣхи и только послѣ массоваго вступленія въ него французовъ движеніе

стало развиваться быстро. Усиленная дѣятельность французовъ выразилась уже и на парижскомъ конгрессѣ и затѣмъ она все увеличивалась, такъ что во Франціи движеніе это приняло такіе размѣры, что не замедлило отразиться и въ политической жизни страны. Во французскомъ населеніи надо различать два разряда свободомыслящихъ,—это ученые, во главѣ которыхъ стоитъ маститый Бертело, и пролетаріи, руководители которыхъ соціалисты. Въ настоящее время во Франціи имѣются сотни союзовъ свободомыслящихъ, которые распадаются на провинціальные союзы и на національные союзы. Эти союзы имѣютъ свои органы печати, принимаютъ участіе во всѣхъ политическихъ вопросахъ, устраиваютъ многочисленныя собранія съ чтеніемъ докладовъ, дебатами и т. п., и т. п. На успѣхъ движенія во Франціи указываетъ, между прочимъ, исходящая отъ свободомыслящихъ антиклерикальная петиція, внесенная въ палату, и покрыта въ нѣсколько недѣль 120.000 подписей. На конгрессъ въ Римъ Франція отправила болѣе 1.000 делегатовъ. Кромѣ того, изъ Франціи движеніе это распространилось на Испанію и Италію. Испанія прислала 400 делегатовъ, въ числѣ которыхъ находился профессоръ и предводитель республиканской партіи Никола Сальмеронъ. Въ Италіи также большинство приверженцевъ движенія—ученые, какъ, напр., профессоръ Серджи, директоръ антропологическаго конгресса въ Римѣ (президентъ конгресса), Ломброзо, Ферри, Ферреро и др. Маститый ученый, Эрнестъ Геккель, выступилъ на конгрессѣ въ качествѣ представителя Германіи и ему оказанъ былъ римскимъ конгрессомъ такой пріемъ, какой рѣдко выпадаетъ на долю иностранцевъ. Изъ Америки пріѣхало также много ученыхъ; сѣверная Европа имѣла своимъ представителемъ Біорнсона. Новостью было то, что и нѣкоторые города прислали своихъ оффиціальныхъ представителей на конгрессъ, какъ-то, Парижъ, Миланъ и многіе другіе итальянскіе города. Объ отношеніи итальянскаго правительства къ этому конгрессу можно судить по той любезности, которую оно выказало, предоставивъ для засѣданій конгресса актовый залъ римской коллегіи и разрѣшивъ всевозможныя облегченія и льготы для посѣтителей конгресса.

Работы конгресса были подраздѣлены на шесть секцій: 1) международное общественное право; 2) національное право; 3) просвѣщеніе; 4) соціальныя попеченія; 5) религіозныя миссіи; 6) организація и пропаганда, наука и догматъ. Необычайный и даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, неожиданный наплывъ участниковъ нѣсколько измѣнилъ порядокъ занятій конгресса. Многіе вопросы, которые предполагалось разсматривать въ общихъ собраніяхъ должны были быть перенесены въ коммиссіи, такъ какъ основательное обсужденіе ихъ оказалось невозможнымъ въ собраніи изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Сочувственныя письма и телеграммы, полученныя конгрессомъ съ разныхъ концовъ міра, были настолько многочисленны, что чтеніе ихъ отняло бы слишкомъ много времени у конгресса; поэтому президентъ предложилъ прямо присоединять ихъ къ протоколамъ конгресса. Прочтены были только нѣкоторыя изъ нихъ и прежде всего письмо маститаго ученаго Бертело, который не могъ лично присутствовать на конгрессѣ. Привѣтствуя конгрессъ, Бертело высказалъ

мнѣніе, что самый фактъ пребыванія этого конгресса въ Римѣ долженъ считаться великимъ знаменіемъ времени, такъ какъ Римъ былъ центромъ притѣсненій и угнетенія науки въ теченіе болѣе чѣмъ 1.500 лѣтъ.

«Это былъ настоящій кладезь бездны, возвѣщаемый Апокалипсисомъ, откуда исходили ядовитые пары суевѣрія, фанатизма и инквизиціи, изготовляемые теократическою властью,—говоритъ Бертело.—Поддерживаемая своею милиціей монаховъ, эта власть намѣревалась вѣчно держать людей подъ двойнымъ давленіемъ духовнаго и свѣтскаго меча... Мы собрались здѣсь, чтобы подтвердить эволюцію современнаго духа и торжество новаго соціальнаго порядка, власть котораго основывается на полной независимости мнѣній и на неоспоримыхъ доказательствахъ науки. Вотъ то знамя, которое мы поднимаемъ передъ Ватиканомъ, резиденціей папской непогрѣшимости... Идеальною цѣлью конгресса должно быть упроченіе вѣротерпимости, внесеніе научнаго метода во всѣ отдѣлы человѣческаго существованія и утвержденіе принципа умственной и нравственной солидарности между людьми и націями».

Рѣзкое антиклерикальное направленіе выразилось также и въ рѣчи испанскаго делегата Фернандо Лоцано, журналиста и редактора мадридской газеты «Los Dominicales». Яркими красками описалъ онъ клерикальный терроръ въ Испаніи и въ грозной обвинительной рѣчи перечислилъ всѣ преступленія католической церкви. Надо прибавить, что Лоцано болѣе сотни разъ судился за свои критическія статьи противъ испанскихъ клерикаловъ. Шестьдесятъ епископовъ и архіепископовъ отлучили его отъ церкви, но это не мѣшаетъ ему съ такимъ же жаромъ продолжать свою антиклерикальную пропаганду. Рѣчь его была покрыта громомъ аплодисментовъ, также какъ и рѣчь г-жи Боленъ де-Сарага, испанской делегатки изъ Малаги, также принадлежащей къ журнализму и сидѣвшей въ тюрьмѣ за свои антиклерикальныя статьи.

Большую сенсацію произвело то, что профессоръ Геккель предложилъ послать Комбу привѣтственную телеграмму. Его слова были покрыты самыми восторженными аплодисментами и резолюція единодушно вотирована, но вслѣдъ за этимъ была устроена настоящая овація въ честь Германіи, которая стоитъ во главѣ умственнаго движенія со своими великими свободными мыслителями и писателями

Избирательная кампанія въ Америкѣ. Соперникъ Рузвельта, кандидатъ демократической партіи, судья Паркеръ обнародовалъ свою програму и теперь избирательная кампанія въ Соединенныхъ Штатахъ вступила въ свой послѣдній и рѣшительный фазисъ. Паркеръ, однако, заставилъ долго ждать своей декларацией, такъ какъ прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ конвентъ демократической партіи въ Сенъ-Луи избралъ его своимъ кандидатомъ. Многіе ставили ему въ упрекъ такую необычайную сдержанность и молчаливость—вѣдь онъ до сихъ поръ не произнесъ ни одной рѣчи! Какой контрастъ, напримѣръ, съ Брайяномъ, который, во время прежней президентской кампаніи, произносилъ въ день по дюжинѣ рѣчей и говорилъ даже съ площадки вагона, когда поѣздъ останавливался на станціи на нѣсколько ми-

нутъ. Теперешняя избирательная кампанія названа поэтому «молчаливою» и вообще она не внесла никакого особеннаго оживленія въ американскую жизнь, какъ это обыкновенно замѣчалось прежде. Упорное молчаніе Паркера относительно его программы порождало шутки и насмѣшки. «Какіе у него взгляды на монетный вопросъ? Сторонникъ ли онъ золота или серебра? Или, быть можетъ, онъ стоитъ за радій?» — насмѣшливо спрашивали нью-іоркскія газеты. Но Паркеръ продолжалъ молчать. Быть можетъ, онъ сознавалъ полное отсутствіе у себя ораторскихъ способностей, такъ какъ всѣ его дебюты въ этомъ отношеніи бывали неудачны.

Однако, какъ человѣкъ и гражданинъ, онъ пользуется огромными симпатіями и уваженіемъ. Онъ не могъ кончить университета за неимѣніемъ средствъ и сдѣлался сельскимъ учителемъ. Но потомъ онъ почувствовалъ призваніе къ адвокатурѣ и проработавъ нѣсколько лѣтъ у одного адвоката (такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, для того, чтобы быть адвокатомъ, нѣтъ надобности проходить черезъ университетъ), Паркеръ сдѣлался адвокатомъ въ маленькомъ городкѣ, въ долинѣ Гудзона. Уже съ двадцатипятилѣтняго возраста онъ былъ избранъ судьей въ Нью-Іоркѣ и съ тѣхъ поръ его постоянно выбирали на этотъ постъ; отъ всѣхъ же другихъ, предлагаемыхъ ему, должностей онъ постоянно отказывался. Его политическая программа въ общемъ является протестомъ противъ политики интересовъ и все возрастающей склонности къ милитаристскому вмѣшательству въ міровую политику, которая за послѣднее десятилѣтіе особенно часто обнаруживается въ Соединенныхъ Штатахъ. Такъ какъ въ этотъ періодъ времени кормило правленія преимущественно находилось въ рукахъ республиканской партіи, то Паркеръ не совсѣмъ неправъ, взваливая на своихъ противниковъ отвѣтственность за многія нежелательныя явленія и событія. Что имперіализмъ Рузвельта встрѣчаетъ опозицію въ Соединенныхъ Штатахъ, въ этомъ уже не можетъ быть сомнѣнія теперь, но оппозиція эта еще не настолько сильна, чтобы поколебать положеніе Рузвельта, а заявленіе его о желаніи созвать новую мирную конференцію, очень увеличило его шансы. Республиканскія газеты заговорили уже о томъ, что если президентъ Рузвельтъ не будетъ вновь избранъ, то, по всей вѣроятности, мирная конференція соберется не скоро и американская нація упуститъ случай, который могъ бы создать ей новое почетное положеніе въ совѣтѣ народовъ.

Сорокъ пять штатовъ сѣверо-американскаго союза должны, въ общемъ, назначить 476 избирателей для президентскихъ выборовъ. Абсолютное большинство избирательнаго корпуса, необходимое для избранія президента, равняется 239. Большая часть голосовъ уже теперь обезпечена Рузвельту. Извѣстно, что республиканцы располагаютъ 207, а демократы 162 голосами и слѣдовательно демократическому кандидату не хватаетъ 77, а Рузвельту только 32 голоса, чтобы имѣть абсолютное большинство. Относительно десяти штатовъ ничего пока неизвѣстно навѣрное, и между этими штатами находится Нью-Іоркъ со своими 39-ю избирателями. Демократамъ во что бы то ни стало необходимо привлечь на свою сторону Нью-Іоркъ; республиканцы же, въ край-

немъ случаѣ, могли бы обойтись и безъ него. Оба кандидата, какъ Паркеръ, такъ и Рузвельтъ, родомъ изъ Нью-Iорка и оба они — «любимцы» своего штата. Борьба за Нью-Iоркъ явится таким образомъ главнымъ моментомъ всей избирательной кампанiи.

Выборы въ Америкѣ всегда стоятъ громадныхъ денегъ, и суммы, расходуемыя обоими нацiональными комитетами, исчисляются миллiонами. Стоитъ только припомнить, что вторичное избранiе Макъ-Кинлея въ 1900 году обошлось въ 25 миллiоновъ долларовъ. Вѣроятно теперь дѣло не дойдетъ до такой громадной суммы, какъ тогда, когда въ избранiи Макъ-Кинлея были заинтересованы крупнѣйшiя капиталистическiя корпорацiи, банки, желѣзнодорожныя общества и крупные промышленники всякаго рода. Они раскрывали свои кошельки безъ всякихъ затрудненiй, увѣренные въ томъ, что всѣ обѣщанiя, данныя руководителемъ избирательной кампанiи Маркомъ Канна, будутъ выполнены Макъ-Кинлеемъ. Теперь такой гарантiи нѣтъ, и Рузвельтъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанiя заигрывать съ трестами и привлекать на свою сторону финансовыхъ королей. Но если даже во время теперешнихъ выборовъ и не будутъ израсходованы такiя колоссальныя суммы, то все же они обойдутся очень дорого обѣимъ партiямъ. Огромныя деньги расходуются на организацiю кампанiи, рекламы и агентовъ. На бумагу и печатанiе каждый нацiональный комитетъ расходуетъ никакъ не менѣе полумиллiона долларовъ, а разсылка этихъ печатныхъ вещей стоитъ вдвое больше. Очень дорого обходятся посѣщенiя всѣхъ рѣшительно жителей, которыя каждая партiя обязательно производитъ два раза, въ началѣ сентября и за двѣ недѣли до выборовъ. Но наибольшiя суммы поглощаются политическою агитацiей, т.-е. ораторами избирательной кампанiи. Въ самый разгаръ кампанiи каждая партiя должна имѣть въ своемъ распоряженiи не менѣе 5.000 крупныхъ политическихъ ораторовъ и, по крайней мѣрѣ, впятеро больше мелкихъ. Въ общемъ, не менѣе 60.000 человѣкъ надсаживаютъ себѣ горло въ это время, чтобы убѣдить своихъ согражданъ въ преимуществахъ своей партiи. По приблизительному вычисленiю всѣ эти ораторскiя упражненiя обходятся партiямъ въ восемь миллiоновъ долларовъ. Сюда еще слѣдуетъ прибавить громадные митинги, парады, демонстрацiи, факельцуги, значки и жетоны, которыми украшаютъ себя демонстранты, и пари, которыя предлагаютъ партiями. Вообще, эти пари составляютъ необходимую принадлежность каждыхъ выборовъ, и если частныя лица не обнаруживаютъ особенно сильнаго желанiя устраивать пари около имени того или другого кандидата, то въ дѣло вмѣшивается партiя. Во время послѣднихъ недѣль передъ выборами въ тѣ штаты, относительно которыхъ не существуетъ увѣренности, командируется цѣлая армiя агитаторовъ. Въ 1900 году Маркъ Канна командировалъ въ штатъ Индiаны ни болѣе, ни менѣе, какъ 33.000 такихъ странствующихъ политическихъ агитаторовъ, которые обошлись въ 700.000 долларовъ. Но это заносится въ рубрику «законныхъ избирательныхъ расходовъ», такъ какъ безъ нихъ обходиться невозможно. Раньше было не такъ и въ 1889 году, напримѣръ, выборы стоили республиканской партiи всего

200.000 долларовъ, но съ тѣхъ поръ Соединенные Штаты превратились въ міровую державу и естественно, что власть въ такомъ государствѣ должна стоить дороже.

Пари уже начались и по словамъ американскихъ газетъ достигаютъ значительныхъ суммъ. Попадаются и курьезы. Какой-то негръ изъ Сенъ-Луи, восторженный поклонникъ Рузвельта, напечаталъ въ газетахъ заявленіе, что онъ, «Америкъ Патсъ, въ здравомъ умѣ и полной памяти торжественно поклялся, черезъ недѣлю по окончаніи выборовъ, броситься съ моста Миссисипи, если Рузвельтъ не будетъ избранъ». Во время послѣдней избирательной кампаніи Макъ Кинлея такія пари носили, однако, болѣе юмористичоскій характеръ. Пораженіе Брайяна на послѣднихъ выборахъ не прошло даромъ для нѣкоторыхъ изъ его сторонниковъ, державшихъ странныя пари и увѣренныхъ въ побѣдѣ. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ цѣлый часъ простоять на одной ногѣ у входа въ центральный паркъ въ Нью-Іоркѣ, а другой долженъ былъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца разгуливать въ какой-то удивительной шляпѣ, третій же обязанъ былъ въ теченіе мѣсяца брить только одну половину лица. Еще хуже пришлось одному бруклинцу, который вынужденъ былъ въ теченіе часа прогуливаться по Бродвею, завернувшись въ бѣлую простыню. Вообще списокъ такихъ курьезовъ во время послѣдней президентской кампаніи отличается необычайною длиной, но тогда возбужденіе было гораздо больше и вся кампанія носила болѣе шумный характеръ. Теперешняя «молчаливая кампанія» не располагаетъ, повидимому, къ такимъ продѣлкамъ *).

Начало политическаго сезона въ Англіи. Политическое затишье, обыкновенно слѣдующее въ Англіи за осеннимъ закрытіемъ парламента, на этотъ разъ продолжалось дольше обыкновеннаго и поэтому, когда Розберри сдѣлалъ первый шагъ и произнесъ политическую рѣчь въ Линкольнѣ, то всѣ точно встрепенулись и тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ возникла оживленная полемика въ печати и главные политическіе дѣятели и министры начали одинъ за другимъ произносить рѣчи. Конечно, и министръ-президентъ Бальфуръ не остался въ долгу и также произнесъ политическую рѣчь въ Эдинбургѣ, въ которой онъ изложилъ свою точку зрѣнія на протекціонизмъ и политику Чэмберлена. Любопытнѣе всего, что хотя Бальфуръ и говорилъ на чистомъ англійскомъ языкѣ и, повидимому, выражался совершенно опредѣленно, но тѣмъ не менѣе его рѣчь вызвала самыя противоположныя толкованія. Одни утверждали, что онъ нападалъ на бывшаго министра колоній и отвергалъ его систему, другіе же, наоборотъ, говорили, что Чэмберленъ не имѣетъ болѣе преданнаго друга и болѣе ревностнаго сторонника, нежели первый министръ. Какъ бы то ни было, но такого рода ораторскія упражненія нисколько не способствуютъ проясненію политическаго положенія, уже достаточно заслоненнаго тучами. Не разъяснилъ его также и Чэмберленъ своею рѣчью, и получилось

*) Телеграмма отъ 27-го окт. извѣстила уже, что выбранъ Рузвельтъ.

такое впечатлѣніе, что они оба, какъ Чэмберленъ, такъ и Бальфуръ, скрываютъ свою игру. Общіе друзья обоихъ утверждаютъ, что они въ принципѣ совершенно согласны и расходятся только въ подробностяхъ, которыя легко могутъ быть улажены. Во всякомъ случаѣ вопросъ теперь вертится около колоній и ихъ отношеній къ чэмберленовскимъ планамъ. Чэмберленъ не можетъ, конечно, не видѣть инстинктивнаго отвращенія англійскаго народа къ покровительственной пошлинѣ и въ особенности къ пошлинѣ на жизненные припасы, и поэтому-то онъ такъ и желаетъ пробудить патріотическія и имперіалистическія тенденціи, придавъ имъ новую силу, такъ какъ только такимъ путемъ онъ можетъ надѣяться на осуществленіе своей мечты о «великой единой Великобританіи», находящейся въ центрѣ цѣлой сѣти колоній, связанныхъ съ нею прочными узами взаимныхъ интересовъ и глубоко ей преданныхъ. Однако, либеральныя газеты справедливо замѣчаютъ Чэмберлену, что онъ слишкомъ обобщаетъ свой взглядъ на интересы колоній и зачастую навязываетъ имъ собственные взгляды на этотъ предметъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что протекціонизмъ Чэмберлена повліялъ не только на внѣшнюю политику Англіи, но и на политику ея колоній. Выборы въ Канадѣ должны будутъ происходить именно по этому вопросу, а въ Австраліи онъ даже вызвалъ разложеніе партій. Австралійская рабочая партія, напримѣръ, раздѣлилась во взглядахъ на чэмберленовскую политику, такъ что теперь она состоитъ изъ соціалистовъ протекціонистовъ и соціалистовъ-фритредеровъ, но во всякомъ случаѣ, въ Австраліи Чэмберленъ имѣетъ все-таки нѣкоторые шансы на успѣхъ, въ особенности если парламентъ будетъ распущенъ и произойдутъ общіе выборы, на которыхъ, по всей вѣроятности одержатъ побѣду протекціонисты, несомнѣнно играющіе главную роль въ австралійскихъ дѣлахъ.

Такимъ образомъ, осенняя кампанія уже началась въ Англіи, и если не произойдутъ какія-нибудь новыя событія, то главный интересъ будетъ сосредоточенъ около вопросовъ, возбужденныхъ Чэмберленомъ. Либеральныя газеты, указывая на его заигрыванія съ колоніями, говорятъ: «На послѣднихъ выборахъ его лозунгъ былъ слѣдующій: «Голосъ за либераловъ — это голосъ за буровъ!» Теперь онъ видоизмѣняетъ его и говоритъ: «Голосъ за либераловъ— это голосъ противъ колоній!» Либеральная печать предостерегаетъ отъ опасностей такой тактики, которая можетъ вызвать серьезную коллизію интересовъ различныхъ частей государства. Эту опасность приводитъ и лордъ Розберри, который сказалъ въ своей послѣдней рѣчи: «Мы знаемъ, что должны дать для осуществленія чэмберленовскихъ плановъ, но что мы получимъ взамѣнъ—это намъ неизвѣстно; этого онъ намъ не разъяснилъ какъ слѣдуетъ ни разу!» Такъ же говорятъ и другіе имперіалисты, герцогъ Девоншайрскій, лордъ Гошенъ и др., которые предвидятъ возникновеніе у англійскихъ выборщиковъ большихъ сомнѣній насчетъ пользы такого союса съ англійскими колоніями, о которомъ мечтаетъ Чэмберленъ. Словомъ, оппозиція Чэмберлену усиливается именно въ имперіалистскомъ лагерѣ, и то, что лордъ Розберри высказываетъ, повидимому, намѣреніе принять активное участіе въ этой борьбѣ, многими разсматривается, какъ признакъ скораго торжества оппозиціи,

такъ какъ никто не считаетъ Розберри способнымъ сражаться за какія-нибудь химеры». Онъ выступаетъ только въ рѣшительную минуту, замѣчаетъ одна изъ либеральныхъ газетъ, и, какъ тонкій знатокъ времени и политики, знаетъ, когда долженъ быть нанесенъ послѣдній ударъ. Тогда онъ принимаетъ въ немъ участіе и вступаетъ въ осажденный городъ, получая право участвовать также и въ дѣлежѣ добычи».

Во всякомъ случаѣ, до дѣлежа теперь не далеко и парламентскіе выборы не за горами. Въ ожиданіи всѣ партіи производятъ смотръ своимъ силамъ и устанавливаютъ свое отношеніе къ извѣстнымъ вопросамъ. Выдвигается и вѣчный ирландскій вопросъ. За послѣднія девять лѣтъ уніонисты, частью вслѣдствіе разложенія либеральной партіи, частью же вслѣдствіе взрыва имперіализма, находили вполнѣ возможнымъ обходиться безъ поддержки ирландской бригады въ парламентѣ; располагая 150 голосами большинства, кабинетъ могъ не нуждаться въ ирландцахъ, но теперь времена измѣнились. Реакція, вызванная южно-африканскою войной и планы Чэмберлена произвели большія перемѣны въ политической жизни, и поддержка 80 ирландскихъ голосовъ въ парламентѣ стала оченъ полезной для правительства. Ирландцы это доказали, когда помогли правительству одолѣть оппозицію въ школьномъ законѣ 1902 года, и обусловили, такимъ образомъ, побѣду протестантскаго клерикализма. Это явилось какъ бы возмездіемъ либераламъ за то, что они также отреклись отъ своихъ прежнихъ принциповъ, отъ смѣлой, разумной и героической политики Гладстона и постарались похоронить Home rule. Но этотъ похороненный мертвецъ теперь снова оживаетъ и любопытнѣе всего, что починъ оживленія исходитъ отъ ландлордовъ, консерваторовъ, словомъ, изъ англо-саксонскаго гарнизона въ Ирландіи. Правда, теперь это новое движеніе называется не Home rule, а «Devolution» (передача), но слова не мѣняютъ дѣла. Образовалась новая ассоціація въ пользу реформъ Ирландіи по иниціативѣ статсъ-секретаря по ирландскимъ дѣламъ Макдонелля. Въ составъ ея вошло много членовъ конференціи по выкупу земель, въ которой принимали участіе представители ирландской земельной и протестантской аристократіи, среди которыхъ находился, между прочимъ, лордъ Дунравенъ. Законопроектъ о выкупѣ ирландскихъ земствъ, вызвавшій уже такія сильныя нападки крайней правой, долженъ былъ реализировать въ болѣе скромной формѣ, съ уплатою громадныхъ премій ландлордомъ и путемъ добровольнаго соглашенія, а не обязательства, установленнаго закономъ, грандіозную операцію, предпринятую Гладстономъ еще въ 1885 году. Противники этого законопроекта, разумѣется, подняли шумъ и увидѣли въ немъ опаснѣйшее посягательство на англо-саксонскіе интересы, ударъ, который долженъ потрясти основы англо-ирландской уніи. Бальфуръ и Уиндгэмъ, однако, сильно разсчитывали на то, что Редмондъ и его друзья продадутъ свои національныя права за чечевичную похлебку, которая была имъ предложена въ видѣ этого аграрнаго закона, и никто не ожидалъ, что Home rule, оживетъ въ другой формѣ, подъ другимъ названіемъ и по иниціативѣ нѣкоторыхъ ландлордовъ. Лордъ Дунравенъ, лордъ Россморъ и нѣкоторые другіе уніонисты выступили съ новымъ проектомъ ирландскимъ реформъ. Они тре-

буютъ, чтобы расходованіе 150 милліоновъ ирландскаго бюджета подлежало бы контролю собранія изъ 12 выборныхъ членовъ и 12 назначенныхъ правительствомъ, которое засѣдало бы въ Дублинѣ, и затѣмъ, чтобы большинство мѣстныхъ дѣлъ было бы поручено смѣшанному собранію изъ пэровъ Ирландіи и народныхъ представителей. Конечно, этотъ планъ, который лорды-унiонисты называютъ «Devolution», уступаетъ въ широтѣ и смѣлости проекту Гладстона, но, во всякомъ случаѣ, онъ составляетъ первый шагъ къ возрожденію гомруля, который появляется уже въ сопровожденіи новыхъ аргументовъ и главное—новыхъ защитниковъ.

Но положеніе Ирландіи, въ самомъ дѣлѣ, внушаетъ тревогу и ирландскій призракъ не перестаетъ все-таки смущать спокойный сонъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Эмиграція уменьшила населеніе Ирландіи ровно наполовину въ теченіе одного только столѣтія, а затѣмъ, за послѣдніе годы, замѣчается другое прискорбное явленіе. Статистика указываетъ необычайное увеличеніе процента душевныхъ болѣзней въ Ирландіи. Въ 1880 г. на 100.000 жителей приходилось 250 съумасшедшихъ, а въ 1903 году, также на 100.000 приходится уже 516 душевно-больныхъ. Обнародованіе этихъ таблицъ вызвало смущеніе въ Англіи. «Daily News» и др. либеральныя газеты заговорили о необходимости серьезнаго изслѣдованія причинъ, вызывающихъ такой ростъ психическихъ заболѣваній въ Ирландіи.

Американская и германская опасность. Экономическая будущность Европы, повидимому, серьезно тревожитъ нѣкоторыхъ европейскихъ государственныхъ дѣятелей. О «желтой опасности» и говорить нечего; она давно уже грезится европейскимъ капиталистамъ и часто упоминается ими въ рѣчахъ. Но есть еще другая опасность, которая, въ послѣднее время, особенно смущаетъ европейскихъ протекціонистовъ, это – американская опасность. Война на Дальнемъ Востокѣ, повидимому, усилила опасенія въ этомъ отношеніи, и нѣкоторые изъ авторитетныхъ европейскихъ экономическихъ дѣятелей готовы уже подозрѣвать Соединенные Штаты въ злостномъ намѣреніи поглощать всю торговлю Азіи. Къ числу такихъ принадлежитъ глава французскихъ экономистовъ и бывшій министръ-президентъ Мелинъ, который находитъ нужнымъ предостеречь Европу отъ опасности. Въ статьѣ, напечатанной въ «République Française» и озаглавленной: «Соединенные Штаты», онъ говоритъ, что русско-японская война, вызвавшая наружу столько страстей и сталкивающихся интересовъ, обнаружила въ то же время скрытыя вожделѣнія нѣкоторыхъ странъ, вожделѣнія, существованіе которыхъ можно было только подозрѣвать до этой минуты, но сила которыхъ не была извѣстна. Поведеніе Соединенныхъ Штатовъ и явное расположеніе, которое эта держава показывала Японіи, сначала удивили Европу, но теперь Европа поняла широкіе планы великой республики, стремящейся къ экономическому завоеванію Азіи. Колоссальная промышленность Соединенныхъ Штатовъ, которой становится тѣсно на родинѣ, вынуждена искать для себя громадныхъ рынковъ. Сначала она пробовала завладѣть Европой, но европейскіе рынки защищены хорошо отъ такого нашествія, и если

бы преграда оказалась недостаточной, чтобы задержать американскій потокъ, то она будетъ тотчасъ же усилена. Мелинъ вообще находитъ, что должны быть уже теперь приняты энергическія мѣры защиты европейской промышленности. Но, очевидно, такая тактика Европы и заставляетъ американскую промышленность искать для своего распространенія другихъ мѣстъ. Дальній Востокъ представляется ей наиболѣе подходящимъ для этого. «Въ самомъ дѣлѣ,—восклицаетъ Мелинъ,—развѣ можно сравнивать бѣдную маленькую Европу съ ея 300.000.000 жителей съ огромнымъ Китаемъ, который только еще начинаетъ свое экономическое существованіе и безчисленныя потребности котораго должны быть удовлетворены. Имѣя въ своемъ распоряженіи такой рынокъ, Соединенные Штаты могутъ удвоить, даже утроить свою производительность, нисколько не опасаясь вызвать внутренній кризисъ. Будущее американскаго экспорта тогда обезпечено. Но, чтобы достигнуть Китая, необходимо пройти черезъ Японію, которая присвоила себѣ теперь роль руководительницы желтыхъ расъ и производительность которой все растетъ. Вотъ почему американцы и поторопились теперь воспользоваться русско-японскою войной, чтобы заручиться расположеніемъ Японіи. Въ какой бы формѣ ни произошло вмѣшательство державъ въ восточно-азіатскій кризисъ, во всякомъ случаѣ уже теперь не можетъ быть сомнѣній въ томъ, на чьей сторонѣ будутъ Соединенные Штаты... Развѣ Рузвельтъ не сказалъ однажды, что Тихій океанъ долженъ быть американскимъ моремъ? И вся его политика направлена къ осуществленію этихъ пророческихъ словъ. Торговое завоеваніе странъ, граничащихъ съ океаномъ, уже началось давно и прогрессируетъ гигантскими шагами».

Свои предостереженія Мелинъ сопровождаетъ статистическими данными, которыя, по его мнѣнію, «очень краснорѣчивы» и несомнѣнно служатъ причиной весьма серьезныхъ опасеній со стороны Англіи. Мелинъ также высказываетъ увѣренность, что Японія предпочтетъ броситься въ объятія великой американской республики, ея сосѣдки, могущей оказать ей большія услуги, нежели союзъ съ британскою промышленностью, соперничества которой она опасается. Въ заключеніе Мелинъ высказываетъ довольно пессимистическія взгляды на экономическое и торговое будущее Европы. Чѣмъ больше возрастаетъ ея промышленность, улучшаются ея способы производства, чѣмъ болѣе наполняются ея склады товарами, тѣмъ болѣе съуживается и ограничивается кругъ ея торговой дѣятельности за ея предѣлами. Вотъ о чемъ должны подумать европейскіе экономисты и понять, что американская опасность для нихъ страшнѣе желтой опасности.

Англійская печать, обратившая вниманіе на эту статью Мелина, говоритъ, что онъ совершенно упускаетъ изъ вида германскую опасность. Если бы онъ внимательнѣе изслѣдовалъ дѣло, то, быть можетъ, пришелъ бы къ заключенію, что китайскому рынку гораздо больше угрожаетъ германское нашествіе, нежели американское. Ничего не можетъ быть поучительнѣе въ этомъ отношеніи разсказовъ различныхъ путешественниковъ въ Китаѣ, констатирующихъ такое быстрое проникновеніе въ Китаѣ германскихъ товаровъ, о которомъ

континентальная печать не имѣетъ понятія. Германская экономическая опасность—это вполнѣ реальная опасность, тогда какъ американская конкуренція, какъ бы она ни была сильна въ Китаѣ, не опирается все-таки на такую могущественную торговую дипломатію, на какую опирается торговая политика Германіи на Дальнемъ Востокѣ.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Пропаганда мира.—Европейская печать и восточно-азіатскія событія.

Въ то время, какъ на Дальнемъ Востовѣ идетъ борба между двумя націями, въ Европѣ и въ Америкѣ распространяется пропаганда мира, умножаются факты, указывающіе на объединеніе націй на почвѣ науки и общественныхъ вопросовъ, происходятъ мирныя демонстраціи въ видѣ международныхъ конгрессовъ всякаго рода и т. п.

XII-ая межпарламентская конференція подъ предсѣдательствомъ американскаго депутата Бартольда опубликовала слѣдующую резолюцію: «Глубоко потрясенная ужасами войны на Дальнемъ Востокѣ, конференція горячо сожалѣетъ о томъ, что державы, подписавшія Гаагскую конвенцію о предложеніи посредничества передъ открытіемъ враждебныхъ дѣйствій, воздержались отъ такого вмѣшательства. Конференція предлагаетъ имъ теперь вмѣшаться и поручаетъ межпарламентскому бюро войти въ необходимыя для этого сношенія со всѣми правительствами». По общему мнѣнію, прежде всего съ такимъ предложеніемъ надлежало обратиться къ президенту Соединенныхъ Штатовъ, что и было сдѣлано, и Рузвельтъ, принимая членовъ этой конференціи въ Бѣломъ Домѣ, сказалъ: «По всей вероятности, я скоро обращусь къ другимъ націямъ съ приглашеніемъ содѣйствовать созыву второго конгресса въ Гаагѣ. Какъ и вы, я чувствую, что наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы довести до конца начатое великое дѣло мира».

Нельзя не считать характернымъ симптомомъ для даннаго момента всѣ эти толки о небходимости мира и всеобщаго соглашенія между націями. Журналъ «La Revue» перечислястъ факты, указывающіе на усиленное стремленію ко всеобщему соглашенію, которое обнаруживается во всѣхъ странахъ, и на желаніе предать забвенію прежнія распри. Такъ, напримѣръ, англійскіе делегаты межпарламентской конференціи положили вѣнокъ на могилу Вашингтона. Аргентинское правительство было выбрано третейскимъ судомъ въ спорѣ о границахъ между Боливіей и Перу. Образовалась «Латинская федераціи» съ цѣлью сближенія націй, итальянскихъ, южно-американскихъ и центрально-американскихъ, иберійскихъ и французскихъ. Сюда же надо причислить и всѣ другіе признаки, указывающіе на сближеніе народовъ; посѣщеніе французскимъ муниципалитетомъ англійскаго порта и другіе подобные визиты и обмѣнъ международныхъ любезностей, обсужденіе вопроса о франко-германскомъ сближеніи, выдвинутаго на конгрессѣ мира въ Бостонѣ, германскій протестъ противъ празднованія Седанской годовщины и отмѣну этого празднованія, такъ

*

что въ первый разъ, со времени 1870 года, воспоминаніе о германскихъ побѣдахъ не сопровождалось никакими демонстраціями въ нѣмецкихъ городахъ.

На конгресѣ свободомыслящихъ въ Римѣ была единогласно вотирована резолюція, касающаяся всеобщаго разоруженія и мира. Въ Соединенныхъ Штатахъ кандидатъ демократической партіи, судья Паркеръ, соперникъ Рузвельта на президенскихъ выборахъ, объявилъ себя сторонникомъ сокращенія военныхъ расходовъ. Увеличеніе числа международныхъ конгрессовъ и образованіе международныхъ союзовъ и федерацій, съ научными, торговыми и общественными цѣлями, также является симптомомъ, указывающимъ на общее всѣмъ цивилизованнымъ націямъ стремленіе къ миру и къ организиціи народныхъ отношеній на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Перечисливъ эти и многіе другіе признаки, авторъ статьи приводитъ въ заключеніе слова Герберта Спенсера, заимствованныя изъ его неизданной корреспонденціи: «Въ стремленіяхъ къ этической культурѣ постоянно упускается изъ вида то, что всего важнѣе—это усилія, направленныя къ уничтоженію милитаризма, говоритъ англійскій философъ.—Существуютъ неоспоримыя и многочисленныя доказательства, что съ войною выступаютъ наружу всѣ пороки, миръ же содѣйствуетъ развитію добродѣтелей... Уничтоженіе національныхъ антагонизмовъ—вотъ единственная реформа, которая должна будетъ повлечъ за собою и всѣ другія нравственныя реформы».—Викторъ Гюго, по этому же вопросу, выразился болѣе лаконично: «Миръ—это добродѣтель цивилизаціи, война—это ихъ преступленіе». Великій французскій ученый Пастеръ говорилъ: «Наука и миръ восторжествуютъ, наконецъ, надъ невѣжествомъ и войной и народы будутъ вступать между собой въ соглашеніе не для разрушительныхъ цѣлей, а для поученія». Въ своемъ посланіи къ конгрессу свободомыслящихъ Бертело говоритъ: «Мы утвердимъ царство разума, освобожденнаго отъ старинныхъ предразсудковъ и демократическихъ понятій, т.-е. установимъ высшій идеалъ и нравственность... провозгласивъ и доказавъ интеллектуальную и нравственпую солидарность людей и націй».

Итакъ, наряду съ усиленными вооруженіями, съ бряцаніемъ оружія, растетъ и крѣпнетъ сознаніе необходимости единенія, стремленіе къ миру и къ совмѣстной культурной работѣ, и подъ грохотъ выстрѣловъ, долетающій издалека, въ Европѣ засѣдаютъ мирные конгрессы и постепенно, камень за камнемъ, созидается фундаментъ для великаго зданія солидарности націй.

Европейскіе журналы отводятъ попрежнему очень большое мѣсто восточно-азіатскимъ событіямъ. Война затягивается, и такъ какъ условія ея таковы, что не даютъ возможности высказать какія-либо опредѣленныя сужденія насчетъ ея вѣроятнаго исхода, то въ журнальныхъ статьяхъ преимущественно обсуждаются или уже извѣстные факты, или взаимное положеніе сражающихся сторонъ. Слухи о предложеніяхъ посредничества со стороны Франціи и Англіи не встрѣчаютъ особеннаго довѣрія. Какой-то дипломатъ въ «Deutsche Revue» говоритъ, что нѣтъ такой націи, которая бы могла предложить свое посредничество. Англія не можетъ быть посредникомъ, потому что она является конкурентомъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, Франція также,—у нея слишкомъ

много общихъ интересовъ и почти всѣ ея сбереженія помѣщены въ Россіи; кромѣ того, она скорѣе враждебно относится къ Японіи, такъ какъ опасается ея вліянія въ Индо-Китаѣ. Германіи же осторожность предписываетъ соблюдать нейтралитетъ какъ можно строже. Однако, Диллонъ, въ «Contemporary Review» замѣчаетъ, что Германія желаетъ сыграть и тутъ роль «честнаго маклера» и перебросить золотой мостъ между Токіо и Петербургомъ. Диллонъ увѣренъ, что Японія желаетъ мира, но она можетъ его заключить лишь на такихъ условіяхъ, которыя соотвѣтствуютъ ея интересамъ. Россія же все еще надѣется побѣдить, хотя пройдетъ много времени, прежде чѣмъ ей удастся принудить своего врага положить оружіе. Но Китай пробуждается изъ своего вѣкового оцѣпенѣнія, Корея дисциплинируется, а престижъ Японіи въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Азіи возрастаетъ. Эти-то условія и опасеніе, что Соединенные Штаты только выжидаютъ случая, могутъ воздѣйствовать, по мнѣнію Диллона, на поведеніе Россіи и, наперекоръ милитаристской прессѣ, побудить ее къ заключенію мира, такъ какъ дальнѣйшая истребительная война только будетъ стоить крови и денегъ, но не разрѣшитъ все-таки манчжурской проблемы. Съ своей стороны Диллонъ думаетъ, что миръ вовсе не такъ далекъ, какъ это предполагаютъ.

Альфредъ Стэдъ въ «Fortnightly Review» резюмируетъ положеніе въ слѣдующихъ словахъ: «Рессурсы Россіи очень велики, но и затрудненія ея также громадны. Германскій Шейлокъ, за оказанныя имъ услуги, конечно, не преминетъ потребовать свой фунтъ мяса и въ этомъ отношеніи положеніе Россіи не завидно, такъ какъ Германія, ея единственный дѣйствительный другъ, постарается извлечь свои выгоды изъ положенія и укрѣпить свою «міровую политику», не заботясь о томъ, какой ущербъ можетъ понести отъ этого Россія впослѣдствіи». Вопросъ о продолжительности войны сводится, по мнѣнію Стэда, къ слѣдующему вопросу: «Сколько времени Россія будетъ подвергать себя кровопусканію и сколько времени ея германскій другъ найдетъ нужнымъ предоставлять ей истекать кровью?»

Англійскій публицистъ Норманнъ, не разъ доказывавшій необходимость и пользу сближенія между Англіей и Россіей, выражаетъ надежду, что война, въ концѣ концовъ, приведетъ къ полезнымъ результатамъ, не только для обѣихъ воюющихъ сторонъ, но и для всего человѣчества, такъ какъ она будетъ имѣть огромныя послѣдствія для международныхъ отношеній.

Эти послѣдствія, впрочемъ, какъ думаетъ авторъ, вполнѣ отвѣчаютъ намѣреніямъ Японіи и качествамъ, проявленнымъ ею на полѣ битвы и въ мирное время. Несомнѣнно, что они будутъ имѣть благодѣтельное вліяніе и для Россіи, для ея внутренней жизни. Но отыскивая причины, которыя могли бы повести къ прекращенію военныхъ дѣйствій, не слѣдуетъ основывать свои надежды на финансовыхъ или внутреннихъ затрудненіяхъ Россіи и Японіи. Не слѣдуетъ также разсчитывать на вмѣшательство державъ, а надо полагаться только на то, что сами воюющія стороны придутъ къ мирному рѣшенію, когда, наконецъ, убѣдятся, что они ничего не могутъ выиграть отъ возобновленія такой бойни, какая была при Лаоянѣ или Мукденѣ. Россія вѣдь не можетъ

же надѣяться стереть съ лица земли 47 милліоновъ человѣкъ, выказавшихъ такую беззавѣтную храбрость и высокую культуру! Кромѣ того, и застой въ торговлѣ и промышленности, вызванный войной и одинаково вредный для обѣихъ странъ, долженъ будетъ сыграть роль немаловажнаго фактора въ дѣлѣ мира.

Положеніе Китая также обсуждается съ разныхъ сторонъ европейскими журналами. Въ Китаѣ сталкиваются крупнѣйшіе интересы и слѣдовательно тамъ существуютъ многочисленные поводы къ конфликтамъ всякаго рода. За послѣднія десять лѣтъ около Китая и изъ-за Китая происходило уже не мало кровавыхъ столкновеній. Китаецъ преисполненъ презрѣнія къ вѣчно безпокойнымъ европейцамъ, которые нарушаютъ его собственный строй жизни своею агитаціей и своимъ вмѣшательствомъ. Европейцы въ Китаѣ, даже не исключая и многихъ миссіонеровъ, всегда выказывали себя только алчными торгашами, стремящимися къ наживѣ. Озабоченные и занятые мыслями объ извлеченіи выгодъ, они забывали что истинная цивилизація измѣряется отнюдь не усовершенствованіями машиннаго производства, а соціальнымъ прогрессомъ и нравственнымъ совершенствомъ. Упустивъ это изъ виду, европейцы только стяжали презрѣніе китайцевъ, и теперь Европа съ тревогою спрашиваетъ себя, какую роль будетъ играть Китай въ великой борьбѣ двухъ расъ за преобладаніе? Китай не можетъ оставаться безучастнымъ, такъ какъ эта борьба близко его касается, и поэтому-то въ европейскихъ журналахъ съ нескрываемымъ безпокойствомъ говорится о будущей роли Китая и о томъ, какою страшною угрозою онъ явится для всѣхъ европейцевъ, когда его руководителемъ сдѣлается честолюбивая и побѣдоносная Японія.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Физика и физическая географія.

О новыхъ усовершенствованіяхъ въ цвѣтной фотографіи гг. Люмьеровъ. Напомнимъ читателю сущность метода гг. Люмьеровъ. На поверхности стеклянной пластинки располагаютъ ровный тонкій слой, состоящій изъ микроскопическихъ частицъ прозрачныхъ, но окрашенныхъ въ три цвѣта—оранжево-красный, зеленый и фіолетовый. Если сохранено опредѣленное отношеніе интенсивности окраски этихъ микроскопическихъ элементовъ и ихъ числа, то такой слой, покрывающій нашу стеклянную пластинку, не кажется окрашеннымъ при пропусканіи черезъ нее бѣлаго свѣта. Свѣтовые лучи, пройдя черезъ эти микроскопическіе экраны – оранжевые, зеленые и фіолетовые, при соединеніи снова даютъ бѣлый свѣтъ.

Этотъ трехцвѣтный тонкій слой покрываютъ свѣточувствительной, такъ называемой панхроматической *) эмульсіей.

Если приготовленную такимъ образомъ пластинку—черезъ ее заднюю, не покрытую ничѣмъ, стѣнку—подвергнуть дѣйствію цвѣтного изображенія, то свѣтовые лучи проходятъ черезъ наши цвѣтные микроскопическіе экраны и испытываютъ то или иное поглощеніе, въ зависимости отъ своего цвѣта и отъ экрановъ, которые они встрѣчаютъ. Такимъ образомъ, благодаря извѣстному подбору, послѣ проявленія и фиксажа получается окрашенное изображеніе съ цвѣтными тонами, дополнительными для тоновъ оригинала. Такъ, если мы возьмемъ, напримѣръ, часть нашего оригинальнаго изображенія, окрашенную въ красный цвѣтъ, то красные свѣтовые лучи, исходящіе отъ него будутъ поглощены зелеными элементами слоя, а элементы оранжевые и фіолетовые пропустятъ красные лучи и желатино-бромистый панхроматическій слой подвергнется дѣйствію подъ микроскопическими экранами фіолетовыми и оранжевыми, но останется не измѣненнымъ подъ экранами зеленымп. Проявленіе, возстановивъ бромистое серебро чувствительнаго слоя, замаскируетъ элементы оранжевые и фіолетовые, а элементы зеленые проявятся послѣ фиксажа, такъ какъ чувствительная эмульсія, покрывавшая ихъ, не была возстановлена. Въ этой части пластинки

*) Панхроматическій, т.-е. чувствительный для всѣхъ цвѣтовъ.

мы получимъ такимъ образомъ зеленыя мѣста, дополнительныя къ краснымъ лучамъ, исходившимъ изъ соотвѣтственныхъ мѣстъ оригинала.

Подобныя же явленія произойдутъ и съ другими цвѣтными лучами и, напримѣръ, подъ вліяніемъ зеленыхъ лучей будутъ замаскированы зеленые элементы и чувствительный слой окажется окрашеннымъ въ красный цвѣтъ, желтый свѣтъ дастъ фіолетовое изображеніе и т. д.

Ясно, что полученный такимъ образомъ негативъ дополнительнаго цвѣта, при наложеніи его на приготовленныя такимъ же образомъ другія пластинки, даетъ позитивы, которые будутъ окрашены въ цвѣта, дополнительные цвѣтамъ негатива, т.-е. произведутъ намъ окраску нашего оригинала. Можно, конечно, послѣ проявленія негатива, не фиксировать его, а превратить всѣмъ извѣстнымъ образомъ въ позитивъ, соотвѣтственно окрашенный въ цвѣта фотографируемаго объекта.

При осуществленіи этой идеи цвѣтного фотографированія гг. Люмьеры встрѣтили громадныя трудности, но упорной работой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они ихъ почти преодолѣли и достигли прекрасныхъ результатовъ.

Въ настоящее время ихъ методъ распадается на рядъ слѣдующихъ операцій.

Прежде всего, при помощи спеціально построенныхъ для этого приборовъ, отбираютъ изъ картофельной муки зерна діаметромъ отъ 15 до 20 сотыхъ милиметра. Эти зерна дѣлятся на три части, каждая изъ нихъ окрашивается особымъ образомъ спеціально приготовленными для этого красящими веществами въ одинъ изъ трехъ цвѣтовъ: красновато-оранжевый, зеленый и фіолетовый. Это наши микроскопическіе цвѣтные экраны. Полученныя такимъ образомъ цвѣтныя пудры высушиваются, а затѣмъ смѣшиваются въ такихъ пропорціяхъ, чтобы смѣсь не имѣла какой-нибудь господствующей окраски; смѣсь накладывается кисточкой на пластинку, покрытую смолистымъ веществомъ. Принимая цѣлый рядъ предосторожностей, достигаютъ того, что получается слой, состоящій только изъ одного слоя зеренъ, нигдѣ одно зерно не налегаетъ на другое. Затѣмъ промежутки, остающіеся между отдѣльными зернами и могущіе пропустить бѣлый свѣтъ, закрываютъ, угольной тонкой древесной пылью. Такъ получается особый свѣтовой экранъ, квадратный милиметръ котораго состоитъ изъ двухъ или трехъ тысячъ микроскопическихъ оранжевыхъ, зеленыхъ или фіолетовыхъ экрановъ. Приготовленную такимъ образомъ поверхность покрываютъ особымъ лакомъ, показатель преломленія котораго очень близокъ показателю преломленія зеренъ картофельной муки, а на лакъ накладываютъ тонкій слой свѣточувствительной панхроматической эмульсіи желатинно-бромистаго серебра.

Экспозиція производится обыкновеннымъ образомъ въ обыкновенномъ фотографическомъ аппаратѣ, только обращаютъ всегда пластинку такимъ образомъ, чтобы свѣтъ, идущій отъ фотографируемаго предмета, раньше чѣмъ достигнуть свѣточувствительнаго слоя, проходилъ черезъ окрашенныя зерна крахмальной муки—наши микроскопическіе свѣтовые экраны.

Къ сожалѣнію, время для экспозиціи должно быть значительно продолжительнѣе, чѣмъ при обыкновенномъ фотографированіи. Объясняется это тѣмъ,

что въ данномъ случаѣ нужно брать очень тонкія, а слѣдовательно, слабочувствительныя эмульсіи; кромѣ того, фотографировать, какъ это было указано, черезъ стекло и слой зеренъ, хотя и тонкій, но все же значительно ослабляющій силу свѣта.

Проявленіе негативовъ ведется въ способѣ Люмьеровъ такъ же, какъ при обыкновенной фототипіи. Но если фиксировать изображеніе (въ сѣрноватистокисломъ натріи), то получается негативъ, какъ было уже указано выше, дающій въ проходящемъ свѣтѣ цвѣта, дополнительные цвѣтамъ оригинала. Для того, чтобы получить прямо позитивъ, нужно послѣ проявленія, но не производя фиксажа, произвести обратный процессъ, растворивъ возстановленное серебро, а затѣмъ, уже при вторичномъ проявленіи, возстановить серебро въ тѣхъ мѣстахъ пластинки, на которыя первоначально свѣтъ не подѣйствовалъ.

Изъ этого краткаго описанія люмьеровскаго метода цвѣтного фотографированія читатель видитъ, что геніально-простая идея французскихъ физиковъ встрѣчаетъ главное препятствіе для широкаго практическаго осуществленія только въ трудности приготовленія слоя микроскопическихъ цвѣтовыхъ экрановъ; всѣ же остальные процессы, какъ приготовленія пластинокъ, такъ и самаго фотографированія и проявленія, совершенно аналогичны методамъ обыкновенной фотографіи.

* * *

Кипящее озеро на островѣ Доминика. Недавнія изверженія на Мартиникѣ и Санъ-Вицентѣ привлекли вниманіе географовъ и геологовъ къ вулканической дѣятельности, проявляющейся на Антильскихъ островахъ. Безспорно однимъ изъ самыхъ интересныхъ явленій въ этой области нужно считать кипящее озеро на островѣ Доминика, наблюдавшееся и описанное Штернсъ-Фэделлемъ (Sterns-Fadelle). Кипящее озеро расположено на восточномъ склонѣ горъ острова Доминика, на высотѣ около 800 метровъ, на днѣ глубокой впадины, въ очагѣ вулканической дѣятельности. Озеро имѣетъ форму эллипса и когда оно полно воды, то длина его достигаетъ 65-ти метровъ, а ширина, въ среднемъ, 35 метровъ: берега его поднимаются отвѣсно, отъ 30 до 35 метровъ высотою. Черезъ трещину въ этой отвѣсной стѣнѣ излишекъ воды, когда озеро совершенно наполнено, вырывается горячимъ каскадомъ въ глубокое ущелье и соединяется съ водами рѣки (Pointe Mulâtre). Почва на берегахъ этого озера состоитъ большей частью изъ жирной и вязкой глины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ затвердѣвшей и покрывшейся хрупкой корою. Озеро питается кипящей водою подземнаго происхожденія, температура воды —83° Ц. Уровень озера колеблется очень значительно; иногда оно совершенно опорожняется и на днѣ его въ центрѣ можно наблюдать зіяющую трещину, черезъ которую вода прибываетъ снизу.

Облака паровъ, поднимающіеся съ озера, въ хорошую погоду являются иногда въ видѣ легкаго тумана, иногда же—въ періодъ дождей—настолько уплотняются, что покрываютъ озеро совершенно непроницаемой пеленою.

Кипящее озеро острова Доминика хотя и имѣетъ нѣкоторое сходство съ гейзерами, но все же отличается отъ послѣднихъ слѣдующими характерными

чертами. Прежде всего—своими большими размѣрами—такихъ гейзеровъ до сихъ поръ не было извѣстно, затѣмъ отсутствіемъ періодическихъ взрывовъ, столь характерныхъ для гейзеровъ. Воды озера то спокойны, поверхность его безъ малѣйшей ряби, то онѣ кипятъ какъ въ водоворотѣ и покрываютъ берега волнами. Отличается это озеро отъ гейзеровъ также и продолжительностью своего активнаго періода; тогда какъ періодъ взрыва у гейзеровъ продолжается всего отъ нѣсколькихъ минутъ до maximum $^3/_4$ часа, періодъ дѣятельности кипящаго озера гораздо продолжительнѣе: иногда оно кипитъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Наконецъ, тогда какъ гейзеры опорожниваются немедленно послѣ взрыва относительно короткой продолжительности, кипящее озеро сохраняетъ свои воды въ теченіе долгаго времени послѣ періода кипѣнія. Поэтому кипящее озеро острова Доминики ближе, чѣмъ къ гейзерамъ, подходитъ къ лавовому озеру, наблюдавшемуся Дана на Мауна-Лоа, около Килауэа, на островѣ Гаваи.

Штернъ-Фэделль считаетъ описанное имъ кипящее озеро однимъ изъ послѣднихъ проявленій дѣятельности медленно умирающаго вулкана, проявленіемъ непрерывно совершающихся въ подземныхъ слояхъ химическихъ реакцій; вулканическая дѣятельность обусловливается здѣсь, по его мнѣнію, разложеніемъ водою при дѣйствіи высокой температуры сѣрнистыхъ соединеній желѣза. Такимъ образомъ, кипящее озеро играетъ роль предохранительнаго клапана: постоянное выдѣленіе большихъ массъ кипящей воды разсѣиваетъ вулканическую энергію «Grande Soufriére» и тѣмъ не допускаетъ проявиться этой энергіи въ наиболѣе ужасной ея формѣ — въ изверженіяхъ лавы и грязи. Эта гипотеза подтверждается тѣмъ фактомъ, что кипящее озеро въ періоды своихъ изверженій, когда оно оправдываетъ свое названіе «кипящее», выдѣляетъ большія количества сѣро-водорода,—иногда настолько большія, что къ озеру нельзя подойти и нѣкоторые неопытные наблюдатели поплатились жизнью за свою настойчивость и любознательность.

II.

Біологія.

Современное состояніе вопроса о мускульномъ чувствѣ. Всѣ физіологи и психологи подъ выраженіемъ мускульное чувство теперь обыкновенно понимаютъ не ощущенія, которыя въ дѣйствительности сосредоточивались въ мускулахъ, но совокупность ощущеній, среди которыхъ главная роль принадлежитъ движенію нашихъ членовъ, ихъ положенію, вѣсу и сопротивленію (ощущенія органа зрѣнія при этомъ предполагаются исключенными).

Анализъ всѣхъ этихъ ощущеній представляетъ чрезвычайно большія затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, они слагаются, отчасти по крайней мѣрѣ, изъ ощущеній идущихъ отъ органовъ (мускуловъ, связокъ и т. п.), которые непосредственно опыту не поддаются. Несмотря на многочисленные инструменты и методы изслѣдованія, которыми въ настоящее время располагаютъ физіологія и психологія, ощущенія, изъ которыхъ слагается мускульное чувство, въ общемъ до сихъ поръ наименѣе точно изучены.

Въ №№ 4 и 5 журнала «Revue Scientifique» напечатана статья проф. *Курдона*, дающая прекрасную сводку работъ и наблюденій въ этой области. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ пользоваться этой прекрасной статьей.

Разсмотримъ ощущенія, каждое въ отдѣльности, изъ которыхъ главнымъ образомъ слагается мускульное чувство. Начнемъ съ ощущенія, которое мы испытываемъ при движеніи нашихъ членовъ. Различаютъ движенія пассивныя, активныя, движенія пассивныя, произведенныя механическимъ или электрическимъ раздраженіемъ, движенія одного изъ членовъ по отношенію къ той или другой части нашего тѣла и движенія всего нашего тудовища; но полное разсмотрѣніе этого завело бы насъ слишкомъ далеко. Точно также мы оставимъ въ сторонѣ зрительныя представленія при ощущеніяхъ движенія, совершаемыхъ съ закрытыми глазами.

Изъ органовъ, принимающихъ участіе въ образованіи ощущенія движенія того или другого изъ членовъ нашего тѣла назовемъ прежде всего кожу. При движеніи, напр., нашихъ пальцевъ, мы легко можемъ констатировать, какъ то кожа образуетъ складки, то сглаживается, что особенно замѣтно вокругъ сочлененій. Вѣроятно это растягиваніе и образованіе складокъ даетъ особое кожное ощущеніе, которое способствуетъ образованію представленія о движеніи нашихъ членовъ. Замѣтимъ кромѣ того, что, растягиваясь, кожа сдавливаетъ части, находящіяся подъ нею мускулы, связки и пр. Въ частяхъ такимъ образомъ сдавливаемыхъ, въ свою очередь, получаются извѣстныя ощущенія, которыя присоединяются къ кожнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кожныя ощущенія играютъ несомнѣнную роль въ представленіи о движеніи нашихъ членовъ; это бываетъ тогда, когда одинъ изъ членовъ перемѣщается по поверхности нашего тѣла, напр., когда мы проводимъ рукой по лбу и т. п.

Изъ другихъ органовъ, участвующихъ въ представленіи о движеніи назовемъ связки, апоневрозы, надкостницу, синовію, мускулы, сухожилія и сочленовныя поверхности. Всѣ эти органы обладаютъ чувствительностью и испытываютъ измѣненія при движеніяхъ нашихъ членовъ. Такъ, связки, окружающія сочлененія, при ихъ движеніи натягиваются и прижимаются съ одной стороны; надкостница сдавливается органами ее покрывающими, а эти органы также сдавливаются или растягиваются; мускулы испытываютъ измѣненія всѣмъ хорошо извѣстныя; сочленовныя же поверхности перемѣщаются по отношенію другъ къ другу.

Обратимся теперь къ фактамъ. Кожныя ощущенія не имѣютъ того вліянія въ образованіи представленія о движеніи, какое имъ можно было бы съ перваго взгляда приписать. Такъ, Гольдшейдеръ, много поработавшій надъ вопросомъ о мускульномъ чувствѣ, говоритъ объ одномъ случаѣ, наблюдавшемся имъ самимъ, гдѣ при сохраненія чувствительности кожи правой руки совершенно не ощущались, какъ пассивныя движенія ея, такъ и измѣненія положенія, за исключеніемъ только большихъ и быстро производимыхъ движеній. Броунъ-Секаромъ еще раньше было доказано, что при пораженіяхъ спинного мозга съ одностороннихъ, мускульное чувство страдаетъ на сторонѣ парализованной, но не на сторонѣ, потерявшей чувствительность. Дюшеннъ говоритъ о пораже-

ніяхъ спинного мозга, когда у нѣкоторыхъ больныхъ чувствительность кожи и мускуловъ одного изъ членовъ сохранялась въ значительной степени, и все же въ темнотѣ больные эти не ощущали движеній, производимыхъ этимъ членомъ. Въ другихъ случаяхъ Дюшеннъ наблюдалъ нечувствительность кожи, но это не мѣшало больнымъ ясно ощущать всѣ движенія своихъ членовъ.

При пассивныхъ движеніяхъ, производимыхъ механически, на кожу оказываетъ давленіе предметъ при посредствѣ котораго совершается это пассивное движеніе; поэтому можно было бы предположить, что движеніе ощущается благодаря ощущенію давленія. Но Гольдшедейромъ было доказано, что при уничтоженіи анэстезіей ощущенія давленія, ощущеніе движенія все же остается. Въ цѣломъ рядѣ опытовъ Гольдшейдеръ совершенно анэстезировалъ (фарадизаціей) кожу половины пальца, при этомъ по его словамъ: «Эта половина пальца производила на меня впечатлѣніе посторонняго тѣла, давленіе совершенно ею не ощущалось, уколы булавкой чувствовались только тогда, когда они были настолько сильны, что показывалась кровь. И несмотря на все это, у меня сохранилось характерное ощущеніе движенія, хотя надо добавить, что движенія для этого должны были быть болѣе обширными». Въ другихъ же случаяхъ, гдѣ электрическій токъ циркулировалъ въ свободномъ концѣ пальца, ощущеніе движенія и величина его остались тѣ же, какъ и при нормальныхъ условіяхъ, несмотря на то, что чувствительность кожи къ давленію этой половины пальца уменьшилась настолько, что и послѣ прекращенія фарадизаціи чувствительность оставалась пониженной.

Но фактъ еще наиболѣе удивительный:—ощущеніе движеній кажется независимымъ, по крайней мѣрѣ, для небольшихъ движеній, отъ чувствительности мускуловъ.

Такъ, въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ наблюдается, что больные теряютъ чувствительность мускуловъ, но все же сохраняютъ ощущеніе движеній, совершаемыхъ ихъ членами. Въ другихъ случаяхъ замѣчается обратное явленіе: ощущеніе движеній не существуетъ, чувствительность же мускуловъ сохранена.

Вотъ одинъ изъ случаевъ, приводимыхъ Дюшенномъ. Дѣло идетъ о дѣвушкѣ 22 лѣтъ, истеріей не страдающей.

Только чувсвтительность къ холоду и теплу у больной была сохранена: болевая чувствительность и осязаніе были потеряны; кромѣ того, больная ни ощущала даже сильнаго давленія, оказываемаго на ея мускулы; эти послѣдніе были также нечувствительны къ электрическому раздраженію. Несмотря на полную и общую нечувствительность всего тѣла больная могла свободно ходить при условіи пользованія зрѣніемъ. Если у больной, лежавшей съ закрытыми глазами, производили пассивныя движенія верхнихъ конечностей, то, несмотря на полную нечувствительность кожи и мускуловъ, она ощущала малѣйшее движеніе, которому подвергались сочлененія. Если то же самое продѣлывалось съ нижними конечностями, то ни о движеніи, ни о положеніи ихъ больная не имѣла никакого представленія. Дюшеннъ изъ этого заключаетъ, что въ 1-мъ случаѣ при нечувствительности кожи и мускуловъ верхнихъ конеч-

эстей у больной сохранилась чувствительность въ сочленовныхъ поверхностяхъ, потому она и ощущала движеніе и положеніе этихъ членовъ, а слѣдовательно, такъ называемое *мускульное* чувство—просто миоъ, созданный Ш. еллемъ. Во второмъ же случаѣ, при томъ же состояніи кожи и мускуловъ, и увствительность сочленовныхъ поверхностей также была уничтожена, а потому вижения и принимаемыя нижними конечностями положенія больной не ощущались, слѣдовательно, такъ называемое *мускульное* чувство принадлежитъ въ ѣйствительности сочленовнымъ поверхностямъ.

Надо замѣтить, что въ наблюденіяхъ Дюшенна есть слабое мѣсто; онъ, поидимому, не изслѣдовалъ чувствительности частей, окружающихъ непосредтвенно сочлененіе; связки, напр., въ данномъ случаѣ могли оставаться чувствительными и, можетъ быть, благодаря впечатлѣніямъ даваемымъ ими, движенія верхнихъ конечностей ощущались.

При опытахъ надъ здоровымъ человѣкомъ, можно также констатировать, что при сохраненіи чувствительности мускуловъ иногда бываетъ, что движенія не ощущаются. Опытъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать то или другое сочлененіе нечувствительнымъ, не дѣйствуя при этомъ на чувствительность мускуловъ. Легче всего произвести такой опытъ надъ пальцами. Чтобы произвести нечувствительность даннаго сочлененія, Гольдшейдеръ въ большинствѣ случаевъ прибѣгалъ къ фарадизаціи, причемъ движенія пальцевъ производились помощью спеціальнаго инструмента, дѣйствующаго автоматически.

Гольдшейдеръ нашелъ также, что движенія активныя ощущаются почти такъ же, какъ и движенія пассивныя, и что фарадизація сочлененій ослабляетъ также ощущеніе активныхъ движеній.

Блохомъ, въ свою очередь, было констатировано, что представленіе о положеніи руки, напр., остается по своей тонкости однимъ и тѣмъ же, будетъ ли данное положеніе придано рукѣ пассивно или активно. «Слѣдовательно, позволительно заключить,—говоритъ онъ,—что при движеніяхъ, производимыхъ руками, сознаніе о положеніи, которое онѣ занимаютъ, исходитъ изъ сложныхъ ощущеній, среди которыхъ ощущеніе, происходящее отъ сокращенія мускуловъ, играетъ очень незначительную роль».

Гольдшейдеръ держится мнѣнія Дюшенна, что ощущенія движенія исходятъ изъ сочленовныхъ поверхностей и локализируются въ нихъ, и что они не напоминаютъ намъ ощущеній, получаемыхъ съ кожи, и не имѣютъ ничего общаго съ ощущеніемъ положенія даннаго члена.

Бурдонъ же считаетъ, что мнѣніе это, признающее исключительно ощущенія, идущія отъ сочленовныхъ поверхностей, не вполнѣ доказаны, и думаетъ, что ощущеніе движенія въ большинствѣ случаевъ слагается изъ ощущеній, идущихъ отъ сочленовныхъ поверхностей, но также изъ ощущеній, идущихъ отъ связокъ и прочихъ частей, окружающихъ сочиненіе, за исключеніемъ кожи (которая, впрочемъ, по всей вѣроятности, въ извѣстной степени также способствуетъ воспріятію ощущенія движенія).

Ни опыты, продѣланные надъ здоровымъ человѣкомъ, ни наблюденія надъ больнымъ не даютъ достаточныхъ основаній приписывать сочленовнымъ по-

верхностямъ эту исключительную роль, хотя Левинсонъ упоминаетъ объ одномъ фактѣ, могущемъ, какъ будто бы подтвердить это. У больныхъ, страдающихъ спинной сухоткой, онъ производилъ медленныя и небольшія движенія въ сочлененіяхъ ноги, колѣнъ и бедра, причемъ то придавливалъ концы сочлененій другъ къ другу, то не дѣлалъ этого. Въ первомъ случаѣ больные вполнѣ точно опредѣляли движеніе, во второмъ же для нѣкоторыхъ сочлененій они не могли этого сдѣлать. Но вѣдь разница въ обоихъ случахъ могла заключаться въ томъ, что больные судили о движеніи по давленію, которое производилось при движеніи членовъ и было въ 1-мъ случаѣ сильнѣе, чѣмъ во 2-омъ.

Замѣтимъ, что можно ощущать движеніе и безъ того, чтобы совершать перемѣщеніе сочленовныхъ поверхностей по отношенію другъ къ другу, что наблюдается, напримѣръ, при движеніяхъ языка или глазъ. Также, при спускѣ, напр., въ вагонеткѣ въ копяхъ съ закрытыми глазами, моментами, ясно испытывается дѣйствительное или ошибочное ощущеніе, что спускаешься или подымаешься. И здѣсь это ощущеніе нельзя приписать перемѣщенію сочленовныхъ поверхностей.

Мы разсмотрѣли движеніе нашихъ членовъ, являющееся однимъ изъ факторовъ, создающихъ такъ называемое мускульное чувство. Разсмотримъ теперь остальные факторы, обусловливающіе его—сначала ощущеніе вѣса, а затѣмъ и сопротивленія нашихъ членовъ.

Вѣсъ какого-нибудь предмета можетъ быть ощущаемъ, благодаря, главнымъ образомъ, двумъ родамъ ощущеній: ощущенію давленія въ томъ мѣстѣ тѣла, гдѣ приложенъ этотъ предметъ, и ощущенію, которое можно считать специфическимъ ощущеніемъ вѣса, и которое констатируется въ моментъ, когда данный предметъ снимается или взвѣшивается. Часто смѣшиваютъ между собой вѣсъ и сопротивленіе. Но Гольдшейдеръ различаетъ ихъ. По его мнѣнію ощущеніе вѣса сосредоточивается въ сухожиліяхъ и замѣчается благодаря увеличенію ихъ натяженія; ощущеніе же сопротивленія, наоборотъ, какъ и движенія, сосредоточивается, въ сочленовныхъ поверхностяхъ и происходитъ благодаря давленію другъ на друга концовъ сочлененія.

Бурдонъ принимаетъ, что оба эти ощущенія сводятся къ одному — къ ощущенію усилія. Когда мы дѣлаемъ усиліе, чтобы смѣстить препятствіе, чтобы согнуть пружину, чтобы сжать или растнуть какое-нибудь эластическое тѣло, чтобы поднять тяжесть, мы ощущаемъ, по его мнѣнію, во всѣхъ этихъ случаяхъ одни и тѣ же ощущенія: съ одной стороны постолько, поскольку сопротивленіе не побѣждено и нѣтъ движенія нашихъ членовъ, мы различаемъ ощущеніе, которое мы можемъ назвать ощущеніемъ сопротивленія или усилія, съ другой стороны, когда сопротивленіе побѣждено и намъ удается привести тѣло въ движеніе, у насъ получается ощущеніе движенія, сопровождаемаго усиліемъ.

Гольдшейдеръ приводитъ случай, упоминаемый Гитцигомъ и доказывающій, что ощущеніе сопротивленія исходитъ изъ сочленовныхъ поверхностей. Больной, котораго изслѣдовалъ Гитцигъ, чувствовалъ самое легкое постукиваніе концомъ пальца по его пяткѣ, несмотря на то, что кожа пятки была настолько

:ечувствительна, что больной не ощущалъ ни сдавленія складки кожи, ни лубокіе уколы булавкой. Слѣдовательно, испытуемое ощущеніе, заключаетъ 'итцигъ, должно происходить въ сочлененіяхъ плюсны или ноги. Противъ того заключенія можно только сказать, что если у больного была бы и деревянная нога, то онъ такъ же бы чувствовамъ удары, по ней, какъ мы чувствуемъ удары, произведенные по палкѣ. А потому въ данномъ случаѣ не имѣло никакого значенія, существуетъ ли чувствительность въ пяткѣ или отсутствуетъ и заключить по ея отсутствію, что ощущеніе удара исходило изъ сочлененій, совершенно невозможно.

Наиболѣе характернымъ опытомъ, цитируемымъ Гольдшейдеромъ для доказательства, что ощущеніе сопротивленія происходитъ вслѣдствіе сдавливанія сочленовныхъ поверхностей, является слѣдующій опытъ. Указательный палецъ лѣвой руки согнуть такъ, что конецъ его приходится въ уровень съ запястно-пальцевымъ сочлененіемъ; ударяютъ этимъ пальцемъ по столу, получается, конечно, ясное ощущеніе сопротивленія. Тогда подвергаютъ фарадизаціи первое пальцевое сочлененіе, продолжая ударять по столу, и констатируютъ при этомъ, что ощущеніе сопротивленія чрезвычайно ослабѣло; столь же кажется какимъ-то мягкимъ предметомъ. Послѣ этого вытягиваютъ палецъ, продолжая электризацію и ударяя пальцемъ, вытянутымъ вертикально; при этомъ ощущеніе сопротивленія все же получается хотя немного менѣе ясное, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ.

Бурдонъ повторилъ этотъ опытъ и не нашелъ разницы въ ощущеніяхъ о которыхъ говоритъ Гольдшейдеръ. Все равно былъ ли палецъ согнутъ или вытянутъ, Бурдонъ испытывалъ при ударахъ по столу ощущеніе чего-то слегка мягкаго. Причину же этого онъ видитъ въ нечувствительности конца пальца, при ударахъ которымъ получалось только тупое ощущеніе давленія.

Словомъ, доказательства, приводимыя для того, чтобы показать, что ощущеніе вѣса и сопротивленія—два различныя ощущенія и исходятъ изъ различныхъ органовъ, не выдерживаютъ критики. Поэтому слѣдуетъ говорить только объ ощущеніи вѣса или только объ ощущеніи сопротивленія. Никто теперь не станетъ утверждать, что ощущеніе это исходитъ изъ кожи, точно также какъ оно не исходитъ изъ сдавливаемыхъ сочленовныхъ поверхностей. Если расположить вокругъ сочлененія каучуковыя полоски, натянутыя настолько, чтобы онѣ могли бы сильно придавливать оба конца одного и того же сочлененія, то никакого ощущенія вѣса не испытываешь, даже если повернуть сочлененіе, при томъ, конечно, условіи, чтобы каучуковыя полоски уравновѣшивали бы другъ друга. Ощущеніе же вѣса получается, какъ только полоска, съ одной стороны натянута больше, чѣмъ съ другой, когда, слѣдовательно, для совершенія движенія необходимо побѣдить сопротивленіе.

Займемся теперь представленіемъ о положеніи нашихъ членовъ и частей нашего тѣла. Возьмемъ сначала часть поверхности тѣла, напр., лобъ, различныя точки котораго не мѣняютъ своего положенія по отношенію другъ къ другу. Двѣ точки на лбу мы будемъ различать тогда, когда онѣ находятся на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга и подвергнуты одинаковымъ раздражи-

телямъ. Кромѣ того, если дотрагиваться до 2-хъ точекъ одновременно или последовательно, то мы ощущаемъ, съ большей или меньшей точностью, разстояніе, ихъ раздѣляющее, прямую линію, проходящую между ними; словомъ, безъ всякаго движенія нашихъ членовъ, у насъ получается представленіе о положеніи этихъ точекъ, для чего необходимо получить впечатлѣнія отъ органовъ кожи, завѣдующихъ ея чувствительностью.

Совсѣмъ иное получится, если мы возьмемъ, напр., указательный и большой палецъ—части, которыя могутъ передвигаться. Указательный палецъ по отношенію къ большому можетъ принять 1.000 различныхъ положеній. При раздраженіяхъ опредѣленныхъ точекъ на нихъ, мы сможемъ отличить большой палецъ отъ указательнаго, но ничего не узнаемъ о положеніи ихъ, находятся ли они, напр., другъ отъ друга на разстояніи 1 или 5 сантим.; въ обоихъ случаяхъ, если предположить оба пальца вытянутыми, ощущенія, которыя последовательно образуются въ запястно-пальцевымъ сочлененіи указательнаго пальца, будутъ различны для обоихъ разстояній. Ощущенія эти будутъ тѣже, что и тѣ, при посредствѣ которыхъ мы ощущаемъ движенія нашихъ членовъ. И дѣйствительно, движеніе есть не что иное, какъ перемѣщеніе положенія; слѣдовательно, при этомъ послѣднемъ участвуютъ также ощущенія, полученныя съ кожи, съ сочленовныхъ поверхностей и органовъ ихъ окружающихъ.

Патологическія явленія подтверждаютъ предыдущее объясненіе и показываютъ, что если сохраняется ощущеніе движенія нашихъ членовъ, то сохранятся и представленіе о положеніи ихъ. Представленіе о положеніи женіи, какъ и о движеніи можетъ существовать и при нечувствительности мускуловъ. Лейденъ приводитъ случай, гдѣ параличъ разгибателей предплечья существовалъ съ давнихъ поръ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, аналогичныхъ ему, Лейденъ былъ пораженъ, что способность судить о положеніи по движенію, которое заставляли пассивно совершать пальцы, совершенно не утратилась и не ослабѣла! Изъ этого Лейденъ заключилъ, что чувствительные нервы, находящіеся въ мускулахъ, сами по себѣ не даютъ ощущенія движенія и положенія членовъ.

Въ общемъ, здѣсь нужно придти къ тому же заключенію, къ которому мы пришли, когда говорили о движеніи, т.-е., что представленіе о положеніи частей нашего тѣла, подвижныхъ по отношенію другъ къ другу, являются результатомъ совокупности ощущеній, полученныхъ, главнымъ образомъ, съ сочленовныхъ поверхностей и частей ихъ окружающихъ (связки и пр.). Вполнѣ вѣроятно, что къ нимъ присоединяются ощущенія, происходящія отъ растягиванія кожи и образованія въ ней складокъ.

* * *

Растенія и морозъ. Въ одномъ изъ весеннихъ №-овъ журнала «Ciel et terre» г. Вандерлинденъ далъ весьма интересную и обстоятельную сводку научныхъ данныхъ, касающихся вопроса о вліяніи мороза на растенія. Мы пользуемся этими данными.

Нерѣдко весной или осенью ранніе морозы дѣйствуютъ на растенія чрез-

вычайно пагубно. Растенія съ успѣхомъ борются съ недостаткомъ или излишкомъ влаги, свѣта и пр., но они почти безпомощны въ борьбѣ съ холодомъ.

Осенью и весною охлажденіе происходитъ обыкновенно по ночамъ, вслѣдствіе лучеиспусканія самого растенія, причемъ величина лучеиспусканія различна у различныхъ видовъ. Присутствіе же росы на листьяхъ, какъ это показалъ Майеръ, уменьшаетъ коэфиціентъ ихъ лучеиспусканія.

Оставляя въ сторонѣ индивидуальную устойчивость и сопротивленіе холоду каждаго отдѣльнаго растенія, надо замѣтить, что вредъ, наносимый заморозками и холодомъ вообще, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ факторовъ— продолжительности и интенсивности холода. Растенія очень чувствительныя къ холоду переносятъ безъ вреда низкую температуру впродолженіи короткаго промежутка времени, но тѣ же растенія погибаютъ подъ вліяніемъ и менѣе низкой температуры, но дѣйствующей болѣе продолжительно. Опыты Гепперта показали, что растенія, устоявшія противъ температуры въ —2° и —3°, дѣйствовавшей не долго, погибали, наоборотъ, если ихъ продолжительное время держали при температурѣ въ —2°. Фактъ этотъ можно легко провѣрить осенью и весной. Такъ, у поверхности земли minimum температуры по ночамъ значительно падаетъ, безъ всякаго вреда для нѣжныхъ растеній, находящихся на одномъ уровнѣ съ землей. Эти низкія температуры, въ общемъ, безвредны, такъ какъ бываютъ въ большинствѣ случаевъ къ концу ночи, передъ восходомъ солнца. При появленіи же солнца на горизонтѣ, охлажденіе растеній прекращается и температура ихъ подымается. Для провѣрки этого факта Вандерлинденъ поставилъ нѣсколько опытовъ въ концѣ прошлой осени. Растенія были посажены въ концѣ лѣта въ открытомъ мѣстѣ. Минимальные термометры были укрѣплены на металлической подставкѣ такъ, чтобы шарики касались верхней поверхности листьевъ. Опыты подтвердили вполнѣ вышесказанное, и многія нѣжныя растенія отлично выдерживаютъ температуру гораздо ниже 0°, при условіи, что она длится короткій промежутокъ времени. Интересно также, что въ то время, какъ на поверхности листьевъ термометръ показывалъ —5,4°, —4,7°, —4,9° и пр., смотря по виду растеній, на поверхности земли температура была —8,7, или на поверхности листьевъ она равнялась —1,2, —0,3°, +0,1°, +1,0°, тогда какъ на одномъ уровнѣ съ землей термометръ показывалъ —4,5° и т. д.

Растенія обладаютъ свойствами, благодаря которымъ они въ состояніи защищаться противъ холода, свойства эти не только видовыя, но и до нѣкоторой степени индивидуальныя, и по Ноллю они измѣняются даже на одномъ и томъ же деревѣ, въ каждой его вѣткѣ.

Иногда удается путемъ подбора усилить у нѣкоторыхъ видовъ растеній эти свойства. Созданіе такихъ выносливыхъ крѣпкихъ расъ получаетъ громадное значеніе въ садоводствѣ и земледѣліи; въ этомъ отношеніи достигнуто уже многаго — созданы замѣчательныя разновидности среди бобовыхъ растеній и кормовыхъ травъ.

Большинство садоводовъ и агрономовъ придерживается еще того мнѣнія, что растеніе убиваетъ не морозъ, а скорѣе быстрое оттаиваніе и часто за-

мерзшее растеніе стараются спасти тѣмъ, что заставляютъ его медленно оттаивать, поливая въ то же время холодной водой. Извѣстный нѣмецкій ботаникъ Юлій Саксъ раздѣлялъ это мнѣніе, но систематическія изслѣдованія Гепперта. Мюннера-Тургау и Гуго де-Фриза доказывали противное. Растеніе подверженное въ теченіе достаточно долгаго времени вліянію температуры болѣе низкой, чѣмъ minimum температуры тканей даннаго растенія, погибаетъ, безразлично идетъ ли оттаиваніе быстро или медленно. Съ другой стороны извѣстно, что быстрое оттаиваніе не убиваетъ растеній, которыя приспособились переносить температуры ниже 0° Ц. Наконецъ, изслѣдованія Кюне еще въ 1864 г. показали, что растительная протоплазма склеивается и съеживается уже до оттаиванія. Да и въ природѣ многія растенія уже самымъ своимъ мѣсторожденіемъ осуждены испытывать быстрыя и значительныя измѣненія температуры; вспомни хотя бы растенія полярныхъ странъ и высокихъ горныхъ вершинъ: для многихъ изъ нихъ переходъ изъ тепла къ солнцепеку совершается очень быстро и такъ же быстро идетъ ихъ оттаиваніе и все же они не погибаютъ.

Но въ большинствѣ случаевъ значительныя и часто повторяющіяся термическія колебанія дѣйствуютъ на растеніе крайне вредно вслѣдствіе происходящаго при этомъ физіологическаго разстройства.

Минимумъ температуры тканей растенія, ниже которой прекращаются жизненныя отправленія растеній, вѣроятно, колеблется отъ вида къ виду и отъ индивидуума къ индивидууму. Нѣкоторыя растенія погибаютъ уже при температурахъ въ 2°, 5° Цельзія, а съ другой стороны, температура Якутска и Верхоянска, спускающаяся часто до 60° ниже нуля, не мѣшаетъ все же флорѣ этихъ мѣстъ насчитывать около 200 видовъ. Для большинства растеній жаркихъ странъ температура немного ниже 0° Ц. является уже смертельной. Послѣднее, впрочемъ, обусловливается отчасти тѣмъ, что жидкости, содержащіяся въ растительныхъ тканяхъ, состоятъ не изъ чистой воды, а изъ растворовъ различныхъ солей и органическихъ веществъ, къ тому же циркулирующихъ въ капиллярныхъ пространствахъ. При этихъ условіяхъ, какъ извѣстно, точка замерзанія значительно понижается. Во всякомъ случаѣ самое замерзаніе тканевыхъ жидкостей играетъ въ смерти растенія отъ холода менѣе важную роль, чѣмъ думали раньше, приписывая смерть замершаго растенія разрыву тканей вслѣдствіе расширенія замерзшихъ жидкостей, находящихся въ клѣткахъ. Во-первыхъ, извѣстно большое число видовъ, которые переносятъ такое замерзаніе нѣсколько разъ. Во-вторыхъ, микроскопическія изслѣдованія показали, наоборотъ, что въ большинствѣ случаевъ растительныя оболочки остаются при замораживаніи растенія неповрежденными и что ледъ образуется внѣ клѣтокъ въ межклѣточныхъ, обыкновенно наполненныхъ воздухомъ, пространствахъ. Образовавшіеся такимъ образомъ кристаллы льда растутъ, благодаря замерзанію воды, притекающей въ межклѣточныя пространства изъ сосѣднихъ клѣтокъ; вслѣдствіе сильнаго увеличенія объема эти кристаллы могутъ иногда сжать частью уже опустѣлыя клѣтки или прорвать ихъ оболочки, но это давленіе идетъ снаружи, а не извнутри клѣтокъ.

Все это заставляетъ подозрѣвать, что основнымъ, самымъ важнымъ въ дан-

номъ случаѣ дѣйствіемъ мороза нужно считать молекулярное измѣненіе клѣточныхъ оболочекъ, вслѣдствіе чего протоплазма клѣтокъ теряетъ способность удерживать жидкости. Клѣтки, лишенныя своихъ соковъ, теряютъ мало-помалу тургесценцію *) и умираютъ «отъ жажды».

Тотъ или иной минимумъ температуры растительныхъ тканей зависитъ отъ многихъ факторовъ, изъ которыхъ главными являются состояніе здоровья растенія, его возрастъ, то или иное содержаніе въ немъ растворовъ и степень одеревенѣнія его органовъ: чѣмъ болѣе въ растеніи жидкостей, тѣмъ болѣе оно чувствительно къ дѣйствію мороза. Такъ, напримѣръ, хорошо установлено, что холодная зима, слѣдующая за влажнымъ и малосолнечнымъ лѣтомъ, особенно вредна для деревьевъ и кустарниковъ, такъ какъ при этихъ условіяхъ вѣтви ихъ недостаточно одеревенѣли, и часто переполнены еще жидкостями даже тогда, когда наступаютъ уже большіе холода. Это объясняетъ намъ также, почему запоздалые весенніе морозы по большей части опаснѣе для растенія, чѣмъ преждевременные осенніе: весной органы растеній еще не сформировались, они нѣжны, содержатъ много воды и мало минеральныхъ веществъ.

Сухость и вѣтеръ дѣлаютъ морозы еще болѣе вредными, такъ какъ при этихъ условіяхъ усиливается выдѣленіе растеніями влаги и, слѣдовательно, увеличивается потребность въ ней. Многочисленныя изслѣдованія показали, что поглощеніе воды корнями растеній уменьшается, когда температура падаетъ и стремится къ 0^{0}. Нѣкоторыя растенія, даже высоко культурныя, какъ, напримѣръ, табакъ, вянутъ, если температура влажной почвы, въ которой находятся ихъ корни, опускается всего до 2^{0} или даже 4^{0} Ц. Когда почва холодная, а воздухъ сухъ, то потеря воды, вслѣдствіе усиленнаго испаренія, не можетъ быть соотвѣтственно возстановлена и къ другимъ вреднымъ вліяніямъ холода присоединяется еще «жажда». Такимъ образомъ можно считать, что съ физіологической точки зрѣнія сильный холодъ дѣйствуетъ на растеніе также, какъ и сильная сухость.

В. Аг.

---

*) *Тургесценціей* ботаники называютъ напряженіе содержимаго растительныхъ клѣтокъ на ихъ оболочки, обусловленное осмотическимъ процессомъ, происходящимъ между клѣточнымъ сокомъ и различными жидкостями, находящимися внѣ ея.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Ноябрь. 1904 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.— Публицистика. — Исторія русская. — Естествознаніе. — Географія и путешествія.— Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Л. Гуревичъ. „Сѣдокъ“ и др. разск.—*Сологубъ.* „Жало смерти“ и др. разск.— *Шницлеръ.* „Одинокимъ путемъ“, драма въ 5 дѣйств.—*М. Ломшаковъ.* „Сборникъ стихотвореній и отрывковъ прозы изъ всемірной литературы“.

«Сѣдокъ» и другіе разсказы Л. Гуревичъ. Изд. Пирожкова. Спб. 1904 г. Почти всѣ разсказы Л. Гуревичъ изображаютъ «уголки души». Въ этомъ ихъ главное отличіе отъ манеры прежнихъ писателей реалистической школы, которые изображали «уголки жизни»: внѣшняя реально-бытовая жизнь почти не ощущается въ произведеніяхъ Л. Г. или служитъ только обстановкой дѣйствія, если можно назвать «дѣйствіемъ» изображеніе одного какого-нибудь психологическаго момента, отдѣльнаго душевнаго состоянія, настроенія. Словомъ «настроеніе», дѣйствительно, всего ближе характеризуются эти изящные, тонкой ажурной работы наброски, и хотя этотъ терминъ за послѣднее время порядочно затасканъ, содержаніе «настроеній» автора не банально: разсказы проникнуты несомнѣнной искренностью и оживлены индивидуальнымъ воспріятіемъ автора. Передавать ихъ содержаніе почти невозможно—вся суть въ изложеніи, а темы сами по себѣ мало говорятъ. Что думаетъ и чувствуетъ, напримѣръ, извозчикъ, съ утра до вечера, а то и поздней ночной порой везущій «сѣдока» по улицамъ и переулкамъ большого города? Такова тема перваго разсказа. Но не представляется ли намъ самимъ «извозчикъ» какимъ-то собирательнымъ лицомъ, на котораго именно «сѣдоки» склонны смотрѣть, какъ на движущуюся машину, въ слитномъ представленіи съ лошадью и экипажемъ, какъ нѣчто цѣльное, предназначенное искони служить для передвиженія изъ конца въ конецъ? Мы помнимъ, конечно, превосходный разсказъ Чехова «Тоска», въ которомъ извозчикъ-человѣкъ встрѣтилъ безмолвное сочувствіе только въ своей же лошади, которой повѣдалъ о тяжеломъ горѣ, постигшемъ его. Г-жа Гуревичъ иначе развернула передъ нами «настроеніе» извозчика и заканчиваетъ обобщенымъ, слитнымъ, почти символическимъ образомъ «сѣдока», который какъ кошмаръ, преслѣдуетъ бѣднаго извозчика, радующагося возможности хоть какънибудь отъ него избавиться. За его спиной раздавались крики сѣдока: «Право! лѣво! право! лѣво!»; потомъ послѣ долгой ѣзды, когда нетерпѣливый сѣдокъ толкаетъ его въ спину, ему чудится, что «со спины и боковъ напирали на него такъ сильно, что ребра его вдавливались, какъ длинные, острые когти, во внутренность груди, рѣзали и душили его... Тамъ за спиною былъ Сѣдокъ, этотъ неотвязный Сѣдокъ, котораго онъ возилъ всю ночь... и не одну только эту ночь, а Богъ знаетъ съ какихъ поръ, — вѣчный, неизбѣжный Сѣдокъ, страшный»... И когда, наконецъ, извозчикъ, впавъ въ полубезсознательное со-

стояніе, почувствовалъ избавленіе отъ того, кого онъ принужденъ былъ возить и возить,—«онъ больше ничего не боялся. Сѣдокъ терялъ надъ нимъ всякую власть»... Въ этомъ разсказѣ, гдѣ образъ сѣдока принимаетъ какіе-то фантастическіе размѣры, чувствуется элементъ символизма, завершающій изображеніе отдѣльнаго случая. Точнѣе—это переходъ къ аллегоріи, такъ какъ образъ, лишаясь своей конкретной оболочки, расплывается въ отвлеченное олицетвореніе сѣдока вообще, на подобіе какой-то аллегорической фигуры. Положеніе само по себѣ вполнѣ реальное: отвлеченный сѣдокъ характеризуетъ лишь душевное настроеніе полузамерзшаго извозчика, ту безсознательную мозговую работу, которая привела къ обобщенію въ одинъ фантастическій образъ многихъ и многихъ сѣдоковъ, отпечатлѣвшихся въ «уголкѣ души» извозчика, поскольку онъ удѣлялъ вниманіе тѣмъ, кого онъ возилъ. Правда, въ его сознаніи, пока онъ разъѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, мелькаютъ и другія черты его личной жизни, вспоминается тяжелая деревенская драма, но цѣль автора — выяснить именно отношеніе извозчика къ Сѣдоку, и эта цѣль достигнута, при сохраненіи общей реальной основы наброска, лишь съ незначительной примѣсью символизма, котораго, впрочемъ, мы не встрѣчаемъ въ другихъ разсказахъ. Вотъ, далѣе, разговоръ о настроеніяхъ людей, къ которымъ обращаются за помощью: попутно характерное описаніе настроеній игрока и выводъ — твори добро, не задумываясь, такъ какъ и просящіе, и дающіе подвержены одинаковымъ слабостямъ («У рулетки»). Нѣсколько дальше, въ оригинальномъ освѣщеніи представлена тема о «ребенкѣ», прижитомъ, такъ сказать, попутно, во время заѣзда въ провинціальный городъ, какимъ-то присяжнымъ повѣреннымъ отъ приглянувшейся ему прачки: мать не захотѣла воспользоваться щедротами случайнаго отца. Связь—въ результатѣ мимолетнаго настроенія, раздумье человѣка, случайно узнавшаго, что онъ отецъ, настроеніе матери, не признающей правъ такого человѣка на опеку надъ ней и надъ ребенкомъ—изъ этихъ мотивовъ сотканъ узорчатый, какъ кружево, эскизъ, выразительный въ своей сжатости. И, конечно, бѣгство матери съ ребенкомъ заставляетъ больше задуматься «отца» надъ значеніемъ такихъ мимолетныхъ связей, чѣмъ какое бы то ни было требованіе законнаго «обезпеченія». А вотъ еще «уголокъ души» молодой дѣвушки, выслушавшей первое объясненіе въ любви: у нея уже умерла мать, бывшая артистка, и взята она на воспитаніе своимъ «незаконнымъ» отцомъ, какимъ-то профессоромъ. Отецъ ее очень любитъ, ласкаетъ, но ему постоянно «некогда», и когда она въ душевной тревогѣ обратилась къ нему за совѣтомъ въ вопросѣ, имѣющемъ для нея столь серьезное значеніе, онъ «по разсѣянности» три дня проносилъ въ карманѣ ея записку, не раскрывъ ее; душевное состояніе дѣвушки за это время передано съ большой выразительностью. Мы не въправѣ предъявлять автору требованій давать намъ больше того, что онъ намѣтилъ: если онъ остановился на эскизныхъ работахъ, если изображаетъ не цѣльныхъ людей, не даетъ картинъ жизни, а ограничиваетъ свою область описаніемъ «настроеній» и «уголковъ души», то это, конечно, его добрая воля, лишь бы въ своей области онъ выполнялъ намѣченное имъ самимъ. И съ этой точки зрѣнія г-жа Гуревичъ дала интересный сборникъ, въ которомъ, быть можетъ, не всѣ разсказы одинаковаго достоинства, есть и болѣе и менѣе значительные, и даже совсѣмъ незначительныя (какъ, напримѣръ «Странная исторія», которая остается и непонятной), но, если считаться съ датами, которыми помѣчены разсказы, нетрудно замѣтить, что лучшіе очерки относятся именно къ послѣднимъ годамъ. Наши читатели, вѣроятно, помнятъ одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ Л. Г. «Въ снѣга», напечатанный въ прошломъ году въ «Мірѣ Божіемъ». Упомянутые выше очерки также написаны уже въ «двадцатомъ вѣкѣ», не столь давно, тогда какъ первый и наиболѣе слабый разсказъ («Порученіе») помѣченъ 1893 годомъ, стало быть, появился больше десяти лѣтъ тому назадъ.

Этотъ фактъ несомнѣннаго усовершенствованія писателя представляетъ весьма отрадное явленіе, и намъ остается только пожелать автору, чтобы въ его дальнѣйшемъ прогрессированіи не было заминокъ. Мы не можемъ не отмѣтить въ заключеніе, что какъ бы г-жа Гуревичъ ни обособлялась въ изображеніи лишь интимной области изолированныхъ настроеній, у нея сохраняется общій фонъ общественно-этическихъ воззрѣній, къ ея же выгодѣ отдѣляющій ее отъ того антисоціальнаго индиферентизма, который почему-то считался раньше неизбѣжнымъ аттрибутотъ чисто психологическихъ этюдовъ. Противоположеніе это совершенно незаконное, и мы рады случаю отмѣтить, хотя бы на двухъ-трехъ приведенныхъ примѣрахъ, что «настроеніе» г-жи Гуревичъ не чуждается темъ, имѣющихъ нѣкоторое и общественное значеніе. *Ѳ. Бат—овъ.*

Ѳедоръ Сологубъ. Жало смерти, и др. разсказы. Изд. «Скорпіонъ». Москва. 1904 Ц. 1 р. 50 к. Смерть, безспорно, величайшее явленіе въ мірѣ, едва ли не главное, что заставляетъ задумываться людей надъ вопросами, зачѣмъ мы живемъ, въ чемъ смыслъ жизни, что насъ ожидаетъ «тамъ» и есть ли что «тамъ». И сборникъ разсказовъ, весь посвященный смерти въ различныхъ ея проявленіяхъ въ мірѣ людей, несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. Но что сдѣлалъ изъ этого трагическаго вопроса г. Сологубъ! Въ первомъ разсказѣ «Жало смерти» два мальчика сначала начинаютъ заниматься извѣстнымъ въ этомъ возрастѣ порокомъ, а потомъ вдругъ топятся, такъ, что называется—здорово живешь, потому что старшій приходитъ къ внезапному заключенію, что «здѣсь гадко жить... Здѣсь не пожуешь долго, такъ и умрешь, отъ кусковъ какихъ-то глупыхъ, и отъ тѣхъ зависишь,—а тамъ свобода... Будешь свободный и никто тебя не возьметъ». Малышъ начитался, очевидно, изданій «Скорпіона» и разсуждаетъ, какъ самый заправскій членъ этого издательства или сотрудникъ «Новаго Пути». Въ слѣдующемъ разсказѣ «Землѣ земное» герой тоже мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати не болѣе, но уже прошедшій тоже основательно школу русскаго декадентства и весь ушедшій въ изученіе «таинственныхъ шороховъ», «тайнахъ, мучительныхъ» порываній, ищущій «страшнаго», изъ желанія «мучительствъ» упрашивающій отца «выпороть его розгами», мечтающій о смерти. Его, однако, г. Сологубъ почему-то пощадилъ. Зато всѣхъ остальныхъ своихъ героевъ, тоже все дѣтей, онъ истребляетъ безжалостно: они топятся, рѣжутся, бросаются изъ оконъ. Всѣми дѣтьми въ его разсказахъ овладѣваетъ бѣшеная манія смерти, повидимому, отъ чрезмѣрнаго чтенія «Новаго Пути», стиховъ г. Брюсова и самого Сологуба. Иначе нельзя ничѣмъ объяснить эту ихъ страсть къ самоубійству въ связи съ тайными похотливыми мечтами. Центральнымъ произведеніемъ въ книжкѣ является разсказъ «Красота», освѣщающій и осмысляющій всю книгу. То, что въ дѣтяхъ г. Сологуба только чуть смутно брезжитъ—похоть и сладострастье, въ его дѣвицѣ Еленѣ горитъ яркимъ сжигающимъ ее огнемъ. Только что похоронивъ мать, дѣвица Елена удаляется въ свою комнату и здѣсь: «она зажгла передъ зеркаломъ свѣчи и медленно обнажила свое прекрасное тѣло. Вся бѣлая и спокойная стояла она передъ зеркаломъ и смотрѣла на свое отраженіе. Отсвѣты отъ лампъ и отъ свѣчъ пробѣгали по ея кожѣ и радовали Елену. Нѣжная, какъ едва раскрывшаяся лилія съ мягкими еще примятыми листочками, стояла она, и безгрѣшная алость разливалась по ея дѣвственному тѣлу. Казалось, что сладкій и горькій миндальный запахъ, вѣющій въ воздухѣ, исходитъ отъ ея нагого тѣла. Сладостное волненіе томило ее и ни одна нечистая мысль не возмущала ея дѣвственнаго воображенія»... Съ тѣхъ поръ это занятіе ей понравилось и стала она предаваться ему ежедневно. Но какъ-то она не заперлась и ее подсмотрѣла горничная, это возмутило ея «дѣвственное» воображеніе, и Елена зарѣзалась. Только и всего.

Выводъ изъ этихъ разсказовъ ясенъ: не слѣдуетъ дѣтямъ и дѣвицамъ увле-

каться декадентствомъ, ибо послѣдствія для нихъ тяжки и непріятны. Что же касается самого автора, то ему слѣдуетъ серьезно заняться своей нервной системой. Боимся, что «дьяволъ», «недотыкомка сѣрая» и прочая нечисть, на которую онъ жалуется въ своихъ стихахъ, овладѣли имъ не на шутку. Старецъ Зосима въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» посовѣтовалъ одному злополучному «монашку», въ подобномъ же случаѣ, прибѣгнуть къ «пурганцу», проще къ нѣкоему очистительному средству, которое оказалось очень полезнымъ, по свидѣтельству Достоевскаго...

А. Б

«Одинокимъ путемъ». Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ Артура Шнитцлера. Пер. съ нѣмецкаго А. Ф. Даманской. Спб. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». 1904 г. Ц. 50 коп. Въ пьесѣ Шнитцлера дѣйствіе происходитъ между людьми, которые «ничего другъ о другѣ не знаютъ, едва сознаютъ взаимныя отношенія и какъ будто обречены на то, чтобы разсѣяться по свѣту» (стр. 33). Такъ говоритъ о дѣйствующихъ лицахъ одно изъ нихъ, фрау Веграть, которой только и близки всѣ эти люди. Но такъ какъ фрау Веграть умираетъ въ первомъ же дѣйствіи, то естественныя, созданныя жизненными отношеніями связи между прочими персонажами пьесы окончательно исчезаютъ, а уготованное обстоятельствами для фрау Веграть центральное мѣсто въ драмѣ остается послѣ ея смерти незанятымъ.

Исходя изъ такой завязки, Шнитцлеръ вполнѣ резонно лишилъ всѣ пять дѣйствій своей пьесы всякаго дѣйствія. Ибо что дѣлать вмѣстѣ людямъ, которые «обречены на то, чтобы разсѣяться по свѣту»? Это отлично понимаютъ и сами дѣйствующія лица, а потому и систематически стараются увѣрить другъ друга, что въ сущности ничего у нихъ не выйдетъ, такъ какъ «назначеніе многихъ людей быть другъ для друга только воспоминаніемъ» (стр. 90). А поговорить,—отчего же не поговорить съ хорошимъ человѣкомъ, когда извѣстно, что ничего изъ этого не можетъ выйти? «Вы знаете,—сообщаетъ одна изъ видныхъ фигуръ «пяти дѣйствій», Сала, другой, не менѣе видной,—Юліану,—что вы мнѣ ближе всѣхъ другихъ моихъ знакомыхъ. Мы съ вами такъ ловко подаемъ другъ другу реплики» (стр. 43). Но, кромѣ этихъ двухъ, и всѣ прочія лица не менѣе ловко подаютъ другъ другу реплики, и общими усиліями пять дѣйствій заполнены разговорами, мѣткими замѣчаніями, красивыми символами и мудрыми изреченіями. Все же, что дѣйствительно было, произошло какъ-то внѣ пьесы и давно.

Впрочемъ, послѣднее обстоятельство даже на руку героямъ, подающимъ «ловкія реплики», такъ какъ позволяетъ имъ занимать другъ друга воспоминаніями и провести время, отпущенное имъ авторомъ, въ дружеской бесѣдѣ. Всѣмъ имъ прошлое ближе и понятнѣе, чѣмъ настоящее. Да и что такое настоящее? «Слово, которое только что прозвучало, развѣ уже не воспоминаніе? Тонъ, съ котораго началась мелодія, развѣ уже не воспоминаніе, хотя пѣсня еще и не окончилась? Тотъ мигъ, въ который ты вошла въ этотъ садъ, развѣ уже не воспоминаніе, Іоганна?»—такъ говоритъ Сала Іоганнѣ, любимой дѣвушкѣ, которая пришла къ нему для того, чтобы «быть для тебя всѣмъ». (Замѣтимъ здѣсь, между прочимъ, что Іоганна ничуть не теряется отъ такого пріема, такъ какъ именно ей принадлежитъ вышеприведенная фраза о назначеніи многихъ людей быть только воспоминаніемъ). Естественно, что въ такомъ настроеніи всякій человѣкъ бредетъ «одинокимъ путемъ» со своими собственными воспоминаніями и предвкушеніями новыхъ будущихъ воспоминаній,—вѣдь, это единственное, что цѣнятъ герои Шнитцлера. Одинъ жаждетъ видѣть триста двѣнадцать ступеней ископаемаго дворца, такъ сказать, окаменѣвшаго воспоминанія; другой стремится сблизиться съ живымъ воспоминаніемъ своей юношеской страсти, взрослымъ сыномъ, не знающимъ своего отца, третья тоскуетъ, что не имѣетъ именно такого рода воспоминанія—ребенка отъ когда-то

любимаго человѣка и т. д. Каждому дорого свое и только свое прошлое, и зачѣмъ они сошлись сейчасъ,—никто не знаетъ, да и не пытается узнать. Но всѣхъ ихъ превзошла и избрала,—если можно такъ сказать,—самый «одинокій путь» Іоганна. Начать съ того, что она увѣрена, будто это не въ первый разъ на землѣ, а потому и воспоминанія у нея куда почтеннѣе по возрасту, чѣмъ у другихъ лицъ, и настолько ей ближе, настолько дѣйствительнѣе настоящаго, что она, «вспомнивъ» себя лидійской рабыней,—«это было очень давно»—танцуетъ на лугу. Въ виду такого обилія «лидійскихъ» переживаній, которыя съ такою легкостью переходятъ въ настоящее, Іоганна для всѣхъ является загадочною личностью. Ее никто не понимаетъ, она всѣмъ чужда, даже предмету своей любви, «и въ одинъ прекрасный день, она встаетъ изъ-за стола, беретъ шляпу и пальто и уходитъ... уходитъ, не простившись, и вы не знаете даже, куда она ушла—въ новую ли жизнь, или туда, гдѣ нѣтъ вовсе жизни» (стр. 134). Оказывается, что Іоганна «ушла» въ прудъ,—по причинамъ, понятнымъ, можетъ быть, только въ «лидійскія» времена. Въ настоящій же моментъ ея одиночество такъ сильно подчеркнуто Шнитцлеромъ, власть богатыхъ воспоминаній такъ сильна надъ ней, что разобраться въ этой фигурѣ не отъ міра сего нѣтъ никакой возможности. Кромѣ того, благодаря своему тысячелѣтнему жизненному опыту, Іоганна превращается почти что въ Кассандру и съ неумолимой холодностью рока опредѣляетъ, кто изъ ей близкихъ людей долженъ скоро умереть. Напророчитъ... и опять идетъ своимъ «одинокимъ путемъ». «Что-то враждебное чувствую я къ людямъ, которые нуждаются въ моемъ состраданіи», говоритъ она (стр. 87).

И такіе-то люди связаны «пятью дѣйствіями». Отгороженные другъ отъ друга собственнюмъ прошлымъ, они проходятъ предъ читателемъ каждый своей дорогой, или—вѣрнѣе—«одинокій путь» каждаго изъ нихъ превращается въ большую, скучную дорогу, по которой бредетъ многочисленная компанія блѣдныхъ тѣней во главѣ съ Іоганной. Даже смерть трехъ изъ путниковъ не оживляетъ компаніи. И только одинъ изъ нихъ, профессоръ Веграть, человѣкъ настолько обыкновенный, что занимаетъ должность директора академіи, «чиновникъ по дѣламъ искусства», какъ онъ самъ себя называетъ, волнуется и тревожится этими смертями и, вообще, ведетъ себя, совсѣмъ не пользуясь «лидійскими» манерами. Но зато его и замѣчаютъ лишь настолько, насколько можно видѣть изъ далекаго прошлаго: «ихъ назначеніе,—отзывается одна изъ тѣней о людяхъ, подобныхъ проф. Веграту,—давать у себя пріютъ тѣмъ, которые приходятъ къ нимъ разбитые, измученные страстью (сирѣчь, тѣни)» (стр. 117). Конечно, наше прошлое—вещь, отъ которой никуда не скроешься; оно кладетъ печать одиночества на всякаго человѣка, но, право же, не всякіе мемуары интересно читать, а особенно, если авторъ мемуаровъ, оказывается, и живетъ для того, чтобы накопить побольше матеріаловъ для своихъ воспоминаній. Въ этомъ случаѣ человѣкъ превращается не то въ коллекціонера событій изъ собственной жизни, не то въ сухой и скучный каталогъ тѣхъ же предметовъ. А ужъ бесѣдовать съ коллекціонеромъ собственныхъ сигарныхъ окурковъ, что ли, или читать каталоги,—занятіе, можетъ быть, отчасти и поучительное, но не совсѣмъ воодушевляющее. Поэтому, мысль Шнитцлера о трагической власти прошлаго, объ одиночествѣ человѣка «съ прошлымъ», хотя и представляется намъ чрезвычайно интересной, но ея воплощеніе въ образы въ пьесѣ «Одинокимъ путемъ» являегся слабой и неудачной попыткой. Слыша только разговоры и глубокомысленныя изреченія оракула—Іоганны, читатель въ правѣ не повѣрить дѣйствующимъ лицамъ, дѣйствительно ли они такъ одиноки. А смерть, загадочная, полная тайнъ прошлаго, смерть идущихъ «одинокимъ путемъ»,—развѣ это доказательство?

Л. Б.

Сборникъ стихотвореній и отрывковъ прозы изъ всемірной литературы «Человѣческая трагикомедія», въ трехъ частяхъ. Часть третья. Составилъ домашній учитель М. С. Ломшаковъ. Цѣна 50 коп. Спб. 1904 г. Представьте себѣ, что дворникъ вмѣсто того, чтобы тратить на «цыгарки» обрывки печатной бумаги, попадающей ему изъ разныхъ квартиръ, проникся бы такимъ уваженіемъ къ печатному слову, что бережно сохранялъ клочки страницъ, а затѣмъ съ Божьей помощью и составилъ бы изъ нихъ сборникъ. Въ него входили бы обрывки изъ либретто какой-нибудь оперы, котурую слушалъ однажды жилецъ кв. № 13, страничка изъ словаря Брокгауза, надпись къ куда-то исчезнувшей иллюстраціи изъ географіи Э. Рекло, стихи разныхъ авторовъ, хронологическія даты изъ гимназическаго конспекта по исторіи, который выброшенъ за ненадобностью счастливцемъ, перешедшимъ въ V-ый классъ (квартира № 21), рубленая (въ буквальномъ смыслѣ) проза и т. д. и т. д. Восхищенный своимъ альбомомъ,—доводимъ свое предположеніе ad absurdum,—сей гипотетическій дворникъ пожелалъ и прочихъ пріобщить къ своему наслажденію. На сей конецъ онъ издаетъ его и называетъ, скажемъ, «Пухъ и перья» съ подзаголовкомъ «d'inachevé'» или же—«Человѣческая трагикомедія» съ подзаголовкомъ: «Она любитъ меня! она любитъ меня!» Г. Гейне. Послѣдное заглавіе, по крайней мѣрѣ, понравилось г. домашнему учителю М. С. Ломшакову. Въ этой третьей части (первыхъ двухъ мы не знаемъ) можно найти все, что мы смѣло предположили въ дворницкомъ сборникѣ. Напр., стр. 224 затоплена обширной цитатой изъ «Физіологическихъ этюдовъ» Я. Молешотта, коротенькимъ изреченіемъ В. Гюго, за которымъ слѣдуетъ ganz kurz «Соната Fis—dur ор. 78 Бетховена» и стихотвореніе «Роберта Борнса». Стр. 19: цитаты изъ Тургенева, Гейне, оперы «Неронъ», Козлова и Островскаго («Боже мой!.. Неужели воротились мои золотые дни!»). Стр. 263: Шелли, опера «Травіата», Мордовцевъ. Итакъ, всѣ 294 стр. Все это безъ малѣйшей связи и поясненія, ибо г. домашній учитель рѣшительно отсутствуетъ въ сборникѣ, не рѣшаясь выступить ни въ предисловіи, ни въ текстѣ. Точь-въ-точь какъ поступилъ бы нашъ гипотетическій дворникъ, который не осмѣлился бы наложить руку на предметъ своего восхищенія.

И отчего г. домашній учитель М. С. Ломшаковъ не «искурилъ» своего сборника?

Л. Б.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

С. А. Венгеровъ. „Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго“, т. VI. „Левъ Толстой. Альбомъ. Изд. Тов-ва Вольфа“.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ ред. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. VII. Спб. Стр. 643. Цѣна 1 р. 25 к. Долго жданный седьмой томъ сочиненій Бѣлинскаго появился вмѣстѣ съ пріятнымъ извѣстіемъ, что все изданіе будетъ закончено черезъ два—три года. Первоначальное обѣщаніе—закончить все изданіе въ два года—оказалось неисполненнымъ, но можно быть отъ души благодарнымъ товариществу «Общественная Польза» и г. Венгерову, если первое полное собраніе сочиненій великаго критика будетъ закончено и въ шесть лѣтъ. Да и трудно быть особенно требовательнымъ и къ издателямъ, и къ редактору, въ виду крайней дешевизны изданія и обширныхъ примѣчаній, сопровождающихъ каждый томъ. Въ седьмомъ томѣ перепечатаны всѣ статьи и рецензіи Бѣлинскаго, напечатанныя въ «Отечественныхъ запискахъ» 1842 года, въ томъ числѣ статьи о русской литературѣ 1841 года, о «Мертвыхъ душахъ» Гоголя, о стихотвореніяхъ Май-

кова, Полежаева и Баратынскаго, а также памфлетъ противъ Шевырева «Педантъ». Въ концѣ VII-го тома напечатана статья о сочиненіяхъ Дениса Давыдова, которая впервые извлекается изъ «Отечественныхъ Записокъ», и статья о Российской академіи, не напечатанная при жизни Бѣлинскаго, но вошедшая въ XII-й томъ солдатенковскаго изданія.

Кромѣ восторженной статьи Бѣлинскаго о Д. Давыдовѣ, которую г. Венгеровъ считаетъ пока «самымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ» редактируемаго имъ изданія, въ VII томѣ впервые перепечатано болѣе пятидесяти мелкихъ и крупныхъ рецензій, не вошедшихъ въ изданіе Солдатенкова. Большею частью это отзывы о книжонкахъ, не заслуживающихъ серьезнаго вниманія. Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рецензій встрѣчаются замѣчанія, не лишенныя интереса. Такъ, въ одной рецензіи Бѣлинскій, очевидно, подъ вліяніемъ «Ледяного дома» Лажечникова, заступается за Волынскаго, изображеннаго болѣе правдиво въ статьѣ князя Долгорукова (стр. 270); въ другой великій критикъ беретъ подъ свою защиту «добрыхъ финляндцевъ» (стр. 270); въ третьей—привѣтствуетъ переведенное на русскій языкъ «глубокое европейское сочиненіе» Ранке о римскихъ папахъ. Характерна для Бѣлинскаго и та жалоба на судьбу рецензента, которая вставлена въ отзывъ о поэмѣ Зотова «Послѣдній Хеакъ». «Жизнь,—по заявленію Бѣлинскаго,—великое зло для тѣхъ, кто, подобно намъ, не только долженъ читать, между прочимъ, *все* выходящее на заднемъ дворѣ россійской словесности, но еще и писать о прочитанномъ» (стр. 398—399). Особенный интересъ представляетъ отзывъ о поэмѣ Шевченко «Гайдамаки». Великій критикъ вообще несочувственно относился къ славянскимъ народностямъ и къ малороссійской литературѣ и встрѣтилъ одно изъ лучшихъ произведеній этой литературы недостойнымъ глумленіемъ (см. стр. 214—216).

Въ примѣчаніяхъ редактора, кромѣ объясненія непонятныхъ мѣстъ, кромѣ указанія характерныхъ для Бѣлинскаго вѣрныхъ и ошибочныхъ взглядовъ, кромѣ критико-біографическихъ справокъ о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ, находятся болѣе или менѣе крупныя замѣтки о сходствѣ современнаго символизма съ романтизмомъ, объ отношеніи Бѣлинскаго къ классицизму, о полемикѣ его съ Шевыревымъ и съ «Москвитяниномъ», о роли Бѣлинскаго въ оцѣнкѣ Майкова, Полежаева и Баратынскаго и нѣкоторыя другія. «Оцѣнка Майкова,—по словамъ г. Венгерова,—принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ мѣстъ литературнаго формуляра Бѣлинскаго. Великолѣпныя «Три смерти» (а не «Два міра», какъ думаютъ другіе) какъ бы созданы по прямымъ указаніямъ Бѣлинскаго». Такимъ же «блестящимъ мѣстомъ» называется и оцѣнка Полежаева, только отношеніе Бѣлинскаго къ Полежаеву, какъ къ человѣку, признается неправильнымъ. По мнѣнію Бѣлинскаго, несчастный поэтъ «не былъ жертвой судьбы и кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели». Г-нъ Венгеровъ болѣе правъ, доказывая, что Полежаевъ былъ именно жертвой судьбы въ лицѣ наслѣдственнаго алкоголизма и того суроваго режима, который воцарился въ России послѣ декабрьской катастрофы 1825 г. Еще значительнѣе роль Бѣлинскаго «въ исторіи литературной карьеры» Баратынскаго. Вопреки нападкамъ гг. Андреевскаго и Саводника, обвиняющихъ великаго критика въ непониманіи поэзіи Баратынскаго, г. Венгеровъ вполнѣ вѣрно указываетъ, что Бѣлинскій «великолѣпно» опредѣлилъ характеръ и главное содержаніе поэзіи Баратынскаго, призналъ въ немъ яркій, замѣчательный талантъ и отвелъ ему первое мѣсто въ пушкинской плеядѣ поэтовъ. Вообще, статьей 1842 года о Баратынскомъ Бѣлинскій не развѣнчалъ его, а создалъ ему «крупную литературную репутацію».

Цѣнныя, въ большинствѣ случаевъ, примѣчанія г. Венгерова не свободны и отъ нѣкоторыхъ недочетовъ. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ о русской литературѣ 1841 г. Бѣлинскій обрушивается на педантовъ и безвкусныхъ риемо-

творцевъ за неумѣстное употребленіе архаизмовъ и указываетъ на переводъ «Освобожденнаго Іерусалима» (стр. 31). Очевидно, имѣется въ виду переводчикъ этой поэмы Раичъ, обезсмертившій себя стихомъ:

„Вскипѣлъ Бульонъ, течетъ во храмъ“.

А г. Венгеровъ почему-то думаетъ, что въ данномъ случаѣ «Бѣлинскій не преминулъ кольнуть Шевырева и его высоко-курьезную попытку ввести въ русское стихосложеніе особенности итальянской октавы» (стр. 557). Трудно согласиться съ г. Венгеровымъ, что «небольшой отчетъ о научныхъ сочиненіяхъ (въ обзорѣ русской литературы 1841 года), вѣроятно, не принадлежитъ Бѣлинскому» (стр. 561). Весь «отчетъ» занимаетъ четырнадцать строкъ и состоитъ изъ голаго перечисленія ученыхъ сочиненій и учебныхъ руководствъ. Смѣшно думать, что такой труъ былъ не по силамъ Бѣлинскому. Нельзя также согласиться и съ заявленіемъ г. Венгерова, что Бѣлинскій никогда не признавалъ за Пушкинымъ всемірно-историческаго значенія (стр. 619). Какой же смыслъ имѣютъ для г. Венгерова, напримѣръ, нижеслѣдующія строки Бѣлинскаго въ письмѣ къ Константину Аксакову: «Радуюсь твоей классификаціи: Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь... Только у меня на мѣстѣ Гоголя стоитъ Пушкинъ»? Совершенно невѣрно заявленіе, что замѣтка Бѣлинскаго о «Гайдамакахъ» до сихъ поръ не была извѣстна (стр. 695). Наиболѣе характерная часть этой рецензіи приведена въ извѣстной книгѣ академика Пыпина о Бѣлинскомъ.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе, къ г. Венгерову отношенія не имѣющее. Въ одной изъ вновь перепечатанныхъ рецензій Бѣлинскаго дается слѣдующій отзывъ о рыцарской повѣсти «Гуакъ»: «Глупая сказка въ родѣ «Георга Милорда Англійскаго.» Какъ жаль, что наши грамотные простолюдины не могутъ ничѣмъ лучше удовлетворять свою охоту къ чтенію!» (стр. 155). Думалъ ли великій критикъ, что почти полстолѣтія спустя послѣ этого отзыва «глупая сказка» будетъ рекомендована для чтенія народу, да рекомендована еще «съ удовольствіемъ»? И рекомендація эта исходитъ отъ такой почтенной дѣятельницы на поприщѣ народнаго просвѣщенія, какъ Х. Д. Алчевская. Интересующіеся этимъ страннымъ фактомъ могутъ обратиться къ книгѣ «Что читать народу?» (т. II, сс. 552—552). *С. Ашевскій.*

Графъ Левъ Толстой. Альбомъ изд. Товарищества М. О. Вольфа. Спб. 1903 г. Попытки иллюстрировать рисунками исторію литературы получили широкое распространеніе въ послѣднія десятилѣтія, и причины этого довольно пестры. Здѣсь сыгралъ роль и психологическій методъ изученія, стремящійся войти во всю совокупность обстановки и настроенія процесса литературнаго творчества, и тотъ чрезвычайный интересъ къ личности, которымъ отмѣчено наше время, и, наконецъ, то праздное любопытство толпы ко всему, связанному съ выдающимися людьми, которое растетъ все быстрѣе по мѣрѣ того, какъ удовлетворяется услужливой прессой. Человѣкъ XVIII вѣка былъ бы, вѣрно, удивленъ, если бы ему указали, какъ нѣчто достойное его особливаго вниманія, портретъ сына того писателя, произведенія котораго онъ читалъ съ такимъ удовольствіемъ: какое ему дѣло до этого сына? Теперь идутъ гораздо дальше. Въ альбомѣ, нынѣ изданномъ товариществомъ М. О. Вольфъ, мы находимъ не только портреты художниковъ, которые рисовали графа Л. Н. Толстого, и критиковъ, которые *могли* о немъ писать, но не *писали*; не только изображеніе и подробнѣйшее описаніе герба рода графовъ Толстыхъ, но также *нынѣшній видъ* Семибашеннаго замка въ Константинополѣ, въ которомъ двукратно былъ заключенъ *родоначальникъ* рода Толстыхъ, графъ Петръ Андреевичъ Толстой. Едва ли возможно представить себѣ историко-литературное изслѣдованіе, для котораго понадобились бы эти свѣдѣнія; но они, конечно, нужны публикѣ, воспитанной на иллюстрированныхъ приложеніяхъ къ газе-

тамъ и привыкшей имѣть въ своей газетѣ портреты всѣхъ великихъ людей отъ Терезы Эмберъ до Сантосъ-Дюмона, всѣхъ ихъ присныхъ, друзей и знакомыхъ, изображеніе ихъ комнаты, ихъ автомобиля и ихъ любимой собаки.

Историко-литературный альбомъ, посвященный большому писателю, можетъ быть очень поучителенъ и полезенъ. Онъ сближаетъ съ писателемъ въ тѣхъ элементахъ его личности, которые не поддаются передачѣ въ словѣ; рядъ портретовъ писателя подчасъ есть лучшая иллюстрація къ исторіи его творчества. Кто всмотрѣлся и вдумался въ разницу между портретомъ Щедрина, приложеннымъ къ его сочиненіямъ, и его портретомъ работы Ярошенко, тотъ глубже прочувствовалъ все, что отдѣлило автора «Помпадуровъ и помпадуршъ» отъ автора «Пошехонской старины». Знакомство съ домашней обстановкой писателя вводитъ въ атмосферу его творчества; снимки съ его корректуръ и рукописей показываютъ движеніе его литературной работы; иллюстраціи къ его произведеніямъ отражаютъ ихъ различное пониманіе, всевозможныя мелочи— отъ обложекъ его произведеній до каррикатуръ на него, даютъ пестрый, но интересный историко-культурный матеріалъ, изъ котораго возможны выводы.

Все это есть въ альбомѣ, лежащемъ предъ нами; онъ даетъ знанія и охватываетъ атмосферой благоговѣнія къ великому писателю. Самое интересное въ немъ—длинный рядъ портретовъ Л. Н. Толстого; чередою проходятъ предъ читателемъ юноша, герой автобіографической трилогіи, еще нетронутый жизнью, но уже съ характерной тѣнью задумчивости въ глазахъ, потомъ худощавый офицеръ, такой странно серьезный и умный—неизвѣстный Л. Н. Т. «Современника», авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ», потомъ вдругъ—возмужалый, бородатый помѣщикъ, мировой посредникъ, издатель «Ясной Поляны»; еще десятилѣтіе—предъ нами авторъ «Анны Карениной», уже пережившій сомнѣнія своего Левина, уже начавшій великую ломку своей жизни во имя того, что онъ призналъ своей правдой; въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ мы впервые, на эскизѣ Крамского, находимъ Толстого въ блузѣ, съ которой уже почти не разстаются его портреты. Его обликъ складывается въ установленный типизированный «подлинникъ»; онъ мѣняется все меньше—и на долгіе годы. Рѣпинскій портретъ 1887 года остается основнымъ изображеніемъ Льва Толстого, чистымъ и могучимъ именемъ своимъ наполнившаго міръ. Лишь послѣдніе годы—послѣ болѣзни—вносятъ новые оттѣнки хрупкой дряхлости и безконечной духовности въ это лицо, на которомъ лишь по прежнему горятъ безпокойно рѣшительнымъ огнемъ суровые и притягивающіе глаза. Уже за эту коллекцію портретовъ, такъ много «невыразимаго» сообщающихъ намъ о Львѣ Толстомъ, должно похвалить мысль составителей. Къ сожалѣнію, исполненіе вызываетъ не одно одобреніе; къ сожалѣнію, въ альбомѣ есть не все, что могло бы въ немъ быть, и—что еще непріятнѣе—въ немъ есть многое, что могло бы остаться за его предѣлами. Въ полемическомъ послѣсловіи составители жалуются на недоброжелательство печати и указываютъ, почему не могли ничему научиться у своихъ критиковъ. Далеко не всѣ ихъ доводы можно признать основательными. «Насъ упрекали,—говорятъ они,—что мы помѣстили портретъ М. Н. Каткова и не помѣстили портретовъ кое-какихъ «критиковъ» гр. Л. Н. Толстого. Понимаемъ, что для людей извѣстнаго образа мыслей портретъ М. Н. Каткова не доставилъ особаго удовольствія, но изъ пѣсни слова не выкинешь, и нельзя было не помѣстить портрета редактора журнала, въ которомъ были напечатаны всѣ самыя крупныя произведенія гр. Л. Н. Толстого. Что же касается портретовъ критиковъ, то мы ихъ помѣстили слишкомъ достаточно; нельзя же было переполнять альбомъ балластомъ и включать въ него авторовъ даже случайныхъ статей, или лицъ, желавшихъ только примазаться къ хвосту славы великаго писателя».

Мы не знаемъ, кто упрекалъ составителей въ помѣщеніи портрета Каткова,

но думаемъ, что ихъ намекъ, будто здѣсь все дѣло въ «извѣстномъ образѣ мыслей» есть пріемъ «извѣстнаго сорта». Портретъ Каткова могъ быть опущенъ потому, что въ альбомѣ опущены портреты людей, которые связаны были съ Толстымъ безконечно болѣе интимными узами, чѣмъ издатель «Русскаго Вѣстника»; право, его портретъ ничѣмъ не способствуетъ пониманію Толстого. Если ужъ увѣковѣчивать рядомъ съ Толстымъ его издателей, то, конечно, въ альбомѣ, прежде всего, слѣдовало помѣстить, напримѣръ, портреты дѣятелей «Посредника»—учениковъ и послѣдователей Толстого,—а не Каткова, который даже не могъ помѣстить въ своемъ журналѣ окончаніе «Анны Карениной». Чтобы окончательно успокоить составителей, которыхъ мы, конечно, не позволимъ себѣ заподозрить въ какомъ бы то ни было «образѣ мыслей», остается добавить, что, подобно Каткову, могъ быть свободно обойденъ въ альбомѣ также Писаревъ, очень мало писавшій о Толстомъ; это имѣло бы то важное преимущество, что позволило бы составителямъ обойтись безъ нелѣпой подписи: «Д. И. Писаревъ...—наиболѣе вліятельный критикъ въ шестидесятыхъ годахъ. Произведеній гр. Л. Н. Толстого, впрочемъ, Писаревъ касался очень рѣдко и вскользь, такъ какъ *занимался больше писателями, посвящавшими свои произведенія современной дѣйствительности, а не болѣе вѣчнымъ вопросамъ*». Обходимъ безъ комментаріевъ это классическое сужденіе и только спросимъ: зачѣмъ же было помѣщать въ альбомѣ портретъ Писарева? Отвѣтъ кажется намъ простымъ: потому что составители вообще набили свое изданіе случайными и ненужными изображеніями. Есть здѣсь для чего-то страница, посвященная «любимымъ мыслителямъ и писателямъ гр. Л. Н. Толстого». Мы находимъ здѣсь Стерна, но не находимъ, напримѣръ, Шопенгауэра, значеніе котораго для гр. Толстого достаточно общеизвѣстно; не находимъ Ауэрбаха, котораго Л. Н. Толстой такъ цѣнилъ. Есть въ альбомѣ портреты Дройзена и Дюбуа Реймона, лекціи которыхъ онъ слушалъ за границей, но нѣтъ ни Прудона, ни Шульце-Делича, ни Ю. Фребеля, которыхъ слѣдовало помѣстить, разъ рѣшено было слѣдить за заграничными знакомствами Л. Н. Толстого. Какія клише подвернулись, тѣ и тиснули. Дошло до «изображенія гр. Л. Н. Толстого на карамели его имени, выпущенной «фабрикою Шувалова». Впрочемъ, портретъ на конфетной бумажкѣ вышелъ гораздо лучше, чѣмъ, напримѣръ, отвратительныя акварельки Подэрни, для чего-то включенныя въ альбомъ. А составители еще говорятъ, что «не хотѣли переполнять балластомъ», что критиковъ у нихъ «слишкомъ достаточно»; оно конечно: у нихъ есть Буренинъ и Волынскій, вкладъ которыхъ въ литературу о Толстомъ едва ли можно считать значительнымъ; но у нихъ нѣтъ Громеки, нѣтъ Грота, нѣтъ Вогюэ, нѣтъ Козлова, нѣтъ Протопопова, нѣтъ множества иныхъ, которые имѣютъ такое же основаніе занять мѣсто въ альбомѣ, какъ и включенные въ него. Многіе рисунки исполнены прескверно; въ объяснительномъ текстѣ много нелѣпостей, въ родѣ такой, напримѣръ: «Шпильгагенъ является рьянымъ поклонникомъ гр. Л. Н. Толстого, и какъ художника, и какъ мыслителя. Не зная ни русскаго языка, ни русской жизни, Шпильгагенъ судитъ о Толстомъ по нѣмецкимъ переводамъ и исключительно съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Многіе его взгляды отличаются оригинальностью и своеобразностью». На стр. 68 подъ рубрикою «Гр. Л. Н. Толстой въ изображеніи иностранныхъ художниковъ» помѣщенъ портретъ другого русскаго писателя, правда, выдающагося и по заслугамъ популярнаго, но все-таки не Л. Н. Толстого.

А. Горнфельдъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

К. Шидловскій. „Сводка ходатайствъ Пироговскаго общества“.—*А. Колычевъ.* „Рабочіе на пріискахъ Сибири“.—*А. Спицынъ.* „Рабочій вопросъ на каменноугольныхъ копяхъ Мукденской провинціи“.

Сводка ходатайствъ Пироговскаго общества врачей передъ правительственными учрежденіями за 20 лѣтъ (1883—1903 г.). Составилъ К. И. Шидловскій. Москва. 1904 г. Цѣна 30 коп. Едва ли найдется болѣе характерное, болѣе поучительное въ нашей русской дѣйствительности явленіе, чѣмъ судьба разнаго рода ходатайствъ и постановленій, «самочинно» исходящихъ отъ какой-либо общественной группы, сословія, профессіи и пр. Если habent sua fata libelli, то тѣмъ болѣе неотъемлемымъ «правомъ» на свой фатумъ обладаютъ подобнаго рода ходатайства. И они имѣютъ фатумъ. Стоитъ только обывательскому сердцу не выдержать всѣхъ несовершенствъ жизни и издать вопль, какъ тутъ же начинаетъ дѣйствовать съ непреодолимой силой древній грозный рокъ,—вопль сердца предопредѣленъ вылиться въ формѣ «честь имѣю покорнѣйше и пр.», затѣмъ выступаютъ на сцену высшія судьбы, и «движеніе» ходатайства совершается по «роковымъ» путямъ. А что изъ этого выходитъ, можетъ разсказать, напр., «Сводка», составленная К. И. Шидловскимъ и касающаяся ходатайствъ лишь одной небольшой части общества, «Пироговскаго общества врачей». Въ нѣкоторыхъ резолюціяхъ съѣздовъ слышится иногда поистинѣ крикъ ужаса предъ совершающимися бѣдствіями, и собраніе... «постановляетъ ходатайствовать». Свои постановленія оно обставляетъ чрезвычайно детальней мотивировкой, послѣ самаго всесторонняго обсужденія и строгой критики вносившихся предложеній, выбираетъ изъ нихъ наиболѣе существенныя въ интересахъ народнаго здравія, и «въ общемъ итогѣ $^2/_3$ всѣхъ заявленныхъ ходатайствъ остались безрезультатными». Насколько осторожно прибѣгало Пироговское общество къ этому способу проведенія въ жизнь своихъ постановленій показываетъ чрезвычайно малое число возбужденныхъ ходатайствъ: за 20-ти-лѣтіе съ 1883 по 1303 гг. рѣшеній о заявленіи ходатайствъ предъ центральными правительственными органами было 88, а изъ нихъ дѣйствительно было заявлено лишь 72 ходатайства. Но наиболѣе прочно скованная цѣпь «пунктовъ и цитатъ», доводовъ разума и порывовъ сердца, оправдывающихъ какое-либо ходатайство, не выдерживала тяжести слѣпого рока и распадалась, ударяя концами... по комъ? «Въ главной, наиболѣе численной группѣ ходатайствъ,—говоритъ составитель «Сводки»,—по самымъ разнообразнымъ вопросамъ общественнаго здравоохраненія и врачебнаго быта, относительное число ходатайствъ, оставшихся безъ всякаго результата, повышается съ $^2/_3$ почти до $^4/_5$, т.-е. до 80%, причемъ болѣе половины ихъ (58,5%) совсѣмъ оставлены безъ отвѣта, а въ 17% случаевъ отвѣты получались отрицательные». Что же касается остальной $^1/_3$ ходатайствъ, получившихъ «болѣе или менѣе» удовлетворительное разрѣшеніе, то нельзя не согласиться съ г. Шидловскимъ, что эта удовлетворительность крайне проблематична, тѣмъ болѣе, что благопріятные отвѣты падаютъ, главнымъ образомъ, на группу ходатайствъ по организаціоннымъ вопросамъ Пироговскаго общества. Просматривая «Сводку», вы имѣете возможность слѣдить, какъ необходимость разрѣшенія какого-либо вопроса передается отъ одного съѣзда къ другому, какъ постановленіе разростается въ своей мотивировкѣ, становится все убѣдительнѣе и убѣдительнѣе, и когда, наконецъ, настоятельность его дѣлается очевидной, катящаяся отъ съѣзда къ съѣзду лавина аргументовъ вдругъ застываетъ въ мертвомъ покоѣ отъ дѣйствія магическихъ словъ: «Постановленіе не удостоено отвѣтомъ». Съ наглядностью новѣйшихъ педагогическихъ методовъ «Сводка» демонстрируетъ ту давнымъ-давно извѣстную истину, что въ столкновеніи

человѣка, природы и бумаги» сильнѣе всѣхъ оказывается «бумага». Немудрено поэтому, что жажда хоть какого-нибудь отвѣта на «проклятые вопросы» заставляетъ г. составителя искать разрѣшенія выдвинутыхъ жизнью задачъ «по ту сторону бумаги», въ общемъ потокѣ событій. И онъ находитъ. Такъ, напр., VII-й съѣздъ (1899 г.), собравшись въ пораженной неурожаемъ мѣстности (Казань), выработалъ резолюцію, отмѣчающую неудовлетворительность самой постановки борьбы съ существующимъ уже голодомъ, и постановилъ ходатайствовать «о неотложно скорѣйшемъ выясненіи и устраненіи всѣхъ санитарно-экономическихъ коренныхъ причинъ хроническихъ повторныхъ голодовокъ населенія», съѣздъ «съ полной готовностью предлагаетъ всѣ силы и знанія своихъ членовъ для посильной борьбы съ этимъ громаднымъ зломъ». «Никакого отвѣта на это ходатайство не послѣдовало. Косвеннымъ же отвѣтомъ былъ законъ 12-го іюля 1900 г. объ изъятіи всего продовольственнаго дѣла изъ компетенціи земства и передачѣ его въ вѣдѣніе губернской администраціи, а также министерскіе циркуляры отъ 17-го августа (за № 20) о стѣсненіи частной благотворительности и отъ 20-го августа (за № 1868) объ организаціи врачебной помощи въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ» (стр. 39). Таковъ былъ «косвенный» отвѣтъ «бумаги» на «прямой» вопросъ съѣзда.

Результатъ столь поучительныхъ двадцатилѣтнихъ «постановленій ходатайствовать» оказался не менѣе поучительнымъ и даже знаменательнымъ. Исторія нашей общественности, казалось, прочно закрѣпила на своихъ скрижаляхъ ту эволюцію, какую претерпѣвали обыкновенно лучшія стремленія и «постановленія» общества. Эту эволюцію еще Шедринъ зло охарактеризовалъ, изобразивъ либерала, который начинаетъ съ «требованій» реформъ, затѣмъ соглашается получить «хоть что-нибудь» и, наконецъ, примѣняется «къ подлости». Очевидно, эта проторенная дорожка заросла. Двадцатилѣтній мартирологъ «требованій» Пироговскаго общества заключился новымъ, въ нашихъ условіяхъ даже бодрымъ аккордомъ: IX-ый съѣздъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, состоявшійся въ началѣ января этого года въ Петербургѣ, прежде всего постановилъ... «постановлять». Отнюдь не далѣе. Получивъ по наслѣдству отъ прежнихъ съѣздовъ нѣсколько неудовлетворенныхъ ходатайствъ, усиленно занятый разработкой многихъ народившихся за послѣднее время трепещущихъ жизнью задачъ, IX-ый съѣздъ принялъ для руководства въ своихъ занятіяхъ слѣдующее рѣшеніе: «Въ виду того, что большинство ходатайствъ Пироговскиаъ съѣздовъ осталось безъ отвѣта или удовлетворенія, рѣшено въ настоящее время ограничиться лишь принципіальными постановленіями, *не возбуждая* новыхъ ходатайствъ». Принципъ постановленій «промежду себя», несмотря на кажущуюся пустоту содержанія, явился достойнымъ отвѣтомъ на практиковавшуюся до сихъ поръ «политику недовѣрія» къ общественной инціативѣ. А что этотъ принципъ, кромѣ того, былъ объявленъ на точномъ основаніи историческихъ законовъ, что онъ вытекалъ съ желѣзной необходимостью изъ прошлаго, ясно показываетъ «Сводка» г. Шидловскаго.

Л. Б.

Ал. Колычевъ. Рабочіе на пріискахъ Сибири. Томская горная область. Спб. 1904. Ц. 1 р. Небольшая книжка г. Колычева представляетъ сборникъ его статей о рабочихъ на сибирскихъ пріискахъ, печатавшихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Собранныя въ одно цѣлое, онѣ рисуютъ въ высшей степени интересную, хотя и не новую картину положеніе пріисковыхъ рабочихъ. Послѣдовательно авторъ касается состава рабочихъ и способа найма условій труда, жилища рабочихъ, продовольствія и питейнаго вопроса на промыслахъ, организаціи врачебной помощи, способовъ расплаты, обезпеченія потерявшихъ трудоспособность, вопроса о просвѣтительныхъ учрежденіяхъ для

рабочихъ, наконецъ, организаціи правительственнаго надзора въ горной промышленности томской области,—словомъ, цѣлаго ряда разнообразныхъ и важныхъ сторонъ рабочаго быта. Но какой бы стороны ни касался авторъ, нигдѣ ни одной свѣтлой краски, ни одного факта, на которомъ можно было бы отдохнуть душой. Вина, конечно, не въ авторѣ и не въ его пессимистическомъ настроеніи: г. Колычевъ большею частью заставляетъ говорить другихъ—чиновъ горнаго надзора, золотопромышленниковъ, «Вѣстникъ золотопром. и горнаго дѣла»—органъ если не оффиціальный, то, во всякомъ случаѣ, очень близко стоящій къ оффиціальнымъ сферамъ, благонадежность котораго не можетъ быть поставлена подъ сомнѣніе. «Свѣдѣніямъ оффиціальнаго и полу-оффиціальнаго характера я отдавалъ предпочтеніе во избѣжаніе упрека въ тенденціозномъ подборѣ и освѣщеніи фактовъ», говоритъ авторъ; и когда у удивленнаго читателя вырывается восклицаніе: «да возможно ли это?»—ссылка на окружнаго инженера или горнаго исправника сразу же разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія...

Впрочемъ, въ горнозаводской промышленности Сибири (немногимъ лучше обстоитъ дѣло въ Европейской Россіи) есть нѣсколько условій, дѣлающихъ à priori вѣроятнымъ невѣроятное. Представьте себѣ, напр., томскую горную область, въ которую входитъ вся Западная Сибирь,—пространство въ 20.000 квадр. миль, равное Франціи и Австро-Венгріи вмѣстѣ взятымъ,—дикую, некультурную страну безъ всякихъ путей сообщенія; въ этой области до 600 пріисковъ разбросанныхъ иногда на громадныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Теперь представьте себѣ, что на каждомъ такомъ затерявшемся въ тайгѣ пріискѣ, десятки и сотни людей, темныхъ и безправныхъ, загнанныхъ сюда безысходной нуждой, зависятъ во всемъ, начиная отъ пищи и питья, отъ воли столь же темныхъ, но матеріально сильныхъ и жадныхъ до наживы людей: что можетъ положить предѣлъ эксплуатаціи одного человѣка другимъ? Когда мѣра терпѣнія переполняется, эксплуатируемые практикуютъ давно извѣстное и, къ сожалѣнію, очень примитивное средство—побѣгъ. «Разъ на пріискахъ замѣчается сильное уклоненіе отъ сноснаго человѣческаго существованія, заработокъ становится минимальнымъ, а трудъ чрезмѣрнымъ, рабочій бѣжитъ, и въ этомъ случаѣ побѣгъ несравненно лучшая и высшая форма регулированія положенія на пріискахъ», говоритъ полу-оффиціальный «Вѣстн. золотопром. и горн. дѣла». По сравненію съ чѣмъ «лучше и выше» эта «форма регулированія положенія» пріисковыхъ рабочихъ, къ сожалѣнію, «Вѣстникъ» не говоритъ. Возможно, что здѣсь имѣются въ виду активныя формы самозащиты, въ видѣ буйныхъ стачекъ и т п. мѣръ, свѣдѣнія о которыхъ рѣдко дѣлаются достояніемъ нашей печати. Но не можетъ быть сомнѣнія, что вышеописанная форма—побѣгъ (совсѣмъ годуновскія времена!) на практикѣ, по крайней мѣрѣ, оказывается дѣйствительнѣе той, которую даетъ пріисковымъ рабочимъ государство въ лицѣ горнаго надзора: горный надзоръ въ томской горной области возлагается на 6 окружныхъ инженеровъ съ пятью помощниками, т.-е. на 20.000 квадратныхъ миль и 600 пріисковъ—одиннадцать человѣкъ горнаго надзора. На существованіе горныхъ исправниковъ можно лишь ссылаться формально, такъ какъ они завалены своей собственной полицейской работой и едва ли могутъ оказаться активными помощниками чиновъ горнаго надзора.

«Къ этому надо добавить,—говоритъ авторъ,—что дороги между пріисками буквально убійственны, по нимъ приходится ѣздить или верхомъ, или на волокушахъ, по 4—5 верстъ въ часъ, иногда идти пѣшкомъ, нерѣдко переправляться черезъ горныя и таежныя рѣки и рѣчки въ бродъ, съ рискомъ простудиться или отправиться ad patres».

При такихъ условіяхъ едва ли можно сомнѣваться, что для примѣненія «лучшей и высшей формы» регулированія отношеній между нанимателями и рабочими случаи не должны быть особенно рѣдкими.

Рабочій день продолжается никакъ не менѣе 12—13 час., считая же и перерывы—15—16 час.,—между тѣмъ, окружный инженеръ г. Реутовскій для забойщиковъ считаетъ необходимымъ ввести 8-часовой рабочій день въ виду крайней утомительности работы послѣднихъ; при томъ же г. Реутовскій считаетъ необходимымъ и отдыхъ разъ въ каждые шесть дней, а рабочіе имѣютъ лишь два дня въ мѣсяцъ, назначаемыхъ по усмотрѣнія промысловой администраціи, которыми рабочіе «пользуются очень рѣдко». Малолѣтніе (до 15 л.) работаютъ на ряду со взрослыми 12—14 час. въ сутки, въ то время какъ даже законъ опредѣляетъ ихъ рабочій день въ 8 час. Жилища почти нигдѣ по отзывамъ оффиціальныхъ лицъ, не удовлетворяютъ скромной нормѣ—1 куб. саж. на человѣка; чаще всего—около полусажени. «Вслѣдствіе такой скученности и грязнаго состоянія казармъ, многіе рабочіе,—говоритъ тотъ же источникъ,—предпочитаютъ помѣщаться лѣтомъ на вышкахъ или въ особыхъ устраиваемыхъ ими балаганахъ». Но и это бѣгство отъ насѣкомыхъ и давки рабочихъ казармъ промышленники объясняютъ по своему—чѣмъ то-въ родѣ инстинкта русскаго человѣка, и на этомъ основаніи одни изъ съѣздовъ ходатайствовали передъ кѣмъ слѣдуетъ о разъясненіи вопроса: въ правѣ ли промышленники *не препятствовать* рабочимъ производить на пріискахъ для своихъ надобностей и за свой счетъ жилыя помѣщенія (въ родѣ указанныхъ выше) и не можетъ ли быть таковая постройка обусловлена при наймѣ рабочихъ.

Проходимъ мимо медицинской помощи (нельзя назвать медицинской помощью, напр., 11 больницъ, «изъ которыхъ ни одна не можетъ быть названа удовлетворительной» на 120.000 кв. верстъ), оставляемъ вопросъ объ обезпеченіи потерявшихъ трудоспособность, ибо и это отсутствуетъ уже абсолютно, и вопросъ о питаніи рабочихъ, чтобъ остановиться на минуту надъ вопросомъ питейнымъ. Пьянство на пріискахъ свирѣпствуетъ. Ввозъ вина на пріискахъ, для раздачи «чарками» разрѣшается по особымъ свидѣтельствамъ и въ ограниченномъ количествѣ: сдѣлано это было въ видахъ уменьшенія пьянства среди рабочихъ; но пьянство, однако, не уменьшалось благодаря заботамъ и самихъ золотопромышленниковъ, и такъ называемыхъ «спиртоносовъ», продававшихъ вино тайкомъ. Спиртоносы дѣлали хорошія дѣла (многіе золотопромышленники начали такъ свою карьеру), золопромышленники—тоже; но прибыли спиртоносовъ не давали спать ихъ конкурентамъ: вопросъ объ искорененіи спиртоношества дебатировался на съѣздахъ, фигурировалъ въ многочисленныхъ ходатайствахъ, и вездѣ имѣлась въ виду исключительно борьба съ пьянствомъ и защита рабочихъ отъ эксплуатаціи спиртоносами. И «удумано» было, наконецъ, на одномъ изъ съѣздовъ золотопромышленниковъ слѣдующее средство защиты: отпускать вино изъ промысловыхъ амбаровъ *въ счетъ заработной платы*, чтобы дать такимъ образомъ возможность рабочимъ не обращаться къ спиртоносамъ, которые снабжаютъ ихъ виномъ сомнительнаго качества и за высокую плату, за золото и за одежду. .

Но замѣчательнѣе еще то, что министерство финансовъ, проектируя нѣкоторыя мѣры урегулированія торговли виномъ на пріискахъ и ограниченіе пьянства, отдаетъ вино въ руки тѣхъ же золотопромышленниковъ, которые, по словамъ его же изданія, «не столько занимаются горнымъ промысломъ, сколько продажей вина»: по проекту, вино будетъ отпускаться изъ промысловыхъ амбаровъ вмѣстѣ съ другими товарами въ счетъ заработной платы, но. въ особаго рода бутылкахъ за печатью и по особой таксѣ. Неизвѣстно только, когда будутъ осуществлены проектируемыя мѣры борьбы съ пьянствомъ.

Въ заключеніе—вопросы просвѣщенія. Въ виду того, что положеніе и здѣсь ничѣмъ не отличается отъ положенія, напр., медицинскаго дѣла, о просвѣщеніи заботятся горные исправники, хотя и не безъ нѣкотораго риска для своей карьеры. На одномъ изъ съѣздовъ, чтобы пристыдить промышленниковъ,

старавшихся отдѣлаться отъ библіотекъ для рабочихъ, горный исправникъ Барышниковъ заявилъ, что онъ выпишетъ на свои средства «Журналъ для всѣхъ» (какой прогрессъ!), по одному экземпляру на пріискъ. На что одинъ изъ золотопромышленниковъ, г. Гудковъ, по словамъ «Енисея», замѣтилъ: «Такое участіе полиціи господа золотопромышленники должны намотать себѣ на усъ». Увеличились ли послѣ этого подписка «Журнала для всѣхъ» на 600 экземпляровъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. *В. Ш.*

Александръ Спицынъ (слушатель III курса Восточнаго Института). Рабочій вопросъ на каменноугольныхъ копяхъ Мукденской провинціи. Владивостокъ. 1904 г. Небольшая книжка г. Спицына (оттискъ изъ «Извѣстій Восточнаго Института») представляетъ, надо думать, одну изъ тѣхъ работъ, которыя пишутся студентами на медали, стипендіи и пр.; но это не мѣшаетъ книгѣ г. Спицына быть интересной со стороны приводимыхъ имъ фактовъ.

Г. Спицынъ говоритъ о положеніи рабочихъ на каменноугольныхъ копяхъ Янтая; разработка началась здѣсь лѣтъ 30 тому назадъ, ведется иностранными капиталистами и китайскими предпринимателями, которыхъ въ послѣднее время начинаютъ вытѣснять русскіе. Китайскія предпріятія авторъ дѣлитъ на капиталистическія и артельныя; оказывается, что эта послѣдняя форма, столь свойственная «духу русскаго народа», имѣетъ очень значительное распространеніе среди китайскихъ углекоповъ и большую живучесть. Послѣднимъ авторъ удѣляетъ сравнительно очень мало мѣста, останавливаясь преимущественно на предпріятіяхъ европейскихъ компаній и китайскихъ крупныхъ предпріятіяхъ. Невольно напрашиваются нѣкоторые сравненія съ порядками нашихъ пріисковъ, о которыхъ мы говорили выше.

На китайскихъ рудникахъ, напримѣръ, рабочій день продолжается 11 часовъ (при 12-часовыхъ смѣнахъ), на европейскихъ же вездѣ введены 8-часовыя смѣны, порядокъ которыхъ мѣняется каждые четыре дня, давая рабочимъ 32-часовой отдыхъ при переходѣ съ ночной смѣны на дневную. При отсутствіи въ Китаѣ какого-либо рабочаго законодательства или спеціальныхъ обязательствъ при сдачѣ концессій европейцамъ, такіе порядки на европейскихъ предпріятіяхъ приходится объяснять единственно сознаніемъ большей ихъ выгодности, вслѣдствіе большей производительности восьмичасоваго труда по сравненію съ 12-часовыми китайскими смѣнами. Европейская культура тутъ, конечно, не при чемъ: на тѣхъ же европейскихъ рудникахъ существуетъ тѣлесное наказаніе за куреніе въ шахтѣ, вывезенное, конечно, не изъ Европы и на китайскихъ рудникахъ совершенно неизвѣстное. На европейскихъ рудникахъ есть и больница, «завѣдуетъ больницей при двухъ помощникахъ китайскій врачъ, европейски образованный и хорошо знакомый со всѣми отраслями медицины. Образованіе свое онъ получилъ въ Англіи. Помимо палатъ для больныхъ, при больницѣ имѣется еще пріемный покой, аптека, операціонная комната, ванна и мертвецкая. Вся больница весьма чисто содержится» и пр. Зато на китайскихъ рудникахъ медицинской помощи почти нѣтъ; «предприниматель еще не дошелъ до сознанія необходимости заботиться о здоровьѣ рабочаго,—говоритъ авторъ,—а въ законодательствѣ нѣтъ даже приблизительнаго намека объ обязанностяхъ предпринимателя по отношенію къ рабочему въ случаѣ болѣзни послѣдняго». Между тѣмъ, г. Колычевъ описывалъ страну, законодательству которой такія обязательства извѣстны, но фактически медицинская помощь отсутствуетъ. Трудно рѣшить, что лучше.

Характерною особенностью отношеній между предпринимателями и рабочими на мукденскихъ копяхъ является господство подрядчиковъ. Подрядчики нанимаютъ рабочихъ, доставляютъ ихъ на мѣсто работы (за счетъ предпріятія), распредѣляютъ работу и наблюдаютъ за ея исполненіемъ, разсчитываются съ рабочими, кормятъ ихъ, штрафуютъ, наказываютъ. Администрація предпріятія

ни во что не вмѣшивается: она имѣетъ дѣло лишь съ главнымъ подрядчикомъ, который, въ свою очередь, требуетъ съ подрядчика болѣе мелкаго, и т. д. вплоть до общины, которая круговой порукой (она примѣняется, по словамъ автора, при наймѣ на всѣ рѣшительно работы; наемъ одиночекъ, безъ поручительства общества, явленіе очень рѣдкое) обезпечиваетъ исправность своихъ членовъ-рабочихъ. И горе рабочему, который, не выдержавъ гнета пирамиды подрядчиковъ, бѣжитъ съ пути или работы, или провинится въ чемъ-либо: китайскій «міръ» неумолимъ, и «провинившійся» рабочій обыкновенно не возвращается уже домой, а записывается въ ряды бродягъ, хунхузовъ и прочихъ вольныхъ людей. *В. Ш.*

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

Н. И. Костомаровъ. „Собраніе сочиненій". Кн. I—III.

Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книги I—III. Спб. 1903—1904 г. «Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» предприняло изданіе историческихъ монографій и изслѣдованій Н. И. Костомарова въ восьми книгахъ по предварительной подпискѣ за 20 руб. Въ настоящее время вышло въ свѣтъ три первыхъ книги, остальныя должны выйти къ лѣту 1905 года, послѣ чего цѣна будетъ повышена до 25 руб. Въ цѣломъ получается изданіе значительной по теперешнему читателю стоимости, и Общество поступило правильно, устроивъ въ то же время продажу и отдѣльными книгами. Не всѣ онѣ представляютъ для современной публики одинаковый интересъ и значеніе, а благодаря указанному порядку продажи каждый можетъ пріобрѣтать лишь необходимую для него книгу. Общество поступило правильно и въ другомъ отношеніи: при распредѣленіи матеріала по отдѣльнымъ книгамъ оно, не мудрствуя лукаво, сохранило безъ перемѣнъ распорядокъ самого автора въ сборникѣ «Историческія монографіи и изслѣдованія». Въ трехъ вышедшихъ въ свѣтъ книгахъ—свыше 2.000 страницъ убористой печати: легко себѣ представить, какую массу печатнаго матеріала представитъ все изданіе, въ предисловіи къ которому нѣтъ никакихъ указаній ни на отвѣтственнаго редактора текста, ни на отсутствіе или наличность поправокъ или дополненій текста, напечатаннаго при жизни автора. Въ вышедшихъ книгахъ помѣщены «Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія», «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльновѣчевого уклада» (исторія Новгорода, Пскова и Вятки) и рядъ болѣе мелкихъ работъ, среди которыхъ надо отмѣтить особо двѣ знаменитѣйшихъ, если такъ можно выразиться, а именно: «Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси» и «Иванъ Сусанинъ».

Предпріятіе литературнаго фонда нельзя не привѣтствовать: Костомарова нельзя забыть очень скоро, хотя его труды давно уже вышли изъ границъ очередныхъ запросовъ русской исторической науки, хотя его личная біографія въ связи съ современными ему общественными теченіями куда интереснѣе и цѣннѣе многихъ его историческихъ картинъ, трактуемыхъ за «художественныя». Русская дѣйствительность грѣшна передъ Костомаровымъ: она не лелѣяла и не согрѣвала его дарованій, она гнала ихъ, она грубо и назойливо выбросила его за бортъ университетскаго судна... Мартирологъ русской науки въ лицѣ Костомарова имѣетъ благодарный и выразительный типъ. Даже крошечный біографическій очеркъ, приложенный къ первой книгѣ «Собранія сочиненій Н. И. Костомарова» и щегольнувшій необычайной сухостью изложенія, вдругъ спохватился въ концѣ

(стр. XIII) и сдѣлалъ оговорку, что «жизнь Н. И. Костомарова нельзя назвать счастливою». Мы едва ли скажемъ что-либо не приличествующее случаю, если позволимъ себѣ утверждать, что его прежняя слава въ современной ему публикѣ создалась не столько общей массой его историческихъ писаній, сколько своеобразными чертами его біографіи. Страшно подумать, сколько безсмысленнаго драматизма заключено въ біографической галлереѣ русскихъ писателей, разошедшихся съ затхлой атмосферой департаментскихъ канцелярій! Костомаровъ *не* былъ желаннымъ гостемъ въ русскомъ университетѣ, и если онъ былъ страшно популярнымъ и внѣ каѳедры, то этимъ лишь эффектнѣе подчеркивается вся нелѣпость его исчезновенія изъ университета. Костомарова не только хвалили и читали, но и не мало бранили и обирали, даже чѣмъ сильнѣе обирали, тѣмъ рѣзче бранили. Не остался чуждымъ вліянію костомаровскихъ характеристикъ и одинъ московскій историкъ, курсъ котораго обошелъ всю Россію, но который въ открытую больше склоненъ цѣнить серьезнаго и гордо дѣловитаго С. М. Соловьева, нежели публицистически страстнаго Н. И. Костомарова. Самъ «природный русскій исторіографъ» и лихой ci-devant суворинскій публицистъ г. Иловайскій, развѣ не черпалъ онъ у Костомарова вдохновеніе для нѣкоторыхъ «художественныхъ» страницъ своего толстаго памфлета подъ заголовкомъ «Исторія Россіи»? Бранили Костомарова рѣзко, нападали зря, и онъ выдерживалъ всѣ эти удары и нападки прежде всего по той причинѣ, что оппоненты обыкновенно попадали въ ложное положеніе, занимая неумѣренно публицистическую порцію, да еще дурного тона. Въ порывѣ услужливаго негодованія они проглядывали, дѣйствительно, слабыя стороны костомаровскихъ работъ, нападали не туда и не такъ, вслѣдствіе чего проигрывали даже тогда, когда стояли на вѣрной дорогѣ. Достаточно припомнить хотя бы знаменитый диспутъ Костомарова съ Погодинымъ, въ которомъ послѣдній провалилъ правое дѣло прежде всего какъ представитель лакействующей части московской интеллигенціи. Критики съ неудовольствіемъ читали, напримѣръ, фразу Костомарова (I, стр. 41) о томъ, что «старыя славянскія понятія объ общественномъ строѣ признавали за источникъ общей народной правды волю народа, приговоръ вѣча, изъ кого бы то ни состоялъ этотъ народъ, какъ бы ни собиралось это вѣче, смотря по условіямъ, эти условія то расширяли, то съуживали кругъ участвующихъ въ дѣлахъ, то давали вѣчу значеніе всенароднаго собранія, то ограничивали его толпою случайныхъ счастливцевъ въ игрѣ на общественномъ полѣ», забывая, что въ той же статьѣ Костомаровъ помѣщаетъ рискованное положеніе: «православіе принесло къ намъ идею монархизма», забывая, наконецъ, что во всей статьѣ гораздо больше мечтаній, красивыхъ оборотовъ, потугъ на политическую философію, нежели собственно историческихъ построеній. А въ какую пришли ярость отъ прелестной статьи Костомарова объ Иванѣ Сусанинѣ? Можно подумать, что здѣсь шла рѣчь о какомъ-то крупнѣйшемъ явленіи русской исторіи. Вѣрить или не вѣрить въ легенду о сусанинскомъ подвигѣ, — да развѣ объ этомъ можетъ быть рѣчь?! Костомаровъ показалъ, что рѣчь можетъ быть, что всякая историческая традиція, какъ бы она ни была маловажна сама по себѣ, требуетъ критики, анализа, и что гораздо лучше начинать съ отрицанія, нежели съ наивной вѣры во всякую строку, пришедшую къ намъ изъ далекаго прошлаго. Намъ теперь и въ голову не придетъ спорить на тему о подвигѣ Сусанина, ибо, во-первыхъ, историкъ вовсе не призванъ заниматься подвигами, ему до нихъ нѣтъ ровно никакого дѣла, а во-вторыхъ, онъ съумѣетъ оцѣнить роль легенды независимо отъ анекдота, въ ней разсказаннаго. Для историка современнаго важенъ здѣсь не фактъ, а возможность мысли о такомъ фактѣ, ея происхожденіе и популяризація. Признаемъ ли мы наличность сусанинскаго подвига или отвергнемъ ее, отъ этого не измѣнится ни одна іота, ни одна черта въ

пониманіи отечественнаго прошлаго, можемъ этимъ не заниматься вовсе, если первоисточники не предлагаютъ намъ готоваго рѣшенія. А вотъ какъ возникла, развивалась и распространялась столь своеобразная легенда, какъ перессорились изъ-за нея наши отечественные историки — все это цѣнно для нашей общественной психологіи. Отнеситесь съ полнымъ отрицаніемъ къ сущности статьи Костомарова объ Иванѣ Сусанинѣ, — и для васъ все-таки эта статья не потеряетъ крупнаго значенія: она боролась съ дѣтски-простодушной вѣрой въ традицію и косвенно, помимо воли автора, подрывала серьезность разнообразныхъ мелочей, изъ которыхъ чуть ли не исключительно хотѣлось бы строить историческое изложеніе кабинетнымъ болтунамъ. Любопытно, что Костомаровъ въ той же статьѣ отдаетъ дань времени, принижая значеніе своего критицизма и неумѣстнымъ сопоставленіемъ еще болѣе раздражая не по разуму усердствующихъ. Костомаровъ заканчиваетъ свою статью такими словами (I, стр. 280): «Въ исторіи Сусанина достовѣрно только то, что этотъ крестьянинъ былъ одною изъ безчисленныхъ жертвъ, погибшихъ отъ разбойниковъ, бродившихъ по Россіи въ Смутное время; дѣйствительно ли онъ погибъ за то, что не хотѣлъ сказать, гдѣ находился новоизбранный царь Михаилъ—это остается подъ сомнѣніемъ. По случайному сближенію, то, что выдумали про Сусанина книжники наши въ XIX вѣкѣ, почти въ такомъ видѣ, въ XVII вѣкѣ, случилось на противоположномъ концѣ русскаго міра, въ Украйнѣ. Когда, въ маѣ 1648 года, гетманъ Богданъ Хмельницкій гнался за польскимъ войскомъ подъ начальствомъ Потоцкаго и Калиновскаго, одинъ южно-русскій крестьянинъ, Микита Галаганъ, взялся быть вожатымъ польскаго войска, умышленно завелъ его въ болота и лѣсныя трущобы, и далъ возможность казакамъ разбить враговъ своихъ». Въ этомъ заключеніи старые критики не видѣли ничего, кромѣ отрицанія и обиды, они никакъ не могли замѣтить, что его автора можно попрекнуть за невольную приверженность къ старымъ грѣхамъ исторической литературы.

Популярность Костомарова въ свое время покоилась и на томъ, что онъ любилъ по своему, по-костомаровски касаться наиболѣе популярныхъ темъ въ нашей исторіи: онъ не забылъ ни вѣча, ни земскихъ сборовъ, онъ коснулся сѣверно-русскихъ республикъ и московскаго единодержавія, смутнаго времени и малорусскихъ возстаній, онъ высказался и по вопросу о происхожденіи крѣпостного права. Этотъ послѣдній вопросъ и поставленъ у Костомарова по старинному: въ статьѣ «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права», онъ, слѣдуя за Погодинымъ, обѣляетъ (sic!) царя Бориса, говоря, что того требуетъ историческая справедливость. Костомаровъ распространяется затѣмъ вообще на тему о крѣпостномъ правѣ въ древней Россіи, понимая его и въ обширномъ, и въ болѣе тѣсномъ значеніи. Публика зачитывалась его разсужденіями о произволѣ, но отъ того не легче было пониманію сути историческаго крѣпостного права. Костомаровъ подхватилъ у Погодина критику традиціи о царѣ Борисѣ, какъ творцѣ крѣпостного права, и разнесъ ее почитающей публикѣ, такъ какъ послѣдняя читала Костомарова и не хотѣла заглядывать въ Погодина, въ того несчастнаго Погодина, у котораго мы находимъ не мало цѣннаго для разработки нашего прошлаго, но который умѣлъ въ корнѣ подорвать свой авторитетъ въ общественномъ мнѣніи, благодаря грязноватости своей публицистики.

Заговоривъ о Костомаровѣ, можно незамѣтно написать длинную и любопытную статью объ общественномъ интересѣ его писаній и оставить въ сторонѣ его значеніе въ нашей исторіографіи. У Костомарова было болѣе политическихъ чувствъ, нежели опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій; своими писаніями онъ будилъ мысль, а еще болѣе воображеніе и чувство; онъ не столько анализировалъ, не столько заботился о строгой системѣ и надежномъ

обоснованіи своихъ выводовъ, сколько спѣшилъ подѣлиться съ читающей массой своими впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства съ первоисточниками и литературою; строгій научный объективизмъ былъ не въ ладахъ съ его нервною натурой, онъ читалъ первоисточникъ и видѣлъ въ немъ болѣе всего то, что ему хотѣлось бы найти въ немъ, а не то, что въ немъ дѣйствительно было; его теоретическіе взгляды въ области исторіи сбивчивы и темны, хотя Костомарова грѣшно было бы не считать своего рода новаторомъ: опредѣленно и рѣзко выставилъ онъ на своемъ историко-литературномъ знамени—изученіе *народнаго быта*. Это—его первая крупная заслуга. Не менѣе важной надо признать и вторую: Костомаровъ пріучилъ насъ къ чтенію по русской исторіи, развилъ къ ней большій интересъ и заставилъ не стѣсняться въ критикѣ старыхъ легендъ. Крупное значеніе въ нашей литературѣ Н. И. Костомарова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и тѣмъ не менѣе нельзя не признаться въ томъ, что старѣютъ его работы не по днямъ, а по часамъ. Въ этомъ скоромъ одряхлѣніи равно виноваты и чрезвычайно быстрый ростъ историческихъ взглядовъ за послѣднее время, и та тяжкая общественная атмосфера, которая сбросила Костомарова съ каѳедры и заставила провести всю жизнь въ нервномъ публицистическомъ напряженіи и вызывающемъ задорѣ.

В. Н—жевъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ, ФИЗИКА И БІОЛОГІЯ.

Летурно. „Біологія".—*Э. Кандезъ.* „Переселеніе насѣкомыхъ въ долинѣ рѣки Жилеппы".—*П. Вольногорскій.* „Страница изъ книги природы".

Д-ръ Ш. Летурно. Біологія. Перев. съ 4-го франц. изд. В. Ранцовъ. Спб. 1904 г. Изд. Большакова и Голова. Ц. 1 р. 50 к. Поясняя нѣсколько неопредѣленное заглавіе книги, авторъ говоритъ, что понимаетъ «біологію» въ узкомъ смыслѣ слова, т.-е. даетъ въ своемъ произведеніи очеркъ той части науки о жизни, которая трактуетъ «о томъ, какимъ именно образомъ живыя существа питаются, растутъ, размножаются, двигаются, чувствуютъ и мыслятъ». Слѣдовательно, короче — очеркъ такъ называемой общей физіологіи. Книга предназначается имъ, главнымъ образомъ, для неспеціалистовъ — для «массы обыкновеннаго образованнаго люда, осужденнаго принятой пока повсемѣстно еще въ Европѣ системой народнаго образованія оставаться въ полнѣйшемъ почти невѣдѣніи относительно всего, что составляетъ предметъ біологіи». Дать популярное изложеніе общей физіологіи растительнаго и животнаго царства — намѣреніе, безусловно, хорошее, но, къ прискорбію, книга Летурно въ лежащемъ передъ нами переводѣ г. Ранцова свидѣтельствуетъ лишній разъ о томъ, что «благими намѣреніями адъ вымощенъ», и мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь читателей, которыхъ можетъ ввести въ заблужденіе громкое имя Летурно и вполнѣ приличная внѣшность книги. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько не нуждающихся въ комментаріяхъ примѣровъ, число которыхъ мы могли бы при желаніи увеличить до безконечности.

Въ главѣ о «жизни» (стр. 26—34) авторъ заявляетъ себя убѣжденнымъ сторонникомъ механической теоріи жизни, это не мѣшаетъ ему, однако, видѣть жизнь тамъ, гдѣ ее никто не видитъ,—такъ, цѣлая глава посвящена у него «живымъ жидкостямъ», каковыми онъ считаетъ «бластемы» (!) и «плазмы» (!). «Бластемою называется всякая жидкость, заполняющая промежутокъ между анатомическими элементами, если только она живая, т.-е. обладаетъ способностью

питаться путемъ вещественнаго обмѣна съ окружающей ее средой; плазмы, въ свою очередь, являются живыми жидкостями, движущимися въ предназначенныхъ для того сосудахъ, таковы, напр., кровь и пасока (!) у животныхъ» (стр. 51). Этими открытыми авторомъ «бластемами» являются «межклѣточныя жидкости зародыша въ періодъ, предшествующій образованію сосудовъ, жидкости, *способныя организоваться* (!), которыя выдѣляются въ заживающей ранѣ и, наконецъ, жидкости, содержащіяся въ серозныхъ полостяхъ» (стр. 53). Между прочимъ, эти необыкновенныя «бластемы» «должны признаваться *основными производящими жидкостями* (курсивъ вездѣ нашъ), такъ какъ «анатомическіе элементы зародышей или же тканей, которыя развиваются или обновляются, возникаютъ всегда въ бластемахъ» (стр. 52). Къ «живымъ» плазмамъ (это сбивающее съ толку названіе, очевидно, уже лежитъ на отвѣтственности переводчика) авторъ причисляетъ также «водянистые выпоты на поверхности серозныхъ оболочекъ (мозга, сердца, легкихъ и др.), синовіальныя жидкости, и, наконецъ, также *сѣмя, молоко*, различнаго рода *слизи, слюни* (sic!), желчь, соки кишечнаго канала и т. д.» (стр. 56). И всѣ эти «плазмы, сами по себѣ, обладаютъ способностью питанія, *а потому оказываются живыми»* (стр. 58).

Авторъ во многихъ случаяхъ является сторонникомъ «самозарожденія» элементовъ. Такъ, ссылаясь на мнѣніе какого-то Шарля Робена, онъ полагаетъ, что волокна въ животномъ организмѣ «не обнаруживаютъ ни малѣйшаго слѣда клѣточной формы; они даже не происходятъ отъ клѣточныхъ элементовъ» (стр. 47). Далѣе приводится bona fide мнѣніе какой-то «французской біологической школы» (вѣроятно, того же Шарля Робена?), будто «большинство такъ называемыхъ основныхъ элементовъ, образующихъ истинную сущность животнаго организма, происходитъ, какъ у зародыша, такъ и у взрослаго существа *путемъ самозарожденія или синтеза изъ живыхъ жидкостей»* (стр. 48).

Этотъ никому невѣдомый Шарль Робенъ, судя по частымъ цитатамъ и ссылкамъ, является для автора величайшимъ авторитетомъ, хотя утверждаетъ весьма странныя веши. Такъ онъ «указываетъ, что содержащіяся въ крови различныя соли *служатъ другъ другу взаимными растворителями»* (стр. 63). Далѣе онъ предлагаетъ гипотезу объясняющую диффузію: «жидкости, газы или пары, проникающіе сквозь стѣнки клѣтокъ или поверхностные слои волоконъ, соединяются мимоходомъ съ химическими элементами раздѣляющей перегородки, а затѣмъ, *приходя по другую ея сторону, въ соприкосновеніи съ другими веществами*, покидаютъ элементы перегородки, чтобы вступить въ новыя соединенія» (стр. 85). Просто и понятно!

Наконецъ, тотъ же Шарль Робенъ не мѣнѣе геніально объясняетъ происхожденіе полярныхъ тѣлецъ яйца или «шариковъ», по терминологіи г. Ранцова: «шарики эти возникаютъ вслѣдствіе начинающагося въ желткѣ *процесса проростанія»* (стр. 322).

Впрочемъ, свѣдѣнія, сообщаемыя самимъ Летурно, не уступаютъ заимствованнымъ имъ отъ Шарля Робена. О гистологіи, напр., у нашего автора (а еще болѣе у его переводчика) представленія самыя смутныя.

Вотъ что, наприм., узнаетъ читатель о крови. Красные кровяные шарики или, по терминологіи г. Ранцова, «гематіи», лишь по «германской целлюлярной теоріи (которой Летурно, повидимому, не сочувствуетъ?) рождаются у зародыша отъ существовавшихъ передъ тѣмъ клѣтокъ, а затѣмъ размножаются сегментаціей, т.-е. раздѣленіемъ на части (sic!), но обстоятельство это еще не выяснено непосредственнымъ наблюденіемъ. Достовѣрно, однако, что *гематіи зарождаются въ крови»* (стр. 69).

«Насыщаясь кислородомъ воздуха, *гематіи разбухаютъ* (вѣроятно, какъ пробки въ водѣ?) *и стремятся утратить вдавленія*, существующія на

обѣихъ ихъ сторонахъ. Напротивъ того, соединяясь съ углекислотой они *претерпѣваютъ уменьшеніе въ объемѣ*» (стр. 69). Открытіе прямо сенсаціонное! Что «гематіи» дѣйствительно *состоятъ* изъ гемоглобина, подтверждается еще разъ: «кислородъ вступаетъ, *вѣроятно*, въ химическое соединеніе съ *веществомъ* краснаго кровяного шарика, т.-е. гемато-глобулиномъ» (стр. 71). Очень недурно это «вѣроятно»—очевидно, ни авторъ, ни переводчикъ не слыхали объ оксигемоглобинѣ артеріальной крови!

Наконецъ, гг. Летурно и Ранцовъ открыли, что «мужскія яйцевыя клѣтки (sic), *по свидѣтельству многихъ наблюдателей* (какъ жаль, что имена ихъ не цитируются!), образуются, сколько можно судить, чаще всего *путемъ самозарожденія*, какъ въ артеріяхъ (!) у явнобрачныхъ растеній, такъ и въ половыхъ органахъ у животныхъ» (стр. 326)!..

Впрочемъ, что же говорить о такихъ пустякахъ, какъ самозарожденіи половыхъ клѣтокъ, когда авторъ въ главѣ «о происхожденіи организованныхъ существъ» подкрѣпляетъ гипотезу самозарожденія *организмовъ* такими примѣрами: «существуетъ множество наблюденій и опытовъ, которые *весьма естественно* истолковываются именно съ помощью этой гипотезы; такъ нѣкоторые растительные паразиты развиваются подъ корою у живыхъ растеній. Откуда, спрашивается, могли бы проникнуть туда ихъ зародыши, особенно же у такихъ растеній, листья которыхъ не обладаютъ даже устьицами? Извѣстно, что *микроскопическія грибки* зарождаются и живутъ внутри лимоновъ, являющихся снаружи *нисколько не поврежденными*. Подобные же микроскопическіе грибки встрѣчаются въ полостяхъ древесины, подъ нѣсколькими совершенно здоровыми годичными ея слоями. Марклинъ видѣлъ яйцо съ совершенно цѣльной скорлупою, по разбитіи которой оказалось, что бѣлокъ былъ наполненъ спорами плѣсени. Недавно найдены были *вибріоны въ гноѣ подкожнаго нарыва*. Дюжарденъ упоминаетъ о такъ называемомъ уксусномъ угрикѣ, который живетъ исключительно только въ винномъ уксусѣ, но не встрѣчаются ни въ винѣ, ни въ виноградѣ. ¿Откуда могъ онъ произойти и гдѣ находились его зародыши, когда человѣкъ не выдѣлывалъ еще ни вина, ни уксуса» (стр. 307).

Удивительно, что такія вещи могутъ писаться и печататься въ началѣ XX-го вѣка, и печально, что онѣ преподносятся «обыкновенному образованному люду» какъ послѣднее слово науки! Впрочемъ, на цитированной нами страницѣ даже переводчикъ не выдержалъ и вставилъ отъ себя примѣчаніе объ открытіяхъ Пастера, замалчиваемыхъ авторомъ.

Послѣ всѣхъ перечисленныхъ шедевровъ мы считаемъ ненужнымъ приводить промахи переводчика, проистекающіе отъ его полнаго незнанія элементарной научной терминологіи.

Мы не остановились бы такъ долго на разборкѣ и на выписываніи курьезовъ изъ этой книги, если бы не опасались, что громкое имя автора, вполнѣ приличная внѣшность книги, равно какъ и недорогая цѣна, помогутъ ея широкому распространенію, тогда какъ по нашему убѣжденію, единственное, чѣмъ могла бы недавно возникшая издательская фирма загладить свой, надо думать, невольный грѣхъ предъ русской читающей публикой—это изъять книгу Летурно совершенно изъ продажи. *П. Ю. Шмидтъ*

Э. Кандезъ. Переселеніе насѣкомыхъ въ долинѣ рѣки Жилеппы. Разсказъ для дѣтей. Перев. В. Шевыревой подъ редак. Ив. Шевырева. Спб. Изд. «Книговѣда». 1904 г. Ц. 1 р. «Энтомологическій» романъ—совершенно своеобразный родъ популярно-научныхъ произведеній, особенно привившійся во Франціи, имѣетъ и свои достоинства, и свои недостатки. Къ хорошимъ сторонамъ такого рода произведеній должно причислить возможность въ интересномъ, захватывающемъ разсказѣ, въ которомъ дѣйствующими лицами являются насѣкомыя, познакомить читателя съ жизнью и нравами этихъ послѣднихъ,—

непремѣннымъ условіемъ является, однако, чтобы разсказъ былъ дѣйствительно живымъ, талантливымъ и увлекательнымъ. Дурная сторона заключается въ неизбѣжности сильнаго противорѣчія съ современными научными взглядами,—какъ бы ни были строго научно разработаны детали разсказа, основная канва его—приписываніе насѣкомымъ человѣческихъ мыслей и поступковъ—идетъ все же совершенно въ разрѣзъ съ нашими представленіями о психической жизни животныхъ. Взрослый, нѣсколько знакомый съ естественной исторіей, конечно, разберется и съумѣетъ отдѣлить продукты фантазіи автора отъ серьезныхъ данныхъ о жизни насѣкомыхъ, но ребенокъ едва ли сможетъ произвести такую сортировку и, навѣрное, начитавшись такихъ романовъ, получитъ совершенно неправильное, вполнѣ антропоморфическое представланіе о духовныхъ способностяхъ низшихъ животныхъ.

Все сказанное вполнѣ приложимо къ книжкѣ Кандеза. Насѣкомыя по волѣ автора не только говорятъ, думаютъ, совершаютъ геройскіе подвиги и низменные поступки, но и живутъ политическою жизнью, философствуютъ о современномъ строѣ общества и даже—увы!—пьютъ по рюмочкѣ, «разрѣшая себѣ это удовольствіе насколько возможно чаще» (стр. 9). Авторъ вводитъ въ разсказъ много небезынтересныхъ и вполнѣ научныхъ подробностей изъ жизни насѣкомыхъ—нельзя, однако, сказать, чтобы онъ дѣлалъ это особенно удачно: въ большинствѣ случаевъ эти подробности сообщаются въ разсказахъ одного насѣкомаго другимъ и могли бы, слѣдовательно, съ такимъ же успѣхомъ быть переданы прямо отъ лица автора. Дѣйствія же героевъ разсказа, при полной ихъ фантастичности, нерѣдко передаются авторомъ такъ, что могутъ быть приняты за чистую монету, и дадутъ читателямъ совершенно преувеличенное представленіе объ умѣ насѣкомыхъ,—таково, напр., описаніе въ IX главѣ постройки муравьями плотины съ цѣлью атаки жуковъ, спасающихся на островкѣ, или описаніе переправы одного жука на спинѣ другого, водяного—тамъ же.

Вообще говоря, польза отъ такихъ произведеній кажется намъ сомнительной, особенно для мало подготовленнаго читателя. Въ данномъ случаѣ, къ тому же, разсказъ Кандеза тягучъ, страдаетъ длиннотами и мало увлекателенъ,—дочитать его до конца едва ли у многихъ хватитъ терпѣнія.

Переводъ довольно гладкій и рисунки, заимствованные изъ французскаго изданія, не лишены оригинальности. *П. Ю. Шмидтъ.*

П. Вольногорскій. Страницы изъ книги природы. Спб. Изд. «Обществ. Пользы». 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Окружающая насъ русская природа не часто дѣлается предметомъ популяризаціи,—все, что у насъ передъ глазами, кажется такимъ сѣрымъ, безцвѣтнымъ и неинтереснымъ, что лишь рѣдкіе авторы рѣшаются посвятить ему свои строки! Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы каждую удачную попытку разобраться въ этомъ «неинтересномъ» окружающемъ и выискать въ немъ интересныя стороны. Одною изъ такихъ вполнѣ удачныхъ попытокъ является книга г. Вольногорскаго (псевдонимъ), представляющая изъ себя сборникъ живо и занимательно написанныхъ очерковъ изъ жизни русской природы. Очерки эти охватываютъ самыя различныя явленія жизни растительнаго и животнаго міра—почки и распусканіе деревьевъ весною, устройство яйца птицы, строеніе цвѣтка и связь его съ опыленіемъ насѣкомыми, приспособленія у растеній къ водному образу жизни, мелкія животныя водныхъ слоевъ озера (планктонъ), устройство сѣмянъ и т. п. — обо всемъ этомъ авторъ умѣетъ разсказать много интереснаго, притомъ такъ, что его разсказъ побуждаетъ и читателя къ наблюденіямъ природы. Всѣ очерки проникнуты искреннею любовью къ природѣ и обнаруживаютъ въ авторѣ умѣнье не только понимать ее, но и чувствовать красоты природы. Хотя книга предназначается для дѣтей старшаго возраста, но многіе изъ очерковъ, безъ сомнѣнія, будутъ прочтены съ удовольствіемъ и взрослыми любителями природы, тѣмъ болѣе, что подчасъ въ нихъ сообщаются далеко не

всѣмъ извѣстныя вещи. Книга богато иллюстрирована политипажами, изъ которыхъ часть представляетъ изъ себя очень удачные снимки съ натуры. Внѣшность книги безупречна. *П. Ю. Шмидтъ.*

ГЕОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Гессе-Вартегъ. „Японія и японцы".

Гессе-Вартегъ. Японія и Японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Д. И. Шрейдера. Спб. 1904 г. 2 изд. Книга извѣстнаго нѣмецкаго путешественника Гессе-Вартега о Японіи представляетъ несомнѣнно большой интересъ. Гессе-Вартегъ умѣетъ смотрѣть и умѣетъ описывать. Художественныя описанія природы чередуются у него съ любопытными бытовыми сценами. На фонѣ роскошной природы японскихъ островов развертываются передъ читателемъ своеобразныя картины жизни ихъ обитателей. Мы найдемъ тутъ и яркое изображеніе землетрясенія, и описанія театра, и свадебные обряды, и живописные праздники, и нѣкоторыя черты современнаго культурнаго роста Японіи—данныя о ея промышленности, литературѣ и остатки старины въ видѣ свято соблюдаемыхъ народныхъ обычаевъ, и еще многое другое. Все это вмѣстѣ даетъ читателю большой и разнообразный матеріалъ. Но довольно ли этого богатства и разнообразія для того, чтобы дать правильное представленіе о такой странѣ, какъ Японія настоящаго момента, странѣ полной противорѣчій и неожиданностей, всей въ броженіи, въ дѣланіи? Читатель нѣсколько растеривается среди этихъ роскошныхъ европейскихъ зданій университетовъ и рядомъ цѣлыхъ семей, купающихся всенародно передъ раздвинутыми стѣнами своего немудраго жилища. Изъ-за рѣшетчатыхъ стѣнъ причудливыхъ чайныхъ домиковъ выглядываютъ на него фантастическія фигурки прелестныхъ гейшъ, проданныхъ сюда чуть не въ рабство собственными семьями. а рядомъ прекрасно поставленныя школы, библіотеки, внушительное зданіе парламента. Невольно ищешь руководящей нити, для того чтобы разобраться во всемъ этомъ, помирить безчисленныя противорѣчія, не скрываемыя наблюдательнымъ авторомъ. Сначала представляется, что этой основной точки зрѣнія и нѣтъ совсѣмъ, противорѣчія бьютъ въ глаза, заинтересовываютъ, смущаютъ, авторъ же держится въ сторонѣ, безпристрастно рисуя и остатки далекой старины, и поразительные успѣхи молодой культуры, предоставляя читателю самому разбираться среди всего этого калейдоскопа. Но мало-по-малу, вчитываясь въ книгу, начинаешь замѣчать ту нить, по которой авторъ располагаетъ свои наблюденія, улавливаешь уголъ его зрѣнія. И только въ послѣдней главѣ находишь, наконецъ, разгадку всего, ключъ къ пониманію точки зрѣнію автора, отношенія его къ предмету. Глава эта называется «Джіуджутсу» и содержитъ въ себѣ описаніе оригинальнаго японскаго спорта своеобразной борьбы атлетовъ. Не знаемъ, почему Гессе-Вартегъ оставляетъ за собой привилегію открытія этого спорта для европейцевъ. Уже давно авторъ поэтическихъ картинъ Японіи Лафкадіо Гирнъ *) посвятилъ характеристикѣ этой борьбы цѣлый особый очеркъ. Какъ бы то ни было, сущность джіуджутсу заключается въ томъ, чтобы «побѣждать, уступая». Борецъ дѣлаетъ видъ, что отступаетъ, утомляетъ противника, изучая въ то же время его слабыя стороны, и, выждавъ удобный моментъ, легкимъ движеніемъ, почти безъ усилій, наноситъ ему рѣшительный ударъ и побѣждаетъ его. Въ характерѣ этой борьбы Гессе-Вартегъ видитъ прообразъ всѣхъ отношеній Японіи къ Европѣ, въ ней находитъ разгадку всѣхъ противорѣчій текущей японской жизни.

---

*) „Міръ Божій". 1895 г., октябрь.

Въ предисловіи къ первому изданію русскаго перевода книги Гессе-Вартега Д. И. Шрейдеръ отмѣчаетъ высказанный въ этой главѣ отрицательное отношеніе автора къ современной японской культурѣ, и выражаетъ свое полное несогласіе съ нимъ. Вполнѣ раздѣляя взглядъ редактора, мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ основное мѣсто данной главы и остановимся нѣсколько подробнѣе на внутреннихъ пружинахъ мнѣній автора.

«Какъ каждый самурай прибѣгалъ въ нужныхъ случаяхъ, къ джіуджутсу, такъ и всѣ японцы, вмѣстѣ взятые, прибѣгаютъ къ нему: ихъ отношеніе къ иностранцамъ не что иное, какъ джіуджутсу. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ это было основнымъ тономъ всей японской политики, и если Японія до сихъ поръ успѣшно выходила изъ своего политическаго, экономическаго и культурнаго кризиса, то только благодаря примѣненію джіуджутсу японскими государственными людьми.

«Какой почитатель японцевъ не предполагалъ двадцать лѣтъ тому назадъ, что Японія не усвоитъ цѣликомъ западной культуры, не только промышленности, путей сообщенія и науки, но и нравственныхъ понятій и главное христіанства? Кто не разсчитывалъ на то, что японцы, вмѣстѣ съ европейскимъ платьемъ, усвоятъ себѣ европейскіе нравы, откроютъ европейцамъ свою страну, что они *притянутъ къ себѣ европейскіе капиталы, обставивъ ихъ выгодными условіями* *) для развитія своихъ естественныхъ богатствъ. Японцевъ считали такими умными, интеллигентными, такими *прямыми и честными*, что надѣялись увидѣть современемъ въ восточной Азіи вполнѣ культурное государство; bona fide во всѣхъ отношеніяхъ имъ, такъ сказать, держали лѣстницу, по которой имъ легко было бы вскарабкаться. Но все это въ сущности было только джіуджутсу, игра слабаго съ сильнымъ, безпомощное пользованіе силами сильнаго *для своихъ національныхъ выгодъ*, скрытая борьба восточныхъ людей съ европейцами, въ которой послѣднихъ просто водили за носъ. Хорошо было бы разоблачить это во всѣхъ мелочахъ, чтобы оно послужило предостереженіемъ въ будущемъ» (стр. 391).

Нельзя не сознаться, что это по меньшей мѣрѣ откровенно выраженныя претензіи. Дѣйствительно, не обидно ли это? Въ то время, какъ европейцы считали японцевъ такими прямыми и честными (едва ли только умными), что они приложатъ всѣ усилія къ обогащенію европейскихъ предпринимателей, создавъ самыя выгодныя условія для ихъ капиталовъ, они, неблагодарные, думали о собственныхъ національныхъ выгодахъ! Какъ вамъ это покажется! Дальше эти тяжкія обвиненія формулируются еще опредѣленнѣе. «На Японію разсчитывали,—пишетъ Гессе-Вартегъ,—какъ на большой рынокъ для сбыта платья, башмаковъ, шляпъ, бѣлья и проч., и я самъ получалъ многочисленные запросы отъ купцовъ и фабрикантовъ относительно наступающей «большой торговли». Но все это было только джіуджутсу, только показное» (стр. 292). Коварные японцы обманули разыгравшіеся аппетиты европейскихъ промышленниковъ и остались въ собственныхъ кимоно и сандаліяхъ, а если и надѣваютъ европейское платье, то сами же его и изготовляютъ. Это ужъ прямое надувательство! И такъ во всѣхъ областяхъ. «Японія усвоила себѣ всѣ наши новѣйшія изобрѣтенія и открытія, испытала всѣ системы, какія она нашла въ Европѣ, и примѣнила ихъ у себя, не точно въ такомъ видѣ, нѣтъ,— она примѣнила ихъ настолько, насколько это нужно было для укрѣпленія ея силъ». Сознаемся, что такой методъ дѣйствія представляется намъ довольно разумнымъ, съ точки зрѣнія Японіи, конечно, но не съ точки зрѣнія обманувшихся въ своихъ разсчетахъ европейскихъ купцовъ.

---

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

Дальше подобнаго же рода обвиненіе ставится Японіи и въ духовной области. Воспринявъ европейскую культуру, она до сихъ поръ отказывается принять христіанство. Но когда же, кому и въ какой формѣ давала Японія обѣщаніе креститься, какъ только ей будетъ разрѣшено распространить у себя европейскую цивилизацію? И что такое вообще эта «европейская цивилизація», которою Европа думаетъ не безъ выгоды торговать съ Японіей, уступая ей тѣ или другія блага ея за соотвѣтствующій гонораріи? Цивилизація, что, кажется, давно понято въ Японіи, есть достояніе общечеловѣческое, и каждая страна имѣетъ право вводить ее у себя примѣнительно къ своимъ условіямъ, не откупаясь за это взятками разнымъ болѣе или менѣе сомнительнымъ европейцамъ, являющимся въ качествѣ поставщиковъ ея, оптомъ или въ розницу.

Резюмируя всѣ свои наблюденія, Гессе-Вартегъ находитъ, что и вся вообще современная цивилизація Японіи есть только хитрый пріемъ для побѣды надъ европейцами. Они прикидываются цивилизованными, чтобы привлечь и заманить европейпевъ и... по правдѣ сказать, мы не совсѣмъ уяснили себѣ, какое именно коварство замышляютъ потомъ японцы, во всякомъ случаѣ что-то для европейцевъ крайне непріятное. И поэтому европейцамъ слѣдуетъ быть съ ними какъ можно осторожнѣе. Насталъ моментъ «забить тревогу». Пресловутое слово «желтая опасность» не сказано, но оно чувствуется подо всѣми этими разсужденіями. И по обыкновенію подкладка этой «тревоги», этой «желтой опасности» до очевидности проста. Азіатская страна не желаетъ дать себя съѣсть европейскимъ купцамъ, они, конечно, недовольны, ропщутъ и находятъ себѣ услужливыхъ идеологовъ въ лицѣ такихъ ученыхъ, какъ Гессе-Вартегъ, Дюмоляръ и многіе другіе.

Послѣ того, какъ мы установили основную тенденцію автора, мы, признаться, съ меньшимъ довѣріемъ относимся къ любопытнымъ фактамъ, сообщаемымъ имъ. Кто знаетъ, быть можетъ, диковинность нѣкоторыхъ сценокъ немного преувеличена авторомъ, чтобы внушить нѣсколько недовѣрчивое отношеніе къ коварнымъ обитателямъ роскошныхъ острововъ. Но настаивать на этомъ мы не будемъ, во всякомъ случаѣ собранный путешественникомъ матеріалъ богатъ и интересенъ, а редакція русскаго перевода настолько внимательна и компетентна, что ручается за отсутствіе сколько-нибудь грубыхъ огрѣховъ. Во многихъ случаяхъ, когда авторъ допускаетъ сомнительныя утвержденія, редакторъ перевода отмѣчаетъ ихъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Вообще, какъ переводъ, такъ и изданіе сдѣланы безукоризненно, а множество прекрасныхъ иллюстрацій значительно увеличиваетъ интересъ.

Не можемъ не отмѣтить только, что нѣкоторое недоумѣніе вызвало въ насъ включеніе въ текстъ книги Гессе-Вартега статьи полковника М. Е. Грумъ-Гржимайло о японскомъ войскѣ и флотѣ. При массѣ техническихъ подробностей, касающихся вооруженія и снаряженія арміи и интересныхъ только для спеціалистовъ, фактическія данныя о количествѣ японскихъ военныхъ силъ представляются намъ нѣсколько устарѣвшими. Достаточно сказать, что полковникъ Грумъ-Гржимайло опредѣляетъ общее количество солдатъ, какое Японія можетъ выставить на материкъ при крайнемъ напряженіи всѣхъ силъ, въ 190.000 человѣкъ (стр. 138). Подобные разсчеты, хоть и обставленные цѣлымъ арсеналомъ вѣскихъ аргументовъ, звучатъ нѣсколько странно. Еще страннѣе, если можно такъ выразиться, характеристика японскаго солдата, даваемая авторомъ тоже на основаніи самыхъ серьезныхъ данныхъ. Позволимъ себѣ привести отрывокъ этого любопытнаго психологическаго опыта. Отдавая должное способности японскаго солдата довольствоваться малымъ, его наблюдательности и ловкости, авторъ продолжаетъ;

«Однако, за всѣми этими блестящими личными качествами японскаго солдата стоитъ темною занавѣсью то обстоятельство, что старые самураи оста-

лись только въ воспоминаніяхъ, а нынѣшніе ихъ потомки, лишенные военныхъ дѣйствій болѣе $2^1/_2$ вѣковъ, лишенные опыта, представляютъ заурядныхъ людой, живущихъ только славой и доблестью предковъ. Если же припомнить, что благодаря соціальному положенію 90% всего населенія, въ массѣ его не могли развиться ни иниціатива, ни энергія, ни самодѣятельность, что благодаря постояннымъ голодовкамъ отъ неурожаевъ населеніе стало слабосильнымъ и плохо развитымъ физически; наконецъ, что отсутствіе борьбы съ внѣшними врагами и отсутствіе событій, въ рѣшеніи коихъ могла принять вся нація, не дали развиться чувству патріотизма и національной солидарности, то увидимъ, что отрицательная сторона японскаго солдата настолько же, если не больше его положительныхъ сторонъ. Мы въ немъ не можемъ ожидать ни сознательнаго чувства долга, ни преданности династіи и религіи, ни патріотизма и личной иниціативы» (ст. 147).

«Ожиданія» полковника Грумъ-Гржимайло, во всякомъ случаѣ, не сбылись. Теперь уже о японскомъ солдатѣ можно говорить на основаніи фактовъ, а не на основаніи болѣе или менѣе глубокомысленныхъ предположеній. *Т. Б.*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной коммиссіи Кіевскаго Общества. Грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Выпускъ второй. 1904 г. Цѣна 40 к.

Книги и журналы для чтенія учащихся въ средней школѣ. Часть первая. Москва. 1904 г. Изд. книжнаго магазина П. Д. Путиловой. Ц. 20 к.
Коллективный трудъ библіотечной коммиссіи кіевскаго общества грамотности представляетъ собою довольно большую книгу въ 10 печатныхъ листовъ. Отзывы о вновь или сравнительно недавно появившихся книгахъ для народнаго чтенія составлены, насколько мы имѣли возможность провѣрить, чрезвычайно добросовѣстно, и, при своей сжатой выразительности и ясной мотивировкѣ, могутъ дѣйствительно послужить цѣннымъ руководствомъ въ практической работѣ лицъ и учрежденій, занятыхъ составленіемъ народныхъ библіотекъ. У насъ слишкомъ мало «народныхъ», получившихъ всеобщее признаніе, книгъ, несмотря на обиліе книгъ «для народа», чтобы не отнестись съ большимъ сочувствіемъ къ предлагаемому сборнику. Даже наши лучшіе писатели, краса и гордость русской литературы, далеко еще не «народны», поэтому тѣмъ большій вкусъ и осторожность должна была проявить библіотечная комиссія при разборѣ массы «дешевокъ», выбрасываемыхъ на книжный рынокъ. И она вполнѣ удовлетворительно выполнила кропотливый трудъ. Не имѣя ничего возразить противъ того критерія, которымъ руководилась и которому такъ успѣшно слѣдовала коммиссія при оцѣнкѣ книги, мы все же должны указать на искусственность способа рекомендаціи разобранныхъ народныхъ книгъ. Не ограничиваясь отнесеніемъ книги въ одинъ изъ трехъ разрядовъ, смотря по ея достоинству, коммиссія отмѣчаетъ также и ея пригодность не только для извѣстнаго возраста (въ сборникѣ имѣютъ въ виду дѣтей, подростковъ и взрослыхъ), но и для опредѣленной степени подготовленности читателя. Подраздѣленіе контингента читателей на менѣе развитыхъ и болѣе развитыхъ, кромѣ своей неопредѣленности, вредитъ еще и самой рекомендаціи книгъ: если въ оцѣнку сочиненія внести еще и элементъ его пригодности для «болѣе или менѣе» подготовленнаго читателя,—чисто-служебный въ данномъ случаѣ,—то и самъ отзывъ теряетъ въ своей чистотѣ, затемняясь сужденіями и интересами посторонняго порядка, не имѣющимъ отношенія къ самой книгѣ. Какъ справедливо замѣчаетъ коммиссія въ предисловіи къ первому выпуску, только

неблагопріятныя условія народной жизни, умственная отсталость, нищета и правительственная регламентація создаютъ благопріятныя условія для существованія *особой книги* «для народа». Конечно, съ этими «благопріятно-неблагопріятными» условіями необходимо считаться, а пока нашъ народъ не только не умѣетъ, но и не можетъ самъ выбирать себѣ книгу, слѣдуетъ издавать подобные изданному сборники отзывовъ, слѣдуетъ помочь ему въ поискахъ хорошей книги,—«хорошей», но не разсчитанной на «болѣе или менѣе» читателя. Не зачѣмъ усугублять существующую уже опеку. Если книга хороша, она хороша для всѣхъ. Вѣдь сама же коммиссія сочла излишнимъ рецензировать произведенія русскихъ классиковъ, изданныхъ для народа, ибо «говорить о *пригодности* (курсивъ нашъ) произведеній знаменитыхъ русскихъ писателей для народа комиссія находила тоже излишнимъ: по ея мнѣнію, *каждый* (курсивъ нашъ) русскій человѣкъ долженъ быть съ ними знакомъ». Не впадая въ противорѣчіе съ собой, коммиссія должна была слѣдовать своему мнѣнію и въ рецензіяхъ обо всѣхъ книгахъ, признанныхъ ею безусловно хорошими, а не снабжать ихъ буквами А и Б, имѣющими въ виду не «каждаго русскаго человѣка». Если же рѣчь идетъ о книгахъ «менѣе хорошихъ», то врядъ ли онѣ послужатъ на пользу и «болѣе» подготовленному читателю. Классификація «по подготовленности» понятна и законна лишь относительно книгъ научнаго содержанія.

Мы замѣтили отсутствіе указаній на многія изъ появившихся книгъ для народа, но не перечисляемъ здѣсь этихъ новыхъ, пропущенныхъ коммиссіей изданій, такъ какъ рецензіи о нихъ, очевидно, будутъ помѣщены въ готовящемся слѣдующемъ выпускѣ отзывовъ.

Изъ какихъ бы мотивовъ ни исходило стремленіе судить о книгахъ по читателю, оно всегда приводитъ къ печальнымъ результатамъ и для книги, и для читателя. Предъ нами списокъ книгъ и журналовъ, разрѣшенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за первую половину 1904 года для ученическихъ библіотекъ разнаго рода среднеучебныхъ заведеній. Оцѣнка книгъ по возрасту и подготовленности читателя поставлена, какъ извѣстно, во главу угла при составленіи и пополненіи ученическихъ библіотекъ въ нашихъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и пр. И, однако, само учебное вѣдомство признаетъ теперь, что ученическія библіотеки поставлены крайне неудовлетворительно. И центральное управленіе министерства, и мѣстные его органы крайне озабочены улучшеніемъ библіотекъ, такъ какъ въ ихъ настоящемъ положеніи онѣ не удовлетворяютъ даже «менѣе подготовленныхъ» гимназистовъ: «учащіеся очень слабо пользуются школьными библіотеками», говоритъ предисловіе къ «списку». И, въ самомъ дѣлѣ, перелистывая его, находишь, «разрѣшенными для библіотекъ» массу учебниковъ по ариѳметикѣ, алгебрѣ, исторіи, неизмѣннаго и неизмѣняемаго Д. Иловайскаго (изд. 28-е), «концентрическій учебникъ французскаго языка» Игнатовича, 15-е изд. учебника нѣмецкаго языка Ивана Оллендорфа, и между ними вкраплены и теряются даже всѣ 18 книгъ «Жизни и трудовъ Погодина» Барсукова Николая (для старш. возр.). Періодическія изданія, разрѣшенныя къ выпискѣ для ученическихъ библіотекъ въ первую половину 1904 года, слѣдующія: «Лѣтопись войны съ Японіей», «Природа и Жизнь», «Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны», «Русскій филологическій Вѣстникъ» и «Шахматное обозрѣніе».

Врядъ ли пополненіе библіотекъ указанными изданіями привлечетъ учащихся, и предлагаемый списокъ можетъ полужить для педагогическихъ совѣтовъ лишь толчкомъ къ коренной реформѣ составленія ученическихъ библіотекъ и къ необходимости значительнаго расширенія списка. Изъ предлагаемой скудости нечего выбирать.

Л. Б.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го сентября по 15-ое октября 1904 г.).

В. Кюкенталь. Руководство къ практической зоологіи. Съ 180 рис. Изд. Сойкина. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

В. Оствальдъ. Школа химіи (общая часть). Изд. Распопова. Одесса. 1904. Ц. 60 к.

Н. Abraham. Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Ч. I. Изд. Mathesis. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Вселенная и человѣчество. Вып. 12—14, 15—17, 18—20. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1904. Ц. кажд. вып. 40 к.

S. A. Arrhenius. Физика неба. Изд. Mathesis. Одесса. 1905. Ц. 2 р.

Ф. Рихарцъ. Новѣйшіе успѣхи въ области электричества. Изд. Распопова. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

Эмиль Вандервельде. Деревенскій отходъ и возвращеніе на лоно природы. Изд. Распопова. Одесса. 1904. Ц. 80 к.

Бугле Эгалитаризмъ. (Идея равенства). Изд. Распопова. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

Г. А. Лоренцъ. Видимыя и невидимыя движенія. (Лекціи). Изд. Распопова. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

Дж. Моррисъ. Молодая Японія (съ 27 рисунками). Изд. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 75 к.

F. P. Treadwell. Курсъ аналитической химіи. Т. I. Изд. Распопова. Одесса. 1904. Ц. 2 р. 25 к.

В. Ф. Арнольдъ. Политико-экономическіе этюды. Изд. Распопова. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

Фюстель де Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Т II. Изд. «Научно-исторической библіотеки». Спб. 1904.

Проф. И. Х. Озеровъ. Экономическая Россія и ея финансовая политика. Изд. Горшкова. Москва. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Проф. С. Випперъ. Учебникъ древней исторіи. Изд. 3-ье. Москва. 1904. Ц. 1 р.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. Т. I. Изд. Скирмунта. М-ва. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Государственный строй и политическія партіи. Т. II. Изд. Глаголева. Спб. 1904. Ц. 2 р. 25 к.

Карлъ Гарейсъ. Германское торговое право. Вып. III. Москва. 1904. Ц. 1 р.

Проф. С. Глаголевъ. Исламъ. Сергіева лавра. 1904. Ц. 1 р.

Н. Карповъ. Чеховъ и его творчество. Спб. 1904. Ц. 40 к.

В. Зомбартъ. Идеалы соціальной политики. Изд. 2-е т-ва «Знаніе». Спб. 1904. Ц. 40 коп.

Л. Новгородцевъ. Германія и ея политическая жизнь. Изд. т-ва «Знаніе.» Спб. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

А. Бэнъ. Психологія. Т. II. Изд. «Книжное дѣло».

Л. Керберъ. Наши морскія силы на Дальнемъ Востокѣ и японскій флотъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Ю. И. Гессенъ. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ (Велижская драма). Спб. 1904. Ц. 1 р.

Житіе протопопа Аввакума. Изд. 2-ое Бѣляева Спб. 1904.

Н. Астыревъ. Въ волостныхъ писаряхъ. Т. I. Изд. «Книжное дѣло». Москва. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Клоддъ. Исторія первобытнаго человѣка. Изд. Суворина. Спб. 1904.

Г. Коннъ. Невидимые богатыри. Изд. Суворина. Спб. 1904.

Л. Зайденманъ. Порядокъ и способы обжалованія административныхъ распоряженій. Спб. 1904.

Robert geyer. Герои Ибсена съ психіатрической точки зрѣнія. Москва. 1903. Ц. 75 к.

Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ школѣ и дома. М-ва. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Я. Кузнецовъ. Изъ переписки помѣщика съ крестьянами (XVIII в.). Изд. Вл. Учен. Арх. Коммиссіи. Владиміръ. 1904.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII в. Изд. Дороватовскаго. Спб. 1905. Ц. 1 р.

А. Никитинъ. Задачи Петербурга. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Законы о крестьянахъ и крестьянскихъ учрежденіяхъ. Изд. неоффиціальное. М-ва. 1905. Ц. 60 к.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана (съ 1 окт. 1903 по 1 окт. 1904 г.). Кіевъ. 1904.

А. Знаменскій. Записки туриста (Парижъ, Римъ, Минскъ 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Наши задачи на Востокѣ. Спб. 1904 Ц. 60 к.

К. Ціолковскій. Простое ученіе о воздушномъ кораблѣ и его построеніи. Калуга. 1904. Ц. 50 к.

Ангьюсъ Гамильтонъ. К. Корея. Изд. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Склодовская - Кюри. Радій и Радіоактивность. Изд. книгоиздат. „Творческая мысль". Москва. 1905. Ц. 1 р.

Н. Рожковъ. Учебникъ всеобщей исторіи (для сред. учеб. завед. и самообразованія). Изд. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 1 р. 10 к.

І. Хатавнеръ. Краткія свѣдѣнія по электротехникѣ (съ 12 черт.). Спб. 1904. Ц. 75 к.

Гаральдъ Геффдингъ. Философскія проблеммы. Изд. Ефимова. М. 1904. Ц. 50 к.

М. Коваленскій. Японія (Очерки японской культуры. Причины войны). Изд. журн. „Правда". Москва. 1904. Ц. 20 к.

С. Мельгуновъ. Изъ исторіи студенческихъ

обществъ въ русскихъ университетахъ. Изд. журн. «Правда». М-ва. 1904. Ц. 50 к.

А. Геричъ. Этюдъ по физіологіи зрѣнія. Одесса. 1904 г.

Проф. Ф. Ганъ. Африка. Изд. т-ва «Просвѣщеніе". „Всемирная географія". Спб. 1903. Ц. въ переплетѣ 8 р. 50 к.

Проф. В. Оствальд. Школа химіи. Изд. Юровскаго „Международная Библіотека". Спб. 1904. Ц. 15 к.

Л. Куперникъ. Еврейское царство. Изд. Русакова. Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.

К. Добровольскій. Изслѣдованіе чувствительности способовъ опредѣленія каменноугольныхъ красокъ. Одесса. 1904.

Д-ръ Дюковъ. О необходимости измѣненія принятой системы образованія и воспитанія медиковъ. Харьковъ. 1904. Ц. 60 к.

Д. Дорошенко. Народная украинская литература. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Его же. Указатель источниковъ для ознакомленія съ южной Русью. Спб. 1904. 40 к.

Проф. Л. Петражицкій. О мотивахъ человѣческихъ поступковъ. Спб. 1904. Ц. 75 к.

К. Шидловскій. Евграфъ Алексѣевичъ Осиповъ (біографическій очеркъ). Саратовъ. 1904. Ц. 30 к.

Сельскохозяйственный обзоръ за 1903 годъ (вып. 17-й). Ярославль. 1904.

Сельско-хозяйственный обзоръ за 1903—4 с.-х. годъ. Вып. II. Вятка. 1904.

Отчетъ о состояніи Кіевскаго второго коммерческаго училища за 1902—3 учебный годъ. Кіевъ. 1904.

Хозяйственностатистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1903 г. Уфа. 1904.

Сельскохозяйственный обзоръ Псковской губерніи за 1903 годъ. Псковъ. 1904.

Пермская губернія въ сельскохозяйствен. отношеніи (вып. 3-й и 4-й). Пермь. 1904.

Упрощеніе русскаго правописанія. Екатеринославъ. 1904. Ц. 25 к.

И. И. Ивановъ. Вилльямъ Шекспиръ. Біографическій оч. Безпл. прил. къ жур. «Дѣтское чтеніе». Москва. 1904.

Его же. Макбетъ. В. Шекспиръ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. Москва. 1904.

Эм. Мадачъ. Трагедія Н. А. Холодковскаго. Спб. Изд. А. С. Суворина. «Дешевая библіотека». 1904. Ц. 25 к.

Робертъ Борнсъ и его произведенія въ переводѣ русск. писателей подъ редакціей И. А. Бѣлоусова. Спб. Изд. А. Суворина «Деш. Библ.» 1904. Ц. 20 к.

Ѳ. Смородскій. Пѣсни человѣка. Спб. 1904. Ц. 50 к.

П. Альтенбергъ. Эскизы. Пер. Ал. Е. Герцыкъ. Москва. Изд. Д. П. Ефимова и друг. 1904. Ц. 50 к.

Е. Бахаревъ. Стихотворенія. Томскъ. Изд. 1904 г. Ц. 40 к.

А. Тепловъ. Въ погонѣ за Горькимъ. (Вверхъ дномъ). Комедія въ 3-хъ д. Тверь. изд. 1904 г. Ц. 75 к.

К. К. Случевскій. Новыя повѣсти. Спб. Изд. П. П. Сойкина. 1904. Ц. 1 р.

О. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. съ 7-го нѣм. изд. П. В. Спб. 1904 г. Изд. 2-е С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 40 к.

С. Разумовскій. Пульчинело. Драм. фант. въ 3-хъ карт. Москва. Изд. журналъ „Правда". Ц. 1 р.

А. Н. Островскій. Полное собраніе сочиненій подъ ред. М. И. Писарева, т. 5-й. Спб. Книгоизд. т-ва „Просвѣщеніе". 1904 г. Ц. 10 томамъ—16 р.

А. А. Потѣхинъ. Сочиненія. Т. 7-й. Молодые побѣги. Ром. Спб. Книгоизд. т-ва „Просвѣщеніе". 1904. Ц. 12 т. 12 р.

А. Ванъ-Беверъ. Морисъ Мэтерлинкъ. Критико-біограф. оч. Москва 1904. Книгоизд. „Скорпіонъ". Ц. 40 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Человѣкъ съ прошлымъ и др. разсказы. Москва. 1904. Изд. книжн. скл. Д. П. Ефимова. Ц. 1 р.

Его же. Вкругъ ракитова куста и др. разсказы. М-ва. Изд. тоже. 1904. Ц. 1 р.

А. Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Москва. Изд. 2-ое. 1904 г. Д. П. Ефимова. Ц. 75 к.

П. С. Уваровъ. Типы и нравы Сахалина. Москва. Изд. то же. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

В. Бологовъ. Встрѣча и др. разсказы. М-ва. 1904. Ц. 20 к.

Е. Львовъ. Жалкое счастье и др. разсказы. Спб. Изд. 1904. Ц. 50 к.

Адамъ Эленшлегеръ. Ярлъ Гаконъ. Трагедія въ 5-ти д. Пер. съ датск. А. Ганзенъ. М-ва. Изд. Скирмунта 1904. Ц. 60 к.

Вазовъ. Разсказы. Пер. и вступ. статья Ан. Сиротинина. Спб. Изд. 1904. Ц. 90 к.

Н. Шинскій. Разсказы. Книга 1-я и 2-я. Москва. Изд. 1904 г. Ц. 1 р. кажд. книги.

М. Прясловъ. Вода и ея значеніе въ природѣ. М-ва. Изд. т-ва Сытина. 1904. Ц. 50 к.

Изданія С. Курнина и К°. Москва. 1904 г. Сергѣй Хатунскій. Приключенія крестьянскаго мальчика. Ц. 50 к.—Кл. Лукашевичъ. Воришка. Ц. 15 к. — Ея же. Сказка о двухъ хлѣбныхъ зернышкахъ. Ц. 15 к.—М. Свободинъ. Сворцы, разсказъ. Ц.—Ея же. Три корзиночки земляники. Ц. 20 к.—Ея же. Грачи прилетѣли. Ц. 20 к.—І. А. Любичъ-Кошуровъ. У себя на дачѣ. Ц. 15 к. — Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Пер. съ фр. К. Б. Ц. 25 к.—Его же. Ночная жизнь. Ц. 30 к. Stanley Waterloe. Жизнь пещернаго человѣка. Съ америк. Ц. — А. Ульяновъ. Вакса и скрипка. Ц. 40 к.

Изданія кн. склада «Школьное Дѣло». Спб. 1904 г. Разсказы о подвигахъ человѣческаго ума и о чудесахъ науки. Сост. Н. А. Рубакинъ. Ц. 30 к.—Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Ц. 25 к.—Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Ц. 35 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Histoire litéraire du peuple anglais» par S. J. Jusserand. Paris (Firmin-Didot). (*Литературная исторія англійскаго народа*). Первый томъ этого солиднаго и крайне интереснаго труда вышелъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ своемъ второмъ томѣ авторъ знакомитъ читателя съ отдаленными началами и великолѣпнымъ расцвѣтомъ англійскаго гуманизма; при этомъ онъ вовсе не ограничивается перечисленіемъ фактовъ, а даетъ полную литературную картину эпохи, описываетъ даже природу, рисуетъ нравы и людей и изучаетъ, такимъ образомъ, рамку, въ которой помѣщаются драмы, комедіи, чудеса краснорѣчія и созданія философовъ того времени. Словомъ, мы видимъ среду, въ которой создавались великія, безсмертныя произведенія литературы и можемъ изучить ея отраженіе въ этихъ произведеніяхъ.

(Temps).

«Les Français de mon Temps» par le vicomte G. d'Avenel, Paris (Plon). (*Французы моего времени*) Это очерки современной Франціи, авторъ которыхъ желаетъ показать читателю позади той «Франціи, которую всѣ видятъ», ту, «которая скрыта отъ взоровъ». Онъ описываетъ своихъ современниковъ, политическихъ дѣятелей и др. и подробно изучаетъ условія современной французской жизни. Однако, его книга далеко не проникнута тѣмъ пессимизмомъ, который накладываетъ свой отпечатокъ на всѣ психолого-соціологическіе очерки современной Франціи, и онъ до конца остается историкомъ.

(Temps).

«Kriminalpsychologie und strafrechtliche Psychopathologie auf naturwissenschaftliche Grundlage», von Robert Sauer. Leipzig. (Joh. Ambr. Barth). (*Криминальная психологія и уголовная психопатологія*). Этотъ трудъ состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ одна исключительно посвящена уголовной психіатріи. Авторъ дѣлаетъ крайне интересную и новую попытку такъ освѣтить преступленіе, чтобы психологическій или, вѣрнѣе, психопатологическій генезисъ преступленія выступалъ яснѣе и выводъ напрашивался бы самъ собою. Основная точка зрѣнія автора — это детерминизмъ. Большое и притомъ общее значеніе имѣютъ замѣчанія автора относительно важности преподаванія криминальной психологіи, причемъ онъ доказываетъ, что безъ осуществленія необходимыхъ измѣненій и развитія преподаванія въ этомъ направленіи всякая реформа уголовныхъ законовъ останется пустымъ звукомъ.

(Frankfurt. Zeit).

«Frauenwelt und Logik», von Karl Federn (Schmargendorf). Berlin. (*Міръ женщинъ и логика*). Авторъ является поборникомъ женскаго равноправія. Онъ перечисляетъ тѣ прегрѣшенія, которыя, вопреки логикѣ, совершаются и были совершены противъ женщинъ. Справедливость и логика одинаково требуютъ, чтобы женщинѣ была оказана поддержка въ ея стремленіи завоевать себѣ соотвѣтствующее положеніе въ области экономической и умственной жизни народовъ, а между тѣмъ женщинѣ всячески стараются затруднить борьбу за существованіе. Разбирая положеніе женщины въ культурныхъ странахъ, авторъ говоритъ, что въ Германіи оно хуже, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ.

(Frankfurt. Zeit.).

«Der Idealstaat» von D-rE. H. Schmitt. (Johannes Räde. Berlin). (*Идеальное государство*). Эта интересная книга, составляющая восьмой выпускъ серій изданій, выходящихъ подъ именемъ «Kultur Probleme der Gegenwart», представляетъ краткую, но прекрасно написанную исторію идей. Это очеркъ соціальной идеологіи, начиная отъ Платона и кончая современнымъ соціализмомъ.

(Frankfurt. Zeit.).

«La Montagne à travers les âges» par John Grand Carteret, 2 vols. (Français Duclos). (*Гора въ различныя времена*). Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить исторію отношеній людей къ горамъ въ различныя времена, начиная съ древности, когда горы считались обителью бо-

говъ, до новѣйшихъ временъ, когда ими завладѣли туристы, ученые и инженеры. Книга обильно иллюстрирована и читается съ большимъ интересомъ.

(Revue internationale).

«*Paris intime en revolution (1871)*» *par Paul Gmisty* (*Calmann Lévy*). (*Интимная жизнь Парижа въ періодъ волненій 1871 г.*). Интересное собраніе воспоминаній, фактовъ и анекдотовъ, относящихся ко времени парижской коммуны. Авторъ описываетъ, главнымъ образомъ, частную жизнь парижскаго общества въ этотъ смутный періодъ, настроеніе умовъ въ различныхъ общественныхъ кругахъ и даетъ ясную картину того, какъ отразилась парижская коммуна на нравахъ общества. Авторъ помѣщаетъ разсказы свидѣтелей и его книга можетъ быть названа, одновременно, какъ историческимъ изслѣдованіемъ, такъ и литературнымъ трудомъ, заключающимъ въ себѣ много новыхъ подробностей и рисующимъ яркими красками эту бурную эпоху.

(Nouvelle Revue).

«*La Démocratie en Nouvelle Zélande*» *lar André Siègfriéd* (*Calmann Lévy*). (*Демократія въ Новой Зеландіи*). Интересный очеркъ, основанный на тщательномъ изученіи документовъ, страны, которую принято называть лабораторіей соціальныхъ экспериментовъ. Авторъ подробно изслѣдуетъ всѣ смѣлыя политическія нововведенія Новой Зеландіи, законы страхованія, женское избирательное право, аграрные законы, обязательные третейскіе суды, рабочее законодательство и т. п.

(Revue de Paris).

«*Une Croisière au Spitzberg*» *par Jules Leclerey* (*Calmann Levy*). (*Поѣздка на Шпицбергенъ*). Интересное описаніе путешествія на Шпицбергенъ, къ которому приложенъ очеркъ исторіи страны.

(Revue de Paris).

«*De New-York à la Nouvelle Orleáns*» *par Jules Huret* (*Calmann Lévy*). (*Изъ Нью-Іорка въ Новый Орлеанъ*). Наиболѣе заслуживающія вниманія и занимательно написанныя главы этой книги, описывающей жизнь и нравы сѣверо-американскихъ штатовъ, касаются негритянскаго вопроса, который разсматривается авторомъ съ психологической точки зрѣнія. Авторъ производилъ относительно этого вопроса такъ называемую «enquête sociale», результаты которой очень интересны въ психологическомъ и соціальномъ отношеніи.

(Revue de Paris).

«*My Chinese Note-Book*» *by Lady Susan Townley*. (*Methuen*). *10 s. 6 d.* (*Моя китайская записная книжка*). Авторъ этой книги — англичанка, находившаяся въ близкихъ отношеніяхъ съ китайскимъ дворомъ и вдовствующей китайскою императрицей, личность которой въ высшей степени заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ современной исторіи Китая и его отношеніи къ европейцамъ, она играетъ весьма значительную роль. Авторъ очень интересно описываетъ жизнь китайскаго двора, его обычаи, аудіенціи и т. п. и даетъ по возможности полную характеристику китайской правительницы.

(Daily News).

«*The Story of London*» *by Henry B. Wheatley* (*Deut and C°*) *4 s. 6d* (*Исторія Лондона*). Книга эта можетъ быть причислена къ исторической серіи, заключающей въ себѣ очерки средневѣковыхъ городовъ. Исторія Лондона изложена сжато, но въ то же время очень живо и разсчитана на широкій кругъ читателей, вообще интересующихся исторіей.

(Times).

«*The Religion of the Universe*» *by M-r Allanson Pieten* (*Macmillan*). *10 s.* *Религія вселенной*). Авторъ посвящаетъ свою книгу памяти Герберта Спенсера, который «первый старался примирить религію съ наукой», причемъ онъ прибавляетъ, что поставилъ себѣ задачей показать пригодность рѣшенія, предложеннаго англійскимъ мыслителемъ, съ цѣлью избавить насъ отъ умственной и душевной неустойчивости и тревоги.

(Times).

«*Autour de l'Afrique*, *par le Transvaal*» *par Robert Huchard* (*Perrin*). *3 fr. 50 s.* (*Вокругъ Африки, черезъ Трансвааль*). Это интересное и безпристрастное описаніе южной Африки послѣ войны. Авторъ былъ посланъ туда съ порученіемъ въ 1903 году и получилъ возможность объѣздить ее вдоль и поперекъ. Онъ очень живо и занимательно разсказываетъ свои приключенія въ этой странѣ, условія которой ему такъ хотѣлось изучить. Заключительная глава книги посвящена имперіализму «entente cordiale». Взгляды автора и его отношеніе къ южно-африканскимъ проблемамъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

(Journal des Débats).

«*Roosevelt intime*» *par Albert Savine* (*Luven*). (*Рузвельтъ въ тѣсномъ кругу*). Чрезвычайно интересная характеристика нынѣшняго президента Соединенныхъ Штатовъ, хорошо извѣстнаго всему свѣту и причисленнаго къ разряду героевъ. Авторъ рисуетъ намъ Рузвельта не только какъ политика, но и въ его интимномъ кругу, въ домашней обстановкѣ, причемъ нравственный его обликъ выступаетъ очень ярко.

(Journal des Débats).

«Ist das Tier Unvernünftig?». Neue Einblicke in die Tierselle von D-r Th. Zell. Stuttgart, Kosmos Geselschaft der Naturfreunde (Franckhsche Buchhandlung. (Есть ли у животнаго разумъ)? Этотъ трудъ автора является очень цѣннымъ вкладомъ въ психологію высшихъ животныхъ,—авторъ имѣетъ въ виду только птицъ и млекопитающихъ,—которыя часто страдаютъ отъ нашего обращенія, потому что мы третируемъ ихъ какъ существа, лишенныя разсудка. Авторъ очень тщательно изучаетъ жизнь и дѣятельность органовъ чувствъ у животныхъ и сообщаетъ свои личныя наблюденія и опыты надъ ними. Интересующіеся жизнью животныхъ вообще найдутъ въ этой книгѣ много любопытныхъ данныхъ и указаній.

(Berlin. Tag.).

«Herolds of Revolt». Studies in Modern Litterature and Dogma. By William Barry. (Hodder and Stoughton). 17 s. 6 d. (Вѣстники возмущенія). Въ книгѣ заключаются очерки современныхъ дѣятелей, которые либо прокладываютъ новые пути, либо поднимаютъ знамя возстанія противъ устарѣлыхъ взглядовъ и пережитковъ литературы. Тутъ встрѣчаются имена Джорджъ Элліотъ и Карлейля, французскіе писатели: Жоржъ Зандъ, Флоберъ, Золя, Бодлеръ, Готье и Лоти, а также Гёте, Гейне, Ницше и мн. другіе.

(Daily News).

«The Story of My Struggles» by Arminius Vambery, 2 vols. London (Unwin). 21 s. (Исторія моей борьбы). Имя Вамбери, журналиста-публициста и путешественника, извѣстно европейской читающей публикѣ. Ему теперь около 73-хъ лѣтъ и онъ давно уже занимаетъ каѳедру восточныхъ языковъ въ будапештскомъ университетѣ. Исторія его жизни очень интересна. Венгерскій еврей по происхожденію, онъ выросъ среди страшной бѣдности. Съ юныхъ лѣтъ онъ обнаружилъ огромныя способности къ изученію языковъ и страсть къ путешествіямъ. Эта страсть прежде всего увлекла его на востокъ, въ центральную Азію, которую мадьяры считаютъ колыбелью своей расы. Самая занимательная часть его книги та, гдѣ онъ описываетъ домашнюю жизнь, свое раннее дѣтство, свою борьбу за образованіе, полуголодное существованіе, которое онъ велъ, будучи студентомъ, и т. д. Хороши также описанія его путешествій на востокъ и жизнь въ Константинополѣ. Книга написана очень живо, остроумно, но часто сквозь смѣхъ проглядываетъ горечь и слышатся скорбныя ноты.

(Saturday Review).

«Religions persecution» by E. s. P. Haynes (Duckworth). 5 s. (Религіозныя преслѣдованія). Очень интересно написанный психологическій, очеркъ, авторъ котораго дѣлаетъ общій обзоръ исторіи религіозныхъ преслѣдованій и ея различныхъ фазисовъ, стараясь выяснить психологическія причины это явленіи и его значеніе для человѣчества.

(Athaeneum).

«The Revolutionary Types» by S. A. Tayber. (Duckworth). 10 s. 6 d. (Революціонные типы). Подъ этимъ заглавіемъ авторъ даетъ нѣсколько очерковъ и портретовъ различныхъ историческихъ личностей, которыя были вождями какого-нибудь движенія и главными дѣятелями какого-нибудь переворота.

(Athaeneum).

«Stories of Inventors» by Russell Doubleday, profosely illustrated (Harper and Brathers). (Исторія изобрѣтателей). Въ этой книгѣ описаны популярнымъ языкомъ самыя интереснѣйшія изъ современныхъ изобрѣтеній, какъ, напр., воздушные корабли, подводныя лодки, автомобили, безпроволочный телеграфъ и т. д., и разсказаны при этомъ поразительныя и зачастую полныя драматическаго интереса приключенія нѣкоторыхъ изобрѣтателей и ихъ помощниковъ. Книга иллюстрирована.

(Athaeneum).

«The American Colonies in the Seventeenth Century», by Herbert L. Osgood, 2 vols. (Macmillan). 21 s. (Американскія колоніи въ семнадцатомъ вѣкѣ). Авторъ этого интереснаго и основательнаго изслѣдованія разсказываетъ исторію ранней колонизаціи Америки и постепенный ростъ колоній, которыя сначала были просто плантаціями и поселеніями и затѣмъ превратились въ провинціи, пользующіяся широкимъ самоуправленіемъ.

(Saturday Review).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова**. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ**.

матеріала, на уровень лучшихъ русскихъ газетъ. Что касается внутренняго содержанія и направленія газеты, то редакція надѣется, что ей удастся создать для „Нашей Жизни" болѣе или менѣе самостоятельное положеніе въ ряду прогрессивныхъ органовъ русской печати. Широкая постановка провинціальнаго отдѣла въ газетѣ и иностраннаго обезпечена уже значительнымъ числомъ корреспондентовъ. Большія заботы будутъ также приложены къ тому, чтобы читатели были возможно освѣдомлены обо всемъ, что относится къ переживаемому Россіей бѣдстію войны.

Нахожденіе во главѣ дѣла профессора-экономиста отнюдь не должно давать поводъ думать, что „Наша Жизнь" приметъ преимущественно экономическую окраску. Общій правопорядокъ, земское и городское самоуправленіе, образованіе, литературные интересы и многіе другіе элементы современной культуры и нужды русскаго народа редакція считаетъ не менѣе важными; поэтому она ставитъ себѣ задачей съ полнымъ вниманіемъ относиться къ освѣщенію всѣхъ крупныхъ сторонъ жизни. Относительная важность вопросовъ и возможность говорить о нихъ съ достаточною ясностью, а не присутствіе въ составѣ редакціи того или иного спеціалиста, должны по мнѣнію редакціи, опредѣлять мѣсто, отводимое въ газетѣ тѣмъ или инымъ областямъ общественной и народной жизни. Заботясь о возможной выдержанности, обоснованности и содержательности газеты, редакція будетъ особенно стремиться къ тому, чтобы придать ей **живую и общедоступную форму.**

Мы не будемъ распространяться здѣсь о чрезвычайности историческаго момента, переживаемаго нашимъ отечествомъ, не будемъ обосновывать на немъ особенную потребность въ независимомъ печатномъ словѣ. Мы того мнѣнія, что въ жизни народовъ не можетъ быть такого времени, когда для печатнаго слова не открывался бы неисчерпаемый запасъ назрѣвающихъ изо дня въ день крупнѣйшихъ вопросовъ, нуждающихся въ компетентномъ и честномъ ихъ освѣщеніи и уясненіи. Обезпечивъ себя литературными, научными и дѣловыми силами и большимъ числомъ провинціальныхъ корреспондентовъ, редакція надѣется сдѣлать новое изданіе идейнымъ и фактическимъ объединителемъ широкаго круга прогрессивной части представителей русской интеллигенціи, прикосновенной къ періодической печати и общественной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ она желала бы съ самаго возникновенія газеты, опереться на сочувствіе и поддержку будущихъ друзей-читателей, основанную на сознательной общественной солидарности. Остановимся на этомъ нѣсколько подробнѣе.

Лица, ближайшимъ образомъ прикосновенныя къ изданію „Нашей Жизни", думаютъ, что, при всемъ кажущемся при поверхностномъ взглядѣ обиліи газетъ, у насъ ощущается въ нѣкоторомъ отношеніи неудовлетворенность, своеобразный „газетный голодъ". Этотъ голодъ особенно чувствуется читателями тяготѣющими своими умственными и иными интересами къ Петербургу. Причина явленія лежитъ не въ недостаткѣ газетныхъ работниковъ, а, помимо общихъ условій и положенія нашей печати, въ установившейся искусственной газетной монополіи.

Текущій годъ, ознаменовавшійся разрѣшеніемъ въ С.-Петербургѣ нѣсколькихъ новыхъ газетъ, можно думать, пробьетъ небольшую брешь въ упомянутой монополіи, и русскому читателю откроется болѣе разнообразный выборъ при удовлетвореніи одной изъ первѣйшихъ потребностей культурнаго человѣка. И вотъ тѣхъ, кто, по тѣмъ или инымъ даннымъ и соображеніямъ, можетъ надѣяться, что „Наша Жизнь" имѣетъ шансы оказаться подходящимъ для нихъ органомъ печати, мы бы и позволили себѣ пригласить въ **подписчики-основатели**, которыми будутъ считаться всѣ подписавшіеся до 21-го декабря включительно. Эта категорія подписчиковъ можетъ сыграть большую роль въ судьбѣ „Нашей Жизни".

Вновь возникающей газетѣ обыкновенно приходится начинать съ весьма ограниченнаго круга читателей и подписчиковъ, что неизбѣжно умаляетъ на болѣе или менѣе продолжительный выжидательный срокъ значеніе и вліяніе газеты, не говоря уже о вызываемыхъ этимъ непроизводительныхъ расходахъ на покрытіе первоначальныхъ убытковъ, въ ущербъ развитію самого дѣла. Начинающія газеты обыкновенно прежде всего надѣются на розничную продажу, которая знакомитъ и постепенно пріучаетъ читателей къ новой газетѣ; но, при слабой организаціи розничной продажи въ провинціи и многихъ случайностяхъ, отъ которыхъ она зависитъ, разсчетъ на это весьма проблематиченъ, между тѣмъ какъ при большомъ числѣ подписчиковъ-основателей газета сразу можетъ пріобрѣсти вліяніе на широкіе круги общества.

Редакція „Нашей Жизни" смотритъ на газету не только какъ на руко-

водящій политичеокій органъ и сосредоточеніе текущихъ новостей, но и какъ на важное средство распространенія знаній и просвѣщенія. Съ этой цѣлью, въ „Нашей Жизни", кромѣ обычнаго ежедневнаго номера, нѣкоторые отдѣлы будутъ выдѣлены въ особыя приложенія, которыхъ на первое время предполагается три:

1) **Земскій Двухнедѣльникъ**, посвященный вопросамъ самоуправленія.

2) **Экономическій и Сельскохозяйственный** Двухнедѣльникъ.

3) **Иллюстрированная и Литературная** Недѣля.

Современемъ, а если первоначальная подписка будетъ сопровождаться достаточнымъ для этого успѣхомъ, то и съ самаго начала, особыя приложенія составятъ также литературный и научный отдѣлы подъ названіемъ:

4) **Научный Двухнедѣльникъ** и 5) **Литературная Недѣля**.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій 19.

Подписная цѣна, съ доставкою и пересылкою: 12 р. въ годъ, на полгода—6 р., на 3 мѣсяца—3 р. и на 1 мѣсяцъ—1 р. 30 к. За границу прибавляется по 1 руб. въ мѣсяцъ. Книгопродавцамъ и др. посредникамъ 5⁰/₀ уступки.

Газета начнетъ выходить около 6 ноября 1904 г. Плата за ноябрь и декабрь—2 р., за декабрь 1 р. До января мѣсяца 1905 г. газета будетъ выходить безъ иллюстрированныхъ и другихъ прибавленій.

Всѣ годовые и полугодовые подписчики, подписавшіеся до 21 декабря включительно, будутъ считаться **ПОДПИСЧИКАМИ-ОСНОВАТЕЛЯМИ.** Для нихъ устанавливается пониженная подписная плата съ **ПРАВОМЪ СОХРАНИТЬ ТАКОВУЮ И НА БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ**, а именно:

10 рублей въ годъ вмѣсто **12** р.
5 рублей за полгода вмѣсто **6** р.
} съ доставкою и пересылкою.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: **3** рубля при подпискѣ, **3** рубля въ январѣ и **4** рубля, а для подписавшихся послѣ 21 декабря 6 р., не позже мая. Подписка съ разсрочкою черезъ книжные магазины не принимается. Для студентовъ и лицъ, затрудняющихся общею разсрочкою, допускается, по соглашенію съ конторою, разсрочка по **1** рублю въ мѣсяцъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ.

Фотографическіе снимки земной поверхности могутъ быть трехъ родовъ: снимки перспективные, снимки въ планѣ и снимки панорамическіе. Первые даютъ изображеніе мѣстности въ томъ видѣ, какъ она представляется наблюдателю, смотрящему вдаль изъ корзины. Рисунки 89

Рис. 91. Юго-западная часть Берлина (площадь Бель-Альянсъ) съ высоты 2.000 метровъ.

и 90, изображающіе первый—панораму города Базеля, второй—панораму города Науэна, даютъ представленіе о снимкахъ этого рода. Снимки въ планѣ изображаютъ часть мѣстности, находящуюся непо-

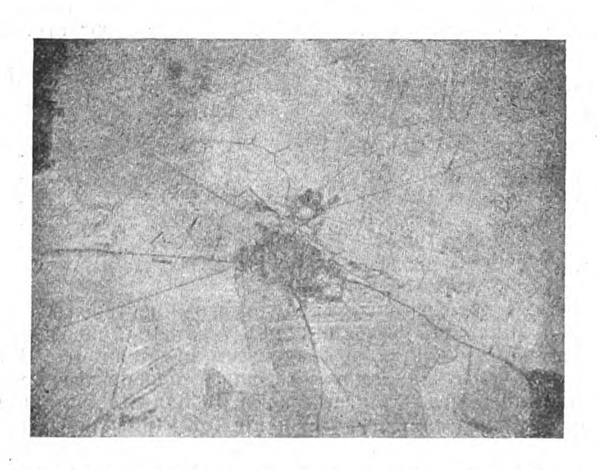

Рис. 92. Городъ Малхинъ (5 т. жителей) въ Пруссіи (провинц. Мекленбургъ) съ высоты 5.000 метровъ.

средственно подъ корзиною аэростата, и являются наиболѣе характерными для аэростатической фотографіи. Рисунки 91 и 92 представляютъ фотографіи въ планѣ: первый юго-западной части Берлина съ высоты 2.000 м., второй—города Малхина съ высоты 5.000 м. Панорамическіе

снимки даютъ изображеніе всего пространства, открывающагося передъ взоромъ наблюдателя съ данной высоты *), и производятся одновременнымъ фотографированіемъ при помощи нѣсколькихъ аппаратовъ, объективы которыхъ направлены въ разныя стороны. Этотъ способъ фотографированія является наиболѣе труднымъ и сложнымъ изъ всѣхъ упомянутыхъ выше **). Отчетливость фотографическихъ снимковъ съ воздушнаго шара, при равныхъ прочихъ условіяхъ, зависитъ разумѣется отъ высоты, съ которой они производятся. Для снимковъ съ топографическими цѣлями высота эта не должна превышать 1.000 м. При употребленіи обычныхъ объективовъ на этой высотѣ получается изображеніе въ масштабѣ 1:4000, по которому легко можетъ быть полученъ планъ въ масштабѣ 1:2000.

Несмотря на то, что вслѣдствіе разнообразныхъ движеній, испытываемыхъ аэростатомъ во время полета, фотографированіе мѣстности въ планѣ сопряжено съ значительными затрудненіями ***), топографическія съемки съ воздушнаго шара всетаки значительно проще и легче обыкновенныхъ.

«Вообще можно сказать,—говоритъ Звѣринцевъ—что всѣ, сдѣланные по этому способу съемки съ шара по той простотѣ и легкости, съ которою они могутъ быть построены, далеко превосходятъ все, что до сихъ поръ было сдѣлано въ области геодезическихъ съемокъ. Въ особенности въ мѣстностяхъ плоскихъ и лѣсистыхъ (какова Россія) имъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ будущность, и недалеко то время,

---

*) Читателю, вѣроятно, не безынтересно будетъ узнать, по этому поводу, какъ возрастаетъ широта доступнаго взору горизонта, по мѣрѣ поднятія надъ земной поверхностью. Нижеприведенныя цифры выражаютъ отношеніе между радіусомъ видимаго горизонта и соотвѣтствующими высотами. Цифры эти взяты нами изъ астрономическаго и метеорологическаго календаря Фламмаріона „Annuaire astronomique et météorologique pour 1899“ стр. 122).

Высоты въ метрахъ	Радіусы видим. горизонта въ метрахъ	Высоты въ метрахъ	Радіусы видим. горизонта въ метрахъ
500	79.820	5.000	225.460
800	100.976	6.000	276.560
1.000	112.900	7.000	298.700
2.000	159.650	8.000	319.400
3.000	195.540	9.000	388.800
4.000	225.800	10.000	457.000

**) Французскимъ фотографомъ Трибуле былъ построенъ для этихъ снимковъ спеціальный аппаратъ, состоящій изъ 7 камеръ, снабженныхъ объективами, одинаковыми по качеству и фокуснымъ разстояніемъ. Изъ нихъ шесть боковыхъ предназначены для панорамическихъ перспективныхъ снимковъ, а седьмой, обращенный внизъ,—для снимковъ въ планѣ. Аппаратъ предназначенъ для автоматическаго фотографированія съ привязного шара, и соединяется съ землей электрическимъ проводомъ, черезъ который, при посредствѣ замыкателя, экспериментаторъ можетъ пропустить токъ черезъ аппаратъ въ надлежащую минуту.

***) Такъ какъ фотографированіе мѣстности въ планѣ (въ ортогональной проекціи) возможно лишь при условіи строго горизонтальнаго положенія пластинки; движенія же аэростата, и въ особенности колебательныя движенія корзины, дѣлаютъ такое положеніе пластинки почти немыслимымъ. Такимъ образомъ полученные снимки всегда будутъ нѣсколько перспективными, но по нимъ не трудно возстановить правильныя геометрическія проекціи, если предварительно измѣрить хотя бы самую незначительную часть фотографируемой мѣстности.

когда будетъ казаться страннымъ, какъ могли такъ долго обходиться безъ воздушныхъ снимковъ» *). Въ заключеніе упомянемъ, что для фотографированія (автоматическаго) съ небольшихъ и среднихъ высотъ въ послѣднее время съ успѣхомъ стали примѣняться также воздушные змѣи. Въ цитированной нами выше книгѣ Лекорню («Cerfs volants) представлены вполнѣ удачные образцы снимковъ, сдѣланныхъ съ воздушныхъ змѣевъ съ высоты 200—230 м. Извѣстному специалисту по змѣйковому дѣлу, американцу, Эдди, удавалось получать очень отчетливые снимки съ высоты 300, 400 и даже 450 метровъ.

---

*) Звѣринцевъ „Фотографированіе съ воздушныхъ шаровъ“ стр. 39.

Глава III.

Военное воздухоплаваніе.

Попытки примѣненія воздухоплаванія къ военнымъ цѣлямъ до франко-прусской войны.—Воздухоплаваніе во время осады Парижа.—Военное воздухоплаваніе послѣ франко-прусской войны.—Роль свободныхъ и привязныхъ аэростатовъ въ современныхъ сухопутныхъ и морскихъ войнахъ.—Организація военнаго воздухоплаванія въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ.—Военное воздухоплаваніе въ Россіи.

Въ историческомъ очеркѣ воздухоплаванія мы разсказали уже исторію первыхъ опытовъ примѣненія воздушныхъ шаровъ къ военнымъ цѣлямъ во время войнъ конвента съ европейскою коалиціею. Успѣхъ этихъ опытовъ, показавшихъ огромное значеніе аэростата, какъ развѣдочнаго средства, повлекъ за собою сформированіе во Франціи двухъ военныхъ аэростатическихъ парковъ и учрежденіе воздухоплавательной школы въ Медонѣ. Эта первая организація военнаго воздухоплаванія была упразднена впослѣдствіи Наполеономъ I, симпатіями котораго воздухоплаваніе, какъ извѣстно, вообще не пользовалось *). Съ тѣхъ поръ услуги, оказанныя французамъ военными аэростатами, остались надолго позабытыми. О нихъ вспомнили американцы во время междуусобной войны 1862 г., когда генералъ Макъ-Клееланъ воспользовался привязными аэростатами при осадѣ города Ричмонда. Выдающійся успѣхъ попытки Макъ-Клеелана возбудилъ живой интересъ къ воздухоплаванію въ военныхъ сферахъ нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, причемъ англійское военное министерство тогда же приступило къ опытамъ, которыми имѣлось въ виду выработать наиболѣе пригодный для военныхъ цѣлей типъ привязного аэростата. Но рѣшающее вліяніе на развитіе современнаго военнаго воздухоплаванія оказала франко-прусская война. Когда въ сентябрѣ 1870 г. Парижъ былъ охваченъ желѣзнымъ кольцомъ германскихъ войскъ и двухмиліонное населеніе почувствовало себя отрѣзаннымъ отъ остальной Франціи и всего внѣшняго міра, администрація французскихъ почтъ во главѣ съ энергичнымъ директоромъ Рампономъ, рѣшила установить сношеніе съ провинціей при помощи воздушныхъ шаровъ **). Въ виду недостатка необходимаго количества готовыхъ аэростатовъ, былъ сдѣланъ спѣшный заказъ 60-ти аэростатовъ извѣстнымъ кон-

---

*) Отношеніе Наполеона къ воздухоплаванію опредѣлилось анекдотическимъ случаемъ съ такъ называемымъ коронаціоннымъ шаромъ, о которомъ мы разсказали въ историческомъ очеркѣ.

**) Первый, кому пришла въ голову эта счастливая мысль, былъ воздухоплаватель Манженъ, который и предложилъ свой проектъ Рампону, тогдашнему директору почтъ.

структорамъ Іону и бр. Годаръ. На нихъ же было возложено сформированіе и подготовка персонала, необходимаго для сопровожденія почтовыхъ шаровъ. Первый почтовый шаръ былъ отправленъ изъ Парижа 23-го сентября 1870 г. съ воздухоплавателемъ Дюрюофъ, который черезъ три часа послѣ отправленія опустился въ 104 килом. отъ Парижа, близъ замка Кракувиль въ департаментѣ Эръ *). Начиная съ этого дня, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ осады, изъ Парижа было отправлено 64 почтовыхъ аэростата, изъ которыхъ 5 попали въ плѣнъ непріятелю и два пропали безслѣдно, унесенные въ море. На этихъ аэростатахъ перенеслись черезъ непріятельскую линію 64 воздухоплавателя, 91 пассажиръ и доставлено въ провинцію до 10.000 килограммовъ писемъ. Въ числѣ лицъ, совершившихъ путешествіе изъ осажденной столицы, находился между прочимъ Леонъ Гамбетта (въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ), который, вмѣстѣ со своимъ секретаремъ Спюллеромъ, воспользовался воздушнымъ сообщеніемъ съ провинціей, чтобы организовать тамъ національную оборону. Обратное сообщеніе провинціи со столицей было установлено при помощи голубиной почты. Почтовые голуби отправлялись въ провинцію на воздушныхъ шарахъ **) и прилетали оттуда въ Парижъ снабженные депешами. Чтобы придать возможно меньшій вѣсъ и объемъ этимъ депешамъ, извѣстнымъ фотографомъ Дагрономъ былъ придуманъ способъ фотомикроскопическаго воспроизведенія депешъ на тончайшихъ пленкахъ (pellicules), благодаря чему получалась возможность отправлять съ однимъ голубемъ до 3.000 депешъ одновременно. Въ Парижѣ микрофотографическіе снимки депешъ при помощи сильнаго волшебнаго фонаря проектировались въ увеличенномъ видѣ на экранъ, съ котораго они переписывались и затѣмъ доставлялись адресатамъ.

Неоцѣнимыя услуги, оказанныя воздушными шарами во время осады Парижа, рѣшили окончательно судьбу военнаго воздухоплаванія во Франціи, и уже вскорѣ послѣ войны, когда правительство третьей республики, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ уроковъ «страшнаго года» принялось за переустройство французской арміи, вопросъ о созданіи правильной организаціи военнаго воздухоплаванія былъ поставленъ въ ближайшую очередь. Разработкой этого вопроса занялась по порученію военнаго министерства такъ называемая «коммиссія воздушныхъ сообщеній» (commission des communication aeriennes), въ составъ которой вошли: полковникъ Лосседа (Lossedat), капитанъ де-ла-Гей и извѣстный Шарль Ренаръ. Коммиссія эта приступила прежде всего къ опытамъ съ привязными и свободными аэростатами, причемъ во время одного изъ этихъ опытовъ всѣ члены ея чуть было не погибли при паденіи аэростата (благодаря быстрой потерѣ газа) съ высоты 230 мет-

*) Разсказываютъ, что когда первый аэростатъ, прорвавшій блокаду, пролеталъ надъ Версалемъ, занятымъ пруссаками, Бисмаркъ въ безсильной злобѣ воскликнулъ: „Это не лойяльно!“ и тутъ же отдалъ приказъ разстрѣливать пойманныхъ воздухоплавателей, какъ шпіоновъ. Впослѣдствіи тотъ же Бисмаркъ заказалъ Круппу спеціальный приборъ для стрѣльбы по французскимъ аэростатамъ, такъ называемый воздушно-шаровой мушкетъ. Хотя мушкетъ и не причинялъ особеннаго вреда аэростатамъ, тѣмъ не менѣе, чтобы не дѣлаться мишенью для прусскихъ стрѣлковъ, воздухоплаватели старались совершать полеты ночью.

**) Нужно замѣтить, что изъ 369 отправленныхъ изъ Парижа голубей лишь 57 вернулись обратно. Остальные не могли найти обратной дороги вслѣдствіе господствовавшихъ тогда тумановъ и заблудились. Эти 57 голубей перенесли въ Парижъ за время осады не менѣе 100.000 депешъ.

ровъ. Выработанный коммиссіею проектъ организаціи военнаго воздухоплаванія былъ одобренъ тогдашнимъ военнымъ министромъ, генераломъ Берто, который предоставилъ въ распоряженіе военнаго воздухоплаванія обширный паркъ въ Шалэ-Медонѣ и ассигновалъ суммы на производство всѣхъ необходимыхъ работъ и сооруженій. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого въ медонскомъ паркѣ былъ построенъ уже цѣлый рядъ мастерскихъ для изготовленія аэростатическихъ принадлежностей, химическая и физическая лабораторіи, метеорологическая обсерваторія, заводъ для фабрикаціи водорода и сараи для воздушныхъ шаровъ. Центральное учрежденіе военнаго воздухоплаванія такимъ образомъ было готово и завѣдываніе имъ было поручено капитану Ш. Ренару. Вскорѣ затѣмъ былъ сформированъ и первый полевой воздухоплавательный паркъ и, послѣ того какъ паркъ этотъ выдержалъ блестящее испытаніе во время большихъ маневровъ 1880 г., послѣдовало сформированіе цѣлаго ряда такихъ парковъ, а также крѣпостныхъ воздухоплавательныхъ отдѣловъ.

Вскорѣ затѣмъ французской военно-воздухоплавательной организаціи представился случай доказать свою служебную способность и на боевомъ опытѣ. Именно во время тонкинской экспедиціи въ 1884 г. на театръ военныхъ дѣйствій былъ отправленъ полевой воздухоплавательный отрядъ подъ командой капитана Кувелье. Отрядъ съ успѣхомъ выполнилъ возложенную на него задачу и это обстоятельство, въ связи съ появившимся тогда извѣстіемъ объ успѣшныхъ опытахъ съ военнымъ управляемымъ аэростатомъ Ренара и Кребса побудило и другіе европейскія державы поспѣшить съ введеніемъ военнаго воздухоплаванія въ ихъ арміи. Такимъ образомъ въ періодъ съ 1884 по 1890 г. военно-воздухоплавательныя организаціи появились уже въ арміяхъ почти всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Прежде чѣмъ перейти къ обзору этихъ организацій, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ примѣненіяхъ, которыя могутъ находить привязной и свободный аэростаты въ современныхъ сухопутныхъ и морскихъ войнахъ.

Авторитетный представитель русскаго военнаго воздухоплаванія, полковникъ Кованько, говоря о необходимости примѣненія воздушныхъ шаровъ въ настоящей русско-японской войнѣ, характеризуетъ слѣдующимъ образомъ роль аэростата въ полевой войнѣ. «Прежде всего съ шара можно опредѣлить расположеніе непріятельскихъ войскъ, разсматривать мѣсто битвъ, которое при столкновеніи двухъ стотысячныхъ армій займетъ по фронту, по крайней мѣрѣ, верстъ 10—12, причемъ главнокомандующему воздушный шаръ сразу можетъ дать отвѣтъ на его вопросъ, указать замаскированныя батареи и укрѣпленія, открыть подготовляющіяся засады и ловушки, на которыя, вѣроятно, такъ щедры будутъ японцы. *Воздушный шаръ—это глаза арміи и даже больше—слово главнокомандующаго*, ибо на немъ стоитъ только поднять сигналъ, и стотысячная армія двинется впередъ какъ одинъ человѣкъ. Наконецъ, въ ночное время, напримѣръ, во время ночнаго штурма, шаръ со свѣтовыми сигналами послужитъ маякомъ, на который двинутся войска. Фотографія съ воздушнаго шара также окажетъ значительныя услуги по составленію картъ мѣстности» *).

---

*) См. „Воздухоплаватель“, № 3, 1904 г. „Сообщеніе, прочитанное А. М. Кованько въ соединенномъ засѣданіи воздухоплавательнаго и военно-морского отдѣловъ Императорскаго русскаго техническаго общества 3-го марта сего года“, стр. 48.

Затѣмъ, какъ въ полевой, такъ и въ крѣпостной войнѣ, привязной воздушный шаръ является чрезвычайно удобнымъ средствомъ для «корректированія» артиллерійской стрѣльбы. При тѣхъ огромныхъ дистанціяхъ, съ которыхъ теперь большею частью открывается артиллерійскій огонь, стрѣляющимъ не всегда бываетъ возможно опредѣлить точно цѣль стрѣльбы, тогда какъ наблюдатель, находящійся на привязномъ шарѣ, имѣетъ полную возможность слѣдить за дѣйствіемъ выстрѣловъ и давать точныя указанія относительно направленія ихъ *). Но менѣе важно примѣненіе привязныхъ аэростатовъ на театрѣ войны къ оптической сигнализаціи и въ особенности къ безпроволочному телеграфированію. При условіяхъ современныхъ войнъ, когда отдѣльныя части арміи бываютъ отдѣлены иногда значительными разстояніями, быстрый обмѣнъ свѣдѣній между ними и согласованіе ихъ дѣйствій возможны лишь при помощи безпроволочнаго телеграфа и услуги аэростата являются здѣсь почти незамѣнимыми, такъ какъ извѣстно, что чѣмъ выше расположены проводы, изъ которыхъ исходятъ и которыми воспринимаются электрическія волны, тѣмъ на большее разстояніе, онѣ передаются, а слѣдовательно тѣмъ дальше можно телеграфировать **).

Едва ли еще не болѣе существенна роль воздушныхъ шаровъ въ крѣпостной войнѣ. Здѣсь пользованіе привязнымъ воздушнымъ шаромъ даетъ возможность обѣимъ воюющимъ сторонамъ наблюдать за расположеніемъ укрѣпленій, концентраціей силъ противника, дѣйствіемъ навѣсной стрѣльбы и проч. Кромѣ того, во время совершеннаго обложенія крѣпости атакующіе имѣютъ полную возможность пользоваться для тѣхъ же цѣлей свободными полетами надъ крѣпостью, не стѣсняясь направленіемъ вѣтра. Въ свою очередь, для осажденныхъ такіе полеты (въ тѣхъ случаяхъ, когда они возможны) могутъ оказывать неоцѣнимыя услуги, какъ это и было во время осады Парижа.

Не менѣе разнообразны и важны услуги аэростатовъ въ морской войнѣ. «Цѣль морского воздухоплаванія,—говоритъ лейтенантъ Серпеттъ, организаторъ морского воздухоплаванія во Франціи, — заключается въ доставленіи средствъ военнымъ судамъ производить рекогносцировки при блокадѣ, бомбардировкѣ, высадкѣ дессанта и вообще при всѣхъ военныхъ операціяхъ въ виду береговъ. Для этой цѣли будутъ примѣняемы воздушные шары, въ большинствѣ случаевъ привязанные къ судну, стоящему на якорѣ или находящемуся въ ходу; въ нѣкоторыхъ случаяхъ шары могутъ производить и свободные полеты, чтобы перелетѣть какой-нибудь пунктъ, занятый непріятелемъ,

---

*) Насколько важна можетъ быть роль воздушныхъ шаровъ въ подобныхъ случаяхъ, показалъ, между прочимъ, опытъ англо-бурской войны, въ которой англичане, какъ извѣстно, широко пользовались услугами воздухоплаванія. „Несправедливо думаютъ,—говоритъ по поводу осады Ледисмита одинъ изъ участниковъ войны, — что будто бы наличность морскихъ орудій спасла Ледисмитъ. Честь успѣха ими достигнутаго принадлежитъ воздушнымъ шарамъ“ (см. „Воздухоплаватель“ № 6, 1904 г., ст. барона Шпенглера „Участіе военнаго воздухоплаванія въ англо-бурской войнѣ“).

**) Въ виду возможности перехватыванія безпроволочныхъ телеграммъ аппаратами противника, въ настоящее время спеціалисты, работающіе въ этой области, заняты изысканіями способа направлять электрическія волны такимъ образомъ, чтобы онѣ могли восприниматься лишь опредѣленными, построенными по извѣстному принципу, аппаратами.

или для того, чтобы установить сообщеніе между открытымъ моремъ и пунктомъ суши, недоступнымъ для флота» *).

Что же касается примѣненія воздушнаго шара въ качествѣ средства нападенія (для бросанія сверху снарядовъ, взрывчатыхъ, горючихъ и зловонныхъ веществъ), то обыкновенный, т.-е. неуправляемый, воздушный шаръ едва ли можетъ считаться пригоднымъ для этой цѣли, въ виду того, что поступательное движеніе аэростата дѣлало бы практически невозможнымъ точный разсчетъ при пользованіи снарядомъ, а вѣроятность попаданія при такихъ условіяхъ была бы ничтожной **).

Но разъ будетъ найдена возможность управлять горизонтальнымъ полетомъ аэростата, а слѣдовательно и возможность задерживать полетъ въ моментъ бросанія снарядовъ, то вышеуказанныя баллистическія затрудненія исчезнутъ сами собой и тогда аэростатъ легко можетъ быть превращенъ въ настоящее боевое орудіе, тѣмъ болѣе ужасное, что помимо разрушительнаго дѣйствія «огня сверху», послѣдній долженъ оказывать страшно деморализирующее дѣйствіе на непріятеля ***). И несомнѣнно, что та изъ воюющихъ сторонъ, которая бы первая воспользовалась для этой цѣли управляемыми аэростатами, сдѣлала-бы, въ силу этого, невозможной борьбу съ нею даже для противника далеко болѣе сильнаго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Вѣроятно, возможность этого обстоятельства и побудила гаагскую конференцію 1899 г. принять постановленіе, запрещающее въ теченіе пятилѣтняго срока пользоваться аэростатами, какъ срествомъ нападенія ****).

---

*) См. статью лейтенанта М. Н. Большова „Морское воздухоплаваніе во Франціи" („Морской Сборникъ" 1904 г., кн. 3, стр. 87).

**) Въ самомъ дѣлѣ, снарядъ, опущенный съ аэростата, во время полета послѣдняго, пойдетъ по направленію равнодѣйствующей двухъ силъ: силы собственной тяжести снаряда и силы пріобрѣтенной аэростатомъ скорости. Отсюда слѣдуетъ, что снарядъ, которымъ желаютъ попасть въ опредѣленную цѣль, долженъ быть выпущенъ ранѣе, чѣмъ аэростатъ будетъ находиться надъ этой цѣлью, и чтобы опредѣлить этотъ моментъ, воздухоплаватель долженъ точно знать: 1) скорость полета аэростата; 2) высоту его нахожденія, и 3) его разстояніе отъ цѣли по земной проекціи, а это представляется почти невозможнымъ (ср. статью д-ра Гизлера „Можно ли съ аэростата бросать разрывные снаряды въ непріятеля". „Воздухоплаватель" 1904 г., кн. 4).

***) Въ военной исторіи прошлаго столѣтія извѣстенъ, между прочимъ, случай примѣненія воздушныхъ шаровъ для бросанія бомбъ сверху. Именно при осадѣ Венеціи въ 1849 г. австрійцы, въ виду безуспѣшности бомбардировки города, отдѣленнаго лагунами, воспользовались бумажными монгольфьерами, къ которымъ они привязывали разрывныя бомбы съ такимъ расчетомъ, чтобы бомбы эти могли отрываться черезъ извѣстный промежутокъ времени (33 минуты), когда шаръ будетъ приблизительно находиться надъ осажденнымъ городомъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ удачное паденіе бомбы могло быть лишь простой случайностью, и дѣйствительно изъ сотенъ направленныхъ такимъ образомъ бомбъ въ городъ упали лишь двѣ или три, но тѣмъ не менѣе моральный эффектъ этихъ бомбъ былъ громадный.

****) Вотъ подлинный текстъ резолюціи по этому вопросу, принятой въ засѣданіи 21 іюля 1899 г.:

„Договаривающіяся державы пришли къ соглашенію, по которому въ теченіе пятилѣтняго срока воспрещается бросать съ высоты—при помощи воздушныхъ шаровъ или другихъ подобныхъ способовъ—снаряды и взрывчатыя вещества.

„Настоящее соглашеніе обязательно лишь для договаривающихся державъ на время войны между двумя или нѣсколькими изъ нихъ.

„Соглашеніе перестаетъ быть обязательнымъ съ момента, когда въ войну между договаривавшимися державами вмѣшивается, въ качествѣ воюющей стороны, держава, не присоединившаяся къ настоящему соглашенію".

Послѣдняя оговорка оказалась далеко не безполезной, такъ какъ Англія отказалась присоединиться къ соглашенію.

Высота подъема на привязныхъ аэростатахъ во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ не превосходитъ обыкновенно 500 метровъ, но въ виду того, что при огромной численности войскъ, принимающихъ участіе въ современныхъ войнахъ, наблюдателю приходится обозрѣвать иногда обширные районы, высоту эту стремятся все больше и больше увеличить, и въ Германіи, напр., она уже доведена до 1.000 м. *). «Въ стремленіи увеличить высоту привязныхъ подъемовъ для расширенія района наблюденія,—говоритъ М. И , авторъ статьи о современномъ военномъ воздухоплаваніи—преслѣдуется попутно и другая важная цѣль—вывести шаръ изъ области обстрѣла непріятельскихъ орудій. Опытами послѣднихъ лѣтъ на артиллерійскихъ полигонахъ различныхъ европейскихъ государствъ установлено, что для воздушнаго шара опасна лишь стрѣльба шрапнелью, такъ какъ при другихъ снарядахъ вѣроятность попаданія въ шаръ, отстоящій на нѣсколько километровъ, настолько мала, что лишена всякаго практическаго значенія. Траэкторія снаряда изъ полевыхъ орудій обыкновенно слишкомъ низка для того, чтобы поразить высокостоящій привязной шаръ; но тяжелыя орудія (въ 12 — 15 сантиметровъ) въ состояніи поразить привязной шаръ даже съ разстоянія въ 6 километровъ. Такимъ образомъ при полевой войнѣ шаръ можетъ считаться выведеннымъ изъ района попаданія, начиная съ 5 километровъ, а при крѣпостной войнѣ—начиная съ 6 километровъ» **).

Перейдемъ теперь къ организаціи военнаго воздухоплаванія въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ.

Во Франціи, какъ мы уже сказали во главѣ военно-воздухоплавательной организаціи находится центральное учрежденіе въ Шалэ-Медонѣ. Въ составъ его входитъ учебная школа для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, мастерскія для изготовленія воздухоплавательнаго имущества и образцовый воздухоплавательный паркъ. Учрежденіемъ этимъ, со времени основанія его, завѣдуетъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся авторитетовъ въ области воздухоплаванія, полковникъ Шарль Ренаръ. Техника современнаго аэростатическаго воздухоплаванія обязана Ренару многими цѣнными усовершенствованіями (клапанъ двойного дѣйствія, якорь Ренара и пр.), не менѣе цѣнны и его теоретическія работы по вопросамъ аэростатическаго и динамическаго воздухоплаванія, наконецъ, замѣчательный управляемый аэростатъ, построенный Ренаромъ (вмѣстѣ съ Кребсомъ) въ 1884 г., сдѣлалъ его имя извѣстнымъ далеко за предѣлами узкаго круга спеціалистовъ. Благодаря таланту и энергіи Ренара, а также тому обстоятельству, что экспериментальныя изысканія въ Шалэ-Медонѣ, со стороны матеріальныхъ средствъ и научныхъ пособій обставлены такъ, какъ нигдѣ въ мірѣ, военно-воздухоплавательная организація во Франціи является образцомъ, которому и до сихъ поръ стараются слѣдовать

---

*) При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что увеличеніе высоты подъема достигается обыкновенно въ ущербъ его безопасности, ибо для этого, въ виду нежелательности увеличивать подъемную силу аэростата, а слѣдовательно его объемъ, приходится уменьшать до минимума необходимый грузъ аэростата, отказываться, напр., отъ пользованія якоремъ, употреблять болѣе тонкій канатъ и пр., причемъ конечно, опасность подъема значительно возрастаетъ.

**) См. М. И. „Военное воздухоплаваніе въ различныхъ государствахъ Европы“. („Воздухоплаватель“ 1904 г., кн. 1 и 2). Между прочимъ, многими изъ тѣхъ данныхъ, которыя приведены въ обстоятельномъ очеркѣ г. М. И., мы воспользовались при дальнѣйшемъ изложеніи.

воздухоплавательныя учрежденія другихъ странъ. Особенно хорошо приспособлена французская воздухоплавательная организація для цѣлей полевой войны. Въ составъ ея, въ мирное время, входятъ 4 полевыхъ воздухоплавательныхъ парка; въ военное время число ихъ увеличивается съ такимъ разсчетомъ, чтобы при каждомъ армейскомъ корпусѣ имѣлся свой воздухоплавательный паркъ. Кромѣ того, постоянные воздухоплавательные парки имѣются въ 4-хъ крѣпостяхъ (Вердэнъ, Эпиналь, Туль и Бельфоръ). Воздухоплавательное имущество полевыхъ и крѣпостныхъ парковъ состоитъ изъ 2-хъ такъ называемыхъ «нормальныхъ» шаровъ, вмѣстимостью въ 530 куб. метровъ, которые при водородномъ наполненіи способны поднять 2-хъ воздухоплавателей до высоты 500 метровъ, одного вспомогательнаго шара

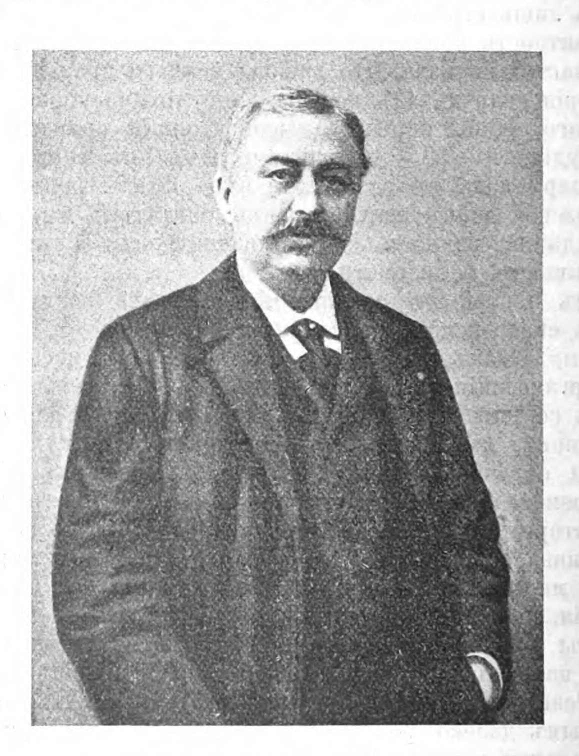

Рис. 93. Шарль Ренаръ.

въ 260 куб. метровъ, который можетъ поднимать лишь одного воздухоплавателя, и принадлежностей для наполненія шаровъ водородомъ; крѣпостные отдѣлы снабжены сверхъ того, еще шарами въ 900 куб. метровъ вмѣстимости, для свободныхъ полетовъ. Шары укрѣпляются на канатѣ по способу, въ родѣ показаннаго на рисункѣ (94); благодаря такому способу укрѣпленія аэростата и особой системѣ и по увѣски корзины, накрениваніе и качаніе послѣдней во время вѣтра значительно уменьшается. Подъемъ и опусканіе шара производится при помощи паровой лебедки. Для наполненія шаровъ въ полевыхъ паркахъ служатъ перевозные генераторы (системы Ренара), которые могутъ доставлять до 300 куб. метровъ водорода въ часъ. Водородъ получается дѣйствіемъ подкисленной сѣрною кислотою воды на цинкъ, причемъ эта жидкость

накачивается изъ особыхъ (также перевозныхъ) резервуаровъ въ генераторъ и прогоняется здѣсь дѣйствіемъ паровой машины черезъ котлы, наполненные цинковыми стружками. Оба названные прибора представлены на рисункѣ 95 во время ихъ дѣйствія. Въ виду тяжести

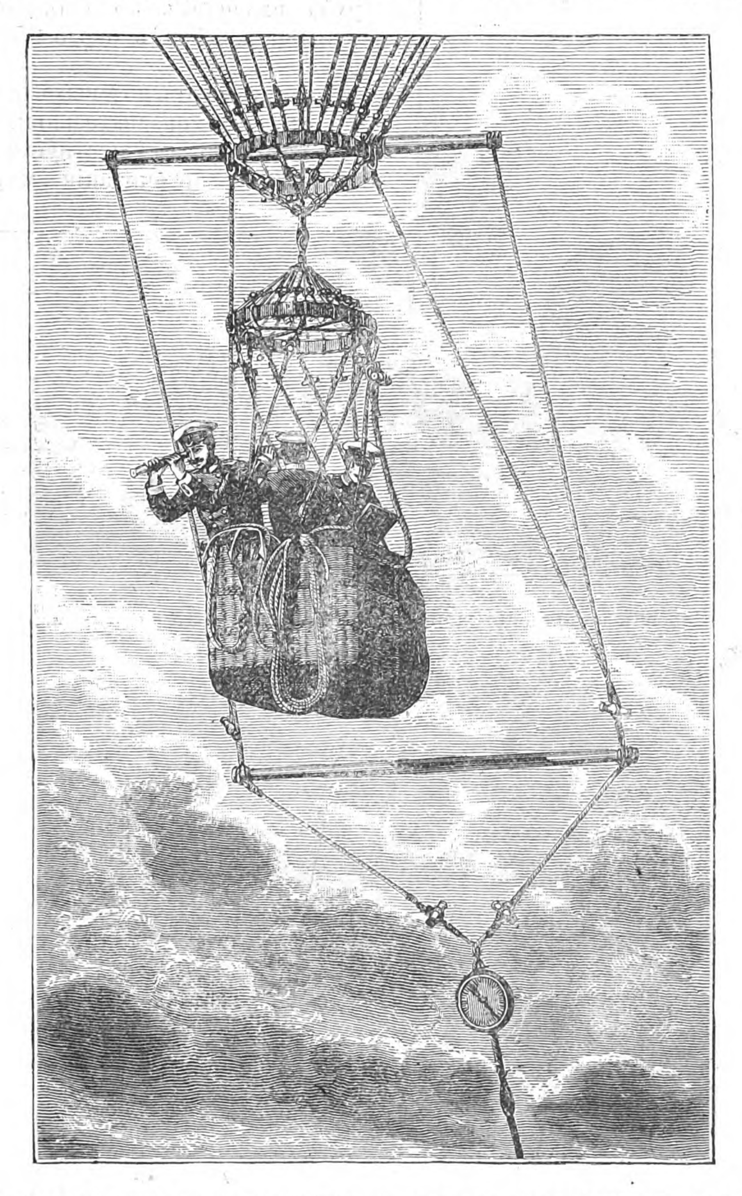

Рис. 94. Корзина аэростата, построеннаго для русской арміи Габріелемъ Іономъ въ Парижѣ.

и громоздкости этихъ приборовъ, Франція въ настоящее время стала вводить способъ наполненія аэростатовъ уже готовымъ водородомъ, который перевозится въ стальныхъ трубахъ подъ громаднымъ давленіемъ (до 200 атмосферъ). Способъ этотъ представляетъ еще и то

преимущество, что при немъ наполненіе шара происходитъ несравненно скорѣе, чѣмъ при добываніи водорода на мѣстѣ *). Трубы перевозятся въ особыхъ повозкахъ (по 8 на каждой), причемъ каждая труба вмѣщаетъ 35 куб. метровъ водорода и вѣситъ около 250 килограммовъ.

Независимо отъ полевыхъ и крѣпостныхъ воздухоплавательныхъ парковъ во Франціи существуетъ самостоятельная организація морского

Рис. 95. Способъ наполненія шара при помощи генератора системы Ренара.

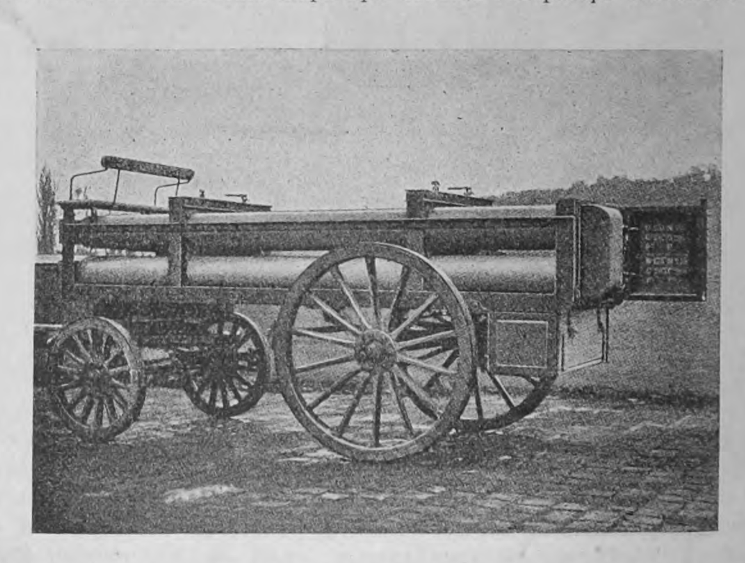

Рис. 96. Повозка для перевозки стальныхъ цилиндровъ, наполненныхъ сжатымъ водородомъ.

воздухоплаванія. Въ составъ ея входятъ два центральныхъ воздухоплавательныхъ учрежденія въ Лагубранѣ (близъ Тулона) и Брестѣ, рас-

*) Вмѣсто 3-хъ часвъ, потребныхъ для наполненія шара генераторнымъ способомъ, готовымъ водородомъ шаръ наполняется въ $^{1}/_{2}$ часа.

полагающихъ учебными парками. Кромѣ того, порты Шербургъ, Лорьянъ и Рошфоръ снабжены воздухоплавательнымъ имуществомъ, причемъ воздухоплавательные отдѣлы въ нихъ функціонируютъ лишь въ военное время. Центральныя учрежденія въ Тулонѣ и Брестѣ имѣютъ своимъ назначеніемъ обслуживать оборону сѣверныхъ и южныхъ береговъ Франціи и снабжать, по первому же требованію, воздухоплавательными отдѣленіями военныя эскадры. Многочисленные опыты примѣненія привязныхъ аэростатовъ во время морскихъ маневровъ средиземной и сѣверной эскадръ дали блестящіе результаты. Между прочимъ опыты эти показали, что наблюденія съ аэростата позволяютъ не только слѣдить за движеніями непріятельскаго флота на громадныхъ разстояніяхъ, но и открывать подводныя лодки и мины, совершенно погруженныя въ воду, такъ какъ извѣстно, что, по мѣрѣ подъема надъ уровнемъ воды, прозрачность ея увеличивается очень сильно *).

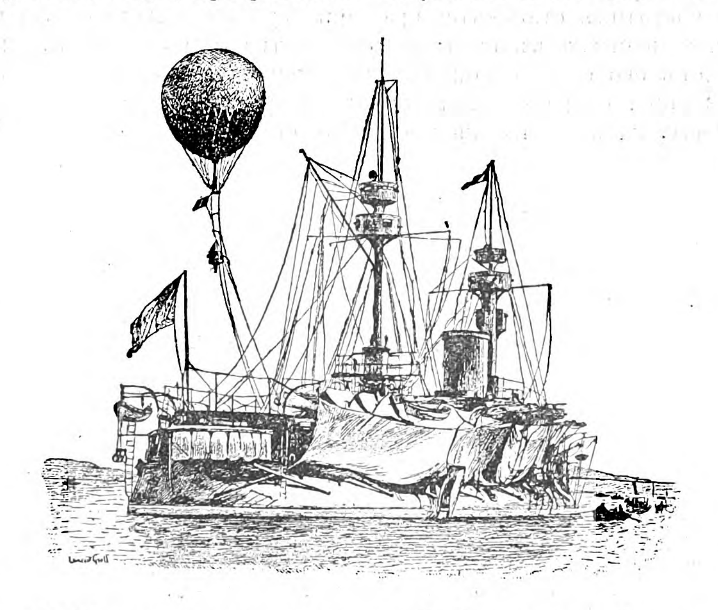

Рис. 97. Привязной аэростатъ на палубѣ французскаго броненосца.

Въ Германіи военное воздухоплаваніе введено съ 1884 г. Организація его слагается изъ центральнаго учрежденія, при которомъ имѣется офицерская воздухоплавательная школа и образцовый воздухоплавательный паркъ, и изъ полевыхъ и крѣпостныхъ парковъ, распо-

---

*) Извѣстно, что воздухоплаватели, которымъ приходилось пролетать надъ Ла-Маншемъ, могли совершенно отчетливо видѣть дно этого пролива на глубинѣ 30—40 саженъ. Лѣтомъ 1894 г. русскіе военные аэростаты были привлечены къ участію въ розыскахъ погибшаго въ Балтійскомъ морѣ броненосца береговой охраны „Русалка“. Изъ подъемовъ, произведенныхъ съ этой цѣлью, между прочимъ, выяснилось, что подводные рифы и банки, находящіеся на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ, представляются съ воздушнаго шара въ видѣ желтыхъ пятенъ, отчетливо вырисовывающихся на темномъ фонѣ морской поверхности. Изъ этого слѣдуетъ, что воздушные шары могутъ съ успѣхомъ примѣняться при гидрографическихъ обслѣдованіяхъ мѣстности. (См. объ этомъ въ статьѣ Ю. Германа „Воздухоплаваніе во флотѣ“: „Воздухоплаватель“, № 1, 1903 г.).

ложенныхъ въ различныхъ частяхъ имперіи, причемъ развитіе полевыхъ частей является преобладающимъ. «Германская школа,—говоритъ полковникъ Кованько,—приняла тезисъ своей арміи, *что наступленіе есть единственное средство для одержанія побѣды*, и поэтому ею ведется все въ направленіи усовершенствованія полевыхъ частей».

Воздухоплавательное имущество изготовляется не въ собственныхъ мастерскихъ, а частными фирмами, сжатый водородъ доставляется заводами и фабриками, на которыхъ онъ получается, какъ побочный продуктъ производства. Главною особенностью германскаго военнаго воздухоплаванія являются такъ называемые «змѣйковые аэростаты» системы нѣмецкихъ офицеровъ—воздухоплавателей Зигсфельда и Персеваля. Преимущество ихъ передъ обыкновенными аэростатами заключается въ томъ, что они значительно менѣе послѣднихъ подвержены дѣйствію вѣтра. Наблюденія съ обыкновенныхъ, сферическихъ привязныхъ аэростатовъ становятся крайне затруднительными уже при вѣтрѣ средней скорости, такъ какъ давленіе вѣтра на поверхность аэростата заставляетъ его сильно понижаться, причемъ корзина съ наблюдателемъ начинаетъ раскачиваться; при вѣтрѣ же, превышающемъ 7 м. въ секунду, качка бываетъ настолько сильной, что наблюденія ста-

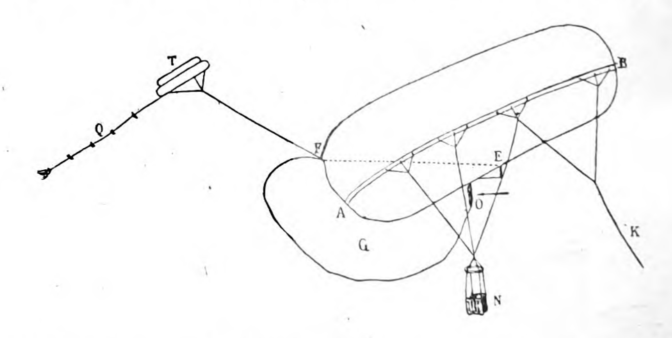

Рис. 98. Змѣйковый аэростатъ Персеваля-Зигсфельда. AB—поясъ, къ которому прикрѣпляется канатъ K и корзина S; G—рулевой мѣшокъ съ отверстіемъ O; E—діафрагма, раздѣляющая внутреннюю полость оболочки; T—вспомогательный змѣекъ, снабженный хвостомъ—Q.

новятся практически невыполнимыми. Неудобства эти почти совершенно устраняются при змѣйковыхъ аэростатахъ. Змѣйковый аэростатъ имѣетъ форму продолговатаго цилиндра съ полусферическими концами, сдѣланнаго изъ прочнаго прорезиненнаго полотна и, при нормальныхъ размѣрахъ (14 м. въ длину и 6 м. въ діаметрѣ), вмѣщающаго 600 куб. м. газа. Вмѣсто сѣтки змѣйковый аэростатъ снабженъ поясомъ AB (см. рис. 98), къ которому прикрѣпляется привязной канатъ (K) и корзина (S). Къ нижней части его придѣланъ мѣшокъ (G), который при подъемѣ аэростата надувается вѣтромъ, входящимъ въ него черезъ отверстіе O, и служитъ рулемъ, устраняющимъ боковыя колебанія аэростата. Внутренняя полость оболочки аэростата раздѣлена діафрагмой EF на двѣ части въ отношеніи 1: 3, причемъ меньшая часть снабжена отверстіемъ, обращеннымъ въ сторону вѣтра, и образуетъ баллонетъ-компенсаторъ.

При нормальныхъ условіяхъ діафрагма EF почти прикасается къ нижнимъ стѣнкамъ оболочки, но въ томъ случаѣ, когда объемъ газа, наполняющаго оболочку, почему-нибудь уменьшается, вѣтеръ, вхо-

дящій черезъ отверстіе O, наполняетъ баллонетъ и поднимаетъ діафрагму вверхъ, вслѣдствіе чего оболочка дѣлается гладкой и упругой. Какъ показываетъ рисунокъ (98), змѣйковый аэростатъ принимаетъ во время полета наклонное положеніе по отношенію къ горизонту, образуя съ послѣднимъ уголъ въ 20°. Вслѣдствіе этого вѣтеръ, дѣйствуя на громадную поверхность аэростата, будетъ поднимать его вверхъ, и увеличивать его подъемную силу, — словомъ, будетъ дѣйствовать на него, какъ на настоящій змѣекъ. Благодаря такому сочетанію свойствъ змѣйка и воздушнаго шара, змѣйковый аэростатъ можетъ держаться на одной и той же высотѣ при различныхъ скоростяхъ вѣтра, и опыты показали, что наблюденія съ него возможны даже при вѣтрѣ, въ 15—20 метровъ въ секунду. При очень сильномъ и порывистомъ вѣтрѣ для предупрежденія боковыхъ колебаній, аэростатъ снабжается еще небольшимъ дополнительнымъ шаромъ (также змѣйковымъ) T, который

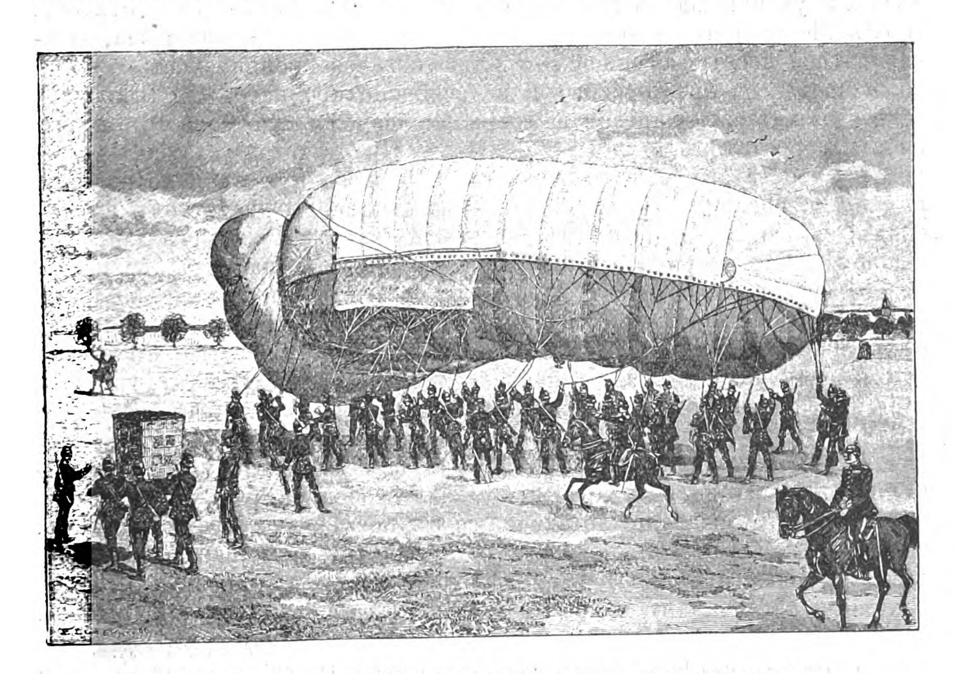

Рис. 99. Переноска змѣйковаго аэростата во время маневровъ.

регулируетъ полетъ аэростата и не позволяетъ ему отклоняться отъ линіи вѣтра. Къ недостаткамъ этихъ аэростатовъ слѣдуетъ отнести ихъ громоздкость и слишкомъ большой вѣсъ, хотя переноска наполненнаго газомъ змѣйковаго аэростата совершается значительно легче, чѣмъ переноска сферическаго шара того же объема, такъ какъ цилиндръ, обращенный основаніемъ къ вѣтру, представляетъ далеко меньшую поверхность для сопротивленія, нежели шаръ одинаковаго съ нимъ объема.

Въ Англіи начало военно-воздухоплавательной организаціи было положено въ 1879 году основаніемъ воздухоплавательной школы въ Чатамѣ. Въ слѣдующемъ году былъ учрежденъ воздухоплавательный отдѣлъ (Balloon-Factory) и при немъ вторая школа (Military School of Ballooning) въ Альдершотѣ и, наконецъ, въ 1884 г. было осно-

вано центральное воздухоплавательное учрежденіе въ Чатамѣ. Англійское военное воздухоплаваніе приспособлено, главнымъ образомъ, къ условіямъ колоніальныхъ войнъ, которыя такъ часто приходится вести Англіи. Этимъ объясняются и нѣкоторыя особенности англійской воздухоплавательной организаціи. При громадныхъ разстояніяхъ, которыми отдѣлены англійскія колоніи отъ метрополіи и при отсутствіи въ нихъ удобныхъ путей сообщенія, доставка и передвиженіе громоздкихъ и тяжелыхъ приборовъ, которые примѣняются въ полевыхъ воздухоплавательныхъ частяхъ другихъ странъ, были бы крайне затруднительны. Поэтому всѣ усилія англійской военно-воздухоплавательной техники направлены къ тому, чтобы, по возможности, облегчить и упростить воздухоплавательное имущество. Съ этой цѣлью Англія первая ввела (въ 1880 г.) способы наполненія аэростатовъ готовымъ водородомъ, сжатымъ въ стальныхъ переносныхъ цилиндрахъ, и уменьшила до минимума размѣры и вѣсъ самихъ аэростатовъ. Послѣдніе приготовляются въ Англіи изъ *бодрюша* *), матеріала, отличающагося необыкновенной легкостью и газонепроницаемостью, но въ тоже время очень дорогого и не особенно прочнаго **). Благодаря легкости матеріала, англичане имѣютъ возможность довести объемъ своихъ аэростатовъ до 240—290 куб. м. При такихъ условіяхъ перевозка аэростатовъ и въ особенности переноска ихъ въ наполненномъ видѣ (см. рис. 100) чрезвычайно облегчаются. Недостаткомъ англійскихъ военныхъ аэростатовъ является, какъ мы уже сказали, ихъ сравнительная непрочность, дѣлающая подъемъ на нихъ не всегда безопасенымъ. Бывали случаи, какъ это наблюдалось напр. во время англо-бурской войны, когда шары не выдерживали сильнаго напора вѣтра и лопались. Въ цѣляхъ того же облегченія имущества, въ англійскихъ воздухоплавательныхъ паркахъ при подъемахъ аэростата употребляется ручная лебедка. Англійское военное воздухоплаваніе неоднократно уже подвергалось боевому испытанію, такъ какъ Англія пользовалась воздушными шарами почти во всѣхъ колоніальныхъ войнахъ, которыя она вела съ 1885 г. Въ особенности важныя услуги оказало воздухоплаваніе англичанамъ въ послѣднюю, трансваальскую, войну. На театрѣ этой войны находились три англійскихъ воздухоплавательныхъ отдѣла. Первый дѣйствовалъ въ арміи лорда Метуэна и помогъ англичанамъ открыть военную хитрость генерала Кронье, устроившаго рядомъ съ настоящимъ спрятаннымъ лагеремъ—фальшивый, который англичане безрезультатно обстрѣливали, послѣ чего Кронье потерпѣлъ пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ.

Второй отдѣлъ, находившійся въ Ледисмитѣ, оказалъ серьезныя услуги во время осады этого города Бурами. Въ теченіе 29-ти дней привязные воздушные шары англичанъ поднимались ежедневно надъ осажденнымъ городомъ, позволяя имъ слѣдить за расположеніемъ позицій непріятеля и его передвиженіями. Услуги воздушныхъ шаровъ въ этомъ случаѣ были незамѣнимы, такъ какъ позиціи буровъ нахо-

---

*) По англійски „goldbeater skin", т.-е. пленка, которая употребляется въ золотобойномъ производствѣ. Пленка эта приготовляется изъ перепонки слѣпой бараньей кишки, путемъ особой обработки ея. Для изготовленія изъ такой пленки оболочки воздушнаго шара потребны кишки отъ 30.000 барановъ. 1 кв. метръ бодрюша (въ одинъ слой) вѣситъ 12,5 грам.

**) Такъ какъ слишкомъ сухой и слишкомъ влажный воздухъ дѣйствуетъ вредно на клей, которымъ склеиваются отдѣльные куски бодрюша.

дились на холмахъ, окружающихъ котловину, въ которой расположенъ Ледисмитъ, и могли быть открыты лишь съ воздушнаго шара. Наконецъ третій воздухоплавательный отдѣлъ состоялъ при войскахъ, наступавшихъ на Кимберлей и Мефекингъ: наибольшую дѣятельность этотъ отдѣлъ проявилъ подъ Fourteen Streems'омъ, гдѣ привязной аэростатъ работалъ въ теченіе 13 дней.

Перейдемъ теперь къ организаціи военнаго воздухоплаванія *въ Россіи.*

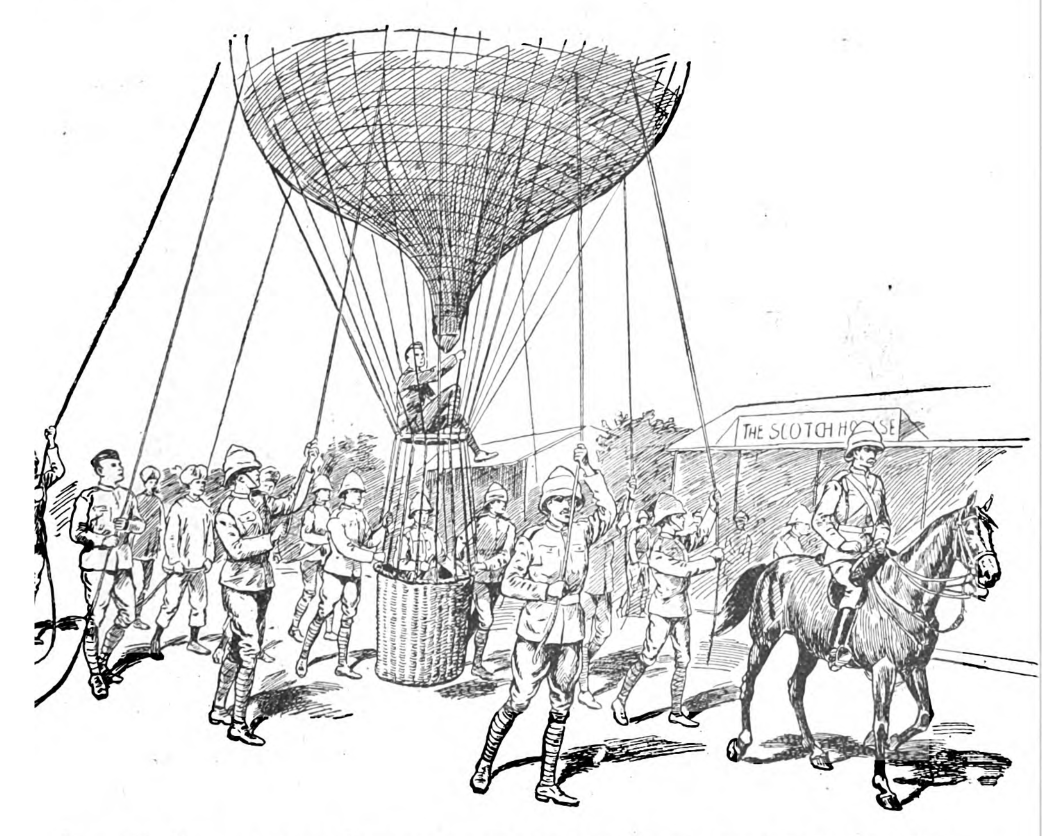

Рис. 100. Переноска англійскаго военнаго аэростата на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Трансваалѣ.

Вопросъ о введеніи у насъ военнаго воздухоплаванія былъ поднятъ впервые еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія *), вскорѣ послѣ окончанія сѣверо-американской междуусобной войны, показавшей огромное практическое значеніе воздушныхъ шаровъ для развѣдочной службы. По инициативѣ генерала Тотлебена тогда же была организована коммиссія для разработкя этого вопроса. Работы коммиссіи продолжались почти десять лѣтъ, но не привели ни къ какимъ результатамъ «Дѣло было ликвидировано,—говоритъ полковникъ Кованько,—года за два до нашей турецкой кампаніи 1877—1878 годовъ. Новые шары

*) См. статью А. Кованько „Воздухоплаваніе въ Россіи" (журналъ „Воздухоплаватель" 1903 г., № 1), а также брошюру: „Краткій историческій очеркъ военнаго воздухоплаванія въ Россіи". Спб. 1904 г.

строить было поздно, кадра спеціалистовъ не было, а съ увѣренностью можно сказать, что и подъ Плевной, и подъ Зевиномъ шары принесли бы большую пользу». Затѣмъ уже въ 1884 году, когда удачное примѣненіе аэростатовъ во время тонкинской экспедиціи, а также результаты опытовъ Ренара и Кребса съ управляемымъ аэростатомъ ихъ системы возбудили снова живой интересъ къ военному вадухоплаванію, по инициативѣ тогдашняго военнаго министра Вановскаго была назначена новая «коммиссія по примѣненію воздухоплаванія, голубиной почты и сторожевыхъ вышекъ къ военнымъ цѣлямъ». Коммиссіей былъ выработанъ вскорѣ проектъ сформированія кадровой воздухоплавательной команды изъ нижнихъ чиновъ учебной гальванической роты въ составѣ 2 унтеръ-офицеровъ и 20 рядовыхъ. Проектъ былъ утвержденъ и команда сформирована въ 1885 г. 6-го октября того же года былъ совершенъ первый свободный полетъ *) военныхъ воздухопла-

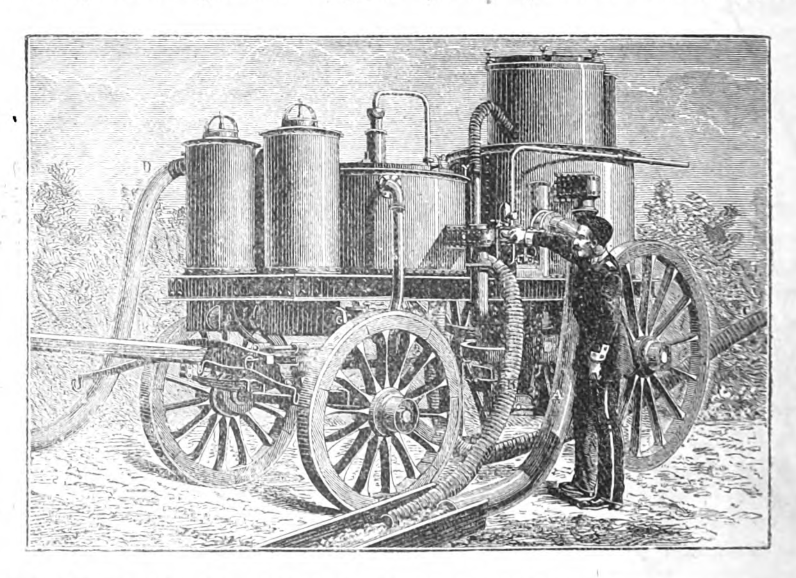

Рис. 101. Генераторъ для добыванія водорода, построенный для русской арміи Іономъ въ Парижѣ (въ 1886 г). А—рукавъ для удаленія раствора желѣзнаго купороса (продукта разложенія сѣрной кислоты при дѣйствіи ея на желѣзо). В—рукавъ для удаленія промывной воды. С—рукавъ, черезъ который поступаетъ вода для промыванія газа. С—рукавъ, черезъ который газъ выходитъ изъ аппарата.

вателей, положившій начало длинному ряду послѣдующихъ учебныхъ полетовъ офицеровъ воздухоплавательной команды. Воздухоплавательное имущество было пріобрѣтено, главнымъ образомъ, во Франціи: у извѣстной по изготовленію воздухоплавательныхъ принадлежностей фирмы Іона. Послѣднимъ были, между прочимъ, изготовлены, по заказу военнаго министерства въ 1886 г. особаго типа газодобывательные аппараты (см. рис. 101) и паровыя лебедки для подъема и спуска привязныхъ аэростатовъ. Сформированіе воздухоплавательной команды по-

*) Въ полетѣ этомъ принималъ участіе завѣдующій командою поручикъ Кованько, подполковникъ Трофимовъ и воздухоплаватель Рудольфи. Послѣ 4-хъ-часового пребыванія въ воздухѣ воздухоплаватели благополучно спустились недалеко отъ Новгорода.

служило началомъ военно-воздухоплавательной организаціи, которая въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, была введена лишь въ 1890 г. Центральнымъ учрежденіемъ организаціи является учебный воздухоплавательный паркъ, расположенный на Волковомъ полѣ, подъ Петербургомъ. Дѣятельность его заключается, главнымъ образомъ, въ подготовленіи къ воздухоплавательной службѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, для чего въ офицерскій классъ парка командируются ежегодно изъ инженерныхъ войскъ и крѣпостныхъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ частей 8 офицеровъ для прохожденія теоретическаго и практическаго курса военнаго воздухоплаванія. Курсъ продолжается съ 1-го декабря по 1-ое октября. По окончаніи его офицеры инженерныхъ войскъ назначаются въ крѣпостныя воздухоплавательныя отдѣленія, а остальные офицеры возвращаются въ свои части и въ военное время прикомандировываются къ воздухоплавательнымъ отдѣленіямъ для пополненія ихъ офицерскаго состава. При паркѣ имѣются свои мастерскія для изготовленія аэростатовъ и нѣкоторыхъ частей воздухоплавательнаго имущества. Завѣдуетъ паркомъ съ самаго основанія его полковникъ А. М. Кованько, наиболѣе выдающійся въ Россіи спеціалистъ въ области практическаго воздухоплаванія, не мало потрудившійся для развитія у насъ воздухоплаванія вообще. Кромѣ учебнаго парка, въ организацію русскаго военнаго воздухоплаванія входятъ крѣпостныя и полевыя воздухоплавательныя отдѣленія, причемъ послѣднія формируются лишь въ военное время.

Рис. 102. Полковникъ А. М. Кованько.

Въ противоположность воздухоплавательнымъ организаціямъ западно-европейскихъ государствъ наше военное воздухоплаваніе приспособлено, главнымъ образомъ, къ потребностямъ крѣпостной войны. Постоянныя воздухоплавательныя отдѣленія имѣются въ 27-ми русскихъ крѣпостяхъ (Варшавѣ, Новогеоргіевскѣ, Ивангородѣ, Брестъ-Литовскѣ, Ковнѣ, Оссовдѣ и Яблонѣ). Каждое такое отдѣленіе располагаетъ тремя привязными шарами въ 640 куб. метровъ, однимъ шаромъ въ 1.000 куб. метровъ для свободныхъ полетовъ и всѣмъ необходимымъ воздухоплавательнымъ имуществомъ. Что же касается полевыхъ воздухоплавательныхъ парковъ, то организація ихъ въ Россіи встрѣчаетъ до сихъ поръ затрудненія въ отсутствіи хорошихъ грунтовыхъ и шоссейныхъ дорогъ и большихъ разстояніяхъ. Существующіе способы полученія газа для аэростатовъ, принятые въ западно-европейскихъ воздухоплавательныхъ полевыхъ частяхъ, у насъ совершенно не пригод-

ны, такъ какъ даже наиболѣе практичные изъ нихъ сопряжены все-таки съ перевозкою тяжелыхъ приспособленій и приборовъ, которая при нашихъ дорогахъ врядъ ли была бы даже возможна. Но въ самое послѣднее время учебно-воздухоплавательнымъ паркомъ былъ выработанъ новый типъ газодобывательныхъ аппаратовъ, приспособленныхъ для такъ называемаго *щелочнаго способа* полученія водорода *). Аппараты эти, отличающіеся замѣчательной простотой и легкостью конструкціи, состоятъ ихъ двухъ цилиндровъ кровельнаго желѣза, которые вѣсятъ всего 3 пуда, и могутъ перевозиться вьючнымъ способомъ. Одновременно съ этимъ былъ выработанъ также типъ легкой лебедки для подъема привязныхъ шаровъ, которую можно перевозить на двухъ легкихъ двуколкахъ. Все это дало возможность облегчить воздухоплавательный обозъ полевыхъ парковъ настолько, что передвиженіе его не представляетъ затрудненій даже въ гористыхъ мѣстностяхъ.

---

*) Способъ этотъ основанъ на выдѣленіи водорода изъ раствора ѣдкой щелочи (ѣдкаго натра) при дѣйствіи на него металлическаго аллюминія, причемъ для полученія 1 куб. метра водорода требуется всего лишь 3 килограмма названныхъ матеріаловъ, тогда какъ при кислотномъ способѣ для этого нужно 14 килограммовъ соотвѣтствующихъ матеріаловъ. Кромѣ того, перевозка щелочи (въ сухомъ видѣ) несравненно болѣе удобна и безопасна, чѣмъ перевозка сѣрной кислоты (въ стеклянныхъ бутыляхъ).

Глава IV.

Успѣхи въ области управляемыхъ воздухоплавательныхъ приборовъ (аэростатическихъ и динамическихъ) за послѣднія 30 лѣтъ.

Сущность задачи управляемаго аэростата. — Попытки рѣшенія этой задачи, сдѣланныя со времени опытовъ Жиффара. — Управляемые аэростаты Дюпюи де-Лома, Хэнлейна, братьевъ Тиссандье, Ренара и Кребса, Шварца, Вельферта, графа Цепелина, Сантосъ-Дюмона, Северо, Брадскаго и Лебоди.—Управляемые воздухоплавательные приборы смѣшаннаго типа (аппаратъ доктора Даниевскаго).—Динамическое воздухоплаваніе и его задачи.—Летающіе люди: Лиліенталь, Ченетъ и др. — Летательныя машины Трувэ, Татэна, Форланини, Филлипса Мэксима, Ланглея и др. — Заключеніе.

Въ историческомъ очеркѣ воздухоплаванія мы познакомились съ попытками разрѣшить проблему воздушной навигаціи, которыя были сдѣланы до второй половины прошлаго столѣтія. Мы видѣли, что, въ концѣ концовъ, проблема эта стала разрабатываться въ двухъ совершенно различныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны, сторонники аэростатическаго воздухоплаванія видѣли единственную возможность ея рѣшенія въ управляемыхъ воздушныхъ шарахъ и въ эту сторону направили всѣ свои усилія; съ другой стороны противники аэростатовъ, авіаторы, считая аэростаты совершенно непригодными для практическаго рѣшенія задачи, находили, что послѣдняя можетъ быть разрѣшена не иначе, какъ динамическимъ путемъ, т.-е. при помощи приборовъ, болѣе тяжелыхъ, нежели воздухъ («plus lourds que l'air»), которые должны удерживаться въ воздухѣ или благодаря наклоннымъ поверхностямъ, расположеннымъ извѣстнымъ образомъ (аэропланы) или посредствомъ вращенія горизонтальныхъ лопастныхъ винтовъ (геликоптеры), причемъ въ томъ и другомъ случаѣ поступательное движеніе прибору сообщается особымъ пропеллеромъ, вращающимся при помощи сильныхъ и легкихъ двигателей.

Въ настоящей главѣ мы постараемся дать обзоръ важнѣйшихъ успѣховъ, достигнутыхъ за послѣднія 30 лѣтъ въ области управляемыхъ воздухоплавательныхъ приборовъ аэростатическихъ и динамическихъ. Прежде чѣмъ перейти къ описанію приборовъ перваго типа, появившихся со времени знаменитыхъ опытовъ Жиффара, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ сущностью задачи управляемыхъ аэростатовъ и тѣми техническими трудностями, съ которыми приходится считаться изобрѣтателямъ при ея разрѣшеніи.

По Ренару, сущность этой задачи сводится, въ общемъ, къ слѣдующему *):

*) Нижеслѣдующія строки, заимствованныя нами изъ книги Lecornu: „La navigation aérienne" (стр. 334 и слѣд.), представляютъ резюме публичной лекціи Ренара, прочтенной имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ. Необыкно-

«Плавающій въ воздухѣ воздушный шаръ находится въ столь же неустойчивомъ равновѣсіи, какъ плавающій подъ водою поплавокъ: малѣйшій излишекъ груза заставитъ послѣдній опуститься на дно; наоборотъ, при малѣйшемъ облегченіи его, онъ всплыветъ на поверхность воды.

То же самое наблюдается и съ воздушнымъ шаромъ, который, какъ мы знаемъ, можетъ держаться въ воздухѣ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, лишь на счетъ безпрерывной траты газа и балласта; понятно, что продолжительность подъема при такихъ условіяхъ является неизбѣжно ограниченной. Поэтому, чтобы рѣшить проблему воздушной навигаціи при помощи аэростатовъ необходимо прежде всего устранить «вертикальную неустойчивость» аэростата. Далѣе, если мы представимъ себѣ обыкновенный аэростатъ въ устойчивомъ равновѣсіи и въ абсолютно спокойномъ воздухѣ, то очевидно, что въ этомъ случаѣ мы можемъ сообщить аэростату поступательное движеніе и управлять имъ при ничтожной затратѣ усилій, что̀, какъ намъ извѣстно и было достигнуто уже первыми экспериментаторами (Гюйтонъ де-Морво въ 1784 г., Альбанъ и Валле въ 1785 г. и др.); понятно также, что дѣйствіе пропеллера будетъ энергичнѣе если вмѣсто сферической формы, представляющей громадную поверхность для сопротивленія воздуха, мы придадимъ аэростату удлиненную форму или, какъ говорятъ довольно удачно,—*форму рыбы*. Такимъ образомъ, мы можемъ опредѣлить управляемый воздушный шаръ какъ аэростатъ, имѣющій удлиненную форму и снабженный пропеллеромъ и рулемъ.

Но здѣсь возникаетъ новое затрудненіе, «продольная неустойчивость» аэростата. Дѣло въ томъ, что когда оболочка аэростата подъ вліяніемъ сжатія газа или вслѣдствіе потери его, дѣлается менѣе упругой, то при малѣйшемъ наклонѣ ея впередъ или назадъ, газъ устремится въ приподнятый конецъ и начнетъ поднимать его все выше и выше; благодаря этому, удлиненный аэростатъ можно сравнить съ коромысломъ вѣсовъ, въ центрѣ котораго мы помѣстили бы грузъ, могущій свободно скользить по коромыслу; при малѣйшемъ наклоненіи коромысла въ какую-нибудь сторону, грузъ тотчасъ же сдвинется въ эту сторону и будетъ наклонять коромысло до тѣхъ поръ, пока оно не приметъ вертикальнаго положенія. Это именно и случилось съ аэростатомъ Жиффара при опытѣ въ 1853 году, когда во время спуска аэростата оболочка до того накренилась, что въ моментъ прикосновенія къ землѣ челнока выскользнула изъ сѣтки и разорвалась надвое. Чтобы устранить этотъ важный недостатокъ, Дюпюи де-Ломъ первый воспользовался идеей генерала Менье, помѣстивъ внутри оболочки своего аэростата наполненный воздухомъ баллонетъ-компенсаторъ, благодаря которому оболочка сохраняла все время свою первоначальную упругость. Для этой же цѣли имъ былъ придуманъ и особый способъ подвѣски челнока, который прикрѣплялся къ шару посредствомъ системы треугольныхъ сѣтокъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что для того, чтобы сдѣлать воздушный шаръ управляемымъ, необходимо: 1) придать ему удлиненную или рыбообразную форму, 2) обезпечить неизмѣняемость этой

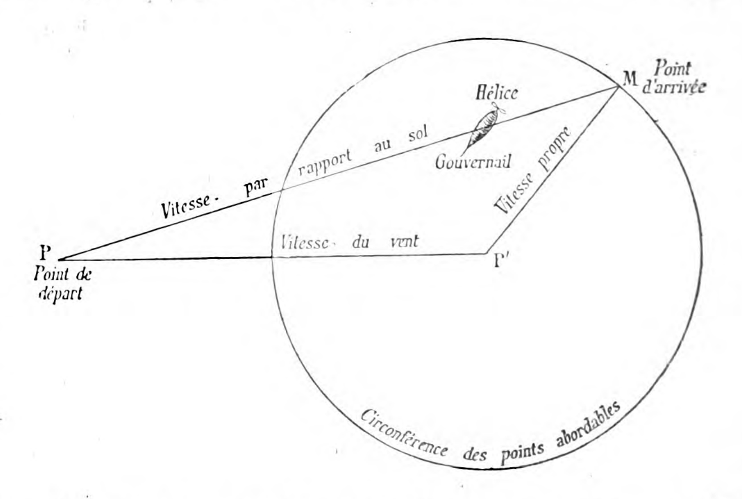
чайно простая и ясная формулировка задачи управляемыхъ аэростатовъ, которую далъ въ этой лекціи Ренаръ, представляетъ тѣмъ большій интересъ, что она принадлежитъ наиболѣе компетентному въ этомъ вопросѣ спеціалисту, изобрѣтателю замѣчательнаго управляемаго аэростата „La France“.

формы съ помощью баллонета Менье, 3) соединить прочно челнокъ съ шаромъ посредствомъ системы треугольной подвѣски, 4) снабдить его пропеллеромъ (винтовымъ или другимъ), который приводился бы въ движеніе сильнымъ, но въ то же время возможно болѣе легкимъ двигателемъ и, наконецъ, 5) снабдить его рулемъ, при помощи котораго можно было бы по желанію измѣнять направленіе полета. Повидимому, нѣтъ ничего проще, какъ конструировать подобный аэростатъ, но это только повидимому. До сихъ поръ мы предполагали, что нашъ аэростатъ будетъ двигаться въ совершенно спокойномъ воздухѣ При этомъ условіи мы дѣйствительно можемъ заставить его перемѣщаться по нашему желанію и вернуться безъ особеннаго затрудненія къ исходной точкѣ, со скоростью, какую сообщитъ аэростату толкающій его винтъ. Но на практикѣ намъ придется считаться со скоростью движенія воздуха, въ которомъ мы будемъ управлять нашимъ аэростатомъ и который, какъ извѣстно, никогда не бываетъ абсолютно спокойнымъ, а наоборотъ, движется очень часто съ значительной скоростью. Смотря по тому, будетъ ли эта скорость меньше, равна или больше скорости движенія нашего аэростата, будетъ зависѣть и степень управляемости послѣдняго; въ первомъ случаѣ онъ будетъ вполнѣ подчиняться нашей волѣ, во второмъ лишь отчасти и, наконецъ, въ третьемъ онъ сдѣлается игрушкой вѣтра. Такимъ образомъ, необходимо различать «собственную скорость» аэростата, т.-е. скорость какую сообщаетъ ему двигающій его механизмъ, отъ его «истинной скорости» (vitesse réelle), т.-е. скорости перемѣщенія его относительно земли; эта послѣдняя есть результатъ взаимодѣйствія скорости вѣтра и собственной скорости аэростата. Чтобы лучше уяснить себѣ это основное положеніе теоріи управляемыхъ аэростатовъ, представимъ себѣ два аэростата, помѣщенныхъ рядомъ въ совершенно спокойной атмосферѣ, одинъ—обыкновенный и остающійся на одномъ мѣстѣ другой—управляемый и движущійся по прямой линіи отъ перваго съ нѣкоторою собственною скоростью, которую мы назовемъ v; по прошествіи одного часа оба аэростата будутъ находиться другъ отъ друга на разстояніи v километровъ, равномъ именно скорости управляемаго аэростата. Ясно, что каково бы ни было принятое управляемымъ аэростатомъ направленіе, по прошествіи одного часа онъ всегда будетъ находиться на разстояніи v отъ перваго. Выражая это въ болѣе общей формѣ, мы можемъ сказать, что по истеченіи означеннаго промежутка времени аэростатъ нашъ будетъ находиться въ одной изъ точекъ окружности, описанной вокругъ неподвижнаго аэростата, какъ центра, радіусомъ, равнымъ его собственной скорости.

Предположимъ далѣе, что нашъ гипотетическій опытъ происходилъ при вѣтрѣ, дующемъ со скоростью V километровъ въ часъ. Ясно, что обыкновенный аэростатъ, который въ началѣ опыта находился вмѣстѣ съ управляемымъ аэростатомъ въ точкѣ P (см. фиг. 103), по прошествіи часа очутится въ P′, причемъ разстояніе PP′ будетъ равно скорости вѣтра V. При тѣхъ же условіяхъ управляемый аэростатъ, благодаря собственной скорости v, по прошествіи одного часа будетъ находиться, согласно вышесказанному, на окружности, описанной вокругъ P′ радіусомъ v, напримѣръ, въ точкѣ M. Истинное разстояніе, пройденное имъ, будетъ равно PM, прямой, выражающей въ то же время «скорость аэростата по отношенію къ землѣ». Окружность, на которой будетъ находиться аэростатъ, носитъ названіе «окружности доступныхъ точекъ» (le cercle des points abordables).

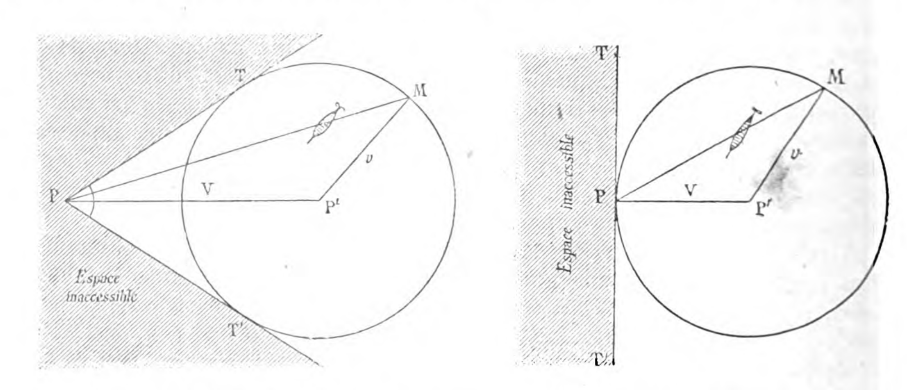
Послѣ сказаннаго, намъ уже не трудно понять слѣдующіе три случая возможныхъ соотношеній скоростей.

1-й случай. Скорость вѣтра больше собственной скорости: V>v (фиг. 104). Окружность доступныхъ точекъ будетъ заключена въ этомъ случаѣ между сторонами угла, образуемаго касательными, проведенными изъ точки P къ этой окружности; этотъ уголъ составляетъ то, что называютъ «доступнымъ угломъ», такъ какъ все остальное про-

Фиг. 103. PM—„истинная скорость“ движенія аэростата; P'M—его собственная скорость. PP'—скорость вѣтра.

странство внѣ этого угла при данныхъ условіяхъ не можетъ быть достигнуто управляемымъ аэростатомъ при помощи собственной скорости, которая недостаточна для борьбы со скоростью вѣтра.

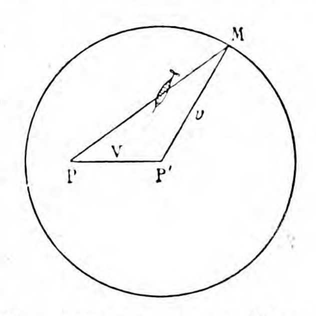

Фиг. 104. 1-й случай: V>v. Фиг. 105. 2-й случай: V=v.

2-й случай. Скорость вѣтра равна собственной скорости аэростата: V=v (фиг. 105). Въ этомъ случаѣ изъ точки P нельзя провести больше одной касательной, такъ какъ, въ виду равенства обѣихъ скоростей, доступная окружность будетъ проходить черезъ точку P. Управляемый аэростатъ можетъ при этомъ достичь какой угодно

точки, лежащей направо отъ касательной, но ему никогда не удастся очутиться по лѣвую сторону отъ нея; доступный уголъ становится при этомъ равнымъ двумъ прямымъ угламъ, а все пространство — раздѣлится на два равныхъ пояса, изъ которыхъ лишь одинъ будетъ доступенъ для полета нашего аэростата.

3-й случай. Собственная скорость аэростата превышаетъ скорость вѣтра: $V<v$ (фиг 106). При этомъ благопріятномъ предположеніи ясно, что управляемый аэростатъ можетъ перемѣщаться въ какомъ угодно направленіи и вернуться къ точкѣ отправленія, такъ какъ точка P будетъ находиться въ этомъ случаѣ внутри доступной окружности. Въ этомъ случаѣ, но только лишь въ этомъ, нашъ аэростатъ будетъ дѣйствительно управляемымъ. Однако, такъ ли это? Не будетъ ли онъ, наоборотъ, столь же мало управляемымъ, какъ во второмъ или въ первомъ случаѣ? Вѣдь его свойства будутъ тѣ же, что въ предыдущихъ случаяхъ; измѣняются лишь внѣшнія обстоятельства—скорость, сила вѣтра. Этотъ послѣдній случай уясняетъ намъ, въ чемъ заключается преимущество одного управляемаго аэростата передъ другимъ, предполагая, что условія устойчивости, прочность подвѣски и проч. одинаково хорошо выполнены какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Единственное дѣйстнительное преимущество заключается въ «собственной скорости», которою одушевленъ управляемый аэростатъ.

Фиг. 106. 3-й случай: $V<v$.

Такимъ образомъ аэростатъ, который, обладая собственной скоростью въ 6 метровъ при вѣтрѣ въ 2 или 3 метра въ секунду, обогнулъ бы, напримѣръ, Эйфелеву башню и вернулся бы къ своей исходной точкѣ, будетъ несравненно менѣе совершеннымъ, нежели аэростатъ, который, борясь съ вѣтромъ, дующимъ со скоростью 30-ти метровъ въ секунду, будетъ перемѣщаться по направленію этого вѣтра со скоростью 10-ти метровъ въ секунду. Но первый, функціонируя въ относительно спокойномъ воздухѣ, возвратится къ своей исходной точкѣ и тѣмъ привлечетъ вниманіе толпы, тогда какъ второй, не смотря на свое несомнѣнное превосходство, вызоветъ лишь насмѣшки со стороны этой толпы. Поэтому единственнымъ правильнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ управляемаго аэростата должна быть его собственная скорость, предполагая, конечно, что при этомъ выполнены и всѣ остальныя условія конструкціи такого аэростата».

Такова сущность проблемы управляемыхъ воздушныхъ шаровъ. Познакомимся теперь съ попытками рѣшенія этой проблемы, которыя были сдѣланы за послѣднія 30 лѣтъ, т.-е. начиная съ опытовъ Дюпюи-де-Лома и до 1904 года.

Инженеръ-судостроитель и членъ французской академіи Шарль Дюпюи-де-Ломъ (Dupuy-de-Lôme) получилъ громкую извѣстность, какъ изобрѣтатель быстроходныхъ броненосцевъ. Во время осады Парижа Дюпюи-де-Лому, въ качествѣ члена комитета національной обороны, между прочимъ, пришлось разсматривать проекты управляемыхъ аэростатовъ, которые должны были доставить Парижу возможность правильныхъ сообщеній съ провинціей. Находя большинство этихъ проектовъ нелѣпыми, Дюпюи-де-Ломъ занялся разработкой собственнаго проекта и вскорѣ представилъ его въ академію наукъ. Академія одобрила

проектъ *), и правительство національной обороны ассигновало на его выполненіе 40.000 франковъ.

Дюпюи-де Ломъ поспѣшно принялся за работу. Но за это время обстоятельства, которыми было вызвано сооруженіе аэростата, успѣли измѣниться: вскорѣ произошла капитуляція Парижа и былъ подписанъ договоръ о перемиріи. Поэтому съ испытаніемъ аэростата не торопились и оно состоялось лишь въ февралѣ 1872 г.

По своей формѣ аэростатъ Дюпюи-де-Лома (см. рис. 107) напоминалъ аэростатъ Жиффара. Оболочка его могла вмѣстить 3.454 куб. метровъ газа, причемъ $^1/_{10}$ ея объема занималъ баллонетъ-компенсаторъ, который долженъ былъ обезпечивать аэростату неизмѣняемость его формы. Винтовой пропеллеръ находился на оси, лежащей на 20

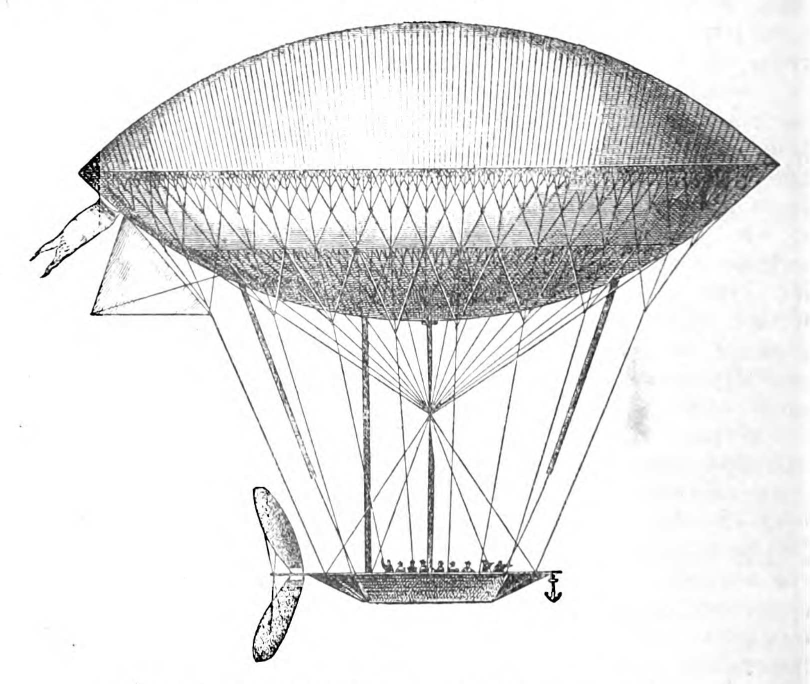

Рис. 107. Управляемый аэростатъ Дюпюи-де-Лома.

метровъ ниже продольной оси аэростата, и имѣлъ 9 метровъ въ діаметрѣ, при длинѣ винтового хода въ 8 метровъ. Онъ приводился въ движеніе (со скоростью 21 оборота въ минуту) при помощи ворота, который должны были вращать 8 человѣкъ спеціальнаго экипажа. Несомнѣнно, что замѣна парового двигателя Жиффара человѣческою силою не составляла шага впередъ въ техникѣ управляемыхъ аэроста-

*) Хотя проектъ Дюпюи-де-Лома и не встрѣтилъ сочувствія со стороны спеціалистовъ. Не говоря уже о рѣзкомъ протестѣ Надара, который, въ качествѣ убѣжденнаго авіатора, не хотѣлъ допустить, „чтобы какое бы то ни было правительство могло бросать народныя деньги на безсмысленное сооруженіе новаго шара-рыбы“, сторонники аэростатическаго воздухоплаванія упрекали Д. де-Лома въ томъ, что онъ не желалъ считаться съ предшествующими работами, и послѣ знаменитаго парового аэростата Жиффара, примѣнилъ въ качествѣ двигателя человѣческую силу.

товъ, но Дюпюи-де-Ломъ остановился на этомъ способѣ въ видахъ устраненія опасности взрыва. Съ другой стороны, въ его аэростатѣ было одно серьезное преимущество передъ аэростатомъ его знаменитаго предшественника, а именно особый способъ подвѣски челнока, обезпечивавшій послѣднему совершенную устойчивость и, такъ сказать, солидарность его съ аэростатомъ. Способъ подвѣски, придуманный Дюпюи-де-Ломомъ, признается спеціалистами какъ рѣшеніе этой части проблемы.

Испытаніе аэростата было произведено 2-го февраля 1872 г. въ Венсенскомъ фортѣ. На аэростатѣ поднялись Дюпюи-де-Ломъ, морской офицеръ Зеде, извѣстный воздухоплаватель и конструкторъ воздушныхъ шаровъ Габріель Іонъ и 11 человѣкъ рабочихъ, которые должны были вращать пропеллеръ. Въ виду того, что во время опыта дулъ вѣтеръ со скоростью 15 метровъ въ секунду, собственная же скорость аэростата не превышала 2,8 метра, результаты опыта не могли быть особенно утѣшительными, хотя эксперементаторамъ удавалось все таки отклонять полетъ отъ линіи вѣтра почти на 12°. За то устойчивость воздушнаго судна не оставляла желать лучшаго и спускъ совершился совершенно спокойно, не смотря на сильный вѣтеръ. «Можно сказать съ увѣренностью.—говоритъ Лекорню,—что если бы Дюпюи-де-Ломъ располагалъ помѣщеніемъ, которое давало бы ему возможность держать свой аэростатъ готовымъ для опытовъ въ любой моментъ, то, выбравъ совершенно спокойную погоду, онъ могъ бы даже съ этой слабой скоростью (въ 2,8 метра въ секунду) лавировать на немъ по всѣмъ направленіямъ и возвратиться къ исходной точкѣ. И хотя его опытъ надѣлалъ бы въ этомъ случаѣ далеко больше шуму, и печать возвѣстила бы, что имъ найденъ способъ управленія воздушными шарами, но въ дѣйствительности онъ сдѣлалъ бы не больше того, что сдѣлалъ 2-го февраля 1872 г., достигнувъ собственной скорости въ 2,8 м.». Д. де-Ломъ намѣревался продолжать опыты со своимъ аэростатомъ, замѣнивъ въ немъ ручную силу паровымъ двигателемъ, однако, послѣ 1872 г. онъ уже больше къ нимъ не возвращался. Впослѣдствіи, какъ говорятъ, Дюпюи-де-Ломъ пришелъ къ убѣжденію въ невозможности разрѣшить проблему воздушной навигаціи иначе, какъ при помощи аппаратовъ тяжелѣе воздуха. Въ сущности, къ такому же заключенію пришелъ и Жиффаръ, который совершенно резонно полагалъ, что сила, затраченная на развитіе собственной скорости аэростата, превышающей 12 метровъ въ секунду, была бы уже достаточна для поддержанія въ воздухѣ аппарата болѣе тяжелаго, чѣмъ воздухъ.

Почти одновременно съ опытами Дюпюи де-Лома во Франціи, интересные опыты управленія аэростатомъ были произведены австрійцемъ Хэнлейномъ (Haenlein) въ моравскомъ городѣ Брюннѣ (въ Австріи). Интересъ попытки Хэнлейна заключался, главнымъ образомъ, въ томъ, что винтовые пропеллеры его аэростата вращались при помощи газоваго двигателя, причемъ газъ (свѣтильный) брался изъ самаго аэростата. Аэростатъ имѣлъ форму длиннаго цилиндра (50,4 м. въ длину и 9,2 м. въ діаметрѣ) съ конусообразными концами и могъ вмѣщать до 2.400 куб. метровъ газа. Четырехъ-цилиндровый газовый двигатель развивалъ 3,6 лошадиныхъ силы. Первый опытъ подъема не совсѣмъ удался, такъ, какъ подъемная сила аэростата оказалась недостаточной. Второй опытъ, при которомъ грузъ аэростата былъ значительно облегченъ, былъ удачнѣе: собственная скорость

аэростата достигала въ среднемъ 1,3 метра въ секунду, причемъ получалась возможность поворачивать аэростатъ и отклонять его полетъ отъ линіи вѣтра.

Въ началѣ 80-хъ годовъ вопросъ объ управленіи воздушными шарами вступаетъ въ новую фазу развитія. Именно въ 1883 г. братьями Альбертомъ и Гастономъ Тиссандье были произведены первые опыты примѣненія къ аэростатамъ электрическихъ двигателей. Еще въ 1881 году братья Тиссандье построили для парижской электрической выставки небольшую модель электрическаго аэростата. Модель дѣйствовала отлично, и Тиссандье, ободренные успѣхомъ, приступили къ по-

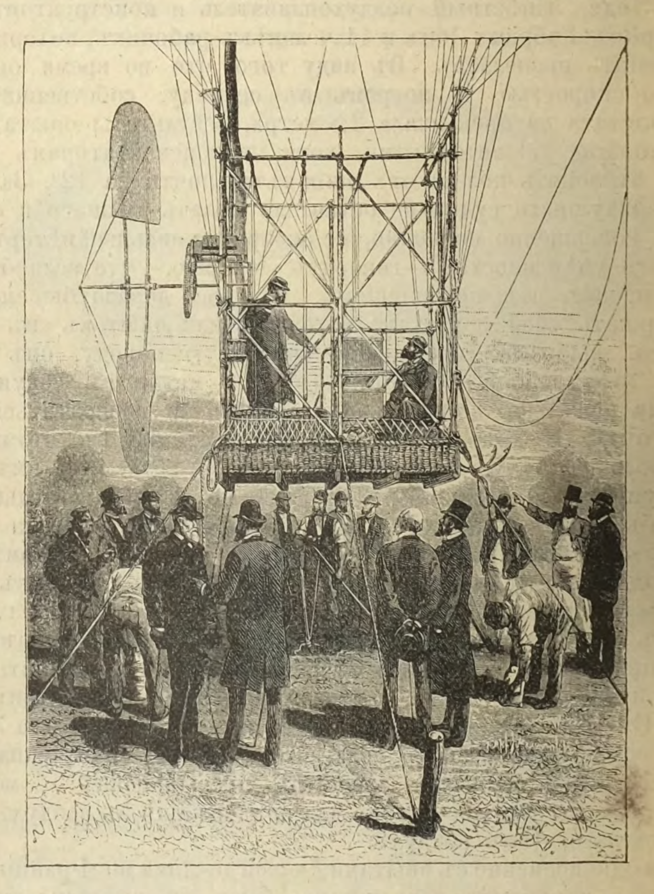

Рис. 108. Корзина управляемаго аэростата братьевъ Тиссандье.

стройкѣ большого аэростата. Аэростатъ Тиссандье, напоминавшій по формѣ аэростаты Дюпюи де-Лома и Жиффара, имѣлъ 28 метровъ въ длину при діаметрѣ въ 9 метровъ въ наибольшемъ сѣченіи; оболочка его могла вмѣщать 1.060 куб. метровъ газа и наполнялась водородомъ. Челнокомъ служила изящно сдѣланная клѣтка изъ бамбука, скрѣпленнаго въ соединеніяхъ мѣдной проволокой. Клѣтка эта, для приданія ей большей устойчивости, была подвѣшена при помощи особой системы привязей (см. рис. 108) и находилась на довольно большомъ разстояніи отъ аэростата. Винтовой пропеллеръ (3 метра въ діаметрѣ) вращался при помощи электромотора Сименса въ 1½ лоша-

диныхъ силы, причемъ двигательная сила получалась отъ батареи изъ элементовъ съ двухромовокаліевой солью. При этихъ условіяхъ винтъ могъ дѣлать отъ 12 до 200 оборотовъ въ минуту.

Первый опытъ съ этимъ аэростатомъ былъ произведенъ въ октябрѣ 1883 г. Аэростатъ, на которомъ поднялись оба брата, могъ лишь держаться противъ вѣтра, но не двигался впередъ. При движеніи же по вѣтру, который дулъ въ этотъ день со скоростью 3 метровъ въ секунду, скорость хода почти удвоивалась. Отсюда слѣдуетъ, что собственная скорость аэростата была равна также 3 метрамъ, т.-е. 10 километрамъ въ часъ. Спускъ произошелъ безъ малѣйшихъ затрудненій. Сдѣлавъ затѣмъ нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ руля, который дѣйствовалъ не вполнѣ исправно во время перваго подъема, бр. Тиссандье, въ ноябрѣ того же года повторили опытъ со своимъ аэростатомъ. На этотъ разъ собственная скорость аэростата достигала

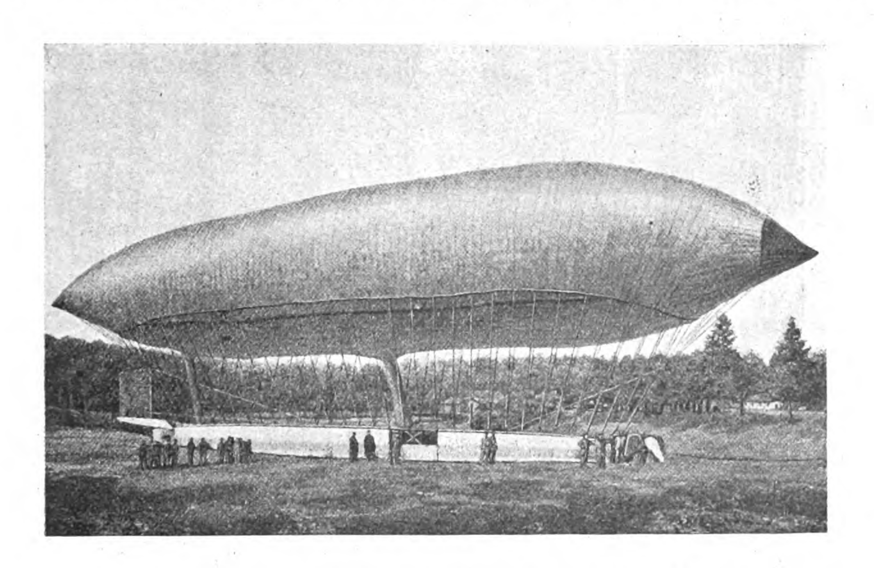

Рис. 109. Управляемый аэростатъ Ренара и Кребса „La France".

4 метровъ въ секунду при максимальномъ количествѣ (200 въ секунду) оборотовъ пропеллера. Такъ какъ скорость вѣтра была почти та же, что и при первомъ опытѣ (3 метра), то у воздухоплавателей получалась возможность двигаться противъ вѣтра, и дѣйствительно, лавируя надъ лѣвобережною частью Парижа, они два раза описали въ воздухѣ полуокружности, и слѣдовательно могли двигаться нѣкоторое время противъ вѣтра.

Съ несравненно бо́льшимъ успѣхомъ, нежели сами Тиссандье, ихъ идеей воспользовались представители французскаго военнаго воздухоплаванія Шарль Ренаръ и Артуръ Кребсъ. Ученые офицеры эти уже нѣсколько лѣтъ работали надъ проектомъ управляемаго воздушнаго шара. располагая огромными денежными средствами, отпущенными для этой цѣли военнымъ министерствомъ. Работы держались въ строгомъ секретѣ, такъ какъ результатами ихъ предполагалось воспользоваться прежде всего для военныхъ цѣлей. Въ 1884 г. Ренаръ и Кребсъ закончили постройку своего аэростата, а 9-го августа того же года состоялось

первое испытаніе его. «La France» — такъ назывался аэростатъ Ренара и Кребса — имѣлъ форму сигары (см. рис. 109), которая должна была двигаться толстымъ концомъ впередъ. Преимущество такой формы заключалось въ томъ, что при ней отношеніе между подъемной силой аэростата и его поперечнымъ сѣченіемъ оказывалось наиболѣе благопріятнымъ. При длинѣ въ 50,42 м. и наибольшемъ діаметрѣ въ 8,4 м. аэростатъ могъ вмѣщать 1864 к. м. газа и напол-

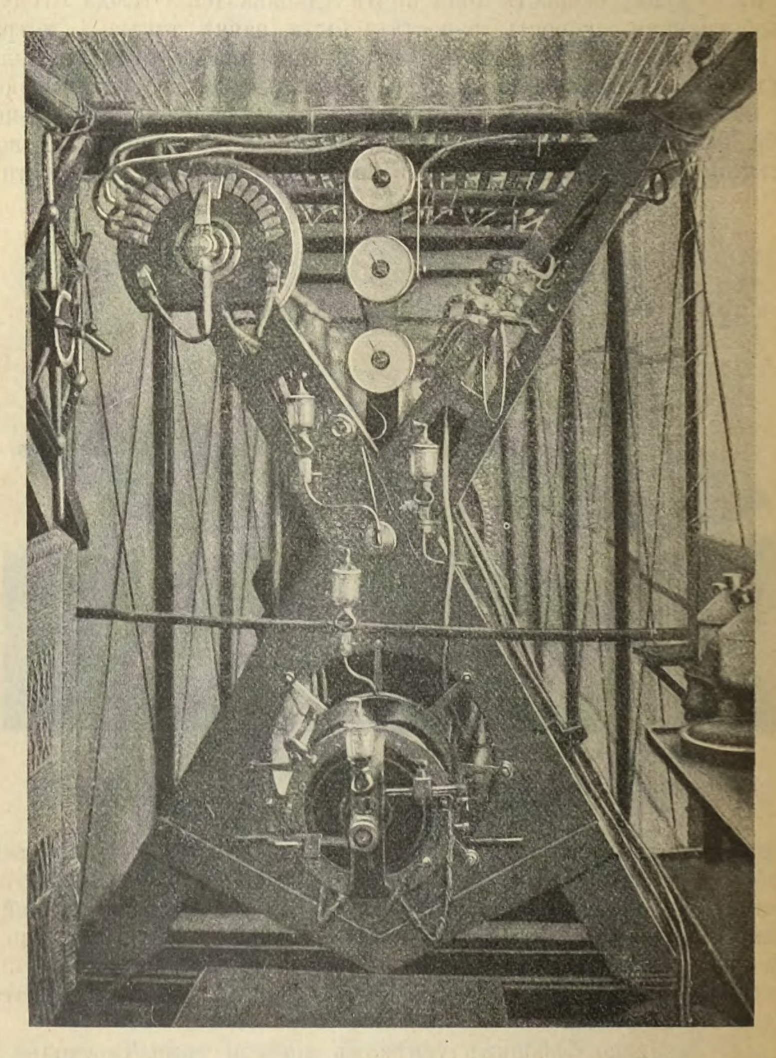

Рис. 110. Внутренній видъ челнока аэростата „La France" (Внизу—динамо-машина; вверху—приборы для измѣреній; вверху налѣво—коммутаторъ).

нялся водородомъ, причемъ подъемная сила его равнялась 2.200 килограммамъ. Неизмѣняемость формы оболочки обезпечивалась воздушнымъ баллонетомъ, который былъ заключенъ внутри оболочки и накачивался воздухомъ при помощи рукава, спускавшагося въ челнокъ аэростата. Оболочка, за исключеніемъ ея нижней части, была покрыта чехломъ, къ которому собственно и прикрѣпляли челнокъ. Послѣдній былъ сдѣ-

ланъ изъ крѣпкихъ бамбуковыхъ жердей, соединенныхъ поперечными стойками, и обтянутъ по бокамъ китайскимъ шелкомъ. Три боковыхъ отверстія устроенныхъ по серединѣ челнока позволяли воздухоплавателямъ обозрѣвать горизонтъ и слѣдить за движеніями аэростата. Поступательное движеніе послѣднему сообщалось винтовымъ пропеллеромъ, который, вопреки установившимися традиціямъ, помѣщался впереди, а не позади челнока. Такое расположеніе пропеллера значительно облегчало дѣйствіе руля, хотя, съ другой стороны, и увеличивало нѣсколько работу, затрачиваемую на предоленіе сопротивленія воздуха. Двигателемъ служила небольшая динамомашина Граама въ 9 лошадиныхъ силъ. Машина эта питалась гальванической батареей, устройство которой втеченіе долгаго времени оставалось секретомъ. Въ настоящее время извѣстно, что батарея состояла изъ 40 элементовъ со смѣсью хромовой и соляной кислоты, причемъ положительнымъ электродомъ служила трубка изъ платинированнаго серебра, а отрицательнымъ цинковый стержень. Такая батарея давала токъ огромной силы, по сравненію съ ея вѣсомъ.

Первый опытъ, какъ мы уже сказали, состоялся 9-го августа 1884 г. и продолжался всего 23 минуты. Въ теченіе этого времени экспериментаторы (Ренаръ и Кребсъ), поднявшись изъ Медонскаго воздухоплавательнаго парка, описали въ воздухѣ эллиптическую кривую въ 8 километровъ и вернулись какъ разъ къ точкѣ своего отправленія. Въ исторіи аэростатическаго воздухоплаванія это былъ первый случай, когда «управляемый аэростатъ» оказался способнымъ выполнить основное требованіе, предъявляемое къ приборамъ этого рода—возвратиться къ исходной точкѣ. Неудивительно поэтому, что впечатлѣніе, произведенное этимъ полетомъ, было громадно. На другой же день во всѣхъ французскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что французскимъ военнымъ воздухоплавателямъ удалось, наконецъ, окончательно разрѣшить вопросъ объ управленіи аэростатами. Извѣстіе это было подхвачено европейскою печатью, которою оно обсуждалось, главнымъ образомъ, со стороны его военно-политическаго значенія.

Мѣсяцъ спустя послѣдовалъ второй опытъ съ «La France», но онъ оказался значительно менѣе удачнымъ. На этотъ разъ дулъ довольно свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ, и когда, пройдя нѣкоторое время по вѣтру воздухоплаватели повернули аэростатъ, чтобы идти обратно, у него не хватило силъ для борьбы съ вѣтромъ такъ что въ теченіе 10 минутъ аэростатъ оставался въ воздухѣ неподвижнымъ. Желая во что бы то ни стало возвратится въ Медонъ, Ренаръ пустилъ въ дѣйствіе всѣ элементы батареи. Аэростатъ началъ двигаться впередъ, но въ это время электромоторъ отъ дѣйствія слишкомъ напряженнаго тока нагрѣлся до такой степени, что началъ дымиться. Воздухоплаватели принуждены были замкнуть токъ и спустились въ Велизи, въ 5 километрахъ отъ Медона. Эта неудача въ значительной степени охладила энтузіазмъ, съ которымъ было встрѣчено извѣстіе о первомъ опытѣ Ренара и Кребса, но затѣмъ послѣдовало еще 5 опытовъ, изъ которыхъ четыре оказались столь же удачными, какъ и первый, и лишь въ одномъ случаѣ (25 го августа 1885 г.) аэростатъ не могъ возвратиться къ мѣсту отправленія. такъ какъ скорость вѣтра въ этотъ день (7 м. въ секунду) превышала собственную скорость аэростата, достигавшую 6-ти метровъ въ секунду. Несмотря на видимый успѣхъ этихъ опытовъ, изобрѣтатели аэростата заявили, что они далеки отъ того, чтобы удовлетвориться достигнутыми результатами, которые на-

противъ, показали, что электрическіе двигатели, при современномъ состояніи электротехники, для управленія аэростатомъ совершенно не пригодны. Въ самомъ дѣлѣ, по произведеннымъ ими разсчетамъ оказалось, что для того, чтобы сообщить необходимую аэростату минимальную скорость въ 10 м. въ секунду, или 36 километровъ въ часъ, требовалась батарея въ 1.000 килогр. вѣсомъ, которая могла бы питать электромоторъ въ 20 лош. силъ, причемъ, послѣ часового дѣйствія, батарея все-таки оказалась бы неспособной къ дальнѣйшей работѣ. При такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о практическомъ разрѣшеніи проблемы. Успѣху опытовъ Ренара и Кребса въ значительной степени способствовало то обстоятельство, что они располагали спеціальнымъ помѣщеніемъ, въ которомъ ихъ аэростатъ хранился всегда готовымъ для опытовъ, и слѣдовательно, могли выжидать благопріятный моментъ для полета. Несомнѣнно однако, что результаты, достигнутые Ренаромъ и Кребсомъ составляютъ дѣйствительный шагъ впередъ

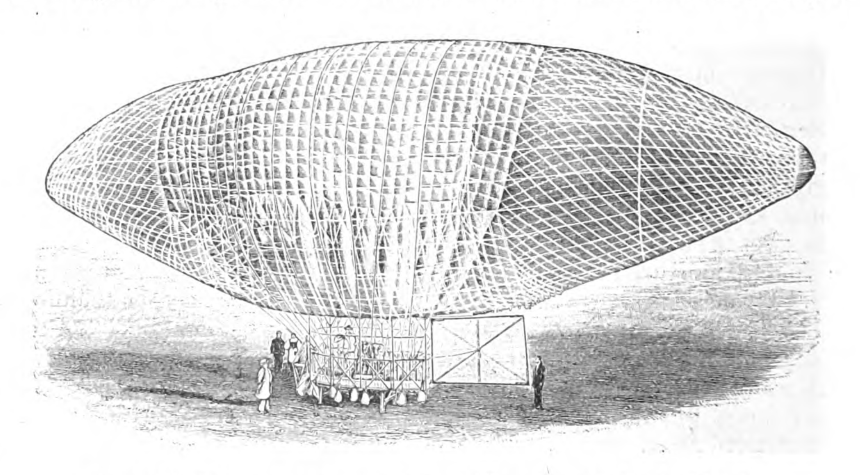

Рис. 111. Управляемый аэростатъ Вельферта „Deutschland".

на пути къ разрѣшенію вопроса объ управленіи аэростатомъ и что работы ихъ въ этой области являются наиболѣе значительными послѣ работъ знаменитаго Жиффара. Прибавимъ къ этому, что Ренаръ и до сихъ поръ продолжаетъ работать надъ управляемымъ аэростатомъ.

Усовершенствованія въ конструкціи легкихъ бензинныхъ и керосиновыхъ двигателей, которые, начиная съ 80-хъ годовъ, стали находить широкое примѣненіе въ промышленной техникѣ, естественно должны были вызвать попытки примѣненія ихъ къ управленію аэростатами. Первая попытка этого рода, предпринятая въ 1897 г. Вельфертомъ, имѣла трагическій исходъ для ея автора.

Теологъ по образованію, Вельфертъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ заинтересовался вопросомъ объ управленіи воздушными шарами и съ тѣхъ поръ не переставалъ работать надъ проектомъ придуманнаго имъ управляемаго аэростата.

Послѣ длиннаго ряда неудачныхъ опытовъ, окончательно разорившихъ Вельферта, ему удалось, наконецъ, осуществить свой проектъ при помощи организованнаго имъ акціонернаго общества, главнымъ акціонеромъ котораго, какъ говорятъ, былъ Вильгельмъ II. Существенной особенностью аэростата Вельферта являлся легкій керосиновый

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117734316